МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Прокудин Борис Александрович

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

5.5.1 – История и теория политики
(исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ТОМ I

Научный консультант:
д.полит.н., проф. А.А. Ширинянц

Москва – 2023

Оглавление

ТОМ I

Введение……..4

Глава I. Историко-методологические основания исследования общественных идеалов в русской художественной литературе…….28
§ 1. Теоретико-методологические основы исследования……..28
§ 2. Специфика историко-политологического анализа общественных идеалов в русской художественной литературе……..……....58
§ 3. Исторические этапы политизации русской художественной литературы…….……...86
Выводы главы……..120

Глава II. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.)……....124
§ 1. Первый «политический» роман в России: А.И. Герцен. «Кто виноват?» (1846–1847)……..……124
§ 2. Общественный идеал рассказах И.С. Тургенева (1852) ..…….....155
§ 3. Общественный идеал в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова (1856)….....184
§ 4. Общественный идеал в романе А.И. Гончарова «Обломов» (1859)……212
Выводы главы……..237

ТОМ II

Глава III. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода проведения Великих реформ (1861–1866 гг.)……..…….3
§ 1. Повести Н.Г. Помяловского «Молотов», «Мещанское счастье» (1861) как художественное осмысление формирования самосознания разночинцев .……..3
§ 2. Элементы общественного идеала в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862)……...……..….....26
§ 3. Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863)…….…….....55
§ 4. Черты общественного идеала в «антинигилистических» романах Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870)…….....92
Выводы главы……..125

Глава IV. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода окончания Великих реформ (1866–1881 гг.)……..…….……132
§ 1. Черты общественных идеалов в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867)……..…….....132
§ 2. Черты общественных идеалов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872)…….…170
§ 3. Черты общественных идеалов в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877) и «Воскресение» (1899)…….…….197
Выводы главы…….…..…221

Заключение ...……230

Литература…….…….....255

Введение

Актуальность комплексного изучения общественных идеалов в русской художественной литературе эпохи Великих реформ в рамках гуманитарного знания обусловлена, прежде всего, масштабностью ее влияния на историческое развитие страны во второй половине XIX века. В тот период литература (а затем и сопутствующая ей критика) стала одним из основных способов политического участия граждан в жизни общества.

В XVIII веке Россия вступила на путь модернизации по европейскому образцу, чтобы стать на один уровень с лидирующими державами, но ради этой цели пришлось укрепить самодержавие и усилить крепостной гнет. И уже на следующем этапе дворянской элитой, воспитанной на идеях Просвещения, излишне централизованная власть и крепостное право стали восприниматься как главный фактор отсталости страны. В государстве назревали реформы, но спонтанное восстание декабристов привело к еще большему «застою», и борясь с вольнодумством, власть пошла на усиление цензуры и почти полный запрет общественно-политических дискуссий в печати. В таких условиях в центре «умственного движения» неожиданно оказалась художественная литература. Реалистически отражая жизнь, она стала фиксировать социальные противоречия, настроения общества и идеи, в нем возникающие. Это положение было осознано литературной критикой. Дополняя писателей в деле объяснения причин и следствий общественных явлений, критика стала приобретать свойства социально-политической публицистики. По мере того, как литература становилась в России прибежищем общественной мысли и ареной идейной борьбы, писатели сознавали необходимость политизировать свое творчество, чтобы отвечать запросам общества. Литература и критика приобретали определенное «направление», и всякий заметный писатель должен был выбрать, к какому направлению он относится. Ни один из крупных писателей XIX в. не остался индифферентным к общественным вопросам.

И тогда, и сегодня наиболее яркие писатели одновременно являются политическими публицистами и отчетливо выражают свои идеологические убеждения. Сумма ценностных, культурных и общественно-политических установок в пространстве современной русской литературы может показаться чем-то принципиально новым только на первый взгляд. Несмотря на революции и разрывы русского исторического сознания, в нем наблюдается преемственность, и наиболее важные вопросы социально-политического бытия, сформулированные в XIX в., имеют особенность в похожих обстоятельствах воспроизводиться на каждом новом историческом этапе. В связи с эволюцией средств массовой информации художественная

литература сейчас имеет неизмеримо меньшее влияние на общество, и круг ее читателей сузился, однако она, как и прежде, остается одним из способов политического участия граждан в жизни своей страны и площадкой для дискуссий о важных вопросах развития России.

Необходимость данного исследования для политической науки связана с тем, что в настоящее время отсутствует комплексная методология изучения общественных идеалов в русской художественной литературе. Существующие в современной науке подходы имеют узкие дисциплинарные рамки: фокус исследователей ограничивается либо философским взглядом на русскую художественную литературу, которая признается самой «философичной», либо филологическим анализом социально-политических идей отдельных писателей без учета воздействия их произведений на общественные настроения и политические процессы второй половины XIX в. Это обусловливает актуальность разработки *методологии историко-политологического изучения общественных идеалов в русской художественной литературе XIX в.*, которая позволит проводить комплексный анализ воздействия литературы на читателей и ее влияния на общественную жизнь с учетом исторического и культурно-идеологического контекста.

Характеристика источников и степени разработанности темы. Проблема общественных идеалов в художественной литературе принадлежит к разряду тем междисциплинарного и полидисциплинарного исследования. Специфика социально-политических идей, выраженных писателями, роль и влияние этих идей на общественное развитие всегда привлекали внимание литературоведов, историков, философов, культурологов, социологов и политологов. А учитывая, насколько велико было это влияние, без преувеличения можно заявить, что все направления российской гуманитарной науки, так или иначе, отдали дань интереса русской литературе периода Великих реформ.

Источники настоящего исследования разнообразны. Прежде всего это различные работы (романы, повести, рассказы, статьи, письма и воспоминания) писателей, ставших авторами наиболее резонансных «политических» произведений, которые так или иначе определяли в них свое отношение к общественным идеалам. Представления *С.Т. Аксакова, А.И. Герцена, А.И. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Н.Г. Помяловского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и Н.Г. Чернышевского* о наиболее совершенном общественном строе[1] мы можем называть

[1] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М.: «Художественная литература», 1991; *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 5-211; *Герцен А.И.* Лишние люди и желчевики // Там же. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 317-328; *Герцен А.И.* Дневник 1842-1845 // Там же. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 199-417; *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852-1868 // Там же. Т. 8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 7-397; *Гончаров И.А.* Обломов // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.:

первоначальными концептуальными положениями, касающимися общественных идеалов. Также это – произведения писателей условного «второго круга»: *Н.Ф. Бажина, Д.В. Григоровича, В.П. Клюшникова, В.В. Крестовского, А.И. Левитова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, Ф.М. Решетникова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.А. Слепцова, Г.И. Успенского, Н.В. Успенского,* чьи сочинения оказывали значительное воздействие на литературный процесс своего времени и содержали представления о наилучшем общественном строе[2].

«Наука», 1998; *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. X. Л.: Издательство «Наука», 1974; *Достоевский Ф.М.* Г-н -бов и вопрос об искусстве // Там же. Т. 18. Л.: Издательство «Наука», 1978. С. 70-104; *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956; *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 48-56; *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: Современник, 1987. С. 21-111; *Помяловский Н.Г.* Молотов // Там же. С. 111-259; *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // Там же. С. 259-434; *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 19. Анна Каренина. Части 5-8. М.: Художественная литература, 1935; *Толстой Л.Н.* Воскресение // Там же. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936; *Толстой Л.Н.* <Записка о дворянском вопросе> // *Л.Н. Толстой*. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 407-411; *Тургенев И.С.* Отцы и дети // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 5-191; *Тургенев И.С.* Дым // Там же. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 247-408; *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // Там же. Т. 12. С. 531-547; *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975; *Чернышевский Н.Г.* Письма без адреса // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 90-116.

[2] *Бажин Н.Ф.* Степан Рулев // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 489-535; *Григорович Д.В.* Деревня // Русские повести XIX века (40-50-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 3-58; *Григорович Д.В.* Антон Горемыка // Там же. С. 58-149; *Клюшников В.П.* Марево. М.: ФИВ, 2012; *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. СПб.: Ленинградское издательство, 2011; *Левитов А.И.* Целовальничиха // *Левитов А.И.* Сочинения. М.: «Худож. лит.», 1977. С. 25-51; *Левитов А.И.* Степная дорога ночью // Там же. С. 51-68; *Некрасов Н.А.* Кому на Руси жить хорошо? // *Некрасов Н.А.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982; *Островский А.Н.* Не в свои сани не садись // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: «Искусство», 1973. С. 280-328; *Островский А.Н.* Бедность не порок // Там же. С. 328-379; *Островский А.Н.* Не так живи, как хочется // Там же. С. 379-416; *Островский А.Н.* Гроза // Там же. Т. 2. М.: «Искусство», 1974. С. 209-267; *Писемский А.Ф.* Взбаламученное море. М.: RUGRAM, 2011; *Решетников Ф.М.* Подлиповцы. М.-Л.: Гослитиздат, ОГИЗ, 1948; *Салтыков-Щедрин М.Е.* Губернские очерки // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. М.: Издательство «Художественная литература», 1965; *Салтыков-Щедрин М.Е.* Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян // Там же. Т. 5. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 69-84; *Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города // Там же. Т. 8. М.: Издательство «Художественная литература», 1969. С. 265-437; *Слепцов В.А.* Питомка // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 349-365; *Слепцов В.А.* Трудное время // Там же. С. 211-349; *Успенский Г.И.* Нравы Растеряевой улицы // *Успенский Г.И.* Власть земли. М.: Советская Россия, 1988. С. 23-186; *Успенский Г.И.* Власть земли // Там же.

Процесс выработки общественных идеалов в отечественной литературе периода Великих реформ невозможно представить без участия профессиональных литературных критиков и мыслителей, выступавших в роли критиков: *К.С. Аксакова, Б.Н. Алмазова, П.В. Анненкова, М.А. Антоновича, В.П. Боткина, В.Г. Белинского, Г.Е. Благосветлова, А.Д. Галахова, Н.П. Гилярова-Платонова, А.А. Григорьева, Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина, С.С. Дудышкина, Г.З. Елисеева, В.Г. Зайцева, А.М. Иванцова-Платонова, М.Н. Каткова, М.Л. Михайлова, Н.К. Михайловского, И.И. Панаева, Д.И. Писарева, А.Н. Пыпина, Н.Н. Страхова, П.Н. Ткачева* и др.[3] Значение их критических статей трудно переоценить, так как на протяжении

С. 213-219; *Успенский Н.В.* Егорка-пастух // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 163-211.

[3] *Аксаков К.С.* Обозрение современной литературы // Русская беседа, 1857. Кн. I (V). Обозрение. С. 1-39; *А, Б. <Б.Н. Алмазов>*. Взгляд на русскую литературу в 1858 г. // Утро. Литературный сборник. М., 1859. С. 31-96; *Анненков П.В.* «Семейная хроника и воспоминания» С. Аксакова // Современник, 1856. Т. LVI. № 3. Отд. III. С. 1-244; *Анненков П.В*. Воспоминания и критические очерки: собрание статей и заметок. Т. II. 1849-1868. СПб., 1879; *Анненков П.В*. «Гроза» Островского и критическая буря. Ответ критику «Грозы» в журнале «Наше время» // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 122-141; *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник, 1862. № 3. Современное обозрение. С. 65-122; *Антонович М.А.* Лжереалисты (По поводу «Русского слова») // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 287-294; *Боткин В.П.* Заметки о журналах за июль месяц 1855 года // *Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М.: Советская Россия, 1984. С. 172-178; *Белинский В.Г.* Русская литература в 1842 году // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. VI. М.: Издательство академии наук СССР, 1955. С. 512-547; *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // Там же. Т. IX. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 378-406; *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Там же. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956б. С. 279-360; *Благосветлов Г.Е.* Старые романисты и новые Чичиковы // Дело, 1868. № 1. С. 1-17; *Галахов А.Д.* Мнение о драме г. Островского «Гроза» // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 174-178; *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 1-69; *Гиляров-Платонов Н.П.* Откуда нигилизм? // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 2. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. 158-193; *Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность. М.: «Современник», 1986. С. 70-229; *Григорьев А.А.* Парадоксы органической критики (Письма к Ф.М. Достоевскому) // *Григорьев А.А.* Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 149-184; *Добролюбов Н.А.* Деревенская жизнь помещика в старые годы // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. Статьи и рецензии август 1857 – май 1858. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 290-327; *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Там же. Т. 4. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 307-343; *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 106-125; *Дружинин А.В.* Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // *Дружинин А.В.* Литературная критика. М.: Сов. Россия, 1983. С. 122-176; *Дудышкин С.С.* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Отечественные записки, 1856. Т. CV. № 4. Отд. II. С. 69-90; *Дудышкин С.С.* Русская литература // Отечественные записки, 1861. № 8 (Т. CXXXVII). Русская литература. С. 139-200; *Елисеев Г.З.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.-Л.: Academia, 1933. С. 267-584; *В. З. <Зайцев В.А.>*

второй половины XIX в. дискуссии о литературе почти всегда приобретали общественное значение. Часто критики максимально политизировали анализ художественных произведений, заостряя внимание на социально-политических вопросах. И если писатели подчас высказывали свои идеи в иносказательной форме, критики-публицисты осмысливали их идеи и интерпретировали открыто. Институт литературной критики во второй половине XIX в. был влиятелен, как никогда.

Что касается *историографии темы,* то в дореволюционной русской исследовательской литературе имеется немного работ, авторы которых предприняли попытку систематического изложения политических идей в художественной литературе. На рубеже XIX и XX вв. *Е.А. Соловьев*, писавший под псевдонимом Андреевич, попытался посмотреть на русскую литературу с точки зрения ее политико-философского содержания. Его книга вышла под названием: «Опыт философии русской литературы» (СПб., 1909)[4]. Андреевич сделал акцент на особом характере русской литературы, указал на ее отличия от литературы европейских стран, затронул тему взаимоотношения литературы и государства. В то же время знаменитый критик *С.А. Венгеров* выпустил работы «Основные черты истории новейшей

Перлы и адаманты русской журналистики // Русское слово, 1864. № 6. Отд. II. С. 43-52; *А. И.-Ц. <Иванцов-Платонов А.М., свящ.>* О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. Статья первая // Русская беседа, 1859. Кн. I (XIII). Критика. С. 1-46; *Катков М.Н.* Пушкин // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2010. С. 246-304; *Катков М.Н.* Нигилизм по брошюре проф. Цитовича «Коран нигилизма. Что делали в романе "Что делать?"» // Там же. С. 689-694; *Катков М.Н.* Несколько слов о Современной летописи // Там же. С. 308-313; *Катков М.Н.* Пушкин // Там же. С. 246-304; *Катков М.Н.* Нигилизм по брошюре проф. Цитовича «Коран нигилизма. Что делали в романе "Что делать?"» // Там же. С. 689-694; *Катков М.Н.* Несколько слов о Современной летописи // Там же. С. 308-313; *Михайлов Л.М.* Литературное известие // Санкт-Петербургские ведомости, 1847. № 68 от 29 марта 1847. С. 512; *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. М.: «Искусство», 1995. С. 84-115; *М. Н. <Михайловский Н.К.>* Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 315-343; *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Л.: Academia., 1928; *Панаев И.И.* «Гроза», драма Островского // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 37-42; *Писарев Д.И.* Базаров // *Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений в шести томах. Том. 2. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, Садовая, № 9, 1894. Стл. 373-422; *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3-х т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 6-166; *Писарев Д.И.* Мыслящий пролетариат // Там же. С. 348-399; *Пыпин А.Н.* Сочинения Помяловского // Современник, 1864. № XI-XII. С. 67-82; *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145-503; *Страхов Н.Н.* Счастливые люди (Статья первая. Один из наших типов) // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 555-576; *П. Н. <Ткачев П.Н.>* Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. 1873. № 4. Апрель. С. 359-381.

[4] *Андреевич (Соловьев Е.А.)* Опыт философии русской литературы. СПб.: Знаніе, 1909.

русской литературы» (СПб., 1899)[5], а чуть позже – «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911), где попытался обобщить основные заслуги русских писателей XIX века перед обществом. В его понимании, «героической» делал русскую литературу ее народнический и освободительный пафос[6]. Это утверждение, безусловно, имеет идеологический окрас, однако для конца XIX – начала XX вв. характерен именно такой, народнический, взгляд на русскую литературу. Здесь можно упомянуть книги *Р.В. Иванова-Разумника* «Литература и общественность» (СПб., 1910), *В. Садовника* «Очерки по истории русской литературы» (М., 1914), работу *Д.Н. Овсянико-Куликовского* «История русской интеллигенции» (М., 1907)[7], часть которой посвящена политической сатире Салтыкова-Щедрина, отражению политической жизни России в романах Тургенева, политическим аспектам произведений Г.И. Успенского, Достоевского и П.Д. Боборыкина. Однако никто из перечисленных авторов не попытался классифицировать и обобщить все политические течения в русской художественной литературе XIX в.

Важно упомянуть литературоведческие статьи, написанные философами и культурологами русского зарубежья: *Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном, И.А. Ильиным, Г.П. Федотовым, С.Л. Франком*[8] и др. В 1920-1940-е гг. они предприняли попытку оценить значение русских писателей XIX в. в контексте общего развития культуры и истории, философски осмыслить русскую литературу.

---

[5] *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы: Вступ. лекция, чит. в Спб. ун-те 24 сент. 1897 г. СПб.: типо-лит. А.Э. Винеке, 1899.

[6] «Все, что придает такую красоту русской литературе, – писал Венгеров, – все, что составляет тайну обаятельного впечатления, которое она производит на европейские умы, – все это кроется в том, что кающийся дворянин и интеллигент не могут примириться с социальною и всякою иною неправдою» (*Венгеров С.А.* Героический характер русской литературы // *Венгеров С.А.* Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1. Пг.: Издательство «Светоч», 1919. С. 88).

[7] *Иванов-Разумник Р.В.* Литература и общественность. СПб.: Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова, 2011; *Садовник В.* Очерки по истории русской литературы. М.: Печатня С.И. Яковлева, 1914; *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Из «Истории русской интеллигенции» // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 4-306.

[8] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 513-518; *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 489-508; *Гершензон М.О.* Любовь Н.П. Огарева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 250-415; *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // *Гершензон М.О.* Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 381-563; *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // *Ильин И.А.* Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. С. 40-69; *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 6-133; *Федотов Г.П.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М.: Российские Пропилеи, 1999. С. 378-396; *Франк С.Л.* Достоевский и кризис гуманизма // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 360-367; *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М.: Российские Пропилеи, 1999. С. 445-466.

Н.А. Бердяеву принадлежит важная для настоящего исследования работа «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923)[9], где в отдельных главах рассматривается понимание Достоевским революции и социализма. М.О. Гершензону – «Мысль и мечта И.С. Тургенева» (М., 1919)[10], где есть важные размышления о философских основаниях ранней прозы Тургенева.

Советских исследователей тема взаимодействия литературы и политики в XIX в. интересовала, прежде всего, в контексте истории освободительного движения. В большом количестве выходили монографии и сборники статей, посвященные отдельным аспектам влияния литературы на общественное развитие[11]. Выходили серьезные работы, посвященные мировоззрению «радикальных разночинцев»: Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, в которых особое внимание уделялось литературному процессу 1860-х гг., журнальной полемике того периода, напрямую связанной с развитием русской общественной мысли. Определенный интерес представляет ряд изданий, подготовленных Институтом мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, в которых была поставлена цель проследить историю восприятия современниками и последующими поколениями важнейших произведений художественной литературы XIX в., среди которых есть и «политические» романы «Кто виноват?» А.И. Герцена, «Отцы и дети» И.С. Тургенева и др.[12]

В постсоветской литературе интересные исследования, касающиеся политических идей в русской художественной литературе, были проведены *А.С. Панариным*, выпустившим ряд статей о Пушкине, Лермонтове, Гоголе[13]. В этом ряду – работы *В.В. Кожинова, С.С. Хоружия, Ф.И. Гиренка*[14], затрагивающие тему политических сюжетов русской литературы.

К современным исследованиям, посвященным истории идей в русской художественной литературе второй половины XIX в., можно отнести работы *С.А.*

---

[9] *Бердяев Н.Н.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В двух томах. Т. 2. М.: Издательство «Искусство», 1994. С. 7-151.

[10] *Гершензон М.О.* Мысль и мечта И.С. Тургенева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т.3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 541-631.

[11] См., напр., *Вертинский Ч. (Вас. Е. Чешихин)* Освобождение крестьян и русские писатели. Пг.: Типография «Задруга», 1917; Народ – герой русской литературы. Сборник статей. Казань: «Татполиграф», 1966; Идеи социализма в русской классической литературе. М.: Издательство «Наука», 1969; и др.

[12] См., напр., Русская литература в историко-функциональном освещении. М.: Издательство «Наука», 1979; Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. И др.

[13] Они были напечатаны отдельным изданием: *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Институт философии РАН, 2005.

[14] См.: *Кожинов В.В.* Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991; *Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000; *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008.

Никольского, подготовившего в соавторстве с *В.П. Филимоновым* три книги по истории «русского мировоззрения», а также работу «Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв.» (М., 2015)[15]. Необходимо упомянуть исследования *В.К. Кантора*, в которых русская литература XIX в. анализируется с точки зрения вопросов философии: «Русская классика, или Бытие России» (М., 2005), «“Судить Божью тварь”. Пророческий пафос Достоевского: очерки» (М., 2010), «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского» (М.; СПб., 2016)[16], а также работы *В.А. Подороги*, который предпринял попытку аналитической антропологии литературы в проекте «Мимесис». Особый интерес представляет его работа «Строй произведения и литература Н. Гоголя» (М., 2018)[17]. Важно назвать работу *И.А. Есаулова*, который обращается к идеям отечественной словесности, рассматривая их в контексте русской православной культуры: «Русская классика: новое понимание» (СПб., 2017)[18]. Нужно также отметить исследование *В.И. Щербакова* «Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма» (М., 2016), где показан идейный контекст создания наиболее ярких художественных произведений 60-х гг. XIX в., на которые откликался своими критическими статьями Писарев[19]. Но в работах Никольского, Кантора, Подороги, Есаулова, как и в работах Щербакова, не прослеживается развитие социально-политических идей, выраженных в художественной литературе, в их взаимосвязи.

Говоря о развитии общественных идеалов в русской литературе, нельзя обойтись без истории литературных журналов, где велись общественные баталии. «Толстые» журналы во второй половине XIX в. стали своеобразными «фабриками мысли», центрами интеллектуальной жизни. Значительный вклад в изучение эстетических и социально-политических программ авторов

---

[15] См.: *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Том I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII – середины XIX столетий. М.: Прогресс Традиция, 2008; *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Т.II. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009; *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012; *Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв. М.: Голос, 2015.

[16] *Кантор В.К.* Русская классика, или Бытие России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005; *Кантор В.К.* «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010; *Кантор В.К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

[17] *Подорога В.А.* Nature Morte. Строй произведения и литература Н. Гоголя. М.: РИПОЛ классик, 2018.

[18] *Есаулов И.А.* Русская классика: новое понимание. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Издательство РХГА, 2017.

[19] *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016.

литературных журналов внесли исследователи-литературоведы и историки: *А.И. Батюто, В.В. Блохин, У.А. Гуральник, А.П. Дмитриев, В.Д. Евгеньев-Максимов, Г.В. Жирков, В.А. Китаев, Д.А. Кунильский, Г.С. Лапшина, М.К. Лемке, Ю.В. Манн, А.В. Муратов, В.С. Нечаева, М.В. Нечкина, Е.В. Перевалова, А.Н. Степанов, С.Е. Шаталов, Н.А. Энгельгардт*[20] и др. Особенно нужно отметить работы *Б.Ф. Егорова*, автора фундаментальных трудов о развитии эстетических идей в России XIX в.[21]

Следует заметить, что многие концептуальные положения, касающиеся социально-политических идей в произведениях художественной литературы, содержатся в трудах литературоведов, культурологов и философов,

[20] *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья первая) // Русская литература, 1987. № 3. С. 84-101; *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенев «Дым» (статья вторая) // Русская литература, 1987. № 4. С. 52-76; *Блохин В.В.* Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Издательство «Весь мир», 2019; *Гуральник У.А.* Ф.М. Достоевский в литературно-эстетической борьбе 1860-х годов // Творчество Ф.М. Достоевского. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 293-330; *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850-1880-х годов. СПб.: Родник, 2018; *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001; *Китаев В.А.* «Отечественные записки в идейной борьбе начала 60-х годов XIX в. // «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М.: Издательство «Наука», 1978. С. 158-180; *Кунильский Д.А.* Ап. Григорьев и «Русская беседа»: по поводу «хищных» и «смиренных» типов // Христианское чтение, 2016. № 3. С. 235-256; *Лапшина Г.С.* История русской журналистики. Вторая половина XIX века. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019; *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов, СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 190; *Манн Ю.В.* Философия и поэтика «Натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М.: Издательство «Наука», 1969. С. 241-306; *Муратов А.Б.* Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова: Сборник статей. М.: Советский писатель, 1989. С. 316-340; *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861-1863. М.: Издательство «Наука», 1972; *Нечкина М.В.* Н.Г. Чернышевский в годы революционно ситуации // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 54-92; *Перевалова Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856-1862): литературная позиция. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010; *Степанов А.Н.* «Отечественные записки» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. Т. II. С. 193-203; *Шаталов С.Е.* Роман Тургенева «Отцы и дети» в литературно-общественном движении // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 75-132; *Энгельгардт Н.А.* Очерк по истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб.: Библиополис, 2016.

[21] *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982.; *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: «Искусство», 1991; *Егоров Б.Ф.* Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. V (XIX век); *Егоров Б.Ф.* Н.П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 36-47; *Егоров Б.Ф.* Григорьев. М.: Мол. гвардия, 2000.

посвятивших свои работы изучению творчества отдельных писателей. Это прежде всего работы о С.Т. Аксакове[22], А.И. Герцене[23], А.И. Гончарове[24], Ф.М. Достоевском[25], Н.С. Лескове[26] Н.Г. Помяловском[27], Л.Н. Толстом[28], И.С.

[22] *Ласькова А.Е.* Автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века: Дисс… канд. филол. наук. М., 2015; *Лобанов М.П.* Аксаков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2005. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 923); *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Издание второе, дополненное. М.: «Художественная литература», 1973.

[23] *Волошина С.М.* Утопия и жизнь: Биография Николая Огарева. СПб.: Владимир Даль, 2016; *Гинзбург Л.Я.* Автобиографическое в творчестве Герцена // Лит. наследство. Т. 99. Кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 7-54; *Гурвич-Лищинер С.Д.* Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М.: Наследие, 1993; *Дрыжакова Е.Н.* Проблема «русского деятеля» в творчестве Герцена 40-х годов // Русская литература, 1962. № 4. С. 39-51; *Пруцков Н.И.* Мыслитель и художник. Роман А.И. Герцена «Кто виноват?». М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1962; *Путинцев В.А.* Комментарии к роману «Кто виноват?» // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 320-328; *Савкина И.Л.* «Пишу себя…» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001; *Тесля А.А.* Сердечный дилетантизм // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 150-161; *Тесля А.А.* Советский Герцен // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 142-150; *Эльсберг Я.Е.* Герцен: Жизнь и творчество. М.: Издательство художественной литературы, 1963.

[24] *Васильева С.А.* Что такое «обломовщина»? // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 229-235; *Гродецкая А.И.* О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 148-154; *Котельников В.А.* Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24-51; *Отрадин М.В.* «Обломов» в зеркале времени // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 3-20.

[25] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Художественная литература», 1972; *Захарова О.В.* Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. Вып. 10. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С.143-162; *Зильберштейн И.С.* Встреча Достоевского с Тургеневым в Бадене в 1867 г. // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды]. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 143-189; *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989; *Покровская Е.* Достоевский и петрашевцы // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 255-272; *Сараскина Л.И.* Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013; *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990.

[26] *Видуэцкая И.П.* Н.С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 373-414; *Кучерская М.А.* Лесков: Прозеванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021; *Фаресов А.И.* Против течений: Н.С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904.

[27] *Вальбе Б.С.* Помяловский. М.: Журн.-газ. объединение, 1936; *Ямпольский И.Г.* Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. М.-Л.: Издательство «Советский писатель», 1967.

[28] *Красносельская Ю.И.* Идея аренды в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. // Slavica Revalensia. 2016. Т. 3. С. 70-94; *Красносельская Ю.И.* Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 15-28; *Дивильковский А.А.* Толстой и Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 644-692; *Нерадов Г.Б.* Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929; *Шаваринская С.Р.* Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 154-157.

Тургеневе[29], Н.Г. Чернышевском[30] и др. игинальный взгляд на историософию Ф.М. Достоевского предложил в своих работах *В.Э. Багдасарян*[31]. *Ф.А. Гайда*

[29] *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1972; *Бялый Г.А.* «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник ленинградского государственного университета, 1947. № 9. С. 88-102; *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е издание. Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1935; *Винникова Г.Э.* Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971; *Громов В.А.* Судьба «Записок охотника» // Тургенев И.С. Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 532-580; *Клеман М.К.* Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук, 1941. № 76. Вып. 11. С. 88-126; *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980; *Кормилов С.Е.* Социальное положение персонажей в романе Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С. 126-143; *Лебедев Ю.В.* Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990 (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; Вып. 706); *Недзвецкий В.А.* В мире человека и природы («Записки охотника») // *Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю.* И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 4-13; *Пустовойт П.Г.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М.: Издательство МГУ, 1960; *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005.

[30] *Бродский Н.Л., Сидоров Н.П.* Комментарий к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» М.: Кооперативное издательство «Мир», 1933; *Бухштаб Б.Я.* Записка Н.Г. Чернышевского о романе «Что делать?» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1953. Вып. 2. С. 158-169; *Вайсман М.И.* Проблемы освещения романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863-2010) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (15). Пермь, 2011. С. 130-138; *Горев Б.И.* Н.Г. Чернышевский. Мыслитель и революционер. М.: Издательство политкаторжан, 1934; *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858). М.: «ЦГИ Принт», 2015; *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1859-1889). М.: Политическая энциклопедия, 2019; *Зельдович М.Г.* Чернышевский и проблемы критики. Харьков: Издательство Харьк. ун-та, 1968; *Козьмин Б.П.* Был ли Н.Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену? // Литературное наследство. Том 25/26: [Чернышевский. Добролюбов. Писарев]. М.: Жур.-газ. объединение, 1936. С. 576-585; *Лотман Л.М.* Социальный идеал, этика и эстетика Чернышевского // Идеи социализма в русской классической литературе. М.: Издательство «Наука», 1969. С. 184-229; *Луначарский А.В.* Н.Г. Чернышевский как писатель // *Луначарский А.В.* Статьи о Чернышевском. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1985. С. 54-86; *Морозов А.И.* Социалистический общественный идеал Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 175-181; *Никифоров Я.А.* Модернизация в социологическом дискурсе Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013; *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996; *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский как историк // *Покровский М.Н.* Избранные произведения: В 4 кн. Кн. 4. М.: Издательство «Мысль», 1867. С. 395-426; *Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: «Наука», 1975. С. 782-833; *Смолицкий В.Г.* Из равелина. О судьбе романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Изд. 2-е, доп. М.: «Книга», 1977; *Тамарченко Г.Е.* Романы Н.Г. Чернышевского. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1954.; *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский-романист. Л.: Издательство «Художественная литература», 1976.

[31] *Багдасарян В.Э.* История России в представлениях Ф.М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2021. С. 9-26. И др.

осуществил тонкий текстологический анализ произведений Ф.М. Достоевского, вписав его в контекст «русской идеи»[32].

Сегодня в научной литературе явно ощущается недостаток работ, обобщающих и систематизирующих конкретно-исторические примеры воздействия литературы на общественно-политическую жизнь второй половины XIX в., ее доктринальные и мировоззренческие основания. Под определенным углом связь литературы и политики рассматривается группой сотрудников Московского университета, в рамках исследования истории отечественного консерватизма. В 2000-е годы профессором философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *М.А. Маслиным* была предложена концепция русского «хранительства», которая разрабатывается профессорами кафедры истории социально-политических учений факультета политологии *С.В. Перевезенцевым и А.А. Ширинянцем*. Необходимо отметить их совместную статью «Страницы русского “хранительства”: Литература и политика» (М., 2016)[33]. Проблем методологии интерпретации таких идеологических дискурсов, как утопии, мифы, политическая публицистика и художественная литература касались в своих исследованиях К.*М. Андерсон, О.Ю. Бойцова, В.И. Буренко, В.А. Гуторов, А.А. Кара-Мурза* и др.[34]

Что касается зарубежной историографии вопроса, то отдельных аспектов политической мысли в русской литературе касались *И. Берлин, А. Дрозд, У. Брумсфилд, А. Валицкий, Ш. Видеркер, Э. Виртшафтер, Р. Густафсон, А. Келли,*

---

[32] *Гайда Ф.А.* Понятие «личность» в эпоху Достоевского: самосознание или самопожертвование? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2(6). С. 45-71. И др.

[33] *Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А.* Страницы русского «хранительства»: Литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2016. № 4 (http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/781).

[34] См.: *Андерсон К.М.* Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. М.: Издательство Московского университета, 2019; *Андерсон К.М.* Просвещение и утопии XVIII – начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2006. № 4. С. 45-50; *Бойцова О.Ю.* Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2018. Т. 14. № 3. С. 4-18; *Бойцова О.Ю.* Общественный идеал vs политика? К вопросу об оценке политики в проектах наилучшего социального устройства // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия, 2017. № 5. С. 77-87; *Бойцова О.Ю.* Политика и политическое в общественном идеале: от утопии к антиутопии // Философия политики и права. 2016. № 7. С. 21-36; *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал, 2018. № 3. С. 66-80; *Буренко В.И.* Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал, 2020. № 4. С. 6-27; *Гуторов В.А.* Политика 2.0: между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020; *Кара-Мурза А.А.* Между философской критикой и идеологической апологетикой (об уровнях бытования человеческих идей) // Вопросы философии, 2023. № 2. С. 10-14; *Кара-Мурза А.А.* И.С. Тургенев как политический мыслитель (к 200-летию со дня рождения) // Полилог. 2018. Т. 2. № 3 (электронный журнал); *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал, 2012. № 2 (9). С. 27-44.

С. Лоренц, М. Малиа, Л. Манчествер, Т. Масарик, Р. Пайпс, Ф. Рендалл, А. Салим, Р. Стайтс, К. Фойер, В. Фреде, С. Фуссо[35] и др. Однако никто из этих авторов не делал предметом своего исследования общественный идеал, выраженный в произведениях русской художественной литературы.

Таким образом, нужно сказать, что в исследованиях, посвященных русской литературе XIX в., преобладают работы литературоведов, историков и философов, а комплексных исторических и политологических исследований темы практически нет. Данное обстоятельство определило выбор объекта, предмета, постановку цели и задач настоящей работы.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объектом* исследования является комплекс социально-политических идей в русской художественной литературе периода Великих реформ. *Предметом* исследования являются сущностные черты общественных идеалов, которые можно обнаружить в наиболее резонансных художественных произведениях периода Великих реформ.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основная *цель* диссертационного исследования состоит в концептуально-целостном осмыслении

---

[35] *Берлин И.* Рождение русской интеллигенции // *Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 9-33; *Берлин И.* Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов // *Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 127-183; *Drozd A.* Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, III.: Northwestern University Press, 2001; *Брумфилд У.* Василий Слепцов. Жизнь и творчество // *Брумфилд У.* Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: «Три квадрата», 2009; *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019; *Видеркер Ш.* Особый путь и «самобытность» (глава из учебного пособия «Восточная Европа») // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 141-150; *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002; *Густафсон Р.* Обитель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003; *Kelly A.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016; *Lorenz S.* Realist Convictions and Revolutionary Impatience in the Criticism of N.A. Dobrolyubov // The Slavic and East European Journal, 2013. Vol. 57. № 1 (LXVIII). P. 67-88; *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010; *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015; *Масарик Т.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. 1. М.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000; *Масарик Т.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. 2. М.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004; *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008; *Randall F.* N.G. Chernyshevskii. New York: Twayne, 1967; *Салим А.* Тургенев - художник, мыслитель. М.: Современник, 1983; *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860-1930. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004; *Фойер К.* Генезис романа «Война и мир». СПб., 2002; *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011; *Fusso S.* Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2017.

многообразия общественных идеалов в русской художественной литературе периода Великих реформ, оказывавшей существенное влияние на историческое развитие страны. Для осуществления этой цели автор предпринимает попытку решить не только конкретно-теоретические, но и методологические вопросы обоснования эвристических возможностей историко-политологического подхода к исследованию художественной литературы.

Достижение этой цели потребовало решения следующих *задач*:

– охарактеризовать подходы к анализу понятий «идеал», «общественный идеал», «интегральный идеал» в отечественной науке; а также основные представления об общественном идеале в русской социально-политической мысли России периода Великих реформ;

– определить конкретные методологические приемы выявления общественных идеалов в русской художественной литературе и их историко-политологического анализа;

– рассмотреть исторические этапы политизации русской художественной литературы периода Великих реформ;

– показать специфику выражения социально-политических идей в романе А.И. Герцена «Кто виноват?» (1846-1847);

– охарактеризовать черты либерально-дворянского идеала в рассказах И.С. Тургенева (1852);

– раскрыть сущностные особенности патриархального-дворянского идеала в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова (1856);

– реконструировать общественный идеал в романе А.И. Гончарова «Обломов» (1859);

– выявить особенности художественного осмысления Н.Г. Помяловским формирования сознания и самосознания разночинцев в повести «Молотов» и «Мещанское счастье» (1861);

– выявить элементы общественного идеала в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862);

– выделить основные характеристики общественного идеала в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863);

– реконструировать особенности общественного идеала в «антинигилистических» романах Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870);

– определить черты общественных идеалов в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867);

– выявить специфику общественных идеалов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872);

– охарактеризовать представления о наилучшем общественном устройстве в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877) и «Воскресение» (1899).

Теоретико-методологические основания исследования. История социально-политических учений как междисциплинарная область знаний предполагает исследование самых разнообразных источников, в том числе не относящихся напрямую к политической теории. Одним из таких источников является художественная литература. Выявление особенностей социально-политической мысли в литературе, поиск и реконструкция общественных идеалов в художественной литературе – задача политико-текстологического и историко-политологического анализа. Теоретической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению текстов, разработанный на кафедре истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Идеи и положения работ отечественных политологов и историков, выполненных в рамках данного подхода, использованы в диссертации для анализа исторического и теоретического контекста содержания общественного идеала в произведениях русской художественной литературы периода Великих реформ, а также для выявления ценностных оснований, авторов критических, публицистических статей, писем и воспоминаний, проясняющих содержание общественного идеала в художественной литературе.

Методология исследования интегрирует теоретические и инструментальные возможности литературоведения, философии и культурологии для изучения заявленной проблемы в предметном поле политической науки. Специфика поставленных задач обусловила необходимость применения на всех этапах их решения *общенаучной методологии*, принципов, универсальных методов и приемов научного познания. Выявление, реконструкция общественных идеалов в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России потребовала применения *специальных методов* в рамках историко-политологического подхода: формального метода, исторического метода, биографического метода, метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, метода рецептивного анализа, а также ретроспективного метода, суть которых раскрыта в отдельном разделе.

Научная новизна исследования. Диссертационное исследование является одной из первых работ в отечественной науке, в которой проведен историко-политологический анализ общественных идеалов в русской художественной литературе периода Великих реформ. Ряд положений и выводов диссертации выдвинуты впервые в историко-политической науке и содержат научную новизну:

– предложено авторское определение общественного идеала в художественной литературе, как «интегрального идеала» – то есть, представления о наиболее совершенном общественном строе, интегрально включающего в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы;

– скорректировано представление о том, что художественное произведение в идейном плане являет собой прямое выражение политических пристрастий автора;

– обоснован вывод о том, что в крупных «политических» романах эпохи Великих реформ возникла практика изображения нескольких взаимодействующих политических идеалов, и своей задачей авторы считали не выражение собственной позиции, а отражение многообразия идеалов;

– разработан комплексный метод историко-политологического анализа общественных идеалов в русской художественной литературе, включающий приемы формального, исторического, биографического, ретроспективного, рецептивного методов, а также метода реконструкции социально-политических взглядов писателя;

– дана авторская периодизации политизации русской литературы эпохи Великих реформ, выделены и охарактеризованы основные исторические этапы этого процесса;

– определена значимость социально-политических идей романа А.И. Герцена «Кто виноват?» для двух поколения русских читателей: «людей передовых убеждений» 1840 гг. и разночинцев 1850-1860 гг.;

– показано, что последние годы правления императора Николая I стали периодом формирования в России либерально-дворянского общественного идеала, наиболее полно выраженного в рассказах И.С. Тургенева (сборник «Записки охотника», «Муму»). Этот идеал предполагает свободу и права человека для всех членов общества при сохранении традиционного сословного уклада и незыблемости дворянской собственности;

– обосновано положение о том, что период подготовки Великих реформ стал временем формирования патриархального дворянского общественного идеала, в наиболее развернутом виде представленного в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. Этот идеал предполагает самовластие барина, уравновешенное ответственностью за землю и стремлением принести благо для членов его семьи и крестьян;

– обоснован вывод о том, что роман А.И. Гончарова «Обломов» содержит черты патриархально-дворянского идеала, основанного на «единстве» помещиков и крестьян как антитезе пролетаризации;

– выявлено, что повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» содержат художественное осмысление формирования разночинного самосознания начала 1860 гг.;

– определены главные элементы общественного идеала в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» – необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, ради увеличения материальных ценностей и «реальных» знаний;

показано, что на основе этих элементов Д.И. Писарев сформулировал общественный идеал нигилистов 1860 гг.;

– обосновано положение о том, что пореформенный период стал временем формирования разночинного общественного идеала, «вершинным» выражением которого стал роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Этот идеал предполагает построение справедливого и равноправного общества социализма, способ достижения которого – мирное эволюционное развитие;

– проведена реконструкция общественного идеала «постепеновства» в «антинигилистических» романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах», обоснован вывод о том, что этот идеал нацелен на удовлетворение насущных потребностей русского народа путем постепенного увеличения числа деятельных, просвещенных и ответственных людей, убежденных в необходимости «служить обществу»;

– определены характерные черты общественных идеалов «самобытничества» и «западничества» в романе И.С. Тургенева «Дым», показано, что в основании первого идеала лежала вера в «великую будущность» русского народа, гарантированную крестьянской общиной; в основании второго – убеждение, что у России и Европы единая историческая судьба, что России не миновать капитализма, и «отсталая» община только препятствует экономическому росту;

– выявлена специфика общественных идеалов либерализма, радикализма и религиозного национализма в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», обосновано положение о том, что эти идеалы показаны в своем предельном развитии, чтобы обозначить опасность крайностей этих идеологий;

– охарактеризованы «охранительный» и «анархистский» общественные идеалы, выраженные в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение», обоснован вывод о том, что первый основывается на идее «обязанности помещика к земле», то есть на осознании дворянами сословной миссии – поддержания стабильности в обществе; второй – на идее об «обязанности» помещиков отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитами русского крестьянства».

Положения, выносимые на защиту:

1. Общественный идеал в художественной литературе – это представление о наиболее совершенном общественном строе. Идеал общественного устройства интегрально включает в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы. Употребление понятия интегрального идеала связано с тем, что в художественных произведениях, как правило, общественный идеал не представлен в своей полноте. Реконструкция интегрального общественного идеала в художественной литературе – задача политико-текстологического и историко-политологического анализа.

2. Главная особенность выявления и историко-политологического анализа общественного идеала в художественной литературе заключаются в том, что его нельзя изучать и классифицировать по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических трактатах или публицистике. Художественные произведения невозможно распределить по трем группам: с либеральным общественным идеалом, консервативным или радикальным – в соответствии с главными политическими направлениями времени и пристрастиями того или иного автора, так как в одном произведении могут быть выражены не только разные, но и антагонистически противостоящие, противоборствующие идеалы.

3. Выявление, реконструкция общественных идеалов в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует применения комплексного метода, включающего приемы формального, исторического, биографического, ретроспективного, рецептивного методов, а также метода реконструкции социально-политических взглядов писателя.

4. Русская литература второй половины XIX века имеет ярко выраженный общественно-политический характер, ее политизация была исторически обусловлена ходом проведения Великих реформ. Можно выделить четыре основных этапа политизации литературы: первый – окончание правления Николая I, годы так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855), второй – период подготовки Великих реформ (1855–1861), третий – период проведения Великих реформ (1861–1866), четвертый – период окончания Великих реформ (1866–1881).

4. А.И. Герцен в 1845-1847 гг., не видя перспектив развития страны, не имел возможности сформулировать в романе «Кто виноват?» общественный идеал. Однако ему удалось оказать большое воздействие на читателей, поставив ряд социальных вопросов. Для читателей 1840 гг. стала важна «социально-политическая» линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. Для них вопрос, заявленный в заглавии романа, звучал так: кто виноват в том, что главный герой оказался человеком, не способным найти себе подходящего места в жизни? Ответ Герцена – виновата негативная социализация. Новизна этой интерпретации состоит в том, что во второй половине XIX в. и в советском литературоведении трактовка «социально-политической» линии романа сводилась, прежде всего, к социальному детерминизму. Для второй группы, читателей 1850–1860 гг. стала важна «семейная» тема романа, а «главным» – вопрос о положении женщины в русском обществе.

5. Основными чертами либерально-дворянского общественного идеала И.С. Тургенева можно назвать: свободу и права человека для всех членов общества при сохранении традиционного сословного уклада и незыблемости дворянской собственности в условиях патриархального быта. Сборник рассказов «Записки

охотника» и рассказ «Муму» дают возможность уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Крестьяне, как их понимал Тургенев, – это сословие «детей природы», не испорченных цивилизацией. Они мудры и долготерпеливы, но сами влиять на свою судьбу не могут, а способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, и сдавать им помещичью землю в аренду.

6. «Семейная хроника» С.Т. Аксакова демонстрирует пример созидательной деятельности патриархального помещичьего хозяйства. Патриархальный дворянский идеал предполагает: а) абсолютную ценность помещичьего рода, за которой стоит историческая легитимация патриархальной власти; б) самовластие барина в отношении членов семьи, крестьян и дворовых слуг; в) ответственность барина за членов семьи, крестьян и дворовых слуг перед Богом и государством; г) право барина судить и наказывать членов семьи, крестьян и дворовых слуг согласно божественному закону и нравственному чувству; д) обязанность барина вести добросовестно хозяйство в интересах членов семьи, крестьян, дворовых слуг и государства. Члены семьи, крестьяне и слуги, в свою очередь, обязаны следовать указаниям барина, добросовестно исполнять все свои повинности и, в идеале, барина любить. Самовластие барина должно быть уравновешено его ответственностью за землю, которую обрабатывают его крестьяне; насилие «патриарха» – должно быть уравновешено благом для членов его семьи и крестьян, которое в результате приносит это насилие. Если баланс насилия и блага не соблюден, «созидательный» патриархальный идеал превращается в систему жестокой эксплуатации крестьян и семейного деспотизма.

7. Черты патриархального идеала можно реконструировать и в романе А.И. Гончарова «Обломов» (глава «Сон Обломова»). Сложность выявления общественного идеала в данном случае связана с особенностями жанра, в котором написана эта глава. В описании деревни Обломовки Гончаров ушел от реалистического повествования и прибегнул к жанру идиллии, причем написанной с большой долей юмора. Однако мы знаем, что, работая цензором, Гончаров ставил перед собой задачу оградить читателей от пропаганды западных идей материализма, социализма и атеизма, чуждых «русскому коренному обществу», и призывал изучать прошлое России, из которого можно черпать важные уроки для настоящего. Исходя из этого, можно предположить, что, выбирая между патриархальностью Обломовки и европейским прогрессом, Гончаров остается с Обломовкой. В Обломовке нет ненавистного Гончарову материализма и атеизма, там много простоты, сердечности и доброты. Но кроме того, Обломовка – это место, в котором нет той эксплуатации, которая усиливается по мере закрепощения крестьян и распространения европейской цивилизации.

8. Художественное осмысление формирования разночинного самосознания начала 1860 гг. содержат повести «Мещанское счастье» и «Молотов» Н.Г. Помяловского. Его герои-разночинцы олицетворяют две стратегии поведения представителей новой прослойки общества, «мыслящих пролетариев», в поисках своего места в жизни. Герой первой повести движется по пути встраивания в существующую структуру общества и, в результате, приходит к созданию непрочной буржуазной «идиллии»; герой второй – отказывается «встраиваться», становится крайним пессимистом и выбирает путь самоуничтожения. Поиски своего предназначения для обоих героев заканчиваются неудачей, у них нет достаточной веры в свои силы, а главное, они не обладают четким пониманием, что делать. Но художественное осмысление таких поисков, предпринятое Помяловским, имело больше социально-политическое значение. Не имея еще возможности сформулировать в своих повестях общественный идеал, он начал дело, законченное другим известным писателем-разночинцем Н.Г. Чернышевским.

9. Колоссальное воздействие на русское общество 1860 гг. произвел роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Он стал не только символом конфликта отцов и детей, либералов и радикалов, но послужил литературной основой, на которой начался «раскол в нигилистах», имевший серьезные последствия для развития русской радикальной интеллигенции и формирования разночинного самосознания. Представители, казалось бы, идеологически близких «партий», Д.И. Писарев из журнала «Русское слово» и М.А. Антонович из «Современника», в трактовке романа Тургенева и образа Базарова заняли полярные позиции: первый признал роман полезным, второй – очень вредным для русского общества. Этот так называемый «раскол в нигилистах» был обусловлен «сословным вопросом». В романе «Отцы и дети» можно обнаружить элементы общественного идеала, такие как необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, не увеличивает материальные ценности и «реальные» знания. На основе этих элементов Д.И. Писарев сформулировал общественный идеал нигилистов 1860-х гг. В статьях об «Отцах и детях» Писарев сделал Базарова символом своей «теории реализма», указал пути, которыми нужно идти, чтобы исправить русское общество.

10. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» способствовал формированию разночинного самосознания, а воздействие его на русское общество и политический процесс в России ощущалось представителями нескольких поколений. Роман является размышлением над двумя сценариями развития страны. Основной его текст представляет собой набор поведенческих моделей для молодых разночинцев, предназначенных для «мирной» жизни в капиталистическом обществе самодержавной России, которая нуждается в постепенной перестройке. Такой эволюционный путь медленных изменений, при благоприятных условиях может привести к построению справедливого и равноправного общества социализма. Чернышевский

намекнул в своем романе и на возможность другого сценария развития событий. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, будет преследовать, в том числе, вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция. Однако, общественный идеал, выраженный в романе «Что делать?», сложно связывать зашифрованной «революционной линией». Роман повествует о «новых людях» и живописует образ социалистического будущего. Носителями разночинного общественного идеала являются «обыкновенные порядочные люди», а способом достижения – мирное эволюционное развитие.

11. В романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах» можно обнаружить черты общественного идеала «постепеновства». Этот идеал не может быть построен на какой-то теории и соответствовать какому-то политическому направлению. По Лескову, чтобы поправить дела в России, нужно читать не «французов с немцами», а пытаться понять потребности русского народа. Носители общественного идеала «постепеновства», вне зависимости от их сословного происхождения – деятельные и социально ответственные люди, которые считают, что «надо служить обществу», то есть разумно управлять имениями, поддерживать крестьян, строить школы и больницы. Переход к чаемому общественному устройству может произойти только благодаря «правильному прогрессу», то есть постепенно, по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных и ответственных людей. «Правильный прогресс» происходит не благодаря смене политического строя, а благодаря индивидуальной деятельности и ответственности. Идеал «постепеновства» – удовлетворение насущных потребностей русского народа – не предполагает кардинальных политических изменений, но и не содержит призыва к духовному обновлению общества.

12. В романе «Дым» И.С. Тургенев нарисовал контуры двух общественных идеалов, которые можно условно обозначить как идеалы «самобытничества» и «западничества». Тургенев показал схожесть мировоззренческих позиций славянофилов и народников, которых он объединил под общим названием «самобытники». Это – представители дворянской и разночинной интеллигенции, которые принимают на веру тезис о великой будущности русского народа, гарантированной крестьянской общиной, и тезис о «гниении» мещанского Запада. Тургенев представил и общественный идеал западничества, в основании которого лежит убеждение, что у России и Европы единая историческая судьба, что России не миновать капитализма, и «отсталая» община только препятствует экономическому росту. Носителями общественного идеала западничества тут предстают те редкие для России последовательные либералы-западники, которые убеждены, что процветание страны может быть гарантировано наличием частной собственности на землю и приверженностью населения ценностям «европейской цивилизации».

13. В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» можно найти черты трех общественных идеалов: либерализма, радикализма и религиозного национализма, представленные в своем предельном развитии, которые не характеризуют преимущества будущего общественного уклада, а напротив выявляют пороки ограниченности породивших их идеологий. Общественный идеал радикализма является логическим развитием идеала либерализма. Безобидные с виду либералы, описанные Достоевским, презирают «отсталую» Россию и «русского Бога», и именно эти две черты, развиваясь со временем, порождают нигилистов, людей, которым в России ничего не жалко, которые готовы на «полное разрушение». Утопия радикалов похожа на мир возрожденного рабовладения, в котором небольшая каста господ пользуется плодами труда обезличенной массы людей. Кроме этого, в романе «Бесы» представлен идеал религиозного национализма, в основании которого лежит историософская идея о народе-богоносце, русском народе, который не может «примириться со второстепенною ролью в человечестве». Здесь, по Достоевскому, мы имеем дело с превратно понятым христианством, когда идея нации становится выше Бога.

14. Общественный идеал, выраженный в романах Л.Н. Толстого, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов. В романе «Анна Каренина» и «Воскресение» обнаруживаются черты двух совершенно разных общественных идеалов: «охранительного» и «анархистского». Первый в идейном отношении можно назвать консервативным, опирающимся на традицию и опыт предыдущих поколений. Носителями его являются представители старых дворянских родов, помещики, которые ощущают «ответственность к земле», то есть осознают свою сословную историческую миссию поддержания стабильности в обществе. В романе «Воскресение» на смену идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Однако контуры наиболее совершенного общественного устройства для идеала «охранительства» и «анархии», во многом, совпадают. В «Анне Карениной» Толстой критиковал нарождающиеся буржуазные отношения, будучи уверенным что производительным в России является только крестьянский труд. В «Воскресении» эта критика только усиливается. Но на место «крестьянского патриархального царства» приходит «крестьянское анархистское христианское царство».

Хронологические рамки исследования. Любое обращение к истории предполагает определенные временные границы. В частности, данное исследование ограничено периодом Великих реформ. Этот период является наиболее важным с точки зрения формирования общественных идеалов в русской художественной литературе XIX в. А «Великие реформы» вынесены в название, потому что

политизация русской литературы была непосредственно связана с ходом проведения реформ. Первый период (включающий годы так называемого «мрачного семилетия» 1848–1855 гг.) можно назвать периодом появления «политической» литературы и формирования либерально-дворянского общественного идеала, второй (время подготовки Великих реформ, 1855–1861 гг.) – периодом максимальной политизации литературы и формирования патриархально-дворянского общественного идеала, третий (годы проведения Великих реформ, 1861–1866 гг.) – периодом формирования разночинного общественного идеала, четвертый (время окончания Великих реформ, 1866–1881 гг.) – периодом рефлексии над результатами реформаторской деятельности Александра II, временем переосмысления писателями своих взглядов и выработки новых представлений об общественном идеале. То есть, к 1881 г. закончился определенный цикл развития русской литературы. Если в период «мрачного семилетия» из-за чрезмерного цензурного гнета наблюдалось обращение писателей к индивидуальной психологии, потом в период гласности литераторы почувствовали возможность своим творчеством напрямую влиять на развитие страны, то после выстрела Каракозова, в период окончания Великих реформ, наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис, только обострил идейную борьбу. В этот период начали появляться произведения, содержащие, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. *Теоретическая значимость* диссертационного исследования заключается в том, что его материалы и выводы вносят вклад в развитие историко-политической науки и определяют новые возможности изучения истории социально-политической мысли. *Практическая значимость* диссертационного исследования Прокудина Б.А. определяется тем, что его материалы и выводы могут быть использованы в университетских курсах по истории социально-политических учений России, политической истории России, истории русской литературы, а также в разработке ряда направлений современного гуманитарного знания.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования использовались при разработке и чтении общих, а также специальных курсов лекций (курсов профилизации) для студентов факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные идеи, положения и выводы диссертационного исследования были представлены в докладах на 25 международных и российских научных конференциях, круглых столах, среди которых наиболее важными являются: Международных конференциях «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» в 2011, 2013, 2017, 2019, 2021 гг.; I и II и III Съездах Российского общества политологов в 2014, 2016, 2018 гг.; Международной научной конференции «Политическая текстология как наука и

учебная дисциплина: проблемы становления» в 2016 г.; Международных научно-практических конференциях «Белорусская политология: многообразие в единстве» в 2016, 2018 гг.; Ежегодных международных конференциях молодых ученых и специалистов «Clio» в 2017, 2018 гг.; Круглых столах «Актуальные проблемы исследования истории социально-политических учений и политической текстологии» в 2018, 2020, 2021, 2022 гг.; Международном форуме «Маркс – XXI» в 2018 г.; Международной конференции «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения» в 2018 г.; Международной научной конференции «Язык. Мысль. Текст» в 2019 г.; Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием «Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы» в 2019 г.

Основные идеи и положения диссертационной работы изложены в 32 научных публикациях автора общим объемом 42,04 п.л., в том числе в 11 статьях (объемом 14,28 п.л.) в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI и входящих в ядро РИНЦ; в 2 статьях (объемом 3,3 п.л.) в рецензируемых научных изданиях из Дополнительного списка рецензируемых научных изданий из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, в котором могут быть опубликованы научные результаты диссертации; в 8 статьях (объемом 4,86 п.л.) в рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК; в 10 статьях (объемом 4,6 п.л.), опубликованных в других научных изданиях; а также в 1 монографии «Общественные идеалы накануне Великих реформ: политика сквозь призму русской литературы» (объемом 15 п.л.).

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 14 параграфов, заключения и списка литературы.

Глава I. Историко-методологические основания исследования общественных идеалов в русской художественной литературе

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования[36]

Идеал является одним из самых многофункциональных понятий в современном социо-гуманитарном знании. В общеупотребительном смысле представление об идеале связывается чаще всего с наилучшим состоянием какого-то явления или с высшей степенью человеческих способностей и личных качеств.

С точки зрения систематической философии понятие идеал может иметь гносеологический, эстетический и этический смыслы. В гносеологическом смысле идеал – это истина, в эстетическом – прекрасное. То есть здесь на первый план выходит «вневременная» составляющая идеала. Что же касается этического смысла, здесь идеал предлагается понимать в теоретическом плане и нормативном: «в теоретическом плане это – (а) наиболее общее, универсальное и, как правило, абсолютное нравственное представление (о благом и должном); в нормативном плане – (б) совершенство в отношениях между людьми или – в форме общественного идеала – такое устроение общества, которое обеспечивает это совершенство»[37]. Здесь на первый план выходит уже не вневременная, а историческая сторона осуществления идеала.

Существуют различные подходы к анализу понятия общественного идеала в отечественной науке. Прежде всего хотелось бы выделить подход П.И. Новгородцева и его последователей, в частности, Б.П. Вышеславцева. Новгородцев впервые в отечественной мысли предпринял попытку создания концепции

[36] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2022. № 2. С. 54–62.

[37] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. С. 139.

общественного идеала. Он не ограничился критикой конкретных представлений о совершенном обществе, а предложил универсальную модель общественного идеала, которая конструировалась в соответствии с нормами, существующими априорно и «заданными свыше». Будучи юристом, и представителем неокантианства, он интерпретировал общественный идеал в терминах естественного права, выстраивал свою концепцию на правовых принципах. Основную часть фундаментального труда «Об общественном идеале» (1917) он посвятил критике марксизма и позитивизма. Новгородцев осуждал любую «общественную философию», выступающую с притязаниями на создание «целостного миросозерцания, которое хочет быть новым исповеданием человека» и стремящуюся навязывать обществу собственный «путь спасения». Он критиковал социальные проекты Руссо, Конта, Маркса, Спенсера, которые, по его мнению, пытались создавать «философию земного рая». «Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни, – писал Новгородцев. – Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая»[38].

Все теории, содержащие конкретные пути построения «моделей совершенного общества» (в особенности – социалистические), Новгородцев признавал «утопичными» и утверждал невозможность осуществления их положений на практике. В качестве альтернативы теориям «конечного совершенства» он предлагал идею «бесконечного совершенствования», движения к абсолютному общественному идеалу, основой которого для него выступало соблюдение неотъемлемых прав человека. Речь идет, писал он, «о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же, и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни». Но на каждом этапе этого бесконечного развития, по Новгородцеву, проявляется «стремление к абсолютному», и каждый раз это стремление заканчивается лишь «относительным приближением к идеалу», созданием «изменчивых

[38] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса». С. 33.

исторических идеалов», которые различаются «от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений»[39].

Таким образом, в своей концепции Новгородцев противопоставлял идеал утопиям (теориям, в которых регламентируется будущее) и выделял «абсолютное» и «относительное» в осуществлении общественного идеала. Абсолютный идеал дан на все времена и имеет «сверхисторическую природу», под относительным идеалом он понимал социально-политический строй, оптимальный для конкретного времени и конкретного государства.

Б.П. Вышеславцев, как и Новгородцев, противопоставлял свое понимание общественного идеала утопиям, которым он давал исключительно негативную оценку, считая утопические социальные теории не способствующими прогрессу человечества и достижению его совершенства[40]. Работа, в которой выражена его концепция идеала – «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» (1914). Опираясь на труды И.Г. Фихте, Вышеславцев писал о бесконечности этического прогресса. Прогресс он представлял в виде ряда ступеней, «этического ряда», который «немыслим без предела, управляющего движением всего ряда, и следовательно весь ряд представляет актуальную бесконечность. Актуальная бесконечность есть “хорошо упорядоченное многообразие”, в котором каждый член ряда имеет <…> свое особое индивидуальное место, определенное пределом ряда, идеалом»[41]. То есть общественный идеал Вышеславцев понимал в широком смысле как недостижимый предел, «как раскрытие Абсолюта в истории»; в узком смысле – как «индивидуальное место» в «актуальной бесконечности истории». Таким образом, основанный на нравственном совершенстве общественный идеал имеет всеобщий характер для всего человечества, но находит свое временное выражение, реализуясь в конкретной стране и конкретное время, обретая формы экономики, «права и нравственности». Как и у

[39] См.: там же. С. 55.
[40] Подр. см.: *Царьков П.Е.* Русский либерализм сквозь призму неокантианства. Идеалы и воплощение. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 60–68.
[41] *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. С. 207.

Новгородцева, в работах Вышеславцева развитие эволюционно, люди на каждой ступени «этического ряда» усваивают нравственный закон на личном уровне, а затем формируют все более совершенную социально-политическую систему.

Другой подход к анализу понятия общественного идеала в отечественной науке был разработан советскими учеными в 1970-1980 гг. В этот период проблематика идеала и общественного идеала стала активно изучаться в рамках марксистско-ленинской философии, научного коммунизма и социологии[42]. Если Новгородцев и Вышеславцев трактовали общественный идеал как некий вневременной образец, «недостижимый абсолют», не имеющий конкретных очертаний, то советские исследователи трактовали идеал как выражение конкретно-исторического направления общественного развития. «Марксистско-ленинская наука указывает подлинный идеал общественного устройства, – писал Я.И. Яценко. – Классики марксизма-ленинизма смогли научно разработать общественный идеал потому, что они стали на точку зрения последовательно прогрессивного класса и применили правильный диалектико-материалистический метод к анализу общественного развития»[43].

Необходимо отметить двух исследователей, которые попытались уйти от одностороннего характера марксистской трактовки направленности общественного развития и построили свои работы на анализе конкретных в своей исторической форме идеалов. Это В.Е. Давидович и С.В. Туманов. Давидович определял идеал как «образ совершенства, некоторой исчерпанности, оптимального сведения всех параметров в монолитное целое», а общественный идеал как «привлекательный ориентир, на который равняются люди в своей деятельности, та цель,

---

[42] См.: *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968; *Еремина Л.М.* Структура общественного идеала // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Вып. 5. Челябинск, 1973; *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 1977; *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. М.: Мысль, 1983; *Черкашин Д.С.* Диалектика коммунистического общественного идеала и действительность. Некоторые вопросы методологии и теории: автореф. дис… докт. филос. наук. Киев, 1977; *Татаринцев В.Г.* Общественный идеал и социальная действительность: автореф. дис… канд. филос. наук. Л., 1978; *Павлов В.Л.* Философско-социологический анализ общественного идеала: автореф. дис… канд. филос. наук. Киев, 1980.

[43] *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 125.

которая детерминирует направленность деятельности, задает ей вектор»[44]. Наиболее последовательно концепцию общественного идеала разрабатывал философ и социолог Туманов, защитивший в 1982 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Диалектика развития общественного идеала», которая легла в основу монографии «Общественный идеал: диалектика развития» (1986), а в 2000 г. – докторскую диссертацию на тему: «Генезис и функционирование общественного идеала в массовом сознании и массовом поведении».

Общественный идеал Туманов определял как «образ совершенных общественных отношений, взятых в их совокупности»[45] и разделял понятия «общественный идеал» и «идеал общественного устройства». Своеобразие общественного идеала, с его точки зрения, заключается в том, что по сравнению с идеалом общественного устройства конкретной общности, он «функционирует в идеалах всех социальных групп данного общества». А функциями общественного идеала является указание на наилучшую из перспектив развития общества, обеспечения критерия для оценки общественного развития, определение плана построения совершенного общества и правил его устройства. «Идеал служит стимулом и планом общественных преобразований только тогда, – отмечает Туманов, – когда он, во-первых, отражает потребности социального субъекта и действительную тенденцию развития общественных отношений, облечен в диалектическую форму, а во-вторых, – и это главное – включен в практическую преобразующую деятельность людей в качестве конечной цели»[46]. Расширенное же определение звучит так: общественный идеал – «это модель совершенного состояния общества, в котором находит свое мысленное разрешение коренное противоречие эпохи. Выражая интересы своего субъекта, общественный идеал отражает тем самым и тенденцию общественного развития, выводящего за пределы данного качественного состояния общественной системы. Общественный идеал включен в практическую

[44] См.: *Давидович В.Е.* Теория идеала. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983. С. 81.
[45] *Туманов С.В.* Общественный идеал: диалектика развития. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 149.
[46] *Туманов С.В.* Генезис и функционирование общественного идеала в массовом сознании и массовом поведении. Дисс… докт. филос. наук. М., 2000. С. 34.

деятельность прогрессивной общности в качестве его конечной цели и является основой образования идеалов всех других общественных классов и групп»[47].

Новгородцев и Вышеславцев рассуждали о существовании «абсолютного» и «относительного» общественного идеала. Туманов, разграничив смысловое содержание терминов «общественный идеал» и «идеал общественного устройства», предложил другую классификацию.

По мнению Туманова, переходу от первобытнообщинного к рабовладельческому строю соответствовал мифологический идеал «Золотого века», к феодальному – раннехристианский идеал «Царства Божия», к капиталистическому – либеральный идеал «царства Разума». Однако «начиная с середины XIX века, – указывал он в диссертации 2000 г., – формируются идеалы общественного устройства, выводящие за качественные границы индустриального общества. Коммунистический и ноосферные идеалы, идеалы информационного общества и живой этики, созданные в разное время и в разных философиях, предлагают однотипное в своей основе разрешение противоречия между личностью и обществом, основанное не на ее подчинении и не на ее атомарном существовании, а на гармонизации отношений человека и социума»[48]. Такой тип идеалов, которые формируются «не как политические, а как моральные», в которых «проявляется многовариантность общественного развития», Туманов называл «интегративными». И они, по логике развития, овладевая умами представителей разных социальных групп, получив статус общественного идеала, должны стимулировать следующую смену исторических эпох.

Говоря о современных исследователях, можно сказать, что они не предлагают новых моделей изучения общественного идеала, а, пользуясь терминологией Туманова, в основном занимаются изучением «ограниченных» общественных идеалов конкретных мыслителей[49]. В этом ряду выделяются исследования Е.М. Амелиной,

---

[47] Там же. С. 56.
[48] Там же. С. 20.
[49] См., напр., *Жуков В.Н.* Общественный идеал России в социальной философии славянофильства: автореф. дисс… докт. филос. наук. М., 2000; *Сугатова Е.П.* Проблема общественного идеала в философии В.С. Соловьева: автореф. дисс… канд. филос. наук. Барнаул, 2001; *Скоробогатько А.В.* Проблема общественного идеала в русской социальной философии: автореф.

защитившей в 1983 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Общественный идеал как категория исторического материализма», и продолжившей заниматься проблематикой общественного идеала в русской философии. В 2000 г. вышла ее монография «Общественный идеал в философии всеединства: (от В.С. Соловьева к С.Л. Франку)», а в 2012 и 2014 гг. – «Общественный идеал в русской философии XIX – XX веков и современность» и «Общественный идеал в русской философии XIX – XXI вв.»[50]. Статья Амелиной об общественном идеале включена в энциклопедию «Русская философия» (последнее издание – 2022 г.), там он определен как «представление о наиболее совершенном общественном строе»[51]. В монографии 2014 г. она дает более обширное определение: «Общественный идеал – это представление о совершенном социальном устройстве, в котором мысленно разрешаются существующие в обществе противоречия. Общественный идеал выражает собой активное, деятельное отношение к действительности. Он фиксирует наиболее значимые цели субъекта и выступает в качестве компонента социальной деятельности, который как бы освещает ее издалека, направляя, регулируя и детерминируя поведение больших социальных групп людей. Идеал указывает на желаемую норму поведения. Это особая норма, включающая представление о высшем образе и совершенстве. Вместе с тем идеал – это высшая идея, принадлежащая к числу высших ценностей»[52]. Здесь взято за основу «деятельностное» определение Туманова, однако понятия «общественный идеал» и «идеал общественного устройства» не разделены. В

дисс… докт. филос. наук. СПб., 2004; *Жигунова Г.В.* Общественный идеал России в философских воззрениях славянофилов: автореф. дисс… канд. филос. наук. Мурманск, 2005; *Кондратьева Т.А.* Проблема социального идеала в русском классическом анархизме (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин): автореф. дисс… канд. филос. наук. Чита, 2006; *Царьков П.Е.* Концепция общественного идеала в работах П.И. Новгородцева и его последователей: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс… канд. соц. наук. Москва, 2015; *Рыбина Л.Б.* Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка: автореф. дисс… канд. филос. наук. Курск, 2016; и др.

[50] *Амелина Е.М.* Общественный идеал в философии всеединства: (от В.С. Соловьева к С.Л. Франку). М.: Издательство Е. Разумова, 2000; *Амелина Е.М.* Общественный идеал в русской философии XIX-XX веков и современность. М.: ГУУ, 2012; *Амелина Е.М.* Общественный идеал в русской философии XIX-XXI вв. М.: ГУУ, 2014.

[51] Цит. по: *Амелина Е.М.* Общественный идеал // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное. Под общей редакцией М.А. Маслина. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 212–213.

[52] *Амелина Е.М.* Общественный идеал в русской философии XIX-XXI вв. М.: ГУУ, 2014. С. 6.

результате слова об общественном идеале как модели совершенного состояния общества, в котором находит свое мысленное разрешение коренное противоречие эпохи, оказались смягчены. Место «коренных противоречий» заняли «существующие в обществе противоречия». Соответственно идея Туманова о том, что «универсальный» общественный идеал должен стать основой для «образования идеалов всех других общественных классов и групп», была отброшена, и в определении Амелиной общественный идеал просто «направляет, регулирует и детерминирует поведение больших социальных групп людей». Более того, в конец своего определения Амелина вставила нормативную интерпретацию общественного идеала П.И. Новгородцева и его последователей, используя слова «высший образ» и «совершенство». В итоге определение Амелиной оказалось размытым.

Таким образом, в контексте подходов Новгородцева и Туманова, подбирать рабочее определение общественного идеала в художественной литературе легче «от противного», говоря, чем он не является. К общественным идеалам, выраженным в произведениях художественной литературы, не может быть применено определение «абсолютного идеала» Новгородцева. В большинстве своем они предлагают очертания социально-политического строя, оптимального для России второй половины XIX в., то есть могут быть названы «относительными». Также к общественным идеалам, выраженным в художественной литературе, не может быть применено определение «общественного идеала» Туманова, потому что большинство их имеет сословный характер и не обладает «универсальностью». То есть, по Туманову, в произведениях художественной литературы можно обнаружить «ограниченные» идеалы или «идеалы общественного устройства» конкретной общности.

Поэтому уместней всего под общественным идеалом в художественной литературе понимать просто представление о наиболее совершенном общественном строе, однако подчеркнув, что этот идеал общественного устройства интегрально включает в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы. Мы употребляем понятие интегрального идеала в связи с тем, что в художественных произведениях, как правило, общественный идеал не представлен в

своей полноте. Однако собирая его проявления в разных аспектах, мы можем реконструировать его обобщенный облик. Реконструкция общественного идеала в художественной литературе – задача политико-текстологического и историко-политологического анализа. Основы таких подходов к изучению текстов предложены сотрудниками кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова[53].

Истоки осмысления проблемы общественного идеала в традиции отечественной книжности восходят к «Слову о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона, созданного в XI в., где автор утверждал идеал единого и независимого от Византии православного Русского государства, входящего в ряд других христианских государств.

После падения Константинополя, в борьбе с турками начинает формироваться представление о Руси как о подлинном центре православия. Создание нового общественного идеала было связано с поиском целей и смысла исторического существования русского народа и Российского государства. Уже в XVI в. были сформулированы основополагающие характеристики и черты России как отдельной православной цивилизации. «Свидетельства тому, – указывает ведущий исследователь русской духовно-политической мысли С.В. Перевезенцев, – различные сочинения, созданные в то время: “Сказание о князьях Владимирских”, послания старца Филофея, Степенная книга царского родословия, Лицевой летописный свод, Великие Минеи Четьи, “Домострой” и ряд других памятников, в которых были представлены идеалы Москвы как “Нового Иерусалима”, России как “Третьего Рима”, “Нового Израиля” и “Святой Руси”»[54].

---

[53] См.: *Андерсон К.М., и др.* «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина»: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 341–357; *Андерсон К.М., и др.* Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136; *Андерсон К.М., и др.* Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2016. № 4. С. 91–127.

[54] См.: *Перевезенцев С.В.* Традиционализм: русский взгляд // Родная Ладога. Культурно-просветительский и литературно-художественный журнал, 2017. № 3. С. 19–33.

В петровскую эпоху традиция православного понимания общественного идеала начала терять свое влияние благодаря распространению просветительских теорий «естественного права» и «общественного договора». Несмотря на то, что русское просветительство XVIII в. было достаточно консервативным и светские мыслители этого времени, «понимая необходимость развития на русской почве рационализированного мышления, науки и культуры, в то же время стремились опираться на накопленный национальный опыт, в том числе на многие уже существующие духовные, социальные, политические и культурные традиции»[55], высшими добродетелями становятся добродетели гражданские, а государство приобретает статус высшей политической и моральной ценности. «Идея “Святой Руси” заменяется общественным идеалом “Великой России”»[56].

С начала XIX в. с известной долей условности мы можем говорить, по крайней мере, о трех формах существования общественного идеала в российской социальной реальности: в виде государственной идеологии (которая пришла на смену духовно-политическим идеалам), в виде литературно-утопических произведений и появившейся социально-политической мысли. Если Александр I представлял свое правление продолжением «просвещенной» политики Екатерины Великой и свои первоначальные проекты реформирования государства во многом видел как адаптацию к российским реалиям европейских идеалов – философских, этических и эстетических, – то доктрина «православие, самодержавие, народность», сформулированная в период правления его преемника Николая I, по сути, избавила российскую монархию от необходимости следовать идеям Просвещения, но при этом сохранила известное представление о монархе как о «земном божестве». Доктрину С.С. Уварова можно назвать «официальным» общественным идеалом, к которому должна была стремиться Россия, в этой формуле «обозначено столь чаемое на Руси триединство веры, власти и народа»[57].

[55] См.: *Перевезенцев С.В.* «По устроению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму, 2018. № 1. С. 246.
[56] См.: *Амелина Е.М.* Общественный идеал в России и его основные черты // Соловьевские исследования, 2012. Вып. 4 (36). С. 25.
[57] *Перевезенцев С.В. Ширинянц А.А.* Формула имперского триединства // Тетради по консерватизму, 2017. № 3. С. 50.

«“Православие, самодержавие, народность” – это еще и краеугольный принцип, на основе которого предполагалось строить всю русскую жизнь»[58].

Уже в XVIII в. в России появляется жанр литературной утопии. По количеству произведений в жанре утопии, русская литература безусловно, уступает западноевропейской, старшей и разработанной. Достаточно сказать, что на Западе утопия возникает в античной литературе, а некоторые исследователи находят элементы утопии и раньше, в идеологии древних обществ Ближнего Востока[59]. В России же утопия появляется много позже, в эпоху созидания отечественной светской литературы[60]. Особенностью русской литературной утопии было то, что она, в отличие от европейской, «нередко была растворена в литературных произведениях других жанров – социальных романах, фантастических рассказах»[61]. С этим связан тот факт, что в русской социально-политической мысли конца XVIII – начала XIX вв. тема общественного идеала разрабатывалась, в основном, не теоретически, а включалась в ткань литературных произведений. Элементы утопии можно найти в рассказе А.П. Сумарокова «Сон “Счастливое общество”», в главе «Спасская Полесть» «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, в «Европейских письмах» В.К. Кюхельбекера, в более позднем произведении В.Ф. Одоевского «4338 год» и др.

---

[58] Подр. см.: *Перевезенцев С.В.* Россия. Великая судьба. М.: Вече, 2005. С. 508–531.

[59] См.: *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия: вопросы истории и теории // *Гуторов В.А.* Политика 2.0: Между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 86.

[60] Как указывает В.П. Шестаков, социальные утопии появились в народном сознании еще в Древней Руси. «Они носили характер эсхатологических надежд, как, например, сказание о “Хожении Агапия в рай” или “Путешествие Зосимы к рахманам”. Однако первые в полном смысле слова литературные утопии в России относятся уже к XVIII в. Тогда же возник и большой интерес к европейским утопиям, которые все чаще переводились на русский язык. Так, во второй половине XVIII в. в печати появляются два издания «Утопии» Томаса Мора (правда, издание 1789 года по повелению Екатерины II было сожжено), переводы утопических романов Л. Годдберга, Д. Рамсея, Ф. Фенелона, Б. Фонтенеля и др.» (*Шестаков В.П.* Русская литературная утопия: образ будущего // *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. С. 40). Традиционный для европейских утопий сюжет путешествия заимствует М.М. Щербатов в романе «Путешествие в землю Офирскую».

[61] *Шестаков В.П.* Русская литературная утопия: образ будущего // *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. С. 39.

Традиция включения утопических мотивов или законченных фрагментов утопии в ткань художественного произведения сохранилась и во второй половине XIX в. Здесь следует назвать в первую очередь знаменитый четвертый сон Веры Павловны, описание которого занимает целую главу романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», грезы Раскольникова о «Золотом веке» из романа «Преступление и наказание» и мечтания Версилова из романа Ф.М. Достоевского «Подросток», «казарменную» утопию Угрюм-Бурчеева из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Многие видят элементы утопии в главе «Сон Обломова» романа И.А. Гончарова «Обломов».

Начало XIX в. характеризуется появлением в России светской социально-политической мысли. Она начинает, в свою очередь, вырабатывать концепции общественного идеала, который становится системообразующим элементом для создания целостных социально-политических учений[62]. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о специфике выражения общественного идеала в русской художественной литературе, необходимо коротко охарактеризовать концепции общественного идеала, разработанные в рамках русской социально-политической мысли различных идеологических направлений, показать основные «типы» социальных идеалов либерализма, консерватизма и радикализма.

Хронологически наше исследование ограничено второй половиной XIX в. Принято считать, что именно этот период является отдельным этапом в процессе формирования общественного идеала в русской мысли, так как именно в это время в работах видных деятелей разных направлений русской мысли, чаще всего представленных в журнальных полемических статьях, формулируются модели идеального устройства, определяются средства достижения провозглашаемого общественного идеала и выявляются движущие силы, которые могут позволить проект этого общественного идеала осуществить. В этот период в России

[62] Генетическая связь утопии, общественного идеала и идеологии прослежена в классической работе Карла Мангейма «Идеология и утопия» (см.: *Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 113–169).

возникают «зародыши» идеологий политических партий, сыгравших важнейшую роль в исторических событиях начала XX в.

Либерализм второй половины XIX в. называют «классическим». Благодаря общественной деятельности и трудам представителей «государственной школы», прежде всего, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, отечественный либерализм сформировался как целостное учение. Кроме них в числе видных представителей либерального направления этого времени следует назвать М.М. Стасюлевича, А.Д. Градовского, А.Н. Пыпина и К.К. Арсеньева. Своеобразным манифестом этого направления стала статья Чичерина «Различные виды либерализма», опубликованная в 1861 г., в которой он охарактеризовал идеал «охранительного либерализма», сущность которого состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона[63]. «В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть, – писал Чичерин, – либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желаниям; сильная власть <…> внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»[64].

Тема общественного идеала оказалась в центре внимания либеральных мыслителей в 1860-1880 гг. Ей были посвящены многочисленные публикации в журналах «Вопросы философии и психологии», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. Среди них особый интерес представляют работы Чичерина, Кавелина, Градовского и Н.И. Кареева.

В связи с низким уровнем образования в тогдашней России одной из отличительных черт русского либерализма XIX в. было недоверие к демократии.

---

[63] А.А. Ширинянц предлагает называть либерализм Кавелина-Чичерина – «хранительным» (См.: *Ширинянц А.А*. «Примирение начала свободы с началом власти и закона»: «хранительный либерализм» К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина // Moldoscopie. Publicaţie periodică ştiinţifico-practică Tipul B. Anul 24 (2020), nr. 4 (91). S. 96–103).

[64] См.: *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. С. 203-204.

Поэтому миссию выработки общественного идеала в период Великих реформ либералы возлагали, прежде всего, на дворянство, ближе к концу века – на «русскую национальную интеллигенцию», включавшую уже многочисленных представителей образованных разночинцев, которая, по словам Кавелина, охватив «все направления и течения русской мысли со всеми их оттенками», выработает необходимый для российского общества идеал[65].

Нередко у отдельных представителей либерального движения с такими взглядами соединялось крайнее недоверие и даже пренебрежение «к верованиям и понятиям народной массы», не проявившей, с их точки зрения, должного стремления к ценностям европейской цивилизации после отмены крепостного права. Например, в статье «Народность и прогресс» (1882) В.И. Герье, сетуя на патриархальную составляющую русской жизни, говорил, что народ в большинстве своем представляет собой «пассивный материал, над которым <…> приходится много работать, но который сам помогает <…> очень мало и не принимает до сих пор никакой определенной формы»[66].

Особенное отторжение у либералов вызывали идеи русской самобытности. Дело в том, что в споре с западниками, начавшемся еще в конце 1830 - начале 1840 гг., А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и другие славянофилы противопоставляли простой народ европеизированным дворянам, отвергали идеи Просвещения и впервые стали говорить, что Россия имеет собственный путь развития, по которому может идти, не повторяя этапов развития западноевропейских стран. Источник русской самобытности они видели в православии и в своих сочинениях пытались доказать, что миссия России состоит в том, чтобы привести человечество к истинной христианской вере. Идея русской самобытности имела продолжателей. Например, в 1876 г. Ф.М. Достоевский писал, что главная цель его публицистики состоит в том, чтобы «по возможности разъяснять идею о нашей национальной духовной самостоятельности и

[65] См.: *Кавелин К.Д.* Злобы дня // Русская мысль, 1888. № 3. С. 1074.
[66] *Герье В.* Народность и прогресс // Русская мысль, 1882. № 4. С. 244.

указывать ее, по возможности, в текущих представляющих фактах»[67]. Именно идею о «национальной самостоятельности» и русской самобытности большинство либеральных мыслителей воспринимали как наиболее пагубную и противоречащую прогрессу, возможному только по европейскому образцу. В статье «Идеалы и действительность» либерал В.А. Гольцев писал: «Когда мы видим слепое подражание всему иностранному, когда поклонение перед условною и изысканною внешностью цивилизации соединяется притом с пренебрежением к родному, к народному, – для такого осуждения есть полное основание». При этом «таблица умножения, – продолжал он, – и Ньютоновы законы тяготения – не наши русские приобретения, но никто не предложит вновь доходить до них своим умом, как доходил до сотворения мира один из главных представителей нашей самобытности, знаменитый Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин»[68].

В центре социально-политической проблематики либеральной публицистики находится тема человека, как главного действующего лица «исторической жизни», и творческих способностей личности. Поэтому в основе либерального общественного идеала тоже стоит проблема личности. В знаменитой статье «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелин писал: «для народов, призванных ко всемирно-историческому действованию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно, ибо именно личность, сознающая само по себе свое бесконечное, духовное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа»[69]. Важнейшим признаком личности либеральные мыслители считали свободу, обусловленную как внутренними, так и внешними, социальными факторами. Поэтому в политической мысли они были последовательными защитниками свободы человека. Только признание абсолютной ценности личности позволяет обосновать значимость «нравственных начал» человека и делает его не только свободным, но и ответственным за

---

[67] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIV. Л.: Издательство «Наука», 1982. С. 61.
[68] См.: *Гольцев В.А.* Идеалы и действительность // Вопросы философии и психологии, 1891. № 3. С. 62.
[69] См.: *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 22.

свою судьбу и в конечном счете процветание общества – этот тезис был незыблемым основанием русского либерализма.

Между тем, такая позиция в отношении свободы личности в рамках общественного идеала имела свои слабости и противоречия. Полагая, что абсолютная свобода чревата анархией и крайний индивидуализм в своем отрицании любой власти так же плох, как и поглощение человека обществом, либералы искали компромисса. Чичерин писал по этому поводу: «Задача состоит в гармоническом соглашении тех двух противоположных элементов, из которых слагается общежитие: личности и общества. Это та идея, которая составляет конечную цель общественного развития; идеал представляет ту или другую форму осуществления этой идеи. Поэтому не может быть идеалом ни чистый индивидуализм, отрицающий всякую общественную власть <…> ни социализм, всецело поглощающий лицо в обществе»[70]. И это «гармоничное соглашение» может быть реализовано только в рамках правового государства. Поэтому в общественном идеале либералов появлялись идеи конституционного устройства.

Впрочем, отношение либералов к вопросу о своевременности конституции для России не было однозначным. Наиболее резко сомнение в целесообразности модернизации политической системы высказывал Кавелин, уверенный, что ограничение самодержавия неизбежно приведет к революции, а конституционный порядок в отсутствие для него социальной базы неизменно окажется сословно-олигархическим. Кроме того общество, по мнению Кавелина, «должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие»[71]. Реализацию принципа приоритета права либералы связывали с идеей сильного государства, стоящего над сословными и классовыми интересами и способного проводить необходимые реформы, обеспечивая порядок и общественное согласие.

[70] *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 77-78.
[71] *Кавелин К.Д.* Дворянство и освобождение крестьян // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 153.

Теоретическое воплощение идея «сильного государства» получила в концепциях «мужицкого царства» Кавелина, «правовой монархии» Чичерина[72].

Либеральные мыслители верили в исторический прогресс, они полагали, что создание идеального (или близкого к идеалу) общества в реальном мире вполне возможно. И утверждение общественного идеала они понимали как результат деятельности активных людей, созидающих то, чего пока не существует в природе, стремясь к осуществлению своих субъективных целей.

Желание либеральных мыслителей подчеркнуть конкретность и практическую достижимость своего общественного идеала стало причиной большой дискуссии в начале 1880 гг. Поводом к ее началу послужила Пушкинская речь Достоевского, где он утверждал, что «идеал гражданского устройства» «есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц»[73]. Наиболее активно в дискуссию вступили Градовский и Кавелин. Так, Градовский, оппонируя Достоевскому, утверждал, что «общественное совершенство людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести»[74]. В то же время Кавелин высказал еще более радикальную мысль, что «нравственность и общественные идеи, идеалы личные и идеалы общественные не имеют между собою ничего общего, и что из их смешения может произойти только путаница и хаос». Так, «нравственность» – это «факт чисто личный», в свою очередь, «общественная идея, формулируя условия правильного сожительства людей, вовсе не берет в расчет внутреннего человека и его отношений к самому себе, а имеет дело только с внешними, наружными поступками людей и их отношениями к другим людям и общественному союзу». Поэтому «гражданские идеи зарождаются отнюдь не из нравственного самосовершенствования людей, а из практической, реальной необходимости устроить их сожительство в обществе так, чтоб всем и

[72] См.: *Чиркова Н.А.* Общественный идеал в русской философской публицистике пореформенного периода (60-80 роды XIX века): Дисс… канд. филос. наук. СПб., 2002. С. 24–34.
[73] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 год // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: Издательство «Наука», 1984. С. 165.
[74] *Градовский А.Д.* Мечты и действительность // Голос, 1880. № 174. 25 июня.

каждому из них было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своим делом»[75].

Наконец, отметим важную особенность общественного идеала в либеральной мысли, состоявшую в том, что «гражданские идеи», о которых говорил Кавелин, его соратники рассматривали как идеи универсальные. «Истинный идеал, – писал Чичерин, – не может быть национальным. Понятие о наилучшем устройстве человеческого общежития вырабатывается общим сознанием человечества»[76].

Таким образом, ключевыми чертами общественного идеала в понимании либеральных мыслителей можно назвать его *достижимость, умопостигаемость* и *универсальность*. Это идеал гуманистический, в котором сочетается свобода личности и ценности правового государства.

Вторая половина XIX в. – время расцвета **консервативной мысли** в России, когда политическая теория и философия русского консерватизма получает свои законченные формы. Среди наиболее ярких представителей консервативного направления, чья общественная деятельность и теоретические труды вызывали наибольший общественный резонанс, необходимо назвать представителей позднего славянофильства И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина; историка М.П. Погодина, развивавшего теорию официальной народности; «почвенников» Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова; авторов панславистских концепций Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского; идеолога византизма К.Н. Леонтьева; автора концепции монархической государственности Л.А. Тихомирова и его предшественника М.Н. Каткова, чья публицистика имела ярко выраженное теоретико-политическое содержание. Русский пореформенный консерватизм XIX в. был неоднороден, однако наиболее общие черты общественного идеала у консерваторов второй половины XIX в. совпадают.

В пореформенный период в России существовало немалое количество консервативных изданий, на страницах которых обсуждались вопросы общественного идеала. Периодическая печать представителей позднего славянофильства была

[75] См.: *Кавелин К.Д.* Письмо Ф.М. Достоевскому // Вестник Европы, 1880. № 11. С. 454.
[76] *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 62.

представлена изданиями И.С. Аксакова: «День», «Москва», «Русь». Идеи почвенников формулировались в журналах «Время» и «Эпоха», которые издавались братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими. Наиболее известными изданиями русского монархизма были журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости» Каткова.

Консервативные мыслители сущность и особенности общественного идеала, в отличие от либералов, рассматривали исключительно в этической или религиозной плоскости. Они были убеждены, что общественный идеал не является плодом интеллектуальной деятельности людей, не создается творческой элитой общества, которая рационально осмысливает потребности конкретного социума в конкретный исторический период. По мнению консерваторов, общественный идеал представляет собой реальность духовного порядка, которую невозможно постигнуть на рациональном уровне. И главное, такой идеал укоренен в народной почве.

Показательна реакция Достоевского в 1880 г. на статью либерала Градовского, убежденного, что единственный путь развития России – «в европейском просвещении», что «*общественные* идеалы нашего народа находятся еще в процессе *образования, развития*. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа»[77]. На это Достоевский ответил так: «Вы спросите: какие же могут быть у нас свои общественные и гражданские идеалы мимо Европы? - писал он. - Да, общественные и гражданские, и наши общественные идеалы – лучше ваших европейских, крепче ваших и даже – о ужас! – либеральнее ваших! Да, либеральнее, потому что исходят прямо из организма народа нашего, а не лакейски безличная пересадка с Запада»[78].

Достоевский был убежден, что идеи образованного сословия нельзя сделать идеалом для народа: «вряд ли мы столь хороши и прекрасны, чтоб могли поставить самих себя в идеал народу и потребовать от него, чтоб он стал непременно таким же, как мы»[79]. По Достоевскому, общественный идеал не создается

---

[77] Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 г. // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: Издательство «Наука», 1984. С. 161.
[78] Там же. С. 169.
[79] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXII. Л.: Издательство «Наука», 1981. С. 44.

путем рационального конструирования, он органично вырастает из духовной и материальной жизни русского народа. Интеллигенция, в свою очередь, может лишь выразить народный идеал, а никак не навязать народу свой «книжный» или «пересаженный с Запада». Он не призывал интеллигенцию «уничтожиться» перед «правдой народа». «Преклониться мы должны под одним лишь условием, – уточнял Достоевский, – и это sine qua non[80]: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой»[81].

Интеллигенцию, увлеченную рассудочными проектами переустройства общества, пытающуюся навязать народу «книжные» идеалы, критиковали все представители консервативной мысли. В работе «Как надо понимать сближение с народом» (1880) Леонтьев писал, что интеллигенция может только навредить народу своей просветительской деятельностью: «идеи и политические вкусы, господствующее в интеллигенции все заимствованные, а у народа идеи и вкусы все *свои*; сближаясь с народом – мы только вредим ему; <…> мы почти нечаянно учим его *европейству*: и не можем не учить, потому что сами до сих пор выдумать ничего не были в силах, и в деле творчества национального, стоим гораздо ниже азиатских народов, индусов, китайцев, мусульман, у которых все почти *свое*»[82]. Критика оторванности интеллигенции от народной почвы была одной из любимых тем Каткова, который писал, что «наша интеллигенция имеет поверхностный, подражательный и космополитический характер; она не принадлежит своему народу и, оставляя его во тьме, сама остается без почвы»[83], и что «истинное зло России» «заключается в той гнилой части ее интеллигенции, которая стыдится своей страны и чуждается своего народа. Эта-то интеллигенция и есть наша язва, от которой мы должны во что бы то ни стало освободиться»[84].

---

[80] Обязательно – *лат.*

[81] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXII. Л.: Издательство «Наука», 1981. С. 45.

[82] *Леонтьев К.Н.* Как надо понимать сближение с народом. М.: Типография Е.И. Погодиной, 1881. С. 8–9.

[83] *Катков М.Н.* «Русский народ» и Петербургская интеллигенция» (ответ Кавелину) // *Катков М.Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 309.

[84] *Катков М.Н.* Возобновившаяся агитация против учебной реформы // *Катков М.Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 503.

Таким образом, задача образованного класса, по мнению консерваторов, состояла не в конструировании абстрактного общественного идеала или перенимании его западных образцов, а в определении «народных начал», из которых состоит этот идеал. Поиском «основ русской жизни», которые должны были составить содержание идеального общественного устройства, занимались все русские консерваторы, начиная с Н.М. Карамзина. Можно сказать, что консервативные мыслители сосредоточились по преимуществу на поиске такой формы устройства общества, которая наиболее полно соответствовала бы «народным началам», и были убеждены, что общественный идеал должен иметь национальный характер, поскольку «общечеловеческой цивилизации, – как писал Данилевский, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота»[85].

А.А. Ширинянц, в работах которого представлен наиболее полный концептуальный анализ консервативной политической культуры русской интеллигенции XIX в., пишет, что самую последовательную систему ценностей и установок, ориентирующуюся на «народные начала» русского общества, во второй половине XIX в. представили так называемые «почвенники» (Достоевский, А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов). Политические интересы и задачи общественности почвенники предлагали осмыслять и трактовать, исходя из смыслообраза почвы, то есть в связи с коренными духовными инстинктами народа, его культурой, традициями, историческим опытом, которые выполняют функцию генотипа культуры. «“Почва” – уникальное единство природно-географической и духовной реальности – рождает нацию, дает импульс развитию ее духовных традиций, которые в ходе реальной исторической жизни формируют общественную психологию, устойчивые особенности национального характера. Лишь постижение национального характера может сделать политическую деятельность конструктивной и плодотворной»[86].

[85] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 124.
[86] *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 160.

Одной из основных черт русского национального характера почвенники видели отсутствие у народа потребности заниматься государственной деятельностью и бороться за политические права и свободы. Впервые эта идея была высказана К.С. Аксаковым, который записке «О внутреннем состоянии России» (1855) писал, что русский народ – есть народ «не государственный», не стремящийся к государственной власти, «не желающий для себя политических прав», не имеющий в себе зародышей «народного властолюбия», то есть демократии[87]. Русский человек не желает участвовать в политической жизни, но хочет свободно вести свою внутреннюю «общественную» жизнь, «жизнь мирную духа». Признавая неограниченную государственную власть, народ, по мысли Аксакова, стремится удержать за собой независимость духовной и хозяйственной жизни от государства. Таким образом, власть в русском понимании является не врагом, а другом и защитником свободы, свободы духовной. Эту славянофильскую идею разделяли почвенники, а «всепримиримость» русской души они считали основой для бесконфликтного согласования интересов различных классов и сословий российского общества, их будущего единства.

Если в центре социально-политического творчества либералов стояла проблема человека как главного действующего лица «исторической жизни», то консервативные мыслители в большей степени апеллировали к интересам социального и национального целого, государственного блага. И если либеральные мыслители очень по-разному смотрели на перспективу конституционного правления в России, то консерваторы никогда не сомневались в необходимости самодержавной власти. Однако вопрос, какую роль государство должно играть в жизни народа, уже разрушал видимое единство их мнений.

Например, И.С. Аксаков, следуя в рассмотрении самодержавия как формы правления за братом, К.С. Аксаковым, не только отделившим сферу деятельности государства от народной жизни, но и утверждавшим, что отношения между

[87] См.: *Аксаков К.С.* Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 54.

государством и «землей» должны строиться по принципу взаимного невмешательства, называл современное ему бюрократическое правление «тиранией». «Действие самодержавия, – писал он, – простирается только на государство: вот его область. Но что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга самодержавия. Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, вторгаясь в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией. Так оно и есть в России со времен Петра»[88].

Другой представитель славянофильства А.И. Кошелев в работе «Конституция, самодержавие и земская дума» (1862) предложил своеобразный «консервативный» конституционный проект, в соответствии с которым предполагался созыв земской думы в качестве совещательного органа. Славянофилов, сторонников «земского государства», критиковали монархисты (Катков, В.П. Мещерский), уверенные, что истинным выражением национального единства служит централизованная монархия, опирающаяся на доверие народа. Единственным средством ограничения самодержавия и гарантиями от тирании они считали добродетели монарха, чья монаршая доля – всегда «испытание» ее носителя.

Главная идея, лежащая в основе позитивной программы преобразований, предложенной идеологами почвенничества, заключалась в слиянии образованных сословий с народной почвой, в примирении «цивилизации» с «народным началом». Она была сформулирована Достоевским в статье «Два лагеря теоретиков» (1862). И чаемый Достоевским общественный идеал, который должен был стать результатом «сближения образованных классов с народом», включал просвещение (грамотность) народа, уничтожение сословных перегородок, а также «нравственные преобразования как народа, так и самих образованных

[88] *Аксаков И.С.* Самодержавие не есть религиозная истина // *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России? (Серия: Из истории отечественной философской жизни). М.: РОССПЭН, 2002. С. 898. Подробней см.: *Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 77–79.

слоев»[89]. Потому что, по мнению Достоевского, без грамотности, образования невозможно духовное объединение нации. Как отмечается в исследовательской литературе, «перекликаясь с идеей “воспитания общества”, выдвинутой славянофилами, программа почвенников отличается от последней тем, что в ней не преобладает религиозное, “православное” начало»[90]. В отличие, скажем, от консервативной программы К.Н. Леонтьева, призывавшего, наоборот, отказаться от народного образования и «подморозить» Россию, славянофилы и почвенники хотели существенного изменения общественной жизни.

Как бы то ни было, общей особенностью консервативного подхода к проблеме общественного идеала было стремление опереться на исторические традиции, на опыт предшествующих поколений. Поэтому любые реформы и преобразования должны быть мирными, постепенными и соответствовать национальным традициям. Разрабатывая варианты общественного идеала, консерваторы стремились реабилитировать и актуализировать лучшие проявления традиционного устройства общества, в основе которого лежали, с их точки зрения, вечные духовные ценности и выработанные веками принципы общежития.

Третьим важнейшим направлением общественной мысли второй половины XIX века был **радикализм**, который проявил себя в целом ряде социально-политических направлений. Установки радикализма были выражены в творчестве публицистов подцензурных журналов «Современник» и «Русское слово», прежде всего, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, которых называли «радикальными разночинцами», «шестидесятниками», «революционными демократами», «нигилистами». Радикализм исповедовался в эмигрантских печатных органах: бесцензурной газете «Колокол» А.И. Герцена и Н.П. Огарева, а также в изданиях идеологов «революционного народничества» П.Л. Лаврова, М.А.

---

[89] См.: *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XX. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 20.

[90] *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 159.

Бакунина, П.Н. Ткачева. Наконец, он проявлялся и в печатных органах представителей легального народничества, прежде всего, в работах Н.К. Михайловского.

Общий смысл русского социально-политического радикализма состоял в отрицании политических реалий России того времени и, в первую очередь, крепостничества и его последствий. Но будучи едиными в критике самодержавного государства, его политических, социальных и экономических институтов, представители русского пореформенного радикализма имели разные представления в отношении перспектив общественного переустройства. Здесь важно сделать уточнение, что такие крупные мыслители и публицисты, как Чернышевский, Добролюбов и Писарев, считавшие себя материалистами, позитивистами, разумными эгоистами, утилитаристами, выступавшие сторонниками коллективных форм труда, общинного землевладения и освобождения женщин (то есть того набора идей, который в XIX веке называли «социализмом», «коммунизмом», «нигилизмом»), по цензурным соображениям не имели возможности высказывать свои представления об общественном идеале открыто и полно. С другой стороны, они и не пытались создать законченное учение. Поэтому, говоря о положительной программе русского радикализма, можно утверждать, что она была выражена идеологами народничества.

Основы народнической теории были заложены Герценом в статьях конца 1840 – начала 1850 гг., в которых была разработана теория русского крестьянского социализма. Основная идея Герцена состояла в том, что социальной базой русской революции должно стать крестьянство. Герцен полагал, что русский народ легче других может принять социалистические идеи потому, что уже несколько столетий живет общинным хозяйством, в котором реализованы идеалы коллективизма, равенства и самоуправления. Вера в возможность крестьянского социализма и социальной революции, а также «идеализация» народа стали характерными чертами народнического мировоззрения. История народничества – большой период в истории России с момента появления теории Герцена до запрещения большевиками партии социалистов-революционеров в начале 1920 гг. По определению одного из исследователей, «это 70-75 лет упорных и интенсивных поисков альтернативной парадигмы

развития России. Народники были убеждены в том, что государственная власть не способна решить фундаментальные проблемы России»[91].

Наибольшее воздействие на аудиторию газета «Колокол» имела с 1857 по 1863 гг., когда в свободных от цензуры публикациях Герцена и Огарева находили отражение оценки наиболее актуальных событий, происходивших в России. Несмотря на обличительный стиль, в период подготовки крестьянской реформы авторы «Колокола» вели конструктивную дискуссию с составителями правительственных проектов предстоящих преобразований и были готовы принять реформу «сверху». А когда Герцен и Огарев оказались недовольны тем, как реформа была проведена, они отказались от иллюзии «общего пути» с царским правительством.

Герцену принадлежит лидирующая роль в становлении народнической идеологии, но, создав теорию крестьянского социализма, сам он выступал против насильственной революции. И разработкой общественного идеала «революционного народничества» в большей степени занимались пребывавшие в эмиграции, Лавров, Бакунин и Ткачев в 1870 гг., рассчитывавшие на построенные нового справедливого общества в результате грядущей революции.

Печатные органы, созданные ими, отражали специфику каждого из трех основных течений в народничестве этого периода: журнал и газета Лаврова «Вперед!» – пропагандистского, издания сторонников Бакунина «Община» и «Работник» – анархистского, журнал Ткачева «Набат» – бланкистского. Несмотря на свойственную народникам идеализацию устоев народной жизни, вопрос, какую роль народ должен играть в процессе выработки общественного идеала, не имел единого ответа. Одно из главных положений анархистской теории Бакунина состояло в том, что народу нельзя навязывать ту или иную систему отношений, нужно создать ему условия для выработки собственной системы отношений, соответствующей «естественной жизни». Лавров же полагал, что основная роль в выработке общественного идеала принадлежит критически

[91] См.: *Тюкачев Н.А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860-1880-х годов: становление и эволюция: автореф. дисс… докт. ист. наук. М., 2013. С. 28–35.

мыслящим личностям, интеллигенции. Он и его сторонники, будучи позитивистами, старались исходить из принципов строгой научности, в соответствии с этим они видели в общественном идеале не бесконечное стремление к абсолюту и универсальную норму поведения (как либералы), не духовную реальность (подобно консерваторам), а проект реально осуществимого общественного устройства, преимущества которого научно доказаны. По мнению Лаврова, подготовка к социальной революции должна осуществляться посредством длительной пропаганды социалистических идей в народе силами интеллигенции. Лавров не исключал возможности стихийного бунта народных масс, к которому призывал Бакунин, или заговора, о котором говорил Ткачев, но сомневался, что бунт и заговор без «развития знаний» приведут к социализму.

Наиболее четко об идеале будущего общества высказался Лавров в работе «Исторические письма» (1868–1869), определяя, что можно считать прогрессивным развитием. Его «краткая формула» прогресса такова: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»[92]. Лавров, как и все народники, указывал на сельскую общину как на прообраз социалистического общества, считая ее идеальным типом общественного устройства, основанного на принципе справедливости и солидарности.

Ткачев не менее решительно выступал против буржуазного принципа индивидуализма, ставящего личные интересы выше интересов коллектива, и тоже считал, что «принцип общины» должен «лечь краеугольным камнем того будущего общественного строя, о котором все мы мечтаем»[93]. Ведь «самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землей, круговая порука, братская солидарность всех членов общины» представляет собой «идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком»[94].

---

[92] *Лавров П.Л.* Исторические письма // *Лавров П.Л.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 81.
[93] *Ткачев П.Н.* «Набат» (Программа журнала) // *Ткачев П.Н.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 453.
[94] *Ткачев П.Н.* Народ и революция // *Ткачев П.Н.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.С. 527–528

«Солидарная община, – писал Ткачев, – в которой интересы всех и каждого связаны во всех общественных отправлениях, неизбежно вызовет формы общежития, где для каждого будет почти невозможно укрыть от других сколько-нибудь серьезные явления своей личной жизни. Свободные кооперативные союзы для всех общественных функций, причем каждый член общества будет одновременно участвовать в нескольких разнообразных союзах, предполагают нравственную зависимость каждой личности от мнения множества лиц, входящих самым разнообразным образом в ее жизненную деятельность»[95].

Как у мыслителей либерального и консервативного направлений русской социально-политической мысли второй половины XIX в., вопрос о роли государства в жизни народа разрушал единство мнений и в стане русских радикалов. Большинству народников идеальное будущее представлялось безгосударственным. «*Государственный элемент в будущем обществе*, когда это общество вполне проникнется началами рабочего социализма, может не только дойти до известного минимума, но *может и совершенно исчезнуть*»[96], – писал Лавров. В обществе, основанном на всеобщей солидарности, коллективной собственности и совместном труде, не нужна будет власть, основанная на принуждении.

Наиболее последовательную критику государства высказывал в своих работах Бакунин. По мнению Бакунина, без разрушения государства вообще невозможен никакой общественный прогресс. В качестве универсального принципа построения безгосударственного общества Бакунин предлагал федерацию свободных общин, которая должна была возникнуть на руинах централизованных государств. Однако с Бакуниным был не согласен Ткачев, который писал: «Мы признаем анархию (или, точнее выражаясь, то, что под этим словом обыкновенно подразумевается), но только как желательный “идеал” отдаленного будущего». Он считал, что «анархия без предварительного практического осуществления идей братства и равенства» – лишь «хищническая борьба человека с человеком», «хаос

[95] *Лавров П.Л.* Вперед! Наша программа // Вперед! 1873. Т. 1. С. 21.
[96] *Лавров П.Л.* Государственный элемент в будущем обществе. Лондон: Наборня журнала «Вперед!», 1876. С. 77.

противоречивых интересов», «господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма»[97]. Поэтому Ткачев утверждал, что «цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства». Но параллельно с революционно-разрушительной деятельностью, по Ткачеву, должна идти деятельность революционно-устроительная: «революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства, с другой – вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию», создает «органы народного представительства», которые должны «санктировать их волей свою реформаторскую деятельность»[98].

В 1880 гг. в народническом движении произошли изменения, часть его участников перешла на более умеренные позиции. Сложилось так называемое «легальное народничество», которое представляли Н.К. Михайловский, П.П. Червинский, И.И. Каблиц и др. Печатаясь в России, они не обсуждали вопросов революции, однако продолжали утверждать выгоды общинного землевладения и коллективных форм труда.

Таким образом, радикальным отрицанием всего «отжившего» народники стремились разбить «основания старого порядка», построенного, по их мнению, на лжи и насилии. Этому порядку они противопоставляли идеал социалистического общества. Его прообраз они видели в крестьянской общине, существующей на принципах солидарности и согласования личных и общественных интересов.

Итак, под общественным идеалом в художественной литературе уместней всего понимать представление о наиболее совершенном общественном строе, однако подчеркнув, что этот идеал общественного устройства интегрально включает в себя экономический, политический, социальный, этический и др.

---

[97] *Ткачев П.Н.* «Набат» (Программа журнала) // *Ткачев П.Н.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 459.

[98] См.: *Ткачев П.Н.* «Набат» (Программа журнала) // *Ткачев П.Н.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 459–460.

идеалы. Собирая его проявления в разных аспектах, мы можем реконструировать его обобщенный облик.

Ключевыми чертами общественного идеала в понимании русских либеральных мыслителей второй половины XIX в. можно назвать его достижимость, умопостигаемость и универсальность. Это идеал гуманистический, в котором сочетается свобода личности и ценности правового государства. Общей особенностью консервативного подхода к проблеме общественного идеала было стремление опереться на исторические традиции, на опыт предшествующих поколений. Поэтому любые реформы и преобразования должны быть мирными, постепенными и соответствовать национальным традициям. Разрабатывая варианты общественного идеала, консерваторы стремились реабилитировать и актуализировать лучшие проявления традиционного устройства общества, в основе которого лежали, с их точки зрения, вечные духовные ценности и выработанные веками принципы общежития. Радикальные мыслители второй половины XIX в. отрицали политические реалии России своего времени, стремились разбить «основания старого порядка», построенного, по их мнению, на лжи и насилии. Этому порядку они противопоставляли идеал социалистического общества.

Однако главная особенность выявления и историко-политологического анализа общественного идеала в художественной литературе заключается в том, что его невозможно изучать и классифицировать по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических трактатах или публицистике. Невозможно распределить художественные произведения по трем группам: с либеральным общественным идеалом, консервативным или радикальным – в соответствии с главными политическими направлениями времени и пристрастиями того или иного автора. Дело в том, что в одном произведении могут быть выражены не только разные, но и антагонистически противостоящие, противоборствующие идеалы. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует, по меньшей мере, применения

шести методов, таких как: формальный метод, исторический метод, биографический метод, метод реконструкции социально-политических взглядов писателя, рецептивный, а также ретроспективный метод.

§ 2. Специфика историко-политологического анализа общественных идеалов в русской художественной литературе[99]

Методология историко-политического и политико-текстологического анализа художественных произведений интегрирует инструментальные возможности литературоведения (текстологию), философии, культурологии и включает в себя комплекс специальных методов, разработанных в рамках историко-политологического подхода: формальный метод, исторический метод, биографический метод, метод реконструкции социально-политических взглядов писателя, рецептивный, а также ретроспективный метод.

1. **Формальный метод** предполагает анализ текста и формальное выявление общественных идеалов с точки зрения современного исследователя.

Если в романе сосуществуют нескольких общественных идеалов, формальный метод анализа текста позволяет выявить их черты и составить «картину идей» с точки зрения современного ученого-исследователя. Это необходимо для того, чтобы избежать ошибки, которую совершают порой ученые, пытаясь дать романам однозначное идеологическое определение. Тогда как задача романа, в отличие от программной статьи или политического манифеста, может состоять не столько в том, чтобы утверждать правоту одного общественного идеала, сколько – исследовать художественными средствами взаимодействие существующих на тот момент идеалов, часто предоставляя читателю сделать окончательное заключение о них.

[99] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Специфика выражения общественного идеала в русской художественной литературе XIX в.: понятие полифонии // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 145–149; *Прокудин Б.А*. Общественный идеал в произведениях русских писателей XIX века // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, 6-7 декабря 2019 г. М.: МПГУ. 2019. С. 325–326.

Формальный метод дает нам возможность лучше понять идейный замысел автора и его социально-политическое содержание.

Хороший пример – «политический» роман Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872). Современники считали Достоевского консерватором, а роман «Бесы» часто аттестовали как «антинигилистический». Но можем ли мы сказать, что в нем выражен общественный идеал консерватизма? По письмам и подготовительным материалам известно, что этот роман действительно задумывался с целью критики нигилистов, разоблачения разрушительных идей революционеров. «То, что пишу, – вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что *ретроград!)* Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь»[100], – писал в 1870 г. Достоевский А.Н. Майкову. Но в процессе создания романа он не ограничился критикой нигилизма и высказался по поводу всех основных направлений русской мысли. Высмеивая революционеров и либералов, Достоевский, видимо, в какой-то момент понял, что такими же опасными в своем крайнем проявлении могут стать и консервативные идеи. Получается, что в своем произведении он дал возможность, пусть и «тенденциозно», в утрированной форме, высказаться представителям всех направлений общественной мысли и выразил, таким образом, общественный идеал и либерализма, и консерватизма, и радикализма. В результате применения формального подхода мы можем сделать еще более интересные предположения по поводу социально-политического содержания романа. Прежде всего усмотреть, что в романе «Бесы» не просто «консервативный» автор «демонизирует» нигилистов и «высмеивает» либералов. При помощи своих персонажей Достоевский доводит идеи политического нигилизма, либерализма и национализма до предельного состояния, чтобы показать, к каким разрушительным последствиям они могут привести общество. И если его роман был «пророческим», как о нем писали в начале XX в., то это было пророчество не столько о русской революции, сколько

[100] *Достоевский Ф.М.* 387. А.Н. Майкову. 25 марта (6 апреля) 1870. Дрезден // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 116.

о неизбежности гражданской войны, в которой столкнутся представители всех направлений, если не сумеют избежать радикализации.

Еще пример – роман И.С. Тургенева «Дым» (1867). Тургенев был либералом, может быть, даже – наиболее последовательным либералом среди всех крупных русских писателей. Это подтверждают его публицистические работы, письма и воспоминания. В «Дыме» он впервые позволил себе достаточно резкие политические высказывания, причем сделал то, чего в предыдущих романах пытался не делать, – одному из персонажей вложил в уста мнение о текущих событиях и исторической роли России, похожее на те, которое имел сам. Однако считать, что роман выражает общественный идеал либерализма – тоже было бы серьезным упрощением его социально-политического содержания. В романе «Дым» Тургенев прибегнул к несвойственному ему жанру сатиры, деятели русской революционной эмиграции и реакционеры-крепостники изображены здесь в тонах памфлета. На протяжении советского времени, выявляя идейное содержание романа, литературоведы спорили, кого же больше всех высмеивает либерал-Тургенев. В 1920–1930 гг. преобладало мнение, что – «лондонскую эмиграцию», Герцена и Огарева[101]. В 1940–1950 гг. ученые стали доказывать, что «основной удар» в романе направлен против группы менее известной «гейдельбергской эмиграции»[102]. По мнению исследователей 1960–1970 гг., «главным» объектом сатиры в «Дыме» были отнюдь не революционеры, а «дворянское общество, вплоть до высших сфер»[103].

Но если мы предположим, что Тургенев в романе дал высказаться своим идейным оппонентам и в то же время предъявил им свое представление о собственном общественном идеале, то, вооруженные знаниями истории социально-политической мысли, мы сможем рассмотреть за «сатирами» довольно сложную систему общественных взглядов 1865–1867 гг. суть которой, по Тургеневу, состояла в «опасном» слиянии славянофилов, почвенников и представителей

[101] См.: *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е издание. Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 70.
[102] См.: *Бялый Г.А.* «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник ленинградского государственного университета, 1947. № 9. С. 88–102.
[103] См.: *Винникова Г.Э.* Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971. С. 207.

«революционной эмиграции» в некую антизападническую коалицию «самобытников», которая защищает экономически отсталую сельскую общину, отвергает достижения западной цивилизации и единым фронтом противостоит либеральным реформам в России. И обобщенной программе «самобытников» Тургенев в романе противопоставил столь же обобщенную программу западничества. Причем, персонажа Потугина, высказывающего эту программу, он в письмах называет «ограниченным» западником, подчеркивая, с одной стороны, утопичность идей его «радикального» западничества, с другой, – указывая на дистанцию между собой и этим персонажем.

Коротко говоря, романы «Бесы» и «Дым» в идейном плане представляют собой нечто большее, чем выражение общественного идеала консерватизма или либерализма конца 1860 – начала 1870 гг. И уж точно, больше, чем прямое выражение политических пристрастий их авторов. Нужно сказать, что еще в статье «По поводу “Отцов и детей”» (1868–1869) Тургенев сам пытался предостеречь критиков от такого прочтения романа: «господа критики вообще не совсем верно представляют себе то, что происходит в душе автора, <…> они вполне убеждены, что автор непременно только и делает, что “проводит свои идеи”; не хотят верить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни – есть высочайшее счастие для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями»[104].

Эти примеры позволяют сформулировать важную особенность многих крупных художественных произведений, которую необходимо учитывать при выявлении общественного идеала – их полифоничность. М.М. Бахтин в

[104] *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 88. Далее Тургенев приводил красноречивый пример, касающийся другого произведения: «Я – коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в «Дворянском гнезде») все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого «разбить его на всех пунктах». Почему я это сделал – я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому, что в *данном случае – таким именно образом, по моим понятиям,* сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым» (*Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 88–89).

отношении романов Достоевского придумал понятие «полифония», которое обозначает наличие в тексте большого количества идей, находящихся во взаимодействии. «Слово героя о себе самом и о мире так же полновесно, как обычное авторское слово, – писал Бахтин о романах Достоевского, – оно не подчинено объектному образу героя как одна из его характеристик, но и не служит рупором авторского голоса. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев»[105].

Таким образом, идеи в романе (и тут мы имеем в виду не только произведения Достоевского), обладающие «исключительной самостоятельностью», могут быть самыми разными, противоречащими, исключающими друг друга, они могут быть близкими или неблизкими самому автору, но именно их взаимодействие в художественном произведении является для нас наиболее ценным. Читатель же того времени, погружаясь в это взаимодействие идей, учился думать сам, то есть воспитывался социально и нравственно.

2. **Исторический метод** подразумевает рассмотрение общественно-политической позиции писателя и восприятие его произведений в контексте исторических событий, состояния общественного устройства страны, популярности тех или иных социально-политических идей и учений.

Общественный идеал в художественной литературе невозможно изучать без знания исторического контекста эпохи. С одной стороны, на протяжении практически всей второй половины XIX в. в России существовала довольно строгая цензура, не позволявшая говорить о многих важный вопросах развития России напрямую. И писатели, стремящиеся писать о современности, активно прибегали к иносказанию. С другой стороны, в середине XIX в. некоторые вопросы, например отмены крепостного права, стояли так остро, что без знания этой проблематики не вполне понятна реакция тогдашних читателей на безобидные с сегодняшней точки зрения тексты.

[105] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Художественная литература», 1972. С. 8.

Приведем в качестве примера рассказы И.С. Тургенева из сборника «Записки охотника». Если мы посмотрим на первый рассказ сборника «Хорь и Калиныч» (1847) с высоты сегодняшнего дня, мы увидим неспешный, почти журналистский, очерк автора о посещении им обыкновенной крестьянской избы. Охотник с любопытством наблюдает фрагмент повседневной жизни двух простых крестьян: Хоря и его друга Калиныча. Хоря он описывает как человека «практического», «рационалиста». А Калиныча, что приходит в избу «с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал для своего друга», – нежным и сентиментальным. Только и всего. Однако для своего времени такое описание было революционным. Тургенев обнаружил в «мужиках» черты, которые обыкновенно считались принадлежностью лиц дворянского сословия. Крепостной крестьянин предстал перед читателем в новом свете, как человек, сознающий свое достоинство. И в других рассказах крестьяне были описаны Тургеневым мудрыми, честными, сильными людьми, ничем не хуже дворян. И все невольно задавали вопрос: как же можно держать таких людей в рабстве?!

Крестьяне изображались русскими писателями задолго до Тургенева, но их образы были в большей или меньшей степени условны. Тургенев же описал крестьян реалистично, как полноценных личностей. Это оказалось подлинным художественным открытием: «Автор сознательно никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества»[106], – отмечал А.И. Герцен. «Охотничьи» рассказы пользовались огромной популярностью, многократно переиздавались, и даже ходили слухи, будто бы Александр II признавался, что «Записки охотника» Тургенева были одним из главных «двигателей» его крестьянской реформы.

[106] *Герцен А.И.* О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице «Рыбаков») // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 177.

Еще одна иллюстрация – роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). В 1886 г. профессор И.Ф. Цион в антинигилистической статье, написанной для «Русского вестника», обратил внимание на странную особенность творчества Чернышевского. Если француз или немец спросит вас, кто такой Чернышевский, писал Цион, «вы ему ответите и скажите, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов <…> роман *“Что делать?”*, сделавшийся, однако, евангелием нигилистов». Действительно, это произведение воспринималось почти всеми как революционное, хотя в романе, написанном в тюрьме, нет ни одного упоминания таких слов как «революция», «революционер», «революционная организация», даже – «социализм». Цион размышляет о непостижимом для иностранцев «парадоксе Чернышевского», который на пяти сотнях страниц своего «плохого» романа описывает очередную историю любовного треугольника с какими-то фиктивными браками, инсценированным самоубийством, плюс к этому, довольно долго и скучно рассказывает об экономических выгодах совершенно безобидных кооперативных мастерских, однако на «каждой странице» своих статей 1880 гг., издаваемых за границей, революционеры-народники, П.Л. Лавров, Л.А. Тихомиров и С.М. Степняк-Кравчинский «называют нигилистов и террористов учениками Чернышевского» и «исполнителями его наставлений»[107].

Действительно, без знания исторического контекста совершенно нет возможности понять, каким образом роман, прошедший двойную цензуру и легально опубликованный в литературном журнале, оказался «вдохновляющим» для террористов-бомбометателей. Причем, не одного поколения. В 1904 г. В.И. Ленин скажет, что Чернышевский «увлек (в революционную деятельность. – *Б.П.*) моего брата, он увлек и меня» и «под его влиянием (романа “Что делать?” – *Б.П.*) сотни людей делались революционерами»[108].

Кроме того, в ситуации с Чернышевским, который под строгим цензурным надзором не мог писать свободно, кажется, недостаточно просто знать

[107] См.: *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм // Русский вестник, 1886. № 6. С. 776.
[108] См.: *Валентинов Н. (Н.В. Вольский).* Из книги «Встречи с В.И. Лениным» // В.И. Ленин о литературе и искусстве. Издание пятое. М.: «Художественная литература», 1976. С. 647–648.

исторический контекст, чтобы распознать социально-политическое содержание его романа. Тут требуется нечто большее, нужно правильно понимать тот «эзопов язык», которым владел автор, быть еще дешифровщиком. «О многих взглядах его нужно было догадываться, – замечал Ленин, – но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках»[109].

Ленин, русские революционеры и многие советские литературоведы пытались «расшифровать» статьи Чернышевского и его роман как послание, четкое наставление. Но если мы посмотрим на роман «Что делать?» не только как на послание современникам, а как на размышление о возможных сценариях жизни своих героев, представителей молодого поколения русского пореформенного общества, мы можем увидеть, что Чернышевский рассматривает два варианта, две стратегии социального поведения. Первая – мирное встраивание «новых людей» в наличную социально-политическую действительность, создание ими производственных ассоциаций на началах коллективизма, влияние своим примером и образом мыслей на общественное мнение в стране, в результате которого и возникнут предпосылки для «медленного прогресса». Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, в том числе будет преследовать вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция.

Нужно сказать, что представители разных поколений поняли Чернышевского по-разному. Сразу после выхода романа в 1863 г., когда исход Великих реформ еще не был до конца ясен, идея создания мирных производственных организаций нашла самый горячий отклик в среде молодежи. Однако после того, как Каракозов в 1866 г. осуществил первое покушение на Александра II и правительство ответило на это самыми суровыми мерами, когда процесс

[109] *Там же*. С. 649.

радикализации народнических организаций было уже не остановить, читатели романа видели в нем только вдохновляющий пример революционера Рахметова и призыв к восстанию, высказанный эзоповым языком.

Таким образом, исторический метод часто оказывается необходим не только для того, чтобы распознать социально-политические смыслы, заложенные автором в художественное произведение, но и правильно понять, какие смыслы угадывали в нем разные поколения читателей.

3. **Биографический метод** предполагает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте обстоятельств жизни писателя.

Общественный идеал в художественном произведении сложно реконструировать, не представая себе особенностей жизненного пути писателя. Например, одним из факторов, который невозможно игнорировать при оценке политических идей в художественной литературе второй половины XIX в., был фактор сословный. В тот период, в связи с изменениями в стране, менялась социальная структура общества. России нужно было все больше образованных людей – чиновников, врачей, учителей. Дворян не хватало, и постепенно эти сферы все активней наполнялись образованными разночинцами. К середине XIX в. яркие фигуры из разночинцев стали появляться в сферах, которые раньше считались исключительной монополией дворянства, например, в литературе и журналистике.

В конце 1861 г. 60-летняя мемуаристка А.П. Керн прочитала повесть молодого писателя Н.Г. Помяловского «Молотов», похвалила ее за «бездну наблюдательности», но отдельно добавила: «Фамилия подписавшегося Помяловский и – вообразите – семинарист!..»[110]. Для автора воспоминаний о поэтах пушкинской поры то, что автором беллетристики является выходец из сословия священнослужителей, представлялось почти невероятным фактом. Действительно, повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» были первыми в русской литературе 1860 гг. большими художественными произведениями, написанными разночинцем. И впервые их главными героями были не привычные

[110] *Керн А.П.* Рассказ о событиях в Петербурге // Минувшие годы, 1908. № 10. С. 69.

дворяне, а выходцы из сословия мещан и священнослужителей. Читая эти повести, можно лучше понять, с какими сложностями сталкивались разночинцы в новой для них социальной среде.

Основная проблема получивших образование разночинцев состояла в необходимости найти свое «место в жизни». У помещиков (дотоле единственного «образованного класса»), крестьян, купцов были выработанные веками сценарии жизни. А разночинцам их приходилось изобретать самостоятельно. Каким должен быть этот сценарий – чуть ли не главный вопрос, который тревожит героев Помяловского. Говорить об общественном идеале, выраженном в повестях «Мещанское счастье» и «Молотов», равно как и об «разночинской идеологии» главных героев его повестей, Молотова и Череванина, еще рано. Но если искать социально-политический смысл произведений Помяловского, то в неудовлетворенности автора своими героями и в неудовлетворенности героев самими собой – и будет их главный политический смысл.

Между тем именно знание биографии автора становится ключевым фактором для понимания его героев. В 1863–1864 гг. после того, как в журнале «Санкт-Петербургские ведомости» была напечатана статья П.В. Анненкова под названием «Современная беллетристика», включавшая развернутый очерк о Помяловском, вокруг повести «Молотов» началась журнальная полемика. Важно сказать, что Анненков был дворянином, причислял себя к либералам-западникам и был ярким представителем так называемой «эстетической критики». В своей статье он заявил, что самой «слабой стороной» повести являются «образы двух главных героев», Молотова и Череванина, которые совершенно неправдоподобны и больше похожи на «олицетворенные понятия». Анненков не поверил, что Помяловский встречал в жизни такие типы, он назвал их «предположениями», которые «прямо не вытекают из жизни»[111]. Однако говорить, что деятельный Молотов или скептик Череванин выдуманы, и такие типы не выросли из «созерцания жизни» – просто ошибка, демонстрирующая незнание Анненковым

[111] См.: *Анненков П.В.* Современная беллетристика // Санкт-Петербургские ведомости, 1863. № 5. С. 38.

условий жизни и настроений писателей-разночинцев 1860 гг. Подтверждением «жизненности» персонажей Помяловского может служить его собственная биография, подробно описанная его другом Н.А. Благовещенским (тоже семинаристом)[112]. В 1864 г., полемизируя с Анненковым, большую статью о Помяловском в журнале «Современник» опубликовал А.Н. Пыпин. В ответ на слова Анненкова о том, что Череванин не «наделен жизнью», Пыпин заявил, что, глядя на энергию, с которой выражается скептицизм Череванина, очевидно, «что и для него самого это не конец дела; это только временная усталость»[113]. То есть, Анненков утверждал, что таких людей, как Череванин, в русском обществе нет, а Пыпин был уверен, что они есть, и даже намекал, что люди такого типа, возможно, сумеют в будущем своими словами и делами как-то повлиять на общество. Почему Анненков и Пыпин так разошлись во мнениях, хотя, оба считали себя либералами? Вероятно, ответить на этот вопрос мы можем, посмотрев на сословное происхождение критиков. Анненков был дворянином и помещиком. Что же касается Пыпина, его отец происходил из мелкопоместных дворян, а мать – из духовного сословия. Кроме того, Пыпин приходился двоюродным братом Чернышевскому, с которым они долгое время жили в одном доме в Саратове. Пыпин не разделял радикальных настроений Чернышевского, но, в отличие от Анненкова, хорошо знал быт и психологию разночинцев, в частности, образованных детей священнослужителей, таких как Помяловский.

Другим ярким примером, демонстрирующим, что без знания биографии автора и его менявшихся политических взглядов мы можем превратно понять социально-политическое содержание художественного произведения, является роман Н.С. Лескова «Некуда». Этот роман был напечатан в 1864 г. и содержал карикатурные образы нигилистов, имеющих узнаваемые прототипы. Дело в том, что Лесков в начале своей литературной деятельности попал под влияние «крайних социалистов», некоторое время находился с ними в близких отношениях, но

---

[112] См.: *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. I–XLVII.

[113] <*Пыпин А.Н.*> Сочинения Помяловского // Современник, 1864. № XI–XII. С. 82.

потом рассорился. И все его прежние друзья оказались выведены в романе «Некуда» самым нелицеприятном образом. Помимо прочих в романе присутствовал персонаж Белоярцев (его прототип – В.А. Слепцов), который основал жилищную коммуну, подражая героям романа «Что делать?». Роман Чернышевского был напечатан годом раньше. Однако основным мотивом Белоярцева для создания коммуны, по Лескову, была не потребность трудиться и помогать людям, а властолюбие и желание удовлетворить свою «половую чувствительность». Коммуна Белоярцева распалась после полугода беспорядочной жизни и постоянных склок маленького кружка якобы прогрессивных единомышленников, которые на деле оказались не только не способными трудиться, но даже поддерживать небольшое совместное хозяйство, и черную работу за «социалистов» выполняла прислуга.

Разумеется, публика увидела в романе «Некуда» пасквиль на «прогрессистов», а поступок автора, окарикатурившего вчерашних друзей, казался таким неэтичным, что еще долгие годы «Некуда» воспринимался как донос. В советском литературоведении роман «Некуда», дискредитирующий идеи Чернышевского, был записал в «реакционные». Поразительно, но обратившись к публицистике Лескова, мы обнаружим, что он выступал в поддержку Чернышевского и искренне считал, что развивает главную идею романа «Что делать?». В частности, в 1863 г. Лесков написал хвалебную рецензию на «Что делать?». С его точки зрения после выхода романа Тургенева «Отцы и дети» в России появилось много молодых людей, которые хотели быть такими, как Базаров. Но одни копировали лучшее, что в нем было, стремились самообразовываться и приносить помощь людям. Их Лесков уважительно называет «настоящими» нигилистами. А другие, которых, к несчастью, оказалось значительно больше, «уродцы российской цивилизации», были способны только воспроизводить грубость и нетерпимость, называя это «нигилизмом». По Лескову эта «ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек» исказила «здоровый тип Базарова и опрофанировала идеи

нигилизма»[114]. Заслуга Чернышевского, по мнению Лескова, состоит в том, что он показал, какими на самом деле должны быть «настоящие» нигилисты: они «трудятся до пота», испытывают «уважение к взаимным естественным правам» и стремятся «дать благосостояние возможно большему числу людей»[115].

Интересно, что в своей рецензии Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убежден, что вместо «пошлого отрицания всего» – любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада, – необходимы постепенные мирные преобразования. И Чернышевский призывает в своем романе отнюдь не к разрушению всего, он призывает «заводить мастерские». Отличие романов «Что делать?» и «Некуда», по мнению Лескова, состояло в том, что Чернышевский утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», сам же он работал в этом же направлении «от противного», разоблачая «шальных шавок» нигилизма. Но, кроме этого, Лесков с большим уважением и симпатией показал в своем романе несколько «истинных» нигилистов, честных людей, идущих в революцию по убеждению. Уже одно это не позволяет назвать роман «Некуда» «антинигилистическим» и «реакционным» в привычном смысле этих слов. Лесков не похож на типичных критиков нигилизма из консервативного лагеря, он считал себя человеком «беспартийным», но в силу жизненных обстоятельств был хорошо знаком с кругом людей, которых в 1860 гг. было принято называть «нигилистами» и был убежден, что, критикуя «больное» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман служил общественному прогрессу. Таким образом, анализ общественно-политических идей романа «Некуда» в контексте обстоятельств жизни Лескова помогает лучше понять общественный идеал «постепеновства», высказанный на страницах романа.

4. **Метод реконструкции социально-политических взглядов писателя** предполагает анализ общественно-политических идей художественной

[114] См.: *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52, 53.
[115] Там же. С. 55.

литературы в контексте социально-политической публицистики автора, писем и воспоминаний, показывающих эволюцию его убеждений. Метод реконструкции взглядов писателя, меняющихся под влиянием различных социально-политических учений и идей, тесно связан с биографическим методом исследования общественного идеала, выраженного в произведениях художественной литературы. Очевидно, что на протяжении всей их жизни на авторов «политических» романов оказывает воздействие существующее «поле идей». Вместе с тем, как отмечалось ранее, изучая общественный идеал в художественной литературе, важно не сделать ошибки, полагая, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора. Однако часто бывает, что реконструкция идейных взглядов автора периода работы над определенным произведением оказывается ключом к пониманию социально-политического содержания этого произведения.

В качестве примера можно привести рассказ Тургенева «Муму». Он был написан сразу после выхода отдельным изданием «Записок охотника», в 1852 г., а опубликован в «Современнике» в 1854 г. «Записки охотника» тогда обратили на себя внимание Николая I, который счел большую часть рассказов, имеющими «направление к унижению помещиков»[116]. Царь повелел отстранить от должности цензора, давшего свое дозволение на публикацию, был объявлен выговор цензору «Современника», нареканиям подверглись и издатели журнала. Действительно, рассказ о жестокой помещице, которая приказала утопить собаку, мешавшую ей спать, можно назвать своего рода эпилогом ко «антикрепостническому» сборнику «Записки охотника». Известно, что Тургенев крепостное право называл «личным врагом» и в юном возрасте принес свою «аннибалову клятву» бороться с ним до конца. Но какой хотел видеть Тургенев русскую жизнь после крепостного права? Помещик-Тургенев много раз говоривший, что «рабство отвратительно», в то же время был совсем не из тех, кто призывал отдать землю крестьянам, он считал себя «законным владельцем» земли и никогда не ратовал за материальное равенство и социальную

[116] См.: *Громов В.А.* Судьба «Записок охотника» // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 555.

справедливость. Изучая идейные влияния, которые испытал на себе Тургенев, мы увидим, что его отрицание крепостного права связано не только с гуманизмом и состраданием к тяжелой участи народа. Нужно начать с того, что в юности Тургенев увлекался книгами Ж.-Ж. Руссо, идеи которого в наибольшей степени нашли отражение в его цикле рассказов «Записки охотника» и рассказе «Муму». По сюжету рассказа «Муму» Герасим утопил любимую собаку, выполнил жестокий приказ барыни, но сразу после этого он собрался и самовольно ушел из Москвы в деревню, откуда его насильно забрали два года назад. Этот «бунт» немого богатыря описан Тургеневым очень выразительно и торжественно. И в том, что Герасим отстоял свое человеческое достоинство и, не страшась возможного наказания, вернулся к естественному для себя труду «земледельца», по сути, был выражен идеал Тургенева. Тургенев считал, что вырванные из первозданного быта крестьяне, то есть дворовые люди, живущие в городе, обязательно превращаются в пародию на самих себя, теряют достоинство и силу. За этими словами мы можем разглядеть влияние идеи Руссо о природном человеке. «Сословие земледельцев – единственно необходимое и самое полезное, – писал Руссо в “Новой Эллоизе”, – человек в нем становится несчастным, лишь когда его тиранят» и заставляют делать что-то противное его «природе земледельца»[117]. Крестьяне в руссоистской парадигме, как ее понимал Тургенев, – это сословие «детей природы», не испорченных цивилизацией. Они мудры и терпеливы, но сами влиять на свою судьбу не могут и способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство. Но ни о каком другом уравнении не может быть и речи, потому что по своей природе они рождены пахать, в том числе и на барской земле.

В «Записке о крепостном праве» 1857 г. (через три года после публикации «Муму») Тургенев в очередной раз утверждал, что держать человека в рабстве – это преступление. Но одна из существенных проблем, с которой сталкивались дворяне, поборники освобождения крестьян в России, – это общее убеждение крепостных, что земля, которую они обрабатывают, «на которой умерли их

[117] См.: *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. М.: Издательство «Художественная литература», 1968. С. 496.

предки и родились их дети», принадлежит им. Надо как-то дать понять крестьянам, отмечает Тургенев, что «им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет им дано взаймы владельцем земли, которому они взамен должны будут платить аренду». Одним словом, надо освободить крестьян и сдавать им землю в аренду. Тогда помещики «утратили бы только физическую власть над своими вассалами, <…> Но они сохранили бы и даже, быть может, приумножили бы свои приносящие пользу и действительные права, производительность и ценность своих имений»[118].

Таким образом, знание того, что Тургенев разделял идею Ж.-Ж. Руссо о природном человеке, равно как его социально-политическая публицистика, касающаяся вопросов крепостного права, дают нам возможность более адекватно реконструировать либерально-дворянский общественный идеал, черты которого мы можем увидеть в рассказе «Муму».

Другой аспект метода реконструкции взглядов писателя касается анализа эволюции социально-политических убеждений автора, которые находят отражение в его художественных произведениях. Тут лучший пример – романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1875–1877) и «Воскресение» (1899). Случай Толстого уникален. Общественный идеал, выраженный в его романах, претерпел кардинальные изменения. Если герои ранних произведений Толстого, в которых исследователи видят альтер эго писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства. А сам Толстой, по словам С.А. Венгерова, превращается в писателя-дворянина, «разрушившего социологическое оправдание своего класса»[119].

Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870 гг., взгляды на сельское хозяйство и развитие России нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой идеал дворянина Толстой воплотил в образе

---

[118] *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 544, 538.

[119] См.: *Венгеров С.А.* Героический характер русской литературы // *Венгеров С.А.* Собрание сочинений. Т. 1. Издание второе. Пг., Издательство «Светоч», 1919. С. 96.

Константина Левина. Рассуждения Толстого о тех же вопросах в 1890 гг. нашли отражение в романе «Воскресение», а идеал дворянина – в образе Дмитрия Нехлюдова.

Действительно, мировоззренческие изменения Толстого кажутся кардинальными, писатель с довольно консервативными взглядами вдруг к пятидесяти годам становится анархистом. Однако перечитывая его ранние произведения, мы постоянно наталкиваемся на зачатки тех самых идей, которые Толстой будет проповедовать последние тридцать лет своей жизни. А прослеживая изменение его взглядов, можно увидеть, что, например, еще в 1862 г., когда Толстой занялся устройством школ в своем имении и начал издавать педагогический журнал «Ясная поляна», на страницах этого журнала он уже высказывал довольно радикальные взгляды, и подобно убежденному социалисту, писал о «бесчестности» богатства, необходимости материального равенства и т.д. Тогда Толстой был в шаге от того, чтобы начать свой «проект опрощения». Но не сделал этого, потому что собирался жениться, создать большую семью и жить в имении, занимаясь хозяйством. Действительно, он женился на Софье Андреевне Берс, и в последующие 15 лет в его жизни возобладал другой, «семейный проект», частью которого было накопление богатства. Толстой торговался с редакторами по поводу гонораров, покупал имения и земли. И в этот период, когда в семье один за другим рождались дети, Толстой пытался стать «добрым барином», хорошим помещиком. От мучивших его совесть вопросов он «отгородился» концепцией «ответственности к земле». Ее в завершенном виде высказывает герой романа «Анна Каренина» Константин Левин. По мнению Левина, несмотря на очевидную сословную несправедливость, ему самому необходимо оставаться «хорошим помещиком» и, к сожалению, эксплуататором, ради стабильности российского общества и блага крестьян.

Взгляды Левина на взаимоотношения помещиков и крестьян, на сельское хозяйство и пути экономического развития России можно назвать «общественным идеалом» только с некоторой долей условности, прежде всего, потому что они не носят окончательного характера и по форме являются, скорее, набором

интуиций, нежели четким представлением о совершенном общественном строе. Кроме того, взгляды Левина – это лишь промежуточный итог художественного осмысления Толстым общественного идеала, от которого он откажется уже через несколько лет после выхода в свет романа «Анна Каренина», когда у него случилось «религиозное перерождение», после которого Толстой не мог уже идти на компромиссы с совестью. Герой романа «Воскресение» Нехлюдов понимает, что жить за счет крестьян, чтобы их защищать – лицемерие, его долг – отдать крестьянам всю землю. Он убежден что наличие земли в собственности помещика «ужасно и никак не может и не должно быть»[120], потому что именно собственность на землю является причиной рабства и неравенства в обществе.

По собственному признанию Толстой после личного «религиозного кризиса» написал больше богословских, социально-политических трактатов и статей, чем художественной литературы в годы «своей величайшей литературной производительности». И уже разработав свое моральное учение, он принялся за роман «Воскресение», задуманный, помимо всего, чтобы донести эти идеи до широкого круга читателей. Поэтому изучение эволюции взглядов и убеждений Толстого дает нам возможность лучше понять социально-политическое содержание его произведений. Одновременно реконструкция общественного идеала, выраженного в толстовских романах, показывает процесс авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов.

5. **Метод рецептивного анализа** подразумевает, в частности, работу с самыми разными документами и текстами, отражающими восприятие произведения и его социально-политических идей в обществе.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что общественный идеал в произведениях художественной литературы второй половины XIX в. невозможно изучать отдельно от возникавшей вокруг них журнальной полемики. В 1850–1860 гг. литературная критика имела в России такой высокий авторитет, что художественные произведения очень многими читателями воспринимались сквозь призму

[120] *Толстой Л.Н.* Воскресение // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936. С. 218.

критических отзывов на них. В ситуации острой идейной борьбы по вопросам развития страны представителям разных идеологический направлений иногда приходилось вступать в «бои за произведения», навязывая читателям «правильный» способ их прочтения. И, по сути, – «правильную» интерпретацию общественного идеала.

В конце 1850 гг., в период гласности, мы наблюдаем удивительный факт. Представители двух противоборствующих общественных направлений в России: радикальные разночинцы («революционные демократы») и славянофилы (шире – консерваторы) одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» С.Т. Аксакова (1856), причем восприятие и интерпретация этого литературного произведения была совершенно противоположной. Первые нашли в тексте доказательства для обличения отживших крепостнических порядков, другие – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание, а дискуссия о книге – общественное значение.

Толчком к политизации «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», напечатанная в 1858 г. в журнале «Современник». Она была одной из первых попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII веке оказалась для Добролюбова актуальным произведением, на материалах которого можно со всех сторон показать уродливые проявления крепостного права. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах статьи. И «Семейная хроника» для читателей «Современника» оказалась произведением, обличающим старые порядки, хотя сам Аксаков едва ли мог назвать себя писателем-обличителем.

Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам и представителям консервативного направления. И восстановить «истинный» смысл произведений Аксакова взялся С.П. Шевырев в статье «Детские

годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале «Русская беседа» в 1858 г. В этой статье Шевырев настаивал на том, что Добролюбов «совершенно не понял духа произведений писателя». Аксакову, по мнению Шевырева, в беспокойное время удалось создать «спокойно-эпическое представление старой Русской жизни» без произнесения суда над ней, удалось в образах старины напомнить читателям о вечных человеческих ценностях[121].

Ответ Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалась опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным последствиям. Таким образом, полемика «Современника» и «Русской беседы» о сочинениях Аксакова имела для представителей радикального и консервативного направлений принципиальное политическое значение.

Другим ярким примером, как сильно критическая статья могла повлиять на восприятие читателями художественного произведения, может служить история бытования романа И.А. Гончарова «Обломов» (1859). По поводу этого романа не случилось такой полемики, какую вызвала «Семейная хроника» Аксакова, однако статья Добролюбова о романе под названием «Что такое обломовщина?», напечатанная в журнале «Современник», определила преобладающее восприятие «Обломова» на целое столетие.

В 1860 гг. слово «обломовщина», благодаря своей необыкновенной популярности, вошло в «Толковый словарь» В.И. Даля, где определялось четырьмя значениями: «Обломовщина, – писал Даль, – усвоено из повести Гончарова: <1> русская вялость, лень, косность; <2> равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; <3> привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; <4> непризнание за собой никаких мирских обязанностей, по пословице: *на других надеется как на Бога, а на*

[121] См.: *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I–II. Кн. 10. Критика. С. 69.

себя, как на черта»[122]. Из этого следовало, что «обломовщина», скорее, – общественное зло, а Обломов, скорее, – отрицательный персонаж «русской жизни».

Но, если внимательно перечитать роман, становится ясно, что толкования обломовщины, предложенные Далем, не могут быть объяснены только текстом Гончарова, они значительно шире. И «гражданское» значение этого слова приходит как раз из статьи Добролюбова «Что такое обломовщина?». В этой статье Добролюбов ушел от текста романа, чтобы говорить о «явлениях самой жизни», отталкиваясь от романа. Обломова, наряду с Онегиным, Печориным, Бельтовым и Рудиным, он включил в категорию «лишних людей», зараженных болезнью целого поколения – «обломовщиной», причина которой в крепостном праве, отсутствии свободы, и т.д. Все эти «лишние люди», рефлексирующие дворяне, любят «указать всем путь», но «ничего не делают для общей пользы»[123]. Добролюбов увидел в романе зарисовку общественной ситуации в России накануне Великих реформ. В это время, утверждал он, на первый план должны выйти «новые люди», способные активно участвовать в реформировании российского общества. А лентяи-дворяне типа Обломова, воспитанные в праздности и способные думать только о себе, должны уйти с дороги и не мешать. То есть, отнюдь не у Гончарова герои поставлены перед выбором: «включиться в общественно полезную деятельность или остаться в стороне», а у Добролюбова.

Таким образом, с самого начала роман «Обломов» часто воспринимался читателями в непосредственной спайке с работой Добролюбова «Что такое обломовщина?». Причем границы между художественным и критическим текстами в общественном сознании были размыты. Именно поэтому анализ текстов, отражающих восприятие произведения и его общественно-политических идей критикой и читателями, оказывается необходим для понимания того влияния, который роман оказывал на общественное развитие.

---

[122] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 2. М., 1862. С. 1175.
[123] См.: *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 57.

6. **Ретроспективный метод** представляет анализ воздействия литературного произведения на взгляды читателей и его вклада в развитие общественно-политических идей в широком историческом плане, на разных этапах жизни страны, вплоть до современности.

Одно из отличий «политических» романов от произведений социально-политической мысли и публицистики заключается в том, что для разных поколений читателей те или иные идеи (часто – независимо от желания автора) могут становиться более актуальными и востребованными, или, наоборот, перестать волновать их вообще. Это связано с самой сутью художественной литературы, которая, в отличие от публицистики, дабы не превратиться в памфлет, не пытается давать конкретных ответов на общественные вопросы. Причем художественная литература исследует социально-политическую реальность с разных сторон, по сути, предлагая читателю самому сформировать свое мнение об этой реальности. Именно это делает бытование романов в читательской среде непредсказуемым. В связи с конкретными историческими событиями может меняться не только читательское мнение о героях и «смысле» произведения, но одни идеи могут вдруг выходить на первый план, приобретая неожиданную актуальность, другие – уходить в тень. Соответственно – черты разных общественных идеалов, взятых из романов, могут восприниматься читателями в качестве желаемых и воздействовать на формирование общественной повестки дня.

Кроме исторического контекста, на восприятие литературного произведения может влиять и изменение социального состава его читателей. Произведения «дворянской» литературы, написанные как будто дворянами для дворян, могли быть совершенно иначе прочитаны, например, представителями разночинной интеллигенции. Здесь лучший пример – роман А.И. Герцена «Кто виноват?», появившийся сначала в журнале «Отечественные записки» (1845–1846), а потом напечатанный отдельным изданием (1847). Роман произвел сильное впечатление на российскую публику, журнальные критики и простые читатели на протяжении второй половины XIX в. искали ответ на вопрос, заявленный в назывании романа.

Роман Герцена имеет две основные сюжетные линии: социально-политическую и семейную. Сюжет социально-политический связан с желанием главного героя Владимира Бельтова покинуть Западную Европу, где он «заканчивал свое образование», и вернуться в Россию, чтобы баллотироваться на выборах в дворянское собрание и приносить пользу людям. Воспитанный на идеалах эпохи Просвещения и Французской революции, античной героики и литературы сентиментализма, Бельтов приехал в свой уездный город NN. Не соблюдая общепринятых норм и правил, стал вести себя в соответствии со своими убеждениями, и на выборах все единогласно проголосовали против него. Бельтов оказался так этим поражен, что незамедлительно покинул Россию, оказавшись «лишним человеком» на родине.

Сюжет семейной линии связан с непродолжительной дружбой Бельтова с четой Круциферских. Познакомившись с ними в городе NN, Бельтов начал бывать у них в гостях и влюбился в Любовь Круциферскую, которая тоже оказалась к нему неравнодушной. Когда же Бельтов узнал, что ее муж мучится ревностью, и семья Круциферских в опасности, он уехал из города. Окончание семейной линии совпало с окончанием линии общественной.

Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата – людей «своего круга», образованных дворян, так называемых «представителей передовых убеждений» 1840 гг. Можно утверждать, что наиболее важной для них была социально-политическая линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека». С таким человеком они могли себя ассоциировать. И главным был вопрос, почему Бельтов, казалось бы, человек образованный, искренне желающий приносить пользу, оказался несовместим с городом NN? Почему он не пригоден ни к какому делу? В момент написания романа Герцен был убежден, что в несовместимости Бельтова и мира города NN виновато, прежде всего, его воспитание и дворянская система образования, полностью оторванная от российской действительности. Человеку, воспитанному на Плутархе и героических историях о Французской революции, русское самодержавие казалось грубой деспотией, а крепостное право – унизительным рабством. И любое сотрудничество со «старым режимом» было невозможно. Герцен считал, что такая образовательная

система сделала «лишними людьми» многих представителей его поколения: Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского, М.А. Бакунина, людей, которые не видели возможности взаимодействовать с «режимом» по этическим соображениям. И образ Бельтова, человека с «болезненной потребностью дела» и одновременно «отсутствием всякого практического смысла» должен был, по мысли Герцена, явиться отрицательным примером. В ссылке он писал, что «лишние» люди его поколения своим «возвышенным» эскапизмом только истощают интеллектуальные силы России, которые можно было бы употребить на созидательную деятельность.

Однако прошло время, и в 1850–1860 гг. круг читателей романа расширился, пополнился разночинцами, для которых дворянская проблематика была гораздо менее актуальна. Кроме того, снятие цензурных запретов привело в конце 1850 гг. к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся путей развития России. Одним из «жгучих вопросов» того времени стал женский вопрос. И более важной для новых читателей в романе Герцена оказалась семейная линия романа, а «главным», по преимуществу, стал вопрос о положении женщины в русском обществе.

В период 1841–1845 гг. на фоне семейного кризиса Герценом были сформулированы основные положения первого русского «феминизма» («женского вопроса»). Его основная идея состояла в том, что «в новом обществе» женщина должна быть на равных с мужчинами вовлечена в общественные дела. Женщина, по Герцену, не должна быть «односторонне привязана к семье», она так же создана для «мира общих интересов, художественной и научной жизни»[124]. Эти идеи были перенесены в роман довольно замысловатым образом, они не были высказаны напрямую. Но под влиянием модного «женского вопроса» даже завуалированные идеи Герцена стали оказывать влияние на общественно-политическую жизнь. М. Горький в начале XX века писал об огромном значении этого романа «в истории развития русского общества», прежде всего, постановкой вопроса о положении

[124] *Герцен А.И.* Дневник 1842–1845 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 347.

женщины[125]. Даже когда в 1863 г. появился роман Чернышевского «Что делать?», который по смелости и разработанности вопросов о женском равноправии заслонил «Кто виноват?», роман Герцена продолжал влиять на русских читателей.

Еще одним примером, как неоднозначно может восприниматься художественное произведение разными поколениями читателей, служит роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Многими современниками этот роман воспринимался в контексте конфликта, произошедшего в журнале «Современник» в конце 1850 гг. До 1855 г., пока в «Современник» не пришел работать разночинец Н.Г. Чернышевский, это был вполне либеральный журнал. Ядро его редакции составляли дворяне И.С. Тургенев, П.В. Анненков, Д.В. Григорович, которых принято называть представителями «либеральной партии» в «Современнике». Их объединяло не только сословное происхождение и политические взгляды, но и литературно-эстетические представления, все они были в большей или меньшей степени сторонниками теории «чистого искусства». Чернышевский же, только что защитивший диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», заявил в ней, что «истинное» искусство должно иметь общественное значение, и начал писать с этой позиции статьи о литературе. Либералам это не понравилось. К тому же стало понятно, что их разногласия с Чернышевским не только эстетические, но и политические, он оказался «красным», то есть сторонником идей социализма. Чернышевский писал много, его влияние в журнале возрастало, и «либеральная партия» (во главе с Тургеневым) стала добиваться его увольнения из «Современника». Однако хозяин журнала Н.А. Некрасов не спешил увольнять своего ведущего сотрудника, чувствуя его популярность среди молодежи. Напротив, он стал все больше привлекать к работе в журнале разночинцев. Вскоре в «Современнике» появился Н.А. Добролюбов, стали печататься Н.Г. Помяловский, Н.В. Успенский и другие. И Некрасов, поставленный перед непростым выбором: «либеральная партия» или «семинаристы», выбрал последних. В связи с этим в 1860 г. Тургенев прервал сотрудничество с «Современником». Конфликт «либералов и

[125] См.: *Горький М.* История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике. Сборник статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 250–251.

демократов» мгновенно стал обрастать домыслами, в литературной среде поползли слухи, что Тургенев уезжает за границу, чтобы писать повесть под заглавием «Нигилист», где «расквитается с семинаристами». И когда через два года появился роман «Отцы и дети», многие в фигуре Базарова увидели пародийный портрет Добролюбова и карикатуру на «все молодое поколение».

В наиболее концентрированном виде эта точка зрения прозвучала в статье еще одного семинариста из «Современника» М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени» (1862). Тургенев, по Антоновичу, не только сделал из Базарова карикатуру, вульгаризировал идеи молодого поколения, но еще и оклеветал его, потому что в одном месте романа Базаров высказывает сомнения в необходимости отмены крепостного права. Главный смысл статьи Антоновича был в том, что разночинцы (и их радикальное крыло – нигилисты) не такие, как Базаров. Может быть они и материалисты, но это не значит, что они не могут любить родителей. И отрицают они не все напропалую, как Базаров, а только то, что в обществе действительно требует улучшения и реформирования. То есть Антонович заявил, что роман «Отцы и дети» – очень вредный, потому что вовсе не борется, а только насаждает пагубные сословные стереотипы[126]. Чрезмерная резкость тона Антоновича определялась его опасением за судьбу разночинцев вообще. Вероятно, он считал, что, если молодых нигилистов и разночинцев вообще признают общественно опасными элементами, им могут запретить поступать в университет (как уже не раз делали), могут запретить устраиваться на государственную службу, а особенно «неблагонадежных» могут вообще начать высылать, сажать в тюрьму.

И надо сказать, после публикации романа «Отцы и дети» опасения Антоновича подтвердились. Очень многие стали воспринимать нигилистов как людей, способных на насилие и разрушение. В 1862 г. в Петербурге произошли пожары, и в газетах стали писать, что в поджогах виноваты нигилисты. Первое, что, по собственному признанию, услышал Тургенев, когда приехал в Петербург

[126] См.: *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник, 1862. № 3. Современное обозрение. С. 67–68.

в 1862 г. было: «Посмотрите, что ваши нигилисты делают! Жгут Петербург!»[127]. А после пожаров начались репрессии, арестовали Чернышевского, на время закрыли журналы «Современник» и «Русское слово». И то, что все это время правительственные издания повторяли слово «нигилисты», подтверждало, что Антонович был прав – негативно понятый образ Базарова, безусловно, сыграл роль мобилизующего фактора для сплочения «сил реакции» в 1860 гг. Это заставило Тургенева написать в 1869 г. статью «По поводу “Отцов и детей”», где он пытался всех убедить, что не писал «памфлет» на Добролюбова и «не пытался отомстить обидчику»[128]. И всячески сожалел, что образ Базарова был использован против «представителей молодого поколения».

Но прошло некоторое время, и отношение многих молодых людей к Базарову начало меняться. Как свидетельствовал П.А. Кропоткин, «молодое поколение» сначала не поняло и не оценило образ Базарова, смотрело на роман, «как на камень, брошенный Тургеневым в новый тип, которому он не сочувствовал». «Только когда перечитали “Отцов и детей” гораздо позднее, – продолжал Кропоткин, – мы заметили в словах Базарова, так не нравившихся нам, зачатки новой реалистической философии нравственности <…> А между тем Базаров, как это сразу понял Писарев, был представителем молодого поколения»[129]. Другими словами, когда конфликт в журнале «Современник» забылся, когда пожары тоже остались в прошлом, новые читатели романа «Отцы и дети» вдруг обнаружили у Базарова много положительных черт, которым хотелось подражать. И после этого в среде радикально настроенной молодежи Базаров воспринимался уже как «положительный» персонаж. Таким образом, применение ретроспективного метода к анализу «Отцов и детей» дает возможность понять, какую важную и неоднозначную роль он сыграл в общественной жизни России 1860 гг. Образ

---

[127] *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 87.

[128] См.: *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 87–88.

[129] *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 118–119.

Базарова, с одной стороны, стал инструментом в борьбе правительства с оппозицией. С другой стороны, оказал существенное влияние на специфику социально-политической мысли радикальной интеллигенции эпохи Великих реформ и формирование разночинного сословного сознания.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что важной особенностью выявления общественных идеалов в художественной литературе является невозможность их изучения и классификации по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических произведениях, публицистике. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует, по меньшей мере, применения шести методов: формального метода, подразумевающего анализ текста и формальное выявление общественных идеалов с точки зрения современного исследователя; исторического метода, т.е. рассмотрения общественно-политической позиции писателя и восприятия его произведений в контексте исторических событий, состояния общественного устройства страны; биографического метода, который обозначает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте обстоятельств жизни писателя; метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, который подразумевает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте социально-политической публицистики автора, писем и воспоминаний, показывающих эволюцию его убеждений; метода комплексного анализа, т.е. анализ текстов, отражающих восприятие произведения и его социально-политических идей в обществе; ретроспективного метода, подразумевающего анализ воздействия литературного произведения на взгляды читателей и вклада в развитие общественно-политических идей на разных этапах его бытования.

Еще одним важным и необходимым условием выявления и анализа общественных идеалов в русской художественной литературе является деление процесса ее развития на дискретные исторические отрезки. Такое деление, или

периодизация, позволяет лучше понять причинно-следственные связи жизни и идеалов, отражаемых в художественных произведениях. Русская литература второй половины XIX в. имела ярко выраженный общественно-политический характер, ее политизация была исторически обусловлена и непосредственно связана ходом проведения Великих реформ. Можно выделить четыре основных этапа политизации литературы: первый – окончание правления Николая I, включающие годы, так называемого, «мрачного семилетия» (1848–1855), второй – период подготовки Великих реформ (1855–1861), третий – период проведения Великих реформ (1861–1866), четвертый – период окончания Великих реформ (1866–1881).

§ 3. Исторические этапы политизации русской художественной литературы[130]

Политизация русской литературы была исторически обусловлена. К середине XIX в. в стране сложилась кризисная социально-экономическая ситуация, когда необходимость реформ ощущалась представителями всех сословий. Общественное напряжение привело к росту гражданской активности, которая захватила и писателей, и литературных критиков. Взаимодействуя друг с другом, писатели и критики инициировали широкую общественную полемику, в рамках которой обсуждались наиболее важные вопросы времени.

Русская литература второй половины XIX в. имеет ярко выраженный общественно-политический характер. В чем причина? Казалось бы, русские авторы были усердными учениками европейских писателей, прежде всего, французов, однако русская светская литература, сформировавшаяся в начале XIX в.

[130] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Политический характер русской литературы // SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. С. 40–46; *Прокудин Б.А.* Политологический анализ художественных произведений / Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 124–125; *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. С. 26–48.

по примеру европейской, оказалась не похожей на нее. Русские писатели с самого начала стали иначе воспринимать свое предназначение, и русская литература сразу приобрела специфику.

Исторические причины такого странного, с европейской точки зрения, явления нам достаточно хорошо известны: после восстания декабристов самодержавная власть, опасаясь вольнодумства и неблагонадежности, решила опереться на чиновничество, создавая такие государственные формы, которые не предполагали участия других социальных слоев в процессе принятия решений. С этого же времени в России была ужесточена цензура, не допускающая прямых политических высказываний в прессе. Вузы, по проекту С.С. Уварова, должны были превратить студентов в «достойных орудий правительства». Кроме военной или государственной службы, других форм гражданской активности в России не предусматривалось. И заполнила этот вакуум гражданственности именно литература.

То, что русская общественная мысль XIX в. находила свое выражение в художественных образах, было обусловлено еще и глубокой традицией. «Православное мировосприятие определяло и тот факт, что на Руси социально-политическая мысль основывалась не столько на рациональном, сколько на *интуитивном знании*». Политическое творчество русских мыслителей «выражалось чаще всего *в форме литературно-художественных* или *публицистических произведений*, построенных на основе *символического мышления*»[131]. В итоге, начиная с 1840 гг., по словам С.А. Венгерова, всякий заметный писатель становился у нас общественным вождем: «всякий писатель должен идти направо или налево, а писатель индифферентный к общественным вопросам не имел ни влияния, ни успеха в соответствующей его таланту степени»[132]. Теперь писатель или поэт, даже сознательно уходивший в своем творчестве от морализаторства, не

[131] *Перевезенцев С.В.* Традиционализм: русский взгляд // Родная Ладога, 2017. № 3 (41). С. 24. См. также: *Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А.* Страницы русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2016. № 4. http://evestnik–mgou.ru/Articles/View/781

[132] *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы // Собрание сочинений С.А. Венгерова. Т. 1. «Героический характер русской литературы». Пг., 1919. С. 27.

мог себе позволить быть «независимым» литературным ремесленником, но мыслил творчество как гражданский поступок. И, соответственно, любое произведение искусства во второй половине XIX в., даже сознательно лишенное «направления», приобретало общественно-политический характер.

Наблюдая русскую литературу со стороны, английский философ И. Берлин в эссе «Рождение русской интеллигенции» предпринял попытку сравнить этот специфический «русский» подход к литературе с условным «французским» подходом. Французские писатели XIX в., по его мнению, в целом считали себя «мастерами литературной выделки» и полагали своей основной обязанностью создание высокохудожественных романов. Этого же ждала от них публика, интересуясь их частной жизнью не больше, чем, например, заказчик стола интересуется частной жизнью столяра. И сами писатели были вполне убеждены, что литературное творчество – одно, а частные дела писателя как индивида – другое, и не надо их путать. «Докажи кто-нибудь, что Бальзак шпионил в пользу французского правительства, а Стендаль был замешан в биржевых махинациях, это известие, вероятно, опечалило бы их друзей, но вряд ли бы бросило тень на статус и дар самих художников»[133]. Иное дело у русских писателей. «Русский» подход к литературе состоит в том, что человек един и разделен быть не может, «нельзя даже предположить, – пишет Берлин, – будто он, с одной стороны, гражданин, а с другой – совершенно независимо от первой – работает за плату, и это вещи совершенно разные»[134]. Русский писатель обязан «служить истине на любом поприще», и во все, что ни делает, должен вкладывать себя целиком. По мнению Берлина, такой точки зрения придерживались писатели всех направлений, даже «“эстет” Тургенев целиком и полностью убежден, будто социальные и моральные вопросы – главное и в жизни, и в искусстве»[135]. Кроме того, русские писатели-дворяне чаще всего работали не за плату, не зависели финансово от

[133] *Берлин И.* Рождение русской интеллигенции // *Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 27.
[134] Там же. С. 24.
[135] Там же. С. 26–27.

заказчика, чувствовали ответственность за свою литературную деятельность только перед своей совестью и убеждениями.

Суждения Берлина по поводу отличий русской и западноевропейской литератур заслуживают внимания. Они лишний раз подтверждают представления о том, что в России второй половины XIX в. иносказательная литература оказалась в ситуации, когда обязана была стать прибежищем социально-политической мысли в силу общественной потребности. А для выдающихся критиков, таких как В.Г. Белинский, А.В. Дружинин, А.А. Григорьев, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, начиная с 1840 гг., художественные произведения становились поводом, чтобы высказать свои общественные идеи. Так сформировалась специфическая русская критика, которая больше говорила об обществе, чем о литературе. То есть писатели высказывали социально-политические идеи в литературной форме, а публицисты, под видом литературной критики, эти идеи осмысливали, утверждая свои «правильные» трактовки. Часто критики максимально политизировали художественные произведения, заостряя внимания на темах, которые автор мог считать второстепенными. Институт литературной критики во второй половине XIX в. был столь влиятелен, что читатели подчас воспринимали произведения сквозь призму критической оценки, и грань между романом и статьей становилась неразличимой.

Политизация русской литературы была напрямую связана с особенностями ее развития в различные периоды эпохи Великих реформ. Речь идет о состоянии цензуры, ходе подготовки и проведения реформ, а также эволюции социально-политических учений, общественных идей и настроений в стране. В писательской среде и литературной критике также существенно менялись представления о назначении литературы и об обязательствах художника перед обществом. Говоря о второй половине XIX в. можно выделить, по крайней мере, *четыре разных периода* в развитии литературы: последнее десятилетие правления Николая I, включающие годы так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855), период подготовки Великих реформ (1855–1861), период проведения Великих реформ (1861–1866), период окончания Великих реформ (1866–1881).

«Мрачное семилетие» 1848–1855 гг. Этот период царствования Николая I прошел под знаком ужесточения политического режима. Одной из основных тенденций развития литературы и критики в период 1848–1855 гг. было обращение писателей к психологии индивидуальной личности. Примером такого произведения может быть повесть Л.Н. Толстого «Детство». Вместе с тем мы можем выделить два крупных произведения с достаточно выраженным политическим содержанием. А.И. Герцен в своем романе «Кто виноват?», не видя перспектив развития страны, все же высказался по ряду социально-политических вопросов. В «Записках охотника», которые И.С. Тургенев публиковал в «Современнике» с 1847 по 1852 г., хотя и нельзя найти представлений о более совершенном общественном строе, уже проглядывают некоторые черты либерально-дворянского идеала.

На внутренней политике Николая I сильно сказались революционные события 1848–1849 гг. в Европе. Его страх, что революционные настроения могут вызвать волнения и в России, привел под конец царствования к усилению цензуры, им был учрежден негласный, так называемый «бутурлинский» комитет «для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений». 24 октября 1849 г. в университеты поступило «наставление»: «Ректоры и деканы будут тщательно отсекать в рассматриваемых ими программах и запрещать в устном преподавании с кафедр все, что может даже и косвенно содействовать к распространению у нас разрушительных начал сенсимонизма, фурьеризма, социализма и коммунизма или служить им некоторой опорой»[136].

Слова о том, что в России какое-то «движение вперед» есть только в литературе, а писатель может хоть как-то с помощью намеков и иносказаний слабо оппонировать правительственному курсу, Белинский написал до начала революционных событий в Европе. Ведь постоянная борьба с «политическими и социальными тенденциями в журналах» в связи с естественным развитием печати была частью политики правительства, начиная с подавления декабристского восстания. Именно поэтому столь удручающее впечатление на Белинского

[136] См.: *Энгельгардт Н.А.* Очерк по истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Библиополис, 2016. С. 186.

произвела книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» 1847 г., в которой он увидел «пособничество» правительственной борьбе со «свежими силами» общества, «проповедь кнута», а сам Гоголь невольно предстал «поборником обскурантизма и мракобесия»[137]. В это время русский народ, по выражению П.А. Кропоткина, «был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в деле создания институций родной страны», и художественная литература достаточно робко пыталась стать такой «институцией»[138]. Однако изменения к худшему происходили с большой скоростью, и усиление цензурного надзора ощущалось из месяца в месяц. Если в 1847 г. отдельным изданием вышел роман Герцена «Кто виноват?», печатавшийся до этого в журнале «Отечественные записки», в «Современнике» появились первые рассказы будущего сборника И.С. Тургенева «Записки охотника» и повесть Д.В. Григоровича «Антон-Горемыка», то в 1848 г. все эти произведения вряд ли были бы напечатаны. «Общие идеи» теперь казались опасными, цензоры видели их связь с европейской общественной мыслью, поэтому – чреватыми революцией.

В период «мрачного семилетия» любая попытка сформулировать на страницах художественной литературы что-то похожее на общественный идеал с большой вероятностью лишила бы произведение возможности быть напечатанным легально, поэтому свое «возмущение» писателям оставалось передавать лишь косвенно. Видимо, не случайно с вопросов социального характера они переместили фокус внимания на проблемы личности, формирующейся на фоне общественных событий. Поворот русской литературы к тщательному анализу индивидуального сознания, наметившийся после 1848 г., можно проследить по рассказам Тургенева из знаменитого «охотничьего» сборника. На изменение тематики рассказов обратил внимание Б.Ф. Егоров: «Если Тургенев опубликовал в предреволюционные годы такие рассказы из “Записок охотника”, как “Хорь и Калиныч”, “Ермолай и мельничиха”, “Однодворец Овсяников”, “Льгов”,

[137] См.: *Белинский В.Г.* <Письмо к Н.В. Гоголю> // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. X. М.: Издательство академии наук СССР, 1956. С. 212–221.
[138] *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 10.

“Бурмистр”, “Контора”, “Петр Петрович Каратаев”, где в качестве главных коллизий изображались крепостнические отношения в русской деревне, то теперь, в 1849-1851 годах, он пишет “Бежин луг”, “Касьян с Красивой Мечи”, “Певцы”, “Свидание”, “Гамлет Щигровского уезда”, “Чертопханов и Недопюскин”– произведения, не противостоящие “натуральной школе”, но выдвигающие на первый план именно индивидуальную психологию»[139].

Однако и в этот период цензурная политика выглядела не всегда последовательной. Например, с зимы 1852-1853 г. внимание правительства оказалось прикованным к международным делам, обострению русско-турецких отношений. Когда началась война, интерес к литературе со стороны Третьего отделения несколько ослаб, и рукописи стали легче проходить цензурные ведомства. Еще в 1852 г. Тургенев, напечатавший статью-некролог о Гоголе, за «ослушание и нарушение цензурных правил» был арестован, приговорен к месячному заключению, а затем – «ссылке на жительство» в родовое имение под полицейский надзор. А в 1854 г. в «Современнике» был опубликован его «антикрепостнический» рассказ «Муму», написанный как раз в заключении и похожий на эпилог к «предосудительному» сборнику «Записки охотника». Будто спохватившись, цензурный комитет забил тревогу, либеральному цензору В.Н. Бекетову, пропустившему рассказ в печать за это был объявлен выговор, подверглись нареканиям и издатели «Современника». Но рассказ «Муму» уже стал достоянием публики. Одним словом, не вполне справедливо говорить, что в этот период запрет на обсуждение социально-политических вопросов привел к тому, что писатели ушли в «психологию» и «отвлеченный эстетизм». Но очевидно, что тогда «русскому писателю, – по словам Энгельгардта, – более, чем когда бы то ни было, приходилось не выяснять свою мысль, но закутывать ее в непроницаемый туман»[140].

Если резюмировать обзор основных тенденций литературы и критики в период 1848–1855 гг., как уже говорилось, необходимо выделить обращение

---

[139] *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века (1848–1861) Л.: Искусство, 1982. С. 61.

[140] *Энгельгардт Н.А.* Очерк по истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Библиополис, 2016. С. 187.

писателей к психологии индивидуальной личности. Важной особенностью этого периода стал также рост интереса к национальной проблематике: славянофилы и вожди «молодой редакции» «Москвитянина» начали поиски «национальных основ» в литературе; эмигрировавший Герцен после разочарования в идеалах республики занялся обоснованием русского «крестьянского» социализма. Признаком некоторого «оживления» в литературе ближе к концу «мрачного семилетия» стало возобновление «крестьянской темы»: из печати вышли романы А.А. Потехина «Крестьянка» («Москвитянин», 1853), Д.В. Григоровича «Рыбаки» («Современник», 1853), рассказы А.Ф. Писемского «Питерщик» («Москвитянин», 1852) и «Леший» («Современник», 1853). Подобное «оживление» вызвало возрастание полемики и в журнальной критике. На роман «Рыбаки» откликнулись и Б.Н. Алмазов, и А.А. Григорьев, и П.В. Анненков, и молодой Н.Г. Чернышевский, только начавший свою литературную деятельность. Но основная борьба литературный партий была еще впереди. В годы царствования Николая I, по словам Б.Ф. Егорова, «дифференциация общественных групп еще не достигла четкости, о чем особенно ярко свидетельствовало участие многих критиков одновременно во враждующих журналах и газетах. <…> Сам факт возможности участвовать во враждебных журналах, не говоря уже о терпимости редакций к противоположным мнениям, характерное явление “мрачного семилетия”. После 1855 года подобные случаи будут встречаться все реже и реже, а в журналах займут место четкие общественные группировки»[141].

Период гласности 1855–1861 гг. Смерть Николая I привела российское общество в состояние брожения. Несмотря на то, что формально в стране продолжали действовать старые цензурные законы, время с 1855 по 1861 гг. стало самым свободным, никогда еще печати не разрешалось столько, сколько в этот период. В это время происходит максимальная политизация литературного процесса. Важнейшую роль в нем начинает играть критика, которая становится полноценным поставщиком новых социально-политических идей для русской

[141] *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века (1848–1861). Л.: Искусство, 1982. С. 75.

жизни, по сути, обретая черты политической публицистики. Писатели и критики от отрицания перешли к утверждению новых ценностей, стали создавать образы общественного идеала. Интересно, что именно в этот период, накануне крестьянской реформы, в ряде художественных произведений был сформулирован патриархальный дворянский общественный идеал.

Никогда в России не возникало столько новых газет и журналов. Например, в 1848 г., при Николае, появились лишь три новых издания: «Географические известия», издаваемые Русским географическим обществом, и два официальных – «Ведомости московской городской полиции» и министерский «Морской сборник». В 1850 г. – только одна газета «Ставропольские губернские ведомости». И так было все годы «мрачного семилетия». Но когда в 1855 г. бутурлинский комитет был закрыт, периодические издания самого разного содержания начали появляться с небывалой быстротой. В 1858 г. было зарегистрировано рекордные 59 новых изданий, причем существенная их часть была юмористическими «городскими листками»: листок «забавного смехословия и потешного пустословия» («Бесструнная балалайка»), «смеха и колоссального успеха» («Фантазер»), «летучий листок, без сотрудников» («Муха»), «листок без назначения времени о выходе в свет» («Щелчок») или журнал «всяких разных странностей светских, литературных, художественных и иных» («Весельчак»)[142]. На фоне официальных изданий николаевской эпохи, описания этих листков и журналов выглядят как взрыв фантазии и всеобщего веселья. Но помимо юмористических «листков» в эти годы появилось много серьезных изданий, связанных с экономикой и сельским хозяйством («Указатель экономический, статистический и промышленный», «Журнал землевладельцев», «Сельское благоустройство», «Сельское хозяйство» и др.). Все они так или иначе были посвящены предстоящей реформе. Параллельно появлялись и новые литературные журналы. Причем, развитие журналов и газет совпало с обретением литературой нового статуса в обществе. Энгельгардт писал, что вся цензура николаевского времени, способствовала

[142] См.: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 354–373.

тому, что «литература не выполняла своей будничной обязанности, постоянного толкования жизни и возникающих запросов ее»[143]. Если продолжить его мысль, то время исполнения этого призвания литературы наконец наступило. Само появление такого количества новых изданий в период подготовки Великих реформ обнаружило острую потребность общества в печатном слове и, конечно же, в гражданственно зрелой художественной литературе. Поражение в Крымской войне лишний раз показало необходимость коренных преобразований, а обещание реформ, данное новым императором, и послабление многих цензурных запретов привели к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся, прежде всего, путей развития России.

Хотя формально в начале царствования Александра II никакие смягчающие цензуру распоряжения приняты не были, цензурные ведомства заняли нейтрально-выжидательную позицию, и периодику заполонила общественная проблематика. В 1856 г. произошло знаменательное событие для всей журналистики – М.Н. Катков обратился за разрешением выпускать журнал «Русский вестник», в программе которого был и политический отдел, и получил такое разрешение. В декабре 1856 г. «Современник» также обратился за разрешением открыть политический отдел, но получил отказ. Как пишет историк цензуры Г.В. Жирков: «Цензурное ведомство могло теперь воздействовать на печать через запрещение одним изданиям политической информации и предоставление такой льготы другим»[144].

Накал общественной дискуссии сказывался, в частности, на том, что журнальная борьба в этот период гласности постоянно усиливалась. Обострялась и полемика в литературной критике, которая все более принимала политическую окраску. Произошли существенные изменения и в самих в журналах. Прежде всего, усилил свои позиции «Современник». Конфликт разночинцев Чернышевского и Добролюбова с представителями «либеральной» дворянской «партии»

[143] *Энгельгардт Н.А.* Очерк по истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Библиополис, 2016. С. 192.
[144] См.: *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 103–104.

Тургеневым, Дружининым, Григоровичем, Анненковым) закончился победой «семинаристов». Некрасов потерял Тургенева и Григоровича, но сохранил любимцев радикальной молодежи и целую группу писателей-разночинцев, которые пришли вслед за Чернышевским. В журнале стало меньше «изящной» литературы, больше очерков и публицистики. Это соответствовало открывшимся возможностям гласности и отвечало запросам читателей. Так дворянско-либеральный «Современник» становился «демократическим», и изменение направления журнала отразилось на его литературно-критическом отделе. Если начало 1855 г. ознаменовалось выходом в журнале еще «эстетической» статьи Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности», то уже к весне отделы «Критика» и «Библиография» в «Современнике» почти целиком заполняются статьями нового критика – Чернышевского. Будучи автором диссертации, содержащей манифест новой материалистической эстетики, он придерживался четкого историко-литературного и критического метода, его статьи отличались внутренним единством, в них была видна общественная позиция. Ведущий критик издания Дружинин, защитник теории «искусства ради искусства», не выдержал конкуренции и вынужден был покинуть журнал. «При моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов “Современника” Дружинин оказался непригодным для него по образу мыслей»[145], – писал Чернышевский в воспоминаниях. Чернышевский на протяжении двух следующих лет будет бороться на «литературном посту» с либеральными критиками, защищая, например, «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина или полемизируя с С.С. Дудышкиным по поводу «лишних людей». А с осени 1857 г. приобретет верного помощника и единомышленника в «Современнике» – Добролюбова и, по сути, передаст ему литературную критику, сосредоточившись в это самое свободное от цензуры время (с 1857 по 1861 гг.) на социально-политической публицистике.

В 1856 г. прекратил свое существование погодинский журнал «Москвитянин», однако в Москве появился журнал «Русская беседа», который возглавил

[145] *Чернышевский Н.Г.* Воспоминания о Некрасове // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 721.

И.А. Кошелев. Впервые славянофилы после долгих лет безуспешных попыток получили возможность издавать свой «печатный орган». Любопытно, что каждый номер «Русской беседы» по традиции открывался разделом «Изящная словесность», где публиковались поэзия А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева, проза С.Т. Аксакова, очерки В.И. Даля, но в то же время, журнал имел заметный социально-политический уклон, при этом литературной критике было отведено второстепенное место. В журнале вообще не было «штатного» критика, и соответствующие обязанности выполнились всеми участниками «от случая к случаю». Более того, постоянный раздел «Критика» наполнялся преимущественно откликами на исторические, этнографические и экономические сочинения, активно публиковавшиеся в тот период[146].

Впрочем, уже в первой «книжке» «Русской беседы» за 1856 г. была опубликована большая статья Н.П. Гилярова-Платонова «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва 1856», которая содержала манифест славянофильской литературной критики. Гиляров-Платонов показал выдающееся значение книги С.Т. Аксакова как первого в «новейшей истории» России произведения «положительной» литературы, преодолевшего «порочное наследие» петровского «переворота» в литературе. В следующем 1857 г. в «Русской беседе» появилась еще одна статья программного характера под названием «Обозрение современной литературы». Ее автором выступил К.С. Аксаков. В ней Аксаков, как и Гиляров-Платонов говорил об ограниченности русской литературы, начиная с Кантемира. Только главный недостаток ее Аксаков видел в подражательности европейским образцам, тогда как Гиляров-Платонов в «отрицательном характере». «Перелом», по Аксакову, наступил с Гоголя, а «самобытный период» начался с той же «Семейной хроники» его отца. Аксаков в своей статье критиковал «чистое искусство» и чрезмерный психологизм: «Надо меньше заниматься собою, обратиться к божьему миру, яркому и светлому, думать о

[146] См.: Постатейная роспись журнала «Русская беседа» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. С. 455–532.

братьях и любить их»[147]. Аксаков приветствовал в литературе изображение «простого народа, преимущественно крестьянина». Третьим важным документом славянофильской критики можно назвать статью протоиерея, духовного писателя и публициста А.М. Иванцова-Платонова «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе», опубликованную в первом номере «Русской беседы» за 1859 г. Во многом Иванцов-Платонов, несколько смягчив, продолжил идеи, высказанные в статях Гилярова-Платонова и Аксакова: «Положительное изображение жизни в области искусства занимает высшее место, нежели отрицательное <…> оно полнее выражает истину жизни»[148], – писал он, включая однако в число «поэтов с преобладающим положительным воззрением на жизнь», помимо Гоголя и С.Т. Аксакова, еще и Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Однако Иванцова-Платонова, автора все-таки больше церковного, чем славянофильского, интересовал не столько «положительный» идеал в литературе, сколько – христианский идеал[149]. В своей статье он выражал надежду на появление писателей, которые смогли бы «смотреть на жизнь и людей – именно в духе Христианской религии»[150].

Интересно, что в период гласности, накануне освобождения крестьян, представления о назначении литературы «демократического» «Современника» и славянофильской «Русской беседы» отчасти совпали. Это совпадение заметил А.А. Григорьев, человек, близко знавший и уважавший представителей московского славянофильства. В статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со

---

[147] *Аксаков К.С.* Обозрение современной литературы // Русская беседа, 1857. Кн. I (V). Обозрение. С. 35.

[148] *А. И.-Ц. <Иванцов-Платонов А.М., свящ.>* О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. Статья первая // Русская беседа, 1859. Кн. I (XIII). Критика. С. 5.

[149] Подробней о славянофильстве Иванцова-Платонова см.: *Егоров Б.Ф.* А.М. Иванцов-Платонов – ученый, публицист, литературный критик // Поиск смысла: Сб. ст. Нижний Новгород: Нижегор. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1994. С. 160–170.

[150] Через двадцать лет после публикации статьи «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» Иванцов-Платонов нашел воплощение своих заветных чаяний в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (См.: *Иванцов-Платонов А.М.* Письмо к Достоевскому от 20 декабря 1880 г. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 226–227). Подробней см.: *Кунильский Д.А.* Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 28–35).

смерти Пушкина» он показал, что славянофилы в своей литературной критике оказались такими же гонителями прекрасного «по теории». Если Чернышевский и Добролюбов приносят эстетику, символом которой становится Пушкин, в жертву народной пользе, то Гиляров-Платонов и К.С. Аксаков – в жертву «народности» и «религиозным началам»[151].

«Русский вестник», руководимый Катковым, в первые годы своего существования наибольшее внимание уделял социально-политическим вопросам, на время оставив литературную критику в стороне[152]. В журнале не было видных литературных критиков, эпизодически на страницах журнала публиковались П.В. Анненков, А.Д. Галахов, А.В. Дружинин. Однако сам Катков в 1856 г. выступил с программной статьей «Пушкин». В области эстетики Катков оказался эклектиком[153], его отношение к Пушкину менялось вместе с его политическими взглядами. Но в 1856 г., полемизируя с авторами «Современника» и «Русской беседы», Катков провозгласил выдающуюся роль Пушкина в укреплении российского государства. Пушкин создал русский литературный язык, а «ничем так не скрепляется народное единство, как образованием литературного языка, – писал он. – Пока еще шло это дело образования, мы в семье исторических народов казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дело это совершилось, русская мысль находит в себе внутреннюю силу для оригинального живого движения, и народная физиономия выясняется из тумана»[154]. Завершая мысль о народном единстве на основе развитого литературного языка, Катков цитирует строки из стихотворения «Памятник»: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой…», и так комментирует «интуицию» Пушкина: «Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне,

---

[151] См.: *Григорьев А.А.* 242. М.П. Погодину. Между 17 и 28 сентября 1860. Москва // Аполлон Григорьев. Письма. М.: «Наука», 1999. С. 234.

[152] Подробней см.: *Перевалова Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856–1862): литературная позиция. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010.

[153] См.: *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века (1848–1861) Л.: Искусство, 1982. С. 85–88.

[154] *Катков М.Н.* Пушкин // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 274.

умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племен русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они “назовут имя Пушкина”»[155]. Таким образом, Катков, утверждая идейную платформу журнала, брал себе в союзники Пушкина и одновременно признавал литературу ключевым элементом национального строительства. Но чем ближе был 1861 г., тем консервативней становилась позиция редактора «Русского вестника» и тем большую роль в журнале начинала играть художественная литература и литературная критика. В 1861 г. Катков заменил публицистический раздел «Современная летопись» (которая стала воскресным приложением к газете «Московские ведомости») разделом «Литературное обозрение и заметки». «В продолжение некоторого времени “Русскому вестнику” ставили в упрек то, что он мало занимается литературною критикой <…>, – писал он. – Не собственное наше желание, а характер времени побудил нас ограничить нашу задачу»[156]. Катков писал, что само время накануне реформы требовало решения «чисто практических» задач, требовало публицистики, а «возвышенная» литература, как будто не имеющая прямого отношения «к труду гражданского строения и преобразования», временно отошла на второй план. Но оказалось, что это не совсем так. Катков в статье «Несколько слов о Современной летописи» (1861) признает свою ошибку и будто впервые для себя открывает большой потенциал именно художественной литературы, что она может быть не меньшим инструментом политических преобразований, чем публицистика. «Нам ставили в укор отсутствие литературных рассуждений в нашем издании именно те журналы, – писал Катков, – где с тупым доктринерством или с мальчишеским забиячеством проповедовалась теория, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью все литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на название национального поэта, а Гоголю оказывалось снисхождение только за его сомнительное свойство

[155] Там же. С. 275.
[156] *Катков М.Н.* Несколько слов о Современной летописи // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 308–309.

обличителя; <…> В нашем литературном обозрении и заметках мы будем касаться разных вопросов и явлений, которые представит нам литература иностранная и русская. <…> Мы не откажемся также от своей доли полицейских обязанностей в литературе – и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек; но будем заниматься этим искусством не для искусства, а в интересе дела и чести»[157]. Эти слова Каткова читаются как декларация о намерении вести политическую борьбу с радикалами, прежде всего, редакцией «Современника», и на поприще художественной литературы и литературной критики, которое было реализовано уже в пореформенную эпоху[158].

Итак, на этапе гласности происходит максимальная политизация литературного процесса, споры вокруг таких художественных произведений, как «Семейная хроника» и «Обломов» становятся важными общественными спорами. Но подводя итоги этому периоду, приходится констатировать интересный казус, эти два наиболее резонансные произведения второй половины 1850 гг. Аксакова и Гончарова, на основе которых Добролюбов критиковал «отживающие порядки», в то же время содержали завершенный образ патриархального дворянского идеала. Получилось, что традиционный уклад, которым жило русское дворянство на протяжении, по крайней мере, двух столетий оказался отражен в литературе как раз накануне реформы, призванной этот порядок в корне изменить. «Семейная хроника» – одно из немногих произведений русской литературы, содержащих «положительный» помещичий идеал. Аксаков изобразил эффективный и вполне здоровый помещичий уклад XVIII в., но устаревший для века XIX. Гончаров в главе «Сон Обломова» показал строй жизни уходящей эпохи в жанре сна о детстве, как уходящий идеал прошлого, который невозможно возродить в условиях середины XIX в.

---

[157] Там же. С. 310, 313.

[158] В 2017 г. вышла англоязычная монография Сюзанны Фуссо, посвященная тому, как М.Н. Катков, будучи редактором «Русского вестника», выстраивал отношения с крупнейшими критиками и писателями своего времени, создавая «положительное направление» в литературе. См.: *Fusso S.* Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2017. 309 p.

«Эпоха нигилизма» 1861–1866 гг. В период проведения Великих реформ 1860 гг. ситуация опять изменилась: правительство было вынуждено вернуть ряд цензурных ограничений. Первоначальный оптимизм, связанный с ожиданием быстрых улучшений, царивший в обществе накануне отмены крепостного права, прошел. В это время важную роль в общественную жизнь и литературу «ворвался разночинец»[159], а крупнейшим литературным событием стала публикация романа Чернышевского «Что делать?», который способствовал выработке разночинного общественного идеала. Можно также утверждать, что журналы 1860 гг. стали ареной борьбы нигилистов и антинигилистов, именно тогда возник феномен антинигилистического романа.

Период проведения Великих реформ (1861–1866) называют «эпохой нигилизма», временем расцвета нигилизма[160], а также временем, когда в литературе заметную роль стали играть разночинцы. Оба этих явления имеют исторические предпосылки.

Освобождения крестьян ожидали с необыкновенным энтузиазмом, но после опубликования манифеста 1861 г. у многих возникло разочарование, прежде всего, у самих крестьян. Крестьяне были освобождены без земли, избавленные от крепостной зависимости, они остались в финансовой зависимости от помещиков, так как должны были выкупать свои земли. Дворяне, в свою очередь, считали себя ограбленными государством[161]. Столкнувшись с крестьянскими и студенческими волнениями и в то же время с сопротивлением реакционной «партии», правительство все же постепенно проводило большие и малые реформы в течение последующего пятилетия, пытаясь при этом поправить состояние казны. В 1862 г. был введен акциз на водку и проведена полицейская

---

[159] См.: *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2012. № 1. С. 43–44. См. также: *Ширинянц А.А.* Из истории самоопределения гражданского общества в россии: разночинная интеллигенция 1860–1870 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 97–104.

[160] См.: *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С.3.

[161] См. подр.: *Ширинянц А.А.* Славянофилы в эпоху отмены крепостного права (биобиблиографический очерк) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 19–20.

реформа. В 1863 г. был введен новый университетский устав. В период разработки реформаторских планов наибольшее значение либералы придавали земской реформе, которая должна была изменить общественное устройство России. Однако в 1864 г., когда было опубликовано положение о земских учреждениях, реформа оказалась урезанной и не дала земствам ожидаемых возможностей. В тот же год была проведена судебная реформа, вводившая суд присяжных и гласное судопроизводство. Однако и она проводилась «с изъятием» многих первоначальных положений. Этот ряд реформ был завершен реформой печати и введением «временных правил» о цензуре 6 апреля 1865 г., которые значительно ухудшили положение печати по сравнению с периодом гласности.

Реформы, не удовлетворившие ожидания ни широких слоев основных сословий в России, ни представителей основных политических направлений, а также народные волнения, петербургские пожары 1862 г., польское восстание 1863 г., другие события этого политически острого периода, привели к усилению идейного размежевания в обществе. Оно нашло выражение, в частности, в ожесточенной журнальной борьбе.

Однако по сравнению с периодом гласности, основной ареной этой социально-политической борьбы стали не литературно-критические и публицистические статьи, а художественные произведения. В 1860 гг. началась «романная» борьба нигилизма и консерватизма. В этот период появилась, так называемая, литература «отрицательного направления», публиковавшаяся преимущественно в «Современнике» и литература «положительного направления», публиковавшаяся преимущественно в «Русском вестнике».

Основными авторами произведений «отрицательной» литературы стали разночинцы. Размышляя об истории русской литературы в статье «Из литературных и журнальных заметок 1874 года», Н.К. Михайловский предпринял попытку определить, что стало поворотным событием, изменившим облик литературы 1860 гг. «Что случилось? – Разночинец пришел, – писал Михайловский. – Больше ничего не случилось. Однако это событие, как бы кто о нем ни судил, как бы кто ему сочувствовал или не сочувствовал, есть событие высокой

важности, составившее эпоху в русской литературе». Масштаб этого события, продолжает Михайловский, становится ясным только на некотором историческом отдалении: «явилось нечто, значительно изменившее характер литературы и имеющее будущность, пределы которой трудно даже предвидеть»[162].

К середине XIX в. сословный состав образованного русского общества стал меняться. Людей не дворянского происхождения охотно принимали в высшие учебные заведения, потому что стране все больше требовались образованные кадры: чиновники, врачи, учителя. Дворян не хватало, и постепенно эти сферы все больше наполнялись разночинцами. Но, помимо этого, яркие авторы-разночинцы стали появляться в литературе и журналистике. Почему разночинцы (и их наиболее радикальное крыло – нигилисты) вошли в конфликт с консерваторами, понятно: первые утверждали новые ценности, вторые – защищали старые. Но для выяснения идейных оснований общественного идеала разночинцев важнее ответить на вопрос, почему возникла их распря с представителями либерализма. Почему «либералы» 1840 гг. стали «жестоко третировать» «демократов» 1860 гг., казалось бы, идущих по их же стопам. А «демократы», в свою очередь, стали активно открещиваться от «либералов», не признавая идейного родства?

Основное требование политической программы либералов, людей 1840 гг., Белинского, Грановского, Тургенева и др. в концентрированном виде было высказано в письме Белинского Гоголю: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, выполнение «тех законов, которые уже есть». Когда в начале 1860 гг. эти требования были выполнены (хоть и частично), либералы столкнулись с оказавшимся трудным для них вопросом: что же требовать теперь? За неимением другого общественного идеала им не осталось ничего, кроме призыва укреплять в России завоевания европейской цивилизации: просвещение и свободу. Но программа, имеющая в основе столь общие представления о

[162] См.: *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. М.: «Искусство», 1995. С. 96.

цивилизации, не предполагала никакого действия, кроме борьбы с русской «самобытностью», которая никак не может ужиться с «европейскими принципами».

Как пишет Михайловский, разночинец в силу своего происхождения, воспитания и материального благосостояния не мог довольствоваться общими категориями цивилизации, он ценил их лишь по отношению к народу, и благо последнего было для него таким же критерием, каким для людей 1840 гг. были отвлеченные категории цивилизации. «Разночинец чувствовал, а часто даже и понимал, что процесс цивилизации, разумеемой в виде общих и отвлеченных категорий, совершается за счет народа, что водворение этих общих категорий подает народу камень вместо куска хлеба. Он чувствовал и понимал, <…> что свобода политическая и экономическая, как отвлеченная категория, в действительности разрешается в свободу одних притеснять других»[163]. Во многом, поэтому дворяне-либералы не смогли, а «плебеи»-разночинцы смогли в художественной литературе и критических статьях 1860 гг. сформулировать новый общественный идеал.

Необходимо заметить, что среди разночинцев, получивших высшее образование, разумеется, были люди, разделявшие идеи либерализма и консерватизма. И число таковых было велико. Но, утверждая свои политические ценности, они ориентировались на уже известные концепции и установки, выработанные их «учителями», дворянами. В то время как радикальные разночинцы ставили под сомнение старые идеалы, пытаясь утвердить свои.

Что касается литературно-критической борьбы этого периода, нужно сказать, что в 1860 гг. три основные журнальные «партии» еще более радикализировались. На «левом фланге русской журналистики» появилось новое издание, журнал «Русское слово», который с приходом туда в 1860 г. энергичного редактора Г.Е. Благосветлова сделался достойным соперником «Современника», «рупором нигилизма». Сам Г.Е. Благосветлов пробовал себя ниве литературной критики, в журнале активно писал о литературе В.Г. Зайцев, но все же статусом крупнейшего журнала 1860 гг. «Русское слово» обязано статьям третьего

[163] Там же. С. 113.

выдающегося (после Чернышевского и Добролюбова) критика-шестидесятника радикального направления, Д.И. Писарева. Писарев начал там, где остановились его предшественники-«прогрессисты». Если свои основные статьи Чернышевский и Добролюбов написали до 1861 г., то Писарев – после. Поразительная яркость и идейность работ обеспечили Писареву невиданную популярность у читателей, которая превысила популярность Белинского и Добролюбова.

В философско-методологическом отношении на Писарева большее воздействие оказали не столько Фейербах и французские социалисты-утописты (как на Чернышевского и Добролюбова), сколько позитивизм О. Конта и круг естественников-материалистов, особенно Ч. Дарвин. Важным отличием от «поповичей», Чернышевского и Добролюбова, было то, что Писарев последовательно отвергал любую веру в Бога, ориентируясь только на «внутреннее чувство истины»[164]. Влияние естественников-материалистов в наибольшей степени видно в статьях Писарева середины 1860 гг., посвященных популяризации современных научных теорий, «отрицательных доктрин»[165]. Во многом с этим было связано то, что Писарев и другие публицисты «Русского слова» не были защитниками русской сельской общины, не смотрели на нее как на зародыш социалистического общества, как это делали Герцен, частично Чернышевский и народники-семидесятники. Гораздо больше надежд они возлагали на научный прогресс. Усвоив позитивистское и материалистическое мировоззрение, публицисты «Русского слова» настороженно относились к искусству. Этот комплекс воззрений вел Писарева к «разрушению» дворянской эстетики, которая в его глазах была не только непрактичной в целом, но еще и «оскорбительно аристократичной», то есть созданной за счет народа и не способной служить народной пользе. Кроме того, необходимо отметить яркое индивидуалистическое начало

[164] См.: *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth–Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. P. 17, 181–209. Виктория Фреде в своей работе предприняла попытку проследить «эволюцию неверия» представителей русской радикальной интеллигенции от «сомнений» до атеизма, обращаясь к наследию Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова и Писарева.

[165] Подробней см: *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 131–178.

в его мировоззрении, которое органично вошло в методологические установки Писарева как литературного критика[166].

Именно с этих позиций Писарев создавал свои критические статьи. И, может быть, наиболее яркими были его статьи, посвященные роману «Отцы и дети». В 1862 г. Писарев опубликовал статью «Базаров», где назвал тургеневского героя символом молодого поколения. Эта статья принесла Писареву широкую известность. А в 1864 г. написал статью «Реалисты», в которой развил характеристику базаровского типа в целую программу преобразования российского общества. Именно там он доказывал необходимость борьбы со всем, что не приносит пользу народу, против непрагматичного искусства, роскоши, ради увеличения материальных ценностей и «реальных» знаний. Писарев создал свой образ Базарова, сделав его символом своей «теории реализма», указал пути, которыми нужно идти, чтобы исправить русское общество, и тем самым оказал большое влияние на процесс формирования разночинного сознания.

Нужно сказать, что с 1862 по 1864 г. убеждения Писарева заметно эволюционировали, от политического радикализма он перешел к более умеренным позициям. И особенно ярко эта эволюция видна в статье «Реалисты», где Писарев сформулировал свое представлении о двух путях развития общества: механическом (революционном) и химическом (путем подготовки изменений за счет развитого «общественного мнения»). Для своего времени он считал более подходящим второй путь и революционному сценарию переустройства жизни в России противопоставлял мирную «культурническую деятельность», то есть умение действовать на благо народа, не приходя в резкое столкновение с действительностью. Кроме того, в «Реалистах» присутствовал пассаж о капиталисте, который получив «полное и прочное» образование, может сделаться «мыслящим и расчетливым руководителем народного труда» и принести большую пользу общественному благосостоянию[167].

---

[166] Подробней см.: *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: «Искусство», 1991. С. 111–135.

[167] См.: *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3-х т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 125.

«Современник» в начале 1860 гг. пережил ряд невосполнимых потерь. В 1861 г. от туберкулеза умер Добролюбов и был арестован М.Л. Михайлов, совсем недавно ставший ведущим публицистом и критиком журнала. В 1862 г. был арестован Чернышевский и умер И.И. Панаев, совладелец журнала и его фельетонист. В этой ситуации Некрасов вынужден был заново формировать редакцию, и новыми критиками в журнале стали М.А. Антонович, А.Н. Пыпин и М.Е. Салтыков-Щедрин.

С 1862 г., в течение почти четырех лет, вплоть до запрещения «Современника» в 1866 г. литературно-критический отдел возглавлял Антонович. Он считал себя учеником Чернышевского и Добролюбова, но оригинальность его проявлялась не в развитии их эстетических или социально-политических идей, а в чрезмерной скандальности тона и обилии негативных, критических статей. Широкую известность ему принесла статья «Асмодей нашего времени» (1862), посвященная роману Тургенева «Отцы и дети». Антонович убеждал читателей, что Тургенев написал пасквиль на молодое поколение. Г.З. Елисеев, входивший в редакцию «Современника», писал об Антоновиче: «Ту уголовную манеру критики, которую он употребил относительно Тургенева, где автор притягивается к суду и где составляется обстоятельный протокол по всем пунктам его уклонения от истины, <…> такую манеру критики он признавал единственно верною и полезною»[168]. С этого времени начался конфликт Антоновича с кругом «Русского слова». Два «демократических» журнала инициировали непримиримую полемику, получившую название «раскол в нигилистах». Автор «Истории русской общественной мысли» Р.В. Иванов-Разумник писал: «Между собой эти журналы, особенно начиная с 1864 года, находились в жестокой борьбе, ибо первый из них, “Современник”, был представителем революционно-социалистической мысли, а второй, идеологом которого был гремевший тогда Писарев, являлся проводником радикальных и индивидуалистических тенденций»[169]. Однако

[168] *Елисеев Г.З.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М-Л.: Academia, 1933. С. 277.
[169] *Иванов-Разумник Р.В.* М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть первая: 1826–1886. М.: Издательство «Федерация», 1930. С. 278. Наиболее подробно этот спор рассмотрен

политическое значение спора по цензурным соображениям всегда уходило на задний план, а центр тяжести часто перемещался на литературные вопросы: фигуру Базарова, подробности женской эмансипации в контексте романа Чернышевского «Что делать?» и т.д. Помимо внешних баталий новая редакция «Современника» оказалась втянута во внутренние мировоззренческие конфликты. Салтыков-Щедрин, например, в статье «Наша общественная жизнь» (1864) с иронией описал утопические картины из романа Чернышевского «Что делать?». Пыпин и Антонович вступились за наследие Чернышевского. В результате Салтыков-Щедрин «Современник» покинул.

Наиболее влиятельным журналом на «правом фланге русской журналистики» в 1860 гг. стал «Русский вестник» Каткова и газета «Московские Ведомости», перешедшая в его руки в 1863 г. Именно в этот период издания Каткова стали «крупнейшей общественной силой», с которой будут вести неустанную борьбу «демократические» журналы. «Русский вестник» показывает удивительный пример идеологической эволюции при одном редакторе. Начавшись в 1856 г. как либеральный журнал, за десять лет он превратился в один из наиболее значительных консервативных изданий России. И вслед за переходом журнала на консервативные позиции в сфере социально-политической, происходили изменения в сфере эстетической.

В 1861 г. Катков заявил о необходимости бороться с нигилистами на литературном поприще. Тогда состоялись его первые выпады против «Современника» и Чернышевского[170]. Несколькими месяцами позже, в 1862 г., Катков опубликовал программный политический текст «К какой партии мы принадлежим», где прозвучали слова: «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным <…> Чем глубже преобразование, чем решительнее

в монографии: *Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г.Ф.* Последние годы «Современника» 1863–1866. Л.: Художественная литература, 1939. 344 с.

[170] См.: *Катков М.Н.* По поводу «полемических красот» в «Современнике» // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 396–418; *Катков М.Н.* Виды на ententecordialec «Современником» // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 418–455.

движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано <…> Вырвите с корнем монархическое начало, – писал Катков, – оно возвратится в деспотизме диктатуры; уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, место его не останется пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархией самого дурного свойства. Негодуя и жалуясь на злоупотребления и излишества централизации, попробуйте коснуться самого начала, уничтожьте централизацию не в ее злоупотреблениях, а в самом ее корне, – вы убьете целую национальность, вы разрушите труд веков»[171].

С этих позиций Катков в 1862 г. написал две статьи об «Отцах и детях». «Произведение г. Тургенева находится в обстоятельствах совершенно исключительных, – отмечал он. – Взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли производило у нас литературное произведение. Рампа исчезла, актеры и зрители смешались. Роман как будто еще продолжается; произведенное им действие, явления, которые он вызвал, – как будто новая глава в нем, как будто эпилог к нему»[172]. Спор о Базарове, разгоревшийся в печати в 1862 г., Катков назвал продолжением или «комментарием» к роману. Но в то время, когда Писарев и Антонович в своей трактовке образа Базарова заняли противоположные позиции и выясняли, является он «идеалом» для молодого поколения или «карикатурой», Катков иронизировал над ними обоими. И признавая колоссальное влияние романа на русскую жизнь, поставил перед собой цель показать нравственную ограниченность Базарова, доказать, что нигилисты не заинтересованы в познании истины, а только истина может дать ценность отрицанию. И истина может помочь выработке «положительных начал».

В области литературной критики «Русский вестник» в 1860 гг. не смог составить конкуренции «Русскому слову» и даже сдавшему позиции

---

[171] *Катков М.Н.* К какой партии мы принадлежим // *Катков М.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 227, 229.

[172] *Катков М.Н.* Роман Тургенева и его критики // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 466–467. В этом здании две статьи Каткова 1862 г. об «Отцах и детях» объединены в одну.

«Современнику». Каткову не удалось привлечь к журналу или открыть какого-то нового талантливого критика. Однако отсутствие яркой критики компенсировалось в журнале большими статьями на историко-литературные темы, этнографическими очерками, мемуарами и произведениями «положительного направления».

«Среднюю позицию» в социально-политическом спектре русской журналистики 1860 гг. занимало либеральное издание А.А. Краевского «Отечественные записки», носившее подзаголовок «журнал учено-литературный и политический».

Если К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин привносили элементы консерватизма в отношения общества и государства с одновременным сохранением либерального принципа свободы личности, то авторы «Отечественных записок» в 1860 гг. (до 1868 г., когда произошла смена редакции), скорее, ратовали за элементы социализма в экономических отношениях с сохранением либерального принципа ограничения государственного начала, и находились, таким образом, на «левом фланге либерального лагеря»[173].

В этот период официальным соиздателем, а фактически первым редактором журнала, становится публицист и литературный критик С.С. Дудышкин. Краевский, занятый изданием газет «Сант-Петербургские ведомости» (с 1853 г.) и «Голос» (с 1863 г.), меньше уделал внимания журналу. Кроме того, в начале 1860 гг. редакцию усилили Н.В. Альбертини и С.С. Громека, поддерживавшие когда-то связь с Герценом и Огаревым, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров, а также молодой ученый К.Н. Бестужев-Рюмин, который уже в 1861 г. вступил в полемику с Б.Н. Чичериным. В статье «Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении», посвященной лекции Чичерина «при открытии курса» в Московском университете (опубликована в газете «Московские

[173] «Леволиберальную» позицию отечественных записок отмечали Б.Ф. Егоров и В.А. Китаев. См: *Егоров Б.Ф.* С.С. Дудышкин-критик // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1962. Вып. 119. С. 220; *Китаев В.А.* «Отечественные записки в идейной борьбе начала 60–х годов XIX в. // «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Издательство «Наука», 1978. С. 158–180.

ведомости», 1861. № 238), Бестужев-Рюмин осудил «теорию государственной централизации» Чичерина, в основе которой лежит тезис «государство – живое единство народа», и заявил: «Давно уже признано, что сфера государственной деятельности есть только одна из сфер, на которые распадается жизнь огромного организма, называемого обществом, что другие сферы этой жизни имеют столь же законное право на существование и что преимущественное влияние одной из них губительно для целого организма»[174]. Убеждения Чичерина Бестужев-Рюмин назвал доктринерством, «учением механистическим», потому что, по его мнению, Чичерин, «считая государство организмом <…> хочет довести этот организм до механической правильности»[175], чтобы стремящееся к расширению государство не ущемляло права личности, а это утопия.

Интересно, что сотрудники «Отечественных записок», которые определяли в первой половине 1860 гг. социально-политическое лицо журнала (и защищали на его страницах общинность, земское самоуправление и свободу личности), помимо ожидаемой критики «катковского направления» с особенной резкостью выступали против доктринерства авторов «Современника», были активными противниками революции и народовластия. В упомянутой статье Бестужев-Рюмин писал: подчинить «народную жизнь» «одной общей административной норме нельзя: иначе мы придем к Икарии или военным поселениям, то есть к формам, невыносимым для человеческой личности»[176].

Основной тон литературной критики в журнале задавал его давний сотрудник Дудышкин. Занятый изданием журнала писал он не так много, но пригласил большой круг авторов в качестве литературных критиков. Сам же периодически выступал в идеологические и литературные споры от имени редакции, уточняя «направление» журнала. Наиболее интересной оказалась его полемика с Чернышевским и Антоновичем в 1861 г., которая закончилась тем, что Дудышкин

---

[174] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении (по поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московским университете) // Отечественные записки, 1861. № 11 (Т. CXXXXIX). Русская литература. С. 5.
[175] Там же. С. 8.
[176] Там же. С. 6.

сформулировал, по сути, манифест либеральной критики. Отправной точкой для этого стали слова Чернышевского о том, что, журнал «Отечественные записки» вообще не имеет никакого «направления», потому что отделы его «существуют независимо друг от друга». Дудышкин ответил, что единство «направления» «Современника» основано на том, что все «стороны» журнала, и политическая, и литературная, подчинены экономическим воззрениям авторов, «которыми вы больше всего дорожите»[177]. Указав на различия мировоззренческие, Дудышкин в том же стиле, на контрасте с мнением идеологов «Современника», сформулировал и кредо либеральной критики: «Для нас область искусства и литературы никогда не была суррогатом географии, истории и политической экономии. Для нас она тесно связана с народной жизнью и ее лучшими духовными проявлениями. Для нас она есть высшее проявление всего великого и прекрасного в человеке. – Для *вас* она невозможна в этом значении. Поэзия может быть подражанием природе, или помощью для изучения экономических вопросов, но ничем самостоятельным быть не может, по вашей теории – для нас она тесно связана с русской историей и народностью и должна быть лучшим их проявлением. Для вас литература и поэзия – главы политической экономии, переложенные в стихи…»[178].

Последовательно выступая против «доктринеров» всех идеологических направлений в защиту человеческой личности, против наиболее влиятельных литературных «доктрин» своего времени, «отрицательного направления» «Современника» и «положительного направления» «Русского вестника» в защиту «прекрасного», авторы «Отечественных записок» в 1860 гг. так и не смогли выработать какую-то положительную программу в литературной области. И в серьезных обзорах художественных произведений, и в легких фельетонах, которые начали появляться в журнале в 1862 г., преобладали негативные критические отзывы. Рассказы В.И. Даля критиковали за славянофильскую идеализацию народа, «Очерки бурсы» Помяловского, напротив, за «нагнетание грязи и жестокости», «Отцов и детей»

[177] <*Дудышкин С.С.*> Русская литература // Отечественные записки, 1861. № 8 (Т. CXXXVII). Русская литература. С. 154–155.
[178] Там же. С. 153.

Тургенева за «путаное изображение молодого поколения», стихи Некрасова за «отсутствие живых красок» и «энергию отрицания» и т.д.[179]

Отсутствие внятной положительной программы, связанной с общим кризисом либерализма в пореформенный период, привело к тому, что к середине 1860 гг. критический отдел «Отечественных записок» практически утратил самостоятельное значение, в художественном отделе перестали появляться имена крупных писателей. Круг читателей становился все меньше. А после смерти Дудышкина в 1866 г. Краевский убедился в невозможности дальнейшего издания когда-то влиятельнейшего литературного журнала, и в 1868 г. передал его Некрасову и Салтыкову-Щедрину.

Между либералами и радикалами на идеологической оси координат 1860-х гг. располагался «орган почвенничества», журнал братьев М.М. И Ф.М. Достоевских «Время». Главным критиком «Времени» был А.А. Григорьев. «Комплект» статей в журналах Достоевских – вершина его литературно-критического творчества[180]. В них, помимо разработки темы народности в литературе, впервые у Григорьева, избегавшего вопросов «общественности», появляются элементы социального анализа. Н.Н. Страхов, считавший себя учеником Григорьева, тоже участвовал во «Времени» и «Эпохе» как литературный критик, выказывая несколько более консервативный взгляд на литературу[181].

Однако программная статья о природе искусства, которую можно назвать манифестом почвеннической критики, была написана для журнала «Время» Ф.М. Достоевским. Это статья носила название: «Г. –бов и вопрос об искусстве», была второй работой из цикла «Ряд статей о русской литературе» и появилась во 2 номере за 1861 г. Прямое обращение к Добролюбову, писавшему под псевдонимом «Г. –бов» (в советских изданиях – «Г-н –бов»), показывает

[179] Подробней см.: *Степанов А.Н.* «Отечественные записки» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. Т. II. С. 193–203; *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860–х годов. Л.: «Искусство», 1991. С. 216–221.
[180] Подробней см.: *Егоров Б.Ф.* Григорьев. М.: Мол. Гвардия, 2000. С. 192–202.
[181] Подробней см.: *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861–1863. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 254–258.

желание Достоевского, подобно Дудышкину, уточнить «направление» журнала, противопоставляя свои убеждения самой влиятельной на тот момент «доктрине» «Современника»: «Только одного у нас теперь и читают, чуть ли не из всех наших критиков <…>, – констатирует Достоевский ситуацию 1860 г. – Читают одного г-на –бова»[182].

Добролюбова он называет предводителем партии «утилитаристов» в современной литературе, сторонники которой полагают, что искусство должно приносить непосредственную и практическую пользу человеку. Однако идеи Добролюбова, который, по словам Достоевского, «не столько критик, сколько публицист», «отличаются одним важным недостатком – кабинетностью. Г–н –бов – теоретик, иногда даже мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность; <…> нагибает ее в ту и другую сторону, как захочет, только б поставить ее так, чтоб она доказывала его идею»[183]. По мнению Достоевского, главная ошибка, которую делают «утилитаристы» – нападают на художественность литературы ради пользы, потому что «произведение нехудожественное никогда и ни под каким видом не достигает своей цели; мало того: более вредит делу». Художественность в писателе Достоевский определяет как «способность писать хорошо», а если рассказ плохо написан, и герои неправдоподобны, его идеям никто не поверит. «Следственно, – обращается он к Добролюбову, – художественность в высочайшей степени полезна именно с вашей точки зрения»[184]. «Искусство всегда современно», продолжает он, и требовать от художника чтобы он «говорил о деле, служил общей пользе, был верен современной действительности, ее потребностям и идеалам <…> значит просто не признавать искусства как органического целого»[185]. Противопоставив «теоретическому» пониманию действительности, которое осуществляет насилие над «живой жизнью», «органическое», Достоевский формулирует кредо почвеннической

[182] *Достоевский Ф.М.* Г-н –бов и вопрос об искусстве // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Л.: Издательство «Наука», 1978. С. 72.
[183] Там же. С. 81.
[184] Там же. С. 79, 93.
[185] Там же. С. 94.

критики, которое основано на убеждении о невозможности окончательного знания, «чего желает и к чему стремиться человечество»[186].

В следующем, 1862 г., Достоевский написал работу «Два лагеря теоретиков», где в полемике с авторами «Современника» и славянофильской газеты «День» сформулировал программу почвенничества в социально-политической сфере. Он опять противопоставляет «теоретическому» пониманию действительности – «органическое». По мнению Достоевского, теоретические установки «революционных демократов» и славянофилов не дают им возможности правильно понять истинные потребности народа, узнать его мнение. Его собственная программа «сближения образованных классов с народом» предполагала борьбу с безграмотностью и «нравственное преобразование» самого образованного класса без «деспотического предписывания» народу какого-то идеала[187]. Таким образом, вопрос об искусстве Достоевский трактовал в тех же категориях, что и социально-политическую программу[188].

Несмотря на то, что журнал «Время» и упомянутая газета «День» были настроены патриотически и боролись с нигилизмом, правительство относилось к ним с подозрением. После петербургских пожаров, в середине 1862 г., газета «День», критиковавшая бюрократизм, была «приостановлена» вместе с «Современником» и «Русским словом». Журнал Достоевских был закрыт в 1863 г., и только со следующего года М.М. Достоевскому было разрешено издавать новый журнал «Эпоху», который, впрочем, скоро закрылся из-за недостатка подписчиков.

Таким образом, важнейшим событием периода проведения Великих реформ (1861–1866) стала публикация романа Чернышевского «Что делать?» и возникновение феномена антинигилистического романа, призванного бороться

---

[186] Там же. С. 102.

[187] См.: *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30. Т. 20. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 20.

[188] Крупный исследователь творчества Достоевского У.А. Гуральник утверждал, что журнал «Время» вопрос об искусстве в целом «трактовал в полном соответствии с положительной программой почвенничества в области социальной жизни» (см.: *Гуральник У.А.* Ф.М. Достоевский в литературно-эстетической борьбе 1860-х годов // Творчество Ф.М. Достоевского. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 317).

с негативными последствиями чрезмерной популярности произведений «отрицательного» направления «в среде русской молодежи». В период столкновения «крайних литературных партий», «умеренные» издания либерального и почвеннического направлений теряли своих подписчиков. В то же время эти годы становятся периодом формирования разночинного идеала.

«Период заката» 1866–1881 гг. Период окончания Великих реформ, начало которого принято связывать с выстрелом Каракозова, а окончание – с убийством народовольцами Александра II, был временем радикализации освободительного движения и рефлексии над изменениями, произошедшими в стране. Мы можем также наблюдать постепенное угасание роли литературной критики в общественной жизни и снижение интереса читающей публики к ней. Наиболее крупные писатели (Тургенев, Достоевский, Толстой) переосмыслили свои взгляды и выработали новые представления об общественном идеале.

Семидесятые годы вошли в историю как время «активного народничества», когда радикальная интеллигенция осуществляла попытки самых энергичных действий по изменению общественного устройства России от «хождения в народ» до террора. Одновременно это были годы некоторой апатии и растерянности для другой части интеллигенции, исповедующей либеральные и консервативные взгляды, которая в стремительно меняющемся русском обществе с трудом искала очертания нового общественного идеала.

После выстрела Каракозова в 1866 г. множество мыслящих русских людей почувствовало, что эпоха Великих реформ закончена. Точнее, подорвана вера в преображение России не когда-либо, не в отдаленном будущем, а именно сейчас, на глазах живущего поколения. Стало понятно, что «либеральные» реформы не могут изменить сути «феодального» в своем основании социально-политического устройства России. Но одновременно с этим правительство поощряло насаждение на традиционную русскую почву новых капиталистических отношений. Происходило разрушение русской сельской общины, гарантировавшей ранее социальную защиту крестьянства от печальных следствий рыночной экономики. Модернизация России сопровождалась обезземеливанием крестьянства и

социальной дифференциацией населения. Цена «прогресса» оказалась высокой. Желанная свобода, о которой так много говорили до отмены крепостного права, оказалась на деле не такой привлекательной. Новые экономические, политические и социальные процессы, казалось, рушили коренные устои российской жизни. Капитализм только усугублял существовавшее раньше социальное неравенство и усиливал обнищание значительной части населения. Все это приводило к разочарованию в итогах Великих реформ и порождало, по крайней мере, два типа рефлексии над обществом.

Основная часть народников, которая вслед за Герценом, была убеждена, что община является единственным средством защиты крестьян от «капиталистических бурь», и существование ее в традиционной форме оставляет перспективу социалистического переустройства, минуя стадию капитализма, выбрала стратегию внешнего изменения мира. Их «нетерпение» было связано с представлением, что новые рыночные отношения уничтожат «зачатки» социализма, существующие веками в русском обществе. А значит, необходимо переходить к практическим политическим действиям, пока не поздно. Они не желали видеть никаких созидательных и положительных сторон капитализма[189] и верили в определяющую роль «развитого меньшинства» как субъекта социальных преобразований[190]. Сначала они выбрали стратегию просвещения народа, а после «неудачи» «хождения в народ», обратились к последнему решительному средству социального преобразования – террору.

Другой тип рефлексии над обществом продемонстрировали крупные русские писатели, создавшие в период с 1866 до 1881 г. ряд важных «политических романов», в которых, напротив, чувствуется потеря веры в возможность внешнего изменения мира. Если общество не является механизмом, который можно изменить согласно теории, а представляет из себя медленно растущий организм, совокупность личностей, то преобразования нужно начинать каждому

[189] См.: *Блохин В.В.* Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Издательство «Весь мир», 2019. С. 92.
[190] См.: *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 10.

конкретному человеку с самого себя. Тургенев в романе «Дым» (1867), Достоевский в романе «Бесы» (1871–1872) и Толстой в романе «Анна Каренина» (1875–1877) предложили свой набор безусловных ценностей, на которые человек может опираться в своей личной жизни, чтобы пережить эпоху неопределенности. Можно сказать, что Тургенев, Достоевский и Толстой, чувствуя, равно как и народники, страх перед наступающей эпохой капитализма, не могли найти героя, который бы сказал, как сделать, чтобы общество вышло из кризиса и стало жить лучше, но попытались сказать, что делать отдельному человеку, чтобы не стало хуже.

Однако это не значит, что их романы потеряли политическую составляющую. Совсем напротив. В ситуации общей растерянности утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным. Но не разрешившийся общественный кризис только обострил идейную борьбу. И в ситуации романов «Дым» Тургенева и «Бесы» Достоевского мы видим, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов. Обоих авторов переполняло желание сделать политическое высказывание. Тургенев высмеял «самобытников» и противопоставил их идеям общественный идеал «ограниченного» западничества. Достоевский первоначально тоже хотел в своем романе «высечь» идейных оппонентов, нигилистов и либералов, но в дальнейшем его задумка стала сложней, и в результате получился роман-предостережение, который показал, до каких преступлений и разрушений могут довести радикалы от разных идеологий.

Надо сказать, что не все писатели воспринимали пореформенный период исключительно как время разочарований и тревог. В 1876 г. И.А. Гончаров, консерватор по убеждениям, писал, что Россия переживает теперь «великую эпоху реформ»: такой эпохи, «такой великой работы всего царства не было с Петра», и «все поглощено напряженным трудом и ожиданием благих результатов». Однако, обращаясь к литературе, Гончаров был вынужден признать, что писатели в 1870 гг. потеряли своих героев. Если в дореформенную эпоху Тургенев показал вековой тип русского крестьянина (в «Записках охотника»), Писемский – «мелкого провинциального чиновничества», Островский – купца, то теперь

«искусству не над чем остановиться». Той же причиной, что теперь «не с кого и не с чего писать», Гончаров объяснял отсутствие в 1870 гг. новых крупных писателей в «молодом поколении»[191].

Что касается литературной жизни России в более широком смысле, то в период окончания Великих реформ, несмотря на высокий спрос на периодическую печать и остроту борьбы журналов между собой, роль литературной критики в общественной жизни снижалась. Если в 1850–1860 гг. литература была одним из важных способов политического участия граждан в жизни общества, то к концу века наряду с литературным «партиям» стали появляться прообразы политических партий в современном смысле слова, которые постепенно брали на себя функции и формирования общественного мнения, и выражения мнений граждан по вопросам общественной жизни, и политического воспитания.

Если в период подготовки Великих реформ политизация русской литературы достигла своей наивысшей точки, писателям и критикам, представляющим разные идеологические направления, казалось, что их литература может стать полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, вырабатывать образы общественного идеала, активно воздействовать на действительность; то в период «заката» Великих реформ начали появляться романы, содержащие, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов.

Выводы главы

Определены важные для исследования понятия «идеал», «общественный идеал», «интегральный идеал», охарактеризованы основные подходы к анализу понятия общественного идеала в отечественной науке, определены методологические приемы выявления общественного идеала в русской художественной литературе и его историко-политологического анализа, а также рассмотрены исторические этапы политизации русской художественной литературы периода Великих реформ.

[191] См.: *Гончаров И.А.* Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 213.

Рассматривая различные подходы к анализу понятия общественного идеала в отечественной науке, автор выделяет подход П.И. Новгородцева, который впервые предпринял попытку создания концепции общественного идеала. Он противопоставлял идеал утопиям и выделял «абсолютное» и «относительное» в осуществлении общественного идеала. Абсолютный идеал, по Новгородцеву, дан на все времена и имеет «сверхисторическую природу», под относительным идеалом он понимал социально-политический строй, оптимальный для конкретного времени и конкретного государства. Другой подход сформулировал С.В. Туманов. Он разграничил смысловое содержание терминов «общественный идеал» и «идеал общественного устройства». Первый он связал с «универсальными» идеалами, находящими отражение во всех общественных группах и стимулирующих смену исторических эпох, общественно–экономических формаций. Второй – с конкретно-историческими идеалами общественного устройства, которые можно назвать «ограниченными», потому что они отражают интересы определенных групп населения, политических партий и т.д. В ходе исследования был сделан вывод о том, что к общественным идеалам, выраженным в произведениях художественной литературы, не может быть применено определение «абсолютного идеала» Новгородцева, также не может быть применено определение «общественного идеала» Туманова. Предложено авторское определение общественного идеала в художественной литературе, как «интегрального идеала» – то есть, представления о наиболее совершенном общественном строе, интегрально включающего в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы. Собирая его проявления в разных аспектах, мы можем реконструировать его обобщенный облик.

В работе обосновано положение о том, что особенностью выявления общественных идеалов в художественной литературе является невозможность их изучения и классификации по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических произведениях, публицистике. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия

на читателей и социально-политическую жизнь России требует, по меньшей мере, применения шести методов: формального метода, подразумевающего анализ текста и формальное выявление общественных идеалов с точки зрения современного ученого-исследователя; исторического метода, т.е. рассмотрения общественно-политической позиции писателя и восприятия его произведений в контексте исторических событий, состояния общественного устройства страны; биографического метода, который обозначает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте обстоятельств жизни писателя; метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, который подразумевает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте социально-политической публицистики автора, писем и воспоминаний, показывающих эволюцию его убеждений; метода рецептивного анализа, т.е. анализ текстов, отражающих восприятие произведения и его социально-политических идей в обществе; ретроспективного метода, подразумевающего анализ воздействия литературного произведения на взгляды читателей и вклада в развитие общественно-политических идей на разных этапах его бытования.

Как показано в работе, важным и необходимым условием изучения общественных идеалов в русской художественной литературе является деление процесса ее развития на дискретные исторические отрезки. Такое деление, или периодизация, позволяет лучше понять причинно-следственные связи жизни и идеалов, отражаемых в художественных произведениях. В главе предпринято обоснование авторской периодизации политизации русской литературы эпохи Великих реформ, выделены и охарактеризованы основные исторические этапы этого процесса: первый этап – окончание правления Николая I, включающие годы, так называемого, «мрачного семилетия» (1848–1855), второй – период подготовки Великих реформ (1855–1861), третий – период проведения Великих реформ (1861–1866), четвертый – период окончания Великих реформ (1866–1881). Показано, что первый период можно охарактеризовать как период появления «политической» литературы пока еще без выраженного общественного идеала. Он прошел под знаком усиления цензуры, одним из последствий чего

было обращение художественной литературы к проблеме человеческой личности, формирующейся на фоне общественных событий. Однако в годы «мрачного семилетия» в литературе были сформулированы важные черты либерально-дворянского идеала. Второй период характеризовался ослаблением цензуры, появлением целого рядя изданий, важную роль в которых начинает играть литературная критика. В годы гласности происходит максимальная политизация литературного процесса, ведущие критики начинают осмысливать социально-политические идеи, высказанные писателями, утверждая свои «правильные» трактовки. Тогда же в ряде художественных произведений был сформулирован патриархальный дворянский общественный идеал. Третий период отличался тем, что важную роль в литературе стали играть авторы разночинцы, не принадлежащие ни к одному из сословий русского общества, что привело к появлению противоборствующих «партий» «нигилистов» и «антинигилистов» (сторонников «отрицательного» и «положительного» направлений в литературе), а также к возникновению феномена антинигилистического романа. Первая половина 1860 гг. стала временем формирования разночинного общественного идеала. Четвертый период можно охарактеризовать как период рефлексии над результатами Великих реформ, время переосмысления писателями своих взглядов и выработки новых представлений об общественном идеале.

Итак, данное исследование ограничено эпохой Великих реформ. Этот временной отрезок является наиболее важным с точки зрения формирования общественных идеалов в русской художественной литературе XIX в. А «Великие реформы» вынесены в название, потому что политизация русской литературы была непосредственно связана ходом проведения реформ. И в следующей главе речь пойдет об общественных идеалах в русской художественной литературе периода окончания правления Николая I и подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.). Эти годы можно назвать временем появления «политической» литературы, а также – формирования либерально-дворянского и патриархально-дворянского общественного идеала.

Глава II. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.)

§1. Первый «политический» роман в России: А.И. Герцен. «Кто виноват?» (1846–1847)[192]

Эпоха политических романов начинается в России в 1845–1846 гг., когда, сначала в журнале «Отечественные записки», а потом отдельным изданием (1847) был напечатан роман А.И. Герцена «Кто виноват?». Давать названия эпохам – занятие неблагодарное, и все подобные определения грешат приблизительностью и условностью, ведь и до 1845 г. в России были художественные произведения, в которых открыто высказывались политические идеи. Но литературоведы, называя «Кто виноват?» этапным текстом, подчеркивали, что его случай характеризует рождение политических романов «по преимуществу», то есть появление произведений, где политические (точнее: социально-политические) идеи не служат лишь сугубо художественным задачам автора, уточняют характер героев или обстоятельства времени, но играют самостоятельную роль. Не исполняют функцию декорации, на фоне которой разворачивается человеческая драма, а сами становятся героями драмы. И читатели с появлением таких романов имеют возможность наблюдать не только картину человеческой жизни той или иной исторической эпохи, но и «картину идей»[193]. В романе «Кто

[192] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А*. Роман А.И. Герцена «Кто виноват?»: политико-текстологический анализ // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 74–78; *Прокудин Б.А.* «Негативная» социализация как политическая проблема в романе А.И. Герцена «Кто виноват?» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. № 41. С. 178–193; *Прокудин Б.А.* Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. № 44. С. 224–238; *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. С. 48–83.

[193] В отечественном литературоведении роману давали разные жанровые определения. В 1930 году М.М. Бахтин предложил называть «Кто виноват?» – *социально-идеологическим* романом (см.: *Бахтин М.М.* Предисловие // *Толстой Л.Н.* Полное собрание художественных

виноват?» социально-политические идеи были выражены еще очень осторожно. Через десять лет, когда с ослаблением цензурного гнета начнется период «гласности», этот роман окажется заслонен произведениями, с куда более острыми политическими высказываниями. Но пока, в 1845–1847 гг., наличие в романе социально-политической сюжетной линии делало произведение Герцена отличающимся от предшествующей литературы. И здесь мы можем согласиться с исследователями и назвать «Кто виноват?» «первым политическим романом».

Рожденный, по собственному признанию, «для форума» и потерявший возможность полноценной социальной активности в первой ссылке, молодой Герцен выбрал своей трибуной художественную литературу. Понимая характер общественного запроса, Герцен очень внимательно относился к читательской реакции. «Успех “Малинова” (часть “Записок одного молодого человека”, напечатанная в августе 1841 г. – *Б.П.*) заставил меня приняться за “Кто виноват?”» – признавался Герцен в предисловии к роману[194].

Первая часть нового романа увидела свет в 1845–1846 гг. и сразу оказалась в центре общественного внимания (полностью роман будет напечатан в 1847 г.)[195]. Читатели быстро выделили текст Герцена из всего, появившегося тогда в русских журналах, и много хвалили, да так, что Герцен в декабре 1845 г. признавался, что «не ожидал вовсе такого успеха»[196]. «Я начинал тогда входить в моду»

произведений в 15 томах. Т. 13. М.-Л., 1930. С. VIII). Позже закрепилось другое определение романа, которое мы можем найти в «Большой советской энциклопедии», а именно: «один из первых русских *социально-психологических* романов». В постсоветское время «Кто виноват?» стали уже открыто и без дополнительных слов-приписок называть: «*первым политическим* романом» (см.: *Погорельцев В.Ф.* Проблема «лишних людей» в русской литературе XIX века. Том 1. Москва: Издательство «Прометей», МПГУ, 1997. С. 113).

[194] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 8.

[195] Наиболее широкая панорама отзывов о романе представлена в работах: *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 42–52; *Антонова Г.Н.* Герцен и русская критика 50-60-х годов XIX века: Проблемы художественно-философской прозы. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. С. 3–15.

[196] *Герцен А.И.* 248. А.А. Краевскому, 23 декабря 1845 г. Москва // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 248.

– напишет он об этом времени в «Былом и думах»[197]. Между тем, Герцена нельзя было назвать автором-дебютантом. «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» были уже напечатаны и пользовались популярностью, однако роман «Кто виноват?» открыл читающей публике Герцена в новом статусе – как автора интеллектуальной прозы.

Именно такой вывод можно сделать, читая отзывы о романе 1845–1846 гг. Большинство критиков тогда реагировали не на проблематику романа, а на интеллектуализм автора. «Необыкновенный талант в совершенно новом роде», – писал о Герцене В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1845 году», опубликованной в «Отечественных записках». И продолжал: «Автор повести “Кто виноват?” как-то чудно умел довести ум до поэзии»[198]. В письме товарищу Т.Н. Грановский отмечал, что Герцен написал «повесть» «исполненную ума, живости и метких замечаний»[199]. А критик В.Н. Майков назвал Герцена «первым современным беллетристом»[200], по его мнению, сила романа «Кто виноват?» заключалась в том, что его автор занят «популяризацией идей, важных для общества»[201]. Герцен, писал Майков, «несравненно более поражает умом, чем художественностью, так, что на всю его художественную деятельность мы не можем смотреть иначе, как на средство выражения его идей в самой популярной форме, возводимой иногда наблюдательностью до художественности»[202].

Публикация первой части романа не вызвала полемики в русских журналах. Все больше хвалили роман и восхищались остроумием автора. К социальной проблематике текста первым обратился Ф.В. Булгарин. В записке «Социализм,

---

[197] *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 115.
[198] См.: *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. IX. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 396.
[199] *Грановский Т.Н.* Н.Г. Фролову, Москва, февраль 1846 года // Т.Н. Грановский и его переписка. Том II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. С. 422.
[200] *Майков В.Н.* Нечто о русской литературе в 1846 году // *Майков В.Н.* Литературная критика. Л.: «Художественная литература», 1985. С. 197.
[201] *Майков В.Н.* Петербургские вершины, описанные Я. Бутаковым. Книга вторая. Санкт-Петербург. 1846. В типографии Н. Греча. В 8-ю д. л. 189 стр. // *Майков В.Н.* Литературная критика. Л.: «Художественная литература», 1985. С. 261.
[202] Там же. С. 249.

коммунисм и пантеисм в России, в последнее 25-летие» он писал о романе Герцена следующее: «Тут изображен отставной русский генерал величайшим скотом, невеждою и развратником <…> Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сын лекаря, и прижитая дочь с крепостной девкой – образцы добродетели». И добавлял: «И чтоб дворянство, поставленное в тень, было мрачнее – в книге набросаны социальные идеи»[203]. Л.В. Дубельт, управляющий Третьим отделением, адресат записки, признал «повесть» «предосудительною»[204].

Когда же к началу 1847 г. роман был опубликован полностью, стало понятно, что произведение Герцена относится к так называемой «натуральной школе» и содержит черты новой словесности и новой социальности[205]. «Редко появляется произведение, – писал в одной из своих рецензий Н.А. Некрасов, – которое самим делом напомнило бы публике о существовании русской литературы, ее процветании, возмужалости и других похвальных качествах»[206]. Но «критический реализм» Герцена теперь вызывал не только восторги. И.С.

---

[203] См.: *Булгарин Ф.В.* Социализм, коммунисм и пантеисм в России, в последнее 25-летие // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 495.

[204] См.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 503. Надо сказать, что возмущение Булгарина и Дубельта «очернением» дворянства в романе Герцена было вполне закономерным. Есть точка зрения, что в романе «Кто виноват?» гораздо более жесткой критике, нежели в других произведениях 1840–1850 гг., подвергается дворянство. Эту мысль высказывал М. Малиа, называвший Герцена «полудворянином», и объяснявший его беспощадность в описании представителей высшего сословия российского общества – происхождением: «“Кто виноват?” – картина дворянского мира, увиденная с позиций полудворянства и, таким образом, осужденная очень строго. Как таковая она резко отличается от картины того же мира, изображенной примерно в то же время дворянскими писателями, такими как Сергей Аксаков, молодой Толстой или даже Тургенев и Гончаров. Когда этим писателям приходилось критиковать класс, из которого они происходили – а двое последних во многом были заняты именно этим, – они делали это скорее нежно и большей частью изнутри. Рудин, Кирсанов, Лаврецкий и даже главный символ всего того, что с дворянством было не в порядке, Обломов, несмотря на все их пороки, представлены достаточно сочувственно. Но землевладельцы Герцена, например, такие как отец Любы, Негров, изображены враждебно в тех случаях, когда они не представлены в виде чудовищ» (*Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 372–373).

[205] Подробней об идейном содержании произведений «натуральной школы» см.: *Манн Ю.В.* Философия и поэтика «Натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М.: Издательство «Наука», 1969. С. 241–306.

[206] <*Некрасов Н.А.*> Музей современной иностранной литературы. Вып. 1-ый и 2-ой. СПб. 1847 // Современник, 1847. № 4. Апрель. С. 128.

Аксаков в письме к родным (отцу и матери) от 11 февраля 1847 г. писал, что роман «Кто виноват?» – «Произведение современное, 19-го века, болезням которого мы все более или менее сочувствуем», но смущало Аксакова «болезненное желание (Герцена. – *Б.П.*) всюду острить». «Так тяжело и тоскливо стало у меня на сердце, когда я прочел его»[207], – заключал Аксаков. В марте 1847 г. в «Московском городском листке» № 51 была напечатана статья А.А. Григорьева «Обозрение журнальных явлений за январь и февраль 1847 г.», в которой он признавал «высокое философское значение романа Искандера», но в то же время, социальную критику «форм и условий современного бытия» называл «субъективной», носящей на себе слишком явственные следы влияния «известного кружка»[208], что с его точки зрения обесценивало роман, далекий в силу своей партийности от полноты охвата действительности. Еще жестче отреагировал на роман С.П. Шевырев в журнале «Москвитянин». Произведения искусства нельзя создавать «на основе ненависти», замечал он. «Из ненависти не может выйти ничего изящного, ничего глубокомысленного»[209]. Молодой критик М.Л. Михайлов в апреле 1847 г. писал в «Санкт-Петербургских ведомостях», что «беспредельное отрицание», явленное в романе Герцена, «навлекает на читателя глубокую и ничем не преодолимую грусть», что роману не хватает «синтеза», идеала, благодаря которому «мрак картины, изящной по художественной отделке, осветился бы светом абсолютной, вечной Истины»[210].

Отзывы на «Кто виноват?» 1840 гг. – и положительные, и отрицательные – пока еще не «раскладывали» роман на отдельные вопросы, как это произойдет позже[211]. Еще слишком важна была злободневность текста, его принадлежность

---

[207] См.: *Аксаков И.С.* 1847 г<од>. Февраля 11-го. Вторник. Калуга // *Аксаков И.С.* Письма к родным 1844–1849. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1988. С. 353.
[208] См.: <*Григорьев А.А.*> Обозрение журнальных явлений за январь и февраль 1847 г. // Московский городской листок, 1847. № 51 от 4 марта 1847 г. С. 203–204.
[209] См.: *Шевырев С.П.* Очерки современной русской словесности // Москвитянин, 1848. Ч. 1. № 1. Критика. С. 54.
[210] <*Михайлов Л.М.*> Литературное известие // Санкт-Петербургские ведомости, 1847. № 68 от 29 марта 1847. С. 512.
[211] См.: *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 63.

к новой литературной школе. Отсутствие дистанции, сильные эмоции и поправка на цензуру мешали тогдашним критикам подробно разбираться с «социальными идеями» (Булгарин) «известного кружка» (Григорьев), высказанными Герценом в романе. А ведь эти «важные для общества идеи» (Майков) оказывали влияние на современников и способствовали формированию того, что мы можем назвать сегодня «общественной», а то и «общественно-политической» повесткой дня.

Важно сказать, что наличие в том или ином художественном произведении социально-политических идей делает его бытование в читающей среде непредсказуемым. В связи с конкретными историческими событиями меняется не только читательское мнение, одни идеи (часто вопреки желанию автора) выходят на первый план, другие уходят в тень; но меняется еще и социальный состав его читателей. А ведь роман Герцена первоначально имел конкретного адресата, людей своего круга и образования, как бы сказали в советское время, «людей передовых убеждений 1840 гг.». Потом, в 1850–1860 гг., круг читателей расширился, пополнился, например, разночинцами. Для одних и других роман «Что делать?» будет ценен разными идеями.

С долей условности можно сказать, что для первой «группы» важна будет социально-политическая линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. В письме к Н.П. Огареву от 3 августа 1847 г. одной из целей своего романа Герцен определял необходимость воздействия на «способных» людей, находящихся в положении, близком к положению Бельтова. Среди таких людей он называл товарищей – А.А. Тучкова, Н.И. Сазонова[212]. Таким образом, для 1840 гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, будет звучать так: кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, не способным найти себе подходящего места в жизни?

Сюжет социально-политической линии романа таков: главный герой, Владимир Бельтов, путешествует по Европе в целях «окончания образования» и в

[212] См.: *Герцен А.И.* 15. Н.П. Огареву, 3 августа (22 июля) 1847 г. Париж // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 34–35.

одной швейцарской деревне у него случается озарение. На дороге, недалеко от Женевы, во время прогулки он видит группу крестьян, которые проходят мимо, что-то оживленно обсуждая. Бельтов прислушивается и понимает, что они идут на выборы, голосовать. То есть – участвовать в управлении своей жизнью. Он заворожен картиной: эти крестьяне представляются ему народными трибунами, римскими героями гражданственности. Он вспоминает слова своего женевца-воспитателя, который говорил, что любой благородный человек должен быть еще и гражданином, и судьба Бельтова круто поворачивается. Он решает вернуться в Россию и баллотироваться на выборах в дворянское собрание, чтобы приносить пользу людям. Бельтов приезжает в свой уездный город NN, но ведет себя странно, не соблюдая установленных норм и правил: «с дамами разговаривает как с разумными существами», в карты не играет, необходимых визитов не делает. Все ему улыбаются, но на выборах единогласно голосуют против. Бельтов оказывается так поражен, что незамедлительно покидает Россию и возвращается в Париж к прежней праздной жизни.

Почему он, казалось бы, человек образованный, искренне желающий приносить пользу, оказался несовместим с городом NN? Почему он не пригоден ни к какому делу? Может, «крепостнические порядки» виноваты? Или «николаевская Россия», как писали в советское время? Нет. Точнее, не только. Социальный контекст, вопрос взаимоотношений личности и общества, даже – «несправедливого рока» общественных установлений, который губит многие русские таланты в зародыше, был важным для размышлений Герцена. Но в момент написания романа ему казалось, что в несовместимости Бельтова и мира города NN гораздо в большей степени виновато воспитание героя.

Мы узнаем, что у маленького Бельтова был воспитатель Жозеф, женевец. Когда мать нанимала гувернера сыну, она готова была платить ему жалование четыре тысячи рублей в год. Женевец сказал, что будет работать за тысячу двести, потому что именно столько ему нужно для жизни, а копить он считает «делом бесчестным». Уже здесь мать должна была почувствовать что-то неладное, но не почувствовала и приняла «месье» на работу. Жозеф подошел к новому делу

ответственно: он изучил все прогрессивные на тот момент педагогические труды «от “Эмиля” Руссо до Песталоцци». Только одного не вычитал Жозеф из этих книг, отмечает Герцен, что «важнейшее дело воспитания состоит в приспособлении молодого ума к окружающему, что воспитание должно быть климатологическое, что для каждой эпохи, так, как для каждой страны, еще более для каждого сословия, а может быть, и для каждой семьи, должно быть свое воспитание»[213]. Жозеф же воспитывал мальчика по биографиям великих людей и полумифических героев. Его пеструю систему ценностей составили идеалы эпохи Просвещения, Французской революции, античной героики и литературы сентиментализма.

От рационализма Просвещения в свою систему воспитания Жозеф взял концепт человека, лишенного национальной, сословной и любой другой обусловленности. Разумный человек, с его точки зрения, должен был стоять выше старых социальных условностей и предрассудков. Век Просвещения отбросил христианский идеал человека-аскета, высмеял представление о жертве как основе морали. Однако эпоха Французской революции вновь потребовала аскезы и героизма, образец которого был найден в римском стоицизме[214]. Это был второй элемент воспитательной системы Жозефа. Он учил мальчика, что слабость унижает «римлянина», стремиться к роскоши и богатству – недостойно и пошло, а человек должен себя постоянно преодолевать.

Но кроме рационализма и героизма в педагогическом наборе Жозефа были еще ценности сентиментализма, которым учили Руссо и Гете (как автор романа «Страдания юного Вертера»), поэтизируя чувствительность и эмоциональность. Человек должен быть мечтательным, слезливым, иначе – у него холодное сердце, говорил Жозеф. И хоть идеал *человека чувствительного* конфликтовал с идеалом *человека разумного,* а вместе они не имели ничего общего с *героем-стоиком*, это учителя не смущало.

---

[213] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 90.

[214] Подробней об идеях неостоицизма и культе античных добродетелей в конце XVIII в. см.: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 242–243.

Когда же, «выйдя в люди», Бельтов столкнулся с российской действительностью, она ему не понравилась. «Бельтов <...> очутился в стране, совершенно ему неизвестной, до того чуждой, что он не мог приладиться ни к чему; – пишет Герцен, – он не сочувствовал ни с одной действительной стороной около него кипевшей жизни; он не имел способности быть хорошим помещиком, отличным офицером, усердным чиновником»[215]. Неизвестная дотоле Россия не вызвала у него никакого сочувствия. Человеку, воспитанному на идеалах римской республики или революционной Франции, русское самодержавие казалось грубой деспотией, а крепостное право – унизительным рабством. И любое сотрудничество со «старым режимом» было невозможно. Одним словом, виной тому, что Бельтов оказался «лишним человеком» стала дворянская педагогическая система XVIII века, которая не готовит человека к жизни в российских реалиях.

Такая трактовка социально-политической линии романа кажется наиболее адекватной авторской задумке потому, что Герцен в момент написания романа чувствовал, что такая образовательная система сделала «лишними людьми» многих представителей его поколения, воспитанных условным Жозефом, уверенных, что сотрудничество с российской властью исключено по этическим соображениям[216]. Роман «Кто виноват?» помогает понять, почему «что-то в организме» Герцена, как он писал, не давало ему возможности существовать в атмосфере николаевской России, «чиновничьего подобострастия и барской тирании». Понять, почему он эмигрировал.

Не без иронии Герцен показывает парадоксальную черту своего героя: благодаря воспитанию, Бельтов приобрел навыки гражданственности, но благодаря ему же, – потерял возможность реальной гражданской деятельности. И не только потому, что он хотел оставаться верным своим принципам, а ему сказали, что все серьезные вопросы в России решаются связями и взятками. Но и потому, что,

---

[215] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 120–121.

[216] В дальнейшем такая установка обусловила специфическое «срединное» положение русской интеллигенции между властью и народом. См.: *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 4–5.

штудируя Плутарха и Руссо, он не приобрел никаких практических навыков. Бельтов не умеет грамотно составить ни одной бумаги, однако его речи всегда преисполнены гражданского пафоса.

Образ Бельтова, человека с «болезненной потребностью дела» и вместе с «отсутствием всякого практического смысла» должен был, по мысли Герцена, явиться отрицательным примером. В ссылке он писал, что «лишние люди» его поколения своим «возвышенным» эскапизмом только истощают интеллектуальные силы России, которые можно было бы употребить на созидательную деятельность[217]. В конце романа учитель Бельтова Жозеф, встретившийся с учеником после долгой разлуки, говорит ему: «достоинство жизни человеческой в борьбе»[218]. Бельтов этим достоинством не обладал, а Герцен хотел обладать. Верность идеалам, «трезвое понимание действительности» и установка на борьбу с ее пороками ради новой России – вот, что Герцен хотел противопоставить меланхолии, пассивности и курсу на внутреннюю эмиграцию «лишних людей» своего времени.

Нужно сказать, что Герцен «попал» в своего читателя. В письме от 8–9 июля 1847 г. Огарев писал ему в Париж: «Перечитал я вчера “Кто виноват?”. Эта повесть на меня всегда производит сильное впечатление, она слишком близка. А знаешь ли что, Герцен? Ведь метил ты Бельтова поставить очень высоко. А между тем Бельтов – durch und durch[219] ложное лицо. Бельтов – романтик и pseudo-сильный человек, хотя все-таки высокий человек. Бельтов – больной человек. Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее. Хватание за разные предметы без порядка – признак романтического брожения. Я думаю, неуменье отыскать самого себя в мире при огромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма. Неужели мы не перейдем этот рубеж! Досадно будет. Мне ни

[217] См.: *Ширинянц А.А.* Герцен в контексте российского революционизма // Александр Герцен и исторические судьбы России. Материалы научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20–21 июня 2012 г.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 219–223.
[218] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 166.
[219] Насквозь (нем.).

умирать, ни замирать ни в каком отношении не хочется. <…> Впрочем, это осевшее чувство скорби может быть очищено деятельностью. Деятельность стирает с нее остатки романтической пыли»[220]. Герцен отвечал Огареву 3 августа 1847 г.: «Быть современным, уместным, взять именно ту сторону среды, в которой возможен труд, и сделать этот труд существенным – в этом весь характер практического человека. И с этой стороны ты совершенно прав, нападая на Бельтова; ошибка в том, что цель не Бельтов, а необходимость подобного воздействия не на из рук вон сильного человека – но на прекрасного и способного человека. Для того чтоб убедиться в этом, достаточно вспомнить биографии всех знакомых, да и наши несколько. При начальных шагах жизни что представлялось на выбор? Доктринерство, всяческий романтизм, я сделался отчасти доктринером и, может, был бы sehr ausgezeichnet in meinem Fache[221], если б не необходимость уехать в провинцию. Там я сделался романтиком. В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женитьбой, – да ведь и ты женился, однако для тебя это имело совсем иную воспитательную силу»[222].

Этот обмен мнениями о Бельтове, который произошел спустя лишь год после публикации романа, свидетельствует, что вопрос о деятельности был наиболее острым вопросом кружка Герцена того периода, и «романтизм», приобретенный «при начальных шагах жизни», в процессе воспитания, представляется и Герцену, и Огареву едва ли не главной опасностью для практической, полезной, созидательной деятельности. «Романтик» для них – это человек слабый, увлекающийся, не умеющий найти дела в жизни, хватающийся без цели за разные предметы. «Романтизм» для Герцена того периода – в философском смысле слова – это «нежелание принять истину такой, какой она является нашему разуму». В

---

[220] *Огарев Н.П.* А.И. Герцену, 8–9 июля 1847 г. // *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 412–413. Нужно сказать, что 1847–1848 гг. в жизни Огарева связаны с попыткой реализовать грандиозные хозяйственные проекты в своем именье, перевести крестьян на фермерское хозяйство, организовать фабрики. Возможно, столь категорично он смотрел на Бельтова под воздействием тогдашней своей активной жизненной позиции.

[221] Весьма выдающимся человеком в своей области (нем.).

[222] *Герцен А.И.* 15. Н.П. Огареву, 3 августа (22 июля) 1847 г. Париж // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 34.

статье «Новые вариации на старые темы» (1847) Герцен последовательно нападает на старые идеалы «романтиков» и «моралистов», на их абстрактную идею долга, которая заставляет человека «добровольно жертвовать собой», на высокие идеи, перед которыми люди «совершенно стираются»[223], одним словом, выступает от имени разума против романтических предрассудков, принимаемых за долг, против идейных последствий воспитания коллективного Жозефа.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. 1846 г. – это период «теоретического разрыва» в кружке Герцена, философских споров между «идеалистами» и «реалистами». В ходе этой полемики Герцен называл «романтиком» своего оппонента Т.Н. Грановского, который предпочел остаться «идеалистом»[224]. В этом контексте, чтобы не запутаться в терминах, уместно говорить о двух типах «романтиков» в понимании Герцена: «романтиков по воспитанию» (романтиков юности) и «романтиков по мировоззрению» (романтиков зрелости). Следуя логике этого разделения, можно предположить, что Герцену в 1846–1847 гг. не таким уж опасным казалось романтическое воспитание, если в зрелости «романтик юности» станет реалистом. Но если же и в зрелости человек остается романтиком, – это проблема, ничего путного из него не получится. Такие «нравственно слабые люди» обязательно, по мысли Герцена, отдадутся «во власть лени», их любовь к свободе, скорее всего, окажется «чисто платонической, идеальной»: «по ней вздыхают, о ней говорят в ученых предисловиях и в академических речах, ей поклоняются пламенные души, но на благородной дистанции»[225]. «Деятелем», пользуясь терминологией Герцена, «романтик по мировоззрению» не станет.

Учитывая все сказанное, можно понять, почему Герцен и Огарев в письмах 1847 г. в такой резкой форме отмежевывались от любого проявления

---

[223] См.: *Герцен А.И.* Новые вариации на старые темы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 95, 93.
[224] Подробней см.: *Дрыжакова Е.Н.* Проблема «русского деятеля» в творчестве Герцена 40-х годов // Русская литература, 1962. № 4. С. 42–45.
[225] См.: *Герцен А.И.* Новые вариации на старые темы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 90.

романтизма: в быту и сознании. Романтическая, по их определению, неумелость и ненужность Бельтова не могла больше вызывать никакого сочувствия.

Интересно, что в наиболее свежей западной монографии, посвященной Герцену, «Об открытии возможности. Жизнь и мысль Александра Герцена», написанной ученицей И. Берлина – А. Келли в 2016 г., борьба с романтизмом так же называется основной темой романа. В разделе о «лишнем человеке» Келли пишет: «Герцен определяет основную болезнь века как разрыв между теорией и жизнью, но отвергает мнение романтиков, что их отчуждение является признаком принадлежности к духовной элите. До определенной степени, в своих затруднениях виноваты сами романтики. Это доминирующая тема романа “Кто виноват?”»[226].

Но был на Бельтова в конце 1840 гг. и другой взгляд, более отстраненный. Его высказывали люди, не чувствовавшие близости к герою романа, ни биографической, ни сословной, люди, которые не боялись повторить судьбу «лишнего человека». К примеру, В.Г. Белинский, который в 1847 г. вновь написал о романе «Кто виноват?». Готовя первую статью, в 1845 г., Белинский имел возможность ознакомиться только с первой частью «повести» и написал о ней хвалебный, почти восторженный, отзыв. Теперь Белинский прочитал роман целиком, и полная версия понравилась ему куда меньше. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он писал, что, хотя в романе «бездна лиц, большею частию мастерски очерченных, но нет героя, нет героини», а Бельтов теперь казался ему «самым неудачным лицом во всем романе»[227]. Белинскому, разночинцу по образу мыслей, больше нравилась первая часть романа, «критическая», в которой, живописуя биографии героев, Герцен фиксировал грубость нравов и жестокость поместного дворянства, косность и формализм петербургского и провинциального чиновничества, недалекость провинциальной интеллигенции и т.д. Вторая же часть романа, содержащая историю скитаний «лишнего человека» и «трагическую любовью» неприкаянного барина, казалось Белинскому менее интересной и убедительной. Оценивая проблематику

[226] *Kelly A.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. P. 167–168.
[227] См.: *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 320.

романа под углом социальной критики, Белинский пришел к необычному выводу, он нашел «задушевную мысль Искандера», некую главную тему его творчества: «мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством и унижается то несправедливостью человека к своему ближнему, то собственным добровольным искажением самого себя»[228]. Белинскому казалось, что в социальном фиаско Бельтова в большей степени виновато не его воспитание, или идейный «романтизм», а дурно устроенное общество, и его собственная леность и праздность. Фактор «отсталости» российского общества, таким образом, Белинский посчитал первостепенным и определяющим в судьбе героя.

Похожим образом «Кто виноват?» интерпретировал в 1847 г. А.А. Григорьев. На страницах «Московского городского листка» Григорьев объяснил общий пессимизм герценовского повествования типичным для материалистического сознания представлением о социальной природе зла. По его мнению, «основная мысль» романа состоит в том, «что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства. Сколько ума, – продолжает Григорьев, – растрачено на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности – свободы и сопряженной с ней ответственности»[229].

Получается, Белинскому картина придавленности героев «средой», «всем строем» русской жизни (бытом, нравами) кажется трагичной, и максимально критическое изображение этой картины в литературе представляется полезным в деле эмансипации личности, а Григорьеву излишний пессимизм Герцена кажется безответственным проецированием личных проблем на общество. Друзья и оппоненты, как видим, трактовали роман в одних и тех же категориях, но с противоположным знаком и различными выводами в отношении полезности подобного текста для публики[230].

---

[228] *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 319–320.

[229] См.: *<Григорьев А.А.>* Обозрение журналов за март 1847 г. // Московский городской листок, 1847. № 68 от 31 марта 1847.

[230] В этом отношении важно упомянуть о письме А.А. Григорьева Н.В. Гоголю от 17 ноября 1848 г., где он противопоставлял «Кто виноват?» и «Выбранные места из переписки с друзьями». Оба произведения вышли в один год, и для более консервативного Григорьева главным

Таким образом, социально-политическая линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», задуманная Герценом, прежде всего, как послание, как предостережение для «прекрасных и способных людей» близкого круга, критиками, не принадлежащими к числу этих людей, была прочтена как текст, проникнутый пафосом социального детерминизма.

Наступившая после 1848 г. реакция прекратила журнальную дискуссию, посвященную роману «Кто виноват?», но не уменьшила его влияния. Однако со временем изменился социальный состав его читателей, и новым читателям романа в 1850–1860 гг. основными и наиболее актуальными будут казаться совсем другие темы. Теперь смысл романа чаще сводился к вопросу женского равноправия, защитники и оппоненты согласились, что «главной темой романа» является эмансипация, но разошлись в оценках этого явления[231].

Однако, завершая тему «лишнего человека», необходимо сказать, как Бельтов и связанная с ним социально-политическая проблематика романа воспринималась новой генерацией критиков. Упомянутый в двух известных статьях Н.Г. Чернышевского «Стихотворения Н. Огарева» (1856) и «Русский человек на randez-vois» (1858) Бельтов предстает сперва благородным представителем людей, которые «становятся во главе исторического движения»: «Онегин сменился Печориным, Печорин – Бельтовым и Рудиным»[232]. Но в следующей статье Чернышевский будто поправляет себя, говоря, что человек типа Бельтова «обманул нас». Он, скорее, мог стать во главе «исторического движения», но не сделал этого, так как «предпочитает

различием двух этих произведений являлось решение вопроса человеческой ответственности. «Романист высказывает в образах <…> ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства», – повторяет Григорьев слова своей статьи. Из книги Герцена, по мысли критика, следует, «что никто ни в чем не виноват, что все условленно предшествующими данными и что эти данные опутывают человека, так что ему нет из них выхода, ибо “привычка есть цепь на человеческих ногах”. Одним словом, человек – раб и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, – это явно и ясно высказано в “Кто виноват?”» (*Григорьев А.А.* Н.В. Гоголю, 17 ноября 1848 г. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: «Наука», 1999. С. 31–32).

[231] См.: *Гурвич-Лищинер С.Д.* Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М.: Наследие, 1993. С. 49.

[232] *Чернышевский Н.Г.* Стихотворения Н. Огарева // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. Т. 3. С. 567.

всякому решительному шагу отступление»[233]. Так или иначе, Бельтов представлен в текстах Чернышевского «героем», время которого давно прошло.

Развивая мысль Чернышевского, Н.А. Добролюбов в статье «Что такое обломовщина» (1859) также «вписал» Бельтова в череду русских литературных «лишних людей», над которыми «тяготеет одна и та же обломовщина», считая однако его «гуманнейшим между ними»[234]. Но, как и Онегин, и Печорин, и Рудин, Бельтов остается персонажем навсегда ушедшего прошлого. «Время Бельтовых, Чацких и Рудиных прошло навсегда»[235], – заявит в 1865 г. Д.И. Писарев в статье «Пушкин и Белинский». Можно сказать, что Писарев подвел итог: радикальная интеллигенция в середине 1860 гг. считала исчерпанной проблематику романа, связанную с «лишним человеком».

Только в начале XX века, когда началось академическое изучение трудов Герцена и появилась возможность ретроспективного взгляда на его художественное наследие, к социально-политической линии романа обратился Д.Н. Овсянико-Куликовский в знаменитой работе «История русской интеллигенции» (1906–1911). В главе, посвященной Бельтову, он вновь задается вопросом: «Кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни?»[236] и дает несколько ответов. Первый ответ: Бельтов виноват сам. Он «обречен на праздность», потому что сам – «барин, баловень, белоручка». «Он занимался бессистемно, – так описывает Герцен жизнь Бельтова заграницей, – занимался всем на свете, удивлял немецких специалистов многосторонностью русского ума; удивлял французов глубокомыслием, и в то время, как немцы и французы делали много, – он ничего,

---

[233] *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 160.

[234] *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 324

[235] *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // *Писарев Д.И.* Сочинения в четырех томах. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 337.

[236] *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Из «Истории русской интеллигенции» // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 122.

он тратил свое время, стреляя из пистолета в тире»[237]. Однако критикуя характер Бельтова, пытаясь понять, почему же, загораясь каким-то делом, вкладывая много усилий в новое предприятие, Бельтов через некоторое время к нему охладевал, бросал и брался за новое, чтобы вскоре бросить и его, Герцен переходит к более общим рассуждениям: «Счастлив тот человек, – пишет он, – который продолжает начатое, которому преемственно передано дело: он рано приучается к нему, он не тратит полжизни на выбор, он сосредоточивается, ограничивается для того, чтоб не расплыться, – и производит. Мы чаще всего начинаем вновь, мы от отцов своих наследуем только движимое и недвижимое имение, да и то плохо храним; оттого по большей части мы ничего не хотим делать, а если хотим, то выходим на необозримую степь – иди, куда хочешь, во все стороны – воля вольная, только никуда не дойдешь: это наше многостороннее бездействие, наша деятельная лень. Бельтов совершенно принадлежал к подобным людям; он был лишен совершеннолетия – несмотря на возмужалость своей мысли; словом, теперь, за тридцать лет отроду, он, как шестнадцатилетний мальчик, готовился начать свою жизнь…»[238].

Это рассуждение заставляет нас невольно вспомнить строки из «Философического письма» П.Я. Чаадаева, обращенные к России в целом: «У нас совсем нет внутреннего развития, – писал он, – естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. <…> Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели»[239]. «Несовершеннолетие» России Чаадаев объяснял историческими причинами. По его мнению, татаро-монгольское иго, «иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала», сковав силы народа, лишило Россию «юности», необходимого для будущего развития

[237] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 121.
[238] Там же. С. 121–122.
[239] *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Русская социально–политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 490.

исторического этапа, который прошли все другие европейские народы. В этот период «великих свершений, сильных страстей» у народов вырабатываются свои «плодотворные идеи» и «общественные устои», которые потом, со временем, органически трансформируются в эффективные социальные, правовые и политические институты. Так как Россия, по мнению Чаадаева, была лишена «юности», то в нашей стране не возникло предпосылок для эффективно работающих институтов. Да что там институтов, нет даже «мыслей о долге, справедливости, праве и порядке», потому что они также формируются на этапе «народной юности». Именно поэтому Россия не может сформулировать собственных идей, а чужие – на русской почве не приживаются. Таким образом, «несовершеннолетие», инфантильность Бельтова можно объяснить в логике мысли Чаадаева – «несовершеннолетием» российского общества в целом. Это второй ответ Овсянико-Куликовского на вопрос: кто виноват, что Бельтов не нашел себе «места в жизни»? – «Виновато» все наше историческое прошлое.

Эти два ответа, по сути, в несколько упрощенной форме были потом взяты на вооружение советскими исследователями, трактовавшими барскую праздность как последствие «крепостничества» и «николаевских порядков». Нужно сказать, что вплоть до 1960 гг. в советском литературоведении, было принято считать, что Герцен в романе «Кто виноват?» хотел показать, как происходит «искажение достоинства человека, калечение его жизни и судьбы» «под гнетом самодержавия и крепостничества»[240], что «основным» содержанием романа является «пафос борьбы с крепостным правом как основным социальным злом русской действительности»[241]. Вполне возможно, что в первой половине XX в. этот роман и воспринимался именно так, как «суровый обвинительный приговор всей системе самодержавно-крепостнических порядков»[242], поводы к подобной

[240] См.: *Эльсберг Я.Е.* Герцен: Жизнь и творчество. М.: Издательство художественной литературы, 1963. С. 156.
[241] *Путинцев В.А.* Комментарии к роману «Кто виноват?» // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 322.
[242] *Путинцев В.А.* Комментарии к роману «Кто виноват?» // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 323. Похожую трактовку «основного содержания романа» мы можем найти в работах: *Гай Г.Н.* Роман и повесть А.И. Герцена 30–40-

трактовке Герцен, разумеется, давал. Да и сейчас А. Келли вполне в духе советских литературоведов пишет, что «несмотря на сокращения, это была самая откровенная критика крепостного права в печати 1840-х годов»[243]. С этим трудно спорить, однако тема крепостничества для общественной дискуссии середины XIX в. по поводу романа Герцена отнюдь не была основной.

Обобщая, можно сказать, что социально-политическая линия романа и, связанная с ней, тема «лишнего человека», задуманная Герценом, прежде всего, как послание, как предостережение для людей близкого круга, критиками второй половины XIX–XX вв., интерпретировалась, в основном, в духе социального детерминизма. И «негативная социализация», которая казалась Герцену одной из главных политических проблем своего времени, уже следующему поколению читателей представлялась несущественной, в сравнении с «отсталостью» российского общества или крепостным правом.

Но вернемся к 1850–1860 гг., когда для читателей роман Герцена становится приглашением подумать о свободе и честности отношений в любви мужчины и женщины, об ограничениях, которые накладывает на них брак, о разумности ревности, о «свободе (или несвободе) сердца». Одним словом, когда главной темой романа «Кто виноват?» все чаще начинают называть семейные отношения.

Авторские акценты, а также частое возвращение Герцена к теме трагических любовных конфликтов и семейных драм в конце 1830 – начале 1840 гг. (см.: повесть «Елена» (1836–1838), «По поводу одной драмы» (1842–1843), «Дневник 1842–1845» и пр.) убеждают нас в том, что для Герцена в период написания романа

х годов. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1959; *Пруцков Н.И.* Мыслитель и художник. Роман А.И. Герцена «Кто виноват?». М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1962. С. 30 и др. Однако были и исключения, в статье «Проблема “русского деятеля” в творчестве Герцена 40-х годов» Е.Н. Дрыжакова доказывает, что «конкретными социальными условиями нельзя объяснять личные катастрофы (героев)» и видит их причины в «романтизме», то есть в ошибочности личных установок персонажей романа (См.: *Дрыжакова Е.Н.* Проблема «русского деятеля» в творчестве Герцена 40-х годов // Русская литература, 1962. № 4. С. 40). Отметим попутно интересный анализ изменения взглядов на творчество Герцена исследователей советского времени, представленный А.А. Теслей (См.: *Тесля А.А.* Советский Герцен // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 142–150).

[243] *Kelly A.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. P. 169.

«Кто виноват?» «правда семейная» была не менее (а может быть, и более) важна, чем «правда общественная». Причудливым образом получилось, что тема насущная, для «человека передовых убеждений» в начале 1840 гг., стала частью общественной повестки в 1860 гг. И это привело к новому всплеску популярности романа. Даже Н.Н. Страхов, мировоззренческий противник Герцена, включивший статьи о нем в сборник под названием «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882)[244], не уделил внимания «политической» составляющей романа, и в главке, посвященной «Кто виноват?», пересказав сюжет, резюмировал: «очевидно, случай, взятый Герценом, относится к так называемому “женскому вопросу”»[245].

Большинство исследователей время возникновения женского вопроса в России относят к первым пяти годам после окончания Крымской войны. Смерть Николая I и поражение в войне «вскрыли язвы общества». Снятие цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся, прежде всего, путей развития России. Одним из «жгучих вопросов» того времени стал женский вопрос, который первоначально заключался в требовании улучшения женского образования, а позднее «развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины»[246]. В начавшуюся эпоху эмансипации роман «Кто виноват?» обрел новую жизнь, хоть и смотрелся уже немного старомодно[247].

---

[244] В состав работы «Борьба с Западом в нашей литературе» вошли переработанные статьи о Герцене, напечатанные ранее: *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья первая // Заря, 1870. № 3; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья вторая // Заря, 1870. № 4; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья третья. Герцен как свободомыслящий человек // Заря, 1870. № 12.

[245] *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 224.

[246] См.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 55–67.

[247] В 1865 г. критик А.К. Шеллер высказывал предположение, что если бы Герцен писал свой роман в 60 гг., то «развязка его была бы совсем иная, более отрадная» (См.: *Шеллер А.* «Кто виноват?» (По поводу романа того же названия) // «Русское слово», 1865. № 12. Отд. II. С. 10). В своей статье Шеллер сравнивал поведение героев романа «Кто виноват?» и «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, и показывал, как последние находят «конструктивный» выход из любовной коллизии, которая «старшему поколению» казалась еще безысходно трагической.

«Семейная» линия романа такова: благородный и умный молодой человек, разночинец Круциферский, встречает девушку, такую же умную и «чистую», Любоньку, незаконную дочь самодура-помещика. Они влюбляются друг в друга, преодолевают некоторые козни, которые им «подстраивает судьба», и женятся. Наступает семейное счастье, простое и здоровое, которое продолжается несколько лет. У молодых супругов рождается сын, «крепостнические порядки» и «николаевская Россия» не вторгаются в их размеренную жизнь. И ничто не предвещает беды. Но случайно в их уездный город NN приезжает Бельтов, молодой холостяк, образованный дворянин, добрый и порядочный человек. Он знакомится с семьей Круциферских, начинает часто бывать у них в гостях, и вот между Бельтовым и Любой Круциферсокой «с неудержимой силой и быстротой» возникает «взаимное притяжение».

«Лишний человек» Бельтов совсем не такой, как его знаменитые предшественники, Онегин или Печорин. Он никого не убивает от скуки, никого не обманывает. Он влюбляется в замужнюю девушку и один раз ее целует. А когда понимает, что ее муж мучается ревностью, и семья Круциферских в опасности, уезжает из города. Ничего в семье Круциферских, кажется, не произошло, но идиллия разрушена. Дальнейшая судьба героев «любовного треугольника» остается за рамками повествования.

Вину за то, что три человека стали несчастными, кажется, нельзя приписать ни одному из действующих лиц, ни «среде», ни нравам и законам, по которым они живут. Беда заключается только во взаимных отношениях героев, никто из которых не хотел дурного. Именно к такому выводу нас подводит Герцен. Однако если мы попробуем разобраться, какому из героев сам автор чуть больше симпатизирует, а кого больше критикует, картина может несколько измениться. Такую операцию для уточнения семейной линии романа предлагал проделать Н.Н. Страхов[248]. Он попытался доказать, что в семейном разладе более других, по мнению Герцена, виноват бедный муж, разночинец Круциферский, потому что был

[248] См.: *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 226–227.

слишком предан своей жене, слишком отдался этой любви и сделал ее единственным содержанием своей жизни: «Любовь его росла беспрерывно, тем более что ничто не развлекало его; он не мог двух часов провести, не видавши темноголубых глаз своей жены, он трепетал, когда она выходила со двора и не возвращалась в назначенный час; словом, ясно было видно, что все корни его бытия были в ней»[249].

Ответ на вопрос, почему для Герцена, молодого человека двадцати девяти лет от роду, находящегося во владимирской ссылке, из всего многообразия философских, социально-политических и семейно-бытовых тем, наиболее интересной оказалась тема опасности «всепоглощающей» любви, с которой он решил разобраться в первом своем крупном художественном произведении, мы легко найдем, проследив его идейную эволюцию в начале 1840 гг. Роман «Кто виноват?» был написан Герценом в период его мировоззренческого кризиса, когда на смену юношеского идеализма приходил реализм. Причем, не только в философии, но и в любви. М. Малиа недоумевал, «почему радикалы поколения Герцена сделали феминизм своей главной целью», когда не решены были более значимые вопросы, например свободы прессы и свободы слова, гражданских прав, бедности, безграмотности подавляющей части населения? «На фоне отсталого крепостного права, – подчеркивал он, – внимание, которое этот вопрос получил в России, кажется просто роскошью»[250]. Малиа находил этому простое психологическое объяснение: отсутствие возможности реального освобождения страны от «гнета самодержавия», по его мнению, приводило молодых интеллектуалов к тому, что «вопрос абсолютной свободы в личных отношениях приобретал все большее эмоциональное значение»[251]. Эту идею несколько в другом виде высказывала И.А. Паперно, исследовавшая семейную жизнь Н.Г. Чернышевского. По ее мнению, в 1840 гг. «“освобождение женщины” понималось (представителями радикальной интеллигенции. – *Б.П.*) как свобода в целом, а свобода в личных

[249] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 157.
[250] *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 365–366.
[251] Там же. С. 366.

отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества»[252].

Идеи женской эмансипации, действительно, стали одной из важных тем социально-политической мысли русского радикализма, неотъемлемой частью самосознания эпохи, и может быть, в наиболее разработанной форме представлены в начале 1860 гг. (прежде всего, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»), однако, как писал Малиа, «роль Герцена в зарождении этого движения была не менее конструктивной, чем в его поздней защите “социалистической” крестьянской общины»[253]. Другими словами, Герцена вполне можно назвать и автором национальной версии социализма, и родоначальником современного русского феминизма. Но, как и политический идеал, феминизм Герцена являлся отнюдь не плодом кабинетных штудий, он стал последствием мировоззренческого и семейного кризиса. И может быть, самым простым объяснением почему тема семьи и брака стала столь важной в творчестве Герцена первой половины 1840 гг. является то, что именно в это время он сам вступил в брак. Причем, как и его друг Огарев, молодой Герцен хотел построить свой семейный союз на новых основаниях, преодолеть все негативные черты «традиционного» брака, который в тот момент представлялся ему синонимом взаимного лицемерия, несвободы и отсутствия любви[254].

У Герцена была двоюродная сестра Наталья Захарьина, младше его на пять лет. Как и Герцен, она была незаконнорожденной, воспитывалась в доме у тетки. Наталья и Александр по-настоящему сдружились во время его тюремного заключения и первой ссылки. Герцену тогда было 22, ей – 17. Они стали писать друг другу длинные письма и почувствовали, что между ними возникла особая связь, «духовное родство». Со временем их переписка становилась все откровенней и доверительней. Наконец, они поняли, что полюбили друг друга, и

---

[252] *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. С. 55.

[253] *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 365.

[254] Подробней см.: *Гершензон М.О.* Любовь Н.П. Огарева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 250–264; *Волошина С.М.* Утопия и жизнь: Биография Николая Огарева. СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 68–85.

Герцен решился на романтический поступок: он тайно отправился за Натальей в Москву, привез ее во Владимир, где отбывал ссылку, и они обвенчались. Но семейная жизнь Герценов не была счастливой. Дело в том, что их досвадебная переписка, огромная по объему, была полна специфических религиозных мотивов, христианизированного романтизма[255]. Первая ссылка Герцена сопровождалась религиозными поисками (Александр и Наталья исповедовали тогда внеконфессиональное, «личное христианство»), и любовь, о которой они много говорили в письмах, понималась ими как «любовь небесная», некая высшая сущность, в сравнении с которой все земное не имеет значения. И оказалось, что в небесную любовь Наталья верила сильнее, чем супруг. Тотальная, «всепоглощающая» любовь, с ее точки зрения, должна была оставаться не только в письмах, но и продолжаться в семейной жизни. В «Былом и думах» Герцен описывает свою молодую жену как человека, постоянно нуждающегося в заверениях в «любви безусловной».

Чтобы правильно понять истоки семейной драмы, нужно вспомнить, что Герцен с юных лет воспринимал себя как историческую фигуру, носителя великой миссии. С четырнадцати лет, после казни декабристов, он говорил, что его предназначение – это борьба с рабством и тиранией. Он учился в университете, потом (после тюремного заключения) попал в ссылку, где оказался оторван от московской интеллектуальной среды и насильно посажен работать в провинциальных канцеляриях чиновником. Находясь на службе, он с досадой чувствовал, что теряет время, предназначенное для «исторической» деятельности. И вот после года семейной жизни, Герцена начинают все больше занимать литературное творчество, политика, философия, социальная жизнь, то есть, то, что он и называл «деятельностью». А у Натальи, сделавшей «любовь» центром своей жизни, кроме любви, никакой деятельности и не было. Философию и политику она постепенно стала воспринимать как соперниц любви, страдала от ревности и ощущала себя брошенной.

---

[255] Подробнее см.: *Захарьина Н.А.* Переписка с А. Герценом 1832–1838 гг. // *Герцен А.И.* Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1905. Т. 7 С. 7–413; *Гинзбург Л.Я.* Автобиографическое в творчестве Герцена // Лит. наследство. Т. 99. Кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 7–54.

В конспекте продолжения (осень 1851) повести «Долг прежде всего» (1847), написанного по итогам анализа семейных сложностей первых лет брака, Герцен так характеризовал отношения своего героя: «Анатоль между тем начинал чувствовать усталость от своей любви, ему было тесно с Оленькой, ее вечный детский лепет утомлял его. Чувство, нашедшее свой предел, непрочно, бесконечная даль так же нужна любви и дружбе, как изящному виду. Оленька принадлежала к тем милым, но неглубоким и неразвивающимся натурам, которые, однажды вспыхнув сильным чувством, *готовы*, оседают и уже дальше не идут»[256]. Как справедливо замечает А.А. Тесля: «Здесь, можно с некоторой долей уверенности предположить, содержится и оценка его отношений с женой, Натальей, в чем он сам себе вряд ли признавался до конца»[257].

Напряжение между Александром и Натальей переросло в кризис в Новгороде, куда Герцена выслали в 1841 г. Там его тоска по свободной деятельности усилилась. И Наталья приняла это на свой счет: если ее любви недостаточно, чтобы спасти мужа от тоски, значит, любовь умерла. «И вот эту-то досаду, этот строптивый крик нетерпения, эту тоску по свободной деятельности, чувство цепей на ногах – Natalie приняла иначе. Часто заставал я ее у кроватки Саши с заплаканными глазами; она уверяла меня, что все это от расстроенных нерв, что лучше этого не замечать, не спрашивать…»[258]. Нужно сказать, что Герцен пытался и для Натальи придумать «деятельность». Он хотел, чтобы его жена стала хозяйкой литературного салона вроде московского салона матери братьев Киреевских А.П. Елагиной, «центром ученого кружка». Наталья была умна и начитана, но она привыкла жить в уединении и боялась общества, говоря, что «будет скорее смешна в светском

[256] *Герцен А.И.* Долг превыше всего // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 298–299.
[257] *Тесля А.А.* Сердечный дилетантизм // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 157.
[258] *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868. Часть IV // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 95.

салоне, чем интересна»[259]. От предложений мужа она отказалась, сказав, «что не променяет свою тихую семейную жизнь на суетные визиты»[260].

Но все-таки кризис, произошедший в семье Герценов, нельзя свести только к несовпадению в понимании любви. За несколько лет Наталья пережила смерть троих новорожденных детей, что, конечно же, не могло не заставить ее пересмотреть взгляды на жизнь. Понемногу она перестала боготворить мужа, который оказался бессилен перед лицом смерти. Наталья месяцами была больна, нервно истощена. А тут еще Герцен изменил ей с горничной, и сразу исповедовался жене. Семейные сцены продолжались с перерывами на протяжении года. Как и Наталья, Герцен погрузился в размышления об их отношениях, которые надолго вытеснили политику и философию из его дневника. Однако постепенно кризис стал сходить на нет. Наталья в конце 1843 г. родила здорового сына, а через год – дочь. И по внешним признакам гармония в семье была восстановлена.

Домашний кризис Герцена и его семейная история столь важны для нас, потому что этот частный случай способствовал развитию на российской почве французских сенсимонистских натуралистических теорий любви, идей эмансипации[261]. После долгих раздумий Герцен пришел к выводу, что источником их семейных неурядиц явилась общая неудовлетворенность Натальи жизнью, «постоянное ощущение избыточности задатков ее натуры сравнительно с возможностью их применения»[262]. По мысли Герцена, Наталья тоже была рождена для великих свершений, для «деятельности», но в современном ей русском обществе она не имела никаких перспектив. Ведь женщина первой половины XIX в. могла быть женой, матерью и

---

[259] См.: *Савкина И.Л.* «Пишу себя…» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. С. 298.
[260] Там же. С. 298.
[261] Подробней о концепциях любви у французских утопических социалистов см.: *Manuel F.E. and Manuel F.P.* Utopian Thought in the Western World. Cambridge, Massachusetts, 1979. P. 581–696.
[262] См.: *Рудая И.М., Благоволина Ю.П.* Предисловие к публикации писем Н.А. Герцен (Захарьиной) к Т.А. Астраковой // Литературное наследство. М.: Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 578. Разумеется, это психологическое состояние характерно было для многих женщин того времени. Как отмечает здесь же И.М. Рудая: «Именно в 1830–1840-е годы в русском обществе все глубже и трагичнее осознавалась невозможность проявить то душевное богатство, которым была наделена женщина и которое силой социальных обстоятельств было замкнуто для нее узким кругом домашних забот и обязанностей».

только[263]. И эта неудовлетворенность Натальи обернулась гипертрофированной потребностью в любви, от которой страдал Герцен. То есть, всему виной традиционное общество, которое делает женщин заложницами семьи.

Отметим, что для Герцена авторитарная модель семьи всегда казалась невозможной, а подчинение жены мужу несовместимым с любовью. Идея «естественного» предназначения женщины противоречила самому для него важному – свободе самореализации личности. И если в 1830 гг. от «ханжества старого мира» он погрузился в идеальный мир немецких романтиков, то после разочарования в идеализме он открывает для себя Жорж Санд[264] и формулирует свою позицию гораздо конкретней. В «Дневнике 1842–1845» Герцен пишет: «Брак не есть истинный результат любви, а христианский результат ее <…> В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности, нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определяют подробности отношений»[265]. Эта запись датирована 1843 годом. А в дневниках, относящихся к следующему году, Герцен добавил: в новом обществе «женщина еще в большей степени будет вовлечена в общественные дела; с помощью образования она нравственно укрепится и не будет больше односторонне привязана к семье»[266].

---

[263] Позже эту ситуацию сформулирует устами своей героини, Веры Павловны Розальской, Н.Г. Чернышевский: «Нам (женщинам. – *Б.П.*) формально закрыты почти все пути гражданской жизни <…> Из всех сфер жизни нам оставлено тесниться только в одной сфере семейной жизни – быть членами семьи, и только. Кроме этого, какие же занятия открыты нам? Почти только одно – быть гувернантками; да еще разве – давать какие-нибудь уроки, которых не захотят отнять у нас мужчины» (*Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1975. С. 264).

[264] Более подробно о влиянии идей Жорж Санд на Герцена и русских интеллектуалов 1830–1840 гг. см.: *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 71–81; *Carr E.* The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. Middlesex, 1949. P. 74.

[265] *Герцен А.И.* Дневник 1842–1845 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 290.

[266] *Герцен А.И.* Дневник 1842–1845 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 347.

Как писал о «Дневнике» Герцена исследователь женского освободительного движения в России Р. Стайтс, «В этих высказываниях мы находим все, или почти все, что впоследствии встретим у Маркса, Бебеля и их русских последователей вплоть до 1930 гг.»[267]. По мнению Стайтса, хоть идеи, высказанные Герценом, получили широкое распространение и разделялись несколькими поколениями русской интеллигенции, «дневниковые записи Герцена ничего не добавили к общественной дискуссии об освобождении женщин»[268]. Надо сказать, что ответы на важнейшие вопросы собственной жизни Герцен пытался найти не только в дневнике или публицистических произведениях, но и в художественных текстах, которые писал в то время. И возможно, относительно «Дневника», Стайтс прав, однако в романе «Кто виноват?», который, напомним, писался с 1841 по 1846 гг., мы можем найти несколько «сугубо русских тем», которыми Герцен обогатил общеевропейский феминизм.

К «легкомысленному» французскому феминизму Герцен прибавил русской серьезности. Французы тогда проповедовали «реабилитацию плоти» (о ней говорил сенсимонист Анфантен, призывавший отбросить старую семейную буржуазную мораль и вспомнить о теле), и «реабилитацию сердца» (к которой призывала Жорж Санд, говоря, что любовь – это священное чувство, которое не может быть ограничено узами брака). На фоне этого Герцен предлагал, по сути, «реабилитацию деятельности».

В поисках объяснения осложнения отношений с Натальей Герцен пришел к заключению, что их «кризис зрелости» был бы гораздо менее суровым, если бы она стремилась к чему-то большему, нежели просто к удовлетворению «страстей своего сердца». «Исключительная концентрация» Натальи на «внутренней жизни», семье и любви, стала казаться Герцену не только угрозой его собственной «свободной деятельности» и социальной жизни, но, в целом, препятствием для реализации женщинами «человеческих возможностей».

[267] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 49.
[268] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 49.

Склонный к автобиографичности в прозе[269], Герцен в романе «Кто виноват?», уподобляя художественную жизнь своей реальной жизни, словно перепутал роли. Если молодой дворянин Бельтов, заброшенный в скучный провинциальный город, «списан» с него самого, и это вполне очевидно, то по описаниям слабого характера разночинца Круциферского мы можем предположить, что его строй мыслей был заимствован у Натальи. В логике Герцена Круциферский более всех виноват в семейной драме именно потому, что слишком предан жене. И дело не в том, что он любит ее больше, чем Бельтов, а в том, что в его сердце нет места ни для чего другого: «Кроткий от природы, он и не думал вступить в борьбу с действительностию, – описывает Герцен Круциферского, – он отступал от ее напора, он просил только оставить его в покое; но явилась любовь, так, как она является в этих организациях: не бешено, не безумно, но на веки веков, но с таким отданием себя, что уж в груди не остается ничего неотданного»[270]. Как бы комментируя эту поглощенность любовью, в статье «По поводу одной драмы» Герцен замечал: «Любовь венчает личную жизнь в ее индивидуальном значении; но за исключенною личностью есть великие области, также принадлежащие человеку»[271]. То есть, помимо частной жизни человека, существует большая общественная жизнь. И «зрелый» человек призван участвовать в ней, прежде всего, для «мира общих интересов, художественной и научной жизни». И женщин это касается прежде всего. Им нужно освобождаться не только от деспотизма мужчин, считал Герцен, не только от деспотизма традиций и старых гендерных ролей, но, прежде всего, – от «деспотизма чувств». Освободиться и заняться делом.

---

[269] Еще на стадии ухаживания в письме к Наталье Захарьиной Герцен о своем литературном методе писал: «Я решительно хочу в каждом сочинении моем видеть отдельную часть жизни души моей; пусть их совокупность будет иероглифическая биография моя, которую толпа не поймет, – но поймут люди. Пусть впечатления, которым я подвергался, выражаются отдельными повестями, где все вымысел, но основа – истина» (*Герцен А.И.* Письмо Н.А. Захарьиной, 27 апреля 1836. Вятка // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 76).

[270] *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 157.

[271] *Герцен А.И.* Капризы и раздумье. По поводу одной драмы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 67.

К сожалению, новый семейный проект не принес Герценам счастья. После смерти жены, в 1852 г. Герцен не возвращался к теме феминизма. Да и появившийся в 1863 г. роман Чернышевского «Что делать?» по смелости и разработанности вопросов о «деятельности» и женском равноправии заслонил «Кто виноват?». Несмотря на это, роман Герцена продолжал влиять на русских читателей. Не случайно, Максим Горький в начале XX века писал об огромном значении этого романа «в истории развития русского общества», прежде всего, постановкой вопроса о положении женщины[272].

Подводя промежуточные итоги, можно утверждать, что «первый политический роман» – роман А.И. Герцена «Кто виноват?» произвел сильное впечатление на российское общество середины XIX в., но в разные периоды своего бытования в читательской среде разные социально-политические идеи оказывались востребованными публикой и имели влияние на общественно-политическую повестку. В связи с конкретными историческими событиями менялось не только восприятие проблематики романа, но и сам читатель, его социальный состав. Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата, людей круга и образования автора. Потом круг читателей романа расширился благодаря представителям разночинной интеллигенции.

Для первой группы – стала важна «социально-политическая» линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. Для 1840 гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, будет звучать так: кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни? Ответ Герцена – негативная социализация. Такая трактовка отличается от принятой. Дело в том, что и во второй половине XIX в., и в советском литературоведении интерпретации «социально-политической» линии романа сводились, прежде всего, к социальному детерминизму.

---

[272] См.: *Горький М.* История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике. Сборник статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 250–251. 248–257.

Для второй группы, читателей 1850–1860 гг., важна будет «семейная» тема романа, и «главным», по преимуществу, станет вопрос о положении женщины в русском обществе. Новый взгляд на эту тему в контексте истории происхождения русского феминизма позволяет показать, что Герцен пытался в романе объяснить читателям, что люди не должны быть поглощены исключительно семейными интересами, «зрелый» человек призван к деятельной жизни в мире общественных интересов, и это касается не только мужчин, но и женщин, которые должны занять более значимое положение в русском обществе.

Один из критиков еще в 1847 г. писал, что роману «Кто виноват?» «не хватает идеала». Вслед за ним приходится констатировать, что Герцен в 1845–1847 гг., не видя перспектив развития страны, не имел и возможности сформулировать в романе общественный идеал. Однако ему удалось оказать большое воздействие на читателей 1840–1860 гг., поставив ряд важных социальных вопросов.

В 1890 г. издатель А.Н. Чудинов решился обратиться в цензурный комитет в Петербурге с просьбой разрешить переиздание романа «Кто виноват?». Цензор С.И. Коссович, обосновывая нежелательность переиздания, написал пояснительную записку, которая содержала следующую характеристику романа: «Недаром литературная критика придает роману “Кто виноват?” громадное значение. Она прямо говорит, что этот роман, вместе с “Записками охотника” Тургенева, много способствовал освобождению крестьян. Герцен слишком умен, чтобы забавляться вопросом частным. Он старается во всем романе умело и тонко, без всяких излишеств, ясно указать на невыносимость гнета помещичьей власти и на безжизненность и бессердечие колес административной машины»[273]. Конечно, профессиональный взгляд цензора заметил в романе Герцена, прежде всего, потенциал «революционизирующего воздействия», но в романе Герцена нет крестьян как самостоятельных персонажей, мы видим только жестоких помещиков. Но слова о «способствовании освобождению

[273] Красный архив, 1923. Т. 3. С. 233. Цит. по: *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 72.

крестьян» дают нам возможность перейти к следующему разделу диссертации, в котором речь пойдет об упомянутом цензором цикле рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», где крестьяне уже становятся самостоятельными персонажами, и впервые в русской литературе XIX в. отчетливо звучит мысль о равенстве сословий, а автор предстает как защитник прав человека.

§ 2. Общественный идеал в рассказах И.С. Тургенева (1852)[274]

Н.А. Островская записала в своих воспоминаниях знаменательный случай, о котором рассказал ей Тургенев: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции, вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей; по костюму и по манерам вроде мещан ли, мастеровых ли. “Позвольте узнать, – спрашивает один из них, – вы будете Иван Сергеевич Тургенев?” – “Я”. – “Тот самый, что написал “Записки охотника”?” – “Тот самый…” Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. “Кланяемся вам, – сказал все тот же, – в знак уважения и благодарности от лица русского народа”. Другой только молча еще поклонился»[275].

[274] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука, 2017. Специальный выпуск. С. 213–233; *Прокудин Б.А*. Лев Толстой и социально-политические идеи Ж.-Ж. Руссо // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития. Белорусская политология, многообразие в единстве: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 17-18 мая 2018 г.). В 2 т. Т. 2. Гродно: Издательство ГрГу, 2018. С. 94–98; *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в «Записках охотника» И.С. Тургенева: историко-политологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2018. Том 14. № 2. С. 40–59; *Прокудин Б.А.* Социально–политический идеал И.С. Тургенева 1840–50-х гг. (на материале сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму») // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 113–132; *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. С. 83–115.

[275] *Островская Н.А.* Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 86.

«Записки охотника» пользовались огромной популярностью. При жизни Тургенева и только на русском языке они переиздавались полностью или по частям свыше 120 раз. Сложно говорить о суммарном тираже всех этих публикаций, но очевидно, что «никакое другое произведение Тургенева и всей современной ему литературы не получило столь же массового распространения в России, не вызвало к себе настолько широкого интереса во всех слоях населения, не пользовалось таким продолжительным и устойчивым спросом, как эта книга»[276]. Ходили слухи, будто бы Александр II признавался, что «Записки охотника» Тургенева стали одним из главных двигателей его крестьянской реформы[277]. А М.М. Ковалевский в своих «Воспоминаниях об И.С. Тургеневе», впервые напечатанных в 1883 г., утверждал, что «некоторые англичане и французы до сих пор не прочь думать, что крестьян освободили у нас потому, что Тургенев написал свои “Записки охотника”»[278].

Необходимо заметить, что осуждение крепостных порядков прозвучало в русской литературе еще в конце XVIII в. Первыми, говоря словами Некрасова, сочувственно «вспомнили о народе» А.Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву») и Н.М. Карамзин («Бедная Лиза»), потом – А.С. Пушкин («Деревня»), наконец – Д.В. Григорович («Антон Горемыка», «Деревня»). Все они показали целую галерею крестьянских лиц, но эти лица были в большей или меньшей степени условны: у Радищева крестьяне иллюстрировали мысль о «беззащитном нищеты состоянии», крестьянка Лиза у Карамзина, чувствительная «поселянка», будто переведена с французского на русский, условны и пушкинские «девы

[276] См.: *Громов В.А.* Судьба «Записок охотника» // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 532.
[277] Об этом писал Н. Лернер, публикуя записку Тургенева «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянстве». См: Русская старина, 1911. Кн. II. С. 285. Цит. по.: *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. С. 5. В своих «Воспоминаниях о Тургеневе» генерал Фори Батист делился общим мнением: «Рассказывают, что, освобождая крепостных, Александр II просил передать Тургеневу: “Записки охотника” сыграли большую роль в моем решении» (*Фори Батист.* Воспоминания о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 284).
[278] *Ковалевский М.М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 138.

юные», крестьяне Григоровича так же, скорее, призваны показать «горемычное положение и безвинное страдание», поэтому вызывают у читателя не столько личный интерес, сколько жалость.

Наиболее же реалистично, без привычной условности, крестьян показал Тургенев: «Именно личностью, а не только “меньшим братом” предстал русский закрепощенный крестьянин в “Записках охотника”, – писал крупный исследователь Тургенева В.А. Недзвецкий, – и это было подлинным художественным открытием»[279]. «Личностный» подход и спокойная интонация в описании крестьян в «Записках охотника» были восприняты читающей публикой как наиболее действенная критика крепостного состояния: «Автор сознательно никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества»[280], – писал А.И. Герцен.

«Коротенький отрывок в прозе», как определил автор свой очерк «Хорь и Калиныч», был напечатан как будто бы только из-за нехватки серьезного материала для первого номера «Современника» в отделе «Смесь». И конечно, сразу был замечен читателями. Белинский, по просьбе которого и был написан рассказ, ликовал. В письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. он писал: «Судя по “Хорю”, Вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род. <…> “Хорь” Вас высоко поднял – говорю это не как мое мнение, а как общий приговор»[281]. Очерк поразил

---

[279] *Недзвецкий В.А.* В мире человека и природы («Записки охотника») // *Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю.* И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 4.

[280] *Герцен А.И.* О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице «Рыбаков») // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 177.

[281] *Белинский В.Г.* 290. И.С. Тургеневу. Спб. 19 февраля (3 марта) 1847 // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. XII. Письма 1841–1848. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 336. Слова «это ваш настоящий род» касаются прозаической формы рассказа. Дело в том, что цикл «Записки охотника» сыграли определяющую роль в жизни Тургенева, сделав его прозаиком. «Документальных сведений о начале работы над рассказом, о возникновении замысла нет», – пишет в примечаниях к очерку «Хорь и Калиныч» (первому рассказу из цикла) в академическом издании «Записок охотника» Л.Н. Смирнова (см.: *Гришунин А.Л., Долотова А.М., Орнатская Т.И., Смирнова Л.Н., Чернов Н.М.* Примечания // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 595), однако сам Тургенев любил говорить, что начинал он как поэт, стихи его были

читателей, прежде всего, необычным содержанием. Автор рассказывает о посещении избы обыкновенного крестьянина, он «с любопытством» смотрит на Хоря и обнаруживает в нем черты, которые обыкновенно считались принадлежностью дворянского сословия: «Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист»[282]. Другой же герой, Калиныч, входит в избу «с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал для своего друга, Хоря». Охотник с еще большим удивлением смотрит на Калиныча: он и не мог ожидать таких «нежностей от мужика». Весь очерк полон такими «открытиями». Простой русский крестьянин, крепостной мужик, предстает перед читателем в новом свете, как человек, сознающий свое достоинство. Белинский оценил новаторский взгляд очерка Тургенева, такая «концепция» русского народа была близка ему самому, и поэтому понятно восхищение, которое у Белинского вызвал очерк[283]. В нем, отмечал критик, «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил»[284].

Успех «Хоря и Калиныча» мотивировал автора на создание целой серии очерков. С начала февраля 1847 г. он приступил к созданию цикла «охотничьих» рассказов, план которого определился далеко не сразу и в течение 1847–1850 гг.

неудачны, и он уж думал навсегда покончить с литературой, «как в конце 1846 г. – по просьбе моего друга, Белинского, для его только что основанного журнала – написал первый очерк “Записок охотника”. Он понравился – за ним последовали многие другие – и так я сделался новеллистом и романистом» (*Тургенев И.С.* 1493. Морицу Гартману. 28 июля (9 августа) 1863. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 354). К слову, в другом месте Тургенев писал, что «Хорь и Калиныч» написаны по просьбе Панаева (См.: *Скокова Л.И.* Когда был написан «Хорь и Калиныч»? // *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. С. 23–24), и до 1846 г. у Тургенева уже были опубликованы несколько произведений в прозе, но самому Тургеневу хотелось именно так выстраивать свою биографию: с «Хоря и Калиныча» начинается Тургенев-прозаик.

[282] *Тургенев И.С.* Хорь и Калиныч // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 11.

[283] См.: *Ковалев В.А.* «Хорь и Калиныч» (1846). Идейный генезис // *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980. С. 15.

[284] *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 346.284 Наиболее значительное исследование, посвященное истории создания «Записок охотника»: *Клеман М.К.* Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 76. Серия филологических наук. Вып. 11. 1941. С. 88–126.

несколько раз изменялся и дополнялся[285]. За год, с конца 1846 по конец 1847 г., находясь за границей, Тургенев написал основной корпус текстов, 14 рассказов. С меньшей интенсивностью к работе над «Записками охотника» он возвращался на протяжении последующих четырех лет. Рассказы цикла распадаются на несколько последовательно создававшихся групп, объединенных общей направленностью и тематикой[286].

Отдельное издание «Записок охотника» (1852), итог почти пятилетнего сотрудничества Тургенева с «Современником», сразу обратило на себя внимание публики и цензуры. Министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов начал расследование обстоятельств выхода в свет сборника, написав служебную записку на имя царя. В результате, на основании устных высказываний Николая I по поводу «Записок охотника», министр народного просвещения информировал соответствующие ведомства, что содержание названного произведения «его императорское величество изволил признать предосудительным», так как значительная часть помещенных в него очерков «имеет решительное направление к унижению помещиков»[287]. Несмотря на то, что все рассказы сборника печатались до этого в журнале по цензурному дозволению, царь повелел отставить от должности цензора В.В. Львова, пропустившего в печать отдельное издание. Такое полулегальное положение книги, вызвавшей громадный интерес у читателей, обрекло ее на трудную участь. «Записки охотника» до конца 1850 гг. не переиздавалась, и говорить в печати об этом произведении было нельзя.

---

[285] Наиболее значительное исследование, посвященное истории создания «Записок охотника»: *Клеман М.К.* Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 76. Серия филологических наук. Вып. 11. 1941. С. 88–126.

[286] Известная эволюция идейного замысла Тургенева, в связи с важнейшими историческими событиями и общественными дискуссиями своего времени, прослежена в работах В.А. Ковалева. См.: *Ковалев В.А.* Возникновение цикла «Записки охотника» (1847). Социальные аспекты // *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980. С. 20–41; *Ковалев В.А.* «Гамлет Щигровского уезда» (1848). Отражение размежевания в лагере западников // *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980. С. 41–54; *Ковалев В.А.* Очерки и рассказы 1850–1851 гг. Углубление этического пафоса // *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980. С. 81–102.

[287] См.: *Громов В.А.* Судьба «Записок охотника» // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 555.

Поэтому отдельное издание книги не вызвало критических статей в журналах, а мнения современников о «Записках охотника» обычно приводятся по письмам или воспоминаниям.

Принято считать, что «Записки охотника» – это яркий протест против крепостного права в России. Известно, что Тургенев крепостное право называл «личным врагом». И в большей части рассказов сборника повествуется о быте русских бесправных крестьян с позиций гуманизма. Однако нужно разобраться, какими социально-политическими соображениями руководствовался сам автор, когда писал «Записки охотника», реконструировать основные черты общественного идеала Тургенева, нашедшего отражение в рассказах сборника.

М.О. Гершензон в работе «Мечта и мысль И.С. Тургенева» высказал соображение, что в основании творчества Тургенева и Толстого лежит одна и та же идея. «Мы безотчетно знаем их как бы представителями двух противоположных типов человека, – писал Гершензон. – Но странно: исток их мышления был один. Как раз в ту решающую пору, когда юноша начинает в сознании, как в зеркале, отчетливо различать свой природный образ и свое назначение, загадка жизни предстала обоим в одном и том же виде, свелась у обоих к одному и тому же вопросу <…> человек выпал из природного единства и вследствие этого отпадения слаб, несчастен, уродлив; как сделать, чтобы вернуться в природу? Все дальнейшее мышление Тургенева и Толстого, и разумеется также все их позднее творчество, лишь последовательно развертывали этот вопрос по двум расходящимся линиям»[288]. Почему столь разные писатели демонстрировали «тождество исходной мысли»? Может быть, «сказывалось единство народного духа», рассуждал Гершензон, может быть, «их неодолимо привел к тому вопросу так называемый дух времени», который, характеризовался, в его понимании, назревающим противоречием «восточной самопогруженности русского духа» и «европейского рационализма». «Как бы то ни было, – резюмировал он, – самый факт несомненен: в 1850–1860 годах старший Тургенев и его младший современник Толстой

[288] *Гершензон М.О.* Мысль и мечта И.С. Тургенева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 586.

мучились одной и той же думой – оба обожали “природу” и ненавидели в себе и в окружающем обществе “рефлексию”, как причину отщепенства»[289].

Нужно сказать, что Тургенев и Толстой идеалами юности были связаны с руссоизмом, возможно, отсюда и «тождество их исходной мысли». Разумеется, объяснять «исток мышления» двух великих писателей влиянием на них идей исключительно Ж.-Ж. Руссо было бы неправильно[290], однако взгляд на их ранее творчество через призму идей Руссо представляется перспективным. Кстати, Толстой в письме 1905 г. признавался: «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие – два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь[291]. «Семена, заброшенные Руссо, дали обильные плоды в душе Толстого, – писал В.В. Зеньковский в “Истории русской философии”, – с известным правом можно было бы изложить *все* воззрения Толстого под знаком его руссоизма, – настолько глубоко сидел в нем этот руссоизм до конца его дней»[292].

---

[289] Там же. С. 586.

[290] Учеными неоднократно отмечалось, что важной вехой в истории идейного и философского развития Тургенева 1840 гг., явилась его статья-рецензия о «Фаусте» Гете в переводе и изложении М. Воронченко (1845), которая вызвала большой резонанс у читателей. Рассматривая философские аспекты трагедии Гете, Тургенев стремился обозначить важные проблемы общественной жизни. Для прояснения генезиса многих принципиальных тем в творчестве Тургенева важны его размышления над образом Мефистофеля: «Мефистофель – бес каждого человека, в котором родилась рефлексия; он воплощение того отрицания, которое появляется в душе, исключительно занятой своими собственными сомнениями и недоумениями; он – бес людей одиноких и отвлеченных, людей, которых глубоко смущает какое-нибудь маленькое противоречие в их собственной жизни и которые с философическим равнодушием пройдут мимо целого семейства ремесленников, умирающих с голода» (*Тургенев И.С.* ФАУСТ, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Воронченко. 1844. Санкт-Петербург // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Сочинения. М.: Наука, 1978. С. 210). Как отмечал А. Салим: «Тургеневский анализ (образа Мефистофеля. – *Б.П.*) примечателен тем, что здесь фактически уже намечена философская проблематика таких его будущих произведений, как “Поездка в Полесье”, “Фауст”, “Гамлет Щигровского уезда”, вплоть до романа “Рудин”. <…> И еще один немаловажный нюанс: здесь Тургенев осудил так называемых “лишних людей”, у которых часто расходились “слово” и “дело”; очень скоро он развенчает их еще более убедительно как художник, осудит художественным судом в своих романах и повестях» (*Салим А*. Тургенев – художник, мыслитель. М.: Современник, 1983. С. 23–24). Как бы там ни было, очевидно, что «ненависть к рефлексии», о которой говорил Гершензон, могла быть вызвана разными философскими и литературными влияниями.

[291] *Толстой Л.Н.* Письма. 132. Бернару Бувье. 1905 г. Марта 7/20. Ясная Поляна // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 582.

[292] *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический Проспект, 2011. С. 378. Более подробно о руссоизме Толстого см.: *Розанов М.Н.* Руссо и Толстой. Речь академика

«Все» воззрения Тургенева изложить «под знаком руссоизма» значительно сложнее, тем не менее, в юности он так же был увлечен его идеями. Потрясенный искренностью и глубиной самопознания «Исповеди» Руссо в семнадцатилетнем возрасте Тургенев задумал написать автобиографию: «Я хочу написать все, что я знаю о себе, – всю мою жизнь. Для чего я это делаю – две причины. Во-первых, читал недавно “Les Confessions” de J.J. Rousseau. Во мне возродилась мысль написать свою Исповедь»[293]. Но эту задумку Тургенев так и не осуществил, а идеи Руссо в наибольшей степени нашли отражение в его цикле рассказов «Записки охотника». Первую попытку интерпретировать «охотничий» сборник при помощи идей Руссо предприняла в монографии «Тургенев о правах человека в “Записках охотника”» Л.И. Скокова, анализируя образ рассказчика: «“Странный охотник” – “человек природы”, а не “цивилизации”. <…> Эта неразрывность с природой особенно явственно представляется при встречах с крестьянами. И через эту природно-эстетическую призму и преломляются все истории, о которых он повествует»[294]. Действительно, такое «единение» рассказчика с природой отсылает нас к учению Руссо о естественном состоянии. Скокова в своем исследовании сосредоточилась на художественно-философских основах изображения человека и природы в «Записках охотника», мы же попробуем пойти дальше и показать, как идеи естественного состояния и естественного человека, нашедшие отражение во многих рассказах цикла, связаны с представлениями Тургенева о необходимых преобразованиях российского общества.

Свою идею о естественном состоянии и естественном человеке Руссо впервые высказал в трактате «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754)[295]. В этом произведении он постулировал довольно

М.Н. Розанова в торжественном годовом собрании Академии Наук Союза Советских Социалистических республик 2 февраля 1928 г. Л., 1928. С. 3–22.

[293] *Тургенев И.С.* <Набросок автобиографии> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Сочинения. М.: Наука, 1978. С. 401.

[294] *Скокова Л.И.* Художественно–философские основы изображения человека и природы в «Записках охотника» // *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. С. 54–55.

[295] См.: *Руссо Ж.–Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 51–194.

широко распространенное в политико-правовой мысли Нового времени противопоставление естественного состояния человеческого существования состоянию общественному[296], но возражал Томасу Гоббсу, который отождествлял естественное состояние с войной всех против всех, и Джону Локку, который изображал его как законопослушное сообщество тружеников и собственников[297]. Вопреки этим мыслителям, которые, по сути, строили предположения, как современный им человек мог бы себя вести в эпоху до появления государственных учреждений, Руссо полагал, что человек на протяжении истории менялся, эволюционировал, однако в естественном состоянии, до того, как он освоил всевозможные умения, от языка до сельского хозяйства и металлургии, он был совсем другим, он был лучше.

Естественный человек физически крепче современного человека, подчеркивает Руссо, не знает болезней, обладает более тонкими чувствами, желания его не превышают его физических потребностей, а главное, он не зол от природы. Только в процессе долгой истории, человек наконец «совершенствовался», создал сначала более или менее органичное «общество дикарей» и затем – современное государство. Но в результате «прогресса» необратимо изменилась сама его природа. Человек больше не может существовать без новых «костылей» (жилища, языка, общения). Его естественные страсти теперь проходят через рефлексию, осознаются им и другими и теряют свою непосредственность. На смену жалости приходит мораль, себялюбие превращается в тщеславие и т.д.[298] Одним словом, приход цивилизации на смену естественного состояния Руссо описывает как потерю первоначальной гармонии, как грехопадение человечества.

Важно сделать уточнение, что натурализм Руссо не опирался на материалистическое мировоззрение, а был идеалистическим, религиозным. Знаменитый

---

[296] См.: *Андерсон К.М.* Просвещение и утопии XVIII – начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2016. № 4. С. 45–46.
[297] См.: *Магун А.В.* Век Просвещения и политическая мысль Ж.-Ж. Руссо // *Магун А.В.* Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 345.
[298] См.: *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 112.

лозунг Руссо «Вернемся к природе!» правильно понимать как этический призыв «восстановить нравственный облик человека, предначертанный всеблагой природой». Противопоставление «природа» – «культура» было тождественно у Руссо противопоставлению «деревня» – «город». Жизнь в городских условиях калечит людей как физически, так и морально. «Города – пучина для человеческого рода, – утверждал он в романе «Эмиль». – В несколько поколений расы погибают или вырождаются; им нужно обновление, а это обновление дает всегда деревня»[299]. Соответственно, противопоставление деревни и города тоже имело у Руссо этический характер, то есть понималось как антитеза нравственного уклада сельчан и безнравственности горожан, не знающих «запаха лугов» в «неволе душных городов».

В конце 1750 гг., проживая в основном в провинции, Руссо написал два больших романа, «Эмиль, или О воспитании» и «Юлия, или Новая Элоиза», в которых тема деревни стала одной из главных. Раз за разом в этих произведениях (и позже в «Исповеди») Руссо обращает внимание своего читателя на неоспоримые преимущества деревенского уклада жизни. Как отмечает крупный дореволюционный исследователь Руссо М.Н. Розанов, на этой стадии развития его натуралистической доктрины «лозунг возвращения к природе начинает также означать: вернитесь к простым, здоровым и нормальным условиям жизни сельских обитателей и порвите со сложными, нездоровыми и ненормальными условиями жизни горожан. Так как сложная городская жизнь есть порождение культуры»[300]. К этому нужно добавить, что наибольшую популярность у читателей Руссо имел, конечно, как автор романов (и автобиографии), а не политических трактатов. Это относится и к таким читателям, как Тургенев и Толстой.

В романе «Эмиль» Руссо писал: «Человек естественный – весь для себя; он – численная единица, абсолютное целое, имеющее отношение лишь к самому

[299] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 53.
[300] *Розанов М.Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Том I. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1910. С. 64.

себе и к себе подобному. Человек-гражданин – это лишь дробная единица, зависящая от знаменателя, значение которой заключается в ее отношении к целому – к общественному организму»[301]. Руссо пришел к очевидной для него формуле «счастье позади нас»: «Чем ближе остается человек к своему естественному состоянию, тем менее разницы между его способностями и его желаниями и тем, следовательно, менее удален он от счастья»[302]. Несмотря ни на что, Руссо был оптимистом и считал, что в «Золотой век» прошлого есть возможность вернуться. Естественный человек, конечно, не может быть воскрешен, но «человек общественный», по мысли Руссо, существо еще не полностью потерянное. Он может быть приближен к идеальному состоянию посредством «натурального» метода воспитания. Но это больше касается детей. Людям уже «испорченным» цивилизацией Руссо советовал, по выражению М.Н. Розанова, «обратиться с полной симпатией к тому сословию, которое всего ближе подходит к этому идеалу, – к крестьянству»[303]. Ведь наиболее органичное состояние для человека, как считал Руссо, – обрабатывать землю и жить ее плодами: «Сословие земледельцев – единственно необходимое и самое полезное; человек в нем становится несчастным, лишь когда его тиранят, измываются над ним, развращают его примером своих пороков. И ведь именно в этом сословии залог истинного процветания страны, силы и самобытного величия народа»[304]. Эти слова Руссо из романа «Новая Элоиза» могли бы стать эпиграфом к «Запискам охотника» Тургенева.

Тургенев восхищается крестьянством совершенно руссоистски, как сословием, которое «всего ближе к идеалу». И искренне грустит, описывая факты «тирании». «Среди простодушных поселян больше попадается ярких характеров, – замечает Руссо, – больше самобытных умов, нежели среди горожан, носящих

---

[301] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 28.
[302] Там же. С. 79.
[303] *Розанов М.Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Том I. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1910. С. 67.
[304] *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. М.: Издательство «Художественная литература», 1968. С. 496.

единообразную личину, ибо там каждый хочет показаться таким же, как другие, а не таким, каков он на самом деле»[305]. Тургенев с большим удовольствием живописует «яркие характеры» крестьян: Хоря, Калиныча, Касьяна с Красивой Мечи, Бирюка, Овсянникова и др., и выводит обезличенными помещиков. «Изучайте людей этого состояния, – пишет Руссо о крестьянах, – и вы увидите, что у них столько же ума и больше здравого смысла, чем у вас, хотя речь у них и иная»[306]. Это уже слова из романа «Эмиль». И можно сказать, что Тургенев отзывается на его призыв, изучает крестьян и видит через оптику Руссо и ум, и здравый смысл «людей этого состояния», дает нам услышать их «иную речь». Тургенев берет ружье и под видом охотника, для которого нет запретных мест, идет туда, где дворяне обычно не бывают: слушает певцов в сельском кабаке, ночует с мальчишками-пастухами на лугу, просит ночлега на сеновале, встречает крестьян в полях и лесах.

Одним словом, если мы посмотрим на содержание сборника «Записки охотника» с точки зрения идей Руссо, то увидим, что Тургенев хранит верность заветам учителя, а руссоистский этический принцип предпочтения деревни (крестьянского мира природной гармонии) городу (в случае Тургенева – дворянскому миру цивилизации) делает методологическим основанием своего «исследования» русской жизни. В общем виде «схему Руссо» у Тургенева можно представить в качестве прямой, на одном конце которой будет условное «единство с природой» (наибольшая близость к естественному состоянию), на другом, – «поглощенность цивилизацией» (максимальная отдаленность от естественного состояния). Причем единство с природой для людей будет означать «абсолютную» гармонию, индивидуальность, силу, счастье и красоту. А поглощенность цивилизацией – рефлексию и «отщепенство» (термин М.О. Гершензона), стереотипность поведения, слабость, отсутствие счастья и красоты. Всех основных персонажей «охотничьего» цикла мы можем разместить на этой прямой, и неизменно единство с

[305] Там же. С. 516.
[306] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 264.

природой будет характеризовать крестьян, а поглощенность цивилизацией – дворян[307].

Пожалуй, ближе всего к природному идеалу в «Записках охотника» можно поставить, карикатурного на первый взгляд, философа Касьяна («Касьян с Красивой Мечи»). Касьян почти «слит» с природой, он будто часть природного ландшафта: «В низких кустах, “в мелочах”, и на ссечках часто держатся маленькие серые птички, которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок полетел, чиликая, у него из-под ног – он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, – Касьян подхватил его песенку. Со мной он все не заговаривал...»[308]. Несмотря на то, что Касьян так далек от рефлексии, что даже не может ответить на вопрос, чем он занят, интуитивно он чувствует, что хорошо, а что плохо. По его мнению, грех – убивать птицу, не предназначенную богом человеку в пищу. Охоту он ставит в упрек

[307] Продолжая тему сравнения «руссоизма» двух классиков русской литературы, нужно сказать, что Толстой расширит эту схему, героев многих своих произведений 1860 гг. он будет «разводить» по трем уровням. К дворянской цивилизации и крестьянскому миру он прибавит уровень самой природы как абсолютного эталона. Природа у Толстого будет играть самостоятельную роль, если можно так сказать применительно к хрестоматийным эпизодам «встречи» князя Андрея со старым дубом, созерцания им неба над Аустерлицем («Война и мир») и другим подобным сценам, где «столкновение» с природой выводит героя из автоматизма мировосприятия, обусловленного культурой, и инициирует переход к более «гармоничному» существованию. Реализацию трехуровневой схемы мы увидим и в повести «Казаки» (1863), где жизнь близких к природе людей на Кавказе будет противопоставляться современной цивилизации. Схема эта будет работать и в упомянутом романе «Война и мир» (1865–1869). Но в наиболее явном виде она представлена в раннем рассказе Толстого «Три смерти» (1859), написанном в Женеве, на родине Руссо. В этом рассказе умирают три существа: барыня, мужик и дерево. В трех случаях смерть проявляется поразному. Описание смерти барыни вызывает отвращение. На смертном ложе она ни в чем не может найти для себя опоры, потому что вера ее ложная, «потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью». Она представляет собой порождение цивилизации. Мужик умирает просто и спокойно. Смерть он воспринимает как естественное и неизбежное окончание любой жизни. Мужик принадлежит народной жизни, близкой к природе. «Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет» (Такими словами интерпретировал свое произведения сам автор в письме к А.А. Толстой. См.: *Толстой Л.Н.* 113. Гр. А.А. Толстой, 1858 г. Мая 1. Я.П. // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 265–266).

[308] *Тургенев И.С.* Касьян с Красивой Мечи // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 82.

«цивилизованному» рассказчику, который стреляет вольного коростеля «для потехи». И нет в современном обществе ни правды, ни справедливости: «Много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, – говорит он, – правды ищут…. да!.. А то что дома-то, а? Справедливости в человеке нет, – вот оно что…»[309]. Природный человек Касьян, кажется, настолько близок к естественному состоянию, что еще помнит его очертания. Рассказчик спрашивает Касьяна, хочет ли он побывать на родине? На что тот отвечает: «– Да, посмотрел бы. – А впрочем, везде хорошо. Человек я бессемейный, непосед. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, – подхватил он, возвысив голос, – и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь – сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься – заметишь тоже. Птицы поют небесные… А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать! И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости… И вот уж я бы туда пошел…»[310].

---

[309] Там же. С. 86.

[310] Там же. С. 86. Последние слова о птице Гамаюн, всеобщем довольстве и справедливости заставляют вспомнить не только русский фольклор, но и предположения Руссо, что в естественном состоянии люди жили в плодоносных лесах, не объединяясь в общество. А шаг к объединению, судя по всему, был сделан не от хорошей жизни, а благодаря природным катаклизмам. Но решающим фактом, обусловившим «грехопадение» человечества, было открытие собственности. После того, как первые «честолюбцы» обманом завладели собственностью, неравенство начало усиливаться, от труда богатые перешли к экспроприации бедных, а бедные – к восстаниям и грабежам. Именно это привело к возникновению государства путем «ложного» общественного договора: «Таково должно быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили общественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства… и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету» (*Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 122). Именно так, по мнению Руссо, человеческий род потерял и первоначальное довольство, и правду, и справедливость.

Чуть дальше от Касьяна на прямой от «единства с природой» к «поглощенности цивилизацией» можно расположить мудрого Хоря («Хорь и Калиныч»), Акулину («Свидание»), мальчишек-пастухов с Бежина луга («Бежин луг»), мрачного лесника Бирюка («Бирюк»), благородного Овсянникова («Однодворец Овсянников»), смирившегося со своей судьбой Калиныча («Хорь и Калиныч»), мужиков из рассказа «Смерть», Сучка («Льгов») и др. Одни из них больше приобщены к цивилизации, другие – меньше, но, в целом, все они находятся на стороне «деревни» и получают максимальное сочувствие автора.

Ближе всего к обратному идеалу, к состоянию «поглощенности цивилизацией» мы можем поставить героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда». В отличие от Касьяна с Красивой Мечи, обладавшего яркой индивидуальностью, герой этого рассказа считает себя настолько лишенным индивидуальности, что не раскрывает «охотнику» своего имени: «я, как человек неоригинальный, – говорит он, – и не заслуживаю особенного имени». Руссо писал, что горожане – обезличены, «каждый хочет показаться таким же, как другие». Следование общей интеллектуальной моде поколения, по мысли героя рассказа, является его главной и наиболее ненавистной чертой: «Во-первых, я говорю по-французски не хуже вас, а по-немецки даже лучше; во-вторых, я три года провел за границей: в одном Берлине прожил восемь месяцев. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гете наизусть <…> Стало быть, я вашего поля ягода; я не степняк, как вы полагаете… Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего»[311]. И далее: «Что мне в том, что у тебя голова велика и уместительна и что понимаешь ты все, много знаешь, за веком следишь, – да своего-то, особенного, собственного, у тебя ничего нету! Одним складочным местом общих мест на свете больше, – да какое кому от этого удовольствие? Нет, ты будь хоть глуп, да по-своему! Запах свой имей, свой собственный запах, вот что!»[312].

[311] *Тургенев И.С.* Гамлет Щигровского уезда // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука», 1991. С. 189.
[312] Там же. С. 191.

Чем ближе человек к естественному состоянию, тем менее он удален от счастья, писал Руссо. «Неоригинальный» Гамлет Щигровского уезда, получивший типичное дворянское воспитание, учившийся в университете, постигший абстрактную немецкую философию, даже влюбившийся, как того требовал культурный образец, в чахоточную деву, чувствует себя глубоко несчастным человеком: «Еще до сих пор цела балка в грунтовом моем сарае, – говорит он, – на которой я неоднократно собирался повеситься!»[313] То есть, невозможность человека, «испорченного» цивилизацией, вырваться за рамки культурной и общественной нормы герой рассказа переживает как личную трагедию. Цивилизация будто проникла в его сознание, максимально его ослабив. Гамлет Щигровского уезда осознает свое «отпадение от природы», свое «отщепенство», но ничего не может поделать.

Среди персонажей-дворян тургеневских «охотничьих» рассказов только Гамлета Щигровского уезда можно назвать «осознанным отщепенцем». Подавляющее большинство представителей высшего сословья не осознают своего отпадения от природы, живут в цивилизованном мире неестественных отношений и становятся предметом тургеневских насмешек. Типичные дворяне, как аристократы, так и мелкопоместные, смешны Тургеневу своим желанием соответствовать общественной норме. Галерею таких неосознанных «жертв» цивилизации мы можем наблюдать в рассказах «Два помещика», «Мой сосед Радилов», «Лебедянь», в первой части рассказа «Гамлет Щигровского уезда» и др.

В «Записках охотника» есть ряд персонажей, которых можно назвать переходными, они не принадлежат к высшему сословию, но стремятся жить в цивилизованном мире дворян. Наиболее ярко такой характер обрисован в рассказе «Свидание», где «избалованный камердинер молодого барина», уезжая со своим хозяином жить в Петербург, прощается с любящей его крестьянской девушкой. Основой рассказа Тургенев делает контрастное описание простой деликатной Акулины и черствого, равнодушного и самовлюбленного камердинера, проводя

[313] Там же. С. 196.

мысль Руссо о том, что современное общество калечит душу человека, извращает его природные качества, нарушает естественное равенство между людьми. Камердинер показан существом, вырванным цивилизацией из своей природной среды, и от этого – совершенно потерявшим человеческий облик.

Представление Тургенева об уродливости любой попытки «отнять» крестьянина от естественной природной среды помогает нам лучше понять специфику его борьбы с крепостничеством в России. Действительно, Тургенев в юном возрасте принес свою «аннибалову клятву» бороться с крепостным правом до конца[314]. В «Записках охотника» он «реабилитировал» простого человека – русского крестьянина, подчеркивая, что по «духовному складу» он ничем не отличается от образованного человека и даже часто превосходит его мудростью и благородством. Продолжая идеи Руссо, Тургенев хотел положить конец «тирании» дворян в отношении крепостных, вернуть им человеческое достоинство и неотчуждаемые права, он также не был сторонником «прогрессивных» форм хозяйствования, которые бы отдалили крестьян от естественного состояния.

В этом отношении показательна записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», написанная в 1842 г., в которой Тургенев защищает «простодушную патриархальность» крестьянской жизни и доказывает, что земледелие, в отличие от промышленности, «должно быть прочно и незыблемо, как сама земля, и, не даруя излишнего, вполне обеспечивать жизнь хлебопашца. <…> а потому фантазии некоторых утопистов, желающих насильственно втянуть земледелие в круг промышленности, т.е. пахать землю паровыми машинами, устраивать компании для возделывания земель, словом, уничтожить класс хлебопашцев – такие фантазии и безрассудны, и безнравственны»[315]. Вырванные из первозданного быта крестьяне, в логике Руссо, как камердинер молодого

[314] См.: *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Наука, 1982. С. 9.

[315] *Тургенев И.С.* Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Сочинения. М.: Наука, 1978. С. 422.

барина из рассказа «Свидание», обязательно превратятся в пародию на самих себя, потеряют естественность, достоинство и силу.

В сборнике «Записки охотника» Тургенев изображает крестьян людьми, терпящими несправедливость со стороны помещиков, угнетенными, но все-таки представителями самого крепкого русского сословия. В понимании Тургенева крепостное право нужно отменять с осторожностью: «Разбирая неудобства нашего хозяйства, я с намерением не упомянул *крепостного состояния* наших хлебопашцев. Их так называемое рабство было предметом многих довольно пустозвонных разглагольствований, показывающих часто совершенное неведение истинных потребностей России. Мы желаем законности и твердости в отношении помещиков к крестьянам; законность исключает прихоть владельца, а потому и то, что называют рабством»[316].

Читая эти строки, мы можем понять Н.Г. Чернышевского, который, сравнивая «Записки охотника» с более реалистичными и критичными в отношении крестьян очерками Н.В. Успенского, отдавал предпочтение последним. Ему не нравилось, что Тургенев (как и его предшественники, дворянские авторы) «идеализировал мужицкий быт», так изображал крестьян «терпеливыми и энергическими, что оставалось только умиляться над описаниями их интересных достоинств и проливать нежные слезы о неприятностях, которым подвергались иногда такие милые существа, и подвергались всегда без всякой вины или даже причины в самих себе»[317]. Ведь если быт крестьян ближе всего к чаемому дворянскими интеллектуалами природному идеалу, то существенные изменения его – зло, а сами крестьяне – просто «милые» дети природы, которые даже и не могу помыслить об изменениях. Чернышевскому было приятней видеть крестьян в их грубости и низости, но способными к прогрессу и борьбе за независимое положение. Тогда как Тургенев совершенно исключал мысль о возможности ликвидации

[316] Там же. С. 427.
[317] См.: *Чернышевский Н.Г.* Не начало ли перемены? // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 883–884.

крепостного права силами самого крестьянства[318]. Гипотеза о естественном состоянии, предложенная Руссо, помогала Тургеневу осудить общественное неравенство, но неравенство только юридическое.

Итак, цикл «Записки охотника» Тургенева, возможно, «пропитан» руссоизмом больше, чем все другие произведения. Однако Тургенев не ставит нигде вопрос о собственности как первопричине социального неравенства. Складывается впечатление, что Тургеневу больше нравились идеи, выраженные Руссо в художественных произведениях, идиллические картины природы, призывы изучать крестьян. Более же радикальная линия Руссо, его республиканизм, разработанный в трактате «Об общественном договоре», а главное, его критика материального неравенства, предвосхитившая социалистические программы, представленная в трактате «Рассуждение о происхождении неравенства», Тургеневым игнорировалась. При этом критика Руссо собственности напрямую следовала из его гипотезы о естественном человеке.

Очевидно, что гуманистическая направленность творчества Тургенева имеет общечеловеческое значение, но социально-психологическая форма проявления этого творчества – барская. Поборник равенства всех сословий, Тургенев «снисходит» до крестьян, пытается общаться с ними на равных, и в каждом таком собеседнике встречает «кротость и уважение», пользуясь, хоть не желая того, вековыми дворянскими привилегиями. Руссо же, по словам А.А. Девильковского, «как живой отпрыск, как атом бесправного народа, всею душой болел за народные права и ненавидел привилегии знати»[319]. Хозяин Спасского, в отличие от «скитальца» Руссо, был слишком привязан к своему поместью, чтобы не болеть

[318] «Записка о крепостном праве» (1857) Тургенева заканчивается призывом к царю инициировать реформу: «Из пятидесяти миллионов крепостных, населяющих обширные пространства России, четырнадцать миллионов, как говорят, принадлежат одному только царствующему дому. Не ему ли и подобает взять на себя инициативу, подать всем пример великодушия и сломить всякое противодействие, не столько именем высшей власти, сколько во имя карающей справедливости и отомщенной гуманности?» (*Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 547).

[319] См.: *Дивильковский А.А.* Толстой и Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 655.

душой за таких же обитателей дворянских гнезд, хотя и осуждал их любовь к роскоши и их эксплуатацию народа.

Существует ошибочное представление, будто для Руссо идеалом современного ему человечества было то блаженное состояние, в каком, по его мнению, «человек вышел из рук природы». Руссо, действительно, считал естественное состояние достойным ностальгии, но в то же время был уверен, что возврат к нему в буквальном смысле – невозможен. Он полагал, что у естественного человека потребности, чувства и желания были элементарные, несложные. У человека общественного – потребности сложные, искусственные, социальные. Следовательно, счастье естественного человека было бы для нас несчастьем, и наоборот. В соответствии с этим, Тургенев никогда не призывал дворянство «опроститься» и совсем не собирался отказываться от своих материальных привилегий.

Но, возвращаясь к общим чертам политического идеала Тургенева и Руссо, необходимо припомнить то главное, в чем они были согласны. Оба считали, что залогом счастья является полная личная свобода для человека, под которой они понимали «истинную» свободу гражданскую, то есть – права человека.

Сборник «Записки охотника» можно назвать произведением, содержащим художественную «декларацию» прав человека. Но среди ранних антикрепостнических рассказов Тургенева есть еще один, в котором отчетливо выражен его общественный идеал. Это рассказ «Муму», написанный Тургеневым сразу после выхода «Записок охотника», и вышедший отдельным изданием в 1852 г. В нем рассказывается о том, как глухонемой дворник нашел собаку, любил ее, а потом по приказанию хозяйки – утопил, потому что собака мешала ей спать. Этот рассказ можно назвать высоким шедевром антикрепостнической пропаганды, сложно найти произведение искусства, в котором крепостное право, тирания, будут изображены так, что многие поколения читателей не сдержат слез от жалости к собаке и негодования из-за возмутительной покорности ее хозяина.

Кстати, после выхода рассказа, некоторые современники критиковали Тургенева за литературные «эффекты», мол, показать смерть щенка – беспроигрышный способ разжалобить читателя. Однако винить в этом Тургенева напрасно,

ведь рассказ основан на реальных событиях. Глухонемой дворник в действительности был, и собака была, и жестокая барыня была. Более того, эта барыня была матерью Тургенева. И описанный дом, «на одной из отдаленных улиц Москвы», под названием Остоженка, был и стоит сейчас.

Но как правильно писал Тургеневу его друг И.С. Аксаков, совсем не важно, был ли в действительности Герасим. Герасим стал идеальным символом русского народа, его «непостижимой силы и кротости», и, главное, немоты[320]. А смерть маленькой собачки «с длинными ушами и выразительными глазами» нанесла тяжелейший удар по репутации помещичьей власти в России.

Но внимательно читая Тургенева, мы увидим, что его отрицание крепостного права связано не только с гуманизмом и состраданием к тяжелой участи народа. «Физическая» власть над своими вассалами, – писал он, – «право самое гнусное, самое возмутительное и в то же время самое опасное»[321]. Чрезмерное насилие может привести к бунту. Герасим может казаться и глухим, и немым, но «он, разумеется, со временем заговорит»[322], – писал Тургеневу И.С. Аксаков, имея в виду русский народ.

Важно, что свой рассказ «Муму» Тургенев писал в заключении. После статьи-некролога в газете «Московские ведомости», посвященной памяти Гоголя, в которой власти усмотрели крамолу, Тургенева на месяц «водворили на съезжую». А рядом с камерой, где сидел писатель, была экзекуционная комната, где секли провинившихся крестьян. Тургенев постоянно слышал стоны истязаемых людей, и писал «Муму». Может быть, поэтому для своего героя Герасима он придумал

---

[320] Это письмо И.С. Аксакова к Тургеневу напечатано: Русский Обозреватель, 1894. № 8. С. 475–478. Цит. по.: *Битюгова, И.А., Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н., Кийко Е.И., Лотман Л.М., Назарова Л.Н., Ступель А.М.* Примечания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 606. Тургенев написал «Муму» в конце апреля – начале мая 1852 г. и послал его И.С. Аксакову для II тома «Московского сборника», запрещенного цензурой. Рассказ был опубликован в «Современнике» в 1854 г.

[321] *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 538.

[322] Русский Обозреватель, 1894. № 8. С. 475–478. Цит. по.: *Битюгова, И.А., Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н., Кийко Е.И., Лотман Л.М., Назарова Л.Н., Ступель А.М.* Примечания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 606.

бунт. Герасим по приказанию хозяйки утопил собаку, но тут в нем произошла какая-то перемена, он собрал свои вещи и самовольно ушел из Москвы обратно, в деревню, откуда его насильно забрали два года назад. Этот уход описан Тургеневым торжественно. В нем сила человеческого достоинства побеждает рабскую преданность хозяйке. Но самое поразительное в истории настоящего Немого, который жил у матери Тургенева на улице Остоженка, состоит в том, что он никуда не ушел. Рассказ Тургенева достоверен во всем, кроме концовки. Немого дворника звали Андрей, он утопил собаку, погоревал, но остался верен своей госпоже до самой ее смерти[323].

А в рассказе случается бунт. Но это не пушкинский бунт «бессмысленный и беспощадный», а скорее «бархатная революция», сторонником которой был Тургенев. И принципиально важно, что Герасим делает после своего «ухода». Возвратясь в деревню, и «помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; – пишет Тургенев, – но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки – и пошел косить он по-старинному»[324], за четверых.

То есть Герасим отстоял свое человеческое достоинство и поспешил вернуться к естественному для себя крестьянскому труду. По сути, это и есть идеал Тургенева. Здесь мы видим отражение той же руссоистской идеи, что и в рассказе «Свидание». Вырванные из первозданного быта крестьяне, в данном случае, дворовые люди, живущие в городе, теряют достоинство и силу, столь свойственные крестьянству. По мнению Руссо, несчастными становятся крестьяне только «когда их тиранят» и заставляют делать что-то противное их природе земледельцев. Герасим преодолел и тиранию хозяйки, и соблазн «цивилизации».

Можно сказать, что в рассказе «Муму» Тургенев довел до логического завершения идеи, которые высказал в «Записках охотника». Крестьяне в его понимании – это сословие детей природы, не испорченных цивилизацией. Они сильны

---

[323] См.: *Житова В.Н.* Из «Воспоминаний о семье И.С. Тургенева» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: «Худож. лит.», 1983. С. 50–51.
[324] *Тургенев И.С.* Муму // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 606.

и долготерпеливы, но сами влиять на свою судьбу не могут. Они способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, отменив крепостное право «сверху». Но ни о каком другом уравнении не может быть и речи, потому что по своей природе они рождены работать на барина на барской земле.

В «Записке о крепостном праве», которую Тургенев написал в 1857 г. (через пять лет после «Муму») для очерка Луи Виардо «История Дмитрия (Этюд о положении крепостных в России)», он в очередной раз повторил, что держать человека в рабстве – это преступление. Но одна из существенных проблем, с которой сталкиваются поборники освобождения крестьян в России, – это общее убеждение крепостных, что земля, «на которой умерли их предки и родились их дети», которую они обрабатывают, принадлежит им. Надо было бы дать им понять, пишет Тургенев, что «им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет им дано взаймы, в пользование владельцем земли, которому они взамен должны будут платить аренду»[325]. Одним словом, надо освободить крестьян и сдавать им землю в аренду. Тогда помещики «утратили бы только физическую власть над своими вассалами, <…> Но они сохранили бы и даже, быть может, приумножили бы свои приносящие пользу и действительные права, производительность и ценность своих имений»[326]. «Приумножили производительность имений» – это ключевые слова.

Историк-марксист М.Н. Покровский был убежден, что желание декабристов, представителей Северного общества, освободить крестьян без земли, было связано как раз с намерением увеличить производительность своих имений за счет высокой арендной платы. Гуманная на словах, такая крестьянская реформа предполагала еще большую эксплуатацию, чем раньше[327]. Крестьян никто больше не имел бы право сечь на конюшнях, но вот заставить их эффективней

---

[325] *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 544.
[326] Там же. С. 538.
[327] См.: *Покровский М.Н.* Очерки революционного движения XIX–XX вв. М.: Издательство «Красная новь», Главполитпросвет, 1924. С. 21–25.

работать за счет новых экономических механизмов, теперь можно было вполне. Читая «Записку о крепостном праве» Тургенева, Покровский, возможно, сделал бы аналогичные выводы.

Двойственность «дворянского» либерализма людей близкого круга Тургенева в конце 1840 гг. хорошо описана в воспоминаниях А.Я. Панаевой: «В нашем кружке, – писала она, – все считали крепостное право бесчеловечным, но относились к помещичьей власти пассивно, так как большинство состояло из помещиков. <…> Гуманные помещики старались не входить в близкие отношения с своими крепостными мужиками и имели дело с ними через посредство своих управляющих и старост. В кружке же писателей все были поглощены литературными интересами и общечеловеческими вопросами»[328]. Когда перед отъездом за границу в 1844 г. И.И. Панаев «отпустил на волю всю свою прислугу», демонстрируя исключительное поведение, В.Г. Белинский растроганно говорил: «За это, Панаев, вам отпустится много грехов»[329]. В то же время, вспоминает Панаева, уже в начале 1850 гг., когда в компании сотрудников «Современника» зашел разговор о скончавшемся Белинском, Тургенев произвел «большой эффект», провозгласив: «Я считаю своим долгом обеспечить дочь Белинского. Я ей дарю деревню в 250 душ, как только получу наследство». В честь писателя был провозглашен тост «за великодушный порыв» [330]. В свете борьбы Тургенева с крепостным правом этот помещичий жест выглядит неоднозначно[331].

Но, разумеется, при всех парадоксах дворянского либерализма, Тургенев не думал ни о какой эксплуатации. Этот политэкономический термин может только сбить с толку. Он хотел всеобщего блага, как его сам понимал, и всеобщего освобождения. Полностью выдуманная финальная сцена рассказа «Муму», когда Герасим возвращается в деревню от жестокой барыни, преисполнена поэзии. Чувствуется, какое воодушевление испытывал Тургенев во время ее написания: «Он

[328] *Панаева А.Я.* Воспоминания. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 109.
[329] Там же. С. 109.
[330] См.: Там же. С. 175.
[331] См.: *Муратов А.Б.* Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова: Сборник статей. М.: Советский писатель, 1989. С. 316–340.

шел по нем (по шоссе. – *Б.П.*) с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях…»[332] Над ним поют перепела и коростели, которых глухой никак слышать не мог. И мы понимаем, что это не Герасим, а сам Тургенев, находящийся под арестом, в мечтах идет навстречу свободе.

Таким образом, в произведениях «Записки охотника» и «Муму» Тургенев, безусловно, выступил как продолжатель идей Руссо, но республиканизму учителя он противопоставил «дворянский» либерализм. Учитывая, однако, близость исходных позиций, признание Тургеневым тезиса Руссо о естественном человеке и социальной природе зла, можно утверждать, что политические идеи писателя представляют собой либеральную интерпретацию руссоизма, основанную на требовании свободы, соблюдении прав человека и юридического равенства.

Итак, в сборнике рассказов «Записки охотника» и рассказе «Муму» можно обнаружить черты либерально-дворянского общественного идеала. Основными его чертами можно назвать: свободу и права человека для всех членов общества при сохранении традиционного сословного уклада и незыблемости дворянского имущества в условиях патриархального быта. Носителями этого идеала являются помещики, землевладельцы. Переход к «крестьянскому капитализму» может произойти после отмены крепостного права, когда крестьянам будут дарованы права человека, юридическое равенство, а помещики начнут сдавать им землю в аренду.

20 ноября 1857 г. император Александр II подписал рескрипт о создании Губернских комитетов по подготовке крестьянской реформы, что означало переход к гласному обсуждению вопроса об отмене крепостного права в России. Ровно через месяц, 20 декабря, С.Т. Аксаков написал по этому поводу письмо И.С. Тургеневу, находящемуся тогда за границей, с просьбой «немедленно вернуться в Россию». «Мы переживаем теперь великое время, – писал Аксаков. –

[332] *Тургенев И.С.* Муму // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 606.

Важность события требует, чтобы каждый русский, образованный и благонамеренный человек, был на своем месте, не в качестве помещика (что также весьма недурно), а в качестве члена общества. Несмотря на искреннее желание почти всех порядочных людей, перелом застал нас совершенно врасплох. У нас нет ничего готового: ни местных сведений, ни статистических описаний, ни экономических планов, и что всего хуже – нет согласия между собою. Корабль тронулся, и у нас закружилась голова. Мы не только не столковались между собою, но мы еще и не думали о деле серьезно. Письменное же и еще более изустное слово имеют теперь большое значение; теперь надобно говорить направо и налево, объяснять трудный и запутанный предмет и по возможности упрощать его понимание. Если только здоровье Ваше позволяет, то приезжайте к нам, любезнейший Иван Сергеевич. Нельзя жить на чужой стороне, когда решается судьба родины»[333]. Автор только что вышедшей «Семейной хроники» хорошо понимал вес «слова» Тургенева в «общественной жизни» России после успеха его «Записок охотника». И Тургенев откликнулся на призыв Аксакова.

Тургенев в это время находился в Риме. Там в салоне либерально настроенной великой княгини Елены Павловны собирался так называемый «русский кружок» поборников отмены крепостного права, в который входили известные деятели крестьянской реформы: В.А. Черкасский (1824–1878) – член редакционной комиссии по выработке «Положения о крестьянах», созданной в 1858 г. при Главном комитете по крестьянскому делу, Д.А. Оболенский (1822–1881) – сподвижник Н.А. Милютина в разработке крестьянского вопроса и другие[334]. В этой среде и возник замысел журнала «Хозяйственный указатель». Тургенев написал записку, обосновывающую необходимость такого журнала. По его словам, записка явилась выражением стремления дворянства помочь «попытке русского

[333] *Аксаков С.Т.* С.Т. Аксаков – Тургеневу. 20 декабря 1857 (2 января 1858). Москва // Переписка И.С. Тургенева. В 2–х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 346–347.
[334] Подробней см.: *Заборова Р.Б.* К судьбе записки Тургенева об издании журнала «Хозяйственный указатель» // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1982. С. 212–216.

правительства *устроить наш крестьянский и земледельческий быт*»[335] и «прийти на помощь общественному мнению, дать возможность науке, опытности, знанию возвысить свой независимый и добросовестный голос, собрать воедино их разрозненные силы, создать арену, на которой они могли бы сходиться, – словом, основать журнал (или газету), исключительно и специально посвященный разработке всех вопросов, касающихся собственно до устройства крестьянского быта и вытекающих из того последствий»[336].

Знакомя читателей с «разумной практикой земледелия», журнал должен был помочь созданным Комитетам по подготовке реформы в противодействии реакционному дворянству, выступающему противником реформы. Тургенев с горечью признавал «неоспоримый факт слабого сочувствия дворян к видам правительства» насчет освобождения крестьян и посредством журнала предлагал помочь властям «победить упорство (недовольных – *Б.П.*) дворян, склонить их к уступкам, рассеять их опасения»[337]. Потому что «невежество – вот наша беда и наше горе, – писал Тургенев; – малая образованность нашего дворянского сословия будет едва ли не главным препятствием к приведению в исполнение предполагаемых мер; если из двадцати помещиков едва ли пять человек знакомы, не говорю уже с теорией, но даже просто с несколько разумной практикой земледелия, которое их питает, – то легко можно себе представить, как незначительны должны быть их сведения по части финансовой или административной; а подобные сведения необходимы при разрешении такого важного вопроса, каков крестьянский вопрос»[338]. Для этих «не подготовленных, недоброжелательных, предубежденных и запуганных» помещиков и нужен журнал «в котором бы могло выразиться, уясниться, установиться, успокоиться; общественное мнение»[339].

---

[335] *Тургенев И.С.* <Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель»>. Рим 9/21 января 1858 г. // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 351.
[336] Там же. С. 353.
[337] *Тургенев И.С.* <Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель»>. Рим 9/21 января 1858 г. // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 351–352.
[338] Там же. С. 354.
[339] Там же. С. 352.

Осуществить идею не удалось. Царь не дал ход записке Тургенева о создании журнала «Хозяйственный указатель». Между тем, записка о журнале – яркая демонстрация общественной позиции Тургенева накануне отмены крепостного права. И тут обращает на себя внимание однозначно заявленное отношение Тургенева к власти. Речь идет не просто о поддержке правительства в вопросе отмены крепостного права. По его мнению, «самая неограниченная власть», сама по себе, в одиночку «не в состоянии основать что-либо долговечное и прочное». Правительство может стать по-настоящему дееспособным только при поддержке «общественного мнения». Но «общественное мнение» в ситуации гласности, по мысли Тургенева, может оказаться сбивчивым и противоречивым. Какое же средство сможет «внести свет в этот хаос»? «Мы полагаем, что средство это существует, – заявляет Тургенев. – Оно состоит в возбуждении и призвании всех живых общественных сил к дружному содействию царю – следовательно, в возбуждении и призвании также и тех сил, которые до сих пор были поставлены в недоверчивое отдаление от правительства и готовы теперь с радостью, открыто, безо всяких задних мыслей и тайных намерений, отдаться в распоряжение власти, явно стремящейся к водворению и упрочению общего блага. Эти силы – я назову их: это русская наука и русская литература»[340]. Другими словами, в записке Тургенева не только обозначен конфликт между прогрессивной частью дворянства (образованным меньшинством) и консервативной (необразованным большинством), и высказывается призыв к сотрудничеству власти с прогрессивной частью. В записке Тургеневым напрямую заявлено требование о том, чтобы наука и литература оказывали непосредственное влияние на правительство, формировали политическую повестку дня в необходимом направлении.

Кроме того, как справедливо отмечает Л.И. Скокова, «в записке пересеклись устремления либерального западника и славянофилов. Расширение гласности (свобода печати), децентрализация (местное самоуправление), судебная реформа – вот три кита, на которых, по мнению лучших представителей

[340] Там же. С. 352.

славянофильства, должно стоять реформирование российской государственности»[341]. Действительно, здесь Тургенев-либерал выступил вполне со славянофильских позиций. Замысел составить программу журнала «Хозяйственный указатель» возник в «русском кружке» единомышленников Черкасского, но вполне вероятно, что подсказан он был Тургеневу С.Т. Аксаковым в его письме от 20 декабря 1857 г. Этот факт свидетельствует, если не близости взглядов на пути общественного развития представителей либерально-западнического и «славянофильского» круга просвещенного русского дворянства, то об их солидарности в понимании первого этапа реформ в России.

Однако, единство в представлениях Тургенева и Аксакова о необходимости отмены крепостного права, ведущую роль в которой должен играть царь, поддерживаемый дворянством, не снимает вопроса о различиях их общественных идеалов.

Как Тургенев, так и Аксаков настаивали на освобождении крестьян сверху, притом с обязательным денежным выкупом. Но их представления о дальнейшей судьбе дворянства и крестьянства расходились. Тургеневский либерально-дворянский общественный идеал предполагал построение рыночных отношений между помещиками и крестьянами-арендаторами. Аксаковский патриархально-дворянский идеал, черты которого в наиболее развернутом виде представлены в автобиографическом произведении «Семейная хроника», предполагал единение помещиков с крестьянским «миром» на почве веры в Бога. Оба этих идеала были утопичны. И Тургенев, и Аксаков хотели «облагородить» старый феодальный уклад жизни, первый за счет прав человека, второй – за счет «нравственного» воспитания, полагая, что основной проблемой России является крепостное право, а сельскохозяйственный уклад страны и социальная структура общества – незыблемы.

[341] *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. С. 19–20.

§ 3. Общественный идеал в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова (1856)[342]

Сергея Тимофеевича Аксакова все упрашивали написать историю своей жизни. Особенно настаивал на этом близкий друг, Н.В. Гоголь. Как вспоминал Ю.Ф. Самарин, Гоголь, приезжая в Абрамцево, с «напряженным вниманием», по целым вечерам вслушивался в рассказы Сергея Тимофеевича о заволжской природе и тамошней жизни, «он упивался ими, и на лице его видно было такое глубокое наслаждение, которого он и сам не в состоянии был бы выразить словами»[343]. В рассказчике угадывался незаурядный писатель, и Гоголь старался «раззадорить» Аксакова, настойчиво убеждал его, чтобы он взялся за перо[344]. «Мне кажется, – писал Гоголь Аксакову 28 августа 1847 г., – что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые, покуда, мы рассматриваем только в мужике, да и то

---

[342] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А., Прокудина Д.А.* «Семейная хроника» С.Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2019. № 52. С. 213–230 (авторский вклад соискателя составляет не менее 50 % общего объема текста); *Прокудин Б.А.* «Манифест славянофильской критики»: полемика Н.П. Гилярова-Платонова и А.А. Григорьева вокруг «Семейной хроники» С.Т. Аксакова // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2021. № 4. https://evestnik–mgou.ru/ru/Articles/View/1093; *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. С. 115–158.

[343] *Самарин Ю.Ф.* С.Т. Аксаков и его литературные произведения // *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. Изд. Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. Леонтьевский переулок, № 5, 1877. С. 263.

[344] См.: *Лобанов М.П.* Аксаков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2005. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 923). С. 286.

плохо»[345]. Слова о познании «истинных начал нашей природы» очень важны для нас. Гоголь в тот момент писал вторую часть «Мертвых душ», в которой хотел показать ряд «положительно прекрасных русских типов», взятых из русской жизни. «Может быть, я и вас полюбил несравненно больше, – продолжал Гоголь в письме от 18 декабря 1847 г., – если бы вы сделали что-нибудь собственно для головы моей, положим хоть бы написаньем записок жизни вашей, которые бы мне напоминали, каких людей следует не пропустить в моем творении и каким чертам русского характера не дать умереть в народной памяти»[346].

Но так случилось, что при жизни Гоголя, в 1840 г., Аксаков предпринял только попытку написать воспоминания, набросав начало «Семейной хроники». И на этом остановился, увлеченный работой над «Записками об уженье рыбы» и «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии». И только в 1856 г., спустя пятнадцать лет после начала работы над ней, была напечатана отдельным изданием «Семейная хроника» (вместе с «Воспоминаниями»), а в начале 1858 г. – вышли в свет «Детские годы Багрова-внука». Так шестидесятипятилетний Аксаков вдруг оказался новым прозаиком, которого С.П. Шевырев поспешил назвать «главою писателей молодого поколения»[347].

Действительно, выход в свет «Семейной хроники» стал событием русской литературы. Успех книги Аксакова был необычайным. «Как бы ни были велики мои надежды на успех моей книги – действительность превзошла всякие самолюбивые ожидания, – писал 2 февраля 1856 г. Аксаков своему сыну Ивану. – Я начинаю бояться, что сам увлекусь этим потоком искренних восторгов»[348]. Обстоятельство, что такое необычайное произведение представил литературный

[345] *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем, со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 185.
[346] Там же. С. 187.
[347] См.: *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I–II. Кн. 10. Критика. С. 69.
[348] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Том третий и последний. Письма 1851–1860 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, Б. Чернышевский, 1892. С. 237.

«патриарх», талант которого раскрылся, когда ему перевалило за шестьдесят, придавало особый «шарм» «Семейной хронике» в литературных салонах[349].

Признание книги Аксакова оказалось таким выдающимся событием, что современники стали сравнивать его с успехами Пушкина и Гоголя. В письме к Вацлаву Ганке историк А.Ф. Гильфердинг писал: «Со времен Пушкина ни одна книга не имела у нас такого успеха, никто не писал таким русским языком, как этот 65-летний старик, недавно выступивший у нас в литературе. Его “Хроника”, кроме красоты изложения и красоты характеров, имеет еще великое значение – совершенной истины»[350]. «Издание “Хроники” встречено было с таким восторгом, – вспоминал два года спустя уже с некоторой иронией Н.А. Добролюбов, – какого, говорят, не бывало со времени появления “Мертвых душ”. Все журналы наполнились статьями о С.Т. Аксакове»[351].

Читая же наиболее крупные отзывы на «Семейную хронику», появившиеся в год ее выхода, мы видим, что все они были «положительными», спокойными и похожими друг на друга. Критики представляли совершенно разные социально-политические и эстетические направления, но все признавали, что Аксаков написал книгу о XVIII в. с явным сочувствием старине, при этом действительность не «лакировал», и получилось правдиво и поучительно. Однако в этих рецензиях на «Семейную хронику» можно найти отсылки социально-политического характера.

Показательным было самое начало спора о творчестве Аксакова. В коротком отзыве о первом отрывке из «Семейной хроники» («Степан Михайлович Багров»), опубликованном в «Москвитянине» в 1854 г., Н.Г. Чернышевский, тогда критик «Отечественных записок», пророчил произведению очень скромное место в литературе. Он писал, что рассказ Аксакова производит «удивительное впечатление»: «Странный помещик екатерининского времени стоит перед нами

[349] См.: *Кошелев В.А.* Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: ООО «Полиграф», 2019. С. 358.
[350] Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В.А. Францев. Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. С. 214.
[351] *Добролюбов Н.А.* Разные сочинения С. Аксакова // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. Статьи и рецензии январь-июнь 1859. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 168.

как живой; благодатная природа Оренбургского края чувствуется в каждом слове г-на С.Т.А., но рассказ преимущественно хорош тем, что в нем много правды»[352]. Чернышевский искренне хвалил «Отрывок», но в то же время почти с грустью прогнозировал, что он «будет скорее оценен знатоками дела, литераторами, нежели большинством публики, которая не найдет в нем никакого интересного происшествия»[353]. Возможно, поэтому Чернышевский не написал развернутой рецензии на «Семейную хронику» в 1856 г. И только убедившись в неожиданном успехе произведения, высказал свое мнение о причинах этой невероятной популярности. В статье «Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года» Чернышевский совсем в другом тоне заявил, успех этого произведения обусловлен, вероятно, «слишком сильной потребностью нашей в мемуарах», и авторы восторженных отзывов на «Семейную хронику» явно переоценили ее значимость[354]. Так что добавлять свой голос к славянофильскому хору похвал в адрес Аксакова Чернышевский не хотел.

Наиболее развернутым откликом на «Семейную хронику» можно назвать рецензию публициста, историка философии и богослова Н.П. Гилярова-Платонова в журнале «Русская беседа». Как отмечал Б.Ф. Егоров, вводивший в наши дни в активный оборот наследие Гилярова-Платонова[355], «чистой» литературной критикой он занимался только в начале своей журналистской деятельности, в 1850 гг., и в обширном его наследии литературная критика занимает весьма скромное место, но

---

[352] *Чернышевский Н.Г.* <Отечественные записки 1854–1855> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 16 [дополнительный]. С. 32.

[353] Там же. С. 32.

[354] *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 699.

[355] См.: *Егоров Б.Ф.* Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. V (XIX век). С. 128–130, 137, 196–198. Сейчас биография и наследие Гилярова-Платонова активно изучаются, см., напр.: Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. Коломна: Колом. гос. пед. ин-т, 2007; Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013; *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб.: Родник, 2018.

именно в статье-рецензии, посвященной «Семейной хронике», Гилярову-Платонову удалось сформулировать свою эстетическую концепцию[356].

Нужно заметить, что фигура Гилярова-Платонова несколько выделяется в кругу славянофилов. С одной стороны, он пользовался большим уважением А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, дружил с ними, печатался в славянофильских изданиях, с другой – все же оставался чуждым московскому кружку и сам это с грустью признавал. П.А. Флоренский в очерке «Около Хомякова» высказывал предположение, что причину этой «чуждости» нужно искать не в «расхождении взглядов», но «в чем-то органическом»: члены кружка славянофилов состояли между собой родстве – близком и отдаленном – и семейная «замкнутость» кружка не давала Гилярову-Платонову естественно вписаться в их круг[357]. Существовала и другая причина «органической» чуждости – славянофилы были дворянами и помещиками, а Гиляров-Платонов происходил из семьи священника[358].

Политические взгляды Гилярова-Платонова на протяжении жизни значительно не менялись. Как и другие славянофилы, он был убежденным сторонником самодержавия, критиковал нигилизм и радикализм, при этом – приветствовал реформы Александра II и сочувствовал либеральному духу преобразований. Но, как отмечает Б.Ф. Межуев, «по мере усиления нигилистических настроений в русском обществе и ослабления охранительных начал, мировоззрение Гилярова

---

[356] См.: *Егоров Б.Ф.* Н.П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 36–47.

[357] См.: *Флоренский П.А., свящ*. Около Хомякова // Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Издательство «Мысль», 1996. С. 278–337.

[358] Н.П. Гиляров-Платонов окончил духовную семинарию, потом – Московскую духовную академию, где, защитив магистерскую диссертацию, остался преподавать. Однако в 1855 г. его отправили в отставку, митрополит Московский Филарет (Дроздов) увидел в лекциях молодого преподавателя вольномыслие и симпатию к старообрядчеству. Гиляров-Платонов покинул Академию и вышел из духовного звания. В дальнейшем он работал цензором Московского цензурного комитета, был управляющим Московской Синодальной типографии, издавал газету «Современные известия», публиковал статьи по общественно-политическим, педагогическим, философским и богословским вопросам.

начинает приобретать ярко выраженную консервативную направленность»[359]. Свое политическое мировоззрение Гиляров-Платонов определял следующим образом: «Не личные выгоды, не материальная корысть связуют единицы в органическое целое, а духовное единство, воспитываемое историей, хранимое преданиями, верой, обычаями, языком, тысячелетними основаниями политического, экономического устройства. Но дух есть свобода. Отсюда всевозможный личный простор в духовной области, со сдерживающей уздой против материального своекорыстия в экономической; сохранение и поощрение коллективных исторических единиц и воздержание от созидания новых по отвлеченной теории каких бы то ни было доктрин; и всегдашняя поддержка общественным желаниям против личных возмущений внутри, против личного нажима снаружи»[360].

Статью о «Семейной хронике» Гиляров-Платонов начал с теоретических рассуждений о предназначении искусства, подчеркивая первичность «духовного начала», которое лишь «обнаруживается» во внешнем мире. «В основе искусства лежит художественное понимание истины», – писал он, – «но она скорее должна быть понимаема как нормальность жизни, как правда, как чистота, как просвещение, словом, <…> как свободное подчинение жизни высшим, общим для всего человечества духовным началам»[361]. Здесь Гиляров-Платонов, несомненно, выступал против постулатов эстетической программы материалиста-Чернышевского, который в годом ранее изданной диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), отрицая «духовное начало», утверждал, что «истинное» искусство должно воспроизводить материальную действительность, объяснять ее и выносить действительности «приговор», т.е. обличать «общественные язвы».

---

[359] *Межуев Б.Ф.* Вл. Соловьев, Н.П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 38.

[360] Цит. по: *Шаховской Н.В.* Никита Петрович Гиляров Платонов // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 1. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. XLII–XLIII.

[361] *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 8–9.

С точки зрения Гилярова-Платонова именно Аксакову в «Семейной хронике» удалось «художественно примирить высшие духовные начала с осмеянными, оплеванными, презренными формами жизни»[362]. Основной заслугой Аксакова Гиляров-Платонов считал его беспристрастность в изображении героев и событий. Аксаков показывает не только положительные черты своих персонажей, но и отрицательные, не сглаживает жестокости времени, но тактично изображает события такими, какими они могли быть в жизни, не «оскорбляя прошлого». То есть, по мнению Гилярова-Платонова, прямому обличению «общественных язв», Аксаков в «Семейной хронике» противопоставляет «нравственный суд». Не «бичует пороки», а воспитывает своего читателя на положительных примерах, «и пробуждает только чистые помыслы, вызывает давно погасшие возвышенные чувства»[363]. Кроме того, Гиляров-Платонов раскрывал «народность сочинения» на основе «особого художественного воззрения автора и богатых источников его языка»[364].

Идею Гилярова-Платонова поддержал позже А.С. Хомяков: «Об С.Т. Аксакове сказано в Р. Беседе (в “Русской беседе”. – *Б.П.*), что он первый из наших литераторов взглянул на нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения. Это правда, да иначе оно и быть не могло. Жизнь развитого человека сопровождается беспрестанным отрицанием; но жизнь коренится и растет не в отрицании, начале относительном и бесплодном, а в началах положительных – благоволении и любви. Творения Сергея Тимофеевича – это сама жизнь, рассказывающая про себя»[365].

Интересно, что изначально статья Гилярова-Платонова о «Семейной хронике» должна была быть напечатана в журнале «Русский вестник» редактировать который в 1856 г. начал М.Н. Катков, приглашавший Аксакова и двух его

---

[362] Там же. С. 20.
[363] Там же. С. 29.
[364] Подробней см.: *Бобровских Е.В.* Значение «народности» в концепции славянофилов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2015. Т. 8. № 4. С. 101–106.
[365] *Хомяков А.С.* Сергей Тимофеевич Аксаков // *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: В VIII т. Т. III. М.: Университетская типография, на Страстном бульваре, 1900. С. 375.

сыновей, славянофилов Константина и Ивана, «участвовать в журнале». Однако их сотрудничество прекратилось так и не начавшись. 1 марта 1856 г. С.Т. Аксаков извещал сына Ивана, что не будет иметь дела с «Русским вестником», поскольку Катков отказался принять к публикации статью Гилярова-Платонова о «Семейной хронике»: «Статья Гилярова о моей книге не принята в „Русский вестник": ибо содержит в себе резкие славянофильские убеждения… – писал Аксаков. – Итак, Катков выведен на свежую воду, и наши имена должны быть исключены из числа участников»[366].

Обширная статья Гилярова-Платонова не просто содержит «резкие славянофильские убеждения», она походит на программный документ нового литературного направления, содержащий, кроме разбора «Семейной хроники», обзор отечественной словесности с точки зрения ее национальных особенностей. Эту статью можно назвать «манифестом славянофильской критики». Переломным моментом во всей истории русской литературы, по Гилярову-Платонову, стало появление «Семейной хроники» Аксакова, в которой он увидел «отрешение искусства от прежней отрицательности, отвлеченности, условности воззрения». По его мнению, это первое произведение в русской литературе с конца XVIII в., в котором автор предпринял попытку «в каждом явлении отыскать светлую сторону»[367]. Вместо пошлости «в этой книге слышите вы столько художественно воспроизведенной правды, столько нравственной чистоты, столько <…> сочувствия к доброму, что не обинуясь мы поставили бы ее в число первых книг к нравственному воспитанию юношества»[368]. По сути, пользуясь славянофильской методологией, Гиляров-Платонов показал выдающееся значение книги Аксакова как первого произведения, которое преодолело порочное наследие петровского «переворота» в литературе, заставлявшего видеть в российской действительности исключительно отсталость и варварство.

---

[366] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. II. М.: Рус. книга, 2004. С. 448.
[367] См.: *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Кн. 1. Критика. С. 22.
[368] Там же. С. 29.

Чернышевский, откликнувшись на статью Гилярова-Платонова, выразил сомнение, что произведение Аксакова открывает новую «эпоху» «положительной» литературы: «Это слишком очевидное преувеличение объясняется, пожалуй, даже извиняется, *духом партии*»[369]. Но Гиляров-Платонов не ограничился исключительно ностальгией по правде и целомудрию «старой Руси». Он увидел в «Семейной хронике» Аксакова вполне актуальный для современности идеал синтеза былой патриархальности и новейшей образованности. По его мнению, одинаково нелепы в своих крайних формах патриархальный порядок воспитания и семейных отношений условного Домостроя, где «унижается человеческая свобода и нравственное достоинство человека», и идеал западной эмансипации, в котором нет места традиционной семье, а люди «живут как животные, не разбившиеся на пары». Золотую середину предложил именно Аксаков. В его «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» описание семейных отношений самовластного дедушки-Багрова, сменяются описанием семьи самого автора, его отца и матери. Представители нового поколения Багровых добавляют, по словам Гилярова-Платонова, к старым порядкам «современные формы общежития». И это сочетание, по его мнению, дает возможность понять «к какому совершенству могло бы прийти наше воспитание при правильном и полном слиянии внесенной отвне образованности с коренными нашими началами семейной жизни»[370]. Ведь произведения Аксакова автобиографичны, и наглядными примерами успеха этой компромиссной воспитательной модели можно считать и личность самого

[369] См.: *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 699. Как отмечает ведущий исследователь Гилярова-Платонова А.П. Дмитриев, похожая претензия была высказана по отношению к рецензии на «Семейную хронику» и со стороны надзирающих за печатью чиновников: «В отчете о первой книге “Русской беседы”, составленном чиновником особых поручений Н.В. Родзенко, Гиляров выдвигался главным представителем славянофильского направления, суждения которого высказываются с “резким, неосторожным убеждением, хоть, м<ожет> б<ыть>, и справедливым, но выраженным укорительно и поносительно”» (См.: *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постоянная роспись. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. С. 166. Дмитриев цитирует здесь Дело главного управления цензуры. 1856. № 130 (РНБ. Ф. 847. № 830. Л. 2).

[370] *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Кн. 1. Критика. С. 55.

Сергея Тимофеевича Аксакова, и его знаменитых сыновей-славянофилов, европейски образованных, но относящихся, в то же время, с бережной любовью к национальным традициям.

Возвращаясь к критическим статьям, посвященным выходу «Семейной хроники», отметим, что в «Русском вестнике» в 1856 г. вместо отвергнутой статьи Гилярова-Платонова была напечатана статья критика Ф.А. Дмитриева, в которой Аксаков назван «первоклассным писателем» и «воспроизводителем старинного нашего быта». Дмитриев, в отличие от Гилярова-Платонова, нашел необходимым подчеркнуть, что в произведении Аксакова нельзя обнаружить черт славянофильского сознания. Даже если автор «Семейной хроники» разделяет некоторые идеалы славянофилов, его текст лишен всякой партийной ангажированности. «Заметим, что такое качество, – резюмировал Дмитриев, – не всегда встречается у наших писателей и, при современных настроениях общества, им часто трудно не внести личных убеждений в произведения искусства» [371]. Основной тезис автора «Русского вестника» об аполитичности «Семейной хроники» полностью разделял и критик «Современника» П.В. Анненков. В статье «“Семейная хроника и воспоминания” С. Аксакова» Анненков писал об Аксакове: «Вооруженный всеми средствами настоящего, чистого искусства, он исцеляет рану в то время, как раскрывает ее: искусство играет тут всегдашнюю свою роль ахиллова копья, имевшего силу врачевать удары, им же нанесенные». Художественно воспроизведенная правда стала «глубоким поучением, мудростью, изложенной посредством живых образов и характеров»[372]. Отсюда, по мысли Анненкова, вытекает самодостаточность произведения, которое не нуждается в отыскивании намеков или попытках вывести политические взгляды автора.

Пожалуй, последней крупной рецензией 1856 г. на книгу Аксакова стала статья С.С. Дудышкина, критика журнала «Отечественные записки», под названием «Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856».

---

[371] *Дмитриев Ф.А.* Русская литература (Семейная хроника и Воспоминания С.Т. Аксакова) // Русский вестник, 1856. Т. 2. С. 466.

[372] См.: *Анненков П.В.* «Семейная хроника и воспоминания» С. Аксакова // Современник, 1856. Т. LVI. № 3. Отд. III. С. 1–24.

Дудышкин оценивал произведение писателя как «значительное событие в русской литературе» и хвалил больше всего стиль Аксакова, в котором «правда языка показывает правду предмета, простота слога – простоту мысли»[373]. Умение автора показать «живую речь», по мнению критика, «обнаруживает знание русской жизни». По Дудышкину, основной заслугой Аксакова можно считать то, что он воссоздал образ человека из прошлого, обладающего чертами русского национального характера, человека сильного, волевого, крепкого своей верой и связью с народной средой. По мнению Дудышкина, изображение характера, взятого из русской старины, для литературы не менее важно, чем поиски современного героя, так как его характер «сформирован жизненным опытом, а не отвлеченными идеями». Дудышкин здесь не встает на строну славянофилов, которые пытались в прошлом отыскать идеал для современности, для него Багров это скорее поучительный пример, антипод современной «мятущейся» личности[374].

Таким обозом, наиболее крупные отзывы на «Семейную хронику», появившиеся в год ее выхода, показывают, что критиков заботил вопрос, можно ли считать произведение Аксакова славянофильским? Авторы «Отечественных записок», «Современника» и «Русского вестника» пытались показать аполитичность Аксакова, тогда как Гиляров-Платонов, автор «Русской беседы», не только утверждал обратное, но и пользуясь славянофильской методологией, доказывал выдающееся значение книги Аксакова как первого произведения, преодолевшего «порочное наследие» петровского «переворота» в литературе, заставлявшего видеть в российской действительности только пошлость и варварство.

Поводом для настоящей борьбы за умы биографическая трилогия Аксакова стала через два года после выхода «Семейной хроники» и «Воспоминаний», когда были напечатаны «Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением „Семейной хроники“» (1858). Нужно сказать, что это произведение

[373] *Дудышкин С.С.* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Отечественные записки. 1856. Т. CV. № 4. Отд. II. С. 71.
[374] Подробней см.: *Ласькава Е.А.* Отзыв С.С. Дудышкина о «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» С.Т. Аксакова в контексте его литературно-критической деятельности в 1850-е годы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 105.

пользовалось меньшей популярностью у публики, и мы не будем говорить о нем отдельно, но публикация 1858 г. причудливым образом дала возможность современникам новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и увидеть в ней серьезный социально-политический посыл.

Толчком к «политизации» «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», опубликованная в 1858 г. в «Современнике». Добролюбов вошел в историю русской критики и социально-политической мысли как создатель особого метода прочтения художественных произведений, названного им «реальной критикой», суть которого состояла в умении автора использовать литературные произведения лишь как повод для разговора о социальных проблемах. Его метод окончательно оформился в 1859–1860 гг., но именно в статье «Деревенская жизнь помещика…» Добролюбов впервые заявил, что эстетические достоинства текста его интересовать не будут (вслед за Н.Г. Чернышевским он демонстративно отказывался видеть в произведении Аксакова что-то большее, чем мемуары) и что сосредоточится он исключительно на жизни помещиков и крестьян при крепостном рабстве[375]. Можно сказать, что мир «Семейной хроники» стал для Добролюбова исследовательским полем, давшим массу подтверждений гипотезе о негативном влиянии крепостного права на социальное и нравственное устройство русской жизни. Добролюбов показал «старинный произвол помещичьей власти», во всех подробностях проанализировав взаимоотношения основных героев Аксакова с их дворовыми людьми и крепостными крестьянами. Этот «социологический» подход позволил ему показать «всеобъемлющий» характер крепостных отношений, основанный на произволе помещиков и раболепии крестьян при скудости общего образования. Более того, на примере семьи Багровых Добролюбов доказал, что неразвитость нравственных чувств, извращение естественных понятий, грубость и невежество старых порядков извращали не только отношения слуг и господ, но и внутри самого дворянского сословия, где царили тот же деспотизм, раболепие, и, как следствие, взаимная

[375] Подробней об эволюции метода «реальной критики» см.: *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 143–160.

ненависть. В заключение Добролюбов писал: «Грустно становится, когда раздумываешься об этих временах, которых остатки существовали еще так недавно»[376]. И эта грусть казалась вполне убедительным и законным приговором не только крепостному праву, но и всему «прежнему» времени.

Добролюбов настолько увлекся разоблачением крепостнических порядков, что пошел против текста «Семейной хроники», утверждая, что автор глубоко заблуждался, считая Степана Михайловича Багрова положительным персонажем. Категорически отказываясь замечать в произведении Аксакова апологетику «нравственного чувства» Багрова, Добролюбов полностью сосредоточился на негативной природе крепостничества.

Одним из оснований метода «реальной критики» Добролюбова стал тезис о том, что художник, повинуясь «здоровому природному инстинкту» своей «натуры», осуществляет интуитивный прорыв к правильному постижению феноменов действительности, хотя не всегда осознает при этом общественного значения изображаемого, не всегда может произвести суд над действительностью и указать социальные истоки жизненных явлений и человеческих типов. В таком случае «реальная критика» призвана растолковать читателям и самому автору смысл его творений. Правдивость воспроизведения жизни обуславливается отнюдь не идеологией автора, а его «живым чутьем». Добролюбов решил, что «сила непосредственного художнического чувства» не оставила заблуждающегося автора, и у Аксакова помимо воли получилась «правильная» антикрепостническая книга.

Действительно, статья Добролюбова представляется одной из первых попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII веке оказалась для Добролюбова актуальнейшим произведением, на материалах которого можно со всех сторон показать уродливые проявления крепостничества. Недовольство Добролюбова чересчур медленным ходом

[376] *Добролюбов Н.А.* Деревенская жизнь помещика в старые годы // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. Статьи и рецензии август 1857 – май 1858. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 325.

преобразований, его нетерпение отразились в заостренных до несправедливости выводах статьи. И «Семейная хроника» в его оценке стала произведением, обличающим старые порядки, хотя Аксакова вряд ли можно назвать писателем-обличителем.

Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам (шире – консерваторам). И восстановить «истинный» смысл биографической трилогии Аксакова взялся С.П. Шевырев. Критик, писал он, имея в виду Добролюбова, «воспользовался новою книгою автора («Детскими годами…» – *Б.П.*), чтобы извлечь из нее новые обвинительные пункты против старой русской жизни, и нашел материал порядочный, доказав тем, как он совершенно не понимает духа произведений писателя, которым для своих целей пользуется»[377]. Сам С.Т. Аксаков не считал себя идеологом, формально не принадлежал к славянофильству и избегал давать социально-политические определения своим произведениям. Однако в глазах читателей его литературное творчество, безусловно, выступало литературным подкреплением славянофильской теории и славянофильской утопии[378]. Несмотря на это никто из главных теоретиков славянофильства не взялся дать развернутого критического отзыва о произведениях писателя. Среди рецензентов были люди, не относящиеся к славянофилам, но утверждавшие похожие принципы. Таким был Шевырев, близкий славянофилам консервативный критик[379].

Именно Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале «Русская беседа» в 1858 г., назвал Аксакова «главою писателей молодого поколения» как

---

[377] *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I–II. Кн. 10. Критика. С. 74.

[378] Трактовку славянофильства как консервативной, антикапиталистической утопии предложил А. Валицкий – автор классического труда «В кругу консервативной утопии» (см.: *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий; пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 511–525).

[379] Вопрос о месте и роли Шевырева в истории славянофильства подробно рассмотрен в работе: *Мартынов В.А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырева. М.: ФОРУМ: ИНРА-М, 2013. С. 185–241. Также для уточнения социально-политических воззрений Шевырева см.: *Ширинянц А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // ПОЛИТЭКС, 2011. Том 7. № 1. С. 5–16.

автора наиболее объективного и беспристрастного, в «художественном воззрении» которого сочетаются темные и светлые стороны жизни[380]. В 1856 г. примыкавший к славянофилам Гиляров-Платонов уже называл Аксакова художником, чье «воззрение чище, выше и шире, нежели какое находим мы вообще у современных писателей»[381], но назвать Аксакова, как это сделал Шевырев, «главой писателей молодого поколения», было куда более смелым заявлением.

Впервые титул «глава русской литературы» применил В.Г. Белинский, сначала по отношению к Пушкину, потом – к Гоголю. Вслед за ним русская критика каждые пять-десять лет назначала нового «главу» русской литературы: Островского, Тургенева, Гончарова, Толстого. Все эти авторы стали создателями национальной литературы, они отражали важные чаяния времени. Но почему Шевырев в момент наибольшего «подъема общественных настроений», когда ослабление цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу актуальных проблем, касавшихся, прежде всего, дальнейших путей развития России, признал «главой» писателей автора патриархальных пасторалей? Как получилось, что после смерти Николая I и поражения в Крымской войне, когда «вскрылись язвы общества», и все ожидали скорейшей отмены крепостного права и коренных государственных преобразований, выразителем «истинных начал жизни» стал любитель рыбалки, старик-писатель, рожденный в екатерининскую эпоху? Ответ прост. Потому что только Аксакову, как подчеркивал Шевырев, в беспокойное время удалось создать «спокойно-эпическое представление старой Русской жизни» без суда над ней[382]. Аксаков в образах старины напомнил читателям о вечных человеческих ценностях. И для консервативного критика отсутствие суда над «старой русской жизнью» в эпоху радикальных реформ было гораздо важнее литературы о современных метаморфозах, потому что давало надежду, что не все традиционные ценности будут «попраны» реформаторами.

---

[380] См.: *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I–II. Кн. 10. Критика. С. 69.
[381] *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 69.
[382] *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I–II. Кн. 10. Критика. С. 69.

Аксаков, по мысли Шевырева, писал о вечном, вневременном, а не об актуальном или злободневном. Именно поэтому возмутительными и абсурдными казались Шевыреву попытки Добролюбова выставить произведения Аксакова как образец обличительной литературы. В книгах Аксакова – сама жизнь, основанная не на отрицании, а на созидающих началах – любви и благоволении, заявлял он. Как можно извлекать из них «свои раздраженные, обвинительные доносы»?[383]

Статья Шевырева стала ответом «революционно-демократической» критике, разглядевшей в автобиографических текстах Аксакова только антикрепостническое содержание. Полемика «Современника» и «Русской беседы» по поводу произведений Аксакова в 1858 г. удивительным образом превратилась в попытки «перетянуть» автора «Семейной хроники» на свою сторону.

Но все же, почему произошло так, что в 1856 г. «Семейная хроника» была воспринята представителями всех общественных направлений практически с одинаковой благожелательностью, а два года спустя стала поводом для общественной борьбы? Дело в том, что новый император Александр II и его правительство не сразу пошли на то, чтобы дать возможность периодическим изданиям обсуждать проблемы внутренней политики. Причем вопрос о «крепостном состоянии в России» рассматривался как наиболее щекотливый, к которому нужно обращаться с осторожностью, и в период 1855–1857 гг. его напрямую пока еще нельзя было обсуждать в периодике. Изменения начались в конце 1857 г., когда Александр II направил генерал-губернаторам рескрипты о создании губернских комитетов для обсуждения крестьянского вопроса[384]. Эти документы царя были повсеместно распространены, открывая гласность в важнейшем вопросе того времени. С 1858 г. появляются специальные периодические издания для обсуждения крестьянского вопроса и вопроса о земле: «Сельское благоустройство», «Земледельческая газета», «Журнал землевладельцев»; появились

[383] Там же. С. 69.

[384] См.: *Ширинянц А.А.* «Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев // Русская политология – Russian political science. 2018. № 1 (6). С. 22–33; *Ширинянц А.А.* Славянофилы в эпоху отмены крепостного права (биобиблиографический очерк) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 9–23.

крестьянские отделы в «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Русской беседе», «Современнике»[385]. И несмотря на то, что цензурное ведомство постоянно выражало недовольство характером обсуждения крестьянских проблем, выпускало распоряжения и запретительные циркуляры в отношении отдельных статей по крестьянскому вопросу, возможность высказаться появилась, и Добролюбов вернулся к «Семейной хронике».

В своих автобиографических сочинениях Аксаков, не отрицая ее недостатков, все же взглянул на жизнь прошедшего века с положительной точки зрения. Описание быта семьи Багровых вызывает, в целом, у читателя скорее чувство примирения с описанной действительностью, нежели негодования и протеста. Поэтому возвращение Добролюбова к тексту «Семейной хроники» в 1858 г. показывает, какую опасность для грядущего реформирования российского общества он видел в подобной идеализации патриархального прошлого. Популярность книг Аксакова, с его точки зрения, наносила очевидный вред модернизации страны. В период, когда наконец появилась возможность критиковать крепостные порядки, книги Аксакова содействовали их моральной реабилитации и тормозили реформы. Добролюбов попытался, хотя бы для читателей журнала «Современник», уменьшить «вред» от сочинений Аксакова и акцентировать внимание на недостатках «старого порядка». В свою очередь, ответ Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалась опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным реформам. Таким образом, полемика «Современника» и «Русской беседы» о сочинениях Аксакова имела для представителей радикального и славянофильского (шире – консервативного) направлений принципиальное политическое значение.

Можем ли мы сегодня новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и попытаться реконструировать общественный идеал, выраженный в произведении Аксакова? И вообще, можно ли говорить об общественном идеале

[385] См.: *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 102–110.

Багрова? По нашему мнению, нет. Герой Аксакова не произносит никаких манифестов, не предлагает социальных программ. Однако мы можем говорить о системе представлений Багрова о том, что, по его мнению, правильно, а что – неправильно. И делать предположения, что лежит в основе этих представлений.

Итак, герой «Семейной хроники», Степан Михайлович Багров, прототипом которого был дед писателя – Степан Михайлович Аксаков, стал одним из классических образов русской литературы. Багров был достаточно заурядным человеком среднего дворянского круга в провинции, хотя «природный ум его был здоров и светел». «Разумеется, при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо»[386]. Интеллектуальные запросы его были совсем несложны и невелики, книги в его доме не читали. Однако у него был природный здравый смысл и проницательность, которая восполняла недостаток образования. Но, что важнее, Багров отличался «нравственной чуткостью», которая помогала разобраться ему в сложных явлениях окружающего мира, и в людях, отличать хорошее от плохого. Этим «нравственным чувством» Багров руководствуется во всех случаях жизни.

Багров, по описаниям Аксакова, был человеком не способным к обману. Например, он не захотел воспользоваться, подобно многим другим помещикам-колонистам, доверчивостью башкир, чтобы за бесценок купить их плодородные земли. В своих поступках он действовал «по совести», сообразно принципу справедливости, за что заслужил уважение своих крестьян и окрестных жителей, которые просили его помощи при разрешении ссор и тяжб. Однако именно с нелюбовью ко лжи связанна главная отрицательная черта Багрова, его склонность к вспышкам бешеного гнева, которые Аксаков описывает без прикрас и с чувством отвращения. Однажды «он прогневался на одну из дочерей своих, кажется за то, что она солгала и заперлась в обмане; двое людей водили его под руки; узнать было нельзя моего прежнего дедушку; он весь дрожал, лицо дергали судороги, свирепый огонь лился из его глаз, помутившихся, потемневших

[386] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М.: «Художественная литература», 1991. С. 10.

от ярости! <…> Бабушка кинулась было ему в ноги, прося помилования, но в одну минуту слетел с нее платок и волосник, и Степан Михайлович таскал за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну»[387].

Мировоззрение Багрова зиждилось на нескольких основаниях, главное из которых – абсолютная ценность рода. Родовое начало лежало в основе всех его взглядов и привычек. Аксаков пишет, что «древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки». Он «ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов», и в юности даже не женился на красивой и богатой невесте потому, что ее «прадедушка ее был не дворянин»[388]. Такая щепетильность к сохранению родовитости вписывается в его представление о незыблемости дворянского права. «Семисотлетнее дворянство» рода – историческая легитимация патриархальной власти Багрова.

Особенно ярко патриархальность проявляется у Багрова в отношении к своим домашним. В качестве главы семьи он считал себя полновластным хозяином и распорядителем судьбы всех своих домочадцев. Семью он любил и считал долгом заботиться обо всех, но со стороны домочадцев требовал беспрекословного подчинения своей воли. Все вопросы, касающиеся судьбы отдельных членов семьи он решал сам, не спрашивая ничьего совета, ничьего мнения. В «Семейной хронике» есть сюжет, как четырнадцатилетняя двоюродная сестра Багрова, сирота, находящаяся под его опекой, помимо воли своего строгого брата вышла замуж за привлекательного, но порочного человека. И Багрову впоследствии пришлось спасать ее от мужа. Аксаков в финале описывает отношения брата и сестры следующими словами: «И странное дело, откуда вдруг взялась у нее такая любовь и признательность к своему двоюродному брату <…>? Прочла ли она в его глазах, полных слез при встрече с нею, сколько скрывается любви под суровой наружностью и жестоким самовластием этого человека? Было ли это темное предчувствие будущего или неясное понимание единственной своей

[387] Там же. С. 25.
[388] Там же. С. 12.

опоры и защиты?»[389]. В этой фразе высказаны сразу две очень важные идеи, которые характеризуют патриархальное мировидение Багрова. Его самовластие ограничено любовью и «нравственным чувством». И это самовластие или семейный деспотизм имеет оправдание потому, что кроме Багрова никто не может гарантировать «опоры и защиты» для членов его семьи.

Однако постоянное подчинение всех домашних воле отца семейства приводило и к негативным последствиям. Его деспотизм способствовал развитию дурных привычек и свойств характера, например, у его дочерей, которые прикрываясь полной покорностью, добивались своего хитростью и лукавством.

Патриархальностью проникнуто и отношение Багрова к слугам и крепостным, он смотрел на них как на младших членов своей семьи. Такому отношению, конечно, способствовало то, что по своим взглядам и образу жизни Багров был близок к крестьянам, имел с ними много общего. Высоко ценя свое дворянство, к крепостным он относился без высокомерия, отличался простотой в общении. Будучи трудолюбивым хозяином, он был требователен к крестьянам, жесток с ленивыми и нерадивыми, но все крепостные Багрова знали, что в случае нужды они всегда могут обратиться за помощью к барину и никогда не встретят отказа.

Аксаков пишет, что Багров регулярно отправлялся «в поле» на инспекцию. Он не принадлежит к тем помещикам, которые из Петербурга, Москвы или Парижа управляли имениями через приказчиков, не желая вдаваться в подробности деревенской жизни. Он знает каждую кочку на своих полях. Багров начальник крестьянского «производства», строго, а иногда жестоко отстаивающий общий хозяйственный интерес и общую выгоду: «Дедушка, сообразно духу своего времени, рассуждал по-своему: наказать виноватого мужика тем, что отнять у него собственные дни, – значит вредить его благосостоянию, то есть своему собственному; наказать денежным взысканием – тоже; разлучить с семейством, отослать в другую вотчину, употребить в тяжелую работу – тоже, и еще хуже, ибо отлучка от семейства – несомненная порча»[390]. «Не удивительно, что крестьяне любили горячо такого

[389] Там же. С. 55.
[390] Там же. С. 11.

барина»[391], – заключает Аксаков. Багров воспринимал себя в отношении вверенных ему крестьян хозяином и отцом и чувствовал незыблемость общественного договора между крестьянином и помещиком, в соответствии с которым первый должен работать, а второй быть эффективным организатором сельскохозяйственного процесса, справедливым судьей и защитником своих работников.

В отношении к крестьянам Багров не только строг, но и щедр. Новелла «Хороший день Степана Михайловича» заканчивается такой сценой: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы, выходящие из числа обыкновенных, воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга, хотя и мог это сделать; другому позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам; позволил виноватой солдатке, которую приказал было выгнать из деревни, жить по-прежнему у отца, и проч.»[392].

Для того чтобы лучше понять кажущуюся противоречивость натуры Багрова, нужно обратиться к российской патриархальной традиции, важнейшие элементы которой мы можем найти в «Домострое» XVI в. В этой книге содержатся поучения и наставления хозяину дома, «государю», как он именуется в редакции протопопа Селивестра. «Домострой» не только устанавливает патриархальные права хозяина-государя, но и предписывает его обязанности в отношении членов семьи и слуг. Например, в главе «Как воспитать своих детей в поучениях разных и страхе божьем» есть такое наставление: «Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И хранить, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таковых грехах и ответ им держать в день Страшного суда»[393]. То же касается и слуг. В главе «Каких слуг держать при себе и как о них заботиться» мы читаем: «Если же нерадив ты в этом (в деле

[391] Там же. С. 24.
[392] Там же. С. 39–40.
[393] Домострой / пер. с древнерусского В.В. Колесова. Москва: АСТ, 2015. С. 76.

выявления пороков своих слуг. – *Б.П.*): слуг держишь, а заботы о душах их не имеешь, и только поручаешь им дела, так или иначе служить тебе, еду и одежду и всякую службу справлять, – тебе самому за души их отвечать в день божьего суда»[394]. То есть наказание домочадцев и слуг является долгом хозяина дома. Багров яростно «преследует» обманувшую его дочь и таскает жену за волосы по праву и обязанности заботы об их душе. С точки зрения «Домостроя», такое насилие является тяжким бременем хозяина, исполнением божественного закона, а с точки зрения хозяйства – долгом экономическим.

Крепостное право (как и «Домострой» в отношении семьи) не только определяет обязанности крестьян, но и обязывает барина гарантировать их исполнение применением насилия. Но тот же «Домострой» предполагает соблюдение баланса «кнута и пряника», сочетание требования добросовестного исполнения крестьянами и дворовыми своих повинностей, послушания с проявлением щедрости хозяина: «Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить, и всякую просьбу его исполнить. <…> Если же в другой и в третий раз натворит чего или заленится – тогда, по вине и по делу смотря, обдумав, проучить его – поколотить»[395]. Багров учиняет немедленную «расправу» над старостой, если видит плохо возделанное поле, но в хорошем настроении прощает долги даже нерадивым крестьянам.

Несмотря на все это, Багров является для Аксакова положительным типом помещика. Главный герой второго «отрывка» «Семейной хроники», Михайла Максимович Куролесов, на контрасте, воплощает отрицательные черты тогдашнего «крепостного барства», и сравнение этих двух ярких персонажей дает нам возможность выделить основные черты системы представлений Багрова.

Прежде всего, важно сказать, что Куролесов является «сильной натурой». Как и Багров, он человек деятельный и властный. Благодаря своим незаурядным качествам этот «нечиновный» мелкопоместный дворянин женился на богатой

[394] Там же. С. 98.
[395] Там же. С. 183.

невесте и добился почетного положения в обществе. Затем активно принялся за устройство большого хозяйства, руководил строительством, переселял крестьян на плодородные земли, занимался рационализацией сельскохозяйственного быта, и достиг в своей деятельности блестящих результатов. Кажется, перед нами двойник Багрова: Куролесов не только деловитый хозяйственник, человек такой же энергичный и успешный, но и властный барин с бурным темпераментом, который пока может сдерживать свою жестокость. Но похожими эти персонажи кажутся только поначалу. Когда Куролесов выстроил свое хозяйство, когда период большой стройки и агрономических реформ закончился, и пришло время благополучной стабильности, его кипучая энергия и сильные страсти начали искать выход в «буйном разгуле и различных неистовствах», в насилии над своими дворовыми людьми и соседями. Опьяненный сознанием своей власти и полной безнаказанности, не встречая никакого сопротивления ни от окружающих его людей, ни от властей, из простого садиста он превратился в преступника. Жестокость стала для него потребностью, и в конце концов, он был убит своими слугами.

Куролесов не может обуздать свои страсти потому, что в нем нет нравственного чувства, которое сдерживает Багрова. И это – главное отличие двух героев «Семейной хроники». В патриархальных условиях быта, предоставляющих сильному властному человеку полный простор для угнетения слабых и подчиненных, при одинаковых исходных характеристиках, Багров стал символом доброго помещика, а Куролесов – страшного тирана только потому, что первый обладал этим пресловутым «нравственным чутьем», а другой – нет.

Уверенность Аксакова, что единственным средством защиты подчиненных от злоупотребления помещичьей власти является нравственное чувство барина, заставляет вспомнить апологию самодержавной власти Н.М. Карамзиным, который также был убежден, что единственным средством охранения подданных от злоупотреблений самодержавной власти является совесть монарха, никому и ни в чем не дающего ответа, и создавшиеся традиции[396]. То есть

[396] См.: *Ширинянц А.А., Ермашов Д.В.* «Хринительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму, 2016. № 4. С. 24.

самовластье помещика – есть проекция самодержавия государя. Если продолжать аналогии и обратиться к знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», то на поместном уровне основаниями русской жизни можно считать: 1. самовластие барина, 2. его нравственное чувство и 3. любовь к барину крестьян. Три основные идеи, заложенные в формуле Уварова, являются основой национально-консервативного течения общественно-политической мысли России, «православно-русского направления» (П.А. Вяземский), русского «хранительства»[397]. Идеи, выведенные из системы представлений Багрова, можно считать основой патриархального мировидения.

Итак, систему представлений Багрова строгом смысле нельзя назвать общественным идеалом, но на материалах «Семейной хроники» мы можем сформулировать основные черты патриархального идеала, который предполагает: а) абсолютную ценность помещичьего рода, за которой стоит историческая легитимация патриархальной власти; б) самовластие барина в отношении членов семьи, крестьян и дворовых слуг; в) его ответственность за членов семьи, крестьян и дворовых слуг перед Богом и государством; г) его право судить и наказывать членов семьи, крестьян и дворовых слуг согласно божественному закону и нравственному чувству; д) его обязанность вести добросовестно хозяйство в интересах членов семьи, крестьян, дворовых слуг и государства. Члены семьи, крестьяне и слуги, в свою очередь, обязаны следовать указаниям барина, добросовестно исполнять все свои повинности и, в идеале, барина любить.

---

[397] См.: *Ширинянц А.А.* «Теоретик официальной народности»: М.П. Погодин и триединая формула С.С. Уварова // Тетради по консерватизму, 2018. № 1. С. 229. Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ имени М.В. Ломоносова М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. См.: *Ермашов Д.В., Ширинянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22; *Ширинянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87; *Ширинянц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008; и др. Концепция «хранительного» направления русской социально–политической мысли реализуется в антологии «Хранители России» (Тт. 1–6, М., 2015–2018).

«Положительным» или «созидательным» патриархальным идеалом этот набор черт делает соблюдение помещиком определенного баланса: самовластие барина должно быть уравновешено его ответственностью за землю, которую обрабатывают его крестьяне; насилие «патриарха» – должно быть уравновешено благом для членов его семьи и крестьян, которое в результате приносит это насилие. Если баланс или общественный договор не соблюден, «созидательный» патриархальный идеал превращается в систему эксплуатации крестьян и семейный деспотизм. Аксаков описывает своего дедушку-Багрова как барина, практически полностью соблюдающего этот баланс.

Изучая общественный идеал в художественной литературе, важно не сделать ошибки, полагая, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора. Разумеется, в случае «Семейной хроники» Аксаков пытается быть объективным и беспристрастным, изображая дедушку-Багрова, но как бы он ни старался, авторская симпатия остается на стороне героя, даже когда перед нами описание самых неоднозначных его деяний. Если Аксаков повествует о реализованном Багровым переселении крестьян, которым пришлось по прихоти барина навсегда распроститься со «стариною, с церковью, в которой крестились и венчались, и с могилами дедов и отцов»[398], то заканчивается рассказ уверением, что очень скоро на новой земле крестьяне стали жить куда лучше, чем раньше. Когда Аксаков описывает дедушкины вспышки гнева, то беспристрастный, казалось бы, рассказ заканчивается словами, что эти вспышки случались у него не часто, не были беспочвенны, и быстро проходили, потому что старик был «незлопамятен и отходчив» и даже старался какой-нибудь лаской вознаградить пострадавшего от его гнева. Как в первом, так и во втором случае мы видим идеализацию патриархальной жизни. К своему герою Аксаков относится с нескрываемой симпатией. Дедушка Багров, по его описаниям, прежде всего, цельная натура; ему не свойственны сомнения

[398] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М.: «Художественная литература», 1991. С. 15.

и колебания. Его представления о жизни – ясные и определенные, поступки всегда соответствуют его взглядам и убеждениям.

Несмотря на свои умеренно консервативные взгляды и ностальгическую романтизацию патриархального прошлого, Аксаков, как и его сыновья, поддерживал многие либеральные реформы в России, в частности, отмену крепостного права, расширение гласности (свободу печати), децентрализацию (местное самоуправление), судебную реформу. Аксаков понимал, что патриархальные условия предоставляют полный простор для угнетения подчиненных со стороны помещиков. Отвечая на вопрос, каким образом преобразовать старый уклад жизни, чтобы положить конец угнетению и в то же время не утратить лучшее из того, что было создано предками, уместно вновь обратиться к героям «Семейной хроники», Багрову и Куролесову.

В понимании Аксакова отмена крепостного права, прежде всего, стала бы действенной мерой по искоренению Куролесовых. Дарование крестьянам прав, уравнение всех граждан перед законом положило бы конец помещичьим злоупотреблениям. А таким «добрым» помещикам, как Багров, которые в отношении крестьянства хоть и прибегали к насилию, но были справедливыми землевладельцами, ответственными за общее благополучие, отмена крепостного права не принесла бы вреда, ведь Аксаков настаивал на освобождении крестьян сверху, притом с обязательным денежным выкупом.

Если не брать в расчет важнейшую для «Семейной хроники» категорию нравственного чувства помещика, может показаться, что Аксаков предлагал примерно то же самое, что либеральные идеологи крестьянской реформы, например, И.С. Тургенев: освободить крестьян и сдавать им землю в аренду. Тогда помещики «потеряют возмутительную и опасную власть над рабами, – считал Тургенев, – но возможно даже преумножат свои состояния»[399]. Для Тургенева было совершенно неважно, хороший или плохой помещик будет сдавать землю крестьянам в аренду. Важно, что отмена крепостного права разрушит патриархальную систему насилия, а на ее месте со временем будут выстроены

[399] *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1986. Т. 12. С. 538.

«здоровые» рыночные отношения между землевладельцами и свободными крестьянами-арендаторами. Аксаков же хотел «облагородить» старый уклад жизни не только за счет установления правовых отношений, но и за счет «нравственного» воспитания.

Подводя итог, нужно отметить, что «Семейная хроника» Аксакова – выдающееся явление интеллектуальной истории XIX в. И.Л. Солоневич в работе «Народная монархия» писал: «Из русской *реальности* наша литература не отразила почти ничего. <…> во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон»[400]. Во многом это утверждение верно, в силу разных причин русская литература первой половины XIX в. более преуспела в критике российской действительности. Но все же Солоневич ошибается. «Семейная хроника» Аксакова – это первое большое произведение, которое преодолело «критическое направление» в литературе, фиксировавшее в российской действительности, по преимуществу, пошлость и варварство. Оно демонстрирует пример созидательной деятельности помещичьего хозяйства XVIII в. Первый «отрывок» «Семейной хроники» можно назвать миниатюрным эпосом, он включает рассказ о героическом освоении пустовавших башкирских земель, о подвигах героев-колонизаторов, помещиков и крестьян, занятых земледелием на новых территориях, работающих напрямую в интересах укрепления и процветания державы. Это пусть и схематичное описание наглядно показывает, как строилась, богатела и развивалась Россия в XVIII в. А образ Багрова, надо полагать, собирает типичные черты реального помещика-колонизатора, который смог перевезти крестьян на более плодородные земли, отладить хозяйство, построить деловые отношения с такими же помещиками, и с местными башкирами. То есть, подобное помещичье хозяйство показывало свою эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны. И по типу отношений оно было патриархальным. Несмотря на существование условных Куролесовых, Россия держалась и богатела, опираясь на деятельные патриархальные помещичьи хозяйства, которые

[400] *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. С. 164.

составляли «здоровое» большинство. Именно это показал своей «Семейной хроникой» Аксаков в тот исторический момент, когда художественная литература в России стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, стала вырабатывать образы общественного идеала.

Итак, в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова можно найти наиболее полно выраженный патриархально-дворянский общественный идеал, который предполагает: а) абсолютную ценность помещичьего рода, за которой стоит историческая легитимация патриархальной власти; б) самовластие барина в отношении членов семьи, крестьян и дворовых слуг; в) его ответственность за членов семьи, крестьян и дворовых слуг перед Богом и государством; г) его право судить и наказывать членов семьи, крестьян и дворовых слуг согласно божественному закону и нравственному чувству; д) его обязанность вести добросовестно хозяйство в интересах членов семьи, крестьян, дворовых слуг и государства. Носителем этого идеала являются не просто помещики, а главы помещичьего хозяйства. «Созидательный» патриархальный идеал может быть осуществлен при соблюдении своеобразного «общественного договора», в соответствии с которым барин добросовестно ведет хозяйство в интересах вверенных ему семьи, крестьян и слуг; члены же семьи, крестьяне и слуги, в свою очередь, обязаны следовать указаниям барина, добросовестно исполнять все свои повинности и, в идеале, барина любить. Самовластие барина должно быть уравновешено его ответственностью за землю, которую обрабатывают его крестьяне; насилие «патриарха» – должно быть уравновешено благом для членов его семьи и крестьян, которое в результате приносит это насилие. Если «общественный договор» не соблюден, «созидательный» патриархальный идеал превращается в простую эксплуатацию крестьян и семейный деспотизм.

В 1858 г. Н.А. Добролюбов написал статью «Деревенская жизнь помещика в старые годы» обнаружив в тексте «Семейной хроники» С.Т. Аксакова факты, обличающие отжившие крепостнические порядки. А в следующем, 1859 г., в журнале «Современник» была опубликована его статья, посвященная роману А.И. Гончарова «Обломов», под названием «Что такое обломовщина?». Она была одной из первых рецензий на роман и оказалась настолько яркой, что в дальнейшем

критики, даже если не соглашались с концепцией Добролюбова, были вынуждены учитывать его точку зрения, невольно дискутировать с ним. В своих статьях о «Семейной хронике» и «Обломове» Добролюбов проделал похожую операцию, с помощью «реальной критики» ему удалось превратить тексты довольно консервативных по своим убеждениям писателей в орудие собственной политической борьбы. Но главное, придать этим произведениям серьезное политическое содержание, а дискуссии о них – общественное значение.

§ 4. Общественный идеал в романе А.И. Гончарова «Обломов» (1859)[401]

Роман И.А. Гончарова «Обломов» был полностью опубликован в 1859 г. и сразу оказался в центре общественного внимания. Роман вызвал огромный интерес у читателей, в течение года появилось около десятка крупных критических статей, посвящённых ему, и как писал в одной из таких статей А.В. Дружинин, слова «Обломов» и «обломовщина» «облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи. Они разъяснили нам целый круг явлений современного нам общества, они поставили перед нами целый мир идей, образов и подробностей, ещё недавно нами не вполне сознанных, являвшихся нам как будто в тумане»[402].

[401] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский о романе И.А. Гончарова «Обломов»: историко-политологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2019. № 2. https://evestnik–mgou.ru/ru/Articles/View/957; *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе И.А. Гончарова «Обломов» // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета. С. 210–214; *Прокудин Б.А*. Роль литературных персонажей в споре поколений на страницах русской социально-политической публицистики XIX в. // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 288–296; *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. С. 158–185.

[402] *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 112.

В 1860 гг. слово «обломовщина», благодаря своей необыкновенной популярности, вошло в «Толковый словарь» В.И. Даля, где определялось четырьмя значениями: «Обломовщина, – писал Даль, – усвоено из повести Гончарова: <1> русская вялость, лень, косность; <2> равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; <3> привычка ожидать всего от других, а ничего от себя; <4> непризнание за собой никаких мирских обязанностей, по пословице: *на других надеется как на Бога, а на себя, как на черта*»[403]. После прочтения этого определения, кажется, уже нет необходимости тратить время, занимаясь историей восприятия романа «Обломов» во второй половине XIX в. Несмотря на то, что словарь Даля не является нормативным (это всячески подчеркивалось лингвистами), что за некоторую «вольность» в подборе лексем и их толковании Даля в разное время критиковали многие ученые[404], мнение «стихийного большинства», которое пытался уловить составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», понятно: «обломовщина», скорее, – общественное зло, а Обломов, скорее, – отрицательный персонаж «русской жизни».

Однако «такие толкования обломовщины не могли быть объяснены только текстом Гончарова, они значительно шире»[405], – на это обратила внимание исследовательница Гончарова С.А. Васильева. Опираясь на содержание романа, мы можем утверждать, что понятию «обломовщина» подходит первая и третья части определения Даля, то есть, «русская вялость, лень, косность» и «привычка ожидать всего от других». Обломов ленив и безынициативен. Однако вызывает сомнение четвертая формулировка: «непризнание за собой никаких мирских обязанностей», то есть общественных или гражданских обязанностей, например, обязанности служить. Действительно, в романе вскользь упоминается о

[403] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 2. М., 1862. С. 1175.
[404] См.: *Пыпин А.Н.* По поводу «Толкового словаря» Даля // Вестник Европы. 1873. № 12. С. 883–903; 4. *Гак В.Г.* Словарь В.И. Даля в свете типологии словарей // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 3–12; *Эпштейн М.Н.* Словарь В. Даля как объективный и проективный / М.Н. Эпштейн // Первое сентября. Русский язык. 2014. № 12. С. 16–18.
[405] *Васильева С.А.* Что такое «обломовщина»? // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 229.

студенческом замысле Обломова «служить, пока станет сил, потому что России нужны руки и головы для разработывания неистощимых источников»[406]. Но потом его гражданский пафос уходит в никуда. Призывая Обломова к деятельности, ему напоминают о незаконченных переводах и непрочитанных книгах, о его мечтах объездить Европу и полюбоваться шедеврами живописи и архитектуры. На вопрос Обломова, для чего жить, Штольц отвечает: «Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни»[407]. То есть, используя слово «обломовщина», Штольц осуждает отсутствие какой-либо деятельности, и никакого гражданского содержания в это слово не вкладывает. Кроме «мирских обязанностей» еще большее недоумение вызывает вторая формулировка: «равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности».

Откуда у Даля появляются эти «вопросы» и «дружная деятельность»? Откуда вообще понятие «обломовщина» черпает так много дополнительных значений? Прежде всего, из статьи Добролюбова «Что такое обломовщина?», которую исследователи считают наиболее ярким образчиком «реальной» критики[408]. В этой статье Добролюбов в очередной раз ушел от текста романа, чтобы говорить о «явлениях самой жизни». И в самом начале заявил, что в истории «добряка-ленивца» Обломова «сказалось новое слово нашего общественного развития <…>. Слово это – *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо более общественного значения, нежели сколько имеют все наши обличительные повести»[409].

Обломова Добролюбов, наряду с Онегиным, Печориным, Бельтовым и Рудиным, включил в категорию «лишних людей», зараженных болезнью целого поколения – «обломовщиной», причина которой в крепостном праве, отсутствии свободы, справедливых судов и т.д. И нарисовал в своей статье метафорическую

---

[406] *Гончаров И.А.* Обломов // *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. СПб.: «Наука», 1998. С. 180.
[407] Там же. С. 182.
[408] *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 152–154.
[409] *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 40–41.

картину, в которой такие «лишние» или «передовые» люди, как их называет Добролюбов с иронией, забираются на дерево в дремучем лесу, под которым подразумевается русская жизнь, чтобы «указать всем путь», садятся на нем поудобнее, отдыхают и «ничего не делают для общей пользы <…>; стоящие внизу сами, без их помощи, должны прорубать и расчищать себе дорогу по лесу»[410]. Толпа просит «передовых» людей спуститься и помочь «общей работе». «Но передовые люди опять повторяют прежние фразы о том, что надо высматривать дорогу, а над расчисткой трудиться нечего. – Тогда бедные путники видят свою ошибку и, махнув рукой, говорят: “Э, да вы все обломовы!” И затем начинается деятельная, неутомимая работа: рубят деревья, делают из них мост на болоте, образуют тропинку, бьют змей и гадов, попавшихся на ней, не заботясь более об этих умниках, об этих сильных натурах, печориных и рудиных, на которых прежде надеялись, которыми восхищались»[411]. По всей вероятности, именно этот пассаж Добролюбова послужил источником второй трактовки слова «обломовщина», которое приведено Далем. Здесь появляется равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости: «Не у Гончарова, а у Добролюбова герои поставлены перед выбором: включиться в общественно полезную деятельность или остаться в стороне, предоставив черную работу другим. Гончаров своего героя перед таким выбором не ставит»[412]. Главный судья Обломова, Штольц, в романе готов был удовлетвориться любой деятельностью своего друга, для Добролюбова же важен только общественно полезный труд.

Основная идея статьи Добролюбова состояла в том, чтобы показать совершенную несовместимость «обломовщины» с общественными задачами современного момента, требующими «новых людей» – деятельных, с разумными потребностями, которые отвечают личной и общественной выгоде. В своем разоблачении обломовщины Добролюбов настолько увлекся, что стал утверждать

---

[410] *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 57.
[411] Там же. С. 57–58.
[412] *Васильева С.А.* Что такое «обломовщина»? // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 231.

вещи, противоречащие тексту романа. Например то, что Штольц и Ольга заблуждаются, видя в Илье Ильиче «золотое сердце». Добролюбов, правда, предупреждал, что не будет касаться в своей статье художественной составляющей романа и авторского замысла, согласно которому Обломов – персонаж двойственный, но без сомнения обладающий многими положительными качествами. Добролюбова это мало интересует, его статья – повод поговорить о социальных проблемах. И такая трактовка «Обломова» показывает, что «Добролюбов был убежден: будущее уже существует, но скрыто в ужасной реальности. Задача “реального критика” – распознать признаки грядущего и рассказать о них прогрессивной публике»[413]. Гончаров, с этой точки зрения, написал «полезный» роман, потому что ярко показал болезнь общества – «обломовщину», а Добролюбов, в свою очередь, доказал «положительный» тезис, что «обломовщина» будет побеждена «новыми людьми», которые скоро появятся.

Таким образом, с самого начала роман «Обломов» часто воспринимался читателями своего времени, да и более поздними читателями, в непосредственной спайке с работой Добролюбова «Что такое обломовщина?». Причем границы между художественным и критическим текстом в общественном сознании были размыты. Нужно сказать, что в этом есть заслуга не только Добролюбова и советских литературоведов, представлявших деятелей «революционно-демократической» критики в качестве главных «властителей дум» середины и второй половины XIX века, но и самого Гончарова, написавшего в 1879 г. статью «Лучше поздно, чем никогда», в которой он предпринял анализ собственных сочинений и попытался объяснить свои авторские задачи. «Я не остановлюсь долго над “Обломовым”, – заявлял он. – В свое время его разобрали, и значение его было оценено и критикой, особенно в лице Добролюбова»[414]. Историки литературы до сих пор спорят, зачем Гончаров так легко согласился с выводами Добролюбова и

[413] *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 153.
[414] *Гончаров И.А.* Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 78.

редуцировал тем самым свой философский роман-притчу к социальной проблематике, хорошо понимая, что критик писал рецензию не на Обломова, а по поводу Обломова, решая тем самым, в целом, чуждые ему социально–политические задачи. Наверное, Гончарова подкупила оценка романа Добролюбовым, признание его «высокого общественного значения». В письме к Анненкову от 20 мая 1859 г. он писал: «Впрочем, может быть, я пристрастен к нему (Добролюбову. – *Б.П.*), потому что статья вся – очень в мою пользу»[415].

Как бы там ни было, в 1859 г., после выхода романа «Обломов», несколько рецензентов, включая влиятельного критика А.В. Дружинина, не отрицая негативных сторон «обломовщины», следуя духу романа, признавали за ней много положительного. «Русская обломовщина, так, как она уловлена г. Гончаровым, – писал Дружинин, – во многом возбуждает наше негодование, но мы не признаем ее плодом гнилости или растления. В том-то и заслуга романиста, что он крепко сцепил все корни обломовщины с почвой народной жизни и поэзии – проявил нам ее мирные и незлобливые стороны, не скрыв ни одного из ее недостатков»[416]. Несмотря на это, у Даля «обломовщина» не трактуется как «незлобливость», или «поэзия народной жизни», в «Толковом словаре» – только негативные ее характеристики, на которых акцентировал внимание Добролюбов. «Многие поколения русских читателей воспринимали “Обломова” по Добролюбову»[417], – замечает по этому поводу исследователь творчества Гончарова М.В. Отрадин.

Важным фактом, имеющим непосредственное отношение к истории восприятия социально-политической проблематики романа, было то, что другой критик «революционно-демократического» направления, Н.Г. Чернышевский, рецензии на роман «Обломов» не написал. В тот период Чернышевский «передал»

---

[415] *Гончаров И.А.* Письмо Анненкову П.В., 20 мая 1859 г. Петербург // Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 323.

[416] *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 121.

[417] *Отрадин М.В.* «Обломов» в зеркале времени // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 5.

критику Добролюбову, сосредоточившись, в большей степени, на публицистике. Но даже в такой ситуации кажется странным, что откликавшийся практически на все крупные литературные и социально-политические события, сочинявший, по подсчетам С.А. Рейсера, около шести печатных листов в месяц – «темп ни с чем не сравнимый и неслыханный в истории литературы»[418], Чернышевский на главный роман 1859 г. не отреагировал вообще. В «Автобиографии», над которой Чернышевский работал в Петропавловской крепости летом 1863 г., сразу после окончания романа «Что делать?», сохранилось указание о его смутном намерении написать рецензию на роман Гончарова: «Я до сих пор прочел полторы из четырех частей “Обломова” и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, – разве опять примусь [за] рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом»[419]. Рецензию он так и не написал. И слова о «подвиге» в «Автобиографии» кажутся самыми важными. Чернышевскому было скучно читать «Обломова».

Исследователи Гончарова, когда речь идет об оценке критиком романа, приводят фразу из повести Чернышевского «История одной девушки» (1871), которая сводится к констатации, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал»[420]. А.И. Гродецкая в статье «О рецензии на “Обломова”, не написанной Чернышевским», показала, в каком контексте Чернышевский высказал этот уничтожающий приговор[421]. Дело в том, что повесть Чернышевского окончена не была и при жизни не публиковалась. Более того, процитированное высказывание содержалось в рамочной части повести, предшествующей основным событиям, от которой Чернышевский отказался и в рукописи вычеркнул. Эта зачеркнутая часть оформлена как литературный вечер, на котором звучат несколько голосов,

---

[418] *Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 794.
[419] *Чернышевский Н.Г.* Из автобиографии // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 634.
[420] *Чернышевский Н.Г.* <Приложения>. 1. К повести «История одной девушки» // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 872.
[421] *Гродецкая А.И.* О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 148–149.

но основной спор происходит между «молодым человеком в золотых очках» по фамилии Благодатский и романистом Онуфриевым, за которыми стоят, по собственным комментариям Чернышевского, – Добролюбов и Гончаров. И вот, в пылу дискуссии, Благодатский обвиняет Онуфриева в том, что он – писатель «с ретроградными тенденциями». «Вы причисляете меня к ним? – удивляется Онуфриев. – Но кто же хвалил мой роман?». И далее Чернышевский дает слово Добролюбову для объяснений: «Не в первый и не в последний раз, – говорит Благодатский, – я выставляю в произведениях нашей литературы мысли, которых не было в головах авторов. Что же делать? – обязанности критики – объяснять произведение людям, которые не понимают его, и не вина критика, если в число этих людей попадает иногда и автор. Не каждый умеет написать то, что хочет; иной, например, восхищается лежанием на боку; разберешь его панегирик заспанному ленивцу, и публика, и сам он увидит, что тунеядство и сон не особенная добродетель; довольно этого; критик не обязан угощать публику своими соображениями о лице автора и домашними дрязгами о том, что автор не понимал смысла картин, которые изображал». К последней фразе Чернышевский делает примечание: «Само собою, это место, относящееся к Обломову и статье Добролюбова о нем, должно выбросить, если автор Обломова ведет себя честно»[422]. Из этой большой цитаты можно понять, что не Чернышевский, а, скорее, хваливший «Обломова» Добролюбов считал, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал». Вполне возможно, что Чернышевский думал о нем иначе и полагал, что Гончаров, этот писатель с «ретроградными тенденциями», написал опасный для общества роман, в котором показал симпатичного лежебоку-Обломова и уютную «обломовщину». Заметим, что похожим образом отличалась реакция Добролюбова и Чернышевского на «Семейную хронику» С.Т. Аксакова, вышедшую тремя годами раньше романа Гончарова. Первый попытался убедить читателей «Современника», что Аксаков помимо своей воли написал антикрепостническую книгу,

[422] *Чернышевский Н.Г.* <Приложения>. 1. К повести «История одной девушки» // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 872.

а Чернышевский увидел в «Семейной хронике» славянофильское сочинение, идеализирующее патриархальный быт.

Кроме того, Чернышевскому было скучно читать «Обломова». И можно догадаться, почему. Сложно представить в русской литературе более противоположные романы, чем роман «Что делать?» и «Обломов», который можно назвать пособием, как не делать ничего. Полный надежд на активную деятельность *новых* людей, Чернышевский, наверное, читал «Обломова» как очередной бесконечно длинный русский роман бесплодных мытарств *лишнего* человека с его несостоявшейся любовью и судьбой. Может, вполне правдивый и даже разоблачительный, но Чернышевскому в этот период хотелось уже не разоблачать пороки русской жизни, а утверждать деятельную альтернативу лишним людям.

Статья Добролюбова «Что такое обломовщина?», кроме прочего, стала частью важной для русской социально-политической мысли и литературы конца 1850 – начала 1860 гг. журнальной полемики «Современника» и «Колокола», получившей название спора «новых людей» с «лишними». И здесь Добролюбов и Чернышевский были уже по одну сторону баррикад, а противостояла им «лондонская эмиграция» в лице Герцена. Эта полемика уточняла взаимоотношения представителей двух поколений русской радикальной интеллигенции. Образ Обломова, наряду с образами Онегина, Печерина, Бельтова и Рудина, в качестве символа определенного социального слоя, активно использовался в этой дискуссии. Началом полемики считается выпад против «людей сороковых годов», в статье Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» (1859). В этой статье Добролюбов впервые употребил термин «новые люди» и изобразил разницу «общественных типов» «отцов», людей 1840 гг., и «детей», поколения, заявившего о себе уже в условиях нового царствования, в конце 1850 гг. Под «отцами» Добролюбов подразумевал оппозиционно настроенных по отношению к николаевскому правительству либералов-западников, друзей и соратников Герцена (Т.Н. Грановского, Н.В. Станкевича, И.С. Тургенева и др.). Под «детьми» – «хороших представителей» молодого поколения, разночинцев, то есть себя и своих товарищей по «Современнику», тех «кому, по естественному закону истории, принадлежит

будущее». «Отцы» – «Люди *того* поколения проникнуты были высокими, но несколько отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное; но выше всего был для них *принцип*. *Принципом* же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали. <…> Отвлекшись, таким образом, от действительной жизни и обрекши себя на служение принципу, они не умели верно рассчитать свои силы и взяли на себя гораздо больше, чем сколько могли сделать. <…> Мало-помалу они вошли в свою пассивную роль и из всего прежнего сохранили только юношескую восторженность да наклонность потолковать с хорошим человеком о приятном обращении и помечтать о мостике через речку»[423]. По мысли Добролюбова, люди поколения Герцена были одаренными, но растратили свой гражданский пафос в поучениях и ничего «практического» не сделав, оказались «лишними людьми». Но вот, наконец, пришли «новые люди» с «крепкими нервами», которые не верят в отвлеченные принципы, а приносят настоящую пользу людям. «Осмотревшись вокруг себя, они («новые люди». – *Б.П.*), вместо всех туманных абстракций и призраков прошедших поколений, увидели в мире только человека, настоящего человека, состоящего из плоти и крови, с его действительными, а не фантастическими отношениями ко всему внешнему миру. <…> Их последняя цель – не совершенная, рабская верность отвлеченным высшим идеям, а принесение возможно большей пользы человечеству; в их суждениях люди возвышаются не по тому, сколько было в них сокрыто великих сил и талантов, а по тому, сколько они желали и умели сделать пользы человечеству»[424].

В своей статье Добролюбов особо отметил, что среди поколения «отцов» существуют исключения, прежде всего, «не подходил под общую норму» Белинский. Есть и другие «сильные люди», которые «доселе сохранили свежесть и молодость сил, доселе остались людьми будущего», намекая, вероятно, на политических эмигрантов Герцена и Огарева. Однако многие представители старшего

[423] *Добролюбов Н.А.* Литературные мелочи прошлого года // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. Статьи и рецензии январь – июнь 1859. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 70, 71, 72.
[424] Там же. С. 73–74.

поколения остались крайне недовольны статьей и восприняли портрет «молодого поколения» как личное оскорбление.

Герцен же решил сделать заявление против этой попытки «молодых» авторов «Современника» самоутвердиться за счет поколения «отцов» и осуществить переоценку исторической роли «лишних людей» 1840 гг., опубликовав в «Колоколе» ответную статью под названием «Very dangerous!!!» (Очень опасно!!! – *англ.*). Стоит еще раз отметить, что в этой полемике термин «лишние люди» употреблялся и как в отношении «людей 1840 годов», так и в отношении литературных персонажей: Онегина, Печерина, Бельтова, Рудина, которые понимались как символы того поколения. Герцен подверг критике основные тезисы автора статьи, подписанной «–бов»[425], о несущественности исторической роли «лишних людей» 1840 гг. и о бессмысленности их протеста с точки зрения общественного прогресса. Но, кроме этого, Герцен, упомянул в статье активно обсуждаемого в 1859 г. Обломова как «пустого человека» и «лентяя», которого нельзя сравнивать с прежними «лишними людьми». «Время Онегиных и Печориных прошло, – писал он о периоде нового царствования. – Теперь в России нет лишних людей, теперь, напротив, к этим огромным запашкам рук недостает. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле пустой человек, свищ или лентяй. И оттого очень естественно Онегины и Печорины делаются Обломовыми»[426].

---

[425] Как отмечает автор наиболее полной биографии Добролюбова А.В. Вдовин: Герцен в момент написания статьи «Very dangerous!!!» «еще не знал, кто был автором статьи, подписанной “–бов”, и узнал, судя по всему, только летом 1859-го, во время разговоров с Чернышевским, приехавшим в Лондон мириться с издателем “Колокола” и договариваться о взаимной поддержке» (см.: *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 171). Нужно сказать, что в советской науке гораздо более пристальное внимание было обращено на полемику «Современника» и «Колокола» с точки зрения взаимоотношений Герцена и Чернышевского (см.: *Нечкина М.В.* Н.Г. Чернышевский и А.И. Герцен в годы революционной ситуации (1859–1861) (Первый ответ Б.П. Козьмину) // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 243–263; *Нечкина М.В.* О взаимоотношениях Петербургского и Лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859–1861) (Второй ответ Б.П. Козьмину) // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 266–276).

[426] *Герцен А.И.* Very dangerous!!! // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 119.

Этот факт тем интересней, что в момент, когда Герцен закончил статью «Very dangerous!!!» (8 мая 1859), к печати был подписан пятый номер «Современника» (11 мая), содержащий статью Добролюбова «Что такое обломовщина?», в которой критик, напротив, высказал точку зрения, что «белоручки и тунеядцы», как Онегины, Печерины, Бельтовы и Рудины – разновидность Обломова с его ленью и прекраснодушием. Что либералы 1840 гг. были заражены той же болезнью «обломовщины», болтали и «ничего не делали для общей пользы». Пафос статьи Добролюбова был в том, что в период реформирования российского общества на первый план должны выйти «новые люди», способные активно участвовать в деле обновления страны, а лентяи-дворяне, типа Обломова, Бельтова и Рудина, воспитанные в праздности и не способные к реальному делу, должны уйти с дороги и не мешать.

В этом случае, как считал Герцена, опять представители «молодого поколения» утверждали свои ценности за счет поколения «отцов», и в следующем 1860 г. в статье «Лишние люди и желчевики», уже зная содержание статьи «Что такое обломовщина?», он решил продолжить полемику с редакцией «Современника», начатую в «Very dangerous!!!», чтобы «защитить бывших товарищей». Прежде всего, Герцен заявил, что сам принадлежит «несчастному» поколению «лишних людей» и признает «*действительно* лишними людьми только *николаевских*»[427]. С воцарением Александра II и началом подготовки реформ, по Герцену, все изменилось: «Лишние люди были тогда столько же *необходимы*, как *необходимо* теперь, чтоб их не было»[428]. Но это совсем не значит, что лишние люди николаевского царствования «заслуживают суд и осуждение».

Молодым людям, которые будут судить о поколении «отцов» по статье Добролюбова «Что такое обломовщина?», где «передовые» люди 1840 гг. изображены эдакими праздными проповедниками, которые «ничего не делают для общей пользы», а только, сидя на дереве, «указывают всем путь», Герцен

[427] *Герцен А.И.* Лишние люди и желчевики // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 318.
[428] Там же. С. 317.

предлагает вспомнить, в каких условиях жило старшее поколение. Николаевское царствование нельзя сравнивать с периодом гласности, в котором живут молодые люди при Александре II. Раньше инакомыслие каралось «виселицей», каторгой и ссылкой, напоминает он. И «лишними» становились оппозиционеры не потому, что были ленивыми, а потому что не хотели служить Николаю в его «канцеляриях и казармах». В конце статьи Герцен приводит диалог с оппонентом из партии «новых людей»: «– Что вы заступаетесь за этих лентяев, – говорил нам недавно один желчевик (sehr ausgezeichnet in seinem Fache)[429], – дармоедов, трутней, белоручек, тунеядцев à la Oneghine?.. И, извольте видеть, они образовались иначе, им мир, их окружающий, слишком грязен, не довольно натерт воском, замарают руки, замарают ноги. То ли дело стонать о несчастном положении, и притом спокойно есть да пить. <…>

– Неужели вы в самом деле думаете, что эти люди по доброй воле ничего не делали или делали вздор?

– Без всякого сомнения, они были романтики и аристократы, они ненавидели работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топор или за шило, да и того, правда, они не умели.

– В таком случае я буду называть имена. Например, Чаадаев – он не умел взяться за топор, но умел написать статью, которая потрясла всю Россию и провела черту в нашем разумении о себе. Статья эта была началом его литературного поприща. Что вышло, вы знаете. Немец Вигель обиделся за Россию, протестант и будущий католик Бенкендорф обиделся за православие, и Чаадаева *высочайшей*

[429] Словом «желчевики» с середины 1850 гг. в кругу Тургенева, Григоровича, Боткина, Дружинина, именовались представители «молодого» поколения нигилистов, продолжавшие литературно-критическую линию творчества Чернышевского. Радикальность социально-политической и эстетической позиции молодых нигилистов объясняли озлобленностью, «расстройством печени» или «разлитием желчи». «В специальной литературе выдвигались предположения, что под “желчевиком”, “весьма сведущим в своей области”, Герцен имел в виду или Чернышевского, или Благосветлова, или Слепцова, или Добролюбова. Достоверно лишь, что в разговоре с “желчевиком” или “Даниилом” Герцен полемизирует с основными положениями Чернышевского и Добролюбова в их печатных выступлениях против “лишних людей”» (*Антонова Г.Н., Белявская И.М., Винникова И.А.* и др. Комментарии / Лишние люди и желчевики // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 578).

ложью объявили сумасшедшим и взяли с него подписку не писать. Надеждина, напечатавшего статью в «Телескопе», сослали в Усть-Сысольск, ректора старика Болдырева отставили, Чаадаев сделался праздным человеком. Иван Киреевский, положим, не умел сапог шить, но умел издавать журнал; издал две книжки – запретили журнал; он поместил статью в «Деннице», цензора Глинку посадили на гауптвахту, – Киреевский сделался лишним человеком. Н. Полевого, конечно, нельзя обвинить в лени; человек он был изворотливый, а все-таки крылья «Телеграфа» подвязали, и, признаюсь в моей слабости, когда я читал, как Полевой говорил Панаеву о том, что он, женатый человек, обремененный семьей, боится квартального, я не смеялся, а чуть не плакал»[430].

В статье «Лишние люди и желчевики» Герцен «защищал товарищей» от нападок со стороны «молодого поколения», ссылаясь на внешние обстоятельства, и делал это с большим раздражением. На несправедливые выпады Добролюбова против «лишних» людей он ответил не менее несправедливыми выпадами против «новых». «Лишние люди сошли со сцены, за ними сойдут и желчевики, – предсказывал он, – наиболее сердящиеся на лишних людей. Они даже сойдут очень скоро, они слишком угрюмы, слишком действуют на нервы, чтобы долго держаться»[431]. Герцена пугала «радикальная бойкость» молодых разночинцев, которую он объяснял, в частности, свободой этого нового сословия от традиционной культуры, от которой не были свободны их предшественники, либералы-дворяне. И, может быть, это качество оказалось бы и полезным для развития страны, предполагает Герцен, ведь их не тяготило «проклятье» кающийся дворян, заключающееся в осознании преступности своих привилегий, рабовладения, и одновременно неспособности от них полностью отказаться. Но, к несчастью, развитие «новых» людей также было омрачено неблагоприятными внешними обстоятельствами: «Это освобождение от всего традиционного доставалось не здоровым, юным натурам, а людям, которых душа и сердце были поломаны по всем

[430] *Герцен А.И.* Лишние люди и желчевики // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 325.
[431] Там же. С. 322.

составам. После 1848 г. в Петербурге нельзя было жить. Самодержавие дошло до геркулесовых столбов нелепости, до инструкции преподавателям военно-учебных заведений, до бутурлинского проекта закрыть университеты, до подписи цензора Елагина на трафаретах. Чему же дивиться, что юноши, вырвавшиеся из этой пещеры, были юродивые и больные?»[432]. В результате всего этого молодые разночинцы стали «черствыми», «раздражительными», стали напоминать «монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить»[433]. Таким образом в конце 1850 гг. произошел раскол двух «партий» русской радикальной интеллигенции, одинаково желающих перестройки общественно-политических отношений в России на принципах социальной справедливости.

Важно отметить специфический стиль этой полемики. Если Герцен, находясь в Лондоне, имел возможность писать свои статьи, напрямую обращаясь к оппонентам, то Добролюбов, публикуясь в подцензурном «Современнике», делал это в критических статьях, посвященных литературным произведениям, в частности роману Гончарова «Обломов». В результате социально-политическая полемика имела литературно-критический оттенок, но содержание романов не было предметом спора, спор шел о представителях двух поколений определенных групп российского общества, маркированных именами героев романов.

Однако неверно было бы думать, что использование литературных персонажей для критиков конца 1850 гг. было обусловлено только цензурными соображениями, что Чернышевский с Добролюбовым прибегали к художественной литературе только затем, чтобы замаскировать под критической статьей свои социально-политические мысли. Не только. С 1840 гг. в России сформировался определенный «образный» язык социально-политического высказывания. Если роман идей представляет собой мышление художественными образами (рассуждение о жизни, возможности воплощения на практике самых разных идей без заранее заданных ответов), то литературная критика стала представлять собой в

[432] Там же. С. 323.
[433] Там же. С. 323.

России XIX в. мышление литературными образами, рассуждение об общественно-политической проблематике. Причем, часто так же без окончательных ответов, данных в ясных формулировках.

В полемике Герцена и Добролюбова поражает, насколько неопределенным и «растяжимым» термином «лишние люди» оба оппонента пользуются. Никого из них не смущает, что в разном контексте «лишними людьми» оказываются настолько разные исторические и литературные персонажи: Онегин, Печерин, Бельтов, Рудин, Обломов, декабристы, Белинский, Чаадаев, Киреевский, Герцен, Огарев, «романтики», «аристократы», либералы и т.д. Это происходит потому, что у них самих не было ясного представления, что надо конкретно делать для переустройства России, и каков должен быть окончательный результат этой деятельности. Конец 1850 гг. был временем поиска путей развития России. И таких расплывчатых формулировок как «лишние» или «новые» люди Герцену и Добролюбову вполне хватало, чтобы обозначать отстаиваемое ими широкое направление. И главное, они были уверены, что читатели их поймут.

Статьи Герцена, отпечатанные в «вольной» лондонской типографии, стилистически очень похожи на статьи Чернышевского и Добролюбова, они написаны тем же «образным» языком. Это показывает, что Чернышевский и Добролюбов не столько прятали от цензуры в литературной критике свои политические программы (хотя, что-то, безусловно, прятали), сколько самыми общими словами пытались обрисовывать направление чаемого развития, в каждой статье продолжали нащупывать этот путь. И аллегорический «образный» язык тут был наиболее подходящим, а такие персонажи, как Онегин или Обломов считывались людьми как понятные символы тех или иных «направлений».

Вернемся к роману «Обломов». Одно из самых противоречивых мест, описанных в русской литературе второй половины XIX в., – это деревня Обломовка из этого романа. Читая главу «Сон Обломова», невозможно понять до конца, высмеивает автор весь обломовский образ жизни и саму Обломовку со всеми ее обитателями или любуется ей. Помочь ответить на вопрос, чем является глава «Сон Обломова» для И.А. Гончарова, выражена ли там критика русской жизни или

ностальгия по уходящей старине, то есть реконструировать общественный идеал, выраженный в романе «Обломов», могут некоторые факты из жизни Гончарова.

Прежде всего, Гончаров был по происхождению из купцов. Вся русская литература первой половины XIX в. (за редкими исключениями) была дворянской и писала о дворянах. А Гончаров был купеческого сословия. Казалось бы, какая разница? Известно, что воспитание он получил вполне барское и рос в как будто помещичьей обстановке: его отец был богатым человеком, избирался городским головой в Симбирске. Однако Гончаров никогда не забывал своего происхождения. Другу И.И. Льховскому, потомственному дворянину, в письме 1853 г. он писал, что благодаря воспитанию дворяне «даром» получали все то, что ему пришлось добывать большими трудами: «Преимущества Ваши состоят, между прочим, и в том, что Вы сознательно воспитывались и сохранили в себе, по прекрасной ли своей аристократической натуре, или по обстоятельствам, первоначальную чистоту, этот аромат души и сердца, а я, если б Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтоб выкарабкаться и на ту стезю, на которой Вы видели меня»[434]. Еще важнее то, что у Гончарова не было крепостных крестьян (как у Л.Н. Толстого или И.С. Тургенева), и всю жизнь ему приходилось самому ходить на службу и зарабатывать деньги, а романы писать по выходным и в отпуске. Может быть, поэтому, когда Гончаров во «Сне Обломова» описывает помещичий дом, он имеет возможность посмотреть на него со стороны, с некоторой иронией.

Как устроены отношения людей в Обломовке, как устроен мир Обломовки с социально-политической точки зрения? На первый взгляд, Обломовка, то есть имение семьи Обломовых с дворней и тремя сотнями душ крепостных крестьян, это запущенное имение. И хозяйствование там происходит очень странно.

[434] *Гончаров И.А.* Письмо Льховскому И.И., июль 1853 г. Острова Бонин–Сима, Порт Ллойда // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 257.

Основная забота помещиков Обломовых – кухня и обед. Об обеде совещаются целым домом и готовят его с самого утра, потом, поев, все ложатся спать. Проснувшись, пьют чай, дожидаются ужина и отходят ко сну. Счастливые, что еще один день прошел. Спрашивается, а в Обломовке кто-то работает? Помещики и крестьяне, триста обломовских душ? Кроме дворни, которая суетится на кухне и около кухни, люди в Обломовке, скорее, изображают деятельность. Помещики притворяются деятельными хозяевами, а крестьяне – покорными работниками. «Сам Обломов (отец Ильи Ильича, хозяин имения. – *Б.П.*) – старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и внимательно наблюдает за всем, что делается на дворе.

– Эй, Игнашка? Что несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.

– Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.

– Ну неси, неси, да хорошенько, смотри, наточи!

Потом остановит бабу:

– Эй, баба! Баба! Куда ходила?

– В погреб, батюшка, – говорила она, останавливаясь, и, прикрыв глаза рукой, глядела на окно, – молока к столу достать.

– Ну иди, иди! – отвечал барин. – Да смотри, не пролей молоко-то»[435].

Так отец Обломова ведет свое хозяйство. Как пишет Гончаров, старший Обломов никогда не знал ни о доходах, имения, ни о расходах, и получал столько денег, «сколько нужно было ему, чтоб каждый день обедать и ужинать без меры с семьей и разными гостями, он благодарил Бога и считал грехом стараться приобретать больше <…> Отцы и деды не глупее нас были, – говорил он в ответ на какие-нибудь вредные, по его мнению, советы, – да прожили же век счастливо; проживем и мы: даст Бог, сыты будем»[436]. Это очень важные слова. С точки зрения входившего в обиход XIX века культа европейской производительности,

[435] *Гончаров И.А.* Обломов // *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.: «Наука», 1998. С. 109.
[436] Там же. С. 64.

такой способ ведения хозяйства вызывает улыбку. И правда, это способ, при котором крестьяне работают настолько неэффективно, что прибыли имения хватает только на еду для господ и дворни. Питаются в доме Обломовых плотно, но вот уже на новую мебель хозяевам трехсот душ денег не хватает, и старый барин сидит на кресле, кожи на котором «осталось только на спинке один клочок».

«Дедовский» способ хозяйствовать, конечно, кажется смешным читателям романа. Но если посмотреть на него с другой стороны, можно увидеть навсегда утерянный средневековый, может быть, полумифический, но идеал справедливых отношений между помещиками и крестьянами, старинный общественный договор, по которому крестьяне от своих господ получали порядок и защиту, а за это должны были кормить хозяев. В прямом смысле слова. Если не брать в расчет злоупотреблений, до XVII–XVIII вв. такой порядок не предполагал чрезмерного обогащения помещиков за счет крестьянского труда. Никаких петербургских домов, блестящих балов и парижских каникул крестьянам не надо было оплачивать. В этом и заключалась средневековая справедливость, которая начала исчезать по мере закрепощения крестьян и прихода европейской цивилизации.

В Обломовке можно увидеть и некоторые элементы анархии. Да, формально существуют помещики и крестьяне, но между ними нет ярко выраженного антагонизма, они живут какой-то общей обломовской общиной в состоянии согласия, самоуправления и отсутствия внешней власти. Символ этого единения – «исполинский пирог», который в Обломовке пекут по воскресениям. Сначала его два дня едят господа, на третий и четвертый день остатки поступают в девичью. «Пирог доживал до пятницы, – пишет Гончаров, – так что один совсем черствый конец, без всякой начинки, доставался, в виде особой милости, Антипу (непутевому дворовому. – *Б.П.*), который, перекрестясь, с треском неустрашимо разрушал эту любопытную окаменелость, наслаждаясь более сознанием, что это господский пирог, нежели самым пирогом»[437].

[437] Там же. С. 111.

Поэтому ошибочно думать, что «неправильному» ленивцу Обломову и всей обломовской жизни Гончаров противопоставляет «правильного» работягу Штольца, смеется над сонным укладом «старосветских» имений, воспевая труд и производительность. История восприятия романа показывает, что Гончаров очень точно выдержал баланс и не занял сторону ни одного из своих героев. Он описал в ироническом ключе и Обломова с его «сонным» идеалом «недеяния», и Штольца с почти бессмысленным идеалом безостановочного труда.

Еще одно обстоятельство жизни Гончарова, которое может помочь реконструировать общественный идеал, выраженный в романе «Обломов», то, что он работал цензором. В 1856 г. Гончаров устроился на работу в Санкт-Петербургский цензурный комитет. И в служебных отзывах он очень конкретно высказал все свои эстетические и социально-политические пристрастия. Эти отзывы навлекли на него множество обвинений и упреков «прогрессивной общественности».

Наиболее ярким эпизодом его запретительной деятельности стала борьба с журналом «Русское слово», с которым сотрудничал Д.И. Писарев. Писарев на страницах журнала выступал как популяризатор современных научных теорий. Он подготовил статью с изложением идей О. Конта. Гончаров усмотрел в ней посягательство на авторитет религии и прямо заявил: «Такое явное и наглое посягательство поколебать священный авторитет религии в глубоко и всеобще проникнутом ею самом христианском государстве целого мира, когда нет никаких симптомов в народной массе и обществе колебания в основных началах религии или охлаждения к ним, <…> явно обличает в авторах бессилие, незрелость и жалкое самохвальство вольнодумства и доказывает, что отрицание и этого рода, т.е. религиозное, так же как и коммунистические и социалистические теории, родились не на русской почве, не в недрах русского коренного общества и воспитания, а пробрались, в качестве контрабанды, с Запада»[438]. После этого Гончаров вынес журналу «Русское слово» предупреждение, но Писарев опубликовал в нем

[438] Цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Д.И. Писарев и охранители // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы, 1919. № 1–4, январь-апрель. С. 143.

продолжение статьи о Конте. Гончаров сделал второе предупреждение, потом третье, и после этого официально приостановил издание «журнала нигилистов» на пять месяцев.

В цензорской деятельности Гончарова есть одна интересная особенность. Наряду с борьбой с нигилизмом, он всячески поддерживал все попытки современной науки и литературы изучать прошлое России, то есть все произведения на историческую тему (кроме «попыток оклеветать кого-то» и кроме «исторических памфлетов и пасквилей»[439]). Гончаров призывал к самому трепетному и уважительному отношению к отечественной истории, из которой мы можем «черпать важные уроки для настоящего». То есть Гончарову были близки идеи консерватизма, он хотел оградить читателей от пропаганды материализма, социализма и атеизма, как западных идей, чуждых «русскому коренному обществу», и призывал изучать прошлое России. Из этого можно сделать вывод, что даже иронизируя над старой «сонной» Обломовкой, он оставался на ее стороне. Патриархальная Россия была ему ближе «цивилизованного» Запада.

В главе «Сон Обломова» есть забавная сцена, в которой вернувшийся из города обломовский мужик принес письмо на имя Ильи Ивановича Обломова. Это неожиданное письмо – единственное вторжение внешнего мира в спокойную Обломовку. Мужика отчитали, письмо хотели выбросить, но после долгих сомнений все-таки распечатали и обнаружили подпись: «Радищев». Оказалось, что оно от знакомого, который просит прислать рецепт пива. Все обрадовались, что в письме не оказалось никакой беды. Правда, и не ответили, рецепт не нашелся. Но интересна фамилия отправителя, возмутившего покой Обломовки. Гончаров не зря использовал фамилию автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». С него, по мнению многих, начинается история освободительного движения в России. Но письмо от человека с фамилией республиканца Радищева еще и символ проникновения в русскую жизнь гуманистических идей европейской цивилизации, которые со временем разрушат старый патриархальный быт.

---

[439] Подробней см.: *Котельников В. А.* Гончаров как цензор // Русская литература, 1991. № 2. С. 24–51.

Гончаров чувствовал, что «классической» эпохе провинциального дворянства приводит конец. Мир меняется. Во второй части романа Штольц рассказывает Обломову о том, что в соседней деревне Верхлеве хотят построить пристань, «так что и Обломовка будет недалеко от большой дороги, а в городе ярмарку учреждают…». Это сообщение повергает Обломова в отчаяние: «Ах, боже мой! – сказал Обломов. – Этого еще недоставало! Обломовка была в таком затишье, в стороне, а теперь ярмарка, большая дорога! Мужики повадятся в город, к нам будут таскаться купцы – все пропало! Беда!». На это Штольц предлагает Обломову «завести» в деревне школу, и Обломов реагирует самым консервативным образом: «Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет…»[440].

«Классическая» эпоха заканчивается, когда в отдаленные уголки империи приходят дороги, просвещение и новые идеи. Но кроме внутренних факторов, конец эпохи «сонных» имений предвещают и внешние факторы, неуклонно развивающиеся капиталистическое отношения и экономические вызовы века. Например, в начале XIX в. Россия стала главным импортером хлеба для Англии, пережившей огораживание и промышленную революцию. После снятия континентальной блокады спрос на хлеб так вырос, что Россия столкнулась с необходимостью производить в пять раз больше зерна, чем производила ранее. Конечно, многие помещики задумались о необходимости повышения эффективности своих имений. Историк-марксист М.Н. Покровский прежде всего с этим связывал возникновение в первой четверти XIX в. проектов освобождения крестьян без земли, чтобы за счет высокой арендной платы сделать вялый труд «хлебопашцев» более эффективным[441]. Конечно, такие веяния не могли не тревожить приверженцев старого помещичьего быта, приверженцев дедовского образа жизни с обильными принятиями пищи и длительным послеобеденным сном.

---

[440] См.: *Гончаров И.А.* Обломов // *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.: «Наука», 1998. С. 173.
[441] См.: *Покровский М.Н.* Очерки революционного движения XIX–XX вв. М.: Издательство «Красная новь», Главполитпросвет, 1924. С. 19–25.

Но возникает вопрос, если все так хорошо в Обломовке, и, если Гончаров симпатизирует старине, а герой романа, Илья Ильич, – плоть от плоти этой Обломовки, почему Обломов несчастен? Почему мы воспринимаем его как трагического персонажа, который мог стать «полноценным» человеком, но по лености упустил свой шанс, так и не встал с дивана. В чем же проблема? Ведь, если бы Обломов мечтал стать великим писателем или военачальником, а мечты и реальность разошлись, он мог бы мучиться и страдать. Он мечтал всю жизнь прожить так же, как «деды и отцы», по-обломовски. Разве что в его фантазиях жена должна была проводить часы досуга за книгами и роялем, а не «за вареньями да за грибами». И вот в конце романа Обломов женился на Пшеницыной, прекрасной хозяйке, которая на рояле не играет, зато локти у нее «удивительно круглые». У них родился ребенок, они живут спокойной жизнью, вкусно едят, гуляют. Спасть только днем запрещает доктор, но в целом, в жизни – любовь и покой, как Обломов и хотел. Тут приезжает Штольц, смотрит на Обломова и заявляет: «Ты теперь совсем погиб, Илья»! А он в ответ: «Да, я погиб, Андрей!» Почему сам Обломов готов так обесценивать свою жизнь?

Можно поискать простые «социологические» ответы. Например, что Обломов – жертва образованности. Его родители были необразованными людьми и жили счастливо в своем ленивом бездействии. А Обломов вместе с образованием усвоил культурную норму необходимости труда и страдает оттого, что не воплотил каких-то абстрактных «великих замыслов», о которых мечтал в университете. Возможно, это так. Но такой ответ явно недостаточен. Персонаж Обломова интересен читателю и так трагичен, потому что, в отличие от своих родителей и окружающих, от Штольца, от Ольги, он мучится вопросом о смысле жизни. Что значит жить в подлинном смысле? Обломов перебирает привычные сценарии жизни современного ему «успешного» человека, и все ему не нравятся. Вот есть «человек светский», он бегает «в десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он

раздробляется и рассыпается?»[442]. Вот есть «труженик-карьерист», работает целый день. И жить ему некогда. Зачем такая жизнь? Вот есть активный гражданин, публицист, но он только разменивает «душу свою на мелочи» и «торгует умом». Зачем такая жизнь? Все это варианты неподлинного существования. Но главное, Обломов понимает и то, что просто лежать на диване, как это делали в Обломовке, тоже – неправильно. Подобное «недеяние», конечно, лучше, чем жизнь карьериста или публициста. Но это невозможно назвать жизнью в подлинном смысле слова. Тут Обломов выходит на уровень мудреца. Но останавливается. Потому что для обретения подлинного смысла жизни нужно большое усилие. Уже духовное. Нужна работа над собой. А вот на нее Обломов не способен и понимает это.

Когда добрый, но примитивный Штольц говорит ему: «Ты теперь совсем погиб, Илья», он имеет в виду гибель для социальной жизни, для активного труда и увеличения капиталов. Все это не интересует Обломова. Когда Обломов отвечает: «Да, я погиб, Андрей!», он горюет о том, что не смог победить душевную лень: не о внешней, а о внутренней своей гибели. Он был близок к тому, чтобы понять смысл жизни, духовно возрасти. Он был ближе всех к истине, ближе Штольца, Ольги… Бог ему дал больше всех, а он ничего с этим не сделал, и пролежал всю жизнь на диване. Обломов чист душой и обладает более развитой рефлексией по сравнению с другими героями романа. Все сценарии якобы успешной жизни он видит в их завершенности. Видит все опасности и искушения на этом пути, а главное понимает, что в обществе люди живут механической жизнью, повторяют заученные действия, и за этой суетой теряется главное. Человек утрачивает свою сознательную целостность. Это уже философия. Но в поведении, в порядке мыслей Обломова можно увидеть не только философскую и психологическую составляющую. Тут есть и социальная составляющая.

Роман «Обломов» писался в тот момент, когда страна начала входить в период коренных перемен, в пору всеобщей неопределенности. Для людей либеральных взглядов такая неопределенность скрашивалась оптимистическими

[442] *Гончаров И. А.* Обломов // *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.: «Наука», 1998. С. 20.

ожиданиями прогрессивных изменений. Для людей консервативных взглядов эта неопределенность была чревата потрясениями, сопровождалась страхом потерять что-то особенно ценное, что было частью человеческих и социальных отношений прошлого. И бездействие героя романа, Ильи Ильича Обломова, можно объяснить специфическим пониманием сути времени, в которое ему выпало жить: зачем заниматься службой, карьерой, публицистикой, если завтра жизнь может поменяться коренным образом, и все это потеряет свою ценность и актуальность. Как бы это ни казалось странным, то же самое можно сказать и о Штольце. Мы привыкли противопоставлять бездеятельности Обломова активную жизненную позицию Штольца, но Гончаров дает понять своим читателям, что у деятельности Штольца нет определенной цели. Он тоже герой переходной эпохи, который не знает, куда движется страна, но по своему складу не может не действовать. Обломов хранит в душе жизненный идеал уходящей эпохи, Обломовка приходит ему во снах, но он понимает, что ее время ушло. Возродить Обломовку в условиях середины XIX в. – невозможно. Это уходящий идеал прошлого. А идеала для будущего пока сформулировать невозможно.

Итак, в романе А.И. Гончарова «Обломов» (глава «Сон Обломова») тоже может помочь реконструировать черты патриархально-дворянского идеала. Этот идеал не имеет таких четких оснований, как идеал, выраженный в «Семейной хронике» Аксакова, деревня Обломовка описана Гончаровым в жанре идиллии, однако самые общие контуры «патриархальной утопии», идеализированного образа общественных отношений периода «золотого века», выделить можно. Прежде всего, общественный идеал, явленный в «Обломове», покоится на своеобразном «единстве» помещиков и крестьян, так как присвоение плодов крестьянского труда хозяевами-помещиками сведено к минимуму. Помещики позволяют своим крестьянам работать мало и неэффективно, требуя такого дохода, которого достаточно, чтобы обеспечить обильную еду господ и дворни. Помещики только притворяются деятельными хозяевами, крестьяне только притворяются покорными работниками, а в результате, те и другие проживают счастливо, не обременяя себя лишним трудом, без конфликтов и насилия.

«Золотой век», по Гончарову, заканчивается по мере закрепощения крестьян и распространения европейской цивилизации.

Выводы главы

Специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.), а также особенности становления либерального и патриархального идеала дворянской литературы наиболее ярко высвечиваются в романе А.И. Герцена «Кто виноват?», сборнике рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», автобиографическом сочинении С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и романе А.И. Гончарова «Обломов».

Роман Герцена «Кто виноват?» произвел сильное впечатление на российское общество середины XIX в., но в разные периоды своего бытования в читательской среде разные социально-политические идеи оказывались востребованными публикой и имели влияние на общественно-политическую повестку дня. В связи с конкретными историческими событиями менялось не только восприятие проблематики романа, но и сам читатель, менялся социальный состав читающей публики. Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата, людей герценовского круга и образования, как бы сказали в советское время, «людей передовых убеждений 1840 гг.». Потом круг читателей романа расширился благодаря представителям разночинной интеллигенции. Для первой группы важна «социально-политическая» линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. Для читателей 1840 гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, звучал так: кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни? По нашему мнению, ответ Герцена прост – виновата, говоря современным языком, негативная социализация, приводящая к появлению «лишних людей», потерянных в своей эпохе. То есть, виновата система дворянского воспитания, не предполагавшая приспособления молодых людей к особенностям российской среды. Такая интерпретация преодолевает однобокость трактовок «социально-политической» линии романа, сводящихся, прежде всего, к

социальному детерминизму. А именно такие трактовки господствовали в литературной критике во второй половине XIX в. и в советском литературоведении. Их авторы возлагали вину за неудачи героя на «николаевскую Россию» и «крепостнические порядки».

Для читателей 1850–1860 гг. важна «семейная» тема романа, и «главным», по преимуществу, стал вопрос о положении женщины в русском обществе. Новый взгляд на эту тему в контексте истории происхождения русского феминизма показывает – Герцен пытался убедить читателя, что люди не должны быть поглощены исключительно семейными интересами, что «зрелый» человек призван в мир общественных интересов, и это касается не только мужчин, но и женщин, которые должны занять более деятельное положение в русском обществе.

Один из критиков еще в 1847 г. писал, что роману «Кто виноват?» «не хватает идеала». Вслед за ним приходится констатировать, что Герцен в 1845–1847 гг., не видя зримых перспектив развития страны, не имел и возможности сформулировать в романе общественный идеал. Однако ему удалось оказать большое воздействие на читателей 1840–1860 гг., поставив ряд важных социальных вопросов: какой должна быть роль «прогрессивного» дворянства в деле реформирования и переустройства российского общества, каким образом должно измениться положение женщины в русской жизни?

В свое время цензор С.И. Коссович отметил, что Герцен в своем романе, помимо прочего, «ясно указывает на невыносимость гнета помещичьей власти». В конце 1840-х – начале 1850-х гг. И.С. Тургенев написал цикл рассказов, в которых тема положения крестьян и «помещичьей власти» стала центральной. Сборник «Записки охотника» пользовался огромной популярностью у читателей, даже ходили слухи, будто бы император Александр II признавался, что «Записки охотника» Тургенева стали одним из главных «двигателей» его крестьянской реформы.

Специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права дает возможность уточнить анализ сборника Тургенева «Записки охотника» и рассказа «Муму» с точки зрения влияния на них идеи

естественного человека Ж.-Ж. Руссо. Разделяя исходное руссоистское представление об «отпадении человека от природы» и желание вернуться к «первоначальному природному единству», Тургенев республиканизму Русссо противопоставил «дворянский» либерализм. Рассматривая сборник «Записки охотника» и рассказ «Муму» сквозь призму идей Руссо, можно выделить основные черты социально-политического идеала Тургенева накануне Великих реформ. Тургенев вслед за Руссо исходил из требования полной личной свободы для человека, которая является залогом счастья. Но под полной личной свободной он понимал «истинную» свободу гражданскую, то есть – осуществление прав человека. Однако Тургенев был совсем не из тех, кто говорил: отдайте землю крестьянам (как это делали социалисты), не из тех, кто ратовал за материальное равенство и социальную справедливость. Он считал себя «законным владельцем» земли и не ставил, подобно Руссо, вопрос о собственности как первопричине социального неравенства. Таким образом, основными чертами социально-политического идеала Тургенева можно назвать: свободу и права человека для всех членов общества при сохранении традиционного сословного уклада и незыблемости дворянского имущества в условиях патриархального быта. Сборник рассказов «Записки охотника» и рассказ «Муму» дают возможность уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Крестьяне в парадигме руссоизма, как ее понимал Тургенев, – это сословие детей природы, не испорченных цивилизацией. Они мудры и долготерпеливы, но сами влиять на свою судьбу не могут. А способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, и сдавать им помещичью землю в аренду. То есть, гипотеза о естественном состоянии, предложенная Руссо, помогала Тургеневу осудить общественное неравенство, понимаемое как неравенство только юридическое. Вопрос о неравенстве материальном Тургенев не рассматривал.

Накануне отмены крепостного права было написано еще одно важное произведение, получившее большую популярность у читателей, автобиографическая книга С.Т. Аксакова «Семейная хроника». В тот период либерал и западник

Тургенев вел переписку с Аксаковым, близким к кругу славянофилов, они обсуждали необходимость общественных изменений, и их представления о том, как должен был проходить первый этап реформ в России во много совпадали. Тургенев и Аксаков были убеждены, что ведущую роль в освобождении крестьян должен играть царь, поддерживаемый дворянством, однако представление об общественном идеале у них было различным.

В конце 1850 гг. мы наблюдаем удивительный факт. Представители двух главных общественных направлений в России: радикалы и славянофилы (шире – консерваторы) одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» Аксакова, причем интерпретация этого литературного произведения ими была совершенно противоположной. Одни нашли в тексте обличение отживших крепостнических порядков, другие – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание, а дискуссия вокруг книги приобрела общественное значение. Толчком к «политизации» «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», напечатанная в 1858 г. в журнале «Современник». Она была одной из первых печатных попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII в. оказалась для Добролюбова актуальным произведением, пользуясь которым можно со всех сторон показать уродливые проявления крепостного права. Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам и представителям консервативного направления. Восстановить «истинный» смысл произведений Аксакова взялся С.П. Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале славянофильского направления «Русская беседа» в 1858 г. В этой статье Шевырев настаивал, что Добролюбов «совершенно не понял духа произведений писателя». По его мнению, Аксакову в столь «беспокойное время» удалось создать «спокойно-эпическое представление старой русской жизни» без суда над ней и

напомнить читателям о вечных человеческих ценностях. Столь разные интерпретации одного произведения, по нашему мнению, вызваны тревогой авторов, нараставшей в преддверии Великих реформ. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах его статьи – «Семейная хроника» в его трактовке оказалась произведением, обличающим старые порядки. Ответ же Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалось опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным реформам. На наш взгляд, «Семейная хроника» демонстрирует пример созидательной деятельности помещичьего хозяйства XVIII в., его эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны. И по типу отношений оно было патриархальным. Несмотря на существование «дурных» помещиков, Россия держалась и богатела, опираясь на деятельные патриархальные помещичьи хозяйства, которые составляли «здоровое» большинство. Вот, что показал своей «Семейной хроникой» Аксаков в тот исторический момент, когда художественная литература в России стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, стала вырабатывать образы общественного идеала.

Черты патриархального идеала можно реконструировать и в романе А.И. Гончарова «Обломов» (глава «Сон Обломова»), написанном тоже накануне отмены крепостного права. Сложность выявления общественного идеала в данном случае связана с особенностями жанра, в котором написана эта глава. В описании деревни Обломовки Гончаров ушел от реалистического повествования и прибегнул к жанру идиллии, причем написанной с большой долей юмора, переходящего порой в сатиру. Читая главу «Сон Обломова», невозможно понять до конца, высмеивает автор обломовский образ жизни и саму Обломовку со всеми ее обитателями или любуется ими. На наш взгляд, помочь ответить на вопрос, чем является глава «Сон Обломова» для Гончарова, выражена там критика русской жизни или ностальгия по уходящей старине, может обращение к биографии писателя и его социально-политическим взглядам. В период написания романа «Обломов»

Гончаров работал в Санкт-Петербургском цензурном комитете. В своих служебных отзывах он очень конкретно высказал свои эстетические и социально-политические пристрастия. Консерватор Гончаров ставил перед собой задачу оградить читателей от пропаганды западных идей материализма, социализма и атеизма, чуждых «русскому коренному обществу», и призывал изучать прошлое России, из которого можно черпать важные уроки для настоящего. Исходя из этого, можно предположить, что, выбирая между патриархальностью Обломовки и европейским прогрессом, Гончаров остается с Обломовкой. В качестве идеала (хоть, и уходящего патриархального идеала) Обломовка ему ближе, в ней нет ненавистного Гончарову материализма и атеизма, там много простоты, сердечности и доброты. Но кроме того, Обломовка – это место, в котором нет той эксплуатации, которая усиливается по мере закрепощения крестьян и распространения европейской цивилизации.

Анализируя наиболее крупные и резонансные произведения литературы периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.) с точки зрения высказанного в них общественного идеала, можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, ярко выраженный общественный идеал в них отсутствует, и в случае Герцена, Тургенева, Аксакова, Гончарова, его необходимо реконструировать. Мы можем говорить, скорее, о неких чертах общественного идеала, нежели об общественном идеале в завершенном виде. И на то есть исторические причины. Произведения этого периода писались в ситуации неопределенности. Это было время, когда аграрно-патриархальный уклад русского жизни начал постепенно терять свое доминирующее значение и отходить в прошлое, а индустриально-промышленный уклад и капиталистические отношения еще не стали основой хозяйственной жизни.

Если в романе «Кто виноват?» Герцена, наиболее раннем произведении этого периода, присутствует прежде всего критика разнообразных проявлений патриархальных отношений (в семье, губернском городе и пр.), то в «Записках охотника» Тургенева, «Семейной хронике» Аксакова и «Обломове» Гончарова, уже сформулирована некая альтернатива современному им состоянию дел.

Тургеневский либерально-дворянский общественный идеал предполагал построение рыночных отношений между помещиками и крестьянами-арендаторами. Аксаковский и, во многом, гончаровский патриархально-дворянские идеалы предполагали единение помещиков с крестьянским «миром» на почве веры в Бога или на основе справедливого общественного договора, не предполагавшего обогащения за счет крестьян. Тургенев и Аксаков хотели «облагородить» старый «феодальный» уклад жизни, первый за счет прав человека, второй – за счет «нравственного» воспитания, полагая, что основной проблемой России является крепостное право, а сельскохозяйственный уклад страны и социальная структура общества – незыблемы.

В «Семейной хронике» и «Обломове» Аксаков и Гончаров наметили наиболее общие черты «консервативно-дворянской утопии». Подобно консервативным мыслителям, которые в период революций или радикальных реформ обращались к поиску в прошлом своей страны некого классического образца общественного устройства, «золотого века», Аксаков и Гончаров создали идеализированные образы прошлого в литературных произведениях накануне Великих реформ.

Наиболее крупные литературные произведения этого периода написаны авторами-дворянами, поэтому общественный идеал, высказанный в их произведениях, можно называть «дворянским». Ссылка на сословное происхождение писателей важна потому, что на следующем этапе, в период проведения Великих реформ (1861-1866), в литературе громко заявят о себе представители другого молодого «сословия» русского общества – разночинцы, речь о которых пойдет в следующей главе. И с начала 1860-х гг. можно будет говорить об общественном идеале разночинской литературы, сравнивать его с дворянским идеалом.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Прокудин Борис Александрович

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

5.5.1 – История и теория политики
(исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ТОМ II

Научный консультант:
д.полит.н., проф. А.А. Ширинянц

Москва – 2023

Оглавление Тома II

Глава III. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода проведения Великих реформ (1861–1866 гг.)……..…….3
§ 1. Повести Н.Г. Помяловского «Молотов», «Мещанское счастье» (1861) как художественное осмысление формирования самосознания разночинцев .……..3
§ 2. Элементы общественного идеала в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862)……..…….…....26
§ 3. Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863)…….…….....55
§ 4. Черты общественного идеала в «антинигилистических» романах Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870)…….....92
Выводы главы……..125

Глава IV. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода окончания Великих реформ (1866–1881 гг.)……..…….……132
§ 1. Черты общественных идеалов в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867)……..…….....132
§ 2. Черты общественных идеалов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872)…….…170
§ 3. Черты общественных идеалов в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877) и «Воскресение» (1899)…….……197
Выводы главы…….…221

Заключение ..……230

Литература…….…….....255

Глава III. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода проведения Великих реформ (1861–1866 гг.)

§ 1. Повести Н.Г. Помяловского «Молотов», «Мещанское счастье» (1861) как художественное осмысление формирования самосознания разночинцев[443]

Изначально Д.И. Писарев дал название «Мыслящий пролетариат» статье, содержащей критический разбор двух повестей Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов». По его задумке в центре внимания должен был находиться «мыслящий пролетарий» Егор Молотов, главный герой повестей, но потом, по словам Писарева, статья «решительно соскочила с рельсов» и превратилась в критико-психологический этюд о героине «Мещанского счастья», девушке Леночке Илличовой, «которая – совсем не “пролетариат” и нисколько не “мыслящий”». Через год, готовя статью к изданию в первом собрании сочинений, Писарев дал ей новое, более соответствующее содержанию название: «Роман кисейной девушки». «Оправдание Молотова и рассуждения о “мыслящем пролетариате” откладываю до другого раза»[444], – написал он тогда. Но другого раза говорить о Молотове не представилось, а название «Мыслящий пролетариат» было присвоено статье о романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, первоначально называвшейся «Новый тип» (1965). То обстоятельство, что «мыслящими пролетариями» Писарев назвал и героя дилогии Помяловского, и героев романа Чернышевского, дает возможность провести анализ разных стратегий поведения разночинцев 1860 гг. с точки зрения выработки ими разночинного сознания и самосознания.

---

[443] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» как художественное осмысление формирования разночинного сословного сознания: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2020. № 4. С. 91–111.

[444] См.: *Сорокина Ю.С.* Примечания / Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864–1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 529.

Повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» – это первые в русской литературе 1860 гг. большие художественные произведения, в центре которых стоял разночинец, причем описанный не «издалека» со стороны (враждебно настроенным или сочувствующим, но все же плохо понимающим его природу автором-дворянином), а «изнутри», автором-разночинцем. Читая эти повести, можно лучше понять, с какими сложностями сталкивались разночинцы в своей жизни. Герои Помяловского еще не идеологи и не революционеры, пока это рядовые «образованные» разночинцы, процесс становления которых интересует нас в первую очередь.

Нужно начать с того, что основная проблема получивших образование разночинцев состояла в необходимости найти свое «место в жизни». У помещиков (дотоле единственного «образованного класса»), крестьян, купцов существовали и применялись на практике выработанные веками сценарии жизни. А разночинцам эти сценарии приходилось изобретать самостоятельно. Каким должен быть этот сценарий – чуть ли не главный вопрос, который тревожит героев Помяловского, а позже – Чернышевского.

Итак, разночинцев, людей не дворянского происхождения, в российских университетах к середине XIX в. становилось все больше. Дипломированным разночинцам, принявшим решение уйти из родного слоя, хотелось примкнуть к дворянам. Покидая ряды духовенства или мещанства, «поповичи» и дети ремесленников становились частью русской интеллигенции. Причем процент разночинцев, вышедших из духовного сословия, был значительно выше остальных, имея семинарское образование, они оказывались более других подготовлены для обучения в университетах. «Духовенство было единственным сословием, которое разделяло с дворянами возможность широкого доступа к образованию, поэтому в России XIX века сложились лишь две интеллигентские субкультуры»[445], – пишет американская исследовательница Л. Манчестер, противопоставляя культуру дворянской интеллигенции и сыновей служителей церкви,

[445] *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 12.

ставших интеллигенцией. Интеллигенты из разночинцев и дворян с середины XIX в. часто работали рука об руку на профессиональном поприще, но, в целом, они относили себя к разным культурным традициям. И дворяне часто давали понять, что «плебеи» им не ровня. Да и сами семинаристы, в большинстве случаев, ощущали свою социальную ущербность, плохо зная французский язык и не умея «вести себя в обществе».

Маркером принадлежности человека к высшему обществу в XIX в. было хорошее французское произношение[446]. Знали французский язык – лучше или хуже – все образованные люди. Но хорошее произношение могло было только у дворян, воспитанных гувернерами. Французский язык стал «ахиллесовой пятой» всех разночинцев. У Л.Н. Толстого в повести «Юность» есть фрагмент, где герой Николай Иртеньев признается, что в период обучения в университете делил всех студентов по французскому выговору на равных и презираемых: «Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. “Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?” с ядовитой усмешкой спрашивал я его мысленно»[447].

«Как мы» – это как дворяне, аристократы. Своих он опознавал (кроме хорошего французского произношения) еще по длинным чистым ногтям и светским манерам: умению кланяться, танцевать и непринужденно разговаривать. Все остальные студенты были для него чужими, он их не только презирал, но и ненавидел. Понимал, что это плохое чувство, но ничего не мог с собой поделать.

В семинариях учили Закону Божию, там не преподавали французского языка, не учили рисованию, музыке, танцам, хорошим манерам. И на фоне дворян семинаристы выглядели угловатыми и грубыми, так что в университетах даже существовал отдельный жанр шуток – шутки над семинаристами. Сами разночинцы чаще всего ощущали свою социальную ущербность болезненно. Первый, кто

---

[446] Подробнее о значении французского языка в Российской империи см.: Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia: A Social, Cultural, Political, and Literary History. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.

[447] *Толстой Л.Н.* Юность // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 2. Отрочество. Юность. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 173.

подверг эту ситуацию осмыслению, был В.Г. Белинский. Ему удалось достичь высокого положения в литературных кругах, но плохое знание иностранных языков, недостаток систематического образования, бедность, отсутствие хороших манер, мучили его, порождая робость и застенчивость в дворянском обществе[448]. Похожие проблемы позже были у Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Помяловский, выпускник «бурсы» (духовного училища и духовной семинарии), очень плохо говорил по-французски, и тоже в обществе был неловок.

В «Мещанском счастье» (повести, опубликованной в февральской «книжке» журнала «Современник» за 1861 г.) Помяловский предпринял попытку художественно осмыслить этот конфликт, он говорил, что написал повесть, в которой хотел «разъяснить отношения плебея к барству»[449]. Его герой, двадцатидвухлетний Егор Иванович Молотов, «развитый пролетарий без всякой примеси сословных элементов и предрассудков»[450], как его называет Писарев, сын бедного мещанина, слесаря, одинокого бобыля (попович Помяловский сделал своего героя выходцем из мещан). По сюжету повести, осиротевшего Молотова на воспитание взял старый холостяк-профессор, устроил его в гимназию, а потом в университет. Профессор объяснил Молотову, что только через науку он, «непородистый мальчик», может стать человеком. Таким образом, Молотов присоединился к небольшой прослойке «мыслящего пролетариата».

После окончания университета Молотов поступает на работу домашним секретарем к помещику Обросимову. И поселяется в его доме. Его хозяева – люди хорошие, обращаются с ним деликатно, даже ласково. Молотов к ним искренне привязывается и охотно выполняет их многочисленные поручения. Любят его и Обросимовы. Идиллия в их отношениях поначалу настолько безусловная, что Молотов порой выбегает в поле покричать от счастья. Но вскоре

---

[448] Подробней см.: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. С. 67–70.

[449] *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. XXVIII.

[450] *Писарев Д.И.* Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864–1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 190.

идиллии приходит конец, когда Молотов нечаянно подслушивает разговор своих хозяев, Обросимовых, о разночинцах и лично о нем:

«– Нет, не то, – сказала жена, – ты согласись, что у них (разночинцев. – *Б.П.*) нет этого дворянского гонору… манер нет…

– Что ж делать, мать моя! порода много значит.

– Они, – я говорю, – образованный народ, – продолжала жена, – но все-таки народ чернорабочий и все как будто подачки ждут…

– Что же? можно сделать ему подарок какой-нибудь. Он стоит того.

– Я думаю, часы ему подарить…

– Это привяжет его… А что ни говори, жена, – эти плебеи, так или иначе пробивающие себе дорогу, вот сколько я ни встречал их, удивительно дельный и умный народ… Семинаристы, мещане, весь этот мелкий люд – всегда способные, ловкие господа.

– Ах, душенька, все голодные люди умные… Ты дворянин, тебе не нужно было правдой и неправдой хлеб добывать; а этот народец из всего должен выжимать копейку. И посмотри, как он ест много. Нам, разумеется, не жаль этого добра; но… постоянный его аппетит обнаруживает в нем плебея, человека, воспитанного в черном теле и не видавшего порядочного блюда… Не худо бы подарить ему, душенька, голландского полотна, а то, представь себе, по будням манишки носит, – ведь неприлично!..»[451].

Этот разговор произвел оглушительное впечатление на Молотова, которому больше всего запомнилась фраза о том, как много он ест. «Негодяи, аристократишки, бары-кулаки!»[452], – ругает он Обросимовых про себя. На следующий день он разглядывает за столом еще вчера родную семью и не может узнать лиц: «У матери совсем не доброе лицо; в глазах папаши так и светится дворянин-кулак; у дочери лицо красивое, но посмотрите, какое надутое. “Это не наши <…> Где же наши, – спрашивал он. – Кому же я-то нужен?”»[453]. Молотов

[451] *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: Современник, 1987. С. 81.
[452] Там же. С. 84.
[453] Там же. С. 86.

понимает, что должен покинуть Обросимовых: «Помещик оскорбил меня, приходилось оставить место»[454], – скажет он позже.

Однако в словах Обросимова и его жены о разночинцах и лично о Молотове – нет оскорблений. Напротив, их разговор полон похвал. Обросимовы высоко оценивают ум Молотова и его способности. Оскорбляет Молотова то, что «баре» не относятся к нему как к равному. И снисходительных замечаний по поводу «плебейского» аппетита и неуместных манишек хватает, чтобы разрушить былую гармонию.

Есть в этом социальном конфликте и другой аспект, на который указал Писарев, заявив, что причина «оскорбления» Молотова не только в барской спеси, а в экономических отношениях. Такой взгляд неизбежен везде, где один человек нанимает или покупает труд другого человека. «Тут нет столкновения личностей, – пишет о конфликте Молотова и Обросимовых Писарев; – тут сталкиваются только две отвлеченные величины – наниматель и наемник»[455]. Это справедливо, но Молотов еще не настолько «развит», чтобы воспринимать ситуацию исключительно с точки зрения экономических отношений.

В повести выведена еще одна линия, связанная с отношениями Молотова и Леночки Ильичовой, дочери небогатой соседки Обросимовых. Леночка по социальному происхождению дворянка, но дворянка без образования. Она влюбляется в Молотова и признается ему в любви, но он ее отталкивает как недостаточно «развитую». У Молотова высшее образование, он готовит себя к «большой жизни», а Леночка не знает, что обозначает слово «эмансипация». И от нее нельзя ожидать ничего, кроме «дюжины толстомордых ребят». Молотов рвет отношения и ведет себя с глупой дворянкой Леночкой так же снисходительно, как Обросимовы вели себя с ним. Наличие высшего образования дает возможность Молотову считать Леночку неровней себе. Он выше. И глупость Леночки он так же высокомерно отмечает, как Обросимовы отмечали его плебейские манишки.

---

[454] *Помяловский Н.Г.* Молотов // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. Н.И. Якушкина. М.: Современник, 1987. С. 169.

[455] *Писарев Д.И.* Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864–1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 197.

В 1861 г. Помяловский принес рукопись «Мещанского счастья» в журнал «Современник», И.И. Панаев ее прочитал и передал Н.А. Некрасову, который приветливо принял молодого писателя и сказал, что повесть ему понравилась[456]. После появления повести на страницах журнала, Помяловский познакомился и постепенно сблизился с редакционным кругом «Современника» (кроме Добролюбова, который в мае 1860 г. отправился на лечение за границу). Познакомился с Чернышевским. По словам друга Помяловского, тоже выпускника духовной семинарии Н.А. Благовещенского, посещение редакции и общение с новыми знакомыми произвели на Помяловского огромное впечатление: «С каким восторгом, бывало, передавал он мне все подробности этих свиданий!»[457].

К работе над повестью «Молотов» Помяловский приступил вскоре после опубликования «Мещанского счастья». Редакция «Современника» торопила его, желая поскорее увидеть продолжение истории Егора Молотова. И вторая повесть Помяловского была напечатана в октябре того же 1861 г. С этих пор, как пишет И.Г. Ямпольский, материальное положение Помяловского становится устойчивым. «Некрасов выплачивал ему деньги вперед, чтобы дать возможность работать над своими произведениями. С марта 1862 года он начал получать из “Современника” по 75 рублей в месяц независимо от того, будет ли что-нибудь писать или нет»[458]. Некрасов тогда возлагал на нового автора большие надежды.

В повести «Молотов» главный герой – уже чиновник тридцати трех лет. У него маленькая, хорошо обставленная квартирка, стабильный доход, пятнадцать тысяч накоплений, и вечерний чай в семьях таких же мелких чиновников, с разговорами о детях, болезнях и службе. Вопрос о непримиримости плебейства и барства теперь Молотова не волнует. Центральной проблемой повести «Молотов» становится не поиск, а осмысление уже зрелыми героями-разночинцами

---

[456] См.: *Ямпольский И.Г.* Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. М.-Л.: Издательство «Советский писатель», 1967. С. 67–69.

[457] *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. XXXIII.

[458] *Ямпольский И.Г.* Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. М.-Л.: Издательство «Советский писатель», 1967. С. 72–73.

своего места в жизни. И важно сказать, что у самого Помяловского нет ответа на вопрос о правильном сценарии жизни. Автор представляет читателю две стратегии «мыслящего пролетария», и повесть несет явный отпечаток колебаний самого Помяловского, у которого к 25–26 годам (возраст создания повестей) еще не было вполне устоявшейся системы взглядов.

Итак, готовящий себя к «большой жизни» Молотов выбрал путь «мещанского счастья». Случайно подслушанный разговор Обросимова с женой имел для Молотова решающее значение в жизни. Молотов вынужденно поставил перед собой вопрос зависимости от барина, и задачей его жизни с тех пор стала борьба за личную независимость, путь которой он видел в материальной обеспеченности. Молотов стремился достигнуть такого положения в жизни, при котором ему не пришлось бы прибегать к милости благодетелей, людей, стоящих выше его в социальной иерархии. И путь Молотова к своему «мещанскому счастью» заслуживает уважения. Не изменив своим принципам, своим представлениям о чести и совести, он накопил капитал, достиг достойного положения. Молотов презирает тунеядцев и белоручек, живущих на наследство, уважает тех, кто добился в жизни всего своей собственной головой и руками. Он не стесняется своего плебейства, а с гордостью рассказывает детям графини, которым дает уроки, что в детстве «рубил капусту на постоялом дворе». Одним словом, Молотов – человек, который сделал себя сам, и как будто уверен в иллюзорности «романтических» идеалов юности и в правильности своих зрелых жизненных установок. «И сегодня, и завтра, и целые годы, – проповедует Молотов своей возлюбленной Наде Дороговой, – надо прожить, и прожить так, чтобы в лицо не наплевали, – значит, надо работать без призвания к работе. “Злато – металл презренный”, – кто это сказал такую чепуху? Деньги, монета – учреждение государственное; за деньги можно хлеба купить, современных идей, потому что они не на улице валяются, а продаются в книгах, можно купить свечу и поставить ее какому-нибудь угоднику. <…> Неужели ты не понимаешь, что значит чувство собственности? Оно может развиться до щекотливости, чтобы быть независимым, никогда не просить, никого не благодарить за кусок хлеба. <…> Мое сребролюбие благородно, потому что я никогда и ничего не крал, ни от кого не получал наследства,

у меня ничего нет подаренного, найденного, заработанного чужими руками. Все, что у меня есть в комнатах, в комодах, на плечах, в кармане, – все добыто моей головой и руками. Ни материально, ни морально я ни от кого не зависим»[459].

Для Помяловского словосочетание «мещанское счастье» еще не имело презрительного оттенка, как и для многих разночинцев 1860 гг. Только позже, с развитием революционного движения в России, слово «мещанство» перестанет быть нейтральным, приобретет негативную окраску. И молотовская установка на материальную независимость до самых последних страниц повести кажется вполне обоснованной. Однако в конце повести Помяловский дает понять, что для Молотова обогащение из средства борьбы бедного разночинца за личную независимость, постепенно превращается в цель жизни.

На последних страницах раскрывается новый облик главного героя. В юности, уйдя от Обросимовых, Молотов пытался заняться «вольным трудом», перепробовал различные профессии, работал на постоялом дворе, был учителем, литератором. Но, к несчастью, понял, что скучный департамент обеспечивает человека лучше. Он устал от бедности, ему захотелось чуть больше денег, чуть больше комфорта и пришлось стать чиновником. Он придумал для себя оправдание, решил, что будет использовать службу, чтобы приносить пользу людям. И правда, поначалу он «вникал в дело, размышлял, волновался и тосковал», пишет Помяловский, а потом остыл, смирился и стал просто добросовестно служить «без всякой мечты о деятельности общественной <…> Не любовь к труду, приносящему деньги, а именно любовь к деньгам руководила мною»[460], – говорит Молотов. Он рассказывает, как прекрасно обустроил квартиру, в которой у него много «серебра, фарфора, мрамору и дорогих бобров», но и как часто ему становится скучно и холодно в ней, среди честным трудом добытого уюта: «Иногда так тяжело становилось, что я готов был схватить и брякнуть об пол вазы, порвать картины, разметать цветы и статуи. Противно было думать, что

[459] *Помяловский Н.Г.* Молотов // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: Современник, 1987. С. 254, 255, 256.
[460] Там же. С. 254.

из-за них я бился всю жизнь…»[461]. Но все же в последнем диалоге повести Молотов устраивает для своей невесты горячую проповедь мещанства: «Неужели запрещено устроить простое, мещанское счастье… <…> – Говорит он. – Надя, миллионы живут с единственным призванием – честно наслаждаться жизнью… Мы простые люди, люди толпы…»[462]. Даже по эмоциональному возбуждению, с которым Молотов отстаивает свою новую философию жизни, понятно, что «мещанское счастье» для него не выход, оно непрочно, и «честное наслаждение жизнью» только откладывает до поры необходимость ответа на вопрос о его собственном предназначении.

Однако не только с помощью образа Молотова происходит художественное осмысление Помяловским формирования разночинного самосознания. В повести «Молотов» есть еще один важный персонаж, друг и однокурсник главного героя – Михаил Михайлович Череванин. Он тоже разночинец, «мыслящий пролетарий», по происхождению – из поповских детей. «Он был человек странный, оригинал, талантливый человек, добрая душа и по временам сильно поклонялся Дионису»[463], – так пишет о нем Помяловский. Череванин изображен хорошим художником, но без коммерческой жилки, то есть обреченным на бедность и пьянство. «Сидишь-сидишь, и такая тоска заберет, что и сам не заметишь, как очутишься в портерной или трактирном заведении»[464], – говорит он Молотову.

Тоскующий и неудовлетворенный жизнью Череванин предстает перед нами как натура более глубокая, чем Молотов. В отличие от своего друга, он не придумывает благородных оправданий своим поступкам и ставит перед собой «проклятые вопросы», от которых Молотов пытается отгородиться иллюзией мещанского счастья. Но отвечает на них Череванин в крайне пессимистическом ключе, «мещанскому счастью» он противопоставляет свою философию «кладбищенства».

Интересно, что в начале 1912 г. М. Горький в письме Д.Н. Овсянико-Куликовскому рекомендовал посвятить Череванину отдельный очерк в его

[461] Там же. С. 257.
[462] Там же. С. 258.
[463] Там же. С. 150.
[464] Там же. С. 157.

«Истории русской интеллигенции»: «Не сочтите, пожалуйста, нижесказанное дерзостью с моей стороны, – писал Горький, – и позвольте напомнить Вам писателей, которых – как мне казалось бы – невозможно оставить в стороне, говоря о духовных недугах русской интеллигенции. Уж если Вы думаете дополнить Вашу поучительную и важную книгу характеристиками Писемского и Гаршина – не следует ли также внести в нее характеристики Слепцова, Помяловского и Осиповича? Последний, мне кажется, очень много сказал своим "Эпизодом из жизни ни павы, ни вороны", у Помяловского любопытен Череванин, а у Слепцова – Рязанов»[465]. Горький, как видно, считал Череванина более интересным типажом, характеризующим развитие русской интеллигенции, нежели Молотова. Может быть, потому что Череванин, в отличие от Молотова, бунтует. Он отказывается идти по пути примирения с окружающей действительностью. И его бунт проявляется в презрении к жизни, безразличию к своей судьбе, высмеивании «великодушных» идеалов, в крайнем скептицизме и пессимизме: «– Но, право, не понимаю, чем ты страдаешь. Неужели можно совсем потерять вкус к жизни? Это невероятно (спрашивает его Молотов. – *Б.П.*).

– А потерял же!.. Во мне не только положительного, во мне и отрицательного ничего нет, – полное безразличие и пустота! У меня так голова устроена, что я во всяком слове открываю бессодержательность, во всяком явлении – какую-нибудь гадость. Торичеллиева пустота и сожженная совесть!.. Прежде, бывало, ломался и кричал: труд, отечество, любовь, свобода, счастье, слава и много иных прекрасных слов; но и тогда уже чувствовал, что лгал, а теперь ничего не хочу, кроме сна, забвения, обморока… <…> Все мне представляется ничтожным до невероятности, потому что "все на свете скоропреходяще и тленно!". Мне только это вдолбили смолоду. Я постоянно слышал об антихристе, кончине мира, о тленности благ земных… Мы жили подле кладбища, я еженедельно видел покойников и тогда уже детскими пытливыми глазами всматривался в

[465] *Горький М.* 591. Д.Н. Овсянико-Куликовскому. Конец февраля [начало марта] 1912, Капри // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 228.

мертвецов. Постоянно я без нужды смирялся, усиленно откапывая в себе всевозможные пороки и гадости, воображал себя червем, прахом, ничтожеством, человеком, недостойным счастья; я презирал себя в детстве! Потом я и очнулся, протянул руки к жизни, но уже поздно было! Взгляд мой был направлен к тому, чтобы видеть одно только зло в себе и людях. Гадко и мрачно! <…> Себя я не люблю, не уважаю, вас тоже…»[466]. Эволюция взглядов и настроений Череванина из этого монолога не совсем понятна, но простое объяснение происхождения «кладбищенского» скептицизма религиозным воспитанием, кажется недостаточным. Детское «презрение себя» как недостойного счастья греховного человека, воспитанное мрачным христианством (вероятно, отец Череванина был священником кладбищенской церкви) сменилось все же в юности стремлением к «труду, отечеству, любви, свободе, счастью, славе». И только потом, после какого-то разочарования, после столкновения с действительностью эти «стремления» показались иллюзорными, а «прекрасные слова» про счастье и свободу – ложью. И с детским «кладбищенством» вернулась нелюбовь к себе и окружающим, пессимизм, безразличие к добру и злу, пьянство. Поэтому, безусловно, «кладбищенство» как неверие в свои силы и неверие в то, что что-то можно изменить, связано не только с «дурным» воспитанием, но и с состоянием российского общества середины XIX в., в котором образованный попович не может найти себе достойного применения и не видит перспектив.

По свидетельству Благовещенского, Помяловский «в лице Череванина во многом выразил свой собственный образ мыслей того времени и даже свою манеру выражений»[467]. Некоторые черты Помяловского мы можем увидеть и в образе Молотова, но все же ближе автору был Череванин. Помяловский родился на окраине Санкт-Петербурга в семье дьякона кладбищенской церкви и 14 лет провел в «бурсе», Александро-Невском духовном училище и семинарии, где он, вполне

[466] *Помяловский Н.Г.* Молотов // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: Современник, 1987. С. 153, 154.
[467] *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. XXXIV.

вероятно, подобно своему герою, «без нужды смирялся, усиленно откапывая в себе всевозможные пороки и гадости», и где он, как многие поповичи своего времени, столкнувшись с грубой и жестокой средой духовного образования, терял веру в Бога[468]. Поповичи-разночинцы, то есть образованные выходцы из сословия священнослужителей середины XIX в., часто всю жизнь ощущали последствия такого жестокого воспитания. Талантливые писатели-разночинцы, сотрудники «Современника», пришедшие в журнал в 1860 гг., много пили, мало успели написать и рано умерли. Сам Помяловский умер в 28 лет, его друг Ф.М. Решетников – в 29 лет, А.И. Левитов – в 41 год. Писатель Николай Васильевич Успенский прожил дольше, до 52 лет, но покончил с собой, а «долгожитель» Глеб Иванович Успенский в конце жизни сошел с ума и умер в 58 лет[469].

---

[468] В «Очерках бурсы» Помяловский много пишет о семинарском христианстве: «Религия, хотя и не проповедуется она в бурсе, как у поклонника Магомета, огнем и мечом, но проповедуется розгой, голодом, дерганьем из головы волос, забиением и заушением. Например, Лобов (учитель. – *Б.П.*) велит *вознести* ученика на *воздусях*, положить под самый нос его “Закон божий”, и в то же время кричит дико: “Учи, сейчас же и учи урок!”. Мы думаем, что бурсацкое начальство, поступая так, постепенно и незаметно, однако самым радикальным путем, направляет миросозерцание своих учеников к полному атеизму». Среди прочих типов семинаристов Помяловский выделяет «бурсаков материалистической натуры»: «Когда для них наступает время брожения идей, возникают в душе столбовые вопросы, требующие категорических ответов, начинается ломка убеждений, эти люди, силою своей диалектики, при помощи наблюдений над жизнью и природой, рвут сеть противоречий и сомнений, охватывающих их душу, начинают читать писателей, например вроде Фейербаха, запрещенная книга которого в переводе на русский язык даже и посвящена бурсакам, после того они делаются глубокими атеистами и сознательно, добровольно, честно оставляют духовное звание, считая делом непорядочным – проповедовать то, чего сами не понимают, и за это кормиться на счет прихожан. Это также народ хороший. Вначале этим бурсакам жаль вечности, которую им, в качестве материалистов, приходится отрицать, но потом они находят в себе силы помириться с своим отрицанием, успокоиваются духом, и тогда для бурсака-атеиста нет в развитии его попятного шага. (См.: *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: Современник, 1987. С. 414, 415). К этой категории выпускников семинарии относились и Чернышевский, и Добролюбов, и Благовещенский, и, отчасти, сам Помяловский. «Искушение нигилизма», приводящее семинаристов к потере религиозной веры уже в 1880 гг., подробно описано еще одним сыном священника кладбищенской церкви и выпускником духовной семинарии С.Н. Булкаковым в автобиографическом очерке «Мое безбожие». См.: *Булгаков С.Н.* Мое безбожие // С.Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Том 1. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2003. С. 77–84.

[469] М. Горький в работе «Беседы о ремесле» называл писателей-разночинцев «мучениками»: «Литераторы –“разночинцы” – тоже “отщепенцы” и “блудные дети”, их история – “мартиролог”, то есть перечень мучеников. Помяловского за время его учения в семинарии секли розгами около четырехсот раз. Левитов был выпорот в присутствии всего класса; он рассказывал Каронину, что у него “выпороли душу из тела” и что живет он “как будто чужой сморщенной

«Мучительные переживания Череванина – болезнь роста разночинской идеологии»[470], – писал главный советский исследователь Помяловского И.Г. Ямпольский. Но ведь никакой идеологии ни у Череванина, ни у Молотова пока нет. В повести «Молотов» Помяловский показывает, что современная ему общественная жизнь предполагает для «мыслящего пролетария», желавшего в юности служить общественным интересам, два жизненных сценария: сценарий примирения с действительностью и отрицания действительности, которые можно условно назвать «мещанским счастьем» и «кладбищенством». Однако признавая необходимость и законность личного счастья, Помяловский показывает неудовлетворенность героев, выбирающих оба сценария.

Говорить об общественном идеале, выраженном в повестях «Мещанское счастье» и «Молотов» также некорректно, как и говорить об «разночинской идеологии» Молотова и Череванина. Но если искать социально-политический смысл произведений Помяловского, то в неудовлетворенности автора своими героями и в неудовлетворенности героями самими собой – и будет их главный политический смысл.

В 1861 г. шестидесятилетняя мемуаристка А.П. Керн прочитала только что вышедшую в свет повесть Помяловского «Молотов», назвала ее «прелестной» и похвалила за «бездну наблюдательности». Но добавила: «Фамилия подписавшегося Помяловский и – вообразите – семинарист!..»[471]. Для автора воспоминаний о золотом веке русской литературы и поэтах пушкинской поры, семинаристы в литературе были чем-то экзотическим. После «Молотова» имя Помяловского

душой". Кущевский написал рассказ об одном литераторе, которого отец отпускал в столицу "на оброк" – так же, как помещики отпускали крепостных, и, если сын не присылал ему денег, он требовал его в деревню и там сек. Сам Кущевский работал грузчиком на Неве, упал в воду, простудился, написал свой роман "Николай Негорев, или Благополучный россиянин" в больнице, ночами, покупая огарки свечек на больничный паек, затем он спился и умер, не дожив до тридцати лет. Решетников, четырнадцати лет попав под суд, два года сидел в тюрьме, потом был сослан на три месяца в Соликамский монастырь; он умер двадцати девяти лет. Редкий из литераторов-разночинцев доживал до сорока лет, и почти все испытали голодную, трущобную, кабацкую жизнь. Читателей у них было очень мало, и читатель, в огромном большинстве, был "чужой" человек» (*Горький М.* Беседы о ремесле // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 355–356).

[470] *Ямпольский И.Г.* Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. М.-Л.: Издательство «Советский писатель», 1967. С. 108.

[471] *Керн А.П.* Рассказ о событиях в Петербурге // Минувшие годы, 1908. № 10. С. 69.

стало известным в литературных кругах. С большой похвалой о Помяловском отозвался А.Ф. Писемский[472]. И.С. Тургенев в письме И.П. Борисову писал: «В “Современнике” я, однако, прочел повесть, в которой попадаются проблески несомненного дарования – “Молотов” Помяловского»[473].

Что касается рецензий на повести Помяловского, то наиболее обстоятельными отзывами на «Мещанское счастье» были статья постоянного критика журнала Ф.М. Достоевского «Время» П.А. Бибикова «По поводу одной современной повести» 1861 г. и статья Д.И. Писарева «Роман кисейной девушки», опубликованная в журнале «Русское слово» в 1865 г. Бибиков включил Молотова в ряд тургеневских «лишних людей». По его мнению, Молотов вслед за Рудиным и безымянным героем повести «Ася», спасовал перед любовью, обнаружив тем самым неспособность к жизненной борьбе и гражданской жизни[474]. Бибиков, по сути, повторил основную идею посвященной тургеневской повести «Ася» статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»[475] и ошибся в отношении Молотова, что доказала следующая повесть Помяловского. Бибиков ничего не сказал об «отношении плебея к барству», то есть о конфликте, который считал главным сам Помяловский, и сконцентрировал свое внимание на любовной линии повести. То же произошло и со статьей Писарева. В конце первой публикации статьи, которая еще носила название «Мыслящий пролетариат», Писарев в непринужденной форме осведомил читателей об изменении своих намерений в ходе изложения материала: «Я хотел разобрать обе главные повести Помяловского, но увлекся романом кисейной девушки[476] и так заговорился об этом

---

[472] См.: *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., Художественная литература, 1965. С. 207.

[473] *Тургенев И.С.* 1261. И.П. Борисову. 11 (23) декабря 1861. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. Письма. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 390.

[474] См.: *Бибиков П.А.* По поводу одной современной повести // Время, 1862. Т. VII. № 1. Отд. II. С. 31–57.

[475] См.: *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Статьи 1858–1859 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 156–174.

[476] Статья Писарева «Роман кисейной девушки» имела большое значение в развитии вопроса о положении женщины. Если Помяловский сделал из девушки в «белом кисейном платье», «глупенькой и прелестной» Леночки Илличовой художественный тип, то благодаря статье Писарева она превратилась в общественный тип – символ отсталости от своего времени и

эпизоде, что вторую повесть – “Молотова” – надо будет отложить до другого раза»[477]. Писарев написал позже статью, посвященную «Очеркам бурсы» Помяловского, но к «Молотову» не вернулся.

Если говорить о журнальной полемике по поводу произведений Помяловского, которая в большей степени имела социально-политическое звучание, то она касалась повести «Молотов» и развернулась уже 1863–1864 гг., после того как в журнале «Санкт-Петербургские ведомости» была напечатана статья П.В. Анненкова под названием «Современная беллетристика», включавшая развернутый очерк о Помяловском. Важно сказать, что Анненков причислял себя к либералам-западникам, а авторы работ по истории русской литературы считают его наиболее ярким представителем «эстетической критики» (вместе с В.П. Боткиным и А.В. Дружининым).

В своей статье Анненков сразу заявил, что повесть «Молотов», к несчастью, была замечена читателями и имела успех «у публики» «благодаря своим слабым сторонам», а именно, «образам двух главных героев»: Молотова и Череванина. «За разговорами их никому не пришло в голову посмотреть, есть ли у них живые физиономии <…>, – писал Анненков. – В этом именно мы и упрекаем типы Помяловского. Они не имеют рельефа, выпуклости и лишены свойств, по которым узнаются живые организмы, <…> Молотов и его скептический друг Череванин не наделены жизнию и остаются неподвижно фигурами, что бы с ними ни делал живописец. <…> можно сказать только, что как степенный Молотов, так и беспутный гений выросли у самого автора не из поэтического или художнического созерцания жизни, а из головы: это олицетворенные понятия. <…> От Череванина веет комедиантом. Что касается до Молотова, то картина его одинокой и трудовой жизни, представленная им своей невесте, Наде, перед свадьбой, до такой степени образует смесь истинного чувства и фальшивых нот,

---

поучительный пример. Подробней см.: *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 98–105.

[477] *Сорокина Ю.С.* Примечания / Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864–1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 529.

что происхождение этого типа от понятия становится несомненным»[478]. Анненков оговаривается, что пресловутые головные «понятия» могут быть положены в основание «замечательных произведений изящной литературы», но только если они «родились из непосредственного созерцания общества, из проникновения, так сказать, в глубь его психического настроения». Анненков не поверил, что Помяловский встречал в жизни типы, подобные Молотову и Череванину, он назвал их «предположениями», которые «прямо не вытекают из жизни»[479].

В качестве примера удачных литературных типов, которые изначально возникли из «понятий», но стали «живыми» благодаря проникновению автора «вглубь психологического настроения общества», Анненков приводит пушкинского Онегина и тургеневского Базарова. Это утверждение (особенно по поводу Базарова) сейчас кажется не вполне верным. Можно спорить о том, кто более «художественен» в литературном исполнении: Череванин или Базаров. «Художественность» или «поэтичность» персонажа сложно верифицировать. Однако убеждение, что активный Молотов или скептик Череванин выдуманы, и такие типы не выросли из «созерцания жизни» – ошибка, демонстрирующая недостаточно хорошее знание Анненковым условий жизни и мнений писателей-разночинцев 1860 гг. Подтверждением «жизненности» персонажей Помяловского может служить его собственное поведение и высказывания. Благовещенский пишет, что Помяловский «среди знакомых только и толковал о разных “приятностях” бурсачества; в светских обществах с каким-то болезненным раздражением рассказывал сцены одна другой циничнее и отвратительнее. “Вот вы узнаете, какая жизнь создала нашего брата, – цитирует Благовещенский Помяловского, – я покажу вам, что значит бурсак, я заставлю вас призадуматься над этой жизнью…” Вследствие этой и других причин Помяловский сильно изменился, стал желчен, придирчив, возненавидел окончательно всякую официальность и отсутствие искренности, готов был на всякий скандал,

[478] *Анненков П.В.* Современная беллетристика // Санкт-Петербургские ведомости, 1863. № 5. С. 37.
[479] Там же. С. 38.

чтобы только досадить ненавистному для него барству. “Надоело мне это подчищенное человечество, – говорил он с желчью, – я хочу узнать жизнь во всех ее видах, хочу видеть наши общественные язвы, наш забитый, изможденный нуждой люд, на который никто и смотреть не хочет”»[480]. В этих словах мы слышим и молотовский вызов «барству» и череванинское «кладбищенство», разочарование в жизни. Все это – элементы психологии разночинцев, воля к деятельности которых определялась, прежде всего, отрицанием. Так что, например, «нигилизм» поповича Череванина кажется более «жизненным» и мотивированным, нежели «нигилизм» Базарова, который был близок к разночинцам по мировоззрению, но все-тки являлся дворянином во втором поколении. Воспитание в дворянской семье, хоть и небогатой, не идет ни в какое сравнение с воспитанием семинаристов в «бурсе».

В 1864 г. большую статью о Помяловском (уже после его смерти) в журнале «Современник» опубликовал А.Н. Пыпин, который, полемизируя с Анненковым, выступил защитником творчества писателя от эстетической критики: «Хотя Помяловский и стал в своих произведениях проповедовать известную тенденцию, однако от этого нисколько не пострадала его художественность, – заявил Пыпин. – Потому что художественная деятельность вовсе не исключает в писателе того или другого социального взгляда, <…> художественная деятельность не страдает от того, что художник постарается понять критически окружающую его жизнь, что ему, чтобы быть художником, вовсе не нужно быть бесстрастным евнухом, каким желает видеть его наша ходячая эстетическая критика, ищущая искусства для искусства…»[481] В своей статье Пыпин признал оригинальность и новизну Молотова и Череванина как литературных типов: «Помяловский не вставляет в свой рассказ морально-социальных трактатов, <…> но по тем картинам жизни, которые он

[480] См.: *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. XXXIX.
[481] *Пыпин А.Н.* Сочинения Помяловского // Современник, 1864. № XI–XII. С. 67.

рисует, по тем личностям, какие вызывает его фантазия, нельзя не видеть, что поэтическая литература сделала шаг после “лишних людей”»[482].

Интересно, что Пыпин не сравнивает Череванина с Базаровым, как это делал Анненков. Ему интересен более широкий, социальный (даже – сословный) контекст русской литературы, в которой вдруг появились авторы-разночинцы, люди с совершенно другим опытом, нежели прежние писатели-дворяне. Пыпин, полемизируя с Анненковым, напротив, признает большую «жизненность» Череванина по сравнению со всеми «лишними людьми» дворянской литературы. «Скептицизм и озлобление Череванина выходят из другой точки отправления, – отмечает Пыпин. – Прежде всего, это не напущенное разочарование, которое заявляет о себе прежде, чем успело пройти действительную борьбу с жизнью и дало ей известную жертву, так это случалось иногда с прежними героями»[483]. В Череванине «чувствуется совершенно другая сила: его скептицизм и озлобление внушены собственной жизнью, собственные вопросы не дали покоя его мысли и наконец, путем несбывшихся надежд и подавленных действительностью стремлений, привели его к безотрадному выводу»[484]. Пыпин иначе подходит и к Молотову, – как к «лицу довольно новому в наших романах». Отсутствие попыток всякой идеализации этого героя, реалистическое изображение Молотова, кажется Пыпину заслугой Помяловского.

Критик Анненков написал, что Череванин не «наделен жизнью» и от него «веет комедиантом», а критик Пыпин заявил, что, глядя на энергию, с которой выражается скептицизм Череванина, очевидно, «что и для него самого это не конец дела; это только временная усталость»[485]. То есть, первый критик утверждал, что таких людей, как Череванин, в русском обществе нет, а второй – был уверен, что есть, и даже намекал, что люди такого типа, возможно, сумеют в будущем как-то повлиять на это общество своими словами и делами. Почему Анненков и Пыпин так разошлись во мнениях? Конечно, первый принадлежал к

[482] Там же. С. 68.
[483] Там же. С. 79.
[484] Там же. С. 80.
[485] Там же. С. 82.

школе «эстетической критики», второй – нет, но в то же время, тот и другой считали себя либералами, то есть, расходясь в литературных оценках, они должны были как-то похожим образом смотреть на общество. Вероятно, ответить на этот вопрос мы можем, посмотрев на сословное происхождение критиков. Анненков был дворянином и помещиком. Что же касается Пыпина, его отец происходил из мелкопоместных дворян, а мать – из духовного сословия. Кроме того, Пыпин приходился двоюродным братом Чернышевскому, с которым они долгое время жили в одном доме в Саратове. Пыпин не разделял радикальных настроений Чернышевского, но хорошо знал быт и психологию разночинцев, в частности, образованных детей священнослужителей.

Подводя итоги, нужно сказать, что после публикации повести «Молотов» на Помяловского смотрели как на будущего вождя литературной школы, но он умер, не достигнув тридцати лет. Система взглядов самого Помяловского к тому моменту еще не вполне устоялась. Он изобразил героя, как писал в «Лекциях по русской литературе» П.А. Кропоткин, «вышедшего из бедных слоев, который наполнен ненавистью против высших классов и против всех форм социальной жизни, существующих лишь для удобств этих классов, но в то же самое время не обладает достаточной верой в свои силы – той верой, которую дает истинное знание и которой всегда обладает всякая истинная сила. Вследствие этого его герой кончает или филистерской семейной идиллией, или, если она не удавалась, пропагандой безрассудной жестокости и презрения ко всему человечеству, как единственно возможного оправдания личного счастья»[486]. Но если «филистерская» стратегия «мещанского счастья» для разночинцев – неправильная, противоположная стратегия «кладбищенства» – тоже неправильная, то какая правильная? И что такое «истинное знание», которого, по Кропоткину, нет у него героев? На эти вопросы у Помяловского нет ответов, но постановка их – оказалась очень важна для разночинцев и имела серьезное общественное значение.

[486] *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 254.

Безусловно литературный «вес» повестей Помяловского куда меньше произведений Тургенева или Гончарова. Гораздо меньшим было и их воздействие на читающую публику. Но Помяловский оказал очень существенное влияние на многих писателей, пришедших вслед за ним. В 1913 г. по случаю пятидесятилетия со дня смерти Помяловского в России вышло несколько больших статей видных тогдашних критиков. Лейтмотивом «юбилейных» статей было признание значения Помяловского как основоположника новой реалистической и «демократической» литературы[487].

Интересно, что в конце 1890 – начале 1900 гг. имя Помяловского стало часто упоминаться в связи с ростом популярности творчества М. Горького[488]. По словам Горького, Помяловский повлиял на него сильнее других писателей: «Он первый решительно встал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость “изучать всех участников жизни” – нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих. <…> Я думаю, что именно под влиянием этих трех писателей (кроме Помяловского Горький называет Г.И. Успенского и Н.С. Лескова. – *Б.П.*) решено было мною самому пойти посмотреть, как живет “народ”»[489].

Именно статус основоположника «демократической» литературы, автора, впервые сделавшего разночинцев главными героями своего повествования, дает нам возможность включить Помяловского в перечень более именитых писателей, оказавших влияние на формирование самосознания разночинцев.

Таким образом, политико-текстологический анализ повестей Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов», содержащих художественное осмысление формирования разночинного самосознания начала 1860 гг.

---

[487] См.: *Геккер Н.* Памяти Помяловского Н.Г. // Северные записки, 1913. № 10. С. 182–184; *Горнфельд А*. Памяти Помяловского // Русское богатство, 1913. № 10; *Голиков В.Г.* Мещанство или кладбищенство. (Памяти Н.Г. Помяловского) // Вестник знания, 1913, № 11; *Колтоновская Е*. Мученик бурсы Н.Г. Помяловский // Вестник Европы», 1913. № 11. С. 302–315 и др.

[488] Разбор литературный параллелей между Помяловским и Горьким см.: *Вальбе Б.С.* Помяловский. М.: Журн.-газ. объединение, 1936.

[489] *Горький М.* Беседы о ремесле // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 348.

показывает, что герои повестей Помяловского, Егор Молотов и Михаил Череванин, олицетворяют две стратегии поведения представителей нового «сословия», «мыслящих пролетариев», в поисках своего места в жизни. Молотов идет по пути встраивания в существующую структуру общества и, в результате, приходит к созданию непрочной буржуазной «идиллии»; Череванин, представляющий второй тип разночинного миросозерцания, отказывается встраиваться, становится крайним пессимистом и выбирает путь самоуничтожения. Поиски своего предназначения для обоих героев заканчиваются неудачей, Молотов и Череванин не обладают достаточной верой в свои силы, а главное, не обладают четким пониманием, что делать.

Но художественное осмысление таких поисков, предпринятое Помяловским, имело больше социально-политическое значение. Не имея еще возможности сформулировать в своих повестях общественный идеал, он начал дело, законченное другим известным писателем-разночинцем Н.Г. Чернышевским. И заслуга последнего будет состоять в том, что разрозненные части не оформившегося еще самосознания разночинцев он объединит в целостную доктрину, представленную в романе «Что делать?». Представители молодого поколения, вдохновленные Чернышевским, будут оказывать влияние на общественно-политические процессы в стране на протяжении нескольких последующих десятилетий.

В 1928 г. был опубликован список книг, которыми пользовался Чернышевский во время написания романа «Что делать?» в Петропавловской крепости. Среди них были вырванные из журналов страницы повести «Мещанское счастье» и «Молотов». В предисловии к роману сам Чернышевский называл себя «литературным продолжателем» Помяловского. И комментаторы Чернышевского находят в романе «Что делать?» похожие сюжетные ходы, что позволят говорить об известном влиянии повестей Помяловского на роман Чернышевского[490]. Но не это представляется нам главным. Главное то, что Чернышевский будто продолжил художественное осмысление формирования разночинного

[490] См.: *Бродский Н.Л., Сидоров Н.П.* Комментарий к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» М.: Кооперативное издательство «Мир», 1933. С. 28, 98.

самосознания там, где остановился Помяловский. Если героям Помяловского свойственны какие-то неясные, еще не оформленные стремления, если причина их неудовлетворенности ими еще не понята, то у героев Чернышевского уже есть ясные идеалы, им понятны причины общественных зол, у них есть программа преобразований и конкретный общественный идеал. Главный социально-политический смысл повестей Помяловского был в том, что он начал говорить о проблемах разночинцев, поставил вопрос, как разночинцам жить и «что делать»? Главный социально-политический смысл романа Чернышевского был в том, что он предложил свои ответы на эти вопросы.

Но в промежутке между публикацией повести «Молотов» (1861) и романа «Что делать?» (1863) было опубликовано еще одно произведение, повлиявшее на формирование разночинного самосознания – роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Этому роману было суждено произвести колоссальное влияние на российское общество, а вокруг образа главного героя, Базарова, сразу возник неутихающий спор о том, положительный это персонаж или отрицательный, «пример для подражания» или «карикатура на все молодое поколение»? Тот факт, что создателем Базарова был дворянин и помещик, да и сам Базаров только вел жизнь разночинца, но по происхождению был дворянином во втором поколении, многим современникам не давал поставить героя Тургенева в один ряд с героями Помяловского и Чернышевского. Через много лет после публикации романа «Отцы и дети», большой поклонник творчества Помяловского М. Горький в работе «Беседы о ремесле» (1930-1931) писал: «Череванин, “нигилист”, рожденный в один год с Базаровым Тургенева, но гораздо более “совершенный” нигилист, чем Базаров»[491]. Возможно, он считал Череванина более радикальным «отрицателем». А может быть, Горький, происходивший из мещанской среды, чувствовал в Череванине больше жизненной правды, чем в Базарове.

[491] *Горький М.* Беседы о ремесле // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 346.

§ 2. Элементы общественного идеала в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862)[492]

Обсуждение социально-политических идей романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» началось еще до его опубликования. К концу 1850 гг. у Тургенева сложилась репутация художника, особенно внимательно относящегося к важнейшим общественным вопросам современности. Н.А. Добролюбов писал об этой его особенности: «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество»[493]. Поэтому разговоры о готовящемся романе, который будет иметь повышенную социальную значимость, звучали еще за полгода до выхода «Отцов и детей».

Долгожданный роман был напечатан в «Русском вестнике» в марте 1862 г., и сразу стал объектом общественной борьбы. О художественной ценности «Отцов и детей» разговоров было немного, но вот вокруг типа нигилиста, воплощенного в образе Базарова, сразу началась ожесточенная журнальная схватка. «Хвалители и хулители» романа оказались и среди консерваторов, и среди радикалов. В то время как одни обвиняли Тургенева в оскорблении молодого поколения, другие упрекали в «низкопоклонстве» перед этим поколением. «Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях, – писал Тургенев о первых откликах на свой роман; – я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от

[492] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и формирование разночинного сословного сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2022. № 67. С. 173–190.

[493] *Добролюбов Н.А.* Когда же придет настоящий день? // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Статьи и рецензии 1860. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 99.

врагов»[494]. Тургеневу удалось наделить своего героя Базарова столь разнообразным набором качеств, что каждый читатель увидел его таким, каким желал увидеть, и решил, что именно таким его задумывал автор.

Однако интересно, что «линия фронта» в спорах вокруг романа пролегла не только между представителями «старшего поколения» (консерваторами и либералами) и молодыми радикалами, как было бы логично представить. Роман спровоцировал, так называемый «раскол в нигилистах». То есть одна группа радикальной интеллигенции признала Базарова «карикатурой на все молодое поколение», а другая – «символом всего молодого поклонения». Одни сочли роман очень вредным для общества, другие – полезным.

Но ведь это странно, если учесть, что обе группы радикалов с идейной точки зрения мало друг от друга отличались. Если мы всерьез захотим понять, в чем состояло в начале 1860 гг. различие идейных платформ М.А. Антоновича из журнала «Современник» и Д.И. Писарева из журнала «Русское слово», которые вступили в спор, это будет сделать не так уж просто. Тот и другой считали себя материалистами, позитивистами, разумными эгоистами, утилитаристами, сторонниками коллективных форм труда, общинного землевладения и освобождения женщин (то есть того набора идей, который в XIX в. называли «социализмом», «коммунизмом», «нигилизмом»).

Автор «Истории русской общественной мысли» Р.В. Иванов-Разумник, изучавший эту полемику, писал: «Между собой эти журналы, особенно начиная с 1864 г. находились в жестокой борьбе, ибо первый из них, “Современник”, был представителем революционно-социалистической мысли, а второй, идеологом которого был гремевший тогда Писарев, являлся проводником радикальных и индивидуалистических тенденций»[495]. Понимать это можно таким образом, что в 1864–1865 гг. Писарев несколько «ушел вправо» от «Современника» и революционному сценарию переустройства жизни в России противопоставлял

[494] *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 87.
[495] *Иванов-Разумник Р.В.* М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть первая: 1826–1886. М.: Издательство «Федерация», 1930. С. 278.

мирную «культурническую деятельность», то есть умение действовать на благо народа, не приходя в резкое столкновение с действительностью[496]. И свои надежды на преобразование Писарев возлагал на интеллигенцию, «мыслящих реалистов», тогда как Антонович, формально продолжавший традиции Чернышевского и Добролюбова, мечтал об изменении всех сфер государственной жизни через радикальные «демократические преобразования». Возможно, это было действительно так, но специфика полемики в подцензурных изданиях состояла в том, что политическое значение спора всегда уходило на задний план, а центр тяжести перемещался на второстепенные вопросы: фигуру Базарова, трактовку учения Д.С. Милля или подробности женской эмансипации в контексте романа Чернышевского «Что делать?». Одним словом, полемика журналов шла не по тому направлению, которое могло бы прояснить политические взгляды авторов, а по побочному, только путая читателей[497].

Несмотря на это, мы, действительно, можем говорить, что позиции журналов к 1864–1865 гг., в частности, критиков Писарева и Антоновича, разошлись. И спор о фигуре Базарова мог скрывать под собой более существенный вопрос о двух тактиках общественной борьбы. Но ведь начался этот спор раньше, в 1862 г., когда позиции Писарева еще нельзя было назвать определенными, а Антонович только дебютировал в «Современнике».

Есть еще одно объяснение «раскола в нигилистах» – конкуренция. Потеряв Добролюбова и Чернышевского, журнал «Современник» был вынужден конкурировать с набирающим популярность «Русским словом» за аудиторию. Не имея возможности удержаться на былом теоретическом уровне, авторы «Современника» стали «производить различие». Восторженное приветствие образа Базарова

---

[496] См.: *Кирпотин В.Я.* Радикальный разночинец Д.И. Писарев. Л.: «Прибой», 1929. С. 216–237.

[497] Так Н.С. Лесков в одной из глав роман «Некуда» (1864) поместил ироничный диалог, в котором безымянные персонажи пытаются выяснить суть разногласий двух «солидарных журналов»: «Так из-за чего ж между ними полемика?.. Ведь они одного направления держатся?..» – спрашивает один. «Как же это вы не понимаете? – отвечает другой. – Одни в принципе только социальны, а проводят идеи коммунистические; а те в принципе коммунисты, но проводят начала чистого социализма» (*Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. С. 670–671).

со стороны Писарева провоцирует «Современник» поддержать другую интерпретацию, предложенную Антоновичем. И после этого – для редакции «Русского слова» задачей стало постоянное изобличение «Современника». Однако такая точка зрения представляется еще менее вероятной, хотя бы, потому что статьи «Базаров» и «Асмодей нашего времени» написаны почти одновременно.

Тогда все-таки почему идейно близкие радикальные публицисты, Писарев и Антонович, в своей трактовке образа Базарова заняли противоположные позиции, первый утверждал, что Базаров – «идеал», второй – «карикатура»? Этому способствовал ряд обстоятельств. К середине XIX в. сословный состав образованного русского общества стал меняться. Людей не дворянского происхождения в университетах становилось все больше. Чаще всего это были семинаристы, дети священнослужителей, которых стали охотно принимать в высшие учебные заведения, потому что стране требовались образованные кадры: чиновники, врачи, учителя. Дворян не хватало, и постепенно эти сферы все больше наполнялись дипломированными разночинцами. Дворяне, надо сказать, тогда еще свысока относились к медицине и педагогике, быть «лекарем» или учителем считалось не дворянским делом. И они легко отдавали эти профессии на откуп разночинцам. Но неожиданно, к середине XIX в., яркие разночинцы стали появляться в сферах, которые раньше считались исключительной монополией дворянства, например, в литературе и журналистике. Иллюстрацией конфликта «разночинцев во дворянстве» может служить история журнала «Современник».

С середины 1850 гг. в либеральный журнал «Современник» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева стали привлекаться новые писательские силы из разночинцев. До этого ядро редакции составляли дворяне: И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, Д.В. Григорович, П.В. Анненков. Все они были помещиками, либералами. А тут, в 1854 г., в журнал пришел работать первый разночинец – Н.Г. Чернышевский, молодой человек 27 лет, сын священника из Саратова, который плохо говорил по-французски и не владел светскими манерами, но закончил университет и уже успел опубликовать ряд статей в «Отечественных записках» А.А. Краевского.

Дворяне отнеслись к нему поначалу благосклонно. Но Чернышевский довольно скоро начал высказывать свои идеи и навязывать их редакции. Оказалось, что он сочинил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой изложил манифест новой «материалистической эстетики», заявив, что «истинное» искусство должно иметь общественное значение: должно воспроизводить действительность, объяснять ее и выносить действительности «приговор». И начал писать с этих позиций статьи о литературе. Несмотря на то, что отдел критики до прихода в «Современник» Чернышевского считался не самым сильным, известный литературный критик в журнале был: А.В. Дружинин. Дружинин был сторонником противоположной концепции – «чистого искусства», его называли «главой» русской «эстетической» критики. В первое время своего сотрудничества в «Современнике» Чернышевский основное противодействие получил именно от Дружинина и сразу повел решительное наступление на его позиции[498]: «Когда я стал писать исключительно для “Современника”, – вспоминал Чернышевский, – я вытеснил из него Дружинина: я писал так много, что для Дружинина, писавшего быстро и много, не оставалось достаточно места; притом его литературные понятия были слишком различны от моих; и при моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов “Современника” Дружинин оказался непригодным для него по образу мыслей»[499].

Тургеневу, Григоровичу, Анненкову не нравилось поведение Чернышевского, его «литературные понятия» и особенно – его «возрастающее влияние» на «Современник». К тому же стало понятно, что их разногласия с Чернышевским не только эстетические, но и мировоззренческие, политические. Что Чернышевский не любит европейскую цивилизацию: презирает мещанство и

---

[498] По поводу полемики Чернышевского и Дружинина исследователями собрано большое количество материала, см.: *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936; *Зельдович М.Г.* Чернышевский и проблемы критики. Харьков: Издательство Харьк. ун-та, 1968; *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. С. 76–100. О самой ранней стадии «вытеснения» из журнала Чернышевским Добролюбова см: *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М.: «ЦГИ Принт», 2015. С. 231–251.

[499] *Чернышевский Н.Г.* Воспоминания о Некрасове // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 721.

капитализм, а ко всему прочему, критически относится к помещикам. «Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода – и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа – рабы и пролетарии»[500], – писал Чернышевский в дневнике 1848 г. и, разумеется, подписался бы под этими словами позже. Там же он говорил о своих политических убеждениях: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев»[501].

Тургенев и «либеральная партия», которые поначалу «терпели» «семинариста», начали борьбу с «красным» Чернышевским, желая его увольнения из «Современника»[502]. Тогда в письмах Дружинину и Григоровичу Тургенев стал называл Чернышевского исключительно «клоповоняющим господином»[503]. Однако хозяин журнала Некрасов не спешил избавляться от своего ведущего сотрудника, чувствуя его нарастающую популярность среди молодежи. И стал напротив все больше привлекать к сотрудничеству в журнале разночинцев. Вскоре в «Современнике» появился критик Н.А. Добролюбов, потом – писатель Н.Г. Помяловский, очеркисты Н.В. Успенский, Ф.М. Решетников и другие. Дворяне назвали это «вторжение семинаристов в журнал».

«Старые сотрудники, – писала мемуаристка А.Я. Панаева, – находили, что общество Чернышевского и Добролюбова нагоняет тоску. “Мертвечиной от них несет! – находил Тургенев. – Ничто их не интересует!” Григорович уверял, что он даже в бане сейчас узнает семинариста, когда тот моется: запах деревянного

---

[500] *Чернышевский Н.Г.* Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 110.
[501] Там же. С. 122.
[502] Подробней о перипетиях конфликта см.: *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е издание. Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 16–33.
[503] «Я имел неоднократно несчастье заступаться перед Вами за *пахнущего клопами* (иначе я его теперь не называю) – примите мое раскаяние – и клятву – отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!..» (*Тургенев И.С.* 417. А.В. Дружинину и Д.В. Григоровичу. 10(22) июля 1855. Спасское // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3. Письма. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 42).

масла и копоти чувствуется от присутствия семинариста, лампы тускло начинают гореть, весь кислород они втягивают в себя, и дышать делается тяжело»[504]. Панаева припоминает разговор: «Тургенев раз за обедом сказал:

– Однако, “Современник” скоро сделается исключительно семинарским журналом: что ни статья, то семинарист оказывается автором!

– Не все ли равно, кто бы ни написал статью, раз она дельная, – проговорил Некрасов.

– Да, да! Но откуда и каким образом семинаристы появились в литературе? – спросил Анненков.

– Вините, господа, Белинского, это он причиной, что ваше дворянское достоинство оскорблено и вам приходится сотрудничать в журнале вместе с семинаристами, – заметила я. – Как видите, не бесследна была деятельность Белинского: проникло-таки умственное развитие и в другие классы общества»[505].

Вообще, Тургенев испытывал к Чернышевскому, Добролюбову и молодым семинаристам сложные чувства. С одной стороны, он не терпел их «мрачного пуританства», «грубого утилитаризма» и материализма, не переносил их радикального неприятия всего, что было ему дорого: изящного искусства, поэзии, либеральных ценностей. Их интересовало только народное благосостояние, а все остальное: философию, литературу, науку они рассматривали исключительно как средства достижения этого народного благосостояния. У Тургенева были совершенно другие приоритеты. Но они были молоды, решительны, готовы на борьбу и лишения ради своих идеалов. Тургенев же хотел, чтобы эти гордые люди его уважали.

Кстати, из воспоминаний Чернышевского мы знаем, что Тургенев поначалу, когда Добролюбов только пришел в «Современник», сделал попытку с ним подружиться. Но ничего не вышло. Тургенев приглашал Добролюбова к себе обедать, но тот отказывался[506]. Тургенев пытался сделать Добролюбова своим

[504] *Панаева (Головачева) А.Я.* Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1983. С. 134.
[505] Там же. С. 134–135.
[506] Там же. С. 138–139.

собеседником, при встречах в журнале или в квартире Некрасова пытался заговорить, но Добролюбов почти демонстративно избегал общения с Тургеневым. На расспросы Чернышевского, почему он ведет себя так «неразговорчиво с почтенным человеком», Добролюбов отвечал, что Тургенев «ему скушен», и что не имеет смыла говорить с людьми только потому, что они способны «более или менее сочувствовать хоть чему-нибудь честному»[507]. Грубость Добролюбова по отношению к Тургеневу можно объяснить неловкостью, которую молодой семинарист, безусловно, чувствовал перед «аристократом». Но тут было еще кое-что. Дворяне издавна привыкли относиться к представителям низших сословий покровительственно. Это было естественно. Разночинцы сами всегда хотели быть похожими на дворян, дослужиться до дворянства. И Тургенев смотрел на Добролюбова, как на младшего брата, которого нужно опекать. А Добролюбов не хотел быть младшим братом дворянина, не хотел, чтобы до него снисходили, не хотел «дослуживаться». Он хотел быть сам по себе. Отстаивать собственные ценности. Такое поведение было ново. «Понятно, – резюмировал Чернышевский, – что Тургенев не мог не досадовать на такое обращение с ним»[508]. И в конце концов стал отзываться о Добролюбове крайне нелестно. Теперь «либеральная партия» хотела увольнения не только Чернышевского, но и Добролюбова. Однако и семинаристы не оставались в долгу, постоянно задевали в своих статьях, то Григоровича, то Тургенева.

Конфликт «либералов и демократов»[509], длившийся пять лет, закончился, по сути, поражением «либеральной партии» и уходом Тургенева из журнала. В большинстве научных работ до конца 1980 гг. доминировала точка зрения, что своего апогея конфликт достиг в 1860 г.: статья Добролюбова о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?») не понравилась Тургеневу своим

[507] См.: *Чернышевский Н.Г.* Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым // *Чернышевский Н.Г*. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 729.
[508] Там же. С. 728.
[509] Так было принято называть это противостояние в советском литературоведении 1970 гг. См.: *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1972. С. 13.

тоном и интерпретацией романа, он пытался добиться, чтобы рецензию не печатали, и поставил Некрасову ультиматум: «Выбирай: я или Добролюбов». И Некрасов выбрал Добролюбова. Так история разрыва Тургенева с «Современником» была впервые представлена в мемуарах Панаевой[510]. В 1989 г. А.В. Муратов, критиковавший излишне «беллетристические» мемуары Панаевой за неточность в изложении фактов, доказал, что поводом к разрыву были другие статьи, появившиеся несколькими месяцами позже[511]. Однако и он признавал, что утвердившийся взгляд на историю разрыва Тургенева с «Современником» в целом соответствует истине: выбирая между семинаристами и Тургеневым, Некрасов выбрал семинаристов. И это решение кажется прагматичным: Некрасов потерял Тургенева (который начал отдаляться от журнала еще в 1858 г.) и Григоровича, но сохранил своих литературных критиков, любимцев радикальной молодежи, и целую группу писателей-разночинцев, которые пришли вслед за Чернышевским.

Уход Тургенева из журнала знаменовал собой не только поражение либералов в политическом противостоянии и конфликте эстетических «программ». Уход Тургенева был победой, которую униженные раньше разночинцы одержали над представителями дворянства. Благодаря художественным произведениям, очеркам и публицистике разночинцев, либеральный журнал «Современник» стал идейным центром и трибуной радикальной интеллигенции. А конфликт в «Современнике» стал обрастать домыслами, в литературной среде поползли слухи, что Тургенев уезжает за границу, чтобы писать повесть под заглавием «Нигилист», где расквитается с семинаристами. И когда через два года появился роман «Отцы и дети», многие в фигуре Базарова увидели карикатурный портрет Добролюбова и карикатуру на все молодое поколение.

Был ли Базаров разночинцем? В записной книжке, содержащей подготовительные материалы к «Отцам и детям», в разделе: «Формулярный список действующих лиц новой повести» (дата на титульном листе «Формулярного

[510] См.: *Панаева (Головачева) А.Я.* Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1983. С. 144.
[511] См.: *Муратов А.Б.* Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова: Сборник статей. М.: Советский писатель, 1989. С. 316–340.

списка» – август 1860 г.) Тургенев писал, что Базаров – «сын доктора, который сам был сын попа». И далее, перечисляя качества главного героя, добавлял: «Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного – работящ. – (Смесь Добролюбова, Павлова, Преображенского)»[512]. Из этой троицы только И.В. Павлов, знакомый Тургенева доктор и литератор, был дворянином. В юности он подпал под влияние М.В. Бутрашевича-Петрашевского, но позднее отошел от революционных увлечений и примкнул к литераторам «славянофильской ориентации». Так что его «нигилизм» проявлялся исключительно в «резких высказываниях по вопросам литературы». Добролюбов же был разночинцем, бывшим «семинаристом». Н.С. Преображенский, студенческий товарищ Добролюбова, судя по всему, тоже был выходцем из семьи священнослужителей[513].

Так почему же Тургенев, который своему герою даже фамилию дал священническую[514], не сделал Базарова разночинцем? В советское время было принято называть Базарова представителем «разночинно-демократической интеллигенции», так он обозначен в энциклопедиях. Но не ошибка ли это?

---

[512] *Тургенев И.С.* Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1986. 566.

[513] См.: комментарии к подготовительным материалам к роману «Отцы и дети»: *Батюто А.И., Битюгова И.А., Гозенпуд А.А., Никитина Н.С. и др.* Приложения // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1986. С. 719–720. Однако есть и другая версия, какой Преображенский мог быть одним из прототипов Базарова. См.: *Генералова Н.П., Хитрово Л.К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // Тургенев И.С. Новые исследования и материалы. М., СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 335–340.

[514] «Бывая в Туле, Тургенев не мог не слышать фамилию своего будущего героя, ибо эта фамилия была известна всему городу и его окрестностям. И фамилия эта была… Базаров. В течение многих лет протоиерей Иоанн Григорьевич Базаров преподавал философию в Тульской Духовной семинарии. Его сын, тоже в будущем протоиерей, Иоанн Иоаннович Базаров был почти ровесником Тургенева. Он родился в 1819 году, окончил в 1839 году семинарию, где преподавал его отец, а в 1843 году стал выпускником Санкт-Петербургской Духовной академии <…> Вся дальнейшая служба И.И. Базарова проходила в Германии в качестве духовника особ царствующего дома. <…> И.И. Базаров был лично знаком с Тургеневым, хотя это знакомство произошло спустя восемь лет после выхода в свет романа «Отцы и дети», в начале 1869 года, в Штутгарте, где Базаров жил с 1853 года и где он скончался в 1895 году. Сведения о знакомстве с писателем содержатся в воспоминаниях И.И. Базарова, опубликованных в “Русской старине” (Воспоминания протоиерея И.И. Базарова // Русская старина, 1901. Т. 108. № 11. С. 285)» (*Генералова Н.П., Хитрово Л.К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // Тургенев И.С. Новые исследования и материалы. М., СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 340, 341).

Базаров, безусловно, живет жизнью разночинца, но формально он дворянин во втором поколении.

Тут необходимо сделать небольшое отступление и определиться в терминах. Э. Виртшафтер, автор большого историко-социологического исследования феномена разночинцев в России XVIII–XIX вв., писала, что разночинцам невозможно дать единого определения: «Границы этой социальной категории необычайно подвижны, и при конкретном использовании этот термин мог быть отнесен практически к любой группе общества, включая дворянство, горожан и крестьянство»[515]. При этом, в разное время понятие «разночинец» употреблялось в отношении представителей разных социальных слоев.

Например, большинство исследователей утверждают, что впервые слово «разночинец» появляется в XVIII в. Сначала, будучи этимологически связанным с бюрократическим словосочетанием «люди разных чинов», он относился к сравнительно устойчивой группе лиц, находившихся вне основных сословий. Но, скажем, в указе 1755 г., которым создавался Московский университет «для дворян и разночинцев», под разночинцами понимались просто люди недворянского происхождения. Такое употребление было расширено в XIX в., пишет исследователь К. Беккер, когда в литературных и публицистических текстах разночинцами начинают называть людей недворянского происхождения, получивших образование. К XX в. этот термин стал применяться еще шире: возобладала «бесклассовая» теория, когда в число разночинцев начали включать представителей «демократической» интеллигенции, вне зависимости от ее сословного происхождения[516].

Получается, что в контексте второй половины XIX в. мы можем говорить о разночинцах «по сословию», к которым причисляли образованных лиц недворянского происхождения (например, Чернышевского и Добролюбова); разночинцах «по профессии» («по образу жизни»), к которым в разное время относили дворян, которые по бедности были вынуждены зарабатывать на жизнь

[515] См.: *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. С. 12.
[516] См.: *Becker C.* Raznochintsy: The Development of the Word and of the Concept // The American Slavic and East European Review. Vol. 18, No. 1 (Feb., 1959). PP. 72–73.

интеллектуальным или профессиональным трудом (скажем, Белинского или Достоевского[517]); и разночинцах «по образу мыслей», к которым так же относили дворян, которые по сумме своих взглядов были близки к «мыслящим пролетариям» (наиболее показательный пример – Писарев, дворянин, которого в советское время называли «радикальным разночинцем»).

Таким образом, Базаров – разночинец «по образу мыслей», «внук дьячка», но все-таки дворянин во втором поколении. Казалось бы, сделай его Тургенев сыном дьячка, было бы проще и понятней. Связь Базарова с духовным сословием отвечала распространенным в дворянских кругах представлениям о происхождении отечественного нигилизма[518]. Она была воспринята ими как весьма «характеристичная» черта тургеневского героя. В этой связи Тургенева совершенно обоснованно критиковали за слишком уж отдаленное родство его героя с духовенством: «Может быть, фигура Базарова вышла бы еще типичнее, если б автор прямо произвел его от дьячка»[519], – писал в статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» М.Н. Катков.

В этой статье, напечатанной в «Русском вестнике» в июле 1862 г., Катков высказал предположение, что историческая замкнутость российского сословия священнослужителей является одной из причин появления среди них нигилистов. В католических странах в силу обета безбрачия для священнослужителей духовенство набирается из представителей всех классов общества и не составляет «касты». В России же, где нет целибата, «церковные должности передаются из рода в род», и священство становится наследственным. Вход и выход из этого сословия, пишет Катков, «совсем зарос травой». Действительно, на протяжении долгого времени в российском законодательстве существовали ограничения,

---

[517] Литературоведы 1920 гг. нередко называли Достоевского «разночинцем», например, проводя различие между Достоевским и И.С. Тургеневым Н.Ф. Бельчиков писал: «Один – разночинец, представитель мелкобуржуазной среды, другой – обеспеченный барин, помещик» (см.: *Бельчиков Н.Ф.* Достоевский и Тургенев // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды]. Л.: ACADEMIA, 1928. С. III).

[518] См.: *Белоусов А.Ф.* «Внук дьячка» // Рижский филологический сборник. Вып. 1-й: Русская литература в историко-культурном контексте. Рига: ЛУ, 1994. С. 38.

[519] *Катков Н.М.* О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // *Катков М.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 272.

затрудняющие «выход» из духовного сословия. Например, если священник оставлял духовную службу, то в течение пяти лет он не имел права избирать светскую профессию, да и потом ему был доступен только «ограниченный круг низших должностей»[520]. И в результате, по мысли Каткова, в замкнутом сословии «развиваются признаки гниения»: «Где каста, там не может быть духа призвания, там не может быть никакого живого интереса. <…> Наш нигилизм не может не находить себе поживы в отпрысках духовного сословия. Благодаря сложившимся обстоятельствам, именно между ними он может вербовать себе самых импульсивных поборников. <…> А потому, повторим, очень верный инстинкт побудил г. Тургенева привести своего нигилиста в некоторую связь с этим сословием. Эта черта была бы очень выразительна, если бы художник более воспользовался ею; физиономия героя была бы яснее, и многое в нем стало бы еще натуральнее»[521].

Почему же Тургенев, понимая, что Базаров получился бы «типичнее», если б он, говоря словами Каткова, «прямо произвел его от дьячка», этого не сделал? Ответ кажется простым. Сделай Тургенев Базарова семинаристом, главный конфликт романа стал бы сословным. Точнее, заметно сместился бы авторский акцент, и взаимоотношение поколений было бы представлено читателям, прежде всего, как противоречие сословное. Несмотря на то, что тема двух поколений, предопределившая сюжет романа «Отцы и дети», была подсказана Тургеневу недавней идеологической борьбой между «либералами и демократами» журнала «Современник», Тургенев по-видимому, хотел противопоставить в своем романе не столько сословия и не столько политические программы, а мировидение людей сороковых и людей шестидесятых годов.

Катков писал: «типичный нигилист» – сын дьячка, намекая на то, что появление нигилизма, может быть, больше связано с процессами «гниения» в сословии священнослужителей, чем с нерешенными проблемами в русском

[520] Подробней см.: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 28–29.
[521] *Катков Н.М.* О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // *Катков М.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 273–274.

обществе. Двойственный статус Базарова лишал комментаторов возможности давать такие упрощенные объяснения природы нигилизма. А кроме того, Тургенев показывал, что «внук дьячка», мелкий дворянин с образованием, но без барского воспитания, собственности и крепостных крестьян может быть не менее радикально настроенным по отношению к существующим порядкам, чем семинарист, прошедший «палочное» воспитание в бурсе.

Тургенева интересовал вопрос изменения ценностей в русском обществе, вступавшего в период Великих реформ. В узком смысле, – процесс смены ценностных установок внутри двух «партий» равно оппозиционных по отношению к официальной идеологии (дворянского либерализма и «революционно-демократической» идеологии разночинной интеллигенции)[522]. В широком смысле – ценностей «абстрактного» идеализма людей 1840 гг. и «реализма» людей 1860 гг. По-видимому, Тургенев почувствовал, что лучше всего разделение своих героев на «отцов» и «детей» он может показать с помощью образа нигилиста, нигилизм является катализатором смены ценностей. Тургенев угадал очень точно, потому что, опираясь на роман и отталкиваясь от суждений Тургенева о нигилизме, представители всех направлений общественной мысли в России уяснили свои мировоззренческие позиции и произвели «размежевание» своих социально-политических программ, осознав те «непримиримые противоречия», которые не осознавали раньше.

Роман «Отцы и дети» вышел в 1862 г., когда в литературной среде еще свежи были воспоминания об истории разрыва Тургенева с «Современником», и многие в фигуре Базарова увидели карикатурный портрет Добролюбова. Конечно, Базаров не был карикатурой на Добролюбова. Тургенев не хотел свести свой роман к

[522] Такую трактовку романа мы можем найти в недавнем исследовании сотрудников Института философии РАН. См.: *Безменщиков А.Е., Щербатова И.Ф.* Политика, общество и культура в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 233.

памфлету[523]. Но литераторам «левого» лагеря, знавшим о конфликте «либералов и демократов», сложно было отделаться от мысли, что «Отцы и дети» – это месть разночинцам-семинаристам. Они не замечали положительных черт Базарова, а по инерции видели только отрицательные. Так, еще один «семинарист» М.А. Антонович, который после смерти Добролюбова руководил литературно-критическим отделом «Современника», написал разгромную статью о романе Тургенева, которую назвал: «Асмодей нашего времени». Статья вышла в третьем номере журнала за 1862 г. Антонович взял за основу своего критического очерка тезис, что Тургенев в романе «Отцы и дети» вместо реалистического изображения «картины современной жизни» и «современных личностей», выступил как либеральный идеолог, занялся исключительно «выражением собственных личных симпатий и антипатий»: «в романе, за исключением одной старушки, нет ни одного живого лица и живой души, – утверждал он, – а все только отвлеченные идеи и разные направления, олицетворенные и названные собственными именами»[524]. И вместо литературного произведения у Тургенева получился «плохой и поверхностный морально-философский трактат».

Антонович с первых страниц романа почувствовал, что к главному герою, Базарову, и ко всем представителям «молодого поколения» Тургенев питает «какую-то личную ненависть и неприязнь, как будто они лично сделали ему какую-нибудь обиду и пакость, и он старается ответить им на каждом шагу, как человек лично оскорбленный; он с внутренним удовольствием отыскивает в них слабости и недостатки»[525]. Посмотрите, как он описывает Базарова, замечает Антонович, Базаров у него «мало говорит и много ест» (обжора), злоупотребляет

---

[523] Тургенев использовал Добролюбова в качестве одного из протопопов Базарова, но после выхода романа он неоднократно заявлял, что не писал на Добролюбова «памфлет» и не пытался отомстить обидчику: «Мои критики называли мою повесть „памфлетом“, упоминали о „раздраженном“, „уязвленном“ самолюбии, – писал Тургенев; – но с какой стати стал бы я писать памфлет на Добролюбова, с которым я почти не видался, но которого высоко ценил как человека и как талантливого писателя?» (*Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 87–88).

[524] *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник, 1862. № 3. Современное обозрение. С. 67.

[525] Там же. С. 68.

шампанским (почти алкоголик), третирует своих добрых родителей, не способен на любовь к женщине и «отрицает» все напропалую. То есть отрицает не то, что обществе требует улучшения и реформирования, а все вообще «бессознательно, неразумно, вследствие ощущения»[526].

Тургенев, по Антоновичу, не только сделал из Базарова карикатуру, вульгаризировал идеи молодого поколения, но еще и оклеветал его, потому что Базаров высказывает сомнения в необходимости отмены крепостного права. Речь идет о словах, сказанных им в споре с Павлом Петровичем Кирсановом: «Свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке»[527]. «Это уж не непонимание, а сущая клевета, взведенная на молодое поколение и на современные направления, – пишет Антонович. – Действительно, были люди, не расположенные к свободе, которые говорили, что крестьяне без опеки помещичьей сопьются с круга и предадутся безнравственности. Но кто же эти люди? Скорей они принадлежат к числу “отцов”, к разряду Павла и Николая Петровичей, а уж никак не к “детям”»[528].

Статья Антоновича похожа не на критический очерк о художественном произведении, а на выступление в суде, где он обвиняет Тургенева в распространении ложной информации о «молодом поколении» с подробным изложением всех «случаев клеветы». Наблюдения Антоновича за тем, как Тургенев построил образ Базарова, точны в деталях. Базаров, действительно, пьет шампанское, отталкивает добрых родителей, не способен любить женщину, испытывает по отношению к Одинцовой вместо любви «страсть, похожую на злобу», и сомневается в необходимости отмены крепостного права. Но детали эти Антоновичем неверно поняты, и выводы по поводу романа, основанные на них, – совершенно ошибочны. Эта ошибка происходит в силу неправильной установки

---

[526] См.: там же. С. 75.
[527] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 51.
[528] *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник, 1862. № 3. Современное обозрение. С. 105.

Антоновича, который прочел «Отцы и дети» не как литературное произведение, а лишь как «трактат», и все слова Базарова (и других представителей «молодого поколения») воспринял буквально, отказавшись обращать внимание на контекст, в котором эти слова были произнесены.

Один из главных конфликтов, который Тургенев закладывал в свой роман и пытался раскрыть с помощью образа Базарова, – конфликт между разумом и чувствами. Он заключается в том, что Базаров создал для себя непротиворечивую систему ценностей, основанную на философии материализма, которая в какой-то момент вошла в противоречие с его чувствами. Базаров старым абстрактным принципам и идеалам (среди которых, по его мнению, были и честь, романтическая любовь и прочие «пустяки») противопоставил конкретный опыт, решил верить только в то, что видит, и делать только то, что полезно. И вдруг, к большому неудовольствию Базарова, оказалось, что его чувства начинают противоречить материалистическим установкам. Например, любовь он считает романтическим предрассудком и, тем не менее, влюбляется в Одинцову. Приходится подавлять чувства. Именно из-за этого внутреннего конфликта Базаров в присутствии Одинцовой испытывает «страсть, похожую на злобу». То есть «злоба», замеченная Антоновичем, происходит не от отсутствия любви, а как раз из-за ее досадного наличия. Что же касается «идеологических» слов Базарова, то их нельзя рассматривать вне контекста их произнесения. Антоновича задевает, что у Тургенева «молодое поколение следует отрицательному направлению слепо и бессознательно не потому, чтоб оно уверено было в несостоятельности того, что оно отрицает, а просто только вследствие ощущения»[529]. Действительно, Базаров говорит: «Я придерживаюсь отрицательного направления – в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен – и баста! Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? – тоже в силу ощущения. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнут. Не всякий тебе это скажет, да и я в другой раз тебе этого не скажу»[530]. Антонович

[529] Там же. С. 75.
[530] *Тургенев И.С.* Отцы и дети // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 121.

использует эти слова в своем «обвинительном акте», но не учитывает, что сказаны Базаровым они в минуту глубокого разочарования, когда люди говорят нарочно то, во что не верят. Эта сцена происходит уже после того, как Одинцова отвергла его любовь, Базаров «сломался», по его собственному выражению, и стал постепенно превращаться в пессимиста и скептика. В этом же «скептическом» настроении сказаны известные слова про мужика: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет… да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»[531]. Эти слова звучат очень «не демократично», но произнесены они только оттого, что Базаров страстно хотел помогать Филиппу и Сидору, но понял, что бессилен что-то изменить.

Сомнения в необходимости отмены крепостного права, как их квалифицировал Антонович, Базаров высказывает до того, как начал «рассыпаться», но в определенном полемическом запале, во время спора со своим главным оппонентом Павлом Петровичем Кирсановым, который пытался выяснить, в чем состоит его «учение». Базаров «начал злиться» и доказывать, что он не принадлежит к «проповедникам»: «А потом мы догадались, – говорит Базаров, – что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке»[532]. Если принять во внимание психологическую мотивировку этих слов, становится понятно, что в этой фразе Базаров нисколько не сомневается в

[531] Там же. С. 120–121.
[532] Там же. С. 50–51.

необходимости отмены крепостного права, а досадует на «передовых людей» и чиновников-либералов, которые хотят перенесения на русскую почву прогрессивных европейских институтов, вместо того чтобы для начала подготовить для них почву. Но слова, сказанные «в злобе», звучат недостаточно корректно. И сразу после произнесения фразы «о мужике» Базарову «вдруг стало досадно на самого себя, зачем он так распространился перед этим барином»[533].

В Павле Петровиче Базаров чувствует врага и сознательно преувеличивая описывает своих друзей и единомышленников как «нигилистов» и безжалостных разрушителей: «– В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем.

– Все?

– Все.

– Как? не только искусство, поэзию… но и… страшно вымолвить…

– Все, – с невыразимым спокойствием повторил Базаров.

Павел Петрович уставился на него. Он этого не ожидал, а Аркадий даже покраснел от удовольствия.

– Однако позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете… Да ведь надобно же и строить.

– Это уже не наше дело… Сперва нужно место расчистить»[534]. Последние слова – самые известные слова романа, только Базаров по ходу сюжета ничего не разрушает и «места не расчищает». А называя себя и своих товарищей «нигилистами», понимает под этим лишь то, что его единомышленники отрицают все, что нельзя доказать методами естественных наук.

Одним словом, все выражения Базарова психологически мотивированы, и воспринимать их буквально, значит ошибаться. Однако Антонович настойчиво игнорирует приемы психологической прозы и как будто нарочно ошибается.

Примерно в одно время со статьей Антоновича в журнале «Современник» появилась статья Писарева «Базаров», которая отличалась полным сочувствием

[533] См.: там же. С. 51.
[534] Там же. С. 49.

образу Базарова. Считается, что именно статья «Базаров» положила начало знаменитому «расколу в нигилистах»[535]. Надо сказать, что в жизни молодого критика Писарева роман «Отцы и дети» сыграл большую роль. Образ Базарова произвел на него громадное впечатление, во многом, изменив его жизнь, а статья «Базаров» принесла ему широкую известность. Прочитав «Отцы и дети», Писарев восторженно приветствовал появление нового героя современности, нигилиста Базарова, увидев в нем воплощение «обаятельной силы». В стремлении Базарова к «осязательной пользе» и настоящему «делу» вместе с презрением к старым социальным нормам Писарев разглядел черты «нового типа» и признаки смены ценностных ориентиров.

Писарев взял за основу своей критической статьи тезис, противоположный тезису Антоновича, что Тургенев в романе «Отцы и дети» выступил как настоящий реалист, «не сочувствовал вполне» ни одному из своих действующих лиц, а показал жизнь, как она есть. Он показал как сильные, так и все слабые и смешные черты Базарова, показал его грубым, «крайне необразованным», а отрицание его, порой, глупым. Писарев ожидал, что читателям Базаров может и не понравиться: «Я уверен, что многие из наших журнальных критиков захотят, во что бы то ни стало, увидать в романе Тургенева затаенное стремление унизить молодое поколение и доказать, что дети хуже родителей; но я точно так же уверен в том, что непосредственное чувство читателей, не скованных обязательными отношениями к теории, оправдает Тургенева и увидит в его произведении не диссертацию на заданную тему, а верную, глубоко прочувствованную и без малейшей утайки нарисованную картину современной жизни»[536]. Писарев высказал мысль, что Тургенев – барин и либерал, конечно, не мог любить Базарова, и создавая его образ, «хотел разбить его в прах», но помимо своей воли, бессознательно, как настоящий художник, написал его апологию: «признал его перевес над окружающими людьми и сам принес ему полную дань уважения». «Он хотел сказать: наше

[535] См.: *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 52–54.
[536] *Писарев Д.И.* Базаров // *Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений в шести томах. Том. 2. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, Садовая, № 9. Стлб. 397.

молодое поколение идет по ложной дороге, и сказал: в нашем молодом поколении вся наша надежда»[537]. По Писареву, художественное чутье Тургенева, воспевшего Базарова, одержало победу над его сословными интересами.

Так почему Антонович игнорирует тургеневские приемы психологической прозы, а Писарев нет, и понимает роман как будто точнее, ближе к авторскому замыслу? Потому что Антонович глупее Писарева? Нет. Ответ лежит в другой плоскости: Антонович – разночинец «по сословию», а Писарев – разночинец только «по образу мыслей». Н.К. Михайловский в статье «Из литературных и журнальных заметок 1874 года», пытаясь дать социально-политическое определение разночинцев, показал разницу между этими типами, отделяя «чистых разночинцев» от «кающихся дворян», к которым относил Писарева. Среди характерных черт «чистых разночинцев» он выделял скромное социальное происхождение, бедность, непростое детство, а также непосредственное знание народной жизни. «Кающиеся дворяне» могли иметь схожий с разночинцами образ мыслей, но они не обладали «знанием народной жизни», имели другое воспитание и поэтому не могли до конца понять потребности и чаяния разночинцев[538].

Антонович так набросился на роман Тургенева, потому что сам был семинаристом, сыном священника (как Чернышевский и Добролюбов). В отличие от Писарева, он чувствовал себя уязвимым в обществе, где правили дворяне. Он считал, что, если разночинцев (и их радикальное крыло – нигилистов) признают общественно опасными элементами, с ними может случиться что угодно, им могут запретить поступать в университет (как это уже делали), устраиваться на государственную службу, могут вообще начать сажать в тюрьму и ссылать в Сибирь. Когда потребовалось встать на защиту интересов своего разночинства, Антоновичу уже было не до литературоведения. Ориентируясь на среднего читателя романа, который мог неправильно понять психологически мотивированные высказывания героев, которые у Тургенева порой говорят не совсем то, что думают,

[537] Там же. Стлб. 419.
[538] См.: *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. М.: «Искусство», 1995. С. 97–115.

Антоновичу нужно было как можно быстрее сказать, что разночинцы (и нигилисты) – не такие, как Базаров. Они нормальные. Может быть они и материалисты, но это не значит, что они не могут любить родителей. Они не монстры и не дураки, они отрицают совершенно конкретные вещи. А роман «Отцы и дети» – очень вредный, потому что не борется, а только усиливает сословные стереотипы.

Статья «Асмодей нашего времени» выражала не только личную точку зрения автора. Помимо неоднократных свидетельств самого Антоновича, что с его выводами о романе были согласны все сотрудники журнала «Современник», у нас есть прямые суждения Чернышевского о нигилистах Тургенева. В статье «Безденежье», предназначавшейся для апрельской книжки «Современника» за 1862 г. он писал: «Но вот, – картина, достойная Дантовой кисти, – что это за лица – исхудалые, зеленые, с блуждающими глазами, с искривленными злобной улыбкой ненависти устами, с немытыми руками, с скверными сигарами в зубах? Это – нигилисты, изображенные г. Тургеневым в романе “Отцы и дети”. Эти небритые, нечёсаные юноши отвергают все, все: отвергают картины, статуи, скрипку и смычок, оперу, театр, женскую красоту, – всё, всё отвергают, и прямо так и рекомендуют себя: мы, дескать, нигилисты, все отрицаем и разрушаем»[539]. Судя по этому отрывку, Чернышевскому тоже не понравилось, что Базаров и другие представители молодого поколения в романе Тургенева «отвергают все без разбору», не только существующий порядок социальных отношений, но и культуру – «бессознательно и неразумно», тем самым давая повод идейным противниками их демонизировать и высмеивать[540].

---

[539] *Чернышевский Н.Г.* Безденежье // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 185.

[540] В советском литературоведении существовало некоторое разногласие по поводу самостоятельности суждений Чернышевского в статье «Безденежье». П.Г. Пустовойт утверждал, что Чернышевский писал о романе Тургенева «со слов М. Антоновича» (см.: *Пустовойт П.Г.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М.: Издательство МГУ, 1960. С. 280). Г.Е. Тамарченко опровергал эту точку зрения, приводы воспоминания Г.З. Елисеева, который утверждал, что статья Антоновича была написана «по поручению Чернышевского» (см.: *Елисеев Г.З.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Вспоминая. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.-Л.: «Academia», 1933. С. 274; *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский-романист. Л.: Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 1976. С. 112). Как бы там ни было, своего отношения к роману Чернышевский со

Какой можно сделать вывод из «спора» Писарева и Антоновича? И в чем социально-политическая значимость этого «спора»? Центральная тема романа «Отцы и дети» – конфликт поколений. Молодые запальчиво бунтуют и утверждают новое, старшие не сдаются и защищают старое. Можно предположить, что эта конфронтация стара, как мир, и одинаково воспроизводится каждым новым поколением. Да и поколения, в сущности, одинаковые. Действительно, в традиционном обществе разница в условиях жизни поколений была минимальна, молодые бунтовали, но к старости становились такими же, как их отцы. Однако роман «Отцы и дети» появился как раз в тот момент, когда традиционная структура общества в России начала заметно меняться. И «дети» стали отличаться от «отцов» не только возрастом, но и набором ценностей. Традиционный конфликт отцов и детей к началу 1860 гг. усилился социальной проблематикой, благодаря появлению нового социального слоя – разночинцев, близостью Великих реформ, необходимостью решать крестьянский вопрос, который должен был изменить вековой уклад российской жизни. И поэтому трактовка образа Базарова, представителя «молодого поколения», носителя новых ценностей, вдруг стала такой важной.

События, произошедшие после публикации романа «Отцы и дети», показали, что опасения Антоновича не были беспочвенными. Роман Тургенева оказал-таки «вредное» влияние на отношение общества к представителям разночинной интеллигенции и пропагандируемым «Современником» идеям. Многими в России «нигилисты» стали восприниматься как люди, способные к насилию и несущие разрушение. Яркий пример – история петербургских пожаров 1862 г., случившихся через два месяца после выхода романа «Отцы и дети». «Как когда-то в Риме (64 г. н.э.) в пожарах обвинили христиан, в России в поджогах обвинили…

временем не поменял и в 1884 г. писал, что «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову был, как известно, роман “Отцы и дети”» (*Чернышевский Н.Г.* Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 737). Неоднократно высказывал свое отрицательное отношение к роману Тургенева и М.Е. Салтыков-Щедрин. Из этого можно сделать вывод, что в год выхода «Отцов и детей», по-видимому, все основные сотрудники «Современника» в большей или меньшей степени разделяли точку зрения Антоновича на этот роман.

нигилистов»[541]. Тургенев вспоминал: «Когда я вернулся в Петербург, в самый день известных пожаров Апраксинского двора, – слово “нигилист” уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мной на Невском, было: “Посмотрите, что ваши нигилисты делают! Жгут Петербург!”»[542]. А после пожаров начались репрессии, арестовали Чернышевского, на время закрыли журнал «Современник». Тогда был непростой период в жизни страны, крестьяне бунтовали, недовольные тем, как провели отмену крепостного права, студенты выходили на площади, недовольные тем, как с крестьянами поступает правительство. И пожары стали для властей хорошим поводом, чтобы нанести удар по оппозиции. А то, что все это время правительственные издания в негативном контексте повторяли слово «нигилисты», подтверждало, что Антонович был прав. Сторонники точки зрения Антоновича справедливо замечали, что образ Базарова, безусловно, сыграл роль мобилизующего фактора для сплочения «антидемократических сил» в 1860 гг.

В статье «Новая фаза в русской литературе» (1864) Герцен писал, что Тургенев в романе «Отцы и дети» «пытается создать тип русского передового молодого человека», но «время, тип – все было выбрано неудачно. Роман, появление которого совпало с возникновением реакции, обрушивался на тех же людей, высмеивал те же идеи и те же недостатки, так же преувеличивая их; наконец, употреблял слово *нигилизм,* которым пользовались и реакционеры. Московским доктринерам надоело называть своих противников *материалистами,* и они изобрели термин *нигилист,* как бы желая подчеркнуть появление отягощающих вину обстоятельств, высшую степень материализма. Этот термин в применении к молодым людям, страстно преданным своему делу, т. е. науке, был лишен всякого смысла»[543]. Сам Тургенев, понимая, что роман его активно использовался «реакционерами», в письме М.Е. Салтыкову-Щедрину в 1876 г. писал: «я не

[541] *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2012. № 1. С. 43.
[542] *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 87.
[543] *Герцен А.И.* Новая фаза в русской литературе // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. С. 216.

имел права давать нашей реакционерной сволочи возможность ухватиться за кличку – за имя; писатель во мне должен был принести эту жертву гражданину – и потому я признаю справедливыми и отчуждение от меня молодежи – и всяческие нарекания… Возникший вопрос был поважнее художественной правды – и я должен был это знать наперед»[544].

Однако вскоре ситуация несколько изменилась. Когда конфликт в журнале «Современник» забылся, когда пожары тоже остались в прошлом, новые читатели романа «Отцы и дети» вдруг обнаружили у Базарова много положительных черт, которым хотелось подражать. Заметили его абсолютную искренность, его веру в науку, нацеленность на дело. Базаров с гордостью говорил, что его дед был сельским дьячком, а сам он «лекарь». В обществе дворян такого надо было стыдиться, а он не стыдился. И не скрывал. И это давало возможность читателям-разночинцам почувствовать, что они тоже имеют право голоса и не должны стыдиться своего происхождения. Они такие же люди, как и дворяне: так же работают, приносят пользу обществу, так же создают культуру, в конце концов. Молодые люди стали подражать Базарову. Даже несколько грубоватые манеры Базарова, характеризующие протест против социальных условностей, стали входить в моду.

Таким образом, роман Тургенева «Отцы и дети» сыграл важную роль в общественной жизни России 1860 гг. Появление образа Базарова не только стало событием, обнажившим все идейные противоречия своего времени, но и послужило идейной основой, на которой начался «спор в нигилистах», оказавший существенное влияние на специфику социально-политической мысли радикальной интеллигенции эпохи Великих реформ и формирование разночинного самосознания.

Базаров в романе Тургенева показан человеком трагически неустроенным. Он обладал и знаниями, и трудолюбием, но в силу разных обстоятельств, не получил возможности реализовать свой потенциал. Неудача в любви и отсутствие

[544] *Тургенев И.С.* 4149. М.Е. Салтыкову. 3 (15) января 1876. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 15. Книга первая. Письма. М.: Издательство «Наука», 2012. С. 11.

единомышленников привели его к пессимизму. Ко всему прочему, он рано умер. Помимо критики всех социальных отношений, Базарову не удалось сформулировать общественного идеала. Но странным образом общественный идеал нигилизма 1860 гг. был сформулирован на материалах романа «Отцы и дети». Это сделал Писарев в своих статьях «Базаров» и «Реалисты» (1864), в которых будто дописал, уточнил роман Тургенева. Можно сказать, что с самого начала своего бытования роман «Отцы и дети» часто воспринимался читателями своего времени, да и более поздними читателями, в непосредственной спайке с работами Писарева. И если в статье «Базаров», вышедшей сразу после публикации романа, Писарев горячо приветствовал появление нового деятельного героя, то в статье «Реалисты», которую написал спустя два года, развил характеристику базаровского типа в целую программу преобразования российского общества. Там он доказывал необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, против непрагматичного искусства, роскоши, ради увеличения материальных ценностей и «реальных» знаний[545]. Писарев создал новый образ Базарова, сделав его символом своей «теории реализма», указал пути, которыми нужно идти, чтобы исправить русское общество. Так Базаров стал общественным борцом и символом поколения «нигилистов». Причем задача Писарева была уже не в том, чтобы убедить читателя в существовании базаровского типа, а в том, чтобы «дать публике идеал и образец, к которому следует стремиться»[546]. Благодаря в том числе этому идеалу «характерной чертой русского нигилизма стал также культ “дела”, “служения”, но не государству, а “Народу”»[547].

Писарев не был народником. Важнейшей ценностью для него была свобода человеческой личности. В связи с этим его называли «индивидуалистом» и критиковали за крайности культа естественных наук. Однако в рамках его

---

[545] См.: *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3-х т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 75–136.
[546] См.: *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 52–53.
[547] *Ширинянц А.* Нигилизм. Nihilizm. Nihilism. // Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji: Leksykon rosyjsrj-polsko-angielski / Pod redakcją Janusza Dobieszewskiego. Tom 9. Łódź: Ibidem, 2015. S. 228.

теории «разумного эгоизма» интересы личности отождествлялись с интересами труда. В «Реалистах» он писал: «Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека все-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться»[548]. Однако прибавлял, что для решения этого «громадного вопроса» требуется «вся наличная сила и зрелость человеческой мысли» и «весь запас собранных человеческих знаний», призывая, прежде всего, образовываться. В статье «Мотивы русской драмы» (1864) Писарев в очередной раз призвал молодых людей «завести себе микроскоп» и, подобно Базарову, «проникнуться пламенною любовью к распластанной лягушке». И заключил: «А только это и нужно. Тут-то именно, в самой лягушке-то, и заключаются спасение и обновление русского народа»[549]. Потому что пока один Базаров «окружен тысячами людей, не способных его понимать», ничего не изменится. Когда же Базаровых станет много, настанет время перемен.

Пройдет несколько лет, и народники сочтут призыв «завести себе микроскоп» недостаточным. В 1869 г. будут опубликованы «Исторические письма» П.Л. Лаврова, которые по мнению многих представителей тогдашней радикальной молодежи, исправят односторонность «писаревщины». Народоволец Н.С. Русанов вспоминал мысли, возникавшие у молодых людей того времени при чтении Лаврова: «К черту “разумный эгоизм” и “мыслящий реализм” и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставляют нас забывать о народе. Отныне наша жизнь должна быть всецело принадлежащей массам»[550]. Таким образом, Тургенев в своем романе подарил радикальным представителям молодого поколения зримый образ того, как можно выглядеть и вести себя. А Писарев в статьях о Базарове дал им идеологию, рассказал, как можно жить и мыслить для «спасения и обновления русского народа».

---

[548] *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3-х т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 125.
[549] *Писарев Д.И.* Мотивы русской драмы // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 392.
[550] *Русанов Н.С.* П.Л. Лавров. (Очерк его жизни и деятельности) // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения, 1907. № 2 (14). С. 261–262.

Итак, Роман Тургенева «Отцы и дети» произвел колоссальное воздействие на русское общество 1860 гг. Он стал не только символом конфликта отцов и детей, либералов и радикалов, но послужил литературной основой, на которой начался «раскол в нигилистах», имевший серьезные последствия для развития русской радикальной интеллигенции и формирования разночинного самосознания. Представители, казалось бы, идеологически близких «партий», Д.И. Писарев из «Русского слова» и М.А. Антонович из «Современника», в трактовке романа Тургенева и образа Базарова заняли полярные позиции: первый признал роман полезным, второй – очень вредным для русского общества. Этот, так называемый «раскол в нигилистах» был обусловлен «сословным вопросом». В романе «Отцы и дети» можно обнаружить элементы общественного идеала, такие как необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, ради увеличения материальных ценностей и «реальных» знаний. На основе этих элементов Д.И. Писарев сформулировал общественный идеал нигилизма 1860 гг. В статьях об «Отцах и детях» Писарев сделал Базарова символом своей «теории реализма», указал пути, которыми нужно идти, чтобы исправить русское общество

Базаров, главный герой романа Тургенева «Отцы и дети», бесспорно, по выражению современников, являлся носителем «новых элементов умственной жизни», но среди его окружения не было людей, которых можно было бы назвать настоящими единомышленниками. Пессимизм и скептицизм Базарова, прогрессирующий к концу романа, можно рассматривать как неизбежное следствие отсутствия среды, отвечающей его запросам. Почему Тургенев изобразил Базарова одиночкой? Возможно, он видел появление в российском обществе сердитых молодых людей, нигилистов, но не верил, что интеллигенты-разночинцы могут создать свою культуру, создать общественное движение, способное что-то существенно изменить в России. Н.Г. Чернышевскому же в романе «Что делать?», написанному меньше, чем через два года, впервые удалось показать именно *среду* разночинной интеллигенции, где люди строят жизнь по новым правилам.

Д.И. Писарев, который поначалу восторженно оценивал роман «Отцы и дети», вынужден был признать в статье «Мыслящий пролетариат» (1865), что

Тургенев все-таки не сумел «обрисовать своего героя с разных сторон», а произошло это потому, что «Тургенев – чужой в отношении к людям нового типа; он мог наблюдать их только издали и отмечать только те стороны, которые обнаруживают эти люди, приходя в столкновение с людьми совершенно другого закала. Базаров является один в таком кругу, который вовсе не соответствует его умственным потребностям»[551]. Излишний негативизм Базарова Писарев теперь объяснял дефицитом «материалов» у Тургенева.

Сравнивая роман Тургенева и Чернышевского, Писарев, демонстрировавший исключительную привязанность к Базарову, признавал, что образы «новых людей» из «Что делать?» являются следующим шагом в развитии базаровского типа. По крайней мере потому, что фигуры Лопухова, Кирсанова и Рахметова Чернышевским «обрисованы гораздо отчетливей» и «объяснены гораздо подробней», чем Базаров у Тургенева. «Тургенев был слишком тонкий художник и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру, но его Базаров не удовлетворял нас, – писал П.А. Кропоткин, вспоминая юность, <…> – Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательным ко всему отношением тургеневского героя. Нигилизм с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия был только переходным моментом к появлению “новых людей”, не менее ценивших индивидуальную свободу, но живущих вместе с тем для великого дела»[552].

Чернышевскому в романе «Что делать?» удалось наконец в наиболее полном виде выразить общественный идеал разночинной литературы. Помимо представления о совершенном общественном устройстве, те есть, помимо контуров будущего общества и социальной базы модернизации, в романе Чернышевского даны представления о формате и механизме перехода к чаемому общественному устройству.

---

[551] *Писарев Д.И.* Мыслящий пролетариат // *Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 353.
[552] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 268.

§ 3. Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863)[553]

Долгое время в нашей науке не нуждалось в доказательствах суждение о том, что Чернышевский был революционером, верил, что разночинцы могут стать инициаторами восстания, поэтому герои его романа «Что делать?» представляют собой совершенно определенный «новый тип» людей с ясным мировоззрением и общественным идеалом. Его герои, действительно, – люди с ясным мировоззрением. Но был ли в действительности Чернышевский пропагандистом крестьянской революции и хотел ли видеть разночинцев инициаторами восстания? Этот вопрос совсем не праздный, ведь свой роман он писал не для того, чтобы рассказать о революции и роли в ней разночинцев, а чтобы показать представителям молодого поколения, как нужно жить и мыслить, чтобы стать «новыми людьми», способными модернизировать российское общество.

Многие исследователи приводят слова Чернышевского о революции, обращенные к Александру II, из запрещенной цензурой статьи 1862 г. «Письма без адреса»: «Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки (революции. – *Б.П.*). Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, – интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково.

[553] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2022. № 2. С. 107–128; *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2022. № 3. С. 74–95.

Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»[554].

В своей публицистике, ссылаясь на исторические примеры, Чернышевский не раз писал, что насилие не приводит к положительным результатам для общества. Например, в статье «О причинах падения Рима» (1861) он отмечает: «Варварскими нашествиями почти все существовавшее хорошее было истреблено, римский мир отодвинут на несколько сот лет назад <…> передовые части человеческого рода низвергнуты были в глубочайшую бездну одичалости»[555]. Основная сила прогресса – в науке, в распространении знаний, резюмировал Чернышевский, «какая же тут может быть польза для прогресса, то есть для знания, когда люди сколько-нибудь образованные заменяются людьми, еще не вышедшими из животного состояния? Какая польза для успеха в знаниях, если власть из рук людей сколько-нибудь развитых, переходит в руки невежд, незнанию и неразвитости которых нет никакого предела? Какая польза для общественной жизни, если учреждения, дурные или хорошие, но все-таки человеческие, все-таки имеющие в себе хоть что-нибудь, хоть несколько разумное, – заменяются животными обычаями?»[556]. Конечно, революция и завоевание – вещи разные, но «невежественный народ», «пьяные мужики с дубьем»[557] или «варвары» кажутся Чернышевскому одинаково опасными для самого важного с его точки зрения фактора общественного развития – для просвещения.

Что же в таком случае, по мысли Чернышевского, надо было делать для модернизации социальной и политической системы России? На что, если не на революцию, он надеялся в преддверии Великих реформ и в момент освобождения крестьян? Об этом можно судить, ссылаясь на мысли Чернышевского о ходе

---

[554] *Чернышевский Н.Г.* Письма без адреса // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 92.
[555] *Чернышевский Н.Г.* О причинах падения Рима // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 655, 661.
[556] Там же. С. 645–646.
[557] См.: *Чернышевский Н.Г.* Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 419.

исторического процесса в целом. В статье 1859 г. Чернышевский указывает на то, что главными субъектами изменений являются наиболее просвещенные и небезразличные к судьбе страны люди. Они занимаются тем, что доносят до общественного сознания свои прогрессивные идеи. Общество несколько лет «работает» над исполнением «тех немногих желаний, которые проникли в него от лучших людей», потом наступает некоторый консервативный откат. «Лучшие люди впадают в отчаяние», но некоторых результатов все же добиться удалось. На этом этапе отката, по словам Чернышевского, устраняются «несообразности и некрасивости» предшествующей работы, а «лучшие люди» призывают «вновь приняться за дело в широких размерах». Их идеи вновь овладевают умами масс, и прежняя преобразовательная работа возобновляется. «Таков общий вид истории: ускоренное движение и вследствие его застой <…> но с тем вместе и укрепление сил для нового движения, и за новым движением новый застой и потом опять движение, и такая очередь до бесконечности. <…> Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета»[558]. В советское время было принято считать, что под словами об «усиленной работе» Чернышевский подразумевал революцию, но из контекста статьи следует, что прогресс не нуждается в революции, старый общественный порядок не нужно крушить до основания, его нужно «перестать поддерживать» и упорно призывать к обновлению, чтобы общество было готово к следующему краткому периоду «усиленной работы», к следующему «скачку воробушка». Я.А. Никифоров, анализировавший конкретные механизмы модернизации, которые в своих статьях предлагал Чернышевский, пришел к выводу, что «модернизация как замена старых форм общественно-политического устройства

[558] *Чернышевский Н.Г.* <Политика. Из «Современника». № 1 – январь 1859 года> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 13.

новыми реализуется через остановку общественного обеспечения деятельности невостребованных социально-политических институтов и запуск современных. Этот процесс реализуется через механизмы, которые включаются в общественных системах, признаваемых Чернышевским ключевыми в данном отношении. Это легальная политическая борьба, законодательство, государственное управление. Однако решающую роль в обеспечении действия этих механизмов он считает модернизацию общественного сознания, просвещение и воспитание "нового человека" с помощью средств массовой информации»[559]. И прежде всего, – литературы. Чернышевский был убежден, что художественная литература оказывает прямое воздействие на действительность и обладает в этом смысле большим потенциалом, чем журнальные статьи. Она может воспитывать «нового человека», способного стать субъектом преобразований, на понятных примерах. Поэтому герои романа «Что делать?» сконструированы как желаемые общественные типы, пример для подражания молодежи.

Роман Чернышевского «Что делать?» был написан в Петропавловской крепости, удачно прошел цензурные ведомства и был опубликован в журнале «Современник». Однако все читатели романа понимали, что, желая легальной публикации, Чернышевский написал о социально-политических вопросах времени, используя иносказательный «эзопов» язык. На протяжении всего советского периода никто из исследователей не ставил под сомнение революционное содержание романа. Вслед за В.И. Лениным[560] и А.В. Луначарским, написавшим в 1928 г. статью о романе, во многом определившую курс советского литературоведения в отношении «Что делать?»[561], хрестоматийной стала точка зрения, что роман содержит «призыв к революции» и рисует образ революционера,

---

[559] *Никифоров Я.А.* Модернизация в социологическом дискурсе Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2013. С. 201–202.

[560] См.: *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 5. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 29–30; *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 20. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 175.

[561] См.: *Луначарский А.В*. Н.Г. Чернышевский как писатель // *Луначарский А.В.* Статьи о Чернышевском. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1985. С. 54–86.

«особенного человека» – Рахметова, последовательно готовящего себя к революционной деятельности.

«Эзоповским языком он владел в совершенстве, – писал о Чернышевском в 1977 г. В.Г. Смолицкий. – Он не напишет “бунт”, а скажет: “попытка отомстить без соблюдения формальностей”, он не употребит слова “революция”, а заменит его словами: “эпоха одушевления” народа, “минута одушевления” или “светлые эпохи одушевленной исторической работы”. Он не назовет “революционеры”, но “люди, имеющие в себе силу инициативы”»[562]. Действительно, в романе, написанном в тюрьме, Чернышевский ни разу не упоминает таких слов как «революция», «революционер», «революционная организация», даже – «социализм», однако в его лексиконе много слов и оборотов, в которых при желании можно увидеть их замену. И современники Чернышевского видели. Наиболее показателен пример восприятия романа молодым Лениным. Рассказ о Чернышевском, который оказал на Ленина наибольшее влияние в период, предшествующий его знакомству с марксизмом, мы находим в мемуарах Н. Валентинова (Н.В. Вольского) 1904 г. Судя по этим воспоминаниям, в разговоре с Лениным Валентинов позволил себе высказаться о романе «Что делать?», как о произведении «примитивном и претенциозном». На это Ленин ответил: «Под его влиянием (романа “Что делать?” – *Б.П.*) сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. *Он меня всего глубоко перепахал*. Когда вы читали “Что делать?”? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю

[562] *Смолицкий В.Г.* Из равелина. О судьбе романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Изд. 2-е, доп. М.: «Книга», 1977. С. 65.

жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют. <…> До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова, – продолжал Ленин, – главное, подавлявшее, влияние имел на меня только Чернышевский и началось оно с “Что делать?”. Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. <…> Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно, – добавил Ленин о его публицистике в целом. – О многих взглядах его нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках»[563]. В этих словах содержатся сразу несколько мыслей, которые дальше будут важны для определения общественного идеала в романе «Что делать?» и его восприятия современниками. Ленин прежде всего говорит о том, что роман Чернышевского сложен, зашифрован, но при внимательном чтении открывается как произведение революционное. Более того, роман обладает потенциалом колоссального воздействия на читателя, «дает заряд на всю жизнь», а благодаря образу Рахметова, способен сделать революционерами «сотни людей». Причем, последнее Ленин подтверждает собственным примером и примером старшего брата, народовольца Александра Ульянова. Еще одна важная деталь, Ленин оговаривается, что по-настоящему понял революционное содержание романа только после казни брата, до этого – был мал и не понимал.

Ленинская оценка романа Чернышевского была усвоена советской историографией. Подробно освещать ее нет необходимости, достаточно сослаться на обобщающую работу У.А. Гуральника 1980 г. «Наследие Н.Г. Чернышевского-

[563] *Валентинов Н. (Н.В. Вольский).* Из книги «Встречи с В.И. Лениным» // В.И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 5-е. М.: «Художественная литература», 1976. С. 647–648, 649.

писателя и советское литературоведение»[564], в которой было рассмотрено несколько сот публикаций, касающихся романа «Что делать?». Работами, содержащими наиболее развернутый анализ романа и в то же время наиболее типичный для советского литературоведения взгляд на его социально-политическое содержание можно назвать монографии Г.Е. Тамарченко «Романы Н.Г. Чернышевского» (1954) и «Чернышевский-романист» (1976). В главе «“Эзоповский сюжет” и организационно-политические идеи Чернышевского» своей итоговой работы Тамарченко писал, что роман «Что делать?» был построен Чернышевским «в самом легком и популярном духе», чтобы такой уловкой сбить с толку следователей и цензоров, добиться легальной публикации «безобидного» любовного романа и только в последнем номере «Современника», когда роман будет почти издан, а бдительность цензоров притуплена, высказать «основную идею», связанную с образом Рахметова. «В развитии “открытого” сюжета роль Рахметова ничтожна, – подчеркивал Тамарченко – <…> Зато в идейном замысле Чернышевского и в многоэтажной сюжетной структуре романа он занимает центральное место: с его образом входит в роман “идея идей” – о необходимости революционного действия, о неотложности создания нелегальной организации революционеров»[565]. Чернышевский, по его мнению, видел в сложившейся исторической ситуации не одну, а две одинаково вероятные возможности развития страны – революционное и мирное. «Какая из них победит – зависело, в частности, и от субъективного фактора: от осознанности исторических задач людьми, представляющими ее оптимальную тенденцию, от их готовности к историческому действию и способности внести организованность в стихийное движение масс, *если* оно вспыхнет»[566]. При этом вспышки «крестьянского возмущения»

---

[564] См.: *Гуральник У.А.* Наследие Н.Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение. Итоги, задачи, перспективы изучения. М.: Наука, 1980. 263 с. См. также: *Вайсман М.И.* Проблемы освящения романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863–2010) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3(15). Пермь, 2011. С. 132–134.

[565] *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский-романист. Л.: «Художественная литература», 1976. С. 204–205.

[566] Там же. С. 196.

многие современники Чернышевского ожидали к моменту завершения оформления договоров крестьян с помещиками об условиях их освобождения от крепостной зависимости, то есть, весной-летом 1863 г. И по логике Тамарченко (и множества советских исследователей), Чернышевский спешил в кратчайшие сроки закончить роман «Что делать?», над которым работал с 14 декабря 1862 г. по апрель 1863 г., чтобы посредством него содействовать созданию некоей революционной структуры, которая могла бы организовать «народную стихию» и обеспечить победу крестьянской революции в России. При кажущейся стройности аргументации рассуждения Тамарченко покоятся на допущении, что основной текст романа, его «семейно-психологическая» часть является лишь прикрытием для «идеи о необходимости революционного действия» и не имеет самостоятельной ценности. Однако если посмотреть на роман, не пытаясь найти в нем «главные» и «второстепенные» мысли, мы обнаружим, что все его фрагменты, связанные с «линией» Рахметова, по своему объему несоизмеримо малы по сравнению с теми фрагментами, где описывается вполне мирная стратегия встраивания «новых людей» в наличные хозяйственные отношения самодержавной России. Да и главные герои романа: Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна настойчиво изображаются Чернышевским «обыкновенными порядочными людьми нового поколения». Они, безусловно, наделяются многими положительными достоинствами, они социалисты, но, по словам автора, и им еще свойственно искать личную выгоду в жизни, они сочетают в себе черты индивидуализма, присущие людям уходящей эпохи, с желанием служить бедным. Эти отнюдь не «революционные типы» занимаются тем, что в своей повседневной деятельности пытаются изменить окружающую жизнь к лучшему. Лопухов, к примеру, бросив медицинский факультет, устраивается работать в заводской конторе, получает возможность благотворно влиять «на народ целого завода» и, по словам Чернышевского, «кое-что успевает там делать: развел охотников учить грамоте, выучил их, как учить грамоте, вытянул от фирмы плату этим учителям, доказавши, что работники от этого будут меньше портить машины и работу, потому что от этого пойдет уменьшение прогулов и пьяных глаз, плату самую

пустую, конечно, и как он оттягивает рабочих от пьянства и для этого часто бывает в их харчевнях, – и мало ли что такое»[567]. Чернышевский не говорит о конечной цели «воспитания» рабочих и в интересах сюжета резко меняет судьбу Лопухова, который инсценировав свое самоубийство, уезжает в Европу, а затем в США, где добивается американского гражданства. Вернувшись в Россию под фамилией Бьюмонт, он продолжает мирную созидательную деятельность, помогая развивать швейные мастерские Веры Павловны. Она, в свою очередь, тоже занимается «воспитанием» своих работниц, образовывает их, приучает к коллективному труду и личной ответственности. Третий же герой романа, Кирсанов, работает врачом.

Одним словом, никого из своих главных героев Чернышевский не отправляет в «революционное подполье», даже не намекает на это. Их деятельность легальна, открыта, построена на новых принципах, но ведется в полном соответствии с действующим законодательством. И если попытаться посчитать, какое колоссальное количество страниц романа Чернышевский тратит на то, чтобы описать все выгоды идеи кооперативной мастерской Веры Павловны и жилищной коммуны для девушек-работниц, создается впечатление, что он звал современников не «к топору», а к «развитию» и труду. «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, – обращается Чернышевский к читателям, – поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить, на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их – их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь – наблюдать ее интересно, думайте – думать завлекательно. Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается – их не нужно»[568].

Одним словом, если прав Тамарченко, утверждавший, что уже в 1861 г. Чернышевский видел «две одинаково вероятные возможности» развития страны

---

[567] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 198.
[568] Там же. С. 233.

по революционному пути или мирному, то, кажется, предпочтительным ему казалось как раз мирное развитие. Что же касается спешки, с которой писался роман «Что делать?» в Петропавловской крепости, ее можно объяснить совершенно противоположной целью – предотвратить революцию. На это обратил внимание В.Ф. Антонов в работе 2000 г., где представил новый взгляд на социально-политическое творчество Чернышевского: «Не подстегнуть "крестьянскую революцию" и стать ее руководством должен был роман, а, напротив, предупредить молодежь от опасных увлечений, охладить горячие головы. Что делать? Заводить мастерские!»[569]. В 1863 г. призыв Чернышевского к мирному социализму был услышан и понят современниками: «роман сфокусировал в себе стихийную практику трудовых объединений»[570]. Последователи идей романа не были в России изобретателями первых товариществ, однако после выхода «Что делать?» молодые социалисты получили мощный дополнительный импульс к созданию разнообразных трудовых артелей на коллективных началах. И можно говорить уверенно, что в момент выхода роман был прочитан и оценен прежде всего, как пропаганда легальных трудовых объединений, а не «нелегальных организаций революционеров».

Остается образ Рахметова, «особенного человека». Чернышевский оставил по поводу поведения этого необычного героя такое количество недомолвок и одновременно так высоко его поставил, называя человеком «высшей натуры», «двигателем двигателей», что многие читатели романа легко разгадали в этом таинственном герое революционера, который пока не состоит в революционных организациях, но «годами вырабатывает» в себе интеллектуальные и волевые качества, необходимые для непосредственного участия в революционном восстании. В советской историографии его неизменно называли «профессиональным революционером». Однако и с образом Рахметова не все так однозначно.

---

[569] *Антонов В.Ф.* Н.Г. Чернышевский: Общественный идеал анархиста. Изд. 3-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 145.
[570] Там же. С. 147.

4 апреля 1863 г. Чернышевский отправил из Петропавловской крепости пояснительную «заметку» для А.Н. Пыпина и Н.А. Некрасова по поводу продолжения уже написанного романа «Что делать?». Чернышевский рассказал там, что вторую часть романа хотел бы построить вокруг фигур Рахметова и «дамы в трауре», которая была когда-то спасена последним. Это должна была быть история любви, которая закончится счастливым браком. «Общая идея второй части, – пишет Чернышевский, – показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд <…> У меня так и подделано: и Рахметов, и дама в трауре на первый раз являются очень титаническими существами; а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся даже людьми мирного свойства и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями»[571]. Разумеется, в советское время эта «заметка» считалась частью конспиративной кампании Чернышевского, она должна была ввести в заблуждение и следственную комиссию и цензурные ведомства по поводу образа Рахметова, который готовится якобы не к революции, а к мирной семейной жизни. Так Чернышевский пытался убедить цензуру в безвредности своих героев[572]. Однако в современной литературе о романе к этой «заметке» относятся иначе, а образ Рахметова подвергается радикальному переосмыслению. Упомянутый В.Ф. Антонов, например, склонен верить, что Чернышевский действительно мог бы сделать повзрослевшего Рахметова добропорядочным семьянином, ведь и в написанной части романа он только совершенствуется (что бывает свойственно молодым идеалистам 17–22 лет) и изредка дает полезные советы героям романа, выступает мудрым наставником. Кроме этого, Рахметов занимается благотворительностью (содержит на свои деньги семерых студентов), с риском для жизни спасает в дорожной катастрофе светскую незнакомку, «и вообще постоянно выступает в роли доброго самаритянина»[573].

---

[571] *Чернышевский Н.Г.* Заметка для А.Н. Пыпина и Н.А. Некрасова // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 744.

[572] См.: *Бухштаб Б.Я.* Записка Н.Г. Чернышевского о романе «Что делать?» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1953. Вып. 2. С. 158–169.

[573] См.: *Сердюченко В.Л.* Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы, 2001. № 3. С. 66–84.

Упоминаний о его якобы профессиональной революционной деятельности в романе не найти, кроме единственного и достаточно туманного фрагмента: «у него беспрестанно бывали люди, то все одни и те же, то все новые; для этого у него было положено: быть всегда дома от 2 до 3 часов; в это время он говорил о делах и обедал»[574]. Кто бы ни были эти люди, считать их «революционерами-подпольщиками» – оснований мало. «Этот образ Рахметова-наставника далек от образа того героя, которого литература наделила чертами титанического разрушителя старого строя, – указывает Антонов. – Сам Чернышевский, о чем уже сказано выше, видел в нем не разрушителя, а созидателя нового, человека “мирного свойства”, который будет “откровенно улыбаться над своими экзальтациями” предшествующего времени. Это – человек будущего, но титан только лишь в сравнении с современниками»[575]. Если Антонов сомневается только в том, что Рахметов готовил себя исключительно к революции, то американский исследователь Э. Дрозд, поставивший задачу переоценки романа, идет дальше и бросает вызов традиционной интерпретации Рахметова как идеала Чернышевского. Он посвящает главу своей монографии тому, чтобы показать, что в самом тексте романа содержится «много подсказок, что Рахметов отвергнут, а не одобрен автором»[576]. Однако такая интерпретация иносказаний и «подсказок» Чернышевского выглядит не меньшим насилием над текстом, чем попытка советских исследователей найти в романе написанную между строк «структуру революционного движения, революционной организации».

---

[574] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 210–211.

[575] *Антонов В.Ф.* Н.Г. Чернышевский: Общественный идеал анархиста. Изд. 3-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 153.

[576] См.: *Drozd A.* Chernyshevskii’s What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, III.: Northwestern University Press, 2001. P. 113–141. Надо заметить, что еще до Дрозда сомнение в «идеальности» Рахметова было высказано в эмигрантской работе П. Вайля и А. Гениса «Родная речь», впервые напечатанной в Нью- Йорке в 1989 г. Вайль и Генис не делают из этого далеко идущих выводов, но, рассказывая о романе «Что желать?», замечают иронию Чернышевского по отношению к своему «особенному» герою: «Рахметов подан так, что в описании его подвигов сквозит ирония. Построенное по канонам агиографической литературы (телесные и духовные искушения героя, мученичество, аскетизм), житие Рахметова выглядит анахронизмом и невольно сбивается на пародию» (*Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Независимая газета, 1999. С. 188–189).

Если мы посмотрим на роман «Что делать?» не только как на однозначное послание современникам, а как на размышление о возможных сценариях жизни для представителей молодого поколения русского пореформенного общества, мы можем увидеть, что Чернышевский действительно рассматривает две стратегии. Первая – мирное встраивание «новых людей» в наличную социально-политическую действительность: создание производственных ассоциаций на началах коллективизма, благотворное влияние своим примером и образом мыслей на общественное мнение в стране, что создает предпосылки для «медленного прогресса». Вероятно, Чернышевский надеялся даже на участие «новых людей» в легальной политической борьбе, на их интеграцию в органы государственного управления. Мы вполне можем делать такое предположение, ведь известно, что Чернышевский поддерживал либеральные начинания правительства и надеялся на их развитие. «Мирная» стратегия кажется Чернышевскому предпочтительной, иначе он не потратил бы столько сил, чтобы убедить своих читателей в выгоде жилищных коммун и кооперативных мастерских, не пытался бы создать целостное мировоззрение для молодых разночинцев, объяснить, опираясь на какие принципы, им необходимо строить семьи и отношения с людьми предшествующих поколений и враждебных убеждений. Чернышевский написал не рассказ о том, какими были «новые люди», а создал набор моделей, какими они должны стать. И это был набор моделей, предназначенных для «мирной» жизни в капиталистическом обществе самодержавной России, которая нуждается в постепенной перестройке.

Но, помимо этого, Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария развития событий. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, будет преследовать, в том числе, вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция. Рахметов пока только закаляет волю, читает авторов-социалистов и, может быть, даже собирается жениться. Он еще не революционер. Но если, «благодаря» правительству, жизнь в стране станет невыносимой, возможно, его «особые» качества

смогут пригодиться. В сюжете романа есть даже определенная поворотная точка, после которой события идут двумя альтернативными путями, и Чернышевский показывает «мирную» и «не мирную» стратегии развитии в некоторой перспективе, как будто предоставляя (и молодым людям, и власть предержащим) возможность выбирать, что им больше по душе. Эта поворотная точка – вершина успеха мастерских Веры Павловны, когда они множатся, расширяются, приобретают самостоятельную силу развития. В этот момент работницы, бывшие до этого безынициативными, все более становятся организаторами дела, и дело их растет благодаря заложенным в нем рациональным основам труда. Вера Павловна оказывается уже не так нужна в мастерских, а это показатель, что развитие их пошло по правильному направлению. Именно в этот момент Вере Павловне снится знаменитый четвертый сон о социалистическом будущем. Будто на первом камне новых хозяйственных отношений, который заложила когда-то Вера Павловна, естественным образом вырастает прекрасный мир будущего, социалистическая утопия. Чернышевский подчеркивает, что переход к желаемому социализму происходит мирным путем, когда критическое количество людей, развиваясь умственно, понимает наконец все выгоды нового строя[577]. По логике Чернышевского «новый мир» строят не пламенные идеалисты, а разумные эгоисты. Этот мир будет построен не сразу, должно смениться несколько поколений пока это произойдет.

Важно упомянуть еще об одном факторе перехода к новому обществу – гармонизации семейных отношений. Вообще, в центре романа о «новых людях»,

[577] Вера Павловна, видя прекрасно организованный мир будущего, спрашивает у своей провожатой, «царицы» нового мира, «как это сделалось?», на что «царица» отвечает: «да что ж тут мудреного? Ведь это сделалось не в один год, и не в десять лет, я постепенно подвигала дело. <…> Они (люди. – *Б.П.*) только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе. Недаром же я работаю и учу. Трудно было людям только понять, что полезно, они были в твое время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безрассудными, но я учила и учила их; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего трудного, ты знаешь. Ты кое-что делаешь по-моему, для меня, – разве это трудно?" "Нет". – "Конечно, нет. Вспомни же свою мастерскую, разве у вас было много средств? разве больше, чем у других? <…> Ты сама доказала, что и в твое время люди могут жить очень привольно. Нужно только быть рассудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, как выгоднее употреблять средства"» (*Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 288).

стоят сердечные отношения, вопросы «семьи, любви и верности». И если разбираться, почему оно так, и не удовлетворяться ответом, что о любви писал Чернышевский только с целью закамуфлировать призыв к революции, подсказку можно обнаружить в воспоминаниях Н.Я. Данилевского о своей юности, когда он был петрашевцем. Он писал, что в 1840 гг. русские социалисты (в частности, петрашевцы), впитывая идеи Фурье, сосредотачивали свое внимание не столько на политических вопросах организации общества, сколько на вопросах бытовых, которые чаще всего «преобразователями» всех мастей игнорируются, на «ежедневные, домашние, так сказать, будничные отношения людей между собою, которые только для поверхностных наблюдателей могут казаться ничтожными, а которые в сущности играют самую важную роль в вопросе человеческого счастья»[578]. Социалисты полагали, что преобразование личных отношений, особенно супружеских, в конечном счете может привести к «гармонии чувств», а это, в свою очередь, должно повлечь за собой и социальную гармонию. Поэтому в борьбе за социальное переустройство общества главной задачей становится – разобраться в человеческих чувствах и отношениях. Чернышевский разделял эту точку зрения и считал, что художественная литература, создающая образцы для подражания, должна сыграть тут решающую роль. Именно поэтому в своем романе он так много размышляет о рецепте семейного счастья, основой которого является равноправие в отношениях мужчин и женщин. Именно поэтому проводницей Веры Павловны по прекрасному миру будущего является его «царица», которую так и зовут: «Равноправность». Таким образом, предпосылками мирного перехода к социализму является гармонизация семейных отношений, свободный доступ людей к просвещению, которое даст понять им все выгоды новой социалистической организации. И, конечно, отсутствие препятствий развитию новых семейных и хозяйственных отношений со стороны государства.

Но в романе в качестве альтернативы предложен и негативный сценарий развития событий. Когда мастерские стали разрастаться, получать много

[578] *Данилевский Н.Я.* Учение Фурье // Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сборник материалов.: В 3-х т. Т. 2. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 121.

заказов, приносить большой доход, а Вера Павловна вместе с ее единомышленницей Мерцаловой решили открыть магазин на Невском, ими заинтересовалась полиция. «Мерцалова и Вера Павловна уже мечтали в своих разговорах, что года через два вместо двух швейных будет четыре, пять, а там скоро и десять, и двадцать»[579], но этому сбыться было не суждено. В черновой редакции романа Чернышевский пишет, что через два-три месяца после открытия «стали замечаться в магазине посетители, отличавшиеся любознательностью, несколько неловкою, которой как будто конфузились сами». Вслед за этим Кирсанова познакомили с неким «просвещенным человеком», который «по-дружески» предупредил: «Магазин г-жи Кирсановой имеет вредное направление, и я бы советовал ей, и в особенности вам, быть осторожнее»[580]. В окончательном варианте романа эти эпизоды описаны менее откровенно, однако идея Чернышевского понятна. Он показывает, что «социалистическим» магазином заинтересовались государство, Кирсанов предпринял усилия, чтобы убрать из его названия «труд» (в котором «просвещенный человек» увидел отсылку к французским революционным лозунгам), но вследствие всего этого «Мерцалова и Вера Павловна значительно порезали крылья своим мечтам и стали заботиться о том, чтобы хотя удержаться на месте, а уж не о том, чтоб идти вперед. <…> швейные и магазин продолжали существовать, не развиваясь, но радуясь уже и тому, что продолжают существовать»[581]. Вероятно, Чернышевский намекает, что «просвещенный человек» состоит в Третьем отделении или каком-то другом государственном учреждении, если знакомство их с Кирсановым происходит в присутственном месте, куда тот приходит как «посетитель»; а «просвещенный человек» по своей должности «служит посредником между государственной необходимостью и частными интересами».

---

[579] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 291.

[580] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях (Черновая редакция и варианты отдельных глав) // *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 657–658, 660.

[581] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 291.

Из какого присутственного места «просвещенный человек», не так важно. В романе нет и прямого указания, почему после этого «знакомства» дело Веры Павловны перестало расти. Вряд ли такие катастрофические последствия для «коммерческого предприятия» могло иметь изменение «социалистического» слова «труд» на «консервативное» – «вера» в названии магазина. Мастерские богатели раньше и без магазина. Но очевидно одно, естественному развитию мастерских помешало «доброжелательное внимание» государства, и теперь разочарование и тревога не покидают их руководительниц. Так проходит два года. В конце романа есть сцена разговора Веры Павловны с Катериной Полозовой о мастерских: «“Жаль, что нет возможности развиваться этим швейным: как они стали бы развиваться”, говорит иногда Вера Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвечает на это, только в глазах ее сверкает злое выражение. “Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, – говорит Вера Павловна. – <…> Впрочем, Катя, ты меня заставила не знаю о чем думать. Мы проживем тихо и спокойно”»[582]. Ответ «мирных» «новых людей» – жить «тихо и спокойно», с представителями власти не конфликтовать, делать свое дело. Но злость и раздражение растет.

Вслед за разговором Веры Павловны и Катерины Васильевны следуют две последние сцена романа: «зимний пикник», где появляется новый загадочный персонаж, «дама в трауре», и короткая главка «Смена декораций». Фокус повествования смещается, и эта «дама в трауре» неожиданно становится главным действующим лицом финала романа. В советское время было принято считать, что в двух последних сценах происходит встреча «обыкновенных порядочных людей», как называет Чернышевский Веру Павловну, Лопухова и Кирсанова, с еще одним «особенным человеком», женой или невестой революционера, который находится в тюрьме или в ссылке. Здесь же упоминается о необходимости возвращения «того русского» из Америки. Вероятно, намек на Рахметова, которому «пора бы вернуться». В главке «Перемена декораций» загадочная дама едет уже радостная по улицам Петербурга в ярко розовом платье со своим

[582] Там же. С. 334.

освобожденным другом. Происходит это через два года после «зимнего пикника». Появление этого человека, «мужчины лет тридцати», становится символическим итогом книги. Но кто он? В советской литературе спорили, мог ли Чернышевский показать таким образом собственное воссоединение с женой, Ольгой Сократовной, после освобождения из тюрьмы[583]. Робко в советское время и более уверено сегодня высказывается точка зрения, что это мог быть Рахметов[584]. Как бы там ни было, все соглашаются, что «шифр последних глав связан с символикой наступающих перемен». «Переход к более прямым и опасным формам самоотверженного служения народу, – писал Тамарченко о смысле этих сцен, – составляет подлинную развязку и того “открытого” сюжета, который складывается из истории взаимоотношений “обыкновенных порядочных людей”»[585]. Если придерживаться мнения, что «революционная» линия романа является предостережением, то можно согласиться с Тамарченко: когда становится понятно, что государство не даст развиваться простым «новым людям», на сцену выходят революционеры.

Итак, отвечая на вопрос о том, что Чернышевский проповедует в романе «Что делать?»: мирное развитие или революцию, правильным представляется утверждение, что, в большей степени, – мирное развитие, но предупреждает и о возможности революции. При этом точнее говорить не о «проповеди», а о

---

[583] См.: *Бухштаб Б.Я.* Записка Н.Г. Чернышевского о романе «Что делать?» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1953. Вып. 2. С. 158–169. И ответ ему: *Тамарченко Г.Е.* Романы Н.Г. Чернышевского. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1954. С. 66, 69–70.

[584] См.: *Шеля А.И.* О чем поет «дама в трауре»: к проблеме финала «Что делать?» // «Текстология и историко-литературный процесс». IV Международная конференция молодых исследователей [19–20 марта 2015 г.]: сборник статей. М.: Издательство «Буки Веди», 2016. С. 89–93. Некоторые романные нестыковки, например, как Рахметов может в одно время находиться и в Америке, и в русской тюрьме (ссылке), если именно его ждет два года «дама в трауре», Шеля объясняет спешкой, с которой Чернышевский писал роман. По его мнению, он не имел возможности непротиворечиво выстроить сложный «многоходовой шифр» романа и, скорее, использовал «монтаж мотивов», пользовался «риторически удобными ходами» по мере того, как возникает возможность. «Это может почти незаметно противоречить логике повествования, как происходит в окончательной редакции романа, когда разница между женихом дамы и Рахметовым становится неуловимой, при том, что линия самого Рахметова не может служить ключом ко многим сценам “зимнего пикника”, которые требуют понимания автобиографических проекций “Чернышевский – Ольга Сократовна”» (Там же. С. 92).

[585] *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский-романист. Л.: «Художественная литература», 1976. С. 222.

размышлениях Чернышевского о двух сценариях развития страны. Роман был написан в 1862–1863 гг., тогда, несмотря на начавшиеся правительственные репрессии, исход Великих реформ еще не был до конца ясен. Вполне возможно, что в таких условиях Чернышевский мог ставить перед собой и задачу «предупредить молодежь от опасных увлечений» революцией, направить их деятельность в созидательное русло, если еще есть шанс развития мирным путем; и задачу предупредить правительство от дальнейших репрессий и вмешательства в независимые хозяйственные предприятия, намекая на то, что чаша терпения может когда-то переполниться.

Призыв Чернышевского к созданию мирных производственных организаций нашел самый горячий отклик в среде молодежи. Например, члены кружка Н.А. Ишутина, вдохновленные деятельностью героев романа «Что делать?», загорелись идеей создать товарищество извозчиков, ассоциацию рабочих брянского металлургического завода, артель на ватной фабрике в Можайском уезде. Они обращались в Министерство внутренних дел с просьбой выделить им землю во Владимирской или Симбирской губерниях для создания сельскохозяйственной фермы на коллективных началах. Но власти не разрешили открыть им ни одной производственной ассоциации. В 1864 г. году они завели переплетную мастерскую, а в 1865 г. по инициативе Ишутина была создана еще и швейная мастерская. Но эти начинания потерпели неудачу, что привело к радикализации кружка. Ишутинцы, по словам Антонова, «оказались первой народнической организацией, которая из-за невозможности конструктивно сотрудничать с властями самодержавной России вынуждена была отказаться от надежд на мирное преобразование страны и перейти к подготовке и осуществлению насильственных мер уже с целью ниспровержения самого режима самодержавия»[586]. Печальный прогноз Чернышевского начал сбываться, к мастерским и ассоциациям на коллективных началах власть отнеслась враждебно[587]. Пользуясь

[586] *Антонов В.Ф.* Н.Г. Чернышевский: Общественный идеал анархиста. Изд. 3-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 165.

[587] Процесс радикализации первых народнических организаций хорошо описал П.А. Кропоткин в «Записках революционера»: «Несколько молодых людей (из кружка Д.В. Каракозова и

терминологией Чернышевского, можно сказать, что Ишутин и его сподвижник Каракозов постепенно из «обыкновенных порядочных людей» стали «особенными людьми» и придали кружку уже чисто политический характер. И после того, как Каракозов в 1866 г. осуществил первое покушение на Александра II, а правительство ответило суровыми мерами, процесс радикализации народнических организаций было уже не остановить. Чернышевский «увлек моего брата, он увлек и меня», писал Ленин. И это кажется вполне естественным. Александр Ульянов прочитал роман после казни в 1881 г. А.И. Желябова, С.Л. Перовской, Н.И. Кибальчича, устроивших покушение на Александра II. Ленин прочитал роман после казни брата и его соратников в 1887 г., планировавших покушение на Александра III. Поэтому они не могли увидеть в романе проповеди мирного встраивания «новых людей» в социально-политическую и экономическую жизнь самодержавной России. Эта возможность была упущена. Теперь читатели романа видели исключительно вдохновляющий пример революционера-Рахметова и слышали призыв к восстанию, высказанный эзоповым языком.

Несмотря на это, общественный идеал, выраженный в романе «Что делать?», сложно связывать с его зашифрованной «революционной линией», даже если она и задумывалась автором. Роман повествует о «новых людях» и живописует образ будущего, представленный в четвертом сне Веры Павловны. И если выделять характеристики общественного идеала (его носителей и

Ишутина. – *Б.П.*) из которых вышли бы блестящие профессора, выдающиеся историки и этнографы, решили в 1864 году стать, несмотря на все препятствия со стороны правительства, носителями знания и просвещения среди народа. Они селились, как простые работники, в больших промышленных городах, устраивали там кооперативные общества, открывали негласные школы. Они надеялись, что при известном такте и терпении удастся воспитать людей из народа и таким образом создать центры, из которых постепенно среди масс будут распространяться лучшие идеи, – но, к сожалению, продолжает Кропоткин. – <…> В период времени 1862–1866 годов политика Александра II приняла решительно реакционный уклон. <…> Реформы, составлявшие славу первых лет его царствования, были изуродованы и урезаны рядом временных правил и министерских циркуляров. <…> Никто не надеялся, что главная реформа – освобождение крестьян – устоит от ударов, направленных против нее из Зимнего дворца. Все это должно было привести Каракозова и его друзей к убеждению, что даже то немногое, что сделано, рискует погибнуть, если Александр II останется на престоле, что России грозит возврат ко всем ужасам николаевщины» (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 247).

способы осуществления), то носителями являются «обыкновенные порядочные люди», представители молодого поколения, а способом – мирное эволюционное развитие.

Итак, мы выяснили, кто, по Чернышевскому, должен был выступать носителями общественного идеала в романе «Что делать?», выяснили какой механизм перехода к чаемому общественному устройству он считал предпочтительным. Осталось определить то, каким представлял Чернышевский модернизированное будущее, каковы контуры наиболее совершенного общественного устройства.

Первым из философов, кто выступил с развернутой оценкой системы взглядов Чернышевского, был марксист Г.В. Плеханов[588]. Он показал, что в романе Чернышевского «Что делать?» с идейной точки зрения нет ничего нового, ничего оригинального. Если говорить о любовной и семейной линии, то она позаимствована из романа Жорж Санд «Жак», идея кооперативной мастерской Веры Павловны взята из книги «Организация труда» Л. Блана, а социалистический идеал из «Четвертого сна» «нарисован им целиком по Фурье». Заслуга Чернышевского, как считал Плеханов, состояла в том, что он адаптировал и популяризировал идеи социалистов, которые до этого были известны лишь узкому кругу читателей. Чернышевский придал идеям Санд, Блана, Фурье, Фейербаха «небывалое до тех пор у нас распространение». Он ознакомил с ними широкую публику, и «уже ввиду одного этого можно сказать, что имя Чернышевского принадлежит истории, и будет оно мило людям, и будут вспоминать его с благодарностью, когда уже не будет в живых никого из лично знавших *великого русского просветителя*»[589]. Но для развития освободительного движения в России Чернышевский сделал нечто большее. Дело в том, что наши первые социалисты (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, народники) представляли будущее как

[588] В 1889 г. умер Чернышевский, а уже в 1890–1892 г. Плеханов выпустил четыре большие статьи, содержащие, по словам их автора, «по возможности полную и беспристрастную» оценку его литературной деятельности. В 1894 г. на основе этих статей вышла на немецком языке книга «Н.Г. Чернышевский и его время», которая в окончательной дополненной редакции была опубликована в России в 1909–1910 гг.

[589] *Плеханов Г.В.* Н.Г. Чернышевский [1909] // *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. Т. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 226.

федерацию свободных крестьянских общин. Россия – крестьянская страна, крестьян угнетают, надо положить конец угнетению и дать крестьянам жить свободно и счастливо. Звучит справедливо и убедительно, только скучно, особенно для представителей молодого поколения. Многим в России хотелось мыслить будущее не только в виде федерации свободных крестьянских общин, большой счастливой деревни, а как-то более современно. И Чернышевский, опираясь на идею фаланстера Фурье (с добавлениями «из Р. Оуэна»), подарил своим современникам мечту о технократическом рае. Но Чернышевский не механически повторял идеи великих предшественников, Фурье и Оуэна он улучшил и дополнил.

Социалистическая утопия Чернышевского описана в главе, которая носит название «Четвертый сон Веры Павловны». Главной героине романа «Что делать?» снится будущее. И выглядит оно впечатляюще. Это совсем не деревня. Россияне будущего живут в небоскребах с «огромными залами», «широкими галереями», театрами, библиотеками, музеями и прочим. Коллективные дома, фаланстеры, – это идея Фурье, который хотел застроить Францию прекрасными «Дворцами Гармонии». Фурье писал, что за последние тысячелетия архитекторы научились создавать «простую роскошь», но не имеют еще никакого представления о «сложной» или «коллективной» роскоши. Фурье нисколько не стыдился роскоши, наоборот. В работе «Новый промышленный и общественный мир…» он писал, что «заботы о коллективных украшениях, о роскоши целого становятся в ассоциации столь же драгоценными, как и другие отрасли индустрии»[590]. У Чернышевского коллективная роскошь изображена в виде небоскреба из чугуна с огромными общими залами, устланными мягкими коврами и заставленными легкой алюминиевой мебелью. В 1851 г. для Всемирной выставки в Лондоне был выстроен громадный Хрустальный дворец из стекла и железа, в котором помимо «достижений народного хозяйства» находился зимний сад с редкими южными растениями. Этот хрустальный дворец поразил

[590] *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир… // *Фурье Ш.* Избранные сочинения. Т. 2. М., 1939. С. 206.

современников и Чернышевского в том числе. И он решил, что в его утопии люди будут жить в многоэтажных стеклянных дворцах.

Фурье допускал в своих производственно-потребительских обществах (фалангах) мирное сосуществование «представителей труда, капитала и таланта». Он считал такое неравенство «пружиной гармонии» при условии гарантированного минимума материальных благ. Чернышевский устранял это неравенство. В России будущего работают все с детского возраста[591]. И работать, по Чернышевскому, важно не только потому, что это справедливо, но и потому, что не «наработавшись вдоволь», нельзя «приготовить нерв» для удовольствий и веселья, которые наступают вечером в хрустальных дворцах. Как и у Фурье, у Чернышевского было убеждение, что работникам должно отводиться столько же времени на развлечение, сколько на общественно-полезный труд. «Трудовые сеансы будут сменяться шумными праздниками», – писал он, и праздники во дворце выглядят не примитивными народными гуляниями. Тот факт, что все жители дворцов культурно развиты, делает вечерние развлечения, наполненные музицированием, пением и танцами, изысканными. В большом оркестре дворца музыканты постоянно меняются, потому что на музыкальных инструментах умеют играть все; а голоса их лучше, чем у профессиональных оперных певцов Европы XIX в. Перед нами «всесторонне развитые личности».

Наконец, роднит Чернышевского и Фурье идея свободной любви. Под конец вечера из зала общих развлечений, где играет оркестр, парочки расходятся по специально устроенным тут же маленьким комнатам, где «занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук»[592]. «Он (Чернышевский. – *Б.П.*) оканчивает фаланстером, борделью, – писал Герцен. – Смело»[593].

---

[591] Идея «гармонического» трудового воспитания детей тоже позаимствована у Фурье. См.: *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир… // *Фурье Ш.* Избранные сочинения. Т. 2. М., 1939. С. 162–233.

[592] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 290.

[593] *Герцен А.И.* 152. Н.П. Огареву. 8 августа (27 июля) 1867 г. Ницца // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 167.

Еще одно важное новшество. У Фурье фаланга была по преимуществу сельскохозяйственной ассоциацией. Промышленность у него занимала подчиненное место. Оуэн, напротив, был певцом крупной промышленности, пара и машин. Чернышевский придумал компромисс: ассоциации будущего тоже занимаются преимущественно обработкой полей, однако все полевые работы ведутся людьми на больших машинах. «Почти все делают за них машины – и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, – люди почти только ходят, ездят, управляют машинами». Население земли перестало жить в городах, которых теперь меньше прежнего. «Петербурги, Парижи и Лондоны» существуют, но там практически никто не живет, туда приезжают на несколько дней для разнообразия. «99 человек из 100» живут в хрустальных небоскребах производственных ассоциаций, «потому что это им приятнее и выгоднее»[594].

Казалось бы, прав Плеханов, Чернышевский не предложил ничего нового, он лишь своими словами пересказал концепцию Фурье, слегка ее осовременив и адаптировав к российским условиям. Однако если бы не было романа «Что делать?», вероятно, мы жили бы в другой стране. Ведь «коллективной роскошью» Советского Союза мы, во многом, обязаны Чернышевскому, который когда-то произвел столь сильное впечатление на своих современников и на поколение революционеров, пришедшим им на смену. Ленин вдохновлялся не уже далекими для его поколения трактатами Фурье, он читал роман «Что делать?», и конечно, родному Чернышевскому, а не французскому утописту, мы обязаны появлению по всей стране дворцов профсоюзов, дворцов культуры, дворцов пионеров и сталинских высоток.

Итак, Плеханов высказал мысль, что в романе «Что делать?» Чернышевский выразил свой социалистический идеал наиболее наглядно и полно. Однако в новейшей литературе все больше говорят о том, что идеал Чернышевского был очень тесно связан с его пониманием христианства, на что нельзя не обращать внимания, а в романе «Что делать?» без труда находят большое количество

[594] См.: *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 285, 287.

библейских мотивов. Все это позволяет говорить о специфическом христианском социализме Чернышевского, который ставил перед собой задачу «духовного возрождения человека»: «Его еще покамест не распяли, / Но час придет – от будет на кресте, / Его послал бог Гнева и Печали / Рабам земли напомнить о Христе». Эти слова из стихотворения Н.А. Некрасова «Пророк (Из Барбье)», написанного в 1874 г. «в воспоминание» о Чернышевском, можно рассматривать как эпиграф к теме «Христианство Чернышевского».

Прежде всего, нужно сказать, что уподобление «материалиста» Чернышевского Христу, а романа «Что делать?» евангелию, только в советское и постсоветское время стало звучать экзотично. В конце XIX в. такие аналогии не только никого не смущали, а, скорее, были общим местом. Например, упомянутый Ишутин говорил, что он знает лишь трех великих людей: Иисуса Христа, апостола Павла и Николая Чернышевского[595], а роман «Что делать?» сразу после выхода стали называть «евангелием нигилистов». Кроме того, известно, что Чернышевский был хорошо знаком с многочисленными попытками европейских авторов XIX в. адаптировать христианские ценности к конкретным социально-политическим и этическим проблемам века. В романе «Что делать?» он дает базовый список литературы, необходимой для первичного знакомства с этой интеллектуальной традицией. Лопухов, «развивая» Веру Павловну, приносит ей две книги: «Социальную судьбу» (1834) В. Консидерана и «Сущность христианства» (1841) Л. Фейербаха. В романе не раз упоминается имя Ж. Санд, в произведениях которой концепция христианского социализма была тесно связана с романтической идеей «свободы сердца». И Санд, и Консидеран считали себя последователями А. де Сен-Симона, создателя теории «нового христианства». Французским христианским социалистам свойственно было отождествлять социализм с «подлинным» христианством, а Христа называть «первым социалистом». Гегельянец Фейербах, в свою очередь, считал, что идея Бога не выдерживает испытание наукой и нуждается в пересмотре, и в Боге необходимо

[595] См.: *Шилов А.А.* Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. Т. 4(17). М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 93.

искать символическую проекцию самого человека. В 1840 гг. идеи французского утопизма одновременно с фейербаховским антропологизмом активно усваивались молодыми русскими радикалами, А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, В.Г. Белинским, молодым Ф.М. Достоевским и др. И разумеется, стали частью мировоззрения Чернышевского, причем, вероятно, они легли на благодатную почву богословского образования, полученного им в семинарии[596].

Одним из первых сделал евангельские мотивы в романе «Что делать?» объектом научного исследования американский исследователь Ф. Рэндалл. В монографии 1967 г. он писал об очевидных параллелях между образом Рахметова и Иисусом Христом[597]. Но переломной работой в этом отношении стала уже упомянутая англоязычная монография И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» 1988 г. Паперно пишет, что Чернышевский, выросший на духовной почве русского православия, предпосылкой для радикальных материалистических и социалистических убеждений сделал христианскую догматику – «хорошо известные истины православного катехизиса». С ее точки зрения, Чернышевский вырабатывал свою теорию, которая потом легла в основу социалистического идеала романа «Что делать?», последовательно пересматривая основные положения православного катехизиса. Паперно ставит перед собой задачу реконструировать этапы этого пересмотра. Прежде всего, с ее точки зрения, отталкиваясь от утверждения Фейербаха, что «надежда на вечную жизнь несовместима с борьбой за улучшение земной жизни человека», Чернышевский отказался от идеи личного бессмертия. Потом христианскую идею свободной воли заменил утилитаристским (в духе Милля и Бентама) утверждением, что личный выбор определяется суммой обстоятельств, не подвластных воле человека, и управляется фундаментальным принципом пользы. Отсюда вырастает концепция «разумного эгоизма» «новых людей» Чернышевского, в которой между утилитаризмом, эгоизмом и

[596] См.: *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. P. 120–153.
[597] См.: *Randall F.B.* N.G. Chernyshevskii. New York: Twayne, 1967. P. 111.

альтруизмом нет противоречия, и эгоизм вполне оказывается «совместим с принципами христианской морали». На следующем этапе размышлений Чернышевский отказывается от понятия греха. Для утилитаризма нет «греха», а есть «просчет», математическая ошибка, которая не может принести большого вреда обществу, люди в котором осознали свои «истинные потребности». А если нет греха, нужно отказываться от христианского догмата о добре и зле и пересмотреть идею спасения и загробной жизни. «Логический вывод из всей этой цепи рассуждений, – заключает Паперно, – таков: безгрешный человек примиряется с Богом. Назначение человека состоит в том, чтобы создать небесную гармонию в земной жизни. Цель и назначение человека – создания Царства Небесного на земле»[598]. Несмотря на то, что в соответствии с реконструированной системой, Чернышевский в своих построениях отталкивался от отрицания бессмертия души, Паперно особенно отмечала, что ее нельзя назвать в строгом смысле атеистической. На место Бога фейербаховская антропология ставила человека, обращая сферы сакрального и профанного. «Десакрализация сакрального, вызванная позитивистским пересмотром христианства, имела своим следствием сакрализацию повседневной жизни обычных людей, особенно тех, кто принимал активное участие в революционной борьбе, чувствуя себя апостолами новой веры»[599]. У молодых русских радикалов, многие из которых происходили из духовного сословия и воспитывались в семинариях, атеизм превращался в религию со своей священной историей, ревнителями и святыми.

В.К. Кантор в биографии Чернышевского, написанной в 2016 г., вступил в полемику с Паперно. С его точки зрения Чернышевский нисколько не «пересматривал» и не опровергал православный катехизис. Опровергал его С.Г. Нечаев в «Катехизисе революционера», где, действительно, отрицал все христианские добродетели ради «революционной необходимости». Чернышевский же, по Кантору, видел «омертвение» русской церкви и хотел «актуализации православия». Того

[598] *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. С. 170.
[599] Там же. С. 173.

же хотели в 1860 гг. Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и др. «Именно об этом думал и сын саратовского иерея, пытаясь придать энергию старым религиозным текстам, прочитав их сквозь современную энергийную философию»[600]. Герои романа, исповедуя современную философию, ведут добродетельную жизнь, доказывая, что их добродетель происходит исключительно из соображений личной пользы. В том же ключе Кантор трактует и четвертый сон Веры Павловны. Вслед за Паперно он указывает, что описания географического пространства, куда переносит «царица» Веру Павловну, чтобы показать мир будущего, полностью совпадает с описанием библейского Эдема из книги Исход, где Господь обещает Моисею поселить его народ. Но делает это не для того, чтобы быть понятным семинаристам, будить «особый эмоциональный отклик в среде молодых разночинных интеллигентов-шестидесятников – в умах, взращенных на современных идеалах позитивной науки, но при этом сформированных русской православной традицией»[601], как полагала Паперно. Чернышевский, по Кантору, своим романом, полным евангельских реминисценций, прежде всего, «актуализировал Новый Завет, ибо его “новые люди” должны были возвещать совершенную жизнь»[602]. А Рахметов совсем не «профессиональный революционер», а «странник, пришелец, взыскующий Града Небесного»[603].

Итак, зачем же Чернышевский наполнил свой роман таким количеством библейских мотивов? Чтобы, пользуясь понятным для разночинцев-семинаристов языком, проповедовать им социализм и материализм? Или, напротив,

---

[600] *Кантор В.К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 328.

[601] *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. С. 183.

[602] *Кантор В.К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 337.

[603] Там же. С. 342. Паперно тоже находила, что «в образе Рахметова символизм французского христианского социализма смешивается с русской православной традицией», и «Рахметов изображен в полном соответствии с житийным каноном». Более того, она даже приводила конкретное житие, котором мог вдохновляться Чернышевский, придумывая образ мыслей и поведения Рахметова, это «Житие Алексея, человека Божия», богатого юноши, который раздал свое имущество, отказался от мирской славы и брака и посвятил свою жизнь Богу, подвергая себя истязаниям (см.: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. С. 176).

притворяясь социалистом и материалистом, проповедовать евангельские истины? Ни то, ни другое. Эти крайние и противоположные позиции кажутся такими же неубедительными, как и крайние позиции по поводу революционности Чернышевского. Они, скорее, характеризуют потребность читателей разных эпох, существующих в контексте разных идеологических установок, увидеть в нем «пламенного революционера», «эволюциониста», «материалиста» или «христианского мыслителя».

Чернышевского сложно назвать последовательным материалистом, равно как и последовательным христианином или человеком «секулярной религиозности»[604]. А большое количество евангельских реминисценций в романе «Что делать?» совсем не обозначает, что он был христианином «под прикрытием», или пользовался ими как уловкой. Чернышевский был сыном своего времени, у него сформировался сложный и местами противоречивый набор идей, в котором было место и православной литературе и материалистической, и Фейербаху, и христианскому социализму, и позитивизму, и многому другому. Его позиции по отношению к каждому из этих направлений были подвижны, например, идеями О. Конта он мог сначала увлечься, потом – разочароваться. Чернышевский находился в постоянном поиске. Но для нас важно, что человеку середины XIX в. идеи христианства и социализма не казались столь противоречащими друг другу, какими кажутся теперь. Ленин называл Чернышевского «величайшим представителем утопического социализма в России домарксистского периода». Марксизм, который использовал французский социализм как один из источников, отбросив его насыщенную мистической фразеологией идею «истинного христианства», заявил позицию последовательного атеизма. Только к началу XX в., в ситуации повсеместного увлечения марксизмом в русском освободительном движении, как писал С.Н. Булгаков в 1905 г., «великая правда, которая содержится в социализме, верная и мужественная защита угнетенного народа, <…> неразрывно слилась в нем с воинствующим гуманистическим атеизмом, и

[604] См.: *Никифоров Я.А.* Модернизация в социологическом дискурсе Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. С. 58–59.

в частности – с презрительно-враждебным отношением к христианству, и слова Маркса: “Религия есть опиум для народа” выражают едва ли не общее убеждение представителей современного радикализма и социализма»[605]. Для Чернышевского и его первых читателей это еще было совсем не так. В романе «Что делать?» он дал очертания социалистического общественного идеала, используя христианские реминисценции для усиления смысла. Постоянные отсылки к Ветхому и Новому Завету можно воспринимать как литературный прием, суть которого в очередной раз недвусмысленно намекнуть читателям, что социализм будущего – это не какой-нибудь «скотный двор», но рай, Эдем; а Рахметов и люди его типа вовсе не аморальные разрушители всех устоев, а – святые подвижники. «Новые люди» же – просто трудолюбивые аскеты, которые не ищут похвал, а скромно называют себя «разумными эгоистами». Проповедь труда, аскетизма и подвижничества в любом случае сделала бы роман «Что делать?» «христианской по духу» книгой, даже если бы в тексте не было ни одной библейской аналогии. Такими Чернышевский хотел видеть «новых людей» и, во многом, таким был сам. Н.А. Бердяев, очень высоко ценивший нравственные качества Чернышевского, писавший, что он был «человеком близким к святости», в «Русской идее» (1946) свои мысли о романе «Что делать?» резюмировал так: «Чернышевский имел самую жалкую философию, которой была заполнена поверхность его сознания. Но глубина его нравственной природы внушала ему очень верные и чистые жизненные оценки»[606].

Читательский успех романа превзошел надежды автора и неприятно удивил цензоров, которые, кажется, до этого не понимали во всей полноте общественного масштаба этого явления. Журнальные номера «Современника» с «плохим» по качеству, «антихудожественным» романом жадно читали, передавали из рук в руки, а «программные» части «Что делать?» переписывали от руки и учили наизусть. «Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение

[605] *Булгаков С.Н.* Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, 1991. С. 26.
[606] *Бердяев Н.А.* <О романе «Что делать?> // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 617.

Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского», – отмечал П.А. Кропоткин. Потому что молодые люди искали в произведении Чернышевского не художественных красот, не остроумно поставленных философских вопросов, а понятных ответов на важнейшие вопросы их жизни. И находили. «Что делать?» стал энциклопедией или справочной книгой для молодежи. Под неуклюжей формой романа оказалось спрятано руководство по переустройству всех общественных отношений, а сам роман сделался «своего рода знаменем для русской молодежи»[607].

Чиновники, осознавшие, что пропуск романа «Что делать?» в печать был ошибкой, стали принимать меры, чтобы по возможности «ослабить» влияние романа на молодежь[608]. С этой целью директорам гимназий некоторых учебных округов в 1864–1865 учебном году даже был разослан циркуляр, в котором говорилось: «Я нахожу крайне неуместным чтение учениками и разбор с ними в классе таких романов, как “Что делать?” Чернышевского <…> нам надлежит успокаивать ее (молодежь. – *Б.П.*) и отстранять всякие поводы к направлению ее впечатлительности в такую сторону, где она, кроме чувства горечи, не вынесет для своей будущности ничего полезного»[609]. Однако циркуляры, кажется, не помогали. Об этом свидетельствовал профессор П.П. Цитович, выпустивший в 1870 гг. ряд брошюр, содержащих полемику с народниками и «утопистами». Среди них была брошюра о романе «Что делать?», где он утверждал: «За 16 лет пребывания в университете мне не удавалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии; а гимназистка 5–6 класса считалась

---

[607] См.: *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 304.

[608] В работе В.Г. Смолицкого представлен ряд интересных документов Министерства внутренних дел и III Отделения, сообщающие о росте популярности «государственного преступника» Чернышевского после публикации романа «Что делать?» и о мерах по борьбе с его «вредным влиянием на молодое поколение» (См.: *Смолицкий В.Г.* Из равелина. О судьбе романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Изд. 2-е, доп. М.: «Книга», 1977. С. 80–88).

[609] См.: Циркуляр по управлению одесского учебного округа. 1864, октябрь (Перепечатано в Циркуляре по Московскому учебному округу. 1865, январь) // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. 1938. Вып. 3. Труды факультета языка и литературы. С. 220–221.

бы дурой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны»[610]. Ради «ослабления» влияния Чернышевского на молодежь была усилена бдительность и по отношению к сочувственным критическим отзывам о романе. В частности, была запрещена к печати статья Д.И. Писарева «Мысли о русских романах», в основном посвященная анализу романа «Что делать?». Статья, написанная в 1863 г. будет в дополненном варианте под названием «Новый тип» опубликована только в 1865 г., после вступления нового цензурного закона, допускающего публикации статей без предварительной цензуры[611].

Но несмотря на усиленное внимание со стороны цензуры, газетно-журнальная полемика вокруг романа началась, и первые короткие отклики на отдельные части появлялись еще до того, как было закончено его печатание. В мае 1863 г. рецензенты имели роман уже целиком и выступили с первыми обобщениями. Например, благожелательную статью о романе написал обозреватель газеты «Народное богатство», особо приветствуя тему «раскрепощения женщины» и новых семейных отношений[612]. Напротив, «безобразным произведением русской литературы», воспевающим «безнравственность» «новых людей» в отношении семьи и брака, назвал роман критик Ф.М. Толстой, опубликовавший свою рецензию в газете «Северная пчела»[613]. Это были пока эмоциональные реплики «по горячим следам». Нет необходимости рассказывать о журнальной борьбе вокруг «Что делать?» в год появления романа и в последующие годы, прежде всего, из-за того, что почти все рецензии были полны или «пылких

---

[610] *Цитович П.П.* Что делали в романе «Что делать?». Одесса: Тип. Ульриха, 1879. С. V.

[611] Но новый цензурный закон цензуру не отменял, и «Русскому слову» за статью Писарева было вынесено «предостережение». Поэтому, готовя статью «Новый тип» к изданию в составе первого собрания сочинений, Писарев дал ей название «Мыслящий пролетариат», хотя ранее его носила статья о повестях Помяловского. «Статья о Помяловском, – пишет В.И. Щербаков, – была безобидной в цензурном отношении, а потому перенесение ее журнального заглавия на статью “Новый тип” было предпринято, очевидно, в расчете на то, что цензура оставит ее без внимания (что и случилось)» (*Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 214).

[612] Народное богатство, 1863. № 102. 12 мая. С. 408.

[613] См.: *Ростислав [Толстой Ф.М.]* Лжемудрость героев Чернышевского // Северная пчела. 1863. № 138. 27 мая. С. 553.

одобрений» и «безоговорочных хулений» идей Чернышевского[614], но еще и потому, что на фоне колоссального воздействия романа на рядовых читателей и того влияния, которое роман оказал в целом на русскую литературу и социально-политическую мысль, «журнальные баталии» кажутся мелкими и несущественными. Скажем только двух статьях, которые содержали серьезный анализ романа и выбивались из общего хора «хвалителей и хулителей».

Одна из первых таких статей была написана Н.С. Лесковым. Она вышла в газете «Северная пчела» вслед за ожесточенной рецензией Толстого и была оформлена как «письмо к издателю “Северной пчелы”» с эпиграфом-пословицей: «Черт не так страшен, как его рисуют». Лесков выступил здесь как «беспартийный» критик, но при этом человек, в силу жизненных обстоятельств, хорошо знакомый с кругом людей, которых в 1860 гг. было принято называть «нигилистами». С точки зрения Лескова после выхода романа Тургенева «Отцы и дети» (добавим, и статей Писарева о Базарове), действительно, «сердитые» молодые люди в России получили зримый образ для подражания и ряд идеологических максим, в соответствии с которыми можно было выстраивать свою жизнь. Они копировали лучшее, что было у Базарова, стремились самообразовываться и приносить помощь людям. Их Лесков уважительно называет «настоящими» нигилистами. Но вместе с ними, к несчастью, народились в большом количестве «уродцы российской цивилизации», люди, которые хотели копировать Базарова, но так как самообразовываться и приносить кому-то пользу сложно, оказались его «карикатурами», копируя не лучшие, а самые «резкие черты оригинала»: «Гадкий нигилизм весь выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве. <…> Такова в большинстве грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма»[615].

---

[614] Подробней см.: *Тамарченко Г.Е.* Романы Н.Г. Чернышевского. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1954. С. 131–152.

[615] *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52, 53.

Чернышевский, по мнению Лескова, в своем романе рассказывает, какими должны быть «настоящие» нигилисты, из которых вышел Базаров, показывает, как отличить «настоящих» нигилистов от «шальных шавок, окричавших себя нигилистами»: они «трудятся до пота» испытывают «уважение к взаимным естественным правам» и стремятся «дать благосостояние возможно большему числу людей»[616]. При этом Лесков довольно снисходительно отнесся к социалистической утопии Чернышевского. По его мнению, «экономической системы, создающей действительную гармонию» не существует. Но есть люди, «пытающиеся приладить эту систему», и их существование полезно обществу[617].

Вторая важнейшая идея, высказанная Лесковом в статье о романе «Что делать?», касалась его революционности. Лесков пишет, что к 1863 г. в обществе сложилось неверное представление о Чернышевском как о вожде революционеров. Возможно потому, что в своих многочисленных журнальных статьях он высказывал «только отрицание да отрицание, антипатии да антипатии, а симпатий своих ни разу не сказал. Он их не сказывал, конечно, по обстоятельствам, от него не зависящим, а “проницательные читатели” думали, что его симпатии… головорезы, Робеспьер верхом на Пугачеве. <…> Между тем г. Чернышевский из своего далека прислал нам роман, в котором открыл себя, как никогда еще не открывал ни в одной статье. Теперь перед нами его симпатии»[618]. И эти симпатии оказались вполне мирными. «Новые люди» его «не несут ни огня, ни меча», пишет Лесков, а если пытаться ответить на заглавие романа, то оказывается, надо «посвятить себя труду на основаниях, представляющих возможно более гармонии, в ровном интересе всех лиц трудящихся. Г-н Чернышевский, – резюмирует Лесков, – как *нигилист*, и, судя по роману, *нигилист-постепеновец*, не навязывает здесь ни одну из теорий <…> но заставляет пробовать: как лучше, как удобней? Где же тут Марат верхом на Пугачеве?»[619].

---

[616] Там же. С. 55.
[617] См.: там же. С. 55.
[618] Там же. С. 53, 54.
[619] Там же. С. 55.

Таким образом «беспартийный» Лесков, знавший «настоящих» нигилистов, дает возможность несколько иначе посмотреть на то, что происходило с людьми, подражавшими Базарову в начале 1860 гг. Так откровенно и правдоподобно о двух типах нигилистов не смог бы написать никто из лагеря реакционеров или радикалов. Потому что для первых все нигилисты – одинаковые безнравственные разрушители. А вторые не смогли бы назвать кого-то из своих собратьев «шальными шавками», потому что это усилило бы позиции противников. И если верить Лескову, вполне вероятно, Чернышевский писал свой роман не столько полемизируя с Тургеневым и романом «Отцы и дети», сколько пытаясь очистить образ «настоящего нигилиста» от вредных напластований.

Еще одна интересная рецензия принадлежит Н.Н. Страхову. Свой отзыв о «Что делать?» он назвал «Счастливые люди» (1865). Страхов отнесся к роману Чернышевского серьезно, понимая, что тот «останется в литературе». И будучи почти профессиональным борцом с нигилизмом и нигилистами, Страхов признал, что роман представляет собой «наилучшее выражение» враждебного ему направления, «он выражает это направление гораздо полнее, яснее, отчетливее, чем бесчисленные стихотворения, политико-экономические, философские, критические и всякие другие статьи, писанные в том же духе»[620]. По Страхову, «господствующая мысль» романа состоит в представлении о «благополучной жизни», роман учит, как быть счастливым. И герои его, описанные Чернышевским с большим воодушевлением, «удивительно» счастливы. Но присматриваясь к ним, Страхов замечает, что они не очень похожи на людей. Прежде всего, они «умеют избегать всякого рода неудобств и несчастий», они вообще не терпят никаких неудач. «Новым людям» Чернышевского не нужно учиться жизни, им не свойственно ошибаться или сомневаться, они являются «совершенно готовыми, вполне окрепшими и установившимися. Для них невозможны ни ошибки, ни колебания, ни разочарования. Им нет в жизни ни испытаний, ни

[620] *Страхов Н.Н.* Счастливые люди (Статья первая. Один из наших типов) // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 559.

уроков. Учиться им нечему, а можно только учить других»[621]. Мудрость, которая делает из них «людей высшей натуры», достигается легко и скоро, «и вся она заключается в немецких и французских книжках» материалистов и утопических социалистов. Нужно только «развиться», и не нужно будет никаких жертв и страданий, будет «безошибочное счастье» и «не разрушаемое спокойствие». Страхов замечает, что после такого приглашения к счастью, читателя, кажется, должен «прихватить тонкий холод ужаса», потому что его проповедуют лица, не вполне человеческой природы. Более того, герои Чернышевского поступают так, как будто до них не было никакой тысячелетней культуры и житейского опыта, добытого тяжким трудом и ошибками многих поколений.

Со Страховым хочется согласиться. Действительно, герои-разночинцы – новое для России явление. В отличие от крестьян, разночинцы не имели земельного надела и надежной сельской общины за спиной. В отличие от дворян – родового состояния, семейных преданий. У разночинцев не было еще собственной истории и развитого самосознания. Но самое главное, в силу своего происхождения, разночинцы не были связаны с вековой почвенной крестьянской культурой и с культурой дворянства. Представители разночинства обязаны были и получали образование. Только так можно было закрепиться в жизни. И самосознание они складывали из достижений современной им науки. Основанием разночинной культуры становились идеи Фейербаха, Фурье, Сен-Симона, материалистов, Ж. Санд. Эта культура не имела тысячелетней истории, как у дворян, крестьян, купцов, духовенства, но она была «своя». Идеалы разночинцев были книжные, их еще не успели хорошенько проверить на опыте, они были отличные от всех других. Они были новые. И разночинцы гордились своей культурой, как им казалось, свободной от старых заблуждений. Заслуга Чернышевского была в том, что разрозненные части этого недооформившегося самосознания он объединил в единую доктрину. Из текстов непереведенных и часто превратно

[621] Там же. С. 567.

понятых зарубежных авторов он сделал непротиворечивую программу жизнедеятельности русской молодежи.

Итак, роман Чернышевского «Что делать?» способствовал формированию разночинного самосознания, а воздействие его на русское общество и политический процесс в России ощущалось представителями нескольких поколений. Роман является размышлением над двумя сценариями развития страны. Основной его текст представляет собой набор поведенческих моделей для молодых разночинцев, предназначенных для «мирной» жизни в капиталистическом обществе самодержавной России, которая нуждается в постепенной перестройке. Это эволюционный путь медленных изменений, который при благоприятных условиях может привести к построению справедливого и равноправного общества социализма. Но, помимо этого, Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария развития событий. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, будет преследовать, в том числе, вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом станет революция. Несмотря на это, общественный идеал, выраженный в романе «Что делать?», сложно связывать с его зашифрованной «революционной линией». Роман повествует о «новых людях» и живописует образ социалистического будущего. Носителями разночинного общественного идеала являются «обыкновенные порядочные люди», представители молодого поколения, а способом достижения – мирное эволюционное развитие.

Чернышевский создал цельное готовое мировоззрение для молодежи (прежде всего для разночинцев), свое «евангелие нигилистов» он спрятал в любовный роман. И оказалось, что эта уловка сработала невероятно эффективно, трактат, который притворяется романом, произвел колоссальное воздействие на несколько поколений читателей. Благодарная аудитория этого «антихудожественного» произведения оказалась так велика, что оппонентам Чернышевского ничего не оставалось, как отвечать тем же. Любое разоблачение нигилизма, написанное в виде журнальной статьи, было обречено на неудачу. Напечатанное

в консервативном издании, оно было бы прочитано узким кругом читателей-консерваторов. На более широкие слои населения теперь можно было воздействовать только художественной литературой. И оказалось, что в России есть писатели, готовые бороться с нигилизмом Чернышевского его же оружием и, главное, есть великий издатель, М.Н. Катков, который готов за это им платить хорошие гонорары и исправно их печатать в одном из лучших литературных журналов – «Русском вестнике». Так появилось целое литературное направление, «спродюсированное» Катковым, – антинигилистический роман.

§ 4. Черты общественного идеала в «антинигилистических» романах Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870)[622]

В 1860 гг. в русской литературе возникло новое явление – «полемическая проза», романы «отрицательного» и «положительного» направлений, которые ведут с друг другом диалог, и главное, борьбу за души людей. Благодаря этому полемические романы были ориентированы на массового читателя и имели художественные свойства массовой литературы[623]. Возникла странная ситуация, когда создавались романы, написанные с использованием типичных законов беллетристической (массовой) литературы, но в условиях сложной философско-религиозной полемики и политической борьбы. Отсюда – религиозно-политический детектив Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871–1872), религиозно-готический триллер Н.С. Лескова «На ножах» (1870–1871). Два этих романа считают наиболее крупными образчиками жанра и относят ко второй волне антинигилистических романов начала 1870 гг. Раньше других появились романы А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863), Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и В.П. Клюшникова «Марево» (1864),

[622] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А. Прокудина Е.К.* Спор Н.Я. Данилевского и Н.П. Гилярова-Платонова о происхождении русского нигилизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2022. № 2 (71). С. 81–85 (авторский вклад соискателя составляет не менее 50 % общего объема текста).
[623] Определение «полемического романа» см.: *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 11–14.

потом – В.П. Авенариуса «Поветрие» (1867), М.В. Авдеева «Меж двух огней» (1868), В.В. Крестовского «Панургово стадо» (1869). К антинигилистическим часто относят и роман И.А. Гончарова «Обрыв» (1869) и др. Многие из этих романов в свое время были очень популярны, Авенариус, Авдеев, Клюшников издавались большими тиражами. Сегодня мы имеем возможность разделять «классику» и «беллетристику», знаем, что Достоевский, Лесков и Гончаров – великие писатели, а Авдеев и Авенариус могут заинтересовать только историков литературы. Но в условиях полемики 1860–1870 гг. второстепенные романы подчас имели не меньшее значение, чем те, которые мы сейчас называем шедеврами.

Философские основы нигилизма известны, это, прежде всего, материализм, позитивизм, утилитаризм. Известна социальная этика нигилистов – с теорией разумного эгоизма, требованием эмансипации женщин. Известны общие черты их социально-политический утопии. Антинигилистические романы разоблачали этот набор ценностей, показывая, к каким катастрофическим последствиям они могут привести уверовавших в них людей, что может случиться с «гордыми» нигилистами, отбросившими веру в Бога, отрицающими традиционную семью, представления о героизме и самопожертвовании, что бывает, если строить жизнь в соответствии с «последними достижениями науки». Одним словом, как пишет исследовательница антинигилистической литературы Н.Н. Старыгина, противники нигилизма «преследовали две основные цели: во-первых, развенчать “новые идеи” “нового человека”; во-вторых, доказать истинность универсального и вечного – Бога и заповедей Иисуса Христа»[624]. Они хотели убедить своих читателей в том, что цель человеческой жизни не в абстрактном общем благе, а в нравственном совершенствовании. Обсуждаемые ими проблемы были разнообразными, все они, однако, концентрировались вокруг важнейшего объекта – человека. Поэтому одним из центральных вопросов эпохи стал вопрос – откуда появились нигилисты, и что заставляет людей так радикально отбросить все традиционные ценности? Для авторов антинигилистических произведений ответ на этот вопрос был важен, в

[624] *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 37.

соответствии с ним выстраивались образы нигилистов в романах, появлялись или увлеченные глупцы, «заблудшие овцы», или откровенные подлецы, цинично использующие «социалистическую» риторику в своих корыстных целях.

Прежде чем говорить о конкретных антинигилистических романах, следует обратить внимание на соображения ведущих консервативных идеологов об «истоках и смысле» русского нигилизма. В обсуждении этого вопроса принимали участие и И.С. Аксаков, и А.А. Григорьев, и Ф.М. Достоевский, и М.Н. Катков, и многие другие. Известный славист Р. Пайпс писал: «в самом общем смысле, русский консерватизм после 1860 года представляет собой теорию антинигилизма, попытку создать альтернативу страшному призраку “нового человека” Чернышевского»[625]. Таким образом, тема антинигилизма стимулировала достаточно мощное философско-религиозное и общественное движение. Но нам более всего интересен вопрос происхождения нигилистов. И тут важны мнение «главного специалиста по нигилизму» Н.Н. Страхова, а также полемика, разгоревшаяся в 1884 г. между Н.Я. Данилевским и Н.П. Гиляровым-Платоновым.

Страхов, считавший исследование нигилизма «своею специальностию»[626] в работе 1881 г. писал: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушенья. <…> Нигилизм – это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не так называемое революционное пламя. Поднимитесь, если можете, еще на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противления законам души и совести; нигилизм, это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеянье является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей

[625] *Пайпс Р.* Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века // XIII Международный конгресс исторических наук. Москва 16–23 августа 1970 года. М., 1970. С. 4–5.
[626] См.: *Страхов Н.Н.* Счастливые люди // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 555.

судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую»[627].

По мнению Страхова, в основании нигилизма лежит безбожие, которое порождает ничем не ограниченную гордыню, которая затем и приводит ко всем остальным «отрицаниям»: социальным и ценностным. Русский нигилизм возник под влиянием западноевропейского материализма и атеизма. Но в то же время, по мысли Страхова, это и национальное явление, потому что только у нас есть такая «потребность самоосуждения, самообличения и самооплевывания, которая составляет одну из черт русского характера»[628]. То есть некритическое усвоение западноевропейских атеистических идей вкупе с нашим «самообличением и самооплевыванием» привело к тому, что большое количество молодых людей, выражаясь словами Пайпса, «отвергало традиционные ценности и выбирало утопические взгляды, вскоре нашедшие выражение в терроризме»[629]. Идею о том, что источником нигилизма является атеизм, активно развивал и Ф.М. Достоевский. «Раз отвергнув Христа, – писал он, – ум человеческий может дойти до удивительных результатов»[630]. В романе «Бесы» он сделал попытку показать эти результаты художественными средствами.

Кроме прочего, с точки зрения Страхова, нигилисты повинны в отрыве теории от жизни. Эту точку зрения активно отстаивал другой сподвижник Страхова – А.А. Григорьев, разработавший метод «органической» критики, отрицавший теоретическое познание реальности. «Органический» метод лег в основу философии почвенничества. Почвенники настаивали на том, что жизнь богаче теории и потому никакая теория не сможет объяснить ее. А нигилисты пытаются загнать реальность в «абстрактные формулы» своего материалистического мировоззрения, поэтому не

---

[627] *Страхов Н.Н.* Письма о нигилизме // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 373–374.
[628] См.: *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 63.
[629] *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 155.
[630] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXI. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 133.

понимают истинных потребностей народа. «Социалистические учения, – замечал Страхов, – и порождены и поддерживаются не столько теми классами, интерес которых составляет их цель, сколько людьми, для которых этот интерес стал идеальною потребностью»[631]. Мысль о «беспочвенности» радикальной интеллигенции позже будет взята на вооружение авторами сборника «Вехи» (1909).

Таким образом, причиной появления нигилизма, по Страхову, является безбожие, порожденное или подкрепленное западноевропейской материалистической и атеистической литературой. А теоретическое постижение реальности приводит, с одной стороны к оторванности нигилистов от народа, ради которого, якобы, они действуют; с другой, – к катастрофическим последствиям их социальных и семейных экспериментов.

Несколько другую версию появления нигилизма предложил Н.Я. Данилевский. В статье 1884 г. он писал, что причиной появления нигилизма в России нужно считать исключительно «подражательность». Данилевский доказывал, что для появления нигилизма не было никаких существенных внешних причин, среди которых, по его словам, некоторые считают недовольство результатами отмены крепостного права, влияние наших политических врагов (прежде всего, поляков) и дурное школьное образование. «Нельзя согласиться с положением, – продолжал он, – что жажда нравственного идеала могла служить причиной как происхождения, так и распространения нигилистического мировоззрения между нашею молодежью шестидесятых годов»[632]. Достаточных внешних причин не было. «Гораздо сильнейшее и можно сказать даже почти исключительное влияние в этом важнейшем деле имеют те господствующие в обществе и так сказать носящиеся в воздухе идеи, все равно истинные или ложные, которые приобретают власть над умами и сердцами людей»[633]. Нигилизм, по Данилевскому, стал последствием «нашей болезни – подражательности». Молодые люди подхватили «носящиеся в

---

631 *Страхов Н.Н.* Письма о нигилизме // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 388.
632 *Данилевский Н.Я.* Происхождение нашего нигилизма // *Данилевский Н.Я.* Горе победителям. М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. С. 298.
633 Там же. С. 302.

воздухе» западные идеи (немецкий материализм, французский социализм), которые не имели никакого отношения к российской истории, не вырастали органически из нашего общественного развития и поэтому были «бесплодны».

Но если эти идеи не были нам органичны, почему же в 1860 гг. авторитет Чернышевского, Добролюбова и Писарева был так высок? Почему публика проявляла тогда какую-то особую восприимчивость именно к этим идеям, «особую внутреннюю к ним симпатию»? По Данилевскому, всему виной реформы Петра I, в период которых мы «приучили» себя подражать всему западному. Кстати, так же считал И.С. Аксаков. Славянофилам вообще была свойственна мысль, что вестернизация, начатая Петром, оторвала образованные классы от крестьянского простонародья, и после этого большинство представителей нашей дворянской и разночинной интеллигенции за ответами предпочитали обращаться не к «народной почве», а к западным социальным учениям. «Вне народной почвы, – писал Аксаков, – нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь»[634].

Вообще, основополагающая идея историософской концепции Данилевского заключалась в отрицании «общечеловеческих ценностей» и понятия «общечеловеческая цивилизация». Залогом превращения народа в культурно-исторический тип, в цивилизацию, по Данилевскому, является его национальный «дух». И любой отказ от национального творчества, заимствование чужеродных идей, ценностей и моделей поведения влечет за собой «самоубийство» национальной культуры, которая неизбежно деградирует и превратится в «этнографический материал». Именно поэтому Данилевский считал «подражательность» такой серьезной опасностью. И для него нигилизм был только частным случаем этой «русской болезни». «Единственным моим желанием, – резюмировал Данилевский, – было показать, что нигилизм не есть наше русское самобытное

[634] *Аксаков И.С.* Возврат к народной жизни путем самосознания // Сочинения И.С. Аксакова. Т. 2: Славянофильство и западничество: 1860–1886: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Издание 2-е. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. С. 3–4.

явление, происшедшее как результат частных зол и неустройства нашей жизни; ни экономических и общественных, как крепостное право; ни политических, как неправильные наши отношения к Польше; ни педагогических, как плохое состояние наших школ»[635]. Нигилизм – плод нашей восприимчивости к западным идеям. И «если бы славянофильскому направлению дана была та же свобода развиваться и распространяться своевременно путем печати, как направлению противоположному, <…> он (нигилизм. – *Б.П.*) никогда бы не занял тогда господствующего положения в среде нашей интеллигенции, всегда встречал бы в значительной ее доле сильный отпор, и потому не получил бы того повального характера, тех пагубных последствий, какие имел и до сих пор еще имеет»[636].

Статья «Происхождение нашего нигилизма» была напечатана в газете «Русь», и вскоре на страницах этой же газеты появился ответ Данилевскому, автором которого стал критик и богослов славянофильского направления Н.П. Гиляров-Платонов. Свою версию он основал на противоположном тезисе. Если Данилевский считал нигилизм явлением «теоретическим», Гиляров-Платонов с первых строк заявил: «Теоретического нигилизма нет». Фейербаха, Конта, Дарвина и других «теоретиков», с его точки зрения, нельзя считать нигилистами, никто из них не проповедует тотальное отрицание или разрушение цивилизации. Молодежь находит у них отрицание, потому что у нее есть стихийная неудовлетворенность российской жизнью, запрос на перемены. «Нигилизм есть показатель болезни самого общества, – отмечает Гиляров-Платонов: – общество лишено духовного чадородия, не способно вдохновлять, дать материал для идеалов»[637]. То есть это – явление «практическое». Удобно считать русский нигилизм просто результатом увлеченности неопытной молодежи западными книжками, которые, к счастью, не имеют никакого отношения к нашему общественному развитию и политическому устройству. Нет. К сожалению, нигилизм является именно что «результатом частных зол и неустройства нашей

---

[635] *Данилевский Н.Я.* Происхождение нашего нигилизма // *Данилевский Н.Я.* Горе победителям. М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. С. 303.
[636] Там же. С. 333.
[637] *Гиляров-Платонов Н.П.* Откуда нигилизм? // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 2. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. 160.

жизни». «Нигилизм есть возмущение воли русского человека. Возмущение против чего? Против строя общественного вообще»[638], – пишет Гиляров-Платонов. Он предлагает рассмотреть «психологический процесс» наиболее ярких представителей нигилизма: мотивы поведения «стриженых барышень», то есть нигилисток, сторонниц женского равноправия; и «семинаристов», которые вышли из «бурсы» и почему-то вместо священников стали материалистами[639]. Только ли западные книжки этому виной? «Ей (стриженой барышне. – *Б.П.*) противно лицемерие семьи, ханжество отца, двуличие матери, <…> ей тошно видеть себя обязанною выряживаться, танцовать, петь и бренчать, занимать гостей с единственною целию найти партию и потом повторять жизнь матери. Ей тяжела зависимость при этих условиях. А она училась кое-чему. Подвертывается кстати молодой человек с фразами о правах и труде. <…> А там уже свободная любовь и далее все последействия разнузданной воли, которой, однако надобно же оправдать себя, и для этого берутся книжки»[640]. То есть книжки, по Гилярову-Платонову, безусловно, играют важную роль в процессе «эмансипации» женщин, но только постфактум, легитимируя «последействия разнузданной воли». Первичным мотивом к бунту является лицемерие внутри патриархальной семьи, ограниченность возможностей для молодой женщины. Важна в этом описании и фраза: «а она училась кое-чему». То есть появление «стриженых барышень» свидетельствует, прежде всего, о несоответствии традиционных моделей семьи уровню образования середины XIX века, свидетельствует о необходимости модернизации традиционного уклада. Похожая история и с поповичами-материалистами: «А вот семинарист, вот техник, студент университета. Общие места богословских учебников, притертые и приношенные до утраты смысла, монашеская дисциплина с аскетическим идеалом, которому, однако сами проповедники не следуют. Лицемерие, которое, однако, угнетательно принуждает следовать своему примеру. А здесь лицемерие другого рода: лицемерие патриотизма и гражданских

[638] Там же. С. 161.
[639] Подробней о разночинцах как главных носителях идеологии и психологии нигилизма в России см: *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2012. № 1. С. 43–45.
[640] *Гиляров-Платонов Н.П.* Откуда нигилизм? // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 2. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. 161.

обязанностей, сопровождаемое низкопоклонством и взяточничеством, продажею дочерниной и жениной чести сластолюбивому начальнику, торговля правосудием, печать и слово стесненные. Молодой человек перестает всему верить, на чем лежит официальное клеймо, везде предполагает лицемерие и обман»[641]. Сам Гиляров-Платонов, отучившийся в духовной семинарии и академии, хорошо знавший порядки, царившие в духовных учебных заведениях первой половины XIX в., материалистом не стал, но в свое время был отстранен от чтения лекций в Московской духовной академии, потому что его мнение о расколе противоречило «официальному». Поэтому церковное лицемерие он легко связывал с «казенным» патриотизмом, под прикрытием которого процветают многочисленные общественные пороки. «Вот начало нигилизма, – резюмирует Гиляров-Платонов. – Только слепой мог не видеть его роста. Бездушие, лицемерие, царство формы, с административным и общественным развратом, – вот откуда он отпрыснул. Итак, куда же деваться воле, честно возмущенной? <…> Возмущенная воля и растревоженный ум не находят успокоения и бросаются за границу, а там есть также движение озлобленной воли и отрицающего ума. То и другое там назвало себя по имени: социализм и материализм»[642].

Критика Гиляровым-Платоновым лицемерия патриархальной семьи, церкви и государства звучит очень остро и, может быть, привычнее смотрелась бы на страницах либерального журнала или издания радикального толка. Но Гиляров-Платонов был православным консерватором. И в его устах она звучит, в том числе, упреком таким мыслителям как Данилевский, которые плохо зная предмет, объясняют его абстрактными причинами. А если бы пороки семьи, церкви и государства не замалчивались консервативными публицистами, а становились предметом общественного обсуждения и постепенно искоренялись, возможно, было бы не так много «возмущенных» молодых людей. Возможно, не «бросились» бы они с такой жадностью читать книги французских социалистов и

[641] Там же. С. 162.
[642] Там же. С. 162, 163.

немецких материалистов. Возможно, не случилось бы революционного террора, который возникает, когда другие средства себя исчерпали.

Заподозрить в верноподданничестве Страхова или Достоевского, объяснявших возникновение нигилизма безбожием, конечно, нельзя. Кризис веры казался им главной болезнью времени. Нельзя заподозрить в верноподданничестве и Данилевского, винившего во всем «подражательность». О «теоретическом» нигилизме, имеющем очевидно западноевропейские корни, он размышлял, не выходя за рамки теории культурно-исторических типов. Эти версии, безусловно, имеют под собой серьезные основания. Но «приземленная» версия Гиляров-Платонова, объяснившего происхождение нигилизма внутренними проблемами, кажется сегодня куда более убедительной. Она не отменяет предыдущих, но переводит разговор о нигилизме из сферы «вековых русских болезней» в сферу конкретной социально-политической жизни середины XIX в.

Можно предположить, что Гиляров-Платонов лучше понимал семинаристов-нигилистов, потому что сам прошел семинарию. Для него нигилисты не были далеким и пугающим предметом философских рефлексий, а были людьми из знакомой среды. Можно возразить, что Страхов, Достоевский и Данилевский – далеко не аристократы, наблюдавшие русскую жизнь из окон высокого дворца. Страхов был семинаристом, Достоевский четыре года провел на каторге с уголовными преступниками, а Данилевский в юности был петрашевцем. Но все трое, как и многие другие консерваторы, не хотели видеть в нигилизме явление, порожденное, прежде всего, неустройством российского общества. А это значит, что и безбожие, и «подражательность» нигилистов не имели для них никакого морального оправдания. А сами нигилисты, таким образом, превращались или во властолюбивых «монстров», которым «все дозволено», или в злодеев, желающих посеять в России кровавую смуту, или в мошенников, наживающихся на «вислоухих» идеалистах, либо в обманутых студентов.

Приведенные рассуждения о происхождении нигилизма в России могут помочь разобраться в многообразии беллетристических произведений, полемических по отношению к роману «Что делать?». Антинигилистические тексты не

были однородны ни по своему художественному значению, ни по идейному содержанию, но суть этих различий довольно долго не становилась предметом изучения. Одним из первых об их неоднородности высказался М. Горький в статье «Разрушение личности» (1909) г. Например, Писемского и Лескова, авторов «Взбаламученного моря» и романа «Некуда», признавая высокую литературную ценность и отрицая конъюнктурность их произведений, он поместил не в привычную компанию с Авенариусом, Клюшниковым, Авдеевым и Крестовским, а в один ряд с Гончаровым, Тургеневым и Толстым. Писемского и Лескова Горький считал людьми честными, обладающими искренними убеждениями и преданными делу развития России: «Возьмем такие произведения старой литературы, как “Бесы”, “Взбаламученное море”, “Обрыв”, “Новь” и “Дым”, “Некуда” и “На ножах”; мы увидим в этих книгах совершенно открытое, пылкое и сильное чувство ненависти к тому типу, который другая литературная группа пыталась очертить в образах Рахметова, Рябинина, Стожарова, Светлова и т.п. (после Рахметова – герои романов В.М. Гаршина “Художники”, Д.Л. Мордовцева “Знаменья времени”, И.В. Омулевского “Шаг за шагом”. – *Б.П.*). Чем вызвано это чувство ненависти? Несомненно, тревогою людей, у которых более или менее прочно и стройно сложились свои взгляды на историю России, которые имели свой план работы над развитием ее культуры, и – у нас нет причин отрицать это – люди искренно верили, что иным путем их страна не может идти. У каждого из них “были идеи”, и каждый оплатил свои идеи дорогою ценою, как это известно; их “идеи” могли быть ошибочны, даже вредны стране, но в данном случае нас занимает не оценка идей, а степень искренности и умственной силы их носителей. Они боролись с радикализмом порою – грубо, порою, как Писемский, – грязно, но всегда открыто, сильно». И далее: «Толстой, Тургенев, Гончаров, даже Лесков и Писемский – внушили читателю весьма высокую оценку духовных данных революционера»[643].

[643] *Горький М.* Разрушение личности // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 61–62, 63.

Однако только в конце 1960 гг. возникли попытки переосмыслить традиционную для советского литературоведения оценку «Взбаламученного моря» Писемского и показать, что этот роман, стоящий у истоков антинигилистический произведений, «являлся плодом не только реакционных, но и антикрепостнических, атеистических и социалистических идей»[644]. А чуть позже переосмыслению подвергся роман Лескова «Некуда», в котором была осуществлена попытка разглядеть не идейные «расхождения» с Чернышевским, но дальнейшую «разработку его проблематики»[645]. А уже в начале 1980 гг. известный литературовед А.И. Батюто в статье «Антинигилистический роман 60–70-х годов» для третьего тома «Истории русской литературы» сформулировал тезис, согласно которому романы Лескова и Писемского, несмотря на «вражду к революционной демократии», объективно «выделяются на бесцветном фоне» массовой антинигилистической беллетристики, которая «в художественном отношении представляла собой довольно жалкое зрелище», и высоким уровнем литературного мастерства и оригинальностью взглядов[646].

Однако тот факт, что «Взбаламученное море» был написан еще до выхода в свет романа Чернышевского делает его менее интересным для нашего исследования. Остановимся на романе «Некуда» Н.С. Лескова, который впервые печатался на протяжении 1864 г. в журнале «Библиотека для чтения» под псевдонимом М. Стебницкий.

«Я знаю, что такое настоящий нигилист, но я никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами. Теперь это в Петербурге стало каким-то неопределенным понятием. <…> Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и

---

[644] См.: *Грузинская Н.Н.* Новая бытопись А.Ф. Писемского в романе «В водовороте» // Уч. зап. Томск, ун-та. 1969. № 77. С. 126. См. также: *Грузинская Н.Н.* Об изучении мировоззрения и метода А.Ф. Писемкого в советском литературоведении // Уч. зап. Томск, ун-та. 1964. № 48. С. 106–115.

[645] См.: *Тамарченко Г.Е.* «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова // Вопросы литературы, 1972. № 9. С. 93–110.

[646] *Батюто А.И.* Антинигилистический роман 60–70–х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 311.

личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего»[647], – эти слова из рецензии Лескова 1863 г. на роман Чернышевского «Что делать?» можно было бы поставить эпиграфом к роману «Некуда», ведь одной из центральных проблем романа стала проблема нахождения коренных различий между «настоящими» нигилистами и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами. Интересно, что в своей рецензии Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убежден, что вместо «пошлого отрицания всего»: любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада (что свойственно людям «дерзким и невежественным»), необходимы постепенные мирные преобразования жизни крестьян, включающие просвещение, внедрение новых орудий и методов сельскохозяйственного труда, улучшения медицины и т.д. И был уверен, что Чернышевский написал свой роман именно об этом, о том, что «настоящие» нигилисты не «крикуны», а люди труда.

Поразительно, что человек, на которого после выхода романа набросятся все радикальные критики и назовут «клеветником», выступал в поддержку Чернышевского, искренне считал, что развивает главною идею романа «Что делать?». Отдавая себе в этом отчет, называть «Некуда» антинигилистическим романом уже становится проблематично. Почему же все сочли его таковым? А Д.И. Писарев после прочтения «Некуда» вопрошал: «1) Найдется ли теперь в России – кроме “Русского вестника” – хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого и подписанное его фамилиею? 2) Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?»[648]. И этой филиппике, как писал Л.А. Аннинский, «суждено было

[647] *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 54, 55.
[648] *Писарев Д.И.* Прогулка по садам российской словесности // *Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 275.

намертво приклеиться к роману Лескова и дойти до самых наших дней чем-то вроде несмываемого клейма»[649].

Ответ тут, конечно, лежит на поверхности. Чернышевский утверждал мысль о необходимости честного труда, исключительно показывая положительный пример идеальных «новых людей», Лесков работал в этом же направлении от противного, разоблачая «шальных шавок» нигилизма, к тому же, имеющих узнаваемые прототипы. В 1861 г., переехав в Петербург, Лесков начал сотрудничество с газетой «Русская речь», которую издавала Е.В. Салиас-де-Турнемир. В редакции он познакомился с писателями В.А. Слепцовым, А.И. Левитовым. И в том же году завел знакомство с приехавшим из Англии революционером и публицистом А. Бенни. И несмотря на то, что с редакцией «Русской речи» Лесков разорвал отношения довольно скоро, а в 1862 г. подвергся ожесточенным нападкам со стороны радикальной прессы за неосторожную статью о майских пожарах в Петербурге, в 1863 г. он еще некоторое время общался со «старыми друзьями», имел возможность наблюдать изнутри обитателей «Знаменской коммуны», созданной Слепцовым: княжну Е.А. Макулову, молодую переводчицу М.Н. Коптеву и др.[650]

Все эти люди, выведенные в «Некуда», оказались настолько узнаваемыми, что по словам критика «Русского слова» В.А. Зайцева, одного из первых, откликнувшихся на роман, Лескову не хватало только «фотографических снимков», чтобы его роман был похож на немецкие полицейские газеты, где помещают портреты преступников. Салиас-де-Турнемир получила имя маркизы де Бараль, Слепцов стал Белоярцевым, Левитов – Завулоновым, Макулова – Бертольди, Коптева – Бахиревой и т.д.[651] Критика такого подхода была беспощадной. Всех возмутило, что Лесков зло и карикатурно описал вчерашних единомышленников. Даже если он вдруг почувствовал их своими идеологическими оппонентами, это

---

[649] *Анненский Л.А.* Лесковское ожерелье. СПб.: Библиополис, 2012. С. 76.

[650] См.: *Брумфилд У.К.* Василий Слепцов. Жизнь и творчество // *Брумфилд У.К.* Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. С. 89–98.

[651] Подробней о прототипах романа «Некуда» см.: *Эджертон В*. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 614–637.

были люди, к которым он недавно ходил в гости, садился за один стол. А кто-то, как, например, Салиас-де-Турнемир, еще и помогал ему делать первые шаги в литературном мире Петербурга. Это выглядело неблагодарностью и предательством. «При “Взбаламученном море”, – продолжал Зайцев, – казалось, что гаже уже нельзя будет выдумать. <…> А тут вдруг является чудище, которое уж совершенно со всякого толку сбивает; читаешь и не веришь глазам, просто зги даже не видно. В сущности, это просто плохо подслушанные сплетни, перенесенные в литературу»[652]. В подобном роде отреагировал и сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей» А.С. Суворин, узнавший себя в одном из персонажей «Некуда»: «Г. Стебницкий – человек не без дарования, и притом оригинального. Дарование это заключается в том, что автор хорошо описывает *предметы*, даже очень хорошо. Я думаю, что г. Стебницкий может не только поставлять романы с описанием примет известных лиц, но даже с успехом мог бы служить по следственной части»[653]. Здесь вновь прозвучал намек на доносительство Лескова. Он отправил в «Санкт-Петербургские ведомости» опровержения, но их не напечатали. Писарев в статье «Прогулки по садам российской словесности» (1865), появившейся через два месяца после публикации последних глав «Некуда», пошел дальше Зайцева и Суворина, и заявил, что Лесков – хуже доносчика: «Представьте себе следующую штуку, – писал он: – г. Стебницкий записывает ваши приметы, особенности вашего костюма и вашей походки, ваши привычки, ваши поговорки; он изучает вас во всех подробностях и потом создает в своем романе отъявленного мошенника, который всеми *внешними* признаками похож на вас, как две капли воды. <…> А между тем все ваши знакомые узнают *вас* в изображенном мошеннике и с изумлением расспрашивают друг друга о том, есть ли какая-нибудь доля правды в том, что о вас написано. Начинаются догадки, предположения и сплетни. <…> К суду вас никто не потянет, но это именно и скверно. В суде вы могли бы оправдаться, но против сплетен, возбужденных наглой мистификацией г. Стебницкого,

[652] См.: *В. З. [Зайцев В.А.]* Перлы и адаманты русской журналистики // Русское слово, 1864. No 6. Отд. II. С. 43–52.
[653] *Знакомый г. Стебницкого [Суворин А.С.]* Пропущенные главы романа «Некуда» // Санкт-Петербургские ведомости, 1864. № 200. 11 сентября.

вы оказываетесь совершенно беззащитными. <…> Косвенная инсинуация неизмеримо хуже прямого доноса»[654]. В такой ситуации никто не решился заступиться за Лескова, на «Некуда» не вышло ни одной положительной рецензии. Представители существовавших тогда идеологических направлений не захотели встать на сторону писателя, провозгласившего себя «человеком без направления» и в то же время в глазах публики оказавшегося злостным «гонителем всего прогрессивного». А за Лесковым закрепилась репутация писателя, подозреваемого в связях с Третьим отделением.

Несдержанная едкость характеристик, которые себе позволил Лесков в отношении круга социалистов и либерального кружка маркизы де Бараль, злые пародии на реальных людей, долгое время не давали читать роман беспристрастно и разглядеть в нем что-то, помимо антинигилистической критики. Тогда как роман «Некуда» кроме критики, содержит представления об общественном идеале и является очень автобиографической книгой. Сейчас кажется, что цель, которую ставил перед собой Лесков в период написания романа, состояла не столько в разоблачении либералов и нигилистов, сколько – в самопознании. Это, помимо всего, роман-размышление Лескова о том, какие философские и социально-политические идеалы могут быть основой честной жизни. И что нужно делать для улучшения жизни в России.

Если обратить внимание на биографический контекст написания романа, мы увидим, что Лесков в тот момент болезненно переживал утрату прежних идеалов и находился в поиске новых. Переехав в Петербург в 1861 г. Лесков поселился в квартире профессора И.В. Вернадского, где жил тогда член организации «Земля и воля» А.И. Ничипоренко, который зарабатывал на жизнь в качестве репетитора сына Вернадского. Лесков и Ничипоренко подружились и сделались единомышленниками. Вполне возможно, что Лесков даже принимал участие в

[654] *Писарев Д.И.* Прогулка по садам российской словесности // *Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 274.

составлении революционной прокламации «Русская правда»[655]. Ничипоренко был арестован по «делу 32-х» о связях русских «заговорщиков» с «революционной эмиграцией», Герценом и Огаревым. Он, действительно, поддерживал связь с Герценом, был корреспондентом «Колокола». Лесков в тот период также был горячим почитателем «лондонских пропагандистов». Ничипоренко умер в Петропавловской крепости еще до окончания процесса. Лесков в том же 1861 г. начал сотрудничать в издании «Русская речь» Е.В. Салиас-де-Турнемир, которое можно охарактеризовать как либеральное и умеренно оппозиционное. Слепцов и Левитов публиковали там очерки «из народной жизни». А Лесков учился писать статьи на «общественные темы». В 1862 г. Лесков подвергся ожесточенной критике за свою «пожарную» статью, напечатанную в «Северной пчеле». А в 1863 г. он уже писал «Некуда», всячески пытаясь отмежеваться от русских революционеров и высмеивая либералов. Вряд ли он делал это из страха быть арестованным, очевидно, что к моменту написания романа он не разделял взгляды своих прежних знакомцев. Но эволюция взглядов, судя по датам, происходила у Лескова так стремительно, а роман писался в такой горячке, что о разработанной и непротиворечивой мировоззренческой позиции автора «Некуда» говорить было бы неправильно. В романе чувствуется мучительное желание сформулировать свое кредо по всем основным общественным и политическим и личным вопросам и расквитаться со своими заблуждениями. Как отмечает современная исследовательница творчества Лескова М.А. Кучерская, “Некуда” – это не донос, а прощание с незадавшейся молодостью и проклятие ее. Лесков рвал со всеми, не простив им своих ошибок. Он снова и снова убеждал себя и мир в узости их взглядов на мужчину и женщину, на семью и образование, на политическое и экономическое будущее России»[656].

Итак, в романе две основные сюжетные линии. Первая – история Лизы Бахиревой, которая, вернувшись из института, не находит понимания в

[655] См.: *Эджертон В*. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 614–637

[656] *Кучерская М.А.* Лесков: Прозеванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. С. 211.

родительском доме. Она много читает и мечтает о новой жизни в среде близких по духу людей, у которых слово не расходится с делом. В результате она уходит из дома и поселяется в коммуне социалистов, основанной Белоярцевым. Помимо этого, Лиза влюбляется в благородного революционера Вильгельма Райнера, который в конце романа погибает, сражаясь за дело освобождения Польши. Гордая Лиза, поняв всю никчемность затеи Белоярцева, все же не может отказаться от выбранного пути. Узнав об аресте Райнера, она отправляется с ним проститься, и погибает от воспаления легких, простудившись в дороге. Вторая сюжетная линия – история доктора Дмитрия Розанова, который, подобно Лескову, недолго увлекается идеями социалистов, потом посещает салон либеральной маркизы де Бараль. Но разочаровавшись, рвет отношения с теми и другими, даже спасает социалистов, уничтожив накануне обыска литографический камень, и прокламации на нем отпечатанные. Расставшись с полусумасшедшей женой, пессимист-Розанов все же находит счастье с новой женщиной и устраивается на должность полицейского врача в Петербурге.

Глазами Лизы и Розанова мы видим целую галерею «шальных шавок» нигилизма, более и менее безобидных. Это и либеральная предводительница «углекислых фей Чистых прудов» взбалмошная маркиза де Бараль, которая «не могла рассуждать спокойно и последовательно» и говорила «умные слова, спутанные в самые беспутные фразы». Это и переполненный «половой чувствительностью» и властолюбием Белоярцев, основавший коммуну, подражая героям романа «Что делать?» Чернышевского. Однако коммуна распалась после полугода беспорядочной жизни и постоянных склок маленького кружка якобы прогрессивных единомышленников, которые на деле оказались не только не способными трудиться, но даже поддерживать небольшое совместное хозяйство, и черную работу за «социалистов» выполняла прислуга. Но Райнер и Лиза Бахарева, любимые герои Лескова, идут в революционное движение с готовностью к подвигу, по убеждениям. Их нельзя упрекнуть ни в глупости, как маркизу де Бараль, ни в неискренности, как Белоярцева. И, уж точно, нельзя заподозрить в подлости. Почему они оказываются в революционном движении? Ответить на этот вопрос можно, вспомнив

позицию Гилярова-Платонова в полемике о возникновении нигилизма. По сюжету романа оба они стали нигилистами не по безбожию и не вследствие страсти к подражанию всему западному, а благодаря внешним обстоятельствам. Дед Райнера, пастор, был расстрелян, отстаивая независимость Швейцарии, отец был «вольнодумцем», общался с Герценом, и завещал сыну бороться с несправедливостью. И тому в самодержавной России 1860 гг. не оставалось ничего другого, кроме как погибнуть за «землю и независимость крестьян» и свободу Польши. Лиза отучилась в институте, обрела навыки критического мышления и, вернувшись домой, увидела в своей семье лицемерие, ханжество, «мертвенность». Все это она не замечала ранее, но теперь уже не могла с этим мириться. Первым желанием ее было жить другой жизнью, нежели та, которую ей готовила мать. А чтение «социалистов и материалистов» помогло ей укрепиться в своем желании бежать из дома и искать счастья в социалистической коммуне. Этих героев, следуя классификации Лескова, вполне можно назвать «настоящими» нигилистами.

Более того, «нигилистом» себя считает доктор Розанов, за которым стоит сам автор. В начале романа «лекарь» Розанов своими чертами напоминает «лекаря» Базарова. В уездном городе, где он служит, многие считают его «распущенным», «неуступчивым», «грубым», но все эти качества происходят из-за его нежелания льстить и обманывать. Люди же, знающие его близко, восхищаются его небезразличием к чужому горю и работоспособностью. Розанов, к примеру, относится с отвращением к лживой новой морали Белоярцева и ему подобных, которые называют семью «вредным» и «безнравственным учреждением», однако сам утверждает в романе право разойтись с нелюбимой женой и построить новую семью с любимым человеком, хотя бы и не освященную церковью. Действует вполне в соответствии с заветом «свободы сердца» Ж. Санд и Чернышевского.

У Лескова трагедия Лизы, чувствующей потребность построить свою жизнь на новых принципах честности, справедливости и труда, вместе с близкими по духу «новыми людьми», заключается в том, что в России таких людей нет, или их ничтожно мало. «Недавно родился этот тип и быстро распложается», – писал о «новых людях» Чернышевский в романе «Что делать?». В Петропавловской

крепости ему хотелось верить, что их становится все больше, что «настоящие» нигилисты – уже не «отдельные личности» (как Базаров), предвещающие появление «этого типа», а нечто большее[657]. По Лескову, Чернышевский ошибался. Искренние и честные участники движения так и остались одиночками, оказавшимися, кроме того, погруженными в среду «дураков, плутов, мошенников», способных только скомпрометировать любую идею. И если этот тип и «распложается», то, скорее, за счет «уродцев российской цивилизации», которые, подражая Базарову, копировали, не любовь к науке, а грубость и невежество, а у героев «Что делать?», в силу собственной нравственной первобытности, находили не стремление к труду и честности в семейных отношениях, а оправдание собственной половой распущенности и разрешение отрицать все, что им не нравится.

Еще в романе «Отцы и дети» Тургенев показал карикатурных нигилистов, Ситникова и Кукшину. По наблюдениям Лескова, за то время, когда нигилизм «вошел в моду», его социальную базу составили, в большинстве своем, именно Ситниковы и Кукшины, а более всего, – болтуны и праздные фразеры: «Разве это *нигилисты*? Разве каждая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыд, – нигилисты?»[658]. В этих словах Лескова чувствуется даже сожаление, что благородные начинания часто погибают, потому что распространяются в среде людей, где мало кто готов их серьезно воспринимать и, кроме того, оказываются дискредитированы «шутами и дураками, приставшим к ней по страсти к моде». «На великое несчастие этих людей (“новых людей”. – *Б.П.*), – рассуждает Лесков в романе “Некуда”, – у них не было вовремя силы отречься от пристававших к ним шутов. Они были более честны, чем политически опытны, и забывали, что один Дон-Кихот может убить целую идею рыцарства. Так и случилось. Шуты насмешили людей, дураки их рассердили»[659]. Уже в старости Лесков вспоминал: «Нигилизм

---

[657] См.: *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 149.

[658] *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 52.

[659] *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 136.

погубил себя тем, что преувеличивал свои силы, когда оказалось, что настоящих нигилистов по пальцам можно сосчитать»[660].

В одном из последних высказываний о романе, зафиксированном А.И. Фаресовым, Лесков говорил: «А романом “Некуда” я горжусь и считаю его в русской литературе самым верным романом о 60-х годах. Теперь, стариком, я удивляюсь, как это меня хватило разобраться в то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почве выросли нигилисты и чем они кончат. Но у меня все-таки есть свои Райнеры и Бахаревы, которых не купишь ничем. В русской литературе я один дал таких верных людей, а меня за них десятки лет позорили и инсинуировали»[661]. «Верные люди»! Глядя ретроспективно на произведения, в которых предпринималась попытка художественного осмысления формирования разночинного самосознания, можно согласиться с Лесковым, его «люди» кажутся наиболее «верными», правдоподобными. Особенно, если сравнивать героев «Некуда» с героями романа «Что делать?», идеи которого Лесков развивал, с идеями которого он полемизировал.

Лиза Бахарева многим напоминает Веру Павловну, они вышли из похожих семей, читали потом похожие книги, обе захотели искренности, честности в отношениях и труда на пользу людям. В результате, радикально поменяли свою жизнь. Кроме того, обе героини – решительны и «горячи натурой». Но если Вера Павловна у Чернышевского – идеальная «новая женщина», то Лиза Бахарева, скорее, женщина реальная, полная сомнений и заблуждений. Страхов в своей рецензии роман «Что делать?» с иронией писал, что герои Чернышевского уж слишком счастливые люди. А обычным людям свойственно совершать ошибки, увлекаться идеями, потом разочаровываться в них. У обычных людей бывает, что «самые благородные намерения, самые чистые цели часто не спасают от самообольщения», которое порой приводит к конфликтам и провалам. В результате эти уроки жизни «часто ломают жизнь; но, если они выносятся, то ведут к большему и большему

---

[660] См.: *Фаресов А.И.* Против течений: Н.С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. С. 171.
[661] Там же. С. 57.

нравственному просветлению». Однако ничего подобного не случается с «новыми людьми» Чернышевского. «У них не бывает заблуждений жизни, стремящейся *научиться собственным опытом и примером*; они, как будто не живши, уже знают жизнь и обладают трезвостью мужества чуть ли не с двенадцатилетнего возраста»[662]. По Чернышевскому получается, что с осознанием человеком своих «истинных» потребностей, меняется его природа, все слабости и сомнения остаются в прошлом. А выстраивание жизни в духе «разумного эгоизма» навсегда снимает для «новых людей» противоречие между личной пользой и служением человечеству.

У Лескова все не так. Два его «настоящих» нигилиста, Лиза и Розанов в какой-то момент прерывают многолетнюю дружбу, поссорившись как раз на почве эгоизма. Лиза обвиняет Розанова в эгоизме по отношению к «человечеству»: «Дело не в том, а вы равнодушны к человеческому горю, – говорит она; – вы только пугаете людей и стараетесь при каждом, решительно при каждом случае отклонять людей от готовности служить человечеству». На эту откровенность Розанов отвечает своей откровенностью, обвиняя Лизу в пренебрежении «ближними» людьми, в частности, в беззастенчивой эксплуатации влюбленного в нее Юстина Помады, преданность которого она не ценит, но с легкостью ей пользуется. «– Да чего же вы, наконец, от меня хотите? – запальчиво крикнула Лиза. – Хочу? Ничего я от вас не хочу, а желаю, чтобы необъятная ширь ваших стремлений не мешала вам, любя человечество, жалеть людей, которые вас окружают, и быть к ним поснисходительнее. Пока мы не будем считать для себя обязательным участие к каждому человеку, до тех пор все эти гуманные теории – вздор, ахинея и ложь, только вредящая делу»[663]. По мнению Розанова, сочетание «горячей натуры и честных стремлений» «отуманивает» Лизу, лишает ее критического мышления, не дает отделить «честных людей» от «подлецов». Вере Павловне же «горячая натура» только помогает вести дела. Возможно потому, что окружают

[662] См.: *Страхов Н.Н.* Счастливые люди // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 567, 570.
[663] См.: *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 471–472, 473–474.

ее исключительно благородные Кирсановы и Лопуховы, а не Белоярцев и Бертольди, как Лизу.

Вильгельм Райнер у Лескова чем-то напоминает Рахметова. На это обратил внимание Горький в статье 1923 г.: «Лесков нашел героя по душе себе – это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского “Что делать?” <…> Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости»[664]. Действительно, благородством и почти святостью они с Рахметовым похожи. Райнер называет себя социалистом и активно ведет революционную пропаганду в России, а потом героически погибает в бою, во время польского восстания 1863 г. Рахметов готовит себя к какому-то важному событию, в котором читатели угадывали революцию. Но разница между Рахметовым и Райнером – такая же, как между Верой Павловной и Лизой. Рахметов безупречен во всем, что бы он ни делал, он не испытывает ни страха, ни сомнений. От этого выглядит искусственно, иногда даже комично. Например, интеллектуальное становление Рахметова описано следующим образом. В 16 лет он приехал в Петербург простым «добрым и честным юношею» и узнал, что среди студентов есть люди, которые «думают не так, как другие», заинтересовался. Один из таких студентов, Кирсанов, дал ему несколько французских и немецких книг (социалистов и материалистов). Рахметов увлекся, «читал больше трех суток сряду, – с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов 15. Через неделю он пришел к Кирсанову, потребовал указаний на новые книги, объяснений; подружился с ним, потом через него подружился с Лопуховым. Через полгода, хоть ему было только 17 лет, а им уже по 21 году, они уж не считали его молодым человеком сравнительно с собою, и уже он был особенным человеком»[665]. Получается, чтобы стать «особенным» человеком и приобрести

[664] *Горький М.* Н.С. Лесков // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 230.
[665] *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 205.

мудрость, которой хватит для переустройства общественных отношений, нужно не более полугода чтения французских и немецких книг.

Райнер не обладает мудростью, спокойствием и рассудительностью Рахметова. Он становится революционером не благодаря книгам, а почти по семейной традиции, не смея отступить от заветов отца. Представления его о России довольно абстрактные. Он судит о ней по «опоэтизированным рассказам о русской общине» и «прирожденных наклонностях русского народа к социализму» Герцена и Огарева. Рассказы русских «либералов-туристов», услышанные в Лондоне, помогают ему уверовать, что «в России каждую минуту может вспыхнуть революция», а так как он с детства считал революцию «законнейшим из всех дел человеческих», Райнер принял решение ехать в Петербург и «положить за нее свою голову»[666]. Среди русских нигилистов благородный Райнер чувствует себя чаще всего неловко и растерянно, не понимая, можно ли кому-то доверять. И не найдя в русских подпольных организациях никаких «элементов для революции», как будто от отчаяния отправился бороться за независимость Польши. Горький писал о Райнере как об одном из самых правдоподобных персонажей в творчестве Лескова вообще, написанном «не от ума, а от сердца»: «Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубежденного и вдумчивого читателя»[667].

Что касается Дмитрия Розанова, для него нет похожего персонажа в романе «Что делать?». Но своим пессимизмом и нелюбовью к фразерству и лицемерию он напоминает Базарова и еще одного важного героя разночинской литературы, скептика Михаила Череванина из повести Помяловского «Молотов». Как и Череванин, Розанов неудовлетворен жизнью, много пьет и пытается не отгораживаться от реальности никакими иллюзиями: либеральными или революционными. Будучи врачом, он довольно скептически относится к человеческой натуре и не склонен ждать ее чудесного преображения «по теории». В романе нет

[666] См.: *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 287.
[667] *Горький М.* Н.С. Лесков // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 232.

конкретного указания на то, кем является Розанов по происхождению, но в моменты растерянности он ведет себя «как семинарист в помещичьем доме»: «неловко кланяется» и «краснеет пятнами». По манерам, образу жизни, достатку и роду деятельности он, вероятно, – разночинец. Если утверждать, что о начале формирования разночинного самосознания можно судить, применительно к повестям Помяловского; о развитии и идеологическом оформлении – по романам Тургенева «Отцы и дети» и Чернышевского «Что делать?», то Лесков как будто делает следующий шаг. Его разночинец Розанов, симпатизировавший поначалу идеям Чернышевского, имеет возможность наблюдать, как его теоретические проекты реализуются на практике. И убеждается в несостоятельности этих проектов, по крайней мере, на текущий момент. В частности, социалистическая коммуна Белоярцева даже отдаленно не похожа на то, что задумывал Чернышевский. И, видя ничтожно малое количество «истинных» «новых людей», Розанов, обладатель черт Череванина, Базарова и даже Лопухова, выбирает судьбу Молотова, то самое «мещанское счастье». Розанов находит себе тихую жену и устраивается работать полицейским врачом.

Лесков был нетипичным писателем для довольно еще стратифицированного русского общества XIX в. Горький писал о нем: «Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырех сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная, <…> Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется “душою народа”»[668]. Действительно, Лесков вполне мог идентифицировать себя с представителями разных сословий. И в произведениях разных периодов устами главных героев, он представил ряд соображений, которые условно можно назвать общественным идеалом священнослужителей («Соборяне»), общественным идеалом дворянства («Захудалый род») и разночинным общественным идеалом («Некуда»).

[668] Там же. С. 228.

В романе «Некуда», через своего героя Розанова Лесков утверждает идеал постепеновца. Как в романе «Отцы и дети» определение нигилизму дают идейные оппоненты Базарова, так и в романе «Некуда» определение постепеновца, то есть человека, который стоит «за какой-то непонятный правильный прогресс», произносит оппонентка Розанова Бертольди среди «граждан» коммуны Белоярцева[669]. Но Розанов, в силу своего пессимизма, положительного идеала не высказывает. Лесков доверяет сказать программный монолог «постепеновства» молодому купцу Луке Маслянникову, веселому и деловому, который впервые появляется на последних страницах романа. Он в грубой и доступной форме поясняет суть «правильного прогресса». Лука – человек деятельный и социально ответственный, его интересует не только нажива: «Надо служить обществу, – говорит он, – отпираться от такой службы стыд зазрит». Он разумно управляет купленными имениями, да еще дает ссуды крестьянам, потому что они «деньгу в дело обращают». Лука хочет завести на своих землях пожарную команду, ремесленную школу и больницу. Причем, первым делом – подобрать сирот «да в школу, чтобы не пропадали». Хочет нанять себе в секретари студента, «возьми жалованье и живи честно». «Чего доброго, нате вам, еще и театр заведем. Знай наших!», – говорит он. Квинтэссенция постепеновства в словах Маслянникова, которыми завершается роман: «Я, брат, точно, сердит. Сердит я раз потому, что мне дохнуть некогда, а людям все пустяки на уме; а то тоже я терпеть не могу, как кто не дело говорит. Мутоврят народ тот туда, тот сюда, а сами, ей-право, великое слово тебе говорю, дороги никуда не знают, без нашего брата не найдут ее никогда. Все будут кружиться, и все сесть будет некуда»[670]. От «сердитого» Луки досталось за праздность всем «фразерам» от студентов до публицистов и писателей. Потому что настоящая «служба обществу» – это строительство школ и больниц, это разумное управление имениями и поддержка крестьян. И чтобы преуспеть в этом деле, не нужно читать французских и немецких книг, надо знать русскую жизнь

[669] *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 457.
[670] Там же. С. 707–708.

и трудиться. Именно здесь – точка размежевания между «постепеновством» Чернышевского и «постепеновством» Лескова. Первый призывает жить честно по Жорж Санд, «заводить мастерские» по Блану, коммуны – по Фурье, и трудиться «до пота», причем, «не из одного желания личного прибытка», а для «возможно большего числа людей». Лесков в романе «Некуда» не спорит с благородством замысла, но показывает, как деформируются идеи Чернышевского, попадая в головы людей, неспособных воспринять их правильно в силу своего нравственного и интеллектуального уровня. К сожалению, эти идеи извращаются не только глупыми и аморальными людьми, они могут запутать и внести сумятицу в нравственные представления людей умных и благородных, таких, как, например, Лиза Бахарева. Поэтому «постепеновство» Лескова – это, прежде всего, отказ от теоретического, книжного познания мира.

Не вникая в контекст эпохи, можно было бы подумать, что роман с таким содержанием не мог бы оскорбить никого из «честных молодых людей». Критикуя «больное» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман должен был служить общественному прогрессу. Так считал Лесков. Однако публика увидела в «Некуда» пасквиль и карикатуру на прогрессистов. Конечно, Лесков виноват сам, его «шальные шавки нигилизма» были так узнаваемы, а поступок автора, окарикатурившего вчерашних друзей, казался таким неэтичным, что долгие десятилетия «Некуда» воспринимался как донос. А разгромная рецензия Писарева с безжалостными напутствиями помогла уничтожить репутацию автора, только вступившего на литературное поприще. В статье «О шепотниках и печатниках» 1882 г. Лесков писал: «Двадцать лет кряду такое же гнусное оклеветание нес я, и оно мне испортило немногое – *только одну жизнь*…»[671].

«Это было почти убийство, – писал о рецензии Писарева на роман “Некуда” Горький. – Тогда Лесков – ожесточенный до бешенства – наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман “На ножах”; в этом романе нигилисты изображены еще хуже, чем в “Некуда”, до смешного мрачно, неумно,

[671] *Лесков Н.С.* О шепотниках и печатниках // Литературное наследство. Том 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 54. 51–60

бессильно»[672]. Лесков писал роман, действительно, «наскоро», только спустя семь лет после «Некуда». Но Горький прав, в романе «На ножах» «истинных» нигилистов уже не было. Новый роман «общественного направления» Лесков публиковал в «Русском вестнике» Каткова в 1870–1871 гг., уже не опасаясь, что его обвинят в реакционности. И новый рассказ о нигилистах, действительно, похож на месть Лескова всем радикальным «клеветникам», которые так безжалостно уничтожали его роман «Некуда». Все герои-нигилисты в новом романе – подлецы и коварные преступники. Однако, нужно заметить, что в период написания «На ножах» Лесков упражнялся в жанре готического романа, который не может обойтись без преступлений и мрачной атмосферы близкой беды. Здесь и спиритические сеансы, привидения, сходящие с картин люди, медиумы, подброшенные ножи, подпиленные мосты, язычески камлания, сожженные завещания и бесконечные убийства. А нигилисты, перешедшие со страниц реалистического романа «Некуда» в жанровый «На ножах», перестают быть смешными и обретают черты монстров.

В центре романа вновь яркий женский образ – Глафира Бадростина. Как Вера Павловна и Лиза Бахирева она обладает «горячей натурой», тоже увлеклась идеями социализма и в юности стала «гражданкой» очередного «Дома Согласия». В новом романе вдохновителя жилищной коммуны зовут Павел Горданов. Вообще, роман «На ножах» можно назвать: «Нигилисты десять лет спустя». Главные герои, правда, давно разочаровались в юношеских идеалах и строят свою жизнь на совсем других основаниях. Завязкой сюжета является приезд в уездный город N двух молодых людей тридцати пяти лет. Это упомянутый Павел Горданов и его приятель Иосаф Висленев. Они призваны помочь осуществлению преступного плана Бадростиной, которая собирается сжить со света своего богатого мужа и получить наследство. Коварный план предполагает подмену завещания, компрометацию мужа и его убийство. Реализация плана растягивается на долгое время и составляет основную сюжетную линию романа, в пересказе которой нет

[672] *Горький М.* Н.С. Лесков // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 230.

необходимости. Однако интересна предыстория отношений Бадростиной, Горданова и Висленева, познакомившихся в социалистической коммуне. Этот рассказ показывает динамику развития нигилизма, как ее представлял Лесков.

По сюжету Бадростина назначает убийцей мужа Горданова, потому что он должен заплатить ей «невещественный долг». На вопрос, какой это долг, Бадростна вспоминает юность, когда Горданов увлек ее идеалами «общего дела», совратил, эксплуатировал и даже пустил «как красивую женщину, на поиски и привлеченье … богатых людей», отнимая половину заработанного «плотью»[673]. Здесь Лесков не продолжает Чернышевского, как раньше, а уже довольно едко высмеивает стратегии поведения и идеалы «новых людей». Горданов приходит в семейство Акатовых (девичья фамилия Бадростиной) как учитель маленького брата и начинает «развивать» взрослую сестру. Также это делал Лопухов в семье Розальских. Так не редко стремились действовать «люди шестидесятых годов», считавшие вождем своего поколения Чернышевского. Идея «развивать» честную девушку, предложить ей фиктивный брак (или брак по любви), если она стремится к самостоятельности, и таким образом спасти ее от семейной тирании, – вдохновляла многих юношей и девушек того поколения[674]. Однако Горданов «развивает» Акатову не бескорыстно. Он «манит» девушку «обманчивыми речами» об «алюминиевых чертогах свободы и счастия», видимо, пересказывая ей своими словами Четвертый сон Веры Павловны о Хрустальных дворцах, где вся мебель сделана из алюминия. Девушка идет за речистым студентом, но после непродолжительной любовной привязанности она Горданову надоедает, и он решает отказаться от Акатовой в пользу другого товарища со словами: «Такие, дескать, у нас правила». Здесь Лесков иронизирует над концепцией «свободы сердца», которую так отстаивал Чернышевский, показывая, как Лопухов благородно отказывается от Веры Павловны «в пользу товарища» Кирсанова, видя, что они полюбили друг друга. Оказывается, эта концепция может быть очень удобна

[673] *Лесков Н.С.* На ножах // *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. С. 79–80.
[674] См.: *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л.: «ACADEMIA», 1929. С. 67–264.

для соблазнителя наивных девушек, помогает снять с себя ответственность за соблазнение, прикрываясь прогрессивной теорией. К привычным читателям моделям поведения нигилистов Лесков добавляет новое: «пустить красивую женщину, на поиски и привлеченье богатых людей». Такое не могло прийти в голову даже Слепцову в Знаменской коммуне, которого когда-то так нелицеприятно изобразил Лесков в образе Белоярцева. То есть, по Лескову, со временем нигилисты из молодых идеалистов становятся мошенниками и сутенерами. Как будто попытка применить идеи Чернышевского на практике постепенно открывают худшее в человеке. Ведь изначально Горданов сам грезил о труде и хотел добыть денег исключительно на революционное дело и на дело освобождения Польши. Но скоро благородные намерения начинают тяготить Горданова и его окружение. Нравственная эволюция нигилистов влечет за собой эволюцию и идейную, и инициатором смены убеждений выступает Горданов, предлагая новое «учение»: «в длинной речи (Горданов. – *Б.П.*) отменил грубый нигилизм, заявленный некогда Базаровым в его неуклюжем саке, а вместо его провозгласил *негилизм* – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что *негилистам* дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты. Дружным хором кружок решил, что Горданов велик». В кружке новое учение Горданова не хотела принимать только Анна Скокова (прозванная – Ванскок), «особа ограниченная, тупая и рьяная», которая «держалась древнего нигилистического благочестия; хотела, чтобы общество было прежде уничтожено, а потом обобрано, между тем как Горданов проповедовал план совершенно противоположный, то есть чтобы прежде всего обобрать общество, а потом его уничтожить». Главным принципом негилистов стал лозунг «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» [675]. Прежние нигилисты базаровского и кирсановского типов становятся социал-дарвинистами. От альтруизма, который прежде скромно называли «разумным эгоизмом», они переходят к эгоизму самому примитивному и жажде наживы. Не поддается новой проповеди только Ванскок. Ее можно было бы причислить к «истинным»

[675] См.: *Лесков Н.С.* На ножах // *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. С. 130, 131–132.

нигилистам, если бы она была чуть менее глупа и умела бы что-то кроме, как «работать над Боклем и демонстрировать над лягушкой». Однако среди всех «монстров» нового «негилизма» Ванскок получилась у Лескова наиболее живым персонажем. Горький, мало ценивший роман «На ножах», говорил про Ванскок: «Эта девица – тип, мастерски выхваченный из жизни рукою художника, изображенный удивительно искусно, жизненный до обмана, – таких Ванскок русское революционное движение создавало десятками. Существо недалекое, почти глуповатое, Ванскок неутомима, исполнена самозабвения, готова сделать все, что ее заставят люди, которым она – сама святая – свято верит. Если ее пошлют убить – она убьет, но она же, сидя в тюрьме, будет любовно чинить грязную рубаху злейшего партийного врага; <…> Такие маленькие великие люди, веселые великомученики любви своей ради, – они из лучших людей нашей страны, обильной “рыцарями на час” и позорно бедной героями на всю жизнь»[676]. Кажется, Лесков подметил тип, который в еще довольно «мирные» 1860 гг. казался смешным, а в годы революционных испытаний окажется героическим.

Помимо «дела» Бадростиной, Горданов и Висленев в родном городе N намерены исправить «грехи своей юности». Горданов, увлекшись идеями социализма, отдал крестьянам землю, теперь надо ее вернуть, «а крестьян как-то надуть». Висленев хочет возвратить себе часть наследства, которую когда-то отдал сестре, уезжая в Петербург. «Теперь, приехав сюда из Петербурга, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, – говорит Горданов, – а на то, чтобы кого-нибудь… обирать»[677]. Возникает вопрос, почему вчерашние идеалисты стали вдруг циниками и даже преступниками? Почему Горданов с Висленевым оказываются способными на любую подлость, ограбление, очернение людей и убийство? Почему наконец Глаша Акатова, которая «во дни глупости» «из принципа» питалась «снятым молоком», стала вдруг одержима одной мыслью – увеличить богатство, и для этого она готова убить мужа? Лесков показывает, что идеи нигилизма-социализма-

[676] *Горький М.* Н.С. Лесков // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 231.
[677] *Лесков Н.С.* На ножах // *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. С. 48.

материализма обладают неприятной особенностью, которая может быть заметна не сразу, они очень удобны для прикрытия нечистоплотных намерений. Например, завладеть женщиной, или получить власть над людьми гораздо легче, если это происходит под прикрытием великого учения. В конце романа, когда Висленев уже дает показания на допросе, ему приходит в голову прикинуться социалистом, чтобы получить снисхождение суда. Говорит, что подстрекал убить Бадростина только потому, что тот издевался над своими крестьянами; жениться на его вдове хотел, чтобы «освободить от среды»; а состоянием хотел завладеть, чтобы потом употребить деньги для строительства народных школ.

Повторимся, роман «На ножах» не задумывался как реалистический, и по небольшим фрагментам, повествующим об истории коммуны Горданова, не стоит делать серьезных социально-политических выводов. В романе «На ножах» Лесков не ставил перед собой задачи показать обобщенный портрет нигилиста образца 1870 гг. Вообще его героями не являются представители какого-то социального типа. По сравнению с романом «Некуда», тут Лесков переводит фокус внимания с многообразия социальных отношений конкретного исторического периода на мир духовный, таинственно влияющий на поступки людей. «Зло не имеет в романе Лескова прямых социальный проекций»[678], – указывает М.А. Кучерская. Это кажется верным, «На ножах» не роман идей, а роман о грешниках и праведниках. Этим роман отчасти отличается от «Бесов» Достоевского, который начал публиковаться в номерах «Русского вестника» всего через три месяца после окончания публикации романа «На ножах» (с января 1871 по декабрь 1872 г.). При всем внешнем сходстве мотивов этих двух «антинигилистических романов», у Достоевского «нигилизм – действительно духовное преступление, порча, беснование, антивера, которую надо пройти до конца, – писал Л.А. Аннинский. – У Лескова <…> лишь “глупость и ошибка”, это игра, *прикрывающая преступление*, это шутовство и шарлатанство, почти словесный фокус, каламбур, пустословие»[679]. Нигилизм, по Лескову, – пуст и бессодержателен.

---

[678] *Кучерская М.А.* Лесков: Прозеванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. С. 308.
[679] *Аннинский Л.А.* Лесковское ожерелье. СПб.: Библиополис, 2012. С. 194.

Лесков был художником, мыслившим себя вне сословных интересов, и новизна его подхода к русской жизни заключалась в том, что он пытался смотреть на нее не столько глазами идеолога, сколько глазами практического человека, близко знакомого с повседневной жизнью всех сословий России. Он был уверен, что это давало ему преимущество перед радикалами, консерваторами и либералами, любыми «теоретиками». Открывая праведников и грешников в каждом из сословий, считая себя при этом «человеком без направления», Лесков остался под подозрением у представителей всех направлений русского общества, никто его не считал своим, его считали политически неблагонадежным. По поводу борьбы Лескова с идеологами и «теоретиками» И.П. Видуэцкая писала: «парадокс заключался в том, что творчество Лескова, воевавшего с “теоретиками” и подвергавшего критике их теории, подчеркнуто насквозь идеологично»[680]. С этим мнением отчасти можно согласиться. Лесков был человек идейный. Основную проблему русской жизни он видел в несоответствии между безграничными возможностями страны, богатой людьми и ресурсами, и ее нищетой, неустроенностью и отсталостью. Он отрицал революционный путь переустройства общества, но был близок к радикалам своей верой в человеческий разум и силу просвещения. Кроме того, роднило его с радикалами, в частности, с Чернышевским убеждение, что литература может быть важным инструментом модернизации, донося важные идеи до широкого круга читателей. Возможно, поэтому его так злили нечистоплотные нигилисты, своим поведением дискредитировавшие идеи прогресса.

Итак, в романах Н.С. Лескова «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870) можно найти черты общественного идеала «постепеновства». Этот идеал не строится на какой-то теории и соответствует какому-то политическому направлению. По Лескову, чтобы поправить дела в России, нужно читать не «французов с немцами», а пытаться понять потребности русского народа. Носителями общественного идеала Лесков считал любых деятельных и социально ответственных людей вне

[680] См.: *Видуэцкая И.П.* Н.С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 396.

зависимости от их сословного происхождения. Людей, которые подобно купцу Луке Маслянникову из романа «Некуда» считают, что «надо служить обществу», то есть разумно управлять имениями, поддерживать крестьян, строить школы и больницы. И стыдно «отпираться от такой службы». Переход к чаемому общественному устройству может произойти только благодаря «правильному прогрессу», то есть постепенно, по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных и ответственных людей. Какими могут быть контуры наиболее совершенного общественного устройства, Лесков не говорит. Но мы можем предполагать, что Лесков не очень доверяет политическим преобразованиям. «Правильный прогресс» происходит не благодаря смене политического строя, а благодаря индивидуальной деятельности и ответственности. Именно эти черты позволяют говорить об особом общественном идеале Лескова, который отличается от таких идеалов других авторов, как радикального, так и консервативного направлений. Идеал «постепеновства» не предполагает кардинальных политических изменений, но и не содержит призыва к духовному обновлению общества. Цель его – удовлетворение насущных потребностей русского народа.

Выводы главы

Общественные идеалы периода проведения Великих реформ (1861–1866 гг.) наиболее ярко и четко были описаны художественными средствами в повестях Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов», романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах». Изучая «политические романы» периода подготовки и проведения Великих реформ, чаще всего мы сталкиваемся с произведениями, в которых были представлены общественные идеалы в большей или меньшей степени близкие их авторам. В этом основная специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе этого периода. Было бы ошибкой считать, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий его автора, но, очевидно, что, например, герои повестей «Мещанское счастье» и «Молотов» высказывали мысли и

сомнения разночинца Помяловского. Мир «хрустальных дворцов», изображенный в четвертом сне Веры Павловны (роман «Что делать?»), вероятней всего, являлся художественным оформлением самых сокровенных мечтаний о будущем самого Чернышевского. А идеал «постепеновства», который можно найти в романах «Некуда» и «На ножах», выражал политические симпатии Лескова.

Повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» содержат художественное осмысление формирования самосознания разночинцев начала 1860 гг. XIX в. Герои повестей Помяловского, Егор Молотов и Михаил Череванин, олицетворяют две стратегии поведения представителей новой прослойки общества, «мыслящих пролетариев», в поисках своего места в жизни. Молотов идет по пути встраивания в существующую структуру общества и, в результате, приходит к созданию непрочной буржуазной «идиллии»; Череванин, представляющий второй тип разночинного миросозерцания, отказывается встраиваться, становится крайним пессимистом и выбирает путь самоуничтожения. Поиски своего предназначения для обоих героев заканчиваются неудачей, Молотов и Череванин не обладают достаточной верой в свои силы, а главное, не обладают четким пониманием, что делать. Но художественное осмысление таких поисков, предпринятое Помяловским, имело большое социально-политическое значение. Не имея еще возможности сформулировать в своих повестях общественный идеал, он начал дело, законченное другим известным писателем-разночинцем – Н.Г. Чернышевским. И заслуга последнего будет в том, что разрозненные части не оформившегося самосознания разночинцев он объединит в целостную доктрину, представленную в романе «Что делать?».

Но в промежутке между публикацией повести Помяловского (1861) и романа «Что делать?» (1863) было опубликовано еще одно произведение, повлиявшее на формирование разночинного самосознания – роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Этому роману было суждено произвести колоссальное влияние на российское общество, а вокруг образа главного героя, Базарова, сразу возник неутихающий спор о том, положительный это персонаж или отрицательный, «пример для подражания» или «карикатура на все молодое поколение». Тот факт,

что создателем Базарова был дворянин и помещик, да и сам Базаров только вел жизнь разночинца, но по происхождению был дворянином во втором поколении, многим современникам не давал поставить героя Тургенева в один ряд с героями Помяловского и Чернышевского.

Однако роман Тургенева стал не только символом конфликта отцов и детей, либералов и радикалов, он послужил литературной основой, на которой начался «раскол в нигилистах», имевший серьезные последствия для развития социально-политический мысли русской радикальной интеллигенции и формирования разночинного самосознания. Представители, казалось бы, идеологически близких «партий», Д.И. Писарев из «Русского слова» и М.А. Антонович из «Современника», в трактовке романа Тургенева и образа Базарова заняли полярные позиции: первый признал роман полезным, второй – очень вредным для русского общества. В диссертационном исследовании выдвигается гипотеза, что так называемый «раскол в нигилистах» был обусловлен не случайным «непониманием» внутри «демократического лагеря в период 60-х годов», а «сословным вопросом». Писарев и Антонович имели схожие убеждения, оба относили себя к «молодому поколению», но первый был разночинец «по сословию», второй – разночинец «по образу мыслей», то есть был дворянином, который по сумме своих взглядов был близок к «мыслящим пролетариям». Статья Антоновича, содержащая разгромную критику романа «Отцы и дети», была политическим высказыванием, цель которого – защитить «честное имя» разночинцев от клеветы. Антонович, будучи «семинаристом», чувствовал себя неуверенно в обществе и встретил роман, якобы, содержащий заведомо ложную информацию о разночинцах и «современных направлениях», враждебно. Он боялся последствий для «уязвимого» сословия. Писарев же, хоть и находился тогда на стороне «молодежи», имел возможность говорить о романе в положительном ключе. Будучи дворянином, он чувствовал себя гораздо более уверенно в обществе. В романе Тургенева «Отцы и дети» можно обнаружить такие элементы общественного идеала, как необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, ради увеличения

материальных ценностей и «реальных» знаний. На основе этих элементов Д.И. Писарев сформулировал общественный идеал нигилистов 1860 гг.

Базаров, главный герой романа Тургенева «Отцы и дети», бесспорно, как выражались современники, являлся носителем «новых элементов умственной жизни», но среди его окружения не было людей, которых можно было бы назвать настоящими единомышленниками. Н.Г. Чернышевскому же в романе «Что делать?», написанному меньше, чем через два года, впервые удалось показать именно *среду* разночинной интеллигенции, где люди строят жизнь по новым правилам. Кроме этого, Чернышевскому удалось наконец в наиболее полно выразить общественный идеал разночинной литературы. Помимо представления о совершенном общественном устройстве, то есть, помимо контуров будущего общества и образов «новых» и «особенных» людей, в романе Чернышевского даны представления о формате и механизме перехода к чаемому общественному устройству. Общественный идеал, обоснованный Чернышевским в романе «Что делать?», предполагает мирное и эволюционное построение справедливого и равноправного общества социализма.

Воздействие романа Чернышевского «Что делать?» на русское общество и политический процесс в России ощущалось представителями нескольких поколений. На протяжении всего советского периода никто из исследователей не ставил под сомнение революционное содержание романа. Вслед за В.И. Лениным и А.В. Луначарским хрестоматийной стала точка зрения, что роман содержит «призыв к революции» и образ революционера, «особенного человека»-Рахметова, последовательно готовящего себя к революционной деятельности. Однако в постсоветском литературоведении стала доминировать другая точка зрения, что в качестве «формата модернизации» Чернышевский выбирал не революцию, а мирное развитие, а сам был «реформатором и постепеновцем», из которого власть создала «фантом революционера». Роман же «Что делать?» стало принято интерпретировать, не как проповедь материализма и призыв к революции, а как христианское сочинение, в котором Чернышевский, возможно, притворяясь социалистом и материалистом, проповедует евангельские истины. Эти крайние и противоположные позиции не

выдерживают критики. Они, скорее, характеризуют потребность читателей разных эпох, существующих в контексте разных идеологических установок, увидеть в Чернышевском «пламенного революционера», «эволюциониста», «материалиста» или «христианского мыслителя». В диссертации предпринята попытка доказать, что роман «Что делать?» является не «пропагандой», а размышлением над двумя сценариями развития страны. Основной текст романа представляет собой набор поведенческих моделей для молодых разночинцев, предназначенных для «мирной» жизни в капиталистическом обществе самодержавной России, которая нуждается в постепенной перестройке. Это эволюционный путь медленных изменений, который при благоприятных условиях может привести к чаемому социализму. Но, помимо этого, Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария развития событий. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, будет преследовать, в том числе, вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция. Несмотря на это, общественный идеал, выраженный в романе «Что делать?», сложно связывать с его зашифрованной «революционной линией», даже если она и задумывалась автором. Роман повествует о «новых людях» и живописует образ будущего, представленный в четвертом сне Веры Павловны. И если выделять характеристики общественного идеала (его носителей и способы осуществления), то носителями являются «обыкновенные порядочные люди», представители молодого поколения, а способом – мирное эволюционное развитие.

Чернышевский создал цельное готовое мировоззрение для молодежи (прежде всего для разночинцев), свое «евангелие нигилистов» он спрятал в любовный роман. И оказалось, что эта уловка сработала очень эффективно, трактат, который «притворяется» романом, произвел колоссальное воздействие на несколько поколений читателей. Благодарная аудитория этого «антихудожественного» произведения оказалась так велика, что оппонентам Чернышевского ничего не оставалось, как отвечать тем же. Так появилось целое литературное направление, антинигилистический роман, наиболее яркими образчиками которого стали

романы Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах». Общественный идеал, выраженный в этих романах, можно назвать идеалом «постепеновства». Он предполагает удовлетворение насущных потребностей русского народа при условии постепенного увеличения числа деятельных, просвещенных и ответственных людей, убежденных в необходимости «служить обществу».

Этот идеал не может быть построен на какой-то теории и соответствовать какому-то политическому направлению. По Лескову, чтобы поправить дела в России, нужно читать не «французов с немцами», а пытаться понять потребности русского народа. Носители этого общественного идеала – деятельные и социально ответственные люди вне зависимости от их сословного происхождения, которые считают, что «надо служить обществу», то есть разумно управлять имениями, поддерживать крестьян, строить школы и больницы. Переход к чаемому общественному устройству может произойти только благодаря «правильному прогрессу», то есть постепенно, по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных и ответственных людей. «Правильный прогресс» происходит не благодаря смене политического строя, а благодаря индивидуальной деятельности и ответственности.

Своим романом «Некуда» Лесков хотел показать коренные различия между «настоящими» нигилистами и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами. По мнению Лескова, критикуя «больное» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман должен был служить общественному прогрессу. Однако публика увидела в «Некуда» только пасквиль и карикатуру на прогрессистов. Лесков, которого после выхода романа радикальные критики назвали «клеветником», на деле выступал в поддержку прогрессиста Чернышевского, искренне полагая, что развивает главную идею романа «Что делать?», которая состоит в том, чтобы показать настоящих нигилистов людьми труда. В диссертации предпринята попытка разобраться, чем общественный идеал, высказанный в романе «Некуда», отличается от общественного идеала, сформулированного в романе «Что делать?», ведь Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убежден,

что вместо «пошлого отрицания всего»: любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада, необходимы постепенные мирные преобразования жизни крестьян, включающие просвещение, внедрение новых орудий и методов сельскохозяйственного труда и т.д. Разница «постепеновства» Чернышевского и Лескова состоит в том, что первый призывал жить честно по Жорж Санд, «заводить мастерские» по Луи Блану, коммуны – по Фурье, и трудиться «до пота», причем, «не из одного желания личного прибытка», а для «возможно большего числа людей». Второй же утверждал, что поправить дела в России и «найти дорогу», можно только пытаясь понять потребности русского народа. Кроме того, Лесков показал, как деформируются благородные идеи Чернышевского, попадая в головы людей, неспособных воспринять их правильно в силу своего нравственного и интеллектуального уровня. В романе «На ножах», написанном через семь лет, Лесков, отказавшись продолжать идеи Чернышевского, уже довольно едко высмеивал стратегии поведения и идеалы «новых людей». Он показал, что радикальные идеи оказываются очень удобным прикрытием для грязных дел. По Лескову, нигилисты со временем из молодых идеалистов становятся мошенниками, как будто попытка применить идеи Чернышевского на практике постепенно открывает худшее в человеке. Нигилизм в романе «На ножах», который уже с полной уверенностью можно называть антинигилистическим, показан шарлатанством и игрой, прикрывающей преступления порочных людей.

Если в период проведения Великих реформ (1861–1866 гг.) был сформулирован разночинный общественный идеал, литераторы почувствовали возможность своим творчеством напрямую влиять на развитие страны, то после выстрела Каракозова, в период окончания Великих реформ (1866–1881 гг.), наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис, только обострил идейную борьбу. В этот период начали появляться произведения, содержащие, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов, речь о которых пойдет в следующей главе.

Глава IV. Общественные идеалы в русской художественной литературе периода окончания Великих реформ (1866–1881 гг.)

§ 1. Черты общественных идеалов в романе И.С. Тургенева «Дым» (1867)[681]

В 1867 г. вышел пятый роман И.С. Тургенева, названный им «Дым». Особенностью тургеневского творческого метода было то, что в каждом своем романе он пытался наиболее точно выразить время. Но «Дым» оказался не просто очередным злободневным романом на тему состояния русского общества и русской социально-политической мысли в пореформенный период, он оказался свидетельством жизненной драмы Тургенева и доказательством глубокого кризиса либеральных ценностей конца 1860 гг.

«Дым» сильно отличался от предыдущих романов Тургенева. Прежде всего, в нем не было «типичного» героя, вокруг которого раньше организовывался сюжет. Литвинов, главный герой «Дыма», оказался совсем не похож на Рудина, Инсарова или Базарова, он не претендует на звание «символа поколения» или «общественного деятеля первой величины». Он, скорее, просто наблюдает разворачивающуюся вокруг жизнь, прислушивается ко мнениям, которые звучат вокруг. Не совершает самостоятельных поступков, а «плывет по течению». Кроме этого, в новом романе Тургенев впервые позволил себе достаточно резкие политические высказывания. Он сделал то, чего в предыдущих романах пытался избегать, вложив в уста одному из персонажей суждения о текущих событиях и исторической роли России, похожие на те, которые исповедовал сам. И эти суждения оказались крайне радикальны и пессимистичны. Наконец, в романе «Дым» Тургенев прибегнул к

[681] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А., Прокудина Е.К.* Драма русского западничества: общественный идеал в романе И.С. Тургенева «Дым» // Электронный научно-образовательный журнал История, 2022. Т. 3. № 5 (авторский вклад соискателя составляет не менее 50 % общего объема текста).

несвойственному ему жанру сатиры, изобразив в тонах памфлета деятелей русской революционной эмиграции и реакционеров-крепостников. Но возникают вопросы: почему роман «Дым» оказался столь нетипичным? И можно ли считать этот поворот свидетельством жизненной драмы автора?

С самого юного возраста Тургенев чувствовал, что русское общество устроено неправильно. Укрепиться такому мнению помогали тяжелые воспоминания детства, в основном, связанные с матерью, жестокой помещицей крепостницей. «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; – вспоминал Тургенев. – <…> В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был – крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться…»[682]. В «Записках охотника», в этом, по выражению А.И. Герцена, «поэтически написанном обвинительном акте против крепостничества»[683], Тургенев боролся с крепостным правом «словом», он «реабилитировал» простого человека – русского крестьянина, показал, что по «духовному складу» он ничем не отличается от образованного человека. Крестьяне там были описаны мудрыми, честными, сильными людьми, настоящими личностями. «Охотничий» сборник имел огромное воздействие на русское общество, и читатели задавались вопросом, как же можно держать таких людей в рабстве?! Чуть позже, в 1857 г., для очерка Луи Виардо «История Дмитрия (Этюд о положении крепостных в России)» Тургенев написал «Записку о крепостном праве», где повторял, что «посягать на независимость разумного существа (крестьянина. – *Б.П.*), которого бог создал свободным, который равен, подобен нам, наш брат, – это преступление»[684]. А когда в конце того же 1857 г. император Александр II подписал рескрипт о

---

[682] См.: *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Наука, 1982. С. 9.

[683] См.: *Герцен А.И.* О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице «Рыбаков») // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 177.

[684] *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 540.

создании Губернских комитетов по подготовке крестьянской реформы, что обозначало переход к гласному обсуждению вопроса об отмене крепостного права в России, Тургенев стал одним из инициаторов запуска журнала «Хозяйственный указатель», с тем, чтобы от лица дворянства содействовать «попытке русского правительства *устроить наш крестьянский и земледельческий быт*»[685]. Тургенев был убежден, что реформа должна проводиться царем при активной поддержке дворян, а крестьян необходимо освободить без земли, которую они впредь будут получать от помещика «во временное пользование»: «опыт и голос рассудка так же, как справедливость и гуманность, властно заявляют о необходимости освободить крестьян и дать им землю в аренду»[686].

Наконец реформа была начата, причем за исключением мелочей она проводилась именно по тому сценарию, который Тургенев считал справедливым. Крестьянам объяснили, что земля им не принадлежит, а принадлежит «законным владельцам», помещикам, у которых они землю должны арендовать и выкупать. Освобождение крестьян ожидали с необыкновенным энтузиазмом в русском обществе, реформа будила надежды на большие перемены к лучшему. Тургенев поначалу тоже был преисполнен оптимизма. Еще находясь в Париже, он написал проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», в котором подобно своему младшему современнику Л.Н. Толстому, призывал содействовать созданию крестьянских школ, изданию «элементарных книг», будучи убежденным, что только образование даст теперь свободным людям возможность настоящего развития.

Однако после опубликования манифеста 1861 г. у многих возникло разочарование. И прежде всего, у самих крестьян. По стране прокатилась волна народных выступлений: крестьяне не хотели подписывать уставные грамоты, повсеместно возникло убеждение, что помещики скрыли настоящий царский указ о «полной воле», то есть с землей. И ни в коем случае нельзя подписывать никаких бумаг. В селе Бездна Казанской губернии 12 апреля 1861 г. крестьяне

[685] Там же. С. 351.
[686] Там же. С. 538.

стали роптать, туда отправили две роты солдат, и по толпе дали четыре ружейных залпа. 179 человек убили, а зачинщика повесили. Потом правительство «из-за крамолы» решило закрыть Московский и Петербургский университеты на восемь месяцев. Тогда студенты вышли на улицы, требуя конституции, полной свободы крестьянам, свободу Польше. Начались аресты, были «приостановлены» журналы «Русское слово», «Современник», арестованы Д.И. Писарев и Н.Г. Чернышевский… «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении “Современника”, – писал Тургенев в июле 1862 г. другу П.В. Анненкову. – Вспомнилось его основание, Белинский и многое… <…> Вот до чего мы дожили, вот куда должна была прийти неизбежная реакция против 30-тилетней тьмы (т.е. периода царствования Николая I (1825–1855). – *Б.П.*)!»[687]. На фоне этого начали звучать голоса представителей реакционной «партии» («господ крепостников», как их называл Тургенев), которые сначала робко, но потом все уверенней начали требовать компенсации за «украденных у них правительством крестьян».

В 1862 г. Тургенев, долгое время проведший заграницей, наконец приехал в Петербург и стал свидетелем знаменитого пожара Апраксина двора. Он понимал, что поджоги, кто бы их ни устраивал, закончатся усилением правительственной реакции. Но главное разочарование ждало его в собственном имении, Спасском, где крестьяне, за свободу которых, как ему казалось, Тургенев боролся всю свою сознательную жизнь, не спешили подписывать уставные грамоты, а как и другие, ждали указа о «полной воле». И с этим, по-видимому, связана главная драма Тургенева. Судя по письмам, он несколько раз встречался со своими крестьянами и, вероятно, пытался растолковать им всю выгоду их нового положения. Он мог говорить крестьянам, что, будучи свободными, они смогут арендовать как можно больше земли, и трудясь усердно, быстро обогатиться. Но они его не хотели слушать. Эти «милые» и «мудрые» Хори и Калинычи, «благородные»

[687] *Тургенев И.С.* 1360. П.В. Анненкову. 12 (24) июля 1862. Спасское // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 91.

Герасимы, когда речь зашла о земле, оказались совсем не милыми и не мудрыми. Тургенев собирался строить крестьянские школы. Но к образовательным инициативам «господ» крестьяне также отнеслись без энтузиазма. Одним словом, оказалось, что народ не очень нуждается в уроках от образованных классов, в обретении «юридического равенства» и своего «человеческого достоинства». Больше всего крестьянам хотелось получить в собственность землю, к которой они были прикреплены и которую столетиями обрабатывали.

Нужно сказать, что Тургенев считал себя добрым помещиком, он «подарил даром» крестьянам их дома, снизил оброк, всегда шел на уступки. «Мои уступки доходят до подлости», – писал он. А в ответ получил только неблагодарность. Тургенев еще надеялся и убеждал себя в неизбежном успехе реформы: «Здесь дела идут, скрыпя и треща, как немазаная телега, но все-таки вперед, и я убеждаюсь, что к будущей весне все земли (с необходимыми исключениями) будут выкуплены»[688]. Но все-таки, разочарованный нежеланием мужиков вступать в «полюбовные» отношения с помещиками, Тургенев уже в августе 1862 г. уехал в Баден-Баден, передоверив решение дел с крестьянами своему дяде Николаю Николаевичу Тургеневу. А потом купил там участок земли, чтобы построить дом и перебраться в Германию окончательно. Судя по письмам, Тургенев понял, что в стране с таким упрямым населением, совершенно неспособным понять ценность завоеваний европейской цивилизации, просветительская работа вряд ли в обозримом будущем даст ощутимые результаты.

Тогда же начали ухудшаться отношения Тургенева с А.И. Герценом и «лондонскими друзьями», Н.П. Огаревым и бежавшим из сибирской ссылки М.А. Бакуниным, которые после отмены крепостного права выступили против действий русского правительства. Вообще, отношения между Тургеневым и Герценом в продолжение их длительного знакомства всегда были непростыми. Они познакомились в Москве в 1844 г., в период полемики западников со славянофилами, вместе

[688] *Тургенев И.С.* 1360. П.В. Анненкову. 12 (24) июля 1862. Спасское // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 91.

были в революционном Париже 1848 г. Можно сказать, что в 1840 гг. Герцен и Тургенев были «западниками» почти в равной степени, оба признавали важнейшее значение западноевропейской цивилизации в развитии России. Однако «жизненная драма» Герцена, его глубокое разочарование в европейцах и идеалах республики, связанная с расстрелом парижских рабочих в июне 1848 г., стала причиной размежевания. Разочарование в европейском «мещанстве» привело Герцена к идее «особого» пути русского «крестьянского» социализма. Теперь все надежды он связывал с общинным сознанием русского крестьянства, не признавая «прогрессивные» буржуазные формы частнособственнической государственности. «Мещанскому государству» он противопоставлял «государство народное»[689]. «Убежденный» западник Тургенев продолжал считать, что Россия – европейская страна и должна развиваться по образцу западного государства.

После французской революции Герцен не вернулся в Россию и остался навсегда за границей как политический эмигрант, но его дружба с Тургеневым не прерывалась. Их идейные расхождения компенсировались взаимным уважением и глубокой симпатией. В 1856 г. после долгого перерыва Тургенев оказался в Европе и первым делом поспешил встретиться с Герценом, а с 1857 г., когда Герцен начал издавать бесцензурную политическую газету «Колокол», Тургенев стал активно снабжать друга информацией из России для нового издания. Ближе всего Герцен и Тургенев сошлись в 1858–1860 гг. В этот предреформенный период как будто все былые идейные противоречия были забыты, оба они были готовы принять реформу «сверху». «*Ты победил, Галилеянин*! – писал тогда Герцен, обращаясь к Александру II, начавшему подготовку крестьянской реформы. – <…> наш путь вперед назначен, мы идем с тем, *кто освобождает и пока он освобождает*»[690].

Однако Герцен оказался недоволен тем, как реформа была проведена, и скоро отказался от иллюзии «общего пути» с царским правительством. В мае 1862 г.

---

[689] См.: *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 16. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 147.

[690] *Герцен А.И.* Через три года (18 февраля 1858) // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 197.

Герцен и Тургенев много спорили в Лондоне о будущем либеральных реформ и о тех силах, которым суждено сыграть решающую роль в дальнейшей судьбе России. Их полемика не прекратилась после отъезда Тургенева в Россию, и вскоре приобрела характер историко-философской дискуссии. Свою позицию Герцен изложил в цикле статей-писем «Концы и начала», которые публиковались в «Колоколе» в 1862–1863 гг. Тургенев хотел отвечать Герцену на страницах его же газеты, но получил официальное предостережение от русских властей не печататься в «Колоколе», и ему пришлось отстаивать свою позицию в частных письмах.

В 1862 г. Герцен, Огарев и Бакунин выступили с инициативой составления «адреса-письма» Александру II от «прогрессивных кругов дворянства» с требованием созыва «общего Земского собора», который должен был решить судьбу реформы, так как правительство, по их мнению, оказалось, неспособно справиться со своей задачей. Целью «адреса» они видели «возбуждение общественного мнения». Для усиления общественного резонанса «лондонские радикалы» хотели, чтобы окончательный вариант этого документа подписало как можно больше известных людей.

«Народу нужна земля – отдайте ему всю землю. А чтоб не разорить собственников *мнимым* выкупом, пусть выкупается она не крестьянами, а целым государством»[691], – обращался к Александру II в брошюре 1862 г. «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?», развивая эту идею, Бакунин. «В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную Земскую Думу…»[692] Если же царь все-таки прислушается к своему народу, поступится «своею немецкою важностью, своим мелким императорским произволом» и станет «русским земским царем Романовым», а не «Голштейн-Готторнским императором Петербургским», то, по мнению Бакунина, «руководимый таким царем, Земский Собор создал бы новую Россию на основаниях вольных, широких, без потрясений, без жертв, даже без усиленной борьбы и без шума; потому что воля

[691] *Бакунин М.А.* Народное дело. Романов, Пугачев, или Пестель? Лондон: Trubner & Co., Paternoster Row, E.C., 1862. С. 13.
[692] Там же. С. 21.

и нужды народа – ясны, потому что в нем выработался ум крепкий и здоровый, зародыш будущей организации»[693].

Герцен призывал Тургенева тоже подписать «адрес» царю и укорял друга, что тот так скоро уехал из России и решил «отдохнуть» от российских проблем. Тургенев отвечал: «Не из эпикуреизма, не от усталости и лени – я удалился, как говорит Гоголь, под сень струй европейских принципов и учреждений; <…> Роль *образованного* класса в России – быть передавателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решал, что ему отвергать или принимать»[694]. И есть только одна, цивилизация – европейская. «Адрес» он подписать отказался. Более того, в другом письме Тургенев заявил, что «носится» с мыслью своего «адреса», целью которого будет напротив «доказать правительству, что оно должно продолжать дело, им начатое»[695].

Однако и Тургенев, и Герцен с Огаревым вскоре отказались от планов, связанных с «адресами». Но конфликт между старыми друзьями становился все глубже и закончился в 1863 г. разрывом. Многие исследователи полагают, что «идеологическое содержание» романа «Дым» было предопределено историко-философскими и социально-политическими дискуссиями Тургенева с лондонскими радикалами[696]. Спор с «лондонской революционной эмиграцией» о дальнейших путях развития России Тургенев перенес на страницы художественного произведения.

Тургенев не мог принять инициативу Герцена, Огарева, Бакунина и подписать «адрес» Александру II не столько потому, что его друзья оказались

---

[693] Там же. С. 23.

[694] *Тургенев И.С.* 1387. А.И. Герцену. 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 113. Кстати, в этом же письме Тургенев ответил Бакунину: «На стр. 21-й (брошюры “Народное дело. Романов, Пугачев, или Пестель?”. – *Б.П.*) он говорит: “В 1863-м году быть в России страшной беде, если царь не решит созвать всенародную Земскую думу” Если он хочет, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что царь ничего не созовет – и 1863-й год пройдет *преувеличенно тихо*».

[695] *Тургенев И.С.* 1386. В.Ф. Лигутину 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 112.

[696] Монография А.Б. Муратова «И.С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы)» (1972) во многом является итоговой в изучении романа с общественно-исторической позиции.

сторонниками более радикального сценария отмены крепостного права, в соответствии с которым земля должна была выкупаться государством у помещиков для безвозмездной передачи крестьянам. И не потому, что, как объяснял Тургенев «главное наше несогласие» с Герценом, Огаревым и Бакуниным, – «они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные и реформаторские начала в *народе*», тогда как настоящие преобразования осуществляются «*только* в меньшинстве образованного класса»[697]. Но еще и потому, что они (как и славянофилы) призывали страну вернуться к ненавистным Тургеневу допетровским «самобытным» институтам: Земскому Собору, Земской Думе, «земскому царю». Вместо «прогрессивной» европейской цивилизации, проводником которой себя считал Тургенев, они призывали к реставрации средневековой архаики и идеализировали сельскую общину.

Нужно сказать, что к началу Великих реформ с русской сельской общиной связывали свои надежды на лучшее будущее для России представители самых разных идеологических направлений. В 1840 гг. об общине заговорили славянофилы. Они употребляли понятие «соборность», обозначающее духовное единство русских общинников, отдавших государю всю полноту политической власти, но оставившие за собой свободу духовной и экономической жизни. С 1849 г. об общине стал писать Герцен. По его мнению, именно крестьяне являются социальной базой грядущего социализма, так как в общине издревле реализуются социалистические принципы коллективной собственности, материального равенства и самоуправления. Позже эта идея будет усвоена народниками и аграрными социалистами[698]. Похожим образом будет думать о крестьянстве и анархист М.А. Бакунин, который прибавит к учению Герцена проповедь стихийного бунта. Интересно, что даже либералы с большим вниманием относились к общине. В статье

[697] *Тургенев И.С.* 1386. В.Ф. Лигутину 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 111.

[698] Такой термин часто применяется в западной историографии по отношению к представителям позднего народничества: Н.К. Михайловскому, В.П. Воронцову и др. (см.: *Видеркер Ш.* Особый путь и «самобытность» (глава из учебного пособия «Восточная Европа») // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 145–146).

«Взгляд на русскую сельскую общину» (1859) К.Д. Кавелин сделал попытку осмысления роли этого института в современной ему социально-политической жизни российского общества и пришел к заключению, что ценность общины для государства столь велика, что сохранить ее необходимо, да и ко всему, что составляет жизненный уклад народа нужно относиться очень бережно[699]. Кавелин был неординарным либералом, ради общественной стабильности он отрицал все либеральные сценарии модернизации России. Он считал, что радикальное применение буржуазного принципа «священной частной собственности» не стоит страданий обезземеленных крестьян и разрушения общины.

Одним словом, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что сельская община в 60 гг. XIX в. была путеводной звездой для многих мыслителей. Ее сохранение для консерваторов было сродни сохранению духовной основы общества, для радикалов – надеждой на социализм, для умеренных либералов, таких как Кавелин, – основой стабильности. Тургенев же был убежден, что развитие России подчинено тем же историческим законам, которые действовали в Западной Европе, что нам не миновать капитализма, и «отсталая» община со своей коллективной собственностью только препятствует экономическому росту. И с этой точки зрения все, считавшие, что Россия должна пойти своим особым путем, были его идейными оппонентами. Славянофилов, панславистов, народников и умеренных либералов, желавших сохранить общину и избежать капитализма, он презрительно называл «самобытниками».

Несмотря на неблагоприятные внешние условия – правительственную реакцию, отказ крестьян подписывать уставные грамоты и пр., вера в необходимость для России либеральных реформ у Тургенева оставалась. Но он не видел в стране социальных сил, готовых их проводить. Со всех сторон его окружали «самобытники»: консерваторы-самобытники, революционеры-самобытники, даже

[699] Подробней см.: *Прокудина Е.К.* К.Д. Кавелин в полемике о русской сельской общине // SCHOLA-2017. Политическая текстология и история идей. М.: Издательство Московского университета, 2017. С. 76–77.

либералы-самобытники. И очень мало в окружении было «истинных» западников, которые бы так же, как и он, безоговорочно верили в европейскую цивилизацию.

Тургенев упрекал Герцена, что он вместе со своими сторонниками превратно понимает русский народ. «Настоящими» проводниками цивилизации, по его мнению, в России были Петр Великий и М.В. Ломоносов. Они предоставляли народу возможность выбора, «что ему отвергать или принимать». «Вы же, господа, напротив, – писал Тургенев, – немецким процессом мышления (как славянофилы) абстрагируя из едва понятой и понятной субстанции народа те принципы, на которых вы предполагаете, что он построит свою жизнь – кружитесь в тумане <…> потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence – и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности – что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах»[700]. Тургенев апеллирует здесь ко второму «письму» из работы «Концы и начала», в котором Герцен писал, что у современных европейских мещан «интересы торговой конторы и мещанского благосостояния» полностью исключают из жизни «общечеловеческие интересы»[701]. «Я недаром употребил слово: абстрагировать, – завершает мысль Тургенев. – *Земство*, о котором вы мне в Лондоне протрубили уши, – это пресловутое *земство* оказалось на деле такой же кабинетной, высиженной штучкой, как *родовой быт* Кавелина и т.д.»[702] Здесь Тургенев высказывает очень важную мысль, которую необходимо учитывать, анализируя политическую составляющую романа «Дым». Прежде всего, он упрекает Герцена и его последователей, теоретиков-народников, которые вписывают сельскую общину в теорию

[700] *Тургенев И.С.* 1387. А.И. Герцену. 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 113.
[701] См.: *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 16. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 148.
[702] *Тургенев И.С.* 1387. А.И. Герцену. 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 113.

«крестьянского» социализма и рассматривают ее как «клеточку» будущего справедливого общества, прообраз народной социалистической «коммуны», в непонимании интересов народа. С точки зрения Тургенева, это ошибка «абстрагирования», когда «община» или «народ» используется как абстрактные категории, чтобы по некоторым их «социалистическим» чертам показать, что западноевропейские теории социализма легко адаптируются к российским условиям. Что в России социализм уже почти построен. Однако находя сходные черты, Герцен и народники полностью игнорируют отличия русского крестьянства от городского пролетариата европейский стран, который должен был там составить социальную базу «народного государства».

Теоретически община может быть похожа на «зародыш будущего социалистического устройства общества», но практически она далека от социалистического идеала. Потому что у крестьян и рабочих разные интересы. Удивительно, но вслед за Тургеневым эту мысль в 1890 гг. начнут высказывать русские марксисты в полемике с народниками, и на ней будет позже настаивать В.И. Ленин, называя крестьянство «культурно отсталым» «мелкобуржуазным элементом». У пролетариев и крестьян есть схожие черты, будет говорить Ленин, те и другие подвергаются эксплуатации, но их классовая цель различна. Цель рабочих – коллективный труд, цель крестьянина – земля в частной собственности. Тургенев, разумеется, не анализировал социальные явления в марксистских категориях, но после отмены крепостного права он почувствовал, что русский крестьянин носит в себе «зародыш» такой буржуазности, которая оставит позади «западную буржуазию», и кроме собственной земли его не интересуют ценности коллективизма и вопросы «гражданской ответственности».

Такую же ошибку «абстрагирования», по Тургеневу, совершают и славянофилы с помощью «немецкого процесса мышления», то есть, глядя на русский народ и сельскую общину через призму идей Шеллинга и Гегеля. Да и кавелинская концепция «родового быта», в соответствии с которой юридические основания общинного землевладения не противоречат классическому римскому законодательству и современным земельным законодательствам европейских

стран, а община – «уникальное учреждение», которому суждено сыграть важную роль будущих судьбах России[703], представлялась Тургеневу искусственной, «кабинетной штучкой».

По мысли Тургенева, представители всех перечисленных направлений русской общественной мысли находят аргументы, чтобы при помощи внешне убедительных теоретических построений доказать необходимость сохранения архаичной с экономической точки зрения сельской общины, «самобытность» русского пути, но их аргументы входят в противоречие с действительностью, заставляя теоретиков «кружиться в тумане».

Кто же «главный» объект сатиры в «Дыме»? Итак, спасские крестьяне после «воли» стали жить беднее, дела имения расстроились, и Тургенев не чувствовал возможности самому заниматься выправлением дел. Надежды на реформы себя не оправдали. Да и сами реформы стали потихоньку сворачиваться. С друзьями молодости, «лондонскими радикалами», он поссорился, и в России у Тургенева оставалось все меньше единомышленников. Тургенев купил в Баден-Бадене участок земли, прилегавшей к вилле Виардо, чтобы построить дом и окончательно переселиться в Европу, подальше от русских проблем. Именно с такими настроениями в 1865 г. Тургенев принялся писать новый роман, который был закончен в 1867 г., когда Великие реформы, казалось, уже были «свернуты» окончательно.

В толковании идейного содержания «Дыма» долгое время в отечественном литературоведении преобладало мнение, что роман высмеивает «лондонскую эмиграцию». И.И. Векслер в работе «Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов» (1934) писал: «Роман направлен той своей памфлетной частью, которую сам Тургенев окрестил “гейдельбергскими арабесками”, против теории Герцена и Огарева, обосновавшей народничество»[704]. Причем, по мнению Векслера, один из героев романа, социалист Степан Николаевич Губарев (глава

[703] См.: *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую сельскую общину // *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. Том второй. Публицистика. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. Столб. 176.
[704] *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2–е издание. Л.–М.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 70. Этой же точки зрения придерживался комментатор Сочинений Тургенева в 12 томах Ю.Г. Оксман (см.: *Оксман Ю.Г.* Комментарии к роману «Дым» // *Тургенев И.С.* Сочинения: в 12 т. Т. 9. М.-Л.: Гослитиздат, 1930. С. 419–437).

кружка русской революционной интеллигенции) списан напрямую с Огарева. «Речи Губарева <…> – бесталанные, косноязычные, сбивчивые – и в них Тургенев вложил все, с чем он спорил, что ненавидел в воззрениях Огарева и Герцена “старинные социалистические идеи общей собственности”, “непонимание народной жизни, настоящего ее положения”, “обвинительные акты против Положения [19 февраля]”, “презрение к образованным классам”, признание “революционных или реформаторских начал” только “в народе”»[705]. В 1930 гг. марксистские литературоведы, такие как Ю.Г. Окман и Векслер, ставили своей целью опровергнуть свойственное предшественникам мнение, что Тургенев был «прежде всего» художником, а не выразителем политических идей[706]. Пользуясь классовым подходом к анализу общества, они доказывали, что Тургенев вовсе не был аполитичным, сугубо «объективным» художником, он был художником «с отчетливым политическим мировоззрением, с яркой общественно-политической активностью». И либерализм Тургенева выражал стремления определенной «группы прогрессивных аграриев». «Это среда, – писал Векслер, – тот слой землевладельческого класса, который представлял крупное землевладение в богатых, но запущенных черноземных областях, имевшее все данные, в более нормальных условиях развития страны, быстро эволюционировать в сторону рентабельного, построенного на чисто капиталистических основаниях сельского хозяйства»[707]. Признавая Тургенева «первоклассным мастером», марксистские литературоведы все-таки призывали не забывать, что политические романы «Отцы и дети» и «Дым» имели «строго функциональное назначение и в соответствии с этим яркую и острую публицистическую окраску»[708].

[705] Там же. С. 72–73.
[706] Так, в частности, «душевный склад» Тургенева характеризовал Н.К. Михайловский: «Этому складу, – писал он, – была художественно враждебна и чужда всякая резкая определенность в образе мыслей, всякая бесповоротная решительность в образе действий» (*Михайловский Н.К.* О Тургеневе // *Михайловский Н.К.* Сочинения. Т. V. СПб., 1897. С. 825).
[707] *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е издание. Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 11.
[708] Там же. С. 16.

Однако в послевоенный период у ряда советских литературоведов изменилось представление об идейном содержании «Дыма». В 1947 г. Г.А. Бялый высказал точку зрения, что роман «Дым» содержит лишь косвенное осуждение Герцена и Огарева, основной же удар направлен против мнимых революционеров: не против «лондонской», а против менее известной «гейдельбергской эмиграции»[709]. Эту точку зрения поддержали и развили позже наиболее крупные специалисты по тургеневскому творчеству: А.В. Муратов, проведший исследование состава русской колонии в Гейдельберге[710], Г.Э. Винникова[711] и А.И. Батюто[712]. По сути, это была реабилитация Тургенева, попытка показать, что несмотря на свой дворянский либерализм, Тургенев не был врагом революционных идей, он критиковал «случайных союзников Герцена, людей политически и морально неустойчивых, лишь до поры до времени кокетничающих герценовскими идеями, а потом изменяющих им»[713].

По мнению исследователей 1960–1970 гг. в романе «Дым» содержится не «разоблачение» революционной эмиграции в Лондоне, а только своего рода поучение ей, предостережение от чрезмерного увлечения славянофильскими идеями. «Вкладывая в уста недалекого Губарева слава Герцена и Огарева, – писала Винникова, – писатель стремился таким образом убедить их в том, что герценовская “славянофильская” проповедь “русского социализма” приводит в лагерь “лондонских эмигрантов” лжесоюзников, которые только компрометируют их идеи»[714]. Кроме этого, Винникова утверждала, что «главным» объектом сатиры в «Дыме» были отнюдь не революционеры, а «дворянское общество, вплоть до

---

[709] См.: *Бялый Г.А.* «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник ленинградского государственного университета, 1947. № 9. С. 88–102.
[710] См.: *Муратов А.В.* «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования. М.: «Наука», 1967. С. 71–105; И.С. Тургенев после «Отцов и детей». Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. С. 124–144.
[711] См.: *Винникова Г.Э.* Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971. С. 188–228.
[712] См.: *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Издательство «Наука», 1972. С. 18–23; *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья первая) // Русская литература, 1987. № 3. С. 84–101; *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья вторая) // Русская литература, 1987. № 4. С. 52–76.
[713] *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Издательство «Наука», 1972. С. 20.
[714] *Винникова Г.Э.* Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971. С. 224.

высших сфер»[715]. Эту линию продолжал Батюто: «По мере реализации замысла спор Тургенева с Герценом трансформировался в “Дыме” в ожесточенную полемику со славянофилами, идеализировавшими патриархальные устои допетровской Руси. Такое преломление полемики с Герценом было оправдано тем обстоятельством, что со второй половины шестидесятых годов увлечение чуждым Тургеневу славянофильством снова стало входить в моду». И далее: «Большой патриотической заслугой Тургенева является разоблачение в “Дыме” представителей махровой реакции, воспринимавших проведение крестьянской реформы как покушение на их материальные интересы»[716].

Одним словом, советские исследователи 1960–1970 гг. доказывали, что Тургенев, задумывая роман в 1863 г., на фоне спора с лондонскими друзьями, испытывая разочарование и обиду, действительно хотел критиковать Герцена и Огарева. Но потом, вернувшись к роману в 1865 г., после перерыва, подверг первоначальный замысел «радикальной идейно-художественной перелицовке», и основным объектом его сатиры стали помещики-крепостники, мечтающие вернуть крепостное право, и мнимые «революционеры» из Гейдельберга, увлекшиеся идеями славянофильства, да и само славянофильство, «входящее тогда в моду». А схожесть Губарева с Огаревым – «лишь результат затухающей инерции первоначального замысла». «Правда, и в герценовском отношении к крестьянской общине, – вскользь замечал Батюто, – Тургенев усматривал отдаленное сходство с теориями славянофилов. Именно в связи с этим он упрекал своего оппонента за “мистическое” преклонение “перед русским тулупом”»[717].

Советские исследователи по понятным причинам возражали против выведения революционного народничества из «реакционного славянофильства». И расставляя акценты подобным образом, пытались показать увлечение Герцена «славянофильскими идеями» каким-то временным заблуждением, причем возникшем как будто в 1860 гг. Но это не так. Уже «Дневник» Герцена за 1843–1844

[715] Там же. С. 207.
[716] *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Издательство «Наука», 1972. С. 19, 22.
[717] Там же. С. 19.

гг. дает понять, что впервые он услышал о «социалистической» общине и «русском мессианстве» от славянофилов, с которыми в тот момент полемизировал: «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей – все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости»[718]. В том же 1843 г. он имел беседы с прусским этнологом бароном Гакстгаузеном, считавшим русскую общину «важным элементом» российского общества, который нельзя разрушать, а «надобно развивать, сообразно требованиям времени»[719]. Сначала по отношению к общине Герцен был настроен скептически. Несмотря на равенство и демократическое самоуправление, она не обеспечивала своим членам индивидуальной свободы, что было для Герцена тогда священной ценностью. Но потом, разочаровавшись в идеях республики, Герцен изменил свое отношение, разглядев в общине основу будущего социализма. Причем, по мысли Герцена, к справедливому обществу, благодаря общине, Россия может прийти своим «особым» путем, минуя стадию капитализма. Так 1849 г. возникла теория русского «крестьянского» социализма. То есть несмотря на то, что Герцен развил славянофильские идеи об «общинном начале» в радикальном духе, формально революционное народничество во многом восходит к славянофильству[720].

Поэтому идейное содержание романа «Дым» сейчас выглядит несколько иначе, чем оно представлялось советским исследователям. Основным объектом сатиры в романе «Дым», помимо баденских генералов, являются всякого рода «самобытники», которых совершенно нет необходимости разделять на представителей «правильной» или «неправильной» революционной эмиграции, славянофилов или сочувствующих славянофилам народников, или представителей «революционной демократии». Обобщенной программе «самобытников», препятствующих либеральным реформам в России (кружок «нигилистов-

[718] См.: *Герцен А.И.* Дневник 1842–1845 // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 288.
[719] Там же. С. 281.
[720] Более подробно см.: *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 381–425.

радикалов» Губарева), Тургенев в романе противопоставляет обобщенную программу «западничества», представленную Созонтом Ивановичем Потугиным. В V главе романа Потугин говорит о Губареве: «он и славянофил, и демократ, и социалист»[721]. Именно в этом определении содержится ключ к понимаю замысла глав романа, в которых дается описание баденского кружка Губарева.

О Губареве завороженные представители русского «общества» в Баден-Бадене говорят как о «том самом», легендарном, чрезвычайно умном, гениальном. Однако главному герою романа Григорию Михайловичу Литвинову, глазами которого мы впервые видим Губарева, он кажется господином «наружности почтенной и немного туповатой». Губарев почесывает или грызет бороду, расхаживает по комнате, вздыхает и произносит перед своими слушателями довольно путаные монологи: «– Ммм… А община? – глубокомысленно произнес Губарев и, прикусив клок бороды, уставился на ножку стола. – Община… Понимаете ли вы? Это великое слово! Потом, что значат эти пожары… эти… эти правительственные меры против воскресных школ, читален, журналов? А несогласие крестьян подписывать уставные грамоты? И, наконец, то, что происходит в Польше? Разве вы не видите, к чему это все ведет? Разве вы не видите, что… мм… что нам… нам нужно теперь слиться с народом, узнать… узнать его мнение? – Губаревым внезапно овладело какое-то тяжелое, почти злобное волнение; он даже побурел в лице и усиленно дышал, но всё не поднимал глаз и продолжал жевать бороду. – Разве вы не видите…»[722]. Хотя здесь не сказано ничего конкретного, призыв Губарева «слиться с народом» как будто отсылает нас к обретающим все большую популярность в то время идеям «действенного» народничества, программа которого будет вскоре предложена П.Л. Лавровым в «Исторических письмах» (1868–1869). Лавров вменил в обязанность критически мыслящих личностей пропагандировать в народе социалистический идеал. Но слова о необходимости «узнать народное мнение» не в меньшей степени отсылают к

[721] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 271–272.
[722] Там же. С. 265.

программе почвенников, сформулированной Ф.М. Достоевским в статье «Два лагеря теоретиков. (По поводу „Дня“ и кой-чего другого)» (1862). В этой статье Достоевский равным образом критиковал авторов «демократического» журнала «Современник», считавших, по его мнению, что «народ глуп», и необходимо «сближаться с народом», чтобы подтягивать его до уровня просвещенной интеллигенции, и критиковал славянофильскую газету «День», авторы которой, напротив, считали, что народ не испорчен «ложью и фальшью» современной цивилизации и призывали к «возвращению к среде народной», чтобы продолжить ту линию развития, которая была в России прервана петровскими реформами. По мнению Достоевского, теоретические установки первых и вторых не дают им возможности правильно понять психологию народных масс, их истинные потребности. Программа «сближения с народом образованных классов» Достоевского предполагала борьбу с безграмотностью, уничтожение сословных перегородок, «нравственное преобразование» образованного класса. «Да! нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам. Так мы понимаем сближение с народом»[723], – заявлял Достоевский.

Несмотря на то, что губаревские слова о величии общины, необходимости слиться с народом мог бы сказать не только народник, но и славянофил, и почвенник, его кружок все-таки больше похож на «революционный». Члены кружка: Ворошилов, Биндасов, Бамбаев, Суханчикова, показаны крайне недалекими персонажами, но слова, которые они произносят, отсылают нас к произведениям русских «радикалов». Например, Суханчикова с особым увлечением разглагольствует о швейных машинках: «надо всем, всем женщинам запастись швейными машинами и составлять общества; – говорит она, – этак они все будут хлеб себе зарабатывать и вдруг независимы станут. Иначе они никак освободиться не могут. Это важный, важный социальный вопрос»[724]. Очевидно, это выпад против увлечения молодежью идеями романа Чернышевского «Что

[723] *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30. Т. 20. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 20
[724] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 263.

делать?». Однако в разговоре с Литвиновым Потугин называет Губарева славянофилом: «Удивляюсь я, милостивый государь, своим соотечественникам. Все унывают, все повесивши нос ходят, и в то же время все исполнены надеждой и чуть что, так на стену и лезут. Вот хоть бы славянофилы, к которым г-н Губарев себя причисляет: прекраснейшие люди, а та же смесь отчаяния и задора, тоже живут буквой “буки”. Все, мол, будет, будет. В наличности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле… Но постойте, потерпите: все будет. А почему будет, позвольте полюбопытствовать? А потому, что мы, мол, образованные люди, – дрянь; но народ… о, это великий народ! Видите этот армяк? Вот откуда все пойдет. Все другие идолы разрушены; будемте же верить в армяк. <…> Право, если б я был живописцем, вот бы я какую картину написал: образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка-мужичок, я пропадаю от болести; а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка-барин, я пропадаю от темноты. Ну, и, разумеется, оба ни с места»[725].

Кажется, что Тургенев в тексте допускает какую-то ошибку. Губарев сначала показан главой «революционного кружка», а потом оказывается, что он «причисляет» себя к славянофилам. Более того, Потугин иронизирует над «народопоклонством» славянофилов почти теми же словами, что сам Тургенев иронизировал над «народопоклонством» Герцена в письме 1862 г. Только вместо «армяка» он употребил тогда слово «тулуп»: «Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем-то видишь – великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм»[726]. Претензия Потугина к славянофилам, которые, восхваляя простой народ, считают, что «образованные люди» – «дрянь», опять же почти слово в слово повторяет «главное несогласие» Тургенева с Огаревым, Герценом и Бакуниным из

[725] Там же. С. 272–273.
[726] *Тургенев И.С.* 1401. А.И. Герцену. 26 октября (8 ноября) 1862. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 126.

письма 1862 г. Лигутину. Там он укорял своих лондонских друзей за то, что они презирают, «чуть не топча в грязь образованный класс в России», и уповают только на простой народ[727]. Зачем Тургенев допускает такую путаницу? Неужели он не понимал фундаментальных различий «революционного народничества» Герцена и «охранительства» славянофилов? Безусловно, Тургенев понимал. Понимал и то, что воспеваемая теми и другими община, дорога народникам как основа будущего социализма, а славянофилам больше – как религиозное единство. Понимал и то, что у народников и славянофилов совершенно разный общественный идеал. Однако можно сделать предположение, что «путаницу» он допустил сознательно, сделав ее литературным приемом, который работает на достижение основной идейной задумки романа.

Тургенев был писателем, который в каждом своем романе пытался найти наиболее верные слова, чтобы показать дух времени. Возможно, он почувствовал, что главным конфликтом пореформенной эпохи, которая началась 19 февраля 1861 г., как это ни странно, стал вновь актуализировавшийся спор западников и славянофилов (шире – «самобытников»). Чутье подсказало Тургеневу, что дух времени требует вернуться к этой старой теме.

Советские исследователи могли с некоторой отстраненностью писать, что спор западников и славянофилов был важной, «сущностной доминантой русской культуры XIX века», намекая на то, что в XIX веке этот спор и остался, а Россия в своем развитии пошла дальше. Но актуальное звучание романа «Дым» сегодня, в начале 2020 гг., доказывает, что этот спор никуда не делся. Оказывается, что несмотря на революции и общественные трансформации, в русском историческом сознании наблюдается преемственность. И этот принципиально важный спор, о том имеет ли Россия свой особенный путь или ее развитие подчинено тем же историческим законам, которые действовали в Западной Европе, остается злободневным. Можно сказать, что этот спор теряет свое

[727] См.: *Тургенев И.С.* 1386. В.Ф. Лигутину 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 111.

доминирующее значение в эпохи «стабильности» и отходит на периферию общественного сознания. Тогда люди, полагая, что по базовым вопросам достигнут некоторый политический консенсус, могут бесконфликтно обсуждать текущие вопросы. Но как только случается серьезное историческое событие, «вечный» спор возобновляется с прежней ожесточенностью. И снова общество раскалывается на тех, кто говорит о собственном пути развития, и тех, кто убежден в безальтернативности западного пути. А люди, которые раньше, может быть, не до конца осознавали свою мировоззренческую позицию, вдруг отчетливо понимают, они на стороне «самобытников» или западников.

Так произошло и после отмены крепостного права с Тургеневым и Герценом. В период подготовки реформы они оба были уверены в ее необходимости, и это убеждение составляло их идейный и политический консенсус. Когда же «великое» событие в истории России случилось, крепостное право было отменено, в обществе начались существенные трансформации, старый спор возобновился, и Герцен стал еще более радикальным «самобытником», чем был с 1848 г., а Тургенев – более радикальным западником.

С точки зрения этого фундаментального спора, между старым славянофильством К.С. Аксакова или А.С. Хомякова и «крестьянским» социализмом Герцена почти нет разницы. Те и другие по-своему развивают две ненавистные Тургеневу идеи о великой будущности русского народа, гарантированной крестьянской общиной, и о «гниении» мещанского Запада. Эти идеи в 1860 гг. были подхвачены как революционерами-народниками, П.Л. Лавровым, П.Н. Ткачевым, Н.К. Михайловским, так и представителями «позднего» славянофильства, панславистами Н.Я. Данилевским, В.И. Ламанским, почвенниками А.А. Григорьевым, Н.Н. Страховым, Ф.М. Достоевским и др. Какими бы разными ни были эти люди по своим взглядам, в ситуации борьбы западников и «самобытников» они все находятся по одну сторону баррикад. Именно поэтому, изображая Губарева и губаревский кружок, Тургенев намерено спутал черты «революционеров» и славянофилов, чтобы сказать: присмотритесь, они не такие уж и разные. Они все «самобытники». Они все враги либерализма, а значит, свободы и права.

Ведь, как отмечается в литературе: «Начиная со славянофилов и Достоевского, народники и анархисты были равно склонны видеть в патриархальном крестьянстве воплощение духа истинной, братской общности, которая может легко обойтись без писаных законов и не допустить развития индивидуализма. И те, и другие осуждали гражданские права и политические свободы, доказывая, что они лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию. <…> Либеральная концепция правозаконности отвергалась во имя самодержавия или анархии, во имя высших духовных ценностей или материального равенства»[728]. Что касается правовых норм, славянофилы называли их «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором. В неуважении к праву Герцен видел историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности строить новый мир. «Народники отрицали конституцию и политические свободы, как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты относили право, наряду с государством, к инструментам прямого насилия»[729].

Одним словом, Тургенев, «истинный» западник и последовательный либерал, в середине 1860 гг. находил особенное полемическое удовольствие в том, чтобы ставить под сомнение предметы особого «поклонения» своих оппонентов, смеялся над идеализацией мужика и всеми проявлениями национального «самомнения»[730].

---

[728] *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 84.

[729] Там же. С. 85.

[730] Западническая программа Тургенева базировалась на убеждении, что русский человек принадлежит «по породе к европейской семье», а Россия – неотъемлемая часть Европы: «Скажу также, что я никогда не признавал той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосведущие патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, – писал Тургенев, – той Европой, с которою порода, язык, вера так тесно ее связывают. Не составляет ли наша, славянская раса – в глазах филолога, этнографа – одной из главных ветвей индо-германского племени? И если нельзя отрицать воздействия Греции на Рим и обоих их вместе на германо-романский мир, то на каком же основании не допускается воздействие этого – что ни говори – родственного, однородного мира на нас?». Все попытки «отгородиться» от якобы «гниющей» Европы, которые предпринимали русские «самобытники», казались Тургеневу не утверждением своей самобытности, а глубоким неверием «патриотов» в русскую самобытность: «Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, – нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за

Нужно сказать, что критика генералов-реакционеров, которой посвящены две большие сцены романа, не так важна с идейной точки зрения. Помещики-крепостники в военных мундирах, мечтающие о возвращении старых порядков, по Тургеневу, безусловно, вредны тем, что всячески сопротивляются либеральным преобразованиям в России, имея большое влияние в правительстве, задерживают прогресс. Однако их сопротивление цивилизации, по Тургеневу, – проявление человеческой слабости, оно вызвано «корыстолюбием» и страхом потерять сословные привилегии. Поэтому растерянность генералов и аристократов Тургенев показывает почти с жалостью. «Самобытники» же для него – опасные идеологические враги, потому что в их числе – талантливые русские теоретики, и у них за спиной – подавляющее большинство русского народа (крестьянства), для которого, как оказалось после отмены крепостного права, обладание землей – б*о*льшая ценность, чем свобода и просвещение.

Что же противопоставляет Тургенев в романе «самобытникам»? В чем состоят главные тезисы либерала-западника Потугина. И можно ли сказать, что в его речах представлен общественный идеал либерализма конца 1860 гг.? Нужно отметить, что более всего Потугин нападает на русских «самородков». Свои основные идеи он высказывает в так называемых «диалогических» сценах, в сценах личных разговоров с Литвиновым. В них желчный Потугин иронически высказывается по множеству вопросов современной ему жизни России, критикуя русскую культуру и искусство за отсутствие серьезных достижений, но с особенным сарказмом он нападает на тех русских, кто высокомерно гордится отсутствием европейской образованности, на русских «самородков»:

«У последнего немецкого флейтщика, скромно высвистывающего свою партию в последнем немецком оркестре, в двадцать раз больше идей, чем у всех наших самородков; только флейтщик хранит про себя эти идеи и не суется с ними вперед в отечестве Моцартов и Гайднов; а наш брат самородок “трень-брень” вальсик или

плохонький народец!» (См.: *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Наука, 1982. С. 9).

романсик, и смотришь – уже руки в панталоны и рот презрительно скривлен: я, мол, гений. И в живописи то же самое, и везде. Уж эти мне самородки! Да кто же не знает, что щеголяют ими только там, где нет ни настоящей, в кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящего искусства? Неужели же не пора сдать в архив это щеголянье, этот пошлый хлам вместе с известными фразами о том, что у нас, на Руси, никто с голоду не умирает, и езда по дорогам самая скорая, и что мы шапками всех закидать можем? Лезут мне в глаза с даровитостью русской натуры, с гениальным инстинктом, с Кулибиным… Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье спросонья, а не то полузвериная сметка. Инстинкт! Нашли чем хвастаться! <…> Инстинкт, будь он распрегениальный, не достоин человека: рассудок, простой, здравый, дюжинный рассудок – вот наше прямое достояние, наша гордость; рассудок никаких таких штук не выкидывает; оттого-то все на нем и держится. <…> Не поощряйте, ради бога, у нас на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться без учения! Нет; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись с азбуки! Не то молчи да сиди, поджавши хвост!»[731]

Говоря с презрением о «кустарях» в музыке, Потугин имел в виду Глинку, Мусоргского и всех представителей новой русской музыкальной школы. Тургенев сам их терпеть не мог (мы это знаем по воспоминаниям), называл «пигмеями музыки», которых даже нельзя сравнивать с европейскими композиторами. «Русское художество, <…> русское искусство!.. – продолжает Потугин, – Русское пруженье я знаю и русское бессилие знаю тоже, а с русским художеством, виноват, не встречался»[732]. Эти слова Потугина как будто продолжают печальные строки из «Философического письма» П.Я. Чаадаева о том, что «ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины <…> мы не дали себе труда ничего создать в области воображения»[733]. Дальше Потугин говорит в том же чаадаевском стиле: «А у меня, осмелюсь доложить вам, из головы

[731] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 324–325.
[732] Там же. С. 325.
[733] *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 493.

следующее воспоминание не выходит. Посетил я нынешнею весной Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность – энциклопедия человечества, так сказать надо. Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал, – наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – эти наши знаменитые продукты – не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие. <…>

– Но постойте, Созонт Иваныч, – воскликнул Литвинов. Постойте! Ведь посылаем же мы что-нибудь на всемирные выставки, и Европа чем-нибудь да запасается у нас.

– Да, сырьем, сырыми продуктами»[734].

Национальному самообольщению Потугин противопоставляет цивилизацию. То есть единственную, с его точки зрения, европейскую цивилизацию. Свое кредо он формулирует так: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово еще лучше, – и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци…ви…ли…зация (Потугин отчетливо, с ударением произнес каждый слог) – и понятно, и чисто, и свято, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут… бог с ними!»[735]

---

[734] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 326, 327.
[735] Там же. С. 275.

Если существуют разные виды западничества, то потугинское западничество было бы правильно называть «культурным западничеством». Один из крупных советских исследователей жизни и творчества Тургенева Ю.В. Лебедев называл идеи Тургенева, которые в упрощенном виде выразил Потугин – «культурничеством». «Трагический опыт революции 1848 года все более склонял Тургенева к мысли, что творческой силой истории является интеллигенция, – писал он, – тот верхний слой общества, который создает науку и культуру, который является проводником цивилизации в народную среду. И только тот может надеяться на успех, кто не спеша, упорно и последовательно занят этой культурнической работой»[736]. Тургенев и его герой Потугин – борцы за «настоящую» культуру против мракобесия, за «настоящую» науку против кустарничества, за «настоящее» искусство против лубка. Потому что только европейская культура, наука и искусство, выросшее на почве европейской образованности, предполагает конструктивное развитие. А путь в обход образованности и цивилизации по дороге «русской исключительности» ведет в никуда.

В романе «Дым» Потугин формулирует то, что можно назвать позитивной программой. С его точки зрения, русские отличаются от европейцев как дети от взрослых. По меркам европейской образованности мы лишь школьники, которым рано заниматься национальным творчеством. «Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле», говорит Потугин, и, наверное, в таком случае нам стоило бы «смириться» да «попризанять у старших братьев, что они придумали и лучше нас и прежде нас!»[737] То есть, необходимо переносить на русскую землю лучшее, что выработала во всех областях жизни европейская цивилизация, и решительно бороться со всем «специфически русским», отрицая все претензии на самостоятельность и в культуре, и в сфере политического творчества, как тормозящее наше развитие. Но переносить нужно обязательно «точно». На этом

[736] *Лебедев Ю.В.* Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990 (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; Вып. 706). С. 217–218.
[737] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 272, 273.

Потугин делает особый акцент. Ни в коем случае, с его точки зрения, «к чистой и ясной европейской логике» нельзя «прицеплять доморощенный хвостик», нужно брать «хорошее чужое целиком». При этом, национальная специфика «перенесенных целиком» идей и «учреждений», пройдя некий период естественной адаптации, проявится потом. Но этот период имеет ключевое значение. Правильное его прохождение даст возможность вырваться России из того порочного круга, связанного с отсутствием «внутреннего развития», о котором писал Чаадаев, когда «прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда»[738]. Уверенности Потугину придавала история русского языка, который после реформы Петра был, как будто, готов умереть, но «переварил» все изменения, адаптировался к новым условиям и стал великим европейским языком. Вот как это объясняет Потугин Литвинову: «Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудок ее переварит по-своему; и со временем, когда организм окрепнет, он даст *свой* сок. Возьмите пример хоть с нашего языка. Петр Великий наводнил его тысячами чужеземных слов, голландских, французских, немецких: слова эти выражали понятия, с которыми нужно было познакомить русский народ; не мудрствуя и не церемонясь, Петр вливал эти слова целиком, ушатами, бочками в нашу утробу. Сперва – точно, вышло нечто чудовищное, а потом – началось именно то переваривание, о котором я вам докладывал. Понятия привились и усвоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел чем их заменить – и теперь ваш покорный слуга, стилист весьма посредственный, берется перевести любую страницу из Гегеля… да-с, да-с, из Гегеля… не употребив ни одного неславянского слова. Что произошло с языком, то, должно надеяться, произойдет и в других сферах. Весь вопрос в том – крепка ли натура? а наша натура – ничего, выдержит: не в таких была передрягах»[739].

---

[738] *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 490.

[739] *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 273–274.

На прощание Потугин говорит Литвинову: «– Прощайте, Григорий Михайлыч… Дайте мне еще вам слово сказать. <…> Вы возвращаетесь в Россию… Вы будете там… со временем… действовать… Позвольте же старому болтуну – ибо я, увы! болтун и больше ничего – дать вам напутственный совет. Всякий раз, когда вам придется приниматься за дело, спросите себя: служите ли вы цивилизации – в точном и строгом смысле слова, – проводите ли одну из ее идей, имеет ли ваш труд тот педагогический, европейский характер, который единственно полезен и плодотворен в наше время, у нас? Если так – идите смело вперед вы на хорошем пути, и дело ваше – благое! Слава богу! Вы не одни теперь. Вы не будете “сеятелем пустынным”; завелись уже и у нас труженики… пионеры… Но вам теперь не до того. Прощайте, не забывайте меня!»[740]

Роман «Дым» вызвал большое количество споров, сразу началось бурное его обсуждение. Сатирический тон нового романа Тургенева задевал его читателей: «меня ругают все, – писал Тургенев 23 мая 1867 г. Герцену, – и красные, и белые, и сверху, и снизу – и сбоку – особенно сбоку»[741]. Многие сразу заподозрили, что Тургенев вложил в уста Потугина собственные мысли о России. И за исключением Анненкова[742], близкого друга Тургенева, во многом разделявшего его либеральные взгляды, образ Потугина вызвал нарекания представителей самых разных течений общественной мысли от Герцена до Достоевского. В пространных монологах Потугина, которые, по мнению критиков, выглядели искусственно «пришитыми» к роману, увидели художественный недостаток «Дыма». Как будто желая высказаться, Тургенев увлекся и пренебрег пропорциональностью частей своего произведения. В результате, герой, играющий второстепенную роль в романе, говорит сюжетно немотивированные многостраничные монологи, которые больше похожи

[740] Там же. С. 395.
[741] *Тургенев И.С.* 2015. А.И. Герцену 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 208.
[742] См.: *Анненков П.В.* Русская современная история и роман И.С. Тургенева «Дым» // Вестник Европы, 1867. № 6. С. 100–120.

на «критическую статью»[743]. «Я искренно признаюсь, – писал Герцен Тургеневу во время чтения романа, – что твой Потугин мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья?»[744]. Однако Тургенев вопреки общему мнению совсем не считал «избыточность» Потугина недостатком романа, а напротив подчеркивал особый смысл этого образа и значимость его идей: «Тебе наскучил *Потугин*, и ты сожалеешь, что я не выкинул половину его речей, – отвечал он Герцену. – Но представь: я нахожу, что он еще не довольно говорит, – и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо»[745]. Таким образом, несмотря на то что «речи» Потугина в идейном плане не представляли собой прямое выражение политических пристрастий автора, «многословие» Потугина подчеркивало «программный» характер романа.

Как писал А.Б. Муратов, исследовавший роман «Дым»: «Тургенев сводил свои требования “учиться у Запада” к провозглашению абстрактно понятой цивилизации»[746]. И правда, апелляция к цивилизации, которая является синонимом культуры и образованности в самом широком смысле, характеризует отсутствие у Тургенева в 1865–1867 гг. конкретной программы либерального действия. По большому счету, отыскивая конкретику, мы можем обнаружить в романе только призыв к «образованному классу» поддерживать изменения «по европейскому образцу» и всеми силами содействовать «просвещению». И все же, несмотря на почти бесспорность факта, что Тургенев «передоверил» Потугину декларировать собственные взгляды, фигура этого персонажа до некоторой степени остается загадкой. Безусловно, между автором и героем существует дистанция, Потугина Тургенев в письме к Герцену называет «ограниченным западником», как вряд ли бы назвал себя самого. Однако категоричный тон, с которым Потугин

---

[743] См.: *Соловьев Н.И.* Дым отечества // Всемирный труд, 1867. № 5. С. 176–196; *Благосветлов Г.Е.* Старые романисты и новые Чичиковы // Дело, 1868. № 1. С. 1–17.

[744] *Герцен А.И.* 91. И.С. Тургеневу. 19 (7) мая 1867 г. Женева // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 102.

[745] *Тургенев И.С.* 2008. А.И. Герцену. 10 (22) мая 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 201.

[746] *Муратов А.Б.* И.С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. С. 73.

бросает свои обвинения в сторону «самородков» и русского национального самомнения вполне соответствуют периоду обострения спора западников и «самобытников». В такие периоды оппоненты радикализируются, и суждения, высказанные в жарком споре, неизбежно становятся утрированными, а порой несправедливыми. То есть, западничество Тургенева безусловно сложнее потугинского, но в период написания «Дыма» ему, вероятно, хотелось говорить предельно ясно и резко.

Но почему же, «выставляя» против оппонентов вариант упрощенного западничества, Тургенев сделал носителя этих мыслей столь несимпатичным человеком? Потугин предстает перед читателем «разбитым и разрушенным», у него разрушены зубы, здоровье, нервы, он не может говорить без злобы, он мизантроп. И при этом он еще и не дворянин, а семинарист, человек «духовного происхождения». Вероятно, это своего рода конспирация. Напрямую свои взгляды Тургенев высказать не мог. Если бы он вложил потугинские слова в уста помещика и литератора, похожего на Тургенева, его роман сочли бы пошлостью. Он изменил сословие своего героя, это был первый маневр. Ведь если бы Тургенев сделал своего западника-разночинца человеком сильным, бесстрашным и устремленным в будущее, эдаким молодым Базаровым от партии либералов, его роман сочли бы безвкусицей, художественной неправдой. Потому что такого типа не было в пореформенном русском обществе. И он построил образ Потугина так, чтобы его нельзя было признать положительным героем романа. Это был второй маневр. Таким образом, свои намеренно утрированные мысли Тургенев высказал, избегая пошлости и безвкусицы.

Такой вывод косвенно подтверждает письмо Тургенева Д.И. Писареву, где он рассуждал о Потугине так: «Быть может, мне одному это лицо дорого; но я радуюсь тому, что оно появилось, что его наповал ругают в самое время этого всеславянского опьянения (Славянский съезд в Москве и Санкт-Петербурге в 1867 г. – *Б.П.*), которому предаются именно теперь, у нас. Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово: “цивилизация” – на моем знамени, – и

пусть в него швыряют грязью со всех сторон»[747]. То есть, Потугина нельзя назвать положительным персонажем, он изображен с долей гротеска, но если слова Губарева или генералов-крепостников – откровенная сатира, и их нельзя воспринимать всерьез, то слова «ограниченного» западника Потугина были задуманы как далеко не шуточные высказывания. Причем, потугинскую проповедь «цивилизации» Тургенев «поднимает на свое знамя»: «едва ли теперь для дельного и практического журналиста можно найти лучший девиз, чем: “Европейская цивилизация” даже в потугинском вкусе. Засим желаю Вам всего хорошего – спокойствия и деятельности – и с совершенным уважением остаюсь Вашим покорнейшим слугой», – так заканчивает письмо Писареву Тургенев, практически повторяя слова, сказанные Потугиным при расставании с Литвиновым в конце романа «Дым».

Но может быть еще одно объяснение, почему Тургенев сделал «проводника» своих мыслей столь несимпатичным, «разрушенным» человеком. В романе «Дым» Тургенев изобразил особый период в истории своего народа, когда многие люди потеряли ясную, наполнявшую их жизнь смыслом цель. Смысл, который был понятен всего несколько лет назад, когда все общество было преисполнено оптимистических ожиданий перемен, заволокло дымом. Великие реформы не принесли того результата, которого все ждали, а скорее, поставили в тупик представителей всех направлений общественной мысли. Все были неудовлетворены результатами, но всё так же не понимали, что нужно делать дальше. Тургенев попытался рассказать об этом периоде, пользуясь метафорой дыма, тумана. Образ дыма – беспорядочного людского «клубления», бессмысленной идейной круговерти – проходит через весь роман.

Но главное, что сам Тургенев оказался в 1860 гг. не в меньшей растерянности, чем высмеянные им генералы-крепостники и «самобытники» всех мастей. Отвечая своей корреспондентке Валентине Делессер в 1863 г. на вопрос,

[747] *Тургенев И.С.* 2016. Д.И. Писареву. 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 209.

принялся ли он за новый роман, Тургенев, делавший тогда первые наброски «Дыма», писал: «Неопределенность – самое неподходящее для творчества душевное состояние, а в нынешние времена нет русского, который не находился бы во власти этого чувства. Будущее по-прежнему очень мрачно – и неизвестно, чего вообще следует желать»[748]. Тургенев вложил в уста Потугина всю свою тогдашнюю желчь, весь скептицизм, все сомнения. Потугин не герой, достойный подражания, потому что тоже не знает, чего желать и что делать.

Если согласиться с тем, что «Дым» самый публицистичный роман Тургенева, и через своего героя Потугина он захотел высказаться, то суть его слов может быть реконструирована так: сейчас я не знаю, куда движется наше общество, я не знаю, что делать, я знаю только одно: ни в коем случае нельзя подвергать сомнению ценности европейской цивилизации, европейскую культуру и образованность. В период, когда все «заволокло дымом» это единственный спасательный круг, за который нужно держаться, а там – будь что будет. Именно поэтому «программу» Потугина нельзя отождествлять с общественным идеалом либерализма 1860 гг., представленном в романе «Дым». Никакого общественного идеала здесь нет, потому что у Потугина кроме категорий «цивилизация» и «просвещение» более конкретных представлений о наиболее совершенном общественном строе нет.

Таким образом, можно утверждать, что «Дым» – наиболее автобиографичный роман Тургенева о судьбах русского либерализма пореформенного периода. После отмены крепостного права проект аграрного капитализма по западному образцу, сторонником которого был Тургенев, получил слабую поддержку населения. В связи с этим характер русского либерализма изменился. Во второй половине 1860 гг. и в 1870 гг. либералам оставалось только призывать укреплять в России завоевания европейской цивилизации и бороться с русскими

[748] *Тургенев И.С.* 1499. Валентине Делессер. 20 сентября 1863. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 356.

«самобытниками»: славянофилами, панславистами и народниками, то есть всеми теми, кто верил в «особый» путь России. Этот поворот отражен в романе.

В романе «Дым» Тургенев прибегнул к несвойственному ему жанру сатиры. Деятели русской революционной эмиграции и реакционеры-крепостники изображены в тонах памфлета. На протяжении советского времени, выявляя идейное содержание романа, литературоведы спорили, кого же больше всех высмеивает либерал-Тургенев, «лондонскую эмиграцию», «гейдельбергскую эмиграцию» или «дворянское общество, вплоть до высших сфер». На наш взгляд, нужно не искать в очередной раз «главный» объект сатиры, а при помощи историко-политологического анализа реконструировать сложную картину общественных взглядов 1865–1867 гг., отраженную в романе. Суть этой картины, по Тургеневу, сводилась к «опасному» слиянию славянофилов, почвенников и представителей «революционной эмиграции» в некую антизападническую коалицию «самобытников», которая защищает архаичную сельскую общину, отвергает достижения западной цивилизации и единым фронтом противостоит либеральным реформам в России. Подобной обобщенной программе «самобытников» Тургенев в романе противопоставил столь же обобщенную программу западников.

Однако для Тургенева «Дым» не был последним «политическим» романом. Тургенев в 1877 г. опубликовал роман «Новь», которым завершилось его романное творчество. Ряд исследователей полагает, что в романе «Новь» Тургенев выступил с программой постепеновства. Эволюция взглядов Тургенева после в 1870 гг. привела его к сближению с умеренными народниками, прежде всего, П.Л. Лавровым. Постоянно проживая за границей, Тургенев имел возможность общаться с радикальными представителями русской политической эмиграции: П.Л. Лавровым, С.М. Кравчинским, П.А. Кропоткиным, Г.А. Лопатиным, Н.В. Чайковским и др. Особенно близкие отношения связывали Тургенева с Лавровым, они вели активную переписку, часто встречались и дискутировали по важным

общественным вопросам. Более того, Тургенев содействовал изданию народнического журнала «Вперед!», редактором которого был Лавров[749].

Если в романе «Дым» персонаж Литвинов, представлявший просветительскую позицию и просто отправившийся тихо работать в своем имении, был еще с идейной точки зрения персонажем «второго плана»; то в романе «Новь» на первый план выходит настоящий «постепеновец», управляющий фабрикой Соломин. В романе он противопоставлен группе молодых практиков революционного дела, которых Тургенев показывает вполне благородными людьми, но совершенно не понимающими настоящие потребности народа. От этого – беспомощными. Соломин же, на первый взгляд, – не выдающийся человек, однако он обладает трезвым умом, характером, и, разумно управляя производством, может принести больше пользы народу, чем революционеры. По поводу Соломина в конце романа звучат такие слова: «Он – молодец! А главное: он не внезапный исцелитель общественных ран. Потому ведь мы, русские, такой народ! Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь – и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной зуб… А Соломин не такой: нет, – он зубов не выдергивает. – Он молодец!»[750]. Позиции молодых революционеров и постепеновца Соломина выражают приверженность Тургенева программе постепеновства и малых дел[751]. Соломин не борется за идеалы европейской цивилизации, он одинаково далек от революционеров, «самобытников» и правительственных кругов. Он просто делает дело.

Итак, в романе «Дым» можно найти черты двух общественных идеалов. Их можно условно назвать идеалом «самобытничества» и «западничества». При

---

[749] Подробней см.: *Животова П.А.* Народническое движение в романе И.С. Тургенева «Новь» // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 216–219.

[750] *Тургенев И.С.* Новь // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 9. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 384–385.

[751] См.: *Фахрутдинова А.З.* Теория малых дел в творчестве И.С. Тургенева // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 293.

этом, важно не забывать, что черты первого представлены в почти карикатурном виде. Что это за черты? Прежде всего, с точки зрения Тургенева, «самобытники» строят свое представление о будущем на искусственных «кабинетных» теориях, «абстрагированных» от реальной жизни народа. Самобытники-славянофилы смотрят на русский народ сквозь призму немецкой идеалистической философии, самобытники-социалисты – западноевропейских теорий социализма, самобытники из числа либералов, такие как Кавелин, верят в абстрактную теорию родового быта. Все эти концепции, по мнению Тургенева, не имеют ничего общего с действительностью. Носителями общественного идеала «самобытничества» Тургенев считал представителей дворянской и разночинной интеллигенции, которые принимают на веру два тезиса: тезис о великой будущности русского народа, гарантированной крестьянской общиной, и тезис о «гниении» мещанского Запада. Переход к чаемому общественному устройству «самобытников» может произойти в том случае, когда представители российской власти сделают национальный поворот во внутренней политике страны и окончательно откажутся от следования по европейскому пути развития. Какими могут быть контуры совершенного общественного устройства, по мнению «самобытников», Тургенев не говорит. Но понятно, что путь в обход цивилизации по дороге «русской исключительности», с его точки зрения, ведет в никуда, в тупик.

Но идеалу «самобытников» в романе противопоставлен идеал «западничества». Важно помнить, что персонажа, высказывающего эти идеи, Тургенев называет «ограниченным западником». Каковы же черты этого идеала? В основании западнического взгляда на будущее страны, по Тургеневу, лежит реалистическое представление о русском крестьянстве, которое ничем не отличается от мелкой буржуазии западноевропейских стран. То есть, цели русского крестьянства не связаны с абстрактной соборностью славянофилов или «коллективной собственностью» социалистов. Крестьяне хотят материального благополучия, гарантированного наличием частной собственности на землю. Носителями общественного идеала западничества тут предстают те редкие для России последовательные либералы-западники, которые убеждены, что России не миновать капитализма, и

«отсталая» община только препятствует экономическому росту, как дворянства, так и крестьянства. Переход к предполагаемому общественному устройству может произойти благодаря либеральным реформам и по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных людей, которые «служат цивилизации», труд которых имеет «европейский характер». Герой романа либерал-Потугин даже предложил своеобразную программу реформирования российского общества, в соответствии с которой, надо отказаться от всех национальных претензий на самостоятельность в культуре и в сфере политического творчества и заняться «переносом» европейских институтов на русскую почву, но переносом «обязательно точным», без национальной адаптации, которая, по его мнению, всегда мешала приживаться «европейским идеям» в России.

Однако нельзя сказать, что в романе можно обнаружить абрис совершенного общественного устройства западничества, «позитивная программа» Потугина выглядит плохо реализуемой. Если мы согласимся с предположением, что через своего героя Потугина Тургенев сформулировал своеобразное кредо западничества переходного периода (периода неопределенности), то звучать оно может следующим образом: сейчас мы не знаем, как «переустроить Россию», но убеждены в безусловной ценности европейской цивилизации, и, если каждый человек будет на своем месте служить делу европейской «образованности», по крайней мере, не будет хуже.

В романе «Дым» Тургенев нарисовал черты двух совершенно уникальных общественных идеалов. Впервые в художественном произведении Тургеневу удалось показать схожесть мировоззренческих позиций славянофилов и народников, которых он объединил под общим названием «самобытники». Кроме того, Тургенев впервые подробно и последовательно представил общественный идеал западничества. И возможно, из-за того, что тезисы западника-Потугина были в романе полемически заострены, роман Тургенева произвел большое воздействие на современников, именно тогда, когда Тургенев хотел оказывать влияние на общественное мнение в стране, которая, по его мнению, отказавшись от либеральных реформ, пошла по неверному пути.

28 июня 1867 г. произошла знаменитая встреча Тургенева с Достоевским в Баден-Бадене, тогда между ними состоялся довольно неприятный разговор, который закончился конфликтом и разрывом отношений. Тургенев и Достоевский были политическими оппонентами, первый называл себя западником, второй считал себя мировоззренчески близким к славянофильству. Первый был либералом, второй – консерватором. И ссора, по свидетельству Достоевского, состоялась на почве обсуждения только вышедшего романа «Дым». Тургенев тогда был раздражен критикой своего нового романа (его никогда так не ругали в русских журналах и газетах), и в разговоре с Достоевским обрушился с критикой на Россию и русских. Достоевский ему оппонировал, и тогда Тургенев якобы сказал фразу: «я здесь (в Германии. – *Б.П.*) поселился окончательно, сам считаю себя за Немца, а не за Русского, и горжусь этим!»[752]. Достоевский не выдержал такого, «схватил шапку и вышел», на этом разговор закончился. Позже Тургенев отрицал приписываемые ему фразы, но этот разговор довольно точно передает его тогдашние настроения. И главное, роман «Дым» 1867 г., неуспех которого переживал Тургенев, можно интерпретировать как развернутый комментарий к фразе «я теперь считаю себя немцем, а не русским, и горжусь этим».

Тургенев, показавший себя в том споре последовательным западником, остался в Европе, и только изредка приезжал в Россию. Достоевский, который позиционировал себя «самобытником», вернулся на родину и укрепился в мысли, что у России может быть свой путь, по которому она должна идти, не повторяя этапов развития европейских стран. Тургенев писал, что роль образованного класса в России – быть «передавателем цивилизации народу», то есть, плодов европейской цивилизации. Достоевский же писал, что роль образованного класса – пытаться понять правду, «сокрытую в народной жизни», что Россия – сама отдельная цивилизация.

[752] См.: *Зильберштейн И.С.* Встреча Достоевского с Тургеневым в Бадене в 1867 г. // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды]. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 167–168.

Однако и Тургенев, и Достоевский писали полифоничные романы. М.М. Бахтин ввел в литературоведческий словарь понятие «полифония», которое обозначает наличие в тексте большого количества идей, находящихся во взаимодействии. По Бахтину, идеи в полифоничных романах, обладающие «исключительной самостоятельностью», могут быть самыми разными, противоречащими, исключающими друг друга, они могут быть близкими или неблизкими самому автору, но именно их взаимодействие в художественном произведении представляет наибольший интерес. Кроме того, изучение полифоничных романов дает возможность увидеть не просто художественное воплощение политических убеждений писателя, а картину идей того времени, находящихся во взаимодействии. В романе «Дым» Тургенев отразил сложную систему общественных взглядов своего времени, это же попытался сделать Достоевский в романе «Бесы».

§ 2. Черты общественных идеалов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872)[753]

В 1869 г. Достоевский жил Дрездене. Он издал роман «Идиот» и вынашивал идею следующего романа, который хотел назвать «Атеизм» или «Житие великого грешника». После жизнеописания христоподобного Мышкина он хотел взяться за нечто противоположное, исследовать человека, который внезапно утратил веру. Но тут случилось непредвиденное.

Во время вечерней прогулки Достоевский любил заходить в местную читальню, где можно было получить свежие русские газеты: «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и «Голос». Чтение газет было

[753] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Прокудин Б.А*. «Бесы» Ф.М. Достоевского и предчувствие цивилизационного кризиса // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 365–370; *Прокудин Б.А.* «Бесы»: консерватизм Достоевского и мышление «на краях» // Тетради по консерватизму, 2021. № 1. С. 294–308.

страстной любовью Достоевского. И вот в конце ноября 1869 г., раскрыв газету «Московские ведомости», он прочитал следующее: «Вчера, 25-го ноября, два крестьянина, проходя в отдаленном месте сада Петровской академии, около входа в грот заметили валяющиеся шапку, башлык и дубину; от грота кровавые следы вели прямо к пруду, где подо льдом виднелось тело убитого, опоясанное черным ремнем и в башлыке… Тут же найдены два связанные веревками кирпича и еще конец веревки». Два дня спустя Достоевский прочитал продолжение: «Убитый оказался слушатель Петровской академии, по имени Иван Иванович Иванов… Деньги и часы, бывшие при покойном, найдены в целости»[754]. Из этого следовало, что студента, имевшего «свидетельство о бедности», учившегося на агронома, убили не с целью ограбления. Вскоре стало известно, что Иванов был членом тайного революционного общества «Народная расправа», и якобы собирался сдать его властям, за это, по версии следствия, его убил организатор этого общества, Сергей Геннадьевич Нечаев при помощи своих верных сообщников, четырех «нечаевцев».

Достоевский, когда понял цинизм убийц, стал называть это происшествие «отвратительным московским убийством» и «чудовищным преступлением». Воспользовавшись фактом «предательства» Иванова, Нечаев решил совершить коллективное убийство, чтобы «повязать кровью» членов организации, и пресечь возможности повторного предательства. Достоевского поразило коварство и бесчеловечность этой затеи. Но вряд ли бы московское убийство подействовало на него так сильно, заставило бы его бросить все прежние литературные задумки и приняться писать роман о «заговорщиках», если бы в юности он сам не был социалистом и членом тайного общества.

В 1846 г. двадцатишестилетний Достоевский начал посещать кружок фурьериста М.В. Буташевича-Петрашевского. Кружок был, по большей части, «разговорный», не знал ни дисциплины, ни иерархии, ни особой конспирации. Однако почти одновременно с Достоевским кружок стал посещать молодой

[754] Цит. по.: *Сараскина Л.И.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 523.

аристократ – Николай Александрович Спешнев, которого Достоевский, по воспоминаниям С.Д. Яновского, будет называть «свой Мефистофель»[755]. Он был, якобы, «демонически» красив и умен, вел себя независимо и умел оказывать большое влияние на людей. Сверх того, он только вернулся из заграницы, где как будто был связан с таинственными «революционными центрами» и типографиями. С именем Спешнева связана короткая история Достоевского-революционера, так как внутри рыхлого и разрозненного кружка Петрашевского в 1848 г. Спешнев решил создать группу настоящих борцов, радикалов, готовых к агитации в пользу насильственной революции, вооруженного переворота в России, «особое тайное общество с тайной типографией».

Достоевский вошел в группу Спешнева как ближайший соратник. Они успели овладеть приемами конспирации, посещали «закрытые собрания», собрали подпольный типографский станок[756]. И даже успели в одном из членов заподозрить шпиона и думали, что с ним делать, если факт шпионажа подтвердится. И во всем этом активное участие принимал Достоевский. Группа Спешнева ничего не успела совершить, их вскоре арестовали, но начало революционной деятельности Достоевским было положено. Именно поэтому новость о политическом убийстве студента Иванова, которую Достоевский узнал спустя двадцать лет своих революционных предприятий, произвела на него такое сильное впечатление.

Достоевский был потрясен: Нечаев, судя по показаниям свидетелей, которые он читал в газетах, был похож на Спешнева, «Народная расправа» – на их «Особый кружок», а нечаевцы ничем не отличались от, казалось бы, «безобидных» и «осужденных без вины» петрашевцев. Позднее, в 1873 г., в «Дневнике писателя» (статья «Одна из современных фальшей») Достоевский

---

[755] См.: *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. 1885. № 4. С. 796–819.

[756] Информация о столь тяжком для XIX века «злоумышлении» не была известна следствию, о типографском станке, который «за два до ареста был снесен и собран в квартире одного из участников» «особого общества», но не был обнаружен при обыске, впервые поведал ближайший друг Достоевского А.Н. Майков в письме историку литературы П.А. Висковатому в 1885 г., когда уже мало кто из петрашевцев остался в живых. (см.: *Покровская Е.* Достоевский и петрашевцы // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 258).

признавался, что «во дни юности», «может, и мог бы» сделаться нечаевцем, то есть мог бы оказаться в числе тех, кто убивал Иванова. «Знаю, вы, без сомнения, возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из петрашевцев, – отвечал Достоевский своим критикам, называвшим Нечаева «идиотским фанатиком», который не смог бы найти себе сторонников среди «учащейся молодежи». – <…> Но пусть из петрашевцев. Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую же дорогу, *в случае если б так обернулось дело*?»[757].

То есть, Достоевский в нечаевской истории увидел то, что потенциально могло бы произойти с его кружком, не случись ареста. Ведь если ты сделал своей целью насильственную смену власти, готов «участвовать в бунте вооруженною рукою»[758], а не просто обсуждать Фурье и крепостничество, ты должен поставить перед собой два важных вопроса: готов ли ты сражаться и быть убитым? И главное, – готов ли ты убить сам? И не только врага, а предателя, одного из своих.

Когда, благодаря печатавшимся в газетах судебным отчетам по делу нечаевцев, действия организатора «Народной расправы» получили широкую огласку, представители русского радикального движения начали открещиваться от Нечаева. Русские нигилисты были возмущены тем, что Нечаев своим преступлением дискредитировал движение «демократической ориентации». Революционеры-эмигранты, М.А. Бакунин, Н.А. Огарев были возмущены тем, что Нечаев так долго их обманывал, выдавая себя за организатора целой сети революционных кружков и «вожака российского студенчества». Однако этот «мерзавец», как назвал Нечаева Бакунин в дневнике 1 августа 1871 г., был более последовательным революционным практиком, чем он и другие революционеры. Нечаев целенаправленно шел к созданию дееспособной централизованной

[757] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXI. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 129.

[758] Н.А. Спешнев до ареста начал составлять документ, регламентирующий обязанности вступавших в тайное общество, который, вероятней всего, Достоевскому предстояло подписать. Набросок носил название: «Черновой проект обязательной подписи для вступающего в Русское тайное общество с изъявлением готовности участвовать в бунте вооруженною рукою».

организации с железной дисциплиной. Он мог действовать коварно, обманывать своих соратников, но вместе с тем, он следовал железной логике развития идеи о насильственном свержении строя.

Сам Достоевский понял логику революционного насилия много раньше – в Омском каторжном остроге, где провел долгие четыре года (1850–1854). В статье «Одна из современных фальшей», напечатанной в выпуске «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский писал, что на каторге началось «перерождение его убеждений». С этим трудно спорить, со стороны дело выглядит так, что уходил на каторгу социалист-заговорщик, а вернулся глубоко религиозный человек консервативных взглядов. Однако его перерождение, которое происходило «не скоро», требует уточнений, потому что Достоевский никогда не был атеистом. «Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства»[759]. И нападки на Христа, которые, например, позволял себе «страстный социалист» В.Г. Белинский, «обращая в свою веру» Достоевского в 1846 г., ему никогда не были близки. В статье «Старые люди», включенной в «Дневник писателя. 1873», Достоевский пытался воссоздать логику социалистического атеизма Белинского: «Я застал его (Белинского в 1846 г. – *Б.П.*) страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. <…> Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. <…> Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота». Далее Достоевский припоминает эпизод разговора с Белинским той поры о

[759] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXI. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 134.

Христе: «– Мне даже умилительно смотреть на него, – прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, – каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет… Да поверьте же, наивный вы человек, – набросился он опять на меня, – поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества»[760].

В отличие от богоборцев Буташевича-Петрашевского и Спешнева, в период участия в кружке Петрашевского, Достоевский мог назвать себя, скорее, христианским социалистом. С шестнадцатилетнего возраста он увлекся идеями Ж. Санд, которая писала, что если Христос и не был сыном Бога, то стал первым социалистом и гуманистом. Достоевский был захвачен этой идеей, и вслед за Ж. Санд, в юности мог допускать, что христианство и социализм совместимы (у них одинаковые цели: защита бедных людей, униженных и оскорбленных). Но на каторге, по его словам, у него произошел «возврат к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного»[761]. «От него (русского народа. – *Б.П.*) я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”»[762]. На каторге он осознал, что, если ты последовательный социалист в самодержавной России, ты должен идти на свержение власти «вооруженною рукою», а значит, должен быть готов убивать. И в этом случае неизбежно приходится отказываться от Христа. Ведь Христос – это прощение, милосердие и жертва ради других. Поэтому: или ты с социализмом против Христа, или с Христом – против социализма. Это был вывод Достоевского, принцип, которого он придерживался до конца жизни[763].

---

[760] Там же. С. 10, 11.
[761] Там же. С. 134.
[762] *Достоевский Ф.М.* «Дневник писателя» на 1880 год // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: Издательство «Наука», 1984. С. 152.
[763] В письме М.П. Погодину об издательских планах «Гражданина» от 26 февраля 1873 г. Достоевский, кроме прочего, писал: «Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей» (*Достоевский Ф.М.* 471. М.П. Погодину.

Получается, что при всей уродливости, случай Нечаева – это универсальная модель революционного действия, когда на место заповеди «не убий» утверждается – «ты должен убить» ради «великого дела». «Раз отвергнув Христа, – замечал Достоевский, – ум человеческий может дойти до удивительных результатов»[764]. Вот в романе «Бесы» он показал эти результаты.

Принято считать, что роман «Бесы» антинигилистический, однако это не совсем так. Он задумывался, как антинигилистический, но в процессе написания Достоевский не ограничился критикой радикализма и высказался по поводу всех основных направлений русской мысли.

На первом этапе Достоевский представлял свой роман памфлетом. «Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность, – писал он в письме от 24 марта 1870 г. Н.Н. Страхову. – <…> пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь»[765]. Отталкиваясь от фигуры Нечаева, Достоевский создал образ политического провокатора Петра Верховенского, который готов идти на обман, предательство и даже убийство не из корысти, а повинуясь «фантастической идее». Лишенный нравственного чувства, он открыто презирает людей из своей организации и под маской социалиста скрывает демоническую волю к власти.

Политическую программу и специфический общественный идеал Верховенского мы узнаем в главах «У наших» и «Иван-Царевич». Прежде всего, Верховенский высказывает согласие с программой главного «теоретика» своего революционного кружка Шигалева, который в некоем фундаментальном труде, «основанном на естественных данных», «предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью

---

26 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 262).

[764] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXI. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 133.

[765] *Достоевский Ф.М.* 386. Н.Н. Страхову. 24 марта (5 апреля) 1870. Дрезден // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 112.

десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать»[766].

Более развернуто, однако и более сбивчиво черты предполагаемого общественного устройства Верховенский описывает в диалоге со Ставрогиным, умоляя его возглавить революцию, особо концентрируя внимание на категории равенства: «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями – вот шигалевщпна! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщпна! <…> Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. <…> Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина»[767]. Из слов Верховенского понятно, что основная цель «шигалевщины» – не накормить голодных и согреть обездоленных, а подчинить их. И речь здесь идет отнюдь не о юридическом или материальном равенстве, а

[766] *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. X. Л.: Издательство «Наука», 1974. С. 312.
[767] Там же. С. 322, 323.

наоборот, о максимальном неравенстве между «правителями» и подчиненными, которое может быть достигнуто понижением интеллектуального уровня большинства населения. «Вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический… честолюбец?»[768], – говорит ему Ставрогин. Действительно, вместо утопии счастливого общежития «социалист» Верховенский набрасывает образ мрачной антиутопии нового рабовладельческого мира, в котором небольшая каста господ пользуется всеми плодами труда обезличенной массы людей, и раз в тридцать лет искусственно устраивает для своих рабов войну с единственной целью – чтобы они «не заскучали» и не развивались.

Конечно, сказанные Ставрогину слова нельзя принимать за разработанную программу или общественный идеал радикализма. Достоевский заботится, чтобы представить эту «исповедь» Верховенского плодом воспаленного сознания. В продолжение всего разговора Ставрогин видит своего собеседника «помешанным», «пьяным», «безумным». Да и представить себе, что революционер, похожий на Нечаева, будет признаваться избранному «вождю», что он не социалист, а «мошенник», который жаждет разрушения и крови, с психологической точки зрения, сложно. И выглядит это не реалистично. Но Достоевский здесь и не пытается быть реалистом, не ставит перед собой задачу с предельной правдоподобностью и документальностью показать типичные разговоры тогдашних революционеров. Он доводит идею политического нигилизма до конца, «докручивает» ее до предельного состояния, чтобы показать, к чему она может привести. Философ Ф.А. Степун в статье 1962 г. «“Бесы” и большевистская революция» писал об «исповеди» Верховенского: «Не ясно ли, что все эти мысли – не мысли Нечаева-Верховенского о революции, а мысли самого Достоевского о том кровавом кошмаре, который неизбежно вспыхнет в России, когда бесы войдут в стадо свиней, то есть в Нечаевых, Серно-Соловьевичей и других»[769].

---

[768] Там же. С. 325.

[769] *Степун Ф.А.* «Бесы» и большевистская революция // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 690.

Кроме радикализма в романе «Бесы» Достоевский подверг художественному осмыслению опасность идеологии либерализма. Вообще, одна из задач, которую ставил перед собой Достоевский в романе, проследить связь либералов 1830–1840 гг. и нечаевцев. Наследнику престола, будущему императору Александру III, отправляя роман, Достоевский писал: «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем»[770]. В романе есть два либеральных персонажа – отец Петра Верховенского – Степан Трофимович Верховенский, и писатель Семен Егорович Кармазинов. Их прототипы – Т.Н. Грановский и И.С. Тургенев. И это откровенно комические персонажи, напыщенные, карикатурные. В чем же «преемственность мысли» от либералов к нигилистам, что их объединяет? Те и другие оказались оторванными «от родных и самобытных начал русской жизни»[771] и поддались влиянию европейской «прогрессивной» мысли. А «русская сторона» прогрессизма, по мысли Достоевского, состоит в том, что мы традиционно усваиваем западные идеи некритично и всегда доводим их до крайности. Либеральные «фундаменталисты» у Достоевского презирают Россию и все русское как отсталое и равнодушны к Богу. Именно эти две черты, развиваясь со временем, порождают нигилистов, которым уже здесь в России ничего не жалко. И они готовы на полное разрушение.

Один из наиболее интересных разворотов «безумной» мысли Верховенского – программа достижения власти, основанная (в терминах современных социальных наук) на социальной деконструкции. С его точки зрения, власть в

---

[770] *Достоевский Ф.М.* 469. А.А. Романову (наследнику). 10 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 260.

[771] В упомянутом письме наследнику престола Достоевский писал: «Эти явления (нечаевщина – *Б.П.*) – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности» (*Достоевский Ф.М.* 469. А.А. Романову (наследнику). 10 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 260).

самодержавной России можно получить только сломав сначала традиционный уклад жизни. Эти мысли высказаны Верховенским в том же диалоге со Ставрогиным (глава «Иван-Царевич»). Реконструируя «план Верховенского», можно выделить три этапа захвата власти, два первых можно назвать «разрушительными» (либеральный и террористический), третий «устроительный» (этап «самозванца»).

Итак, первый этап – либеральное расшатывание основ. «Слушайте, мы сначала пустим смуту, – торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. – Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. <…> учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. <…> Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! <…> Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем?»[772]. То есть, либеральные «идейки» через своих пропагандистов порождают в людях сомнения в наиболее важных для стабильности общества ценностях, поощряют разврат, который в свою очередь приводит моральному разрушению личности: «Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!»[773]. Именно так либералы своими идеями ослабляют народ. Когда на смену вере, патриотизму, традиционным ценностям приходит «трусливый» эгоизм, народу нечего становится защищать, кроме личных интересов, и этот народ оказывается беззащитен перед лицом внешней угрозы.

[772] *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. X. Л.: Издательство «Наука», 1974. С. 324.
[773] Там же. С. 325.

С этого момента начинается второй этап завоевания власти – этап террористического разрушения. Верховенский продолжает: «Мы провозгласим разрушение… <…> Мы пустим пожары… Мы пустим легенды… Тут каждая шелудивая “кучка” пригодится. <…> и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал… Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам…»[774]. И все эти разрушения нужны только для того, чтобы в какой-то момент люди начали жаждать хоть какого-то совместимого с жизнью порядка. И тогда наступит время третьего этапа, «устроительного», этапа самозванца. «Мы скажем, что он “скрывается”, – тихо, каким-то любовным шепотом проговорил Верховенский, в самом деле как будто пьяный. – <…> О, какую легенду можно пустить! А главное – новая сила идет. А ее-то и надо, по ней-то и плачут. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. А тут сила, да еще какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Все подымется! <…> И застонет стоном земля: “Новый правый закон идет”, и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить *мы* будем, мы, одни мы»[775].

Конечно, никакой либерал второй половины XIX в. не согласился бы с «дикой» мыслью о том, что цель политической программы русского либерализма состоит в расшатывании основ общества и содействии моральному разложению личности. Здесь Достоевский опять доводит идею русского либерализма до предельного состояния, чтобы показать возможные социальные последствия. А символом «преемственности мысли» от либералов к нигилистам становится родственная связь либерала Степана Трофимовича Верховенского и нигилиста Петра Степановича Верховенского. Отец как будто безобидный идеалист, «сюсюкает», пересыпает речь французскими словами, тихо презирает православие и русскую отсталось, зато симпатизирует цивилизованной Европе и верит в величие ценностей прогресса. Но, по Достоевскому, он совсем не безобиден. Атеизм и презрение к России в следующем поколении порождает опасных

[774] Там же. С. 325.
[775] Там же. С. 325, 326.

нигилистов, лишенных любых принципов и этических ограничений. Его сын готов уже на любую ложь, предательство и даже убийство.

Но взявшись «высказаться до последнего слова» о западниках: нигилистах и либералах, Достоевский, видимо, в какой-то момент почувствовал, что такими же опасными в своем «предельном» развитии могут стать и консервативные идеи. В романе присутствует персонаж по имени Иван Павлович Шатов. Его прототипом является убитый Нечаевым студент И.И. Иванов. Достоевский и его делает одержимым идеей. Шатов проповедует историософскую идею о народе-богоносце. Это раннее выражение самых сокровенных верований самого Достоевского, эволюцию которых можно проследить в «Дневнике писателя», а итог увидеть в «Пушкинской речи» (1880).

Как и Верховенский, свои «невероятные» идеи Шатов высказывает в разговоре со Ставрогиным (глава «Ночь»). Шатов говорит, что народ – это, прежде всего, религиозное единство. Цель «движения народного» искание «своего бога» и вера в него как в «единого истинного», а признак «уничтожения народностей», когда «боги начинают становиться общими»: «Народ – это тело божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов. <…> Если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ “богоносец” – это русский народ, и… и… и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогин, – неистово возопил он вдруг, – который уж и различить не умеет, что слова

его в эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всех московских славянофильских мельницах, или совершенно новое слово, последнее слово, единственное слово обновления и воскресения, и… и какое мне дело до вашего смеха в эту минуту!»[776] И действительно, это совсем не славянофильство. Тут нет христианского универсализма, свойственного классическому славянофильству. Это религиозный национализм, который был близок самому Достоевскому. В письме 1873 г. к будущему императору Александру III он высказывал очень близкие мысли уже от своего имени: «В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нациею и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества»[777]. Сам Достоевский не говорит ни слова о «своем» национальном Боге, заменяя его словом «самобытность», но порядок мыслей тот же: пока жива «высокомерная» вера в свою самобытность, существует «великая нация» и она может «принести свет миру». Это – «непреложный закон истории». Казалось бы, в уста Шатова Достоевский вкладывает свои историософские идеи, однако и этот персонаж он делает одержимым, доводя религиозную идею национальности до предельного состояния. Шатов настолько увлекается идеей народа-богоносца, что, по выражению Ставрогина, низводит Бога до «простого атрибута народности».

В статье «Русская трагедия» (1914), посвященной роману «Бесы», С.Н. Булгаков отмечал: «В христианстве идее национальности бесспорно принадлежит свое определенное место, но если самое христианство понимается и

[776] Там же. С. 199–200.
[777] *Достоевский Ф.М.* 469. А.А. Романову (наследнику). 10 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 260.

истолковывается лишь из идеи национальности, а не из Христа как единого, живого и пребывающего центра, то, очевидно, мы имеем подмен: уже не народ – тело Божие, но сама вера становится телом народа»[778]. То есть, Шатов смещает пропорции, и в его концепции национальная идея оказывается выше Бога. Вследствие этой ошибки, продолжает Булгаков, он становится идеологическим предшественником того «болезненного явления русской жизни», крайне правых организаций, получивших собирательное название «черносотенство»: «Черносотенство, или союзничество тем и отличается, что национализм становится в нем выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики»[779]. Этот «уклон» был и у самого Достоевского. И, по словам Булгакова, в образе Шатова он «художественно объективировал» «этот соблазн беса национализма, прикрывающегося религиозным облачением»[780]. Необходимо добавить, что если в образе Шатова Достоевский объективировал националистический соблазн своего позднего охранительного мировоззрения, консервативной зрелости, то в образе Верховенского – бланкистский соблазн социалистической юности. Хотя, в отличие от Верховенского, Шатову Достоевский явно симпатизирует, дает ему под конец романа возможность возрождения к нормальной жизни, через любовь и христианскую жертву. Но возрождение приходит слишком поздно, и одержимого идеей Шатова убивают другие одержимые идеей. «У Достоевского была слабость к Шатову, – писал в статье 1918 г. Н.А. Бердяев, – он в себе самом чувствовал шатовские соблазны. Но силой своего художественного прозрения он сделал образ Шатова отталкивающим и отрицательным»[781].

Если роман «Бесы» о том, до каких «удивительных результатов» может дойти ум человеческий «раз отвергнув Христа», то по поводу его социально-политического содержания можно сделать следующий вывод. Сострадание

---

[778] *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 502.
[779] Там же. С. 502.
[780] Там же. С. 502.
[781] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 515.

угнетенным и борьба с несправедливостью – святое дело, но, когда эта борьба ведется, презирая нравственность и человечность, начинается бесовщина бланкизма. В любви к прогрессу, свободе, достоинству человека нет ничего плохого, но, когда эта любовь выливается в презрение к «своему Богу», к своему народу, к своей стране, начинается бесовщина крайнего либерализма. Наконец, служение родине и патриотизм – благородно и необходимо, но, когда любовь к родине обозначает «высокомерное» презрение к другим народам и отменяет нравственность, начинается бесовщина крайнего национализма.

История читательского восприятия романа Ф.М. Достоевского «Бесы» поражает своей несправедливостью. Выходивший с большими перерывами в журнале «Русский вестник» (1871–1872), а потом напечатанный отдельным изданием (1873), роман получил, в основном, отрицательные отзывы, и при жизни Достоевского (ему предстояло прожить еще 9 лет) больше не издавался. Существует мнение, что именно обилие негативной критики было для Достоевского аргументом, чтобы роман не переиздавать[782]. Да и тираж отдельного издания (3500 экз.) при жизни Достоевского не был полностью распродан. Достоевский имел повод радоваться читательскому интересу к «Бесам» в период журнальной публикации: «Без глупой похвальбы скажу, – писал он Н.А. Любимову в марте-апреле 1872 г., – публика несколько интересовалась романом. В последнее время при выходе каждого номера об нем писали и говорили, по крайней мере у нас в Петербурге, довольно»[783]. Но все-таки роман имел скромный читательский успех. И количество критических отзывов было подавляющим. Из 44 заметок, посвященных «Бесам» и вышедших при жизни автора, 24 были отрицательными, 10 были выдержаны в нейтральном ключе, и еще в 10

[782] См.: *Чернышов И.С.* Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте авторской стратегии издания романа // Новый филологический вестник, 2018. № 3 (46). С. 124–137. Истины ради, надо сказать, что романы «Идиот» и «Подросток» тоже не переиздавались при жизни Достоевского. См.: *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2011. С. 19–26.

[783] *Достоевский Ф.М.* 444. Н.А. Любимову. Конец марта – начало апреля 1872. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 231.

заметках «Бесы» оценивались положительно[784]. Но даже малочисленные хвалебные рецензии не отличались глубиной, их авторы лишь признавали Достоевского «замечательным психологом» и «знатоком человеческой души». Достоевский имел привычку читать все критические отзывы о своих произведениях, был уверен, что критики не поняли роман и не предпринимал попыток его переиздать. Да и к автору, который, по собственным словам, «компрометировал себя навеки “Бесами”, то есть ретроградством и обскурантизмом»[785], издатели обращаться не спешили.

После смерти Достоевского читательский интерес к «Бесам» существенно возрос. В период с 1882 по 1905 гг. в виде моноиздания и в составе собрания сочинений роман выходил 6 раз. В советское время отдельной книгой «Бесов» не издавали, однако в составе четырех собраний сочинений (1927, 1957, 1974, 1982 гг.) роман были напечатан суммарным тиражом более 1 миллиона экземпляров. Наконец, настоящим «бумом» можно назвать интерес к роману в «перестроечный» период, когда всего за 3 года – с 1989 по 1991 гг. – вышло 11 изданий «Бесов» общим тиражом 2 миллиона 4300 экземпляров[786].

Дело в том, что подавляющее число современников Достоевского в момент выхода романа увидели на его страницах мрачную фантазию, где вместо «живых людей» действуют «болезненные уродцы» (множество критиков обвиняли Достоевского в изображении психически нездоровых людей). Так, в статье «Современное обозрение. Больные люди» П.Н. Ткачев писал: «Ни один психически больной не может формировать свои идеи независимо от данных, сознательно или бессознательно усвоенных от окружающих его людей. Поэтому по

---

[784] Прижизненная критика романа Достоевского не раз была предметом анализа. См: *Захарова О.В.* Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С.143–162; *Чернышов И.С.* Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте авторской стратегии издания романа // Новый филологический вестник, 2018. № 3 (46). С. 124–137.

[785] *Достоевский Ф.М.* 817. К.П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879. Эмс // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1988. С. 121.

[786] См.: *Чернышов И.С.* Стратегии издания романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в современной России // Филологический класс, 2017. № 3 (49). С. 102.

характеру сумасшествия и по содержанию бреда больного всегда возможно определить характер и миросозерцание среды, из которой он вышел. В болезненных представлениях уродцев, созданных не совсем нормальной фантазией г. Достоевского, – уродцев, помешавшихся на каких-то неопределённо мистических пунктах, – очевидно, нисколько не отражается миросозерцание той среды, – среды лучшей образованной молодежи, из которой они вышли»[787]. Свидетели же террористической деятельности русских революционеров на рубеже 1870–1880 гг. и, тем более, свидетели русских революций 1905–1917 гг. обнаружили в «Бесах» пророчество.

В развернутой статье, посвященной роману «Бесы», опубликованной в № 2 журнала «Отечественные записки» за 1873 г. Н.К. Михайловский отмечал: «Если важная часть фабулы романа взята из современной и наделавшей шуму истории (нечаевское дело. – *Б.П.*), то мы вправе ожидать от автора картины современных нравов весьма точной»[788]. Однако, по мнению Михайловского, «картина современной жизни», написанная Достоевским, оказалась совсем не точна. И ошибочней всего изображены именно представители радикальной молодежи. Если, как отмечается в литературе, «специфической чертой русского нигилизма, в отличие от западного идеалистического, является его рационалистический характер, культ “знания”»[789], а по философским своим понятиям «нигилист был позитивист, атеист, эволюционист в духе Спенсера или материалист»[790], то у Достоевского нигилисты преисполнены «эксцентрических идей» и «мистицизма». «Имел ли какое-нибудь основание г. Достоевский группировать около Нечаевского дела людей, проникнутых мистицизмом? – задается вопросом

---

[787] *П. Н. [Ткачев П.Н.]* Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. 1873. № 4. Апрель. С. 369–370.

[788] *М. Н. [Михайловский Н.К.]* Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 331. 315–343.

[789] *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2012. № 1. С. 45. См. также: *Прокудина Е.К., Ширинянц А.А.* Н.К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции // Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175–летию со дня рождения). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 156–168.

[790] См.: *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 284.

Михайловский, и отвечает отрицательно – Думаю, что нет, а тем паче не имел он права ставить их типами современной русской молодежи вообще»[791].

Михайловский, как и многие тогдашние радикальные критики (П.Н. Ткачев, П.Л. Лавров, Г.И. Успенский и др.), был убежден, что Достоевский, если и не пытался романом «Бесы» целенаправленно «оболгать юношей», то уж точно оказался несправедлив по отношению к революционерам своего времени, посвящая роман «о нигилистах» «печальному, ошибочному и преступному исключению», «выверту» в освободительном движении. П.А. Кропоткин, примкнувший в 1872 г. к кружку Н.В. Чайковского, писал, что этот «кружок саморазвития» возник «из желания противодействовать нечаевским способам деятельности», в основе которых лежал обман. Чайковский и его друзья, по словам Кропоткина, были убеждены, что только «нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации», а «такие приемы (как у Нечаева – *Б.П.*) не могут иметь успеха в России»[792]. И действительно, революционеры конца 1860 – начала 1870 гг. больше были похожи на «нравственно выдающихся», по словам Кропоткина, чайковцев, которые распространяли книги К. Маркса и В.В. Берви-Флеровского «среди студентов в провинциальных городах», чем на зловещих Нечаевых-Верховенских. Участник революционного движения, советский литературовед В.Ф. Переверзев в 1921 г. писал, что «нравственно выдающихся» революционеров 1860-х гг., строго говоря, нельзя назвать «революционерами» именно из-за их «нравственной организации». «В этом анализе революции и ее героев (предпринятом Достоевским в «Бесах» – *Б.П.*) чувствуется много проникновенной правды, трезвого и глубокого понимания природы революции. Во всяком случае здесь гораздо больше правды, чем в сентиментальных и, в сущности, довольно детских представлениях революционных утопистов народнического склада. У них острый перец революции превращался в

[791] *М. Н. [Михайловский Н.К.]* Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 331.
[792] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 289.

какую-то сладенькую водицу. У одних это происходило потому, что они были гуманными, жалостливыми людьми, но вовсе не были революционерами, хотя и воображали себя такими»[793].

В тот период не существовало еще «Народной воли» и террористов, а до убийства Александра II оставалось долгих десять лет. Но Достоевский в нечаевском деле увидел «темную» сторону революции, тенденцию, которая может получить развитие. И несправедливый к революционерам эпохи Великих реформ, Достоевский оказался прозорливым критиком терроризма последующих эпох. А роман, не точный к «картине современной жизни», в начале XX в. стали все чаще называть «пророческим».

В 1906 г., после Первой русской революции, Д.С. Мережковский написал статью к юбилею Достоевского, назвав ее «Пророк русской революции», статья была, по большей части, посвящена роману «Бесы»[794]. После Октябрьской революции, в 1918 г., Н.А. Бердяев писал: «Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что “Бесы” – книга пророческая. <…> Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть бесновaнием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в “Бесах”»[795]. В 1923 г., уже находясь в эмиграции, Бердяев повторит эту мысль. Достоевский – «пророк русской революции в самом бесспорном смысле этого слова, – напишет он в работе «Миросозерцание Достоевского». – Революция свершилась по Достоевскому. <…> “Бесы” – роман, написанный не о настоящем, а о грядущем»[796].

---

[793] (*Переверзев В.Ф.* Достоевский и революция // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 529).
[794] См.: *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 461–489.
[795] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М.: Согласие, 1996. С. 515.
[796] *Бердяев Н.Н.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В двух томах. Т. 2. М.: Издательство «Искусство», 1994. С. 87.

Идея о пророчестве Достоевского, высказанная такими крупными (и долгое время запрещенными) русскими философами, в «перестроечное» время многими была принята на веру. Фраза Бердяева: «Революция совершилась по Достоевскому» – стала очень популярна. Рассуждение о том, что «Бесы» – «роман предупреждение» о русской революции, которому, увы, не вняло русское общество, стало общим местом (см. работы Ю.Ф. Карякина, Л.И. Сараскиной[797]). Однако если вспомнить, что Достоевский в романе «Бесы» показал «крайние» формы разных идеологических направлений, картина несколько меняется.

Октябрьская революция в России победила, и большевики оказались сильнее Белой армии в Гражданской войне, но случись им проиграть, мы бы увидели, вероятно, «усмирение» крестьян и контрреволюцию. Большая часть верхушки белогвардейского командования желала реставрации монархии и возвращения дворянских привилегий. В 1921 г. В.И. Ленин писал, что неправильная крестьянская политика и потеря власти неизбежно обречет большевиков на «20–40 лет мучений белогвардейского террора»[798]. Борьба с безбожниками и интернационалистами, вероятнее всего, велась бы под флагом религиозного национализма. В этом случае Мережковский и Бердяев, вспомнив возможные негативные последствия «шатовского» хода мыслей, должны были бы констатировать, что «все совершилось по Достоевскому».

А если бы у власти оказалась либеральная партия, которая бы поставила своей целью установление демократической формы правления и построение полноценных капиталистических отношений, требующих создания определенной культуры потребления, неизбежно началась бы борьба с носителями русских традиционных ценностей. И в наиболее радикальных формах эта борьба могла бы быть расценена как расшатывание основ общества, как поощрение «разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в

[797] См: *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989; *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990.
[798] См.: *Ленин В.И.* Планы брошюры «О продовольственном налоге» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 383.

гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь» (по выражению Верховенского). Опять же, либералам необходимо было бы решать вопрос «принуждения» крестьян к капитализму. И снова пришлось бы констатировать: «все совершилось по Достоевскому».

Если так, то что же Достоевский предвидел, о чем «пророчествовал» в романе «Бесы»? Разбираясь с нечаевским делом, он увидел признаки болезни русского общества. Противоречия, накопившиеся в нем, и ощущаемые большинством населения, не были решены половинчатыми реформами 1860 гг., однако деструктивные («бесовские») силы ими оказались разбужены. Реформами остались недовольны все затронутые ими слои общества (и крестьяне, и помещики, и дворяне, и разночинцы), реформами оказались неудовлетворены представители всех идеологических направлений (и консерваторы, и либералы, и радикалы)[799]. Достоевский видел, что в России уже есть люди, готовые к насилию и разрушению, и страна движется к катастрофе, если назревшие вопросы так и не получат разрешения мирными средствами. Что нужно предпринять, Достоевский не знал. Но в романе «Бесы» он показал ожидающие Россию опасности. К несчастью, «все совершилась по Достоевскому», неспособность политических элит (в целом, российского общества) к XX в. перестроить самодержавную систему, неспособность решить проблему модернизации России, незавершенность или несвоевременность правительственных реформ привели к революциям и Гражданской войне. И в этом смысле, Достоевский оказался «пророком русской революции в самом бесспорном смысле этого слова».

В романе Достоевского «Бесы» можно найти черты разных общественных идеалов. Но прежде, чем их обозначить, нужно сделать важное предварительное замечание. Изучая «политические романы» периода подготовки и проведения Великих реформ, мы сталкивались чаще всего с произведениями, в которых были представлены общественные идеалы в большей или меньшей степени

[799] См.: *Ширинянц А.А.* М.Н. Катков в эпоху крестьянской реформы 1861 года // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. С. 323.

близкие их авторам. Было бы ошибкой считать, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора, но, очевидно, что, например, патриархальные отношения, описанные в «Семейной хронике» Аксакова, вызывали симпатию автора. А мир «хрустальных дворцов», изображенный в четвертом сне Веры Павловны (роман «Что делать?»), вероятней всего, являлся художественным оформлением самых сокровенных мечтаний Чернышевского о будущем.

С романом «Бесы» все иначе. В нем можно найти черты общественных идеалов в своем предельном развитии и осуществлении, которые не характеризуют преимущества будущего общественного уклада, а напротив выявляют пороки ограниченности породивших их идеологий. После неудачи Великих реформ наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис, только обострил идейную борьбу. И в ситуации романов «Дым» Тургенева и «Бесы» Достоевского мы видим, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов. Обоих авторов переполняло желание сделать политическое высказывание. «Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово: “цивилизация” – на моем знамени, – и пусть в него швыряют грязью со всех сторон»[800], – писал Тургенев по поводу романа «Дым». «Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность, – писал Достоевский, приступая к роману “Бесы”. – <…> пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь»[801]. Тургенев высмеял «самобытников» и противопоставил их идеям общественный идеал западничества. Достоевский первоначально тоже хотел в своем романе «высечь» идейных оппонентов, нигилистов и либералов, но в дальнейшем его задумка стала сложней, и в результате получился роман-предостережение, который показал, до каких преступлений и

[800] *Тургенев И.С.* 2016. Д.И. Писареву. 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 209.
[801] *Достоевский Ф.М.* 386. Н.Н. Страхову. 24 марта (5 апреля) 1870. Дрезден // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 112.

разрушений могут довести радикалы от разных идеологий. Более того, Достоевский показал не только черты всех основных общественных идеалов, существовавших в то время, но изобразил их в развитии и взаимодействии. Так, например, общественный идеал радикализма, с его точки зрения, является логическим развитием идеала либерализма.

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала либералов? Прежде всего, главной проблемой русского либерализма, по Достоевскому, является то, что, поддаваясь влиянию европейской прогрессивной мысли, либералы начинают презирать Россию и все русское как отсталое и становятся равнодушны к Богу. Носителями общественного идеала либерализма Достоевский считал, прежде всего, «русских баричей», которые за полторы сотни лет европеизации оказались оторванными «от родных и самобытных начал русской жизни». «Оторвавшись» от народа, они потеряли и Бога. Либералы в романе «Бесы» не говорят о том, как должен произойти переход к наиболее совершенному общественного устройства и какими могут быть контуры этого общества, потому что не верят в русский народ, не способный принять плоды европейской цивилизации. Безобидные с виду либералы, описанные Достоевским, презирают «отсталую» Россию и «русского Бога», и именно эти две черты, развиваясь со временем, порождают нигилистов, людей, которым в России ничего не жалко, которые готовы на «полное разрушение».

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала этих радикалов? Интересней всего, что «социалисты», описанные в романе «Бесы», на идейном уровне не имеют ничего общего с тем, что составляет основу социалистической теории. Их нисколько не интересует материальное равенство и социальная справедливость. Напротив, втайне они мечтают построить общество, целью которого будет не накормить голодных и согреть обездоленных, а подчинить их. Носителями такого общественного идеала, по Достоевскому, являются люди, лишенные нравственного чувства, которые под маской социалистов скрывает «демоническую» волю к власти. Однако стоит сделать оговорку, что касается это лидеров описанной «революционной ячейки»,

рядовые члены которой могут испытывать иллюзии в отношении целей организации. В подробностях Достоевский описывает переход к «идеальному» общественному устройству радикалов, который предполагает три этапа: либерального расшатывания основ российского общества, террористического разрушения и «устроительный» этап «нового правого закона». Контуры наиболее совершенного общественного устройства с точки зрения радикалов показаны тоже довольно отчетливо. Утопия «социалиста» Верховенского и теоретика «революционной ячейки» Шигалева напоминает мир возрожденного рабовладения, в котором небольшая каста господ пользуется всеми плодами труда обезличенной массы людей. При этом раз в тридцать лет новые хозяева искусственно устраивают для рабов войну с единственной целью – чтобы они «не заскучали» и не имели возможности развития.

В романе «Бесы» представлен еще один общественный идеал, который можно условно назвать консервативным, но точнее было бы называть его идеалом религиозного национализма. В основании его лежит историософская идея о народе-богоносце. Цель «движения народного», говорит выразитель этого идеала Шатов, состоит в искании «своего бога», национального бога, и вера в него как в «единого истинного», а признак «уничтожения народностей», когда «боги начинают становиться общими». И единым народом-богоносцем является русский народ, который не может «примириться со второстепенною ролью в человечестве» и должен получить первую. Идеи религиозного национализма являются частью христианского сознания, поэтому носителями такого идеала могут быть только верующие в Бога христиане. Однако, по Достоевскому, здесь мы имеем дело с превратно понятым христианством, когда Бог становится принадлежностью национальности, то есть идея нации становится выше Бога. Если целью носителей идеала религиозного национализма является достижение «первостепенной роли в человечестве», то вероятно, на этом пути Россию может ждать большая война с Европой, которая не пожелает эту роль добровольно отдать. И вестись эта война будет под знаменем защиты традиционных ценностей русского народа. Как может выглядеть

воплощенный идеал религиозного национализма, в романе не показано. Но Шатов изображен Достоевским таким же одержимым «бесом», как и лидеры «революционной ячейки».

Принято считать, что роман Достоевского «Бесы» – антинигилистический, написанный с целью критиковать западников (нигилистов и либералов) и утвердить консервативный общественный идеал. Представляется, что нужно смотреть на роман шире, чтобы увидеть в нем рассуждения о возможности воплощения на практике самых разных, «невероятных» политических идей. С начала XX в. роман характеризовали чаще всего как «пророчество» о русской революции, тогда как Достоевский в монологах своих персонажей довел до предельного состояний не только идеи политического нигилизма, либерализма, но и национализма, чтобы показать, к каким разрушительным последствиям могут привести любые «фантастические» идеи. Вероятно, это связано с тем, что Достоевский видел, что к началу 1870 гг. в России уже появились люди разных «партий», готовые к насилию и разрушению, и, если назревшие социальные вопросы не получат разрешения мирными средствами, в страна стране случится катастрофа.

Достоевский не знал, что нужно предпринять, чтобы избежать катастрофы, как «переустроить Россию», чтобы довольны остались все слои общества. Однако он назвал ту безусловную ценность, на которую может опираться каждый человек в своей жизни. Для Достоевского этой ценностью стал Христос, с заповедями которого нужно сверять свои действия. Если человек живет по заповедям Христа, значит он идет верной дорогой, вне зависимости от того, какие вокруг происходят социально-политические изменения.

Роман «Бесы» Достоевского оказался наиболее «политическим» в череде его художественных произведений. Следующим романом был «Подросток» (1875), далекий от социально-политической проблематики. Основные конфликты последнего романа «Братья Карамазовы», написанного в конце 1870 гг. и полностью опубликованного в 1880 г., тоже, кажется, не имели отношения к политическим идеям. Достоевский как будто поднялся на ступень выше от

общественных вопросов и стал больше интересоваться вопросами метафизическими и религиозными.

Однако время написания «Братьев Карамазовых» представляется еще более тревожным с политической точки зрения, чем время написания «Бесов». Последние годы правления Александра II характеризовались кризисной внешнеполитической и внутриполитической ситуацией. Консерваторы и патриоты были разочарованны окончанием русско-турецкой войны и Берлинским трактатом, радикалы – неудачей хождения в народ, либералы – растущей реакцией. Террористы бросали бомбы в чиновников, правительство колебалось в нерешительности. Если в 1860 гг. Достоевский увидел, что в России появились люди, готовые к насилию и разрушению, то в конце 1870 гг. узел этих противоречий, казалось, затянулся еще туже. В романе «Братья Карамазовы» есть аллегорическая глава «Легенда о Великом инквизиторе», в которой помимо размышлений Достоевского о христианстве и обществе, можно обнаружить и политические мотивы. Противопоставляя свободе, которую «принес Христос», «счастье людей», Великий инквизитор, по сути, дает очертания тоталитарной антиутопии, многие черты которой были потом развиты в романе Е.И. Замятина «Мы» (1924). Но все же между социально-политическими идеями романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» ощущается преемственная связь. И там, и здесь Достоевский критикует ограниченность своих оппонентов и показывает, как, реализуясь на практике, их общественные идеалы приобретают черты жестоких антиутопий. Оба романа можно назвать романами-предупреждениями.

Совершенно другую ситуацию мы видим у его «вечного спутника» Л.Н. Толстого. В середине 1870 гг. он написал роман «Анна Каренина», в котором выразил совершенно определенный дворянский общественный идеал «охранительства», а в 1899 г., после большого промежутка времени, Толстой опубликовал свой последний роман «Воскресение», в котором можно найти черты общественного идеала анархизма. В отличие от Достоевского, моделировавшего чужие общественные идеалы, Толстой через своих героев пытался высказаться напрямую о своих предпочтениях. Эволюцию взглядов Толстого можно назвать

уникальной. Если герои ранних произведений Толстого, в которых исследователи видят альтер эго писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних произведениях они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства. А сам Толстой, по словам С.А. Венгерова, превращается в писателя-дворянина, «разрушившего социологическое оправдание своего класса».

§ 3. Черты общественных идеалов в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877) и «Воскресение» (1899)[802]

В конце 1870 – начале 1880 гг. Толстой пережил сильнейший духовный кризис. Он, автор двух великих романов, богатый, знаменитый и счастливый семьянин вдруг потерял смысл жизни и даже был на грани самоубийства. Выйдя из кризиса, он стал совершенно другим человеком, полностью пересмотрел свои взгляды на жизнь и окружающую реальность. В частности, он стал критиком всей сословно-самодержавной системы организации российского общества, утверждая, что преодоление социального зла (насилия, угнетения, неравенства) невозможно, пока существуют богатые и бедные. Тогда его отношение к деньгам, собственности и дворянским привилегиям радикально изменилось. Если раньше он хотел быть «хорошим помещиком» и приумножать свое состояние, то теперь ему стало стыдно быть «паразитом русского крестьянства». И он решил отказаться от собственности ради принципиально новой жизни.

С первого взгляда мировоззренческие изменения Толстого кажутся кардинальными, однако перечитывая его ранние произведения, мы постоянно наталкиваемся на зачатки тех самых идей, которые Толстой будет проповедовать

[802] При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: С. 139–147; *Прокудин Б.А.* Социально-политический аспект принципа «остранения» Л.Н. Толстого // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2012. № 4. С. 40–41; *Прокудин Б.А.* Л.Н. Толстой: принцип «остранения» в политике // Ценности и смыслы, 2013. № 1(23). С. 139-147; *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Диалог со временем, 2020. № 71. С. 192–203.

последние тридцать лет своей жизни, и которые станут впоследствии частью его анархистской доктрины. К примеру, уже маленький барин Николенька Иртеньев в идиллической повести «Отрочество» (1854) замечает вдруг социальное неравенство, задается вопросом, почему люди бывают богатыми и бедными, и «отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?»[803].

Кроме того, накануне отмены крепостного права Толстой занялся устройством школ в своем имении, а с 1862 г. стал издавать педагогический журнал «Ясная поляна». И в его статьях о воспитании мы также можем обнаружить довольно радикальные взгляды на большинство социальных вопросов, которые окажутся в центре толстовского внимания позднее. Этот факт дал возможность П.А. Кропоткину предполагать, что уже в период педагогических опытов в Яснополянской школе и работы мировым посредником, то есть в 1861–1862 гг., Толстой «чувствовал такое отвращение к неизбежной двойственности своего положения в роли благодетельного помещика, что, по его словам, “он бы тогда, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому пришел через пятнадцать лет, если бы у него не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще им и обещавшей ему спасение, а именно, семейная жизнь”. Другими словами, – продолжает Кропоткин, – Толстой еще тогда был близок к отрицанию взгляда привилегированных классов на собственность и труд и мог бы присоединиться к великому народническому движению, которое тогда начиналось в России»[804].

Все же в течение пятнадцати лет после женитьбы (1863) до начала «духовного переворота» (1877), в период наибольшей литературной производительности, когда он писал «Войну и мир» и «Анну Каренину», а в семье один за другим рождались дети, Толстой пытался найти моральное оправдание

---

[803] *Толстой Л.Н.* Отрочество // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 2. Отрочество. Юность. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 14–15.
[804] *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. С. 145. Есть основания полагать, что толстовское отношение к народу, стоящего «выше» культурного класса, было, во многом, унаследовано у Ж.-Ж. Руссо, которого Толстой считал своим учителем. Подробней см.: *Прокудин Б.А.* И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 213–233.

привилегированному положению «сословия землевладельцев» и примириться со своим «двойственным положением». Но ощущение, что мир устроен несправедливо, не давало ему покоя и заставляло все это время искать пути разрешения накопившихся противоречий в общественный жизни.

Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870 гг. нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина. Взгляды Левина на взаимоотношения помещиков и крестьян, сельское хозяйство и пути экономического развития России содержат черты общественного идеала. Который, однако, нуждается в реконструкции. И в первом приближении его можно охарактеризовать как идеал сельскохозяйственный. Левин был убежден, что сельское хозяйство является для России основной отраслью экономики, и благосостояние всех сословий общества зависит исключительно от него. Нужно сказать, что в 1870 гг. Толстой связывал свои надежды на обновление России с проведением земельной реформы, «осуществляемой по инициативе русского дворянства»[805]. В то время помещичья земля все больше вовлекалась в рыночный оборот, дробилась, распродавалась, и старый порядок отношений в сфере сельского хозяйства менялся. Эти изменения тревожили Толстого. Но более всего его беспокоило развитие взаимоотношений дворян и крестьян. Впервые свои мысли по этому вопросу Толстой высказывал еще в «Записке о дворянском вопросе» (1858), написанной в преддверии освобождения крестьян. Как отмечает Ю.И. Красносельская, изучавшая причины написания «Записки», этот текст явился реакцией Толстого на речь Александра II перед московским дворянством, произнесенную им в ходе путешествия по России в августе-сентябре 1858 г. Это путешествие было предпринято в качестве своего рода высочайшей инспекции готовности «на местах» к «улучшению быта» крестьян, как тогда

[805] См.: *Шаваринская С.Р.* Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2012. № 2. С. 155.

называли подготовку к отмене крепостного права[806]. Толстому не понравилась, что в своей речи государь «укоряет дворянство в медленности изъявления согласия на освобождение, <…> и дает чувствовать, что медленность эта может поставить дворянство в опасное положение»[807]. Александр, по мнению Толстого, намекал, что бездействие дворян может спровоцировать волнение крестьян, отчаявшихся дождаться «воли». Толстого возмутила несправедливость «высочайшего» обвинения. По его мнению, именно дворянство, а не правительство со времен Екатерины II создавало условия для возможности освободить крестьян, готовя этот вопрос «и словом и делом», посылая «в 25 и 48 годах <...> своих мучеников в ссылки и на виселицы», в то время как правительство «всегда давило этот вопрос»[808]. Толстому не нравилась и экономическая схема освобождения крестьян, которую предлагает правительство, но больше его беспокоили не столько экономические, сколько моральные последствия проводимой реформы. Он сетовал, что правительство, пытаясь присвоить себе заслугу по освобождению крестьян, может привести к разъединению «сверху» дворян и крестьян. «Толстой опасался, что в результате государственной реформы крестьяне выйдут из-под нравственного попечительства дворян, с которыми они были связаны исторически»[809].

Еще в самом первом документе, отражающем интерес Толстого к крестьянскому делу, в так называемой «Заметке о фермерстве» (1856), он предлагал наиболее предпочтительную схему отношений с крестьянами. В этой «Заметке»

---

[806] См.: *Красносельская Ю.И.* Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 15–17.

[807] *Толстой Л.Н.* [Записка о дворянском вопросе] // *Л.Н. Толстой*. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 407.

[808] Там же. С. 411.

[809] *Красносельская Ю.И.* Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 17. Похожей позиции в трактовке «Записки» придерживается К. Фойер, которая высказывала предположение, что «По всей вероятности, Толстого интересовал главным образом не вопрос о владении землей per se. <...> Толстого возмутила несправедливость, которую правительство допустило по отношению к помещикам, пытаясь присвоить себе всю заслугу и инициативу проведения нравственных реформ» (см.: *Фойер К.Б.* Генезис романа «Война и мир». СПб., 2002. С. 156).

Толстой выступал за передачу земли индивидуальным собственникам (фермерам), с тем чтобы помещик сохранил свою руководящую роль в деревне: «Фермерство с оставлением земледельцов собственниками таких участков, при которых они не были бы поставлены в необходимость искать средств к пропитанию. – При контракте всегда одна сторона имеет более прав и влияния на другую, и одна зависит от другой. – В отношении контракта по обработке поземельной собственности, справедливее, чтобы работающая имела большее влияние. Так надо освободив крестьян поставить их. Для этого укрепить за ними необходимое количество земли. Укрепив ее, помещик будет в зависимости от их работы и принужден будет, – большой по величине, малый по незначительности, – отдать им. Кому он отдаст? Не всем равно. Способнейшим. – Выходит фермерство с собственностью. – Дворянин не может быть земле дельцем, ибо будет на равне с низшим классом – вражда; демократия невозможна по неравенству образования. Двор[янин] будет же защит[ником] крестьян, потому что его земля будет в руках их»[810]. Судя по «Заметке», идеальная схема освобождения в тот момент Толстому виделась как «личная свобода + пользование чужой собственностью». Как отмечается в литературе: «При таком варианте крестьянин оказывается обязан помещику «попечением» (юридическим, образовательным), а помещик крестьянину – заботой о его земле»[811].

Пожалуй, слова об исторической связи между крестьянами и дворянами, попечении и особом предназначении дворянства, могут стать отправной точкой в понимании общественного идеала, сформулированного Левиным в романе «Анна Каренина», центральным понятием которого станет дворянская «обязанность к земле». Диалог в романе, где наиболее подробно разъяснена суть дворянской «обязанности к земле» происходит на выборах в дворянское собрание (часть шестая), в которых принимает участие Левин. Вообще, выборы,

[810] *Толстой Л.Н.* [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян] // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 5. Произведения 1856–1859 гг. М.: Художественная литература, 1935. С. 241.
[811] *Красносельская Ю.И.* Идея аренды в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. // Slavica Revalensia. 2016. Т. 3. С. 87.

увиденные глазами Левина, предстают перед читателем как мероприятие бессмысленное и почти абсурдное. Несмотря на то, что политическая повестка этих выборов включала значимые вопросы народного образования и земского самоуправления, Левин никак не мог постичь суть развернувшийся политической борьбы: партийных программ, властных амбиций, «баллотировки».

Нужно сказать, что, описывая выборы, Толстой применял художественный прием, который в филологической среде (благодаря В.Б. Шкловскому) получил название «остранение»[812]. От слова странный. Суть приема – посмотреть на привычные предметы как будто в первый раз, глазами ребенка, вырвать из привычного социального контекста и увидеть их «странными». Помимо того, что он обладает сильным художественным эффектом, этот «анархический» по духу прием очень подходил Толстому, потому что мог поставить под сомнение «неоспоримые» ценности, проверяя их на прочность. Прием не был новаторским, но он помогал Толстому наиболее убедительно передать свое мировидение, показывать читателям, что общество устроено неправильно, потому что благодаря «остраненному» взгляду очевидное виделось как абсурд. И это открывало новые смыслы. Таким образом он описывал, например, в «Войне и мире» (1865-1869) театральное представление и много других вещей. Но в своих поздних произведениях, в частности, в романе «Воскресение» (1899) он применял прием остранения к описанию церковных обрядов (чтобы вывести читателя из состояния обрядового автоматизма, заставить думать о сути веры), к судам (чтобы показать «антихристианский» характер судов). В рассказе «Холстомер» (1886) – к институту частной собственности. Там собственность, показанная нам глазами лошади, кажется глупостью. Одним словом, прием остранения для Толстого был, безусловно, орудием пропаганды своих идей. И такая пропаганда художественными методами, без прямого политического высказывания, представлялась ему эффективной, учитывая то колоссальное воздействие, которое литература оказывала на российскую действительность во второй половине XIX века.

[812] См.: *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. М.: «Советский писатель», 1990. С. 58–72.

В сценах романа «Анна Каренина», описывающих выборы, Толстой показывает дворянские собрание местом, необходимым исключительно для того, чтобы тешить тщеславные чувства почти праздных людей и подводит читателя к пониманию, что необходимо заниматься реальным делом, а не имитацией якобы общественно-полезной деятельности. В какой-то момент, устав от созерцания выборов, среди толпы совершенно чуждых ему людей, движимых лишь политическими амбициями, Левин заводит разговор с незнакомым старичком-помещиком «с седыми усами, в полковничьем мундире старого генерального штаба». И оказывается, что у Левина и старичка полностью совпадают взгляды на жизнь и хозяйство.

Левин признается своему случайному собеседнику, что очень плохо понимает «значение» дворянских выборов, на что старичок отвечает: «– Да что ж тут понимать? Значения нет никакого. Упавшее учреждение, продолжающее свое движение только по силе инерции. Посмотрите, мундиры – и эти говорят вам: это собрание мировых судей, непременных членов и так далее, а не дворян». И далее уточняет, что собравшиеся на дворянских выборах «политики» – не дворяне вовсе, «это землевладельцы, а мы помещики». Настоящие помещики, по мнению старичка (и присоединившегося к нему Левина), отличаются от землевладельцев тем, что не пытаются получить с земли своей быстрый доход. Оба собеседника признаются друг другу, что почти не получают прибыли со своих имений. «Свои труды задаром <…>, – говорит старичок. – А вот делаешь! Что прикажете? Привычка, и знаешь, что так надо». На это Левин воодушевленно отвечает: «это совершенно справедливо. Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь… Какую-то обязанность чувствуешь к земле»[813]. «Обязанности к земле» собеседники противопоставляют желанию представителей других классов общества, получивших после крестьянской реформы возможность покупать землю, обогащаться за счет сельского хозяйства: «– Да вот я вам скажу, – продолжал

[813] *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 19. Анна Каренина. Части 5–8. М.: Художественная литература, 1935. С. 232.

помещик. – Сосед купец был у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. “Нет, говорит, Степан Васильич, все у вас в порядке идет, но садик в забросе”. А он у меня в порядке. “На мой разум, я бы эту липу срубил. Только в сок надо. Ведь их тысяча лип, из каждой два хороших лубка выйдет. А нынче лубок в цене, и струбов бы липовеньких нарубил”. – А на эти деньги он бы накупил скота или землицу купил бы за бесценок и мужикам роздал бы внаймы, – с улыбкой докончил Левин, очевидно не раз уже сталкивавшийся с подобными расчетами. – И он составит себе состояние. А вы и я – только дай Бог нам свое удержать и детям оставить. <…> И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу. Есть тоже свой сословный инстинкт, что должно или не должно. Вот мужики тоже, посмотрю на них другой раз: как хороший мужик, так хватает земли нанять сколько может. Какая ни будь плохая земля, все пашет. Тоже без расчета. Прямо в убыток»[814].

Старичок высказывает убеждение, что «наживать капитал – дело купцов, а не дворянское дело». У дворян другое предназначение. «Настоящие дворяне», то есть помещики, а не «землевладельцы», это люди, которые по «сословному инстинкту» ощущают необходимость поддержания стабильности в обществе. Их «обязанность к земле» – это такой подход к сельскому хозяйству, который гарантирует эту стабильность во временной перспективе. Причем не только с хозяйственной, но и с социальной точки зрения, ведь безответственное или хищническое отношение к земле часто приводило к обезземеливанию крестьян, социальной дифференциации населения, росту нищеты в деревне и т.д. Оказывается, что в ситуации появления капиталистических отношений в сельском хозяйстве, бремя поддержания общества в состоянии устойчивого равновесия ложится на плечи ответственных «настоящих» помещиков.

Левин понимает, что система прежних отношений между помещиком и крестьянином, складывавшаяся веками, «переворотились», а новая еще только «зарождается», и вопрос, какой она будет – «самый важный вопрос в России».

[814] Там же. С. 233–234.

Левина не покидает тревожное ощущение, что настоящее время чревато социальной катастрофой, разрушением самого главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами.

И если первый аспект дворянской «обязанности к земле» – это противостояние капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве (устойчивое развитие для большинства вместо быстрой наживы для немногих), то второй аспект «обязанности к земле» – это личная работа помещика «в своем углу». Помещик, по мысли Левина, не только не должен продавать свою землю или отдавать ее «внаймы», вовлекая работников в ненадежные товарно-денежные отношения, но и не должен передоверять занятие своим хозяйством третьим лицам, управляющим. По двум причинам. Во-первых, потому что, в конце концов, в финансовых вопросах помещик может рассчитывать только на себя (по мнению Левина, полностью доверять имение управляющему – значит, получать личный досуг в обмен на неизбежное воровство). А во-вторых, потому что только так, проживая на своей земле, хозяева имений могут привить навык к хозяйственной работе наследникам.

В конце романа Левин провозглашает некие правила жизни, к которым он пришел путем проб и ошибок. Помимо всего прочего, он говорит: «Жить семье так, как привыкли жить отцы и деды, то есть в тех же условиях образования и в тех же воспитывать детей, было несомненно нужно. Это было так же нужно, как обедать, когда есть хочется; и для этого так же нужно, как приготовить обед, нужно было вести хозяйственную машину в Покровском так, чтобы были доходы. Так же несомненно, как нужно отдать долг, нужно было держать родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду за все то, что он настроил и насадил. И для этого нужно было не отдавать землю внаймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить поля, сажать леса»[815].

[815] Там же. С. 371.

Левинская «концепция» «обязанности к земле», предполагающая уважение к традициям и ценностям предков, сохранение коренных устоев российской жизни, кажется, мировоззренчески соответствует идеологии консерватизма, «хранительству». Однако противоречия начинаются, когда Левин начинает разговор о социальной справедливости. Речь идет о диалоге Левина и Стивы Облонского, который состоялся во время охоты в крестьянской избе (часть шестая). В этом разговоре Левин высказался против чрезмерной роскоши, в которой живут аристократы, и «нечестности приобретений» представителей высшего класса, «не соответственных положенному труду». Недовольный подобной атакой на дворянство Степан Аркадьич заметил, что несмотря на то, что Левин очевидно много работает по хозяйству, он получает по крайне мере в сто раз больше, чем любой его наемный работник: «то, что ты получаешь за свой труд в хозяйстве лишних, положим, пять тысяч, а наш хозяин мужик, как бы он ни трудился, не получит больше пятидесяти рублей, точно так же бесчестно»[816]. Пойманный на противоречии, Левин соглашается: «– Нет, позволь, – продолжал Левин. – Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысяч, а мужик пятьдесят рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но… <…> – Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего именья, – сказал Степан Аркадьич, как будто нарочно задиравший Левина. <…> – Я не отдаю потому, что никто этого от меня не требует, и если бы я хотел, то мне нельзя отдать, – отвечал Левин, – и некому. – Отдай этому мужику; он не откажется. – Да, но как же я отдам ему? Поеду с ним и совершу купчую? – Я не знаю; но если ты убежден, что ты не имеешь права... – Я вовсе не убежден. Я, напротив, чувствую, что не имею права отдать, что у меня есть обязанности и к земле и к семье. – Нет, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не действуешь так… – Я и действую, только отрицательно, в том смысле, что я не буду стараться увеличить ту разницу положения, которая существует между мною и им. – Нет, уж извини меня; это парадокс[817].

[816] Там же. С. 161.
[817] Там же. С. 162–163.

«Обязанность к семье», о которой говорит Левин, мы выносим за скобки. Очевидно, что молодой муж и отец семейства чувствует необходимость материально обеспечивать семью. Но вот отказ восстановить справедливость и отдать землю крестьянам ради «обязанности к земле» вызывает вопросы. Левин не готов отдать землю крестьянам, потому что убежден, что без его помещичьего руководства крестьяне не справятся с хозяйством, и земля оскудеет? Или, памятуя о новых капиталистических отношениях, он не готов отдать землю крестьянам, потому что это приведет неминуемо к тому, что земля окажется в руках «хищников-капиталистов», которые в погоне за быстрой наживой высосут из нее все соки и будут нещадно эксплуатировать наивных работников-крестьян? То есть Левин, признавая «бесчестность» материального неравенства, отказывается отдавать крестьянам землю ради блага самих же крестьян и стабильности российского общества?

Двойственность позиции Левина в отношении крестьян некоторые советские критики называли лицемерием. В работе «Народ у Толстого» 1929 г. Г.Б. Нерадов (Шатуновский) писал: «В “Анне Карениной” уже начинается проповедь “крестьянского царства”. Левин уже весь в плену деревни. Просветленный, религиозный помещик, правда совсем не прочь в бескормицу продавать по хорошей цене крестьянам солому. “Внутренний голос”, нашедший себе резиденцию около желудка Левина, не протестует, когда помещик нанимает себе рабочих подешевле. Религия – это одно дело, а эксплуатировать нужду крестьян – это другое дело»[818]. Действительно в «правилах жизни», которые для себя формулирует Левин к концу романа, есть следующие слова: «Он знал, что нанимать рабочих надо было как можно дешевле; но брать в кабалу их, давая вперед деньги, дешевле, чем они стоят, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать в бескормицу мужикам солому можно было, хотя и жалко было их»[819]. Однако по смутной мысли тогдашнего Левина (который отказывается

[818] *Нерадов Г.Б.* Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. С. 20.
[819] *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 19. Анна Каренина. Части 5–8. М.: Художественная литература, 1935. С. 373.

размышлять «что должно и что не должно», но на бессознательном уровне точно знает «как ему надо все это делать и какое дело важнее другого») такой подход к крестьянству нельзя назвать эксплуатацией, это, скорее, интуитивная уверенность в правильности поддержания старого порядка отношений помещиков и крестьян ради общей пользы. «Левин, – резюмирует Нерадов, – не признает поднимающейся на его глазах буржуазии. Он видит только мужика, считает, что можно уйти в деревню, слиться там с подавальщиком Федором, и тогда можно будет глубочайшим образом наплевать на всю борьбу, происходящую в мире и на все научные достижения, на все завоевания техники. Он строит свое крестьянское мужицко-анархистское христианское царство»[820]. Действительно, Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало капиталистических отношений, ищет защиты в укреплении патриархального быта и, по сути, призывает «подморозить Россию». В.И. Ленин в работе «Лев Толстой, как зеркало русской революции», отмечая противоречия Толстого, писал, что их надо оценивать «с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»[821].

Левин надеется, что патриархальные отношения могут продолжаться и дальше, если помещики будут относиться с большей ответственностью к своим сословным обязанностям, осознают «обязанность к земле». Таким образом, на страницах романа «Анна Каренина» нашли отражение рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870 гг., взгляды на сельское хозяйство и развитие России. Свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина. Роман «Анна Каренина» был окончен Толстым в 1877 г., к этому времени уже 15 лет крепостного права не было, а новая прослойка людей, которые пытались получить с земли быстрый доход, обозначилась. В романе важен социально-политический аспект принципа «ответственности к земле»,

[820] *Нерадов Г.Б.* Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. С. 20–21.
[821] *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин и Толстой. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928. С. 52.

сформулированного Левиным, в котором исследователи видят альтер эго Толстого. Левин понимает, что освобождение крестьян без земли было несправедливо, но «настоящие» помещики, чувствуя «ответственность к земле», все-таки должны оставаться помещиками и эксплуататорами крестьян ради стабильности российского общества и блага самих же крестьян, которых без помещичьей опеки новые капиталисты, «купцы и кулаки», обязательно обманут и еще больше закабалят. Потому что «настоящие» помещики не пытаются получить с земли быстрый доход и «работают почти задаром». У представителей старых дворянских родов есть историческая миссия – поддержание стабильности в обществе. Когда правительство не справляется со своими обязанностями, вся надежда остается на помещиков.

Левин формулирует своеобразное кредо консерватизма пореформенного периода: сейчас мы не знаем, как «переустроить Россию», но убеждены в необходимости сохранения коренных устоев российской жизни, гарантирующих социальную стабильность. Если каждый помещик будет относиться с большей ответственностью к своим сословным обязанностям, осознает «обязанность к земле» и будет трудиться на своем месте, «как привыкли отцы и деды», по крайней мере, не будет хуже. Однако важно заметить, что взгляды Левина – это лишь промежуточный итог художественного осмысления Толстым темы общественного идеала, от которого он откажется уже через несколько лет после выхода в свет романа «Анна Каренина». И следующий роман, «Воскресение», будет содержать черты уже совершенно другого, во многом, противоположного Левинскому общественного идеала.

Переход Толстого от консервативных убеждений к анархистским произошел не вдруг. В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века Толстой пережил глубокий духовный кризис, прежняя жизнь с семьей и литературной славой ему опротивела, все потеряло смысл, он даже задумывался о самоубийстве. Но кризис прошел, Толстой говорил, что «спасся верой», но после духовного переворота он стал совершенно другим человеком. В глазах окружающих он так сильно переменился, что всем казалось, что Толстого подменили, или он

сошел с ума: офицер, любящий семьянин и великий художник превратился в мрачного аскета и моралиста, который стал критиковать государство, семью, собственность. Мы не знаем всех причин этого кризиса. Но для Толстого кризис закончился несколькими озарениями, после которых нельзя было жить как раньше. Литературная слава, богатство – все, к чему он стремился раньше, стало для него ничтожным. Он написал два романа, «Войну и мир» и «Анну Каренину», которые стали вершиной аристократической литературы (их герои князья и графья), а после кризиса понял, что такие романы – «гадость», потому что вся аристократия – это «паразиты русского крестьянства». Значит, и он паразит. И, чтобы вновь стать счастливым, он должен покончить с барством, жить как простой трудовой человек.

Тогда Толстой отказался от курения и алкоголя (как от барских привычек), перешел на простую крестьянскую пищу, отказался от любимой охоты, от слуги, стал сам одеваться и убирать свою комнату. Но окончательно перейти на позиции анархизма Толстому, как ни странно, помогли наблюдения не крестьянской жизни в родном имении, а жизни городской. С момента женитьбы Толстой практически постоянно жил в деревне, почти 20 лет. Но в пятидесятилетнем возрасте был вынужден на некоторое время переселиться в Москву. Он купил дом в фабричном тогда районе Хамовники, стал гулять по округе и был поражен, как много стало в Москве нищих, попрошаек, бездомных, малолетних проституток. Так совпало, что в это время началась перепись населения 1881 г., и Толстому в голову пришла идея – использовать перепись в благотворительных целях: посетить с волонтерами-переписчиками неблагополучные районы Москвы, записать особо нуждающихся, а потом адресно помогать им деньгами богатых москвичей-благотворителей, чтобы раз навсегда избавить Москву от нищеты. Толстому казалось, что каждому попрошайке или проститутке, которые оказались в тяжелой жизненной ситуации, просто не хватает какого-то небольшого капитала, чтобы освободиться от своего унизительного положения и начать вести нормальную трудовую жизнь. Но как только началась перепись, стало понятно, что Толстой ошибся, а благотворительность не работает. Среди москвичей

действительно было много бедных людей, но те, кто работал, имели свой хлеб и не голодали. Тех же, кто не работал, деньгами от попрошайничества оказалось не спасти. Получив деньги, они не спешили устраиваться на нормальную работу, они несли «шальные» деньги в трактир.

В период переписи Толстой разговорился с одним попрошайкой недалеко от своего дома. Это оказался крепкий и молодой еще мужик. Он сказал, что по профессии – плотник, пришел из Калуги работать, но хозяин его обманул и выгнал, и теперь ему не на что купить топор и пилу, и нет денег на еду, вот он и попрошайничает. А Толстой в Москве в качестве утреннего моциона ходил на Воробьевы горы пилить дрова. Услышав, что мужик плотник, Толстой обрадовался, сказал, что у него есть работа, пригласил пилить дрова вместе и пообещал купить ему пилу и топор. Мужик с готовностью согласился, взял у Толстого денег на еду, только на Воробьевы горы не пришел. Ни на следующий день, ни потом. А продолжил попрошайничать и отворачивался от Толстого, когда встречал его впредь. «И так несколько человек обманули меня, – пишет Толстой. – Обманывали меня и такие, которые говорили, что им нужно только денег на билет, чтобы уехать домой, и через неделю попадались мне опять на улице»[822]. Потом Толстой в ночлежке встретил мальчика Сережу. Это был умный беспризорник двенадцати лет. Толстой пожалел его, взял к себе домой и поселил на кухне. «Нельзя же было вшивого мальчика из вертепа разврата взять к своим детям, – писал он»[823]. А пока пытался найти для него работу, предложил пойти в ученики к сапожнику или отправиться работником в деревню, в хорошую семью. Мальчик оказался и через неделю исчез. Оказалось, что он опять попрошайничает.

Толстой не мог понять, почему ушел мальчик, неужели ему нравилась жизнь беспризорника и попрошайки? И тогда Толстому пришла в голову поразившая его мысль: ведь все эти попрошайки, и плотник из Калуги и умный

[822] *Толстой Л.Н.* Так что же нам делать? // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 25. Произведения 1880-х годов. М.: Художественная литература, 1937. С. 185–186.
[823] Там же. С. 213.

Сережа, уже не хотят работать, потому что «развращены» богатыми и «отвыкли работать». Я собрался Сережу облагодетельствовать, пишет Толстой, приобщить к труду, взял в свой дом, и что он там увидел? – «Моих детей и старше его, и моложе, и ровесников, которые никогда ничего для себя не только не работали, но всеми средствами доставляли работу другим: пачкали, портили все вокруг себя, объедались жирным, вкусным и сладким, били посуду, проливали и бросали собакам такую пищу, которая для этого мальчика представлялась лакомством. Если я из *вертепа* взял его и привел в хорошее место, то он и должен был усвоить те взгляды, которые существуют на жизнь в хорошем месте; и по этим взглядам он понял, что в хорошем месте надо так жить, чтобы ничего не работать, а есть, пить сладко и жить весело»[824]. То есть, Толстой обнаружил, что причина «развращения» бедных состоит в наличии богатых. А если смотреть еще шире – то бедные вообще существуют только потому, что существуют богатые, присвоившие себе когда-то землю. И пока будет существовать крупная собственность, эксплуатация и имущественное неравенство, с пороками общества ничего не сделаешь.

Вернувшись в Ясную поляну после пяти лет жизни в Москве, Толстой о Левинской концепции «ответственности к земле» уже не вспоминал. Никакого благородства в помещиках теперь он уже не видел. Да и было понятно, что эпоха патриархальных отношений закончилась. Крестьянам не нужен был уже «добрый барин», они не хотели вкладываться в чужую землю, им нужна была своя земля: земля и воля. И когда в конце 1880 гг. Толстой принялся писать свой последний роман «Воскресение», он решил, что должен написать роман, посмотрев на мир не глазами дворянина и аристократа, как раньше, то есть сверху вниз, а наоборот, «снизу, от ста миллионов», а свой писательский долг Толстой теперь видел в том, чтобы «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат»[825].

---

[824] Там же. С. 214.

[825] *Толстой Л.Н.* Дневник 1900 // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 54. Дневник, записные книжки и отдельные записи 1900–1903. М.: Художественная литература, 1937. С. 52.

Если идеи, высказанные Левиным в романе «Анна Каренина», можно рассматривать как один из этапов осмысления самим Толстым проблемы общественного идеала и путей развития России, то интересно сравнить мысли Левина о сельском хозяйстве с мыслями по этому поводу героя романа «Воскресение» (опубликованного через 22 года), Дмитрия Нехлюдова. Роман «Воскресение» выходит за хронологические рамки нашего исследования, однако нам представляется важным сказать несколько слов об эволюции представления Толстого об общественном идеале.

Прежде всего, бросается в глаза схожесть взглядов Левина и Нехлюдова. Вопреки распространенному представлению, что после «духовного рождения» взгляды Толстого радикально поменялись, мы видим, что Нехлюдов только развивает мысли Левина в том, что касается сельского хозяйства. Толстой пишет: «Теперь ему (Нехлюдову. – *Б.П.*) было ясно, как день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самим народом, состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться. А между тем ясно совершенно, что дети и старые люди мрут оттого, что у них нет молока, а нет молока потому, что нет земли, чтобы пасти скотину и собирать хлеб и сено. Совершенно ясно, что все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа. Земля же, которая так необходима ему, что люди мрут от отсутствия ее, обрабатывается этими же доведенными до крайней нужды людьми для того, чтобы хлеб с нее продавался за границу и владельцы земли могли бы покупать себе шляпы, трости, коляски, бронзы и т.п.»[826].

То есть Нехлюдов, как и Левин, отчетливо осознает существующую социальную несправедливость. Но в отличие от Левина, который, по его же словам, пытался бороться с несправедливость «отрицательно», то есть старался «не увеличить ту разницу положения», которая существует между ним и работниками-

[826] *Толстой Л.Н.* Воскресение // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936. С. 217–218.

крестьянами, Нехлюдов убежден что наличие земли в собственности помещика – «ужасно и никак не может и не должно быть», «и надо найти средства, для того чтобы этого не было, или, по крайней мере, самому не участвовать в этом»[827].

Главным открытием Нехлюдова было убеждение, что земля не может быть предметом собственности вообще, «не может она быть предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца». В момент осознания этой истины, как пишет Толстой, он понял, почему ему было стыдно вспоминать свое устройство дел в имении, Кузминское: «Он обманывал сам себя. Зная, что человек не может иметь права на землю, он признал это право за собой и подарил крестьянам часть того, на что он знал в глубине души, что не имел права. Теперь он не сделает этого и изменит то, что он сделал в Кузминском»[828].

То есть Нехлюдов, продолжая размышления Левина, в конце концов, отказывается от самого важного для него соображения, от его «обязанности к семье и земле», которая не давала Левину отдать землю крестьянам. Нехлюдова не интересует семья, семьи у него нет. Но главное, он уже не верит в особое предназначение дворянства. Возможно, в отличие от Левина, Нехлюдов понял, что в ситуации капиталистических отношений в сельском хозяйстве он сам становится капиталистом. В разговоре со старичком на дворянских выборах Левин представляет себя «старым» помещиком, а не «новым» землевладельцем, который заинтересован только зарабатывать прибыль. Возможно, для Нехлюдова, в самом конце XIX века, это разделение кажется уже условным. Любой человек, который получает доход от работника, пользуясь своим правом собственности на землю, капиталист и преступник. Дочь Толстого Татьяна цитирует в своих воспоминаниях такие слова отца, датированные 1909 годом: «Мне думается, что вопрос о несправедливости земельного рабства и о необходимости освобождения от него стоит теперь на той же степени сознания его, на которой стоял вопрос крепостного права в 50-х годах: такое же сознательное возмущение народа, живо сознающее совершаемую над ним несправедливость, такое же сознание этой несправедливости в редких лучших

[827] Там же. С. 218.
[828] Там же. С. 218.

представителях богатых классов и такое же грубое, отчасти не умышленное, отчасти умышленное непонимание вопроса в правительстве»[829]. Разница только в том, продолжал Толстой, что тогда для освобождения крепостных был у правительства образец Европы, теперь же никакого образца нет.

Толстой предложил свой вариант решения «земельного вопроса», чтобы преодолеть вековую несправедливость, порожденную правом собственности на землю. Здесь ему на помощь пришел американский политэконом Г. Джордж, который был убежден, что природные блага и, прежде всего, земля не могут быть предметом собственности, и все люди обладают равным правом на пользование ими. Джордж в конце 1870 гг. сформулировал теорию единого налога на собственников земельных участков, который мог бы компенсировать различие между богатыми и бедными и привести к равенству в распределении экономических благ. В романе «Воскресение» Толстой попытался в популярной форме изложить учение Джорджа, применительно к российским реалиям.

Нужно сказать, что в начале 1880 гг., после упомянутого «духовного переворота», когда Толстой решил отказаться от собственности ради принципиально новой жизни, у него была надежда, что за ним последует семья. Толстого тяготило, что в доме все еще было большое количество слуг, гувернеров, дорогих вещей. И в 1884 г. Толстой составил для своей семьи новый «проект жизни», по которому большая часть дохода имений должна была раздаваться бедным, лишнюю роскошь (мебель и фортепьяно) тоже предполагалось раздать, есть все самое простое, научиться обходиться без прислуги, работать, довольствоваться малым и делать добро другим. Этот проект он рассказал семье, но дети, которые до этого росли настоящими «господами», его не поддержали, а Софья Андреевна Толстая с того момента из послушной жены превратилась в его непримиримого противника по всем вопросам, которые касались денег и собственности. Так началась «тридцатилетняя война» в семье, как ее называл Толстой. И дети, их к тому моменту было уже девять человек (старшему Сергею было 19 лет, а

[829] См.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1980. С. 353.

младшая Саша только родилась) оказались не просто втянутыми в противостояние между отцом и матерью, все дальнейшие годы они должны были выбирать какую-то одну сторону. И когда в 1890 г. Толстой решил разделить свое состояние между детьми, его дочь Татьяна, получившая в наследство имение при деревне Овсянниково, приняв сторону отца и заручившись его поддержкой, решила устроить дела в имении «в духе Г. Джорджа».

Толстой помогал своей дочери не только разъяснениями системы Джорджа. «Он объяснил мне свой план, как поступить с землей, – пишет Сухотина-Толстая, – и мы поехали с ним в Овсянниково, чтобы передать крестьянам наше предложение. Разговор отца с мужиками довольно точно передан в романе “Воскресение”»[830]. Интересно, что Нехлюдов, герой романа, в этом разговоре с крестьянами пытается показать преимущество системы Джорджа по сравнению с другими возможными сценариями «отдачи земли мужикам». «Если бы царь сказал: отобрать от помещиков землю и отдать мужикам, – как бы вы сделали?» – спрашивает Нехлюдов у мужиков. И мужики предлагают два варианта: «разделили бы всю землю по-душам всем поровну» (имеется в виду – при сохранении частной собственности за землю) или «пахали бы артелью», разделив землю только между теми, «кто пашет», запретив при этом продажу земли. Оба варианта Нехлюдов отвергает. «Если всем разделить поровну, – говорит он, – то все те, кто сами не работают, не пашут, – господа, лакеи, повара, чиновники, писцы, все городские люди, – возьмут свои паи да и продадут богатым. И опять у богачей соберется земля. А у тех, которые на своей доле, опять народится народ, а земля уже разобрана. Опять богачи заберут в руки тех, кому земля нужна»[831]. Второй, «коммунистический» проект «пахать артелью», по Нехлюдову, плох тем, что, казалось бы, справедливое распределение земли исключительно между крестьянами и обязательно поровну – не учитывает качество распределяемой земли. Кроме того,

[830] Там же. С. 347.
[831] *Толстой Л.Н.* Воскресение // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936. С. 229.

Нехлюдову кажется ошибочной «коммунистическая» идея общественной собственности на орудия труда, из-за которых «сплошь драка пойдет». Проект Джорджа, по мнению Нехлюдова, учитывает все эти недостатки. Вот как он объясняет неграмотным крестьянам преимущества проекта «одного американца»: «– Вся земля – общая. Все имеют на нее равное право. Но есть земля лучше и хуже. И всякий желает взять хорошую. Как же сделать, чтобы уравнять? А так, чтобы тот, кто будет владеть хорошей, платил бы тем, которые не владеют землею, то, что его земля стоит, – сам себе отвечал Нехлюдов. – А так как трудно распределить, кто кому должен платить, и так как на общественные нужды деньги собирать нужно, то и сделать так, чтобы тот, кто владеет землей, платил бы в общество на всякие нужды то, что его земля стоит. Так всем ровно будет. Хочешь владеть землей – плати за хорошую землю больше, за плохую меньше. А не хочешь владеть – ничего не платишь, а подать на общественные нужды за тебя будут платить те, кто землей владеет.

– Это правильно, – сказал печник, двигая бровями. – У кого лучше земля, тот больше плати.

– И голова же был этот Жоржа, – сказал представительный старец с завитками.

– Только бы плата была по силе, – сказал басом высокий, очевидно уже предвидя, к чему идет дело.

– А плата должна быть такая, чтобы было не дорого и не дешево... Если дорого, то не выплатят, и убытки будут, а если дешево, все станут покупать друг у друга, будут торговать землею. Вот это самое я хотел сделать у вас.

– Это правильно, это верно. Что ж, это ничего, – говорили мужики»[832].

Крестьяне, описанные в романе «Воскресение», совещались три дня и согласились «принять предлагаемые условия». Крестьяне в Овсянниково тоже согласились. В своих «Воспоминаниях» Сухотина-Толстая приводит «условия с овсянниковскими и скуратовскими мужиками»: «В этих условиях я

[832] Там же. С. 230–231.

предоставляла всю пахотную и покосную землю в полное распоряжение и пользование двух крестьянских обществ с тем, что они имеют право пахать, сеять и убирать в свою пользу пахотную землю и покосы, пасти свою скотину на полях и лугах и пользоваться в лесу каждые пять лет прочисткой и выборкой сухостойника. Крестьяне же обязывались: уплачивать в общественную кассу по 6 р. с десятины, унаваживать землю, сторожить лес и платить повинности. Остаток денег, полученных за аренду, крестьяне обязались употребить на общественные нужды по решению обществ двух деревень. В конце я просила своих двух наследников, в случае моей смерти, передать землю в полную собственность крестьянам»[833].

Примечательно, как развивалась история крестьянских обществ, которые начали вести хозяйство «в духе Г. Джорджа». Как наиболее оптимальный «при существующем строе», по Толстому, проект «отдачи земли мужикам», описанный в романе, был воплощен в действительности. Сухотина-Толстая пишет, что поначалу крестьяне в Овсянникове добросовестно исполняли принятые на себя обязательства, то есть собирали арендную плату, предусмотренную проектом Джорджа, и расходовали ее на общественные нужды. «Но вскоре они увидели, что я не только не требую с них денег, но даже не контролирую их взносов. Когда они в этом убедились, они перестали платить арендную плату и стали пользоваться землей даром. Некоторые крестьяне стали даже спекулировать землей, получая ее даром и сдавая соседям за плату»[834]. В 1899 г. Сухотина-Толстая вышла замуж, поселилась вдали от Ясной Поляны и деревни Овсянниково, и уже не имела возможности систематически заниматься крестьянскими делами. «Кроме того, – пишет она, – мне стало досадно на крестьян за их спекуляцию, и я решила согласиться на их просьбу продать им через Крестьянский банк ту землю, которой они пользовались»[835]. Продать землю – значило отказаться от базового принципа

[833] *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1980. С. 347–348.
[834] Там же. С. 350.
[835] Там же. С. 350.

Джорджа, который считал, что земля не может быть предметом собственности. Так «самый оптимальный при существующем строе» проект решения земельного вопроса потерпел крах. Остается только строить предположения, почему все получилось именно так. Почему при наличии внешнего контроля эта система работала, а на добровольной основе работать перестала. Вероятно, Г. Джордж, Толстой и его дочь полагали, что, поняв все преимущества проекта единой подати, крестьянские общества сами будут воспроизводить такую разумную и справедливую систему хозяйствования. Но оказалось, что нет. П.А. Кропоткин писал, что еще в годы отмены крепостного права Толстой был близок к тому, чтобы «присоединиться к великому народническому движению». Кажется, что Толстой и его дочь Татьяна, действительно, как и народники 1860-1870 гг., был склонны к идеализации крестьянства. Народники полагали, что одним из незыблемых «устоев народной жизни» является общинный коллективизм[836], и когда крестьяне наконец сбросят с себя бремя «векового рабства», они построят свою хозяйственную жизнь на принципах солидарности и справедливости. Но на деле оказалось иначе: даже после того, как помещичья земля была передана в их распоряжение, крестьяне оказались подвержены универсальным человеческим порокам, например, стали спекулировать землей. И это вызвало у Сухотиной-Толстой такую «досаду на крестьян», что она бросила систему Джорджа и продала землю, чтобы больше к крестьянским делам не возвращаться.

Итак, можно сказать, что общественный идеал, выраженный в толстовских романах, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов. Можно также сказать, что в романе «Анна Каренина» и «Воскресение» обнаруживаются черты двух совершенно разных общественных идеалов: «охранительного» и «анархистского». Как выглядит общественный идеал «охранительства»? Прежде всего, в идейном отношении этот

[836] См.: *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 84, 89.

идеал можно назвать консервативным, опирающимся на традицию и опыт предыдущих поколений. Носитель этого идеала Левин понимает, что надо жить так, как «привыкли жить отцы и деды» и держать «родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду». Носителями общественного идеала «охранительства» являются дворяне-помещики, причем не те, которые исключительно пытаются получить с земли прибыль, таких Левин почти презрительно называет «землевладельцами». Носителями этого идеала являются представители старых дворянских родов, помещики, которые ощущают «ответственность к земле», то есть осознают свою сословную историческую миссию – поддержания стабильности в обществе. И это становится особенно важно в такие исторические моменты, когда правительство не справляется со своими обязанностями. Именно в такой ситуации, по мнению Левина, находится российское общество после отмены крепостного права и начала развития капиталистических отношений, которые чреваты социальной катастрофой, разрушением самого главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами. Если в кризисные для страны моменты, ответственность за стабильность общества ложится на плечи помещиков, то переход к чаемому общественному устройству может произойти только тогда, когда большинство помещиков осознает свою сословную миссию, перестанет передоверять занятие хозяйством управляющим, а само станет «в своем углу» последовательно противостоять стихийным капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве. Какими могут быть контуры наиболее совершенного общественного устройства, мы можем только догадываться. Но очевидно, что Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало «разрушительных» капиталистических отношений, по сути, ищет защиты в укреплении патриархального быта и призывает к возвращению к старому патриархальному дворянскому идеалу.

Кажется, что в романе «Воскресение», задуманном и написанном в последнее десятилетие XIX века, прежний идеал «охранительства» подвергается

жестокой критике и отвергается вовсе. На смену идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Если одной из основных социально-политических идей «Анны Карениной» была идея укрепления российского дворянства, с которым Толстой связывал надежды на обновление России, то романом «Воскресение» и другими поздними произведениями Толстой опровергает любые оправдания привилегированного статуса дворянства. Получается, что носителями нового «анархистского» идеала становятся уже не дворяне, а, прежде всего, крестьяне, которые должны получить, наконец, землю в свое распоряжение. Кажется поразительным, что контуры наиболее совершенного общественного устройства для идеала «охранительства» и «анархии», во многом, совпадают. Левин не признавал нарождающихся капиталистических и буржуазных отношений, будучи уверенным что производительным в России является только крестьянский труд. Нехлюдов идет дальше. Сравнивая деревни и города с развивающейся промышленностью, он делает вывод, что промышленное развитие очень опасно, потому что приходит к производству оружия и предметов роскоши. Города же, в глазах Нехлюдова, оказываются местами, которые выкачивают из деревни ресурсы для того, чтобы праздные землевладельцы строили красивые здания, ездили в каретах и покупали предметы искусства, оплаченные тяжелым трудом крестьян. По мнению Нехлюдова, все, что нужно для жизни человека есть в деревне. Поэтому идеал «анархии» – это, как писал критик, «крестьянское мужицко-анархистское христианское царство»[837].

Выводы главы

Общественные идеалы периода окончания Великих реформ (1866–1881) наиболее ярко были описаны художественными средствами в романе И.С. Тургенева «Дым», Ф.М. Достоевского «Бесы», а также в романах Л.Н. Толстого

[837] *Нерадов Г.Б.* Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. С. 20–21.

«Анна Каренина» и «Воскресение». В период подготовки и проведения Великих реформ, чаще всего мы сталкиваемся с произведениями, в которых были представлены общественные идеалы в большей или меньшей степени близкие их авторам. После неудачи Великих реформ наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис, только обострил идейную борьбу. И в ситуации таких романов, как «Дым» Тургенева или «Бесы» Достоевского мы видим, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов. В этом основная специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе этого периода.

В романе Тургенева «Дым» можно найти черты двух общественных идеалов. Их можно условно назвать идеалом «самобытничества» и «западничества». При этом, важно не забывать, что черты первого представлены в почти карикатурном виде. Прежде всего, с точки зрения Тургенева, самобытники строят свое представление о будущем на искусственных «кабинетных» теориях, «абстрагированных» от реальной жизни народа. Самобытники-славянофилы смотрят на русский народ сквозь призму немецкой идеалистической философии, самобытники-социалисты – западноевропейских теорий социализма, самобытники из числа либералов, такие как Кавелин, верят в абстрактную теорию родового быта. Все эти концепции, по мнению Тургенева, не имеют ничего общего с действительностью. Носителями общественного идеала «самобытничества» Тургенев считал представителей дворянской и разночинной интеллигенции, которые принимают на веру два тезиса: о великой будущности русского народа, гарантированной крестьянской общиной, и тезис о «гниении» мещанского Запада. Переход к чаемому общественному устройству «самобытников» может произойти в том случае, когда представители российской власти сделают национальный поворот во внутренней политике страны и окончательно откажутся от следования по европейскому пути развития. Какими могут быть контуры совершенного общественного устройства, по мнению «самобытников», Тургенев не говорит. Но

понятно, что путь в обход цивилизации по дороге «русской исключительности», с его точки зрения, ведет в никуда.

Но идеалу «самобытников» в романе противопоставлен идеал «западничества». Важно помнить, что персонажа, высказывающего эти идеи, Тургенев называет «ограниченным западником». В основании западнического взгляда на будущее страны, по Тургеневу, лежит «реалистическое» представление о русском крестьянстве, которое ничем не отличается от мелкой буржуазии западноевропейских стран. То есть цели русского крестьянства не связаны с абстрактной соборностью славянофилов или «коллективной собственностью» социалистов. Крестьяне хотят материального благополучия, гарантированного наличием частной собственности на землю. Носителями общественного идеала западничества тут предстают те редкие для России последовательные либералы-западники, которые убеждены, что России не миновать капитализма, и «отсталая» община только препятствует экономическому росту, как дворянства, так и крестьянства. Переход к предполагаемому общественному устройству может произойти благодаря либеральным реформам и по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных людей, которые «служат цивилизации», труд которых имеет «европейский характер». Герой романа либерал-Потугин даже предложил своеобразную программу реформирования российского общества, в соответствии с которой, надо отказаться от всех национальных претензий на самостоятельность в культуре и в сфере политического творчества и заняться «переносом» европейских институтов на русскую почву, но переносом «обязательно точным», без национальной адаптации, которая, по его мнению, всегда мешала приживаться «европейским идеям» в России. Однако нельзя сказать, что в романе можно обнаружить абрис совершенного общественного устройства западничества, «позитивная программа» Потугина выглядит плохо реализуемой. Если мы согласимся с предположением, что через своего героя Потугина Тургенев сформулировал своеобразное кредо западничества переходного периода (периода неопределенности), то звучать оно может следующим образом: сейчас мы не знаем, как «переустроить Россию», но убеждены в безусловной ценности европейской цивилизации, и, если

каждый человек будет на своем месте служить делу европейской «образованности», по крайней мере, не будет хуже.

В романе «Дым» Тургенев нарисовал черты двух совершенно уникальных общественных идеалов. Впервые в художественном произведении Тургеневу удалось показать схожесть мировоззренческих позиций славянофилов и народников, которых он объединил под общим названием «самобытники». Кроме того, Тургенев впервые подробно и последовательно представил общественный идеал западничества. И возможно, из-за того, что тезисы западника-Потугина были в романе полемически заострены, роман Тургенева произвел большое воздействие на современников, именно тогда, когда Тургенев хотел оказывать влияние на общественное мнение в стране, которая, по его мнению, отказавшись от либеральных реформ, пошла по неверному пути.

Роман «Дым» оказался не самым типичным романом Тургенева, в нем он впервые прибегнул к жанру сатиры, высмеивая своих идейных оппонентов. Вероятно, в период окончания Великих реформ ему впервые захотелось сделать в художественной литературе собственное политическое высказывание. Роман Достоевского «Бесы» изначально имел ту же цель. Достоевский в своем романе хотел «высечь» идейных оппонентов, нигилистов и либералов, но в дальнейшем его задумка стала сложней, и в результате получился роман-предостережение, который показал, до каких преступлений и разрушений могут довести радикалы от разных идеологий. Более того, Достоевский показал не только черты всех основных общественных идеалов, существовавших в то время, но изобразил их в развитии и взаимодействии. Так, например, общественный идеал радикализма, с его точки зрения, является логическим развитием идеала либерализма.

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала либералов? Прежде всего, главной проблемой русского либерализма, по Достоевскому, является то, что, поддаваясь влиянию европейской прогрессивной мысли, либералы начинают презирать Россию и все русское как отсталое и становятся равнодушны к Богу. Носителями общественного идеала либерализма Достоевский считал, прежде всего, «русских баричей», которые за полторы сотни лет

европеизации оказались оторванными «от родных и самобытных начал русской жизни». «Оторвавшись» от народа, они потеряли и Бога. Либералы в романе «Бесы» не говорят о том, как должен произойти переход к наиболее совершенному общественного устройства и какими могут быть контуры этого общества, потому что не верят в русский народ, не способный принять плоды европейской цивилизации. Безобидные с виду либералы, описанные Достоевским, презирают «отсталую» Россию и «русского Бога», и именно эти две черты, развиваясь со временем, порождают нигилистов, людей, которым в России ничего не жалко, которые готовы на «полное разрушение».

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала этих радикалов? Интересней всего, что «социалисты», описанные в романе «Бесы», на идейном уровне не имеют ничего общего с тем, что составляет основу социалистической теории. Их нисколько не интересует материальное равенство и социальная справедливость. Напротив, втайне они мечтают построить общество, целью которого будет не накормить голодных и согреть обездоленных, а подчинить их. Носителями такого общественного идеала, по Достоевскому, являются люди, лишенные нравственного чувства, которые под маской социалистов скрывает «демоническую» волю к власти. Однако стоит сделать оговорку, что касается это лидеров описанной «революционной ячейки», рядовые члены которой могут испытывать иллюзии в отношении целей организации. В подробностях Достоевский описывает переход к «идеальному» общественному устройству радикалов, который предполагает три этапа: либерального расшатывания основ российского общества, террористического разрушения и «устроительный» этап «нового правого закона». Контуры наиболее совершенного общественного устройства с точки зрения радикалов показаны тоже довольно отчетливо. Утопия «социалиста» Верховенского и теоретика «революционной ячейки» Шигалева напоминает мир возрожденного рабовладения, в котором небольшая каста господ пользуется всеми плодами труда обезличенной массы людей. При этом раз в тридцать лет новые хозяева

искусственно устраивают для рабов войну с единственной целью – чтобы они «не заскучали» и не имели возможности развития.

В романе «Бесы» представлен еще один общественный идеал, который можно условно назвать консервативным, но точнее было бы называть его идеалом религиозного национализма. В основаниях его лежит историософская идея о народе-богоносце. Цель «движения народного», говорит выразитель этого идеала Шатов, состоит в искании «своего бога», национального бога, и вера в него как в «единого истинного», а признак «уничтожения народностей», когда «боги начинают становиться общими». И единым народом-богоносцем является русский народ, который не может «примириться со второстепенною ролью в человечестве» и должен получить первую. Идеи религиозного национализма являются частью христианского сознания, поэтому носителями такого идеала могут быть только верующие в Бога христиане. Однако, по Достоевскому, здесь мы имеем дело с превратно понятым христианством, когда Бог становится принадлежностью национальности, то есть идея нации становится выше Бога. Если целью носителей идеала религиозного национализма является достижение «первостепенной роли в человечестве», то вероятно, на этом пути Россию может ждать большая война с Европой, которая не пожелает эту роль добровольно отдать. И вестись эта война будет под знаменем защиты традиционных ценностей русского народа. Как может выглядеть воплощенный идеал религиозного национализма, в романе не показано. Но Шатов изображен Достоевским таким же одержимым «бесом», как и лидеры «революционной ячейки».

Принято считать, что роман Достоевского «Бесы» – антинигилистический, написанный с целью критиковать западников (нигилистов и либералов) и утвердить консервативный общественный идеал. Представляется, что нужно смотреть на роман шире, чтобы увидеть в нем рассуждения о возможности воплощения на практике самых разных, «невероятных» политических идей. С начала XX в. роман характеризовали чаще всего как «пророчество» о русской революции, тогда как Достоевский в монологах своих персонажей

довел до предельного состояний не только идеи политического нигилизма, либерализма, но и национализма, чтобы показать, к каким разрушительным последствиям могут привести любые «фантастические» идеи. Вероятно, это связано с тем, что Достоевский видел, что к началу 1870 гг. в России уже появились люди разных «партий», готовые к насилию и разрушению, и если назревшие социальные вопросы не получат разрешения мирными средствами, в страна стране случится катастрофа.

Достоевский не знал, что нужно предпринять, чтобы избежать катастрофы, как «переустроить Россию», чтобы довольны остались все слои общества. Однако он назвал ту безусловную ценность, на которую может опираться каждый человек в своей жизни. Для Достоевского этой ценностью стал Христос, с заповедями которого нужно сверять свои действия. Если человек живет по заповедям Христа, значит он идет верной дорогой, вне зависимости от того, какие вокруг происходят социально-политические изменения.

Тургенев и Достоевский в романах периода окончания Великих реформ, в большей степени, критиковали своих идейных оппонентов. Совершенно другую ситуацию мы видим у Толстого. В середине 1870 гг. он написал роман «Анна Каренина», в котором выразил совершенно определенный дворянский общественный идеал «охранительства», а в 1899 г., после большого промежутка времени, Толстой опубликовал свой последний роман «Воскресение», в котором можно найти черты общественного идеала анархизма. В отличие от Достоевского, моделировавшего чужие общественные идеалы, Толстой через своих героев пытался высказаться напрямую. Эволюцию взглядов Толстого можно назвать уникальной. Если герои ранних произведений Толстого, в которых исследователи видят альтер эго писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства.

Общественный идеал, выраженный в толстовских романах, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и

религиозных вопросов. Можно сказать, что в романе «Анна Каренина» и «Воскресение» обнаруживаются черты двух совершенно разных общественных идеалов: «охранительного» и «анархистского». Как выглядит общественный идеал «охранительства»? Прежде всего, в идейном отношении этот идеал можно назвать консервативным, опирающимся на традицию и опыт предыдущих поколений. Носитель этого идеала Левин понимает, что надо жить так, как «привыкли жить отцы и деды» и держать «родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду». Носителями общественного идеала «охранительства» являются дворяне-помещики, причем не те, которые исключительно пытаются получить с земли прибыль, таких Левин почти презрительно называет «землевладельцами». Носителями этого идеала являются представители старых дворянских родов, помещики, которые ощущают «ответственность к земле», то есть осознают свою сословную историческую миссию – поддержания стабильности в обществе. И это становится особенно важно в такие исторические моменты, когда правительство не справляется со своими обязанностями. Именно в такой ситуации, по мнению Левина, находится российское общество после отмены крепостного права и начала развития капиталистических отношений, которые чреваты социальной катастрофой, разрушением самого главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами. Если в кризисные для страны моменты, ответственность за стабильность общества ложиться на плечи помещиков, то переход к чаемому общественному устройству может произойти только тогда, когда большинство помещиков осознает свою сословную миссию, перестанет передоверять занятие хозяйством управляющим, а само станет «в своем углу» последовательно противостоять стихийным капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве. Какими могут быть контуры наиболее совершенного общественного устройства, мы можем только догадываться. Но очевидно, что Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало «разрушительных» капиталистических отношений,

по сути, ищет защиты в укреплении патриархального быта и призывает к возвращению к старому патриархальному дворянскому идеалу.

Кажется, что в романе «Воскресение», задуманном и написанном в последнее десятилетие XIX века, прежний идеал «охранительства» подвергается жестокой критике и отвергается вовсе. На смену идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Если одной из основных социально-политических идей «Анны Карениной» была идея укрепления российского дворянства, с которым Толстой связывал надежды на обновление России, то романом «Воскресение» и другими поздними произведениями Толстой опровергает любые оправдания привилегированного статуса дворянства. Получается, что носителями нового «анархистского» идеала становятся уже не дворяне, а, прежде всего, крестьяне, которые должны получить, наконец, землю в свое распоряжение. Кажется поразительным, что контуры наиболее совершенного общественного устройства для идеала «охранительства» и «анархии», во многом, совпадают. Левин не признавал нарождающейся капиталистических и буржуазных отношений, будучи уверенным что производительным в России является только крестьянский труд. Нехлюдов идет дальше. Сравнивая деревню и города с развивающейся промышленностью, он делает вывод, что промышленное развитие очень опасно, потому что занимается созданием оружия и предметов роскоши. Города же, в глазах Нехлюдова, оказываются местами, которые выкачивают из деревни ресурсы для того, чтобы праздные землевладельцы строили красивые здания, ездили в каретах и покупали предметы искусства, оплаченные тяжелым трудом крестьян. По мнению Нехлюдова, все, что нужно для жизни человека есть в деревне. Поэтому идеал «анархии» – это «крестьянское анархистское христианское царство».

Заключение

Целью диссертационного исследования было концептуально-целостное осмысление многообразия общественных идеалов в русской художественной литературе периода Великих реформ, оказывавшей существенное влияние на историческое развитие страны.

Рассматривая различные подходы к анализу понятия общественного идеала в отечественной науке, был выделен подход П.И. Новгородцева, который впервые предпринял попытку создания концепции общественного идеала. Он противопоставлял идеал утопиям и выделял «абсолютное» и «относительное» в осуществлении общественного идеала. Абсолютный идеал, по Новгородцеву, дан на все времена и имеет «сверхисторическую природу», под относительным идеалом он понимал социально-политический строй, оптимальный для конкретного времени и конкретного государства. Другой подход сформулировал С.В. Туманов. Он разграничил смысловое содержание терминов «общественный идеал» и «идеал общественного устройства». Первый он связал с «универсальными» идеалами, находящими отражение во всех общественных группах и стимулирующих смену исторических эпох, общественно-экономических формаций. Второй – с конкретно-историческими идеалами общественного устройства, которые можно назвать «ограниченными», потому что они отражают интересы определенных групп населения, политических партий и т.д. В ходе исследования был сделан вывод о том, что к общественным идеалам, выраженным в произведениях художественной литературы, не может быть применено определение «абсолютного идеала» Новгородцева, также не может быть применено определение «общественного идеала» Туманова. Предложено авторское определение общественного идеала в художественной литературе, как «интегрального идеала» – то есть, представления о наиболее совершенном общественном строе, интегрально включающего в себя экономический, политический, социальный,

этический и др. идеалы. Собирая его проявления в разных аспектах, мы можем реконструировать его обобщенный облик.

В работе обосновано положение о том, что особенностью выявления общественных идеалов в художественной литературе является невозможность их изучения и классификации по аналогии с общественным идеалом, выраженным в социально-политических произведениях, публицистике. Выявление, реконструкция общественного идеала в наиболее резонансных произведениях русской художественной литературы второй половины XIX в., а также изучение их воздействия на читателей и социально-политическую жизнь России требует, по меньшей мере, применения шести методов: формального метода, подразумевающего анализ текста и формальное выявление общественных идеалов с точки зрения современного ученого-исследователя; исторического метода, т.е. рассмотрения общественно-политической позиции писателя и восприятия его произведений в контексте исторических событий, состояния общественного устройства страны; биографического метода, который обозначает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте обстоятельств жизни писателя; метода реконструкции социально-политических взглядов писателя, который подразумевает анализ общественно-политических идей художественной литературы в контексте социально-политической публицистики автора, писем и воспоминаний, показывающих эволюцию его убеждений; метода рецептивного анализа, т.е. анализ текстов, отражающих восприятие произведения и его социально-политических идей в обществе; ретроспективного метода, подразумевающего анализ воздействия литературного произведения на взгляды читателей и вклада в развитие общественно-политических идей на разных этапах его бытования.

Как показано в работе, важным и необходимым условием изучения общественных идеалов в русской художественной литературе является деление процесса ее развития на дискретные исторические отрезки. Такое деление, или периодизация, позволяет лучше понять причинно-следственные связи жизни и идеалов, отражаемых в художественных произведениях. В главе предпринято обоснование авторской периодизации политизации русской литературы эпохи

Великих реформ, выделены и охарактеризованы основные исторические этапы этого процесса: первый этап – окончание правления Николая I, включающие годы, так называемого, «мрачного семилетия» (1848–1855), второй – период подготовки Великих реформ (1855–1861), третий – период проведения Великих реформ (1861–1866), четвертый – период окончания Великих реформ (1866–1881). Показано, что первый период можно охарактеризовать как период появления «политической» литературы пока еще без выраженного общественного идеала. Он прошел под знаком усиления цензуры, одним из последствий чего было обращение художественной литературы к проблеме человеческой личности, формирующейся на фоне общественных событий. Однако в годы «мрачного семилетия» в литературе были сформулированы важные черты либерально-дворянского идеала. Второй период характеризовался ослаблением цензуры, появлением целого рядя изданий, важную роль в которых начинает играть литературная критика. В годы гласности происходит максимальная политизация литературного процесса, ведущие критики начинают осмысливать социально-политические идеи, высказанные писателями, утверждая свои «правильные» трактовки. Тогда же в ряде художественных произведений был сформулирован патриархальный дворянский общественный идеал. Третий период отличался тем, что важную роль в литературе стали играть авторы разночинцы, не принадлежащие ни к одному из сословий русского общества, что привело к появлению противоборствующих «партий» «нигилистов» и «антинигилистов» (сторонников «отрицательного» и «положительного» направлений в литературе), а также к возникновению феномена антинигилистического романа. Первая половина 1860 гг. стала временем формирования разночинного общественного идеала. Четвертый период можно охарактеризовать как период рефлексии над результатами Великих реформ, время переосмысления писателями своих взглядов и выработки новых представлений об общественном идеале.

Специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.), а также особенности становления либерального и патриархального идеала дворянской

литературы наиболее ярко высвечиваются в романе А.И. Герцена «Кто виноват?», сборнике рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», автобиографическом сочинении С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и романе А.И. Гончарова «Обломов».

В работе обосновано положение, что роман Герцена «Кто виноват?» произвел сильное впечатление на российское общество середины XIX в., но в разные периоды своего бытования в читательской среде разные социально-политические идеи оказывались востребованными публикой и имели влияние на общественно-политическую повестку дня. В связи с конкретными историческими событиями менялось не только восприятие проблематики романа, но и сам читатель, менялся социальный состав читающей публики. Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата, людей герценовского круга и образования, как бы сказали в советское время, «людей передовых убеждений 1840 гг.». Потом круг читателей романа расширился благодаря представителям разночинной интеллигенции. Для первой группы важна «социально-политическая» линия романа и, связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. Для читателей 1840 гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, звучал так: кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни? По нашему мнению, ответ Герцена прост – виновата, говоря современным языком, негативная социализация, приводящая к появлению «лишних людей», потерянных в своей эпохе. То есть, виновата система дворянского воспитания, не предполагающая приспособления молодых людей к особенностям российской среды. Такая интерпретация преодолевает однобокость трактовок «социально-политической» линии романа, сводящихся, прежде всего, к социальному детерминизму. А именно такие трактовки господствовали в литературной критике во второй половине XIX в. и в советском литературоведении. Их авторы возлагали вину за неудачи героя на «николаевскую Россию» и «крепостнические порядки».

Для читателей 1850–1860 гг. важна «семейная» тема романа, и «главным», по преимуществу, стал вопрос о положении женщины в русском обществе.

Новый взгляд на эту тему в контексте истории происхождения русского феминизма показывает – Герцен пытался убедить читателя, что люди не должны быть поглощены исключительно семейными интересами, что «зрелый» человек призван в мир общественных интересов, и это касается не только мужчин, но и женщин, которые должны занять более деятельное положение в русском обществе.

Один из критиков еще в 1847 г. писал, что роману «Кто виноват?» «не хватает идеала». Вслед за ним приходится констатировать, что Герцен в 1845–1847 гг., не видя зримых перспектив развития страны, не имел и возможности сформулировать в романе общественный идеал. Однако ему удалось оказать большое воздействие на читателей 1840–1860 гг., поставив ряд важных социальных вопросов: какой должна быть роль «прогрессивного» дворянства в деле реформирования и переустройства российского общества, каким образом должно измениться положение женщины в русской жизни.

Цензор С.И. Коссович отметил, что Герцен в своем романе, помимо прочего, «ясно указывает на невыносимость гнета помещичьей власти». В конце 1840-х – начале 1850-х гг. И.С. Тургенев написал цикл рассказов, в которых тема положения крестьян и «помещичьей власти» стала центральной. Сборник «Записки охотника» пользовался огромной популярностью у читателей, даже ходили слухи, будто бы Александр II признавался, что «Записки охотника» Тургенева стали одним из главных «двигателей» его крестьянской реформы.

Анализ сборника Тургенева «Записки охотника» и рассказа «Муму» с точки зрения влияния на них идеи естественного человека Ж.-Ж. Руссо, дает возможность уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Разделяя исходное представление об «отпадении человека от природы» и желание вернуться к «первоначальному природному единству», Тургенев республиканизму Руссо противопоставил «дворянский» либерализм. Анализируя сборник «Записки охотника» и рассказ «Муму» сквозь призму идей Руссо, можно выделить основные черты социально-политического идеала Тургенева накануне Великих реформ. Тургенев вслед за Руссо исходил из требования полной личной свободы для человека, которая

является залогом счастья. Но под полной личной свободной он понимал «истинную» свободу гражданскую, то есть – осуществление прав человека. Однако Тургенев был совсем не из тех, кто говорил: отдайте землю крестьянам (как это делали социалисты), не из тех, кто ратовал за материальное равенство и социальную справедливость. Он считал себя «законным владельцем» земли и не ставил, подобно Руссо, вопрос о собственности как первопричине социального неравенства. Таким образом, основными чертами социально-политического идеала Тургенева можно назвать: свободу и права человека для всех членов общества при сохранении традиционного сословного уклада и незыблемости дворянского имущества в условиях патриархального быта. Сборник рассказов «Записки охотника» и рассказ «Муму» дают возможность уточнить специфику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу накануне отмены крепостного права. Крестьяне в парадигме руссоизма, как ее понимал Тургенев, – это сословие детей природы, не испорченных цивилизацией. Они мудры и долготерпеливы, но сами влиять на свою судьбу не могут. А способны только на стихийный бунт. Поэтому им нужно даровать права человека, юридическое равенство, и сдавать им помещичью землю в аренду. То есть, гипотеза о естественном состоянии, предложенная Руссо, помогала Тургеневу осудить общественное неравенство, понимаемое как неравенство только юридическое. Вопрос о неравенстве материальном Тургенев не рассматривал.

Накануне отмены крепостного права было создано еще одно важное произведение, получившее большую популярность у читателей, автобиографическая книга С.Т. Аксакова «Семейная хроника». В тот период либерал и западник Тургенев вел переписку с Аксаковым, близким к кругу славянофилов, они обсуждали необходимость общественных изменений, и их представления о том, как должен был проходить первый этап реформ в России во много совпадали. Они были убеждены, что ведущую роль в крестьянской реформе должен играть царь, поддерживаемый дворянством, однако представление об общественном идеале у них было различным.

Как показано в работе, в конце 1850 гг. представители двух главных общественных направлений в России: радикалы и славянофилы (шире – консерваторы) одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» Аксакова, причем интерпретация этого литературного произведения ими была совершенно противоположной. Одни нашли в тексте обличение отживших крепостнических порядков, другие – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание, а дискуссия вокруг книги приобрела общественное значение. Толчком к «политизации» «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», напечатанная в 1858 г. в журнале «Современник». Она была одной из первых печатных попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII в. оказалась для Добролюбова актуальным произведением, пользуясь которым можно со всех сторон показать уродливые проявления крепостного права. Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам и представителям консервативного направления. Восстановить «истинный» смысл произведений Аксакова взялся С.П. Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале славянофильского направления «Русская беседа» в 1858 г. В этой статье Шевырев настаивал, что Добролюбов «совершенно не понял духа произведений писателя». По его мнению, Аксакову в столь «беспокойное время» удалось создать «спокойно-эпическое представление старой русской жизни» без суда над ней и напомнить читателям о вечных человеческих ценностях. Столь разные интерпретации одного произведения, по нашему мнению, вызваны тревогой авторов, нараставшей в преддверии Великих реформ. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах его статьи – «Семейная хроника» в его трактовке оказалась произведением, обличающим старые порядки. Ответ же

Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалось опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным реформам. На наш взгляд, «Семейная хроника» демонстрирует пример созидательной деятельности помещичьего хозяйства XVIII в., его эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны. И по типу отношений оно было патриархальным. Несмотря на существование «дурных» помещиков, Россия держалась и богатела, опираясь на деятельные патриархальные помещичьи хозяйства, которые составляли «здоровое» большинство. Вот, что показал своей «Семейной хроникой» Аксаков в тот исторический момент, когда художественная литература в России стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, стала вырабатывать образы общественного идеала.

Черты патриархального идеала можно реконструировать и в романе А.И. Гончарова «Обломов» (глава «Сон Обломова»), написанном тоже накануне отмены крепостного права. Сложность выявления общественного идеала связана с особенностями жанра, в котором написана эта глава. В описании деревни Обломовки Гончаров ушел от реалистического повествования и прибегнул к жанру идиллии, причем написанной с большой долей юмора, переходящего порой в сатиру. Читая главу «Сон Обломова», невозможно понять до конца, высмеивает автор обломовский образ жизни и саму Обломовку со всеми ее обитателями или любуется ими. На наш взгляд, помочь ответить на вопрос, чем является глава «Сон Обломова» для Гончарова, выражена там критика русской жизни или ностальгия по уходящей старине, может обращение к биографии писателя и его социально-политическим взглядам. В период написания романа «Обломов» Гончаров работал в Санкт-Петербургском цензурном комитете. В своих служебных отзывах он очень конкретно высказал свои эстетические и социально-политические пристрастия. Консерватор Гончаров ставил перед собой задачу оградить читателей от пропаганды западных идей материализма, социализма и атеизма, чуждых «русскому коренному обществу», и призывал изучать прошлое России, из которого можно черпать важные уроки для настоящего. Исходя из

этого, можно предположить, что, выбирая между патриархальностью Обломовки и европейским прогрессом, Гончаров остается с Обломовкой. В качестве идеала (хоть, и уходящего патриархального идеала) Обломовка ему ближе, в ней нет ненавистного Гончарову материализма и атеизма, там много простоты, сердечности и доброты. Но кроме того, Обломовка – это место, в котором нет той эксплуатации, которая усиливается по мере закрепощения крестьян и распространения европейской цивилизации.

Анализируя наиболее крупные и резонансные произведения литературы периода подготовки Великих реформ (1848–1861 гг.) с точки зрения высказанного в них общественного идеала, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, ярко выраженный общественный идеал в них отсутствует, и в случае Герцена, Тургенева, Аксакова, Гончарова, его необходимо реконструировать. Мы можем говорить, скорее, о неких чертах общественного идеала, нежели об общественном идеале в завершенном виде. И на то есть исторические причины. Произведения этого периода писались в ситуации неопределенности. Это было время, когда аграрно-патриархальный уклад русского жизни начал постепенно терять свое доминирующее значение и отходить в прошлое, а индустриально-промышленный уклад и капиталистические отношения еще не стали основой хозяйственной жизни.

Если в романе «Кто виноват?» Герцена, наиболее раннем произведении изучаемого периода, присутствует прежде всего критика разнообразных проявлений патриархальных отношений (в семье, губернском городе и пр.), то в «Записках охотника» Тургенева, «Семейной хронике» Аксакова и «Обломове» Гончарова, уже сформулирована некая альтернатива современному им состоянию дел. Тургеневский либерально-дворянский общественный идеал предполагал построение рыночных отношений между помещиками и крестьянами-арендаторами. Аксаковский и (и, во многом, Гончаровский) патриархально-дворянский идеалы предполагал единение помещиков с крестьянским «миром» на почве веры в Бога или справедливого общественного договора, не предполагавшего обогащения за счет крестьян. Тургенев и Аксаков хотели «облагородить»

старый «феодальный» уклад жизни, первый за счет прав человека, второй – за счет «нравственного» воспитания, полагая, что основной проблемой России является крепостное право, а сельскохозяйственный уклад страны и социальная структура общества – незыблемы.

В «Семейной хронике» и «Обломове» Аксаков и Гончаров наметили наиболее общие черты «консервативно-дворянской утопии». Подобно консервативным мыслителям, которые в период революций или радикальных реформ обращались к поиску в прошлом своей страны некого классического образца общественного устройства, «золотого века», Аксаков и Гончаров создали идеализированные образы прошлого в литературных произведениях накануне Великих реформ. Наиболее крупные литературные произведения этого периода написаны авторами-дворянами, поэтому общественный идеал, высказанный в их произведениях, можно называть «дворянским». Ссылка на сословное происхождение писателей важна потому, что на следующем этапе, в период проведения Великих реформ (1861-1866), в литературе громко заявят о себе представители другого молодого «сословия» русского общества – разночинцы. И с начала 1860-х гг. можно будет говорить об общественном идеале разночинской литературы и сравнивать его с дворянским.

Общественные идеалы периода проведения Великих реформ (1861–1866 гг.) наиболее ярко и четко были описаны художественными средствами в повестях Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов», романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», романах Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах». Изучая «политические романы» периода подготовки и проведения Великих реформ, чаще всего мы сталкиваемся с произведениями, в которых были представлены общественные идеалы в большей или меньшей степени близкие их авторам. В этом основная специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе этого периода. Было бы ошибкой считать, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора, но, очевидно, что, например, герои повестей «Мещанское счастье» и «Молотов»

высказывали мысли и сомнения разночинца Помяловского. Мир «хрустальных дворцов», изображенный в Четвертом сне Веры Павловны (роман «Что делать?»), вероятней всего, являлся художественным оформлением самых сокровенных мечтаний Чернышевского о будущем. А идеал «постепеновства», который можно найти в романах Лескова, выражал политические симпатии автора.

Как показано в работе, повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» содержат художественное осмысление формирования разночинного самосознания начала 1860 гг. XIX в. Герои повестей Помяловского, Егор Молотов и Михаил Череванин, олицетворяют две стратегии поведения представителей новой прослойки общества, «мыслящих пролетариев», в поисках своего места в жизни. Молотов идет по пути встраивания в существующую структуру общества и, в результате, приходит к созданию непрочной буржуазной «идиллии»; Череванин, представляющий второй тип разночинного миросозерцания, отказывается встраиваться, становится крайним пессимистом и выбирает путь самоуничтожения. Поиски своего предназначения для обоих героев заканчиваются неудачей, Молотов и Череванин не обладают достаточной верой в свои силы, а главное, не обладают четким пониманием, что делать. Но художественное осмысление таких поисков, предпринятое Помяловским, имело больше социально-политическое значение. Не имея еще возможности сформулировать в своих повестях общественный идеал, он начал дело, законченное другим известным писателем-разночинцем Н.Г. Чернышевским. И заслуга последнего будет в том, что разрозненные части не оформившегося самосознания разночинцев он объединит в целостную доктрину, представленную в романе «Что делать?».

Но в промежутке между публикацией повести Помяловского (1861) и романа «Что делать?» (1863) было опубликовано еще одно произведение, повлиявшее на формирование разночинного самосознания – роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Этому роману было суждено произвести колоссальное влияние на российское общество, а вокруг образа главного героя, Базарова, сразу возник неутихающий спор о том, положительный это персонаж или отрицательный, «пример для подражания» или «карикатура на все молодое

поколение». Тот факт, что создателем Базарова был дворянин и помещик, да и сам Базаров только вел жизнь разночинца, но по происхождению был дворянином во втором поколении, многим современникам не давал поставить героя Тургенева в один ряд с героями Помяловского и Чернышевского.

Однако роман Тургенева стал не только символом конфликта отцов и детей, либералов и радикалов, он послужил литературной основой, на которой начался «раскол в нигилистах», имевший серьезные последствия для развития социально-политический мысли русской радикальной интеллигенции и формирования разночинного самосознания. Представители, казалось бы, идеологически близких «партий», Д.И. Писарев из «Русского слова» и М.А. Антонович из «Современника», в трактовке романа Тургенева и образа Базарова заняли полярные позиции: первый признал роман полезным, второй – очень вредным для русского общества. В диссертационном исследовании выдвигается гипотеза, что так называемый «раскол в нигилистах» был обусловлен не случайным «непониманием» внутри «демократического лагеря в период 60-х годов», а «сословным вопросом». Писарев и Антонович имели схожие убеждения, оба относили себя к «молодому поколению», но первый был разночинец «по сословию», второй – разночинец «по образу мыслей», то есть был дворянином, который по сумме своих взглядов был близок к «мыслящим пролетариям». Статья Антоновича, содержащая разгромную критику романа «Отцы и дети», была политическим высказыванием, цель которого – защитить «честное имя» разночинцев от клеветы. Антонович, будучи «семинаристом», чувствовал себя неуверенно в российском обществе и встретил роман, якобы, содержащий заведомо ложную информацию о разночинцах и «современных направлениях», враждебно. Он боялся последствий для «уязвимого» сословия. Писарев же, хоть и находился тогда на стороне «молодежи», имел возможность говорить о романе в положительном ключе. Будучи дворянином, он чувствовал себя гораздо более уверенно в обществе. В романе Тургенева «Отцы и дети» можно обнаружить такие элементы общественного идеала, как необходимость труда и борьбы со всем, что не приносит пользу народу, ради увеличения

материальных ценностей и «реальных» знаний. На основе этих элементов Д.И. Писарев сформулировал общественный идеал нигилизма 1860 гг.

Базаров, главный герой романа Тургенева «Отцы и дети», бесспорно, по выражению современников, являлся носителем «новых элементов умственной жизни», но среди его окружения не было людей, которых можно было бы назвать настоящими единомышленниками. Н.Г. Чернышевскому же в романе «Что делать?», написанному меньше, чем через два года, впервые удалось показать именно *среду* разночинной интеллигенции, где люди строят жизнь по новым правилам. Кроме этого, Чернышевскому удалось наконец в наиболее полном виде выразить общественный идеал разночинной литературы. Помимо представления о совершенном общественном устройстве, т.е. помимо контуров будущего общества и социальной базы («новых» и «особенных» людях) модернизации, в романе Чернышевского даны представления о формате и механизме перехода к чаемому общественному устройству. Общественный идеал, обоснованный Чернышевским в романе «Что делать?», предполагает построение справедливого и равноправного общества социализма, а способ достижения идеала – мирное эволюционное развитие.

Воздействие романа Чернышевского «Что делать?» на русское общество и политический процесс в России ощущалось представителями нескольких поколений. На протяжении всего советского периода никто из исследователей не ставил под сомнение революционное содержание романа. Вслед за Лениным и Луначарским хрестоматийной стала точка зрения, что роман содержит «призыв к революции» и образ революционера, «особенного человека»-Рахметова, последовательно готовящего себя к революционной деятельности. Однако в постсоветском литературоведении стала доминировать другая точка зрения, что в качестве «формата модернизации» Чернышевский выбирал не революцию, а мирное развитие, а сам был «реформатором и постепеновцем», из которого власть создала «фантом революционера». Роман же «Что делать?» стало принято интерпретировать, не как проповедь материализма и призыв к революции, а как христианское сочинение, в котором Чернышевский, возможно,

притворяясь социалистом и материалистом, проповедует евангельские истины. Эти крайние и противоположные позиции не выдерживают критики. Они, скорее, характеризуют потребность читателей разных эпох, существующих в контексте разных идеологических установок, увидеть в Чернышевском «пламенного революционера», «эволюциониста», «материалиста» или «христианского мыслителя». В диссертации предпринята попытка доказать, что роман «Что делать?» является не «пропагандой», а размышлением над двумя сценариями развития страны. Основной текст романа представляет собой набор поведенческих моделей для молодых разночинцев, предназначенных для «мирной» жизни в капиталистическом обществе самодержавной России, которая нуждается в постепенной перестройке. Это эволюционный путь медленных изменений, который при благоприятных условиях может привести к чаемому социализму. Но, помимо этого, Чернышевский намекнул в своем романе и на возможность другого сценария развития событий. Если правительство откажется от либерального курса, свернет реформы, продолжит подавлять любое инакомыслие, будет преследовать, в том числе, вполне легальные попытки молодых людей выстраивать новые хозяйственные отношения, ответом будет революция. Несмотря на это, общественный идеал, выраженный в романе «Что делать?», сложно связывать с его зашифрованной «революционной линией», даже если она и задумывалась автором. Роман повествует о «новых людях» и живописует образ будущего, представленный в четвертом сне Веры Павловны. И если выделять характеристики общественного идеала (его носителей и способы осуществления), то носителями являются «обыкновенные порядочные люди», представляющие молодое поколение, а способом – мирное эволюционное развитие.

Чернышевский создал цельное готовое мировоззрение для молодежи (прежде всего для разночинцев), свое «евангелие нигилистов» он спрятал в любовный роман. И оказалось, что эта уловка сработала очень эффективно, трактат, который притворяется романом, произвел колоссальное воздействие на несколько поколений читателей. Благодарная аудитория этого «антихудожественного» произведения оказалась так велика, что оппонентам Чернышевского

ничего не оставалось, как отвечать тем же. Так появилось целое литературное направление, антинигилистический роман, и наиболее яркими образчиками которого стали романы Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах». Общественный идеал, выраженный в этих романах, можно назвать идеалом «постепеновства». Он предполагает удовлетворение насущных потребностей русского народа при условии постепенного увеличения числа деятельных, просвещенных и ответственных людей, убежденных в необходимости «служить обществу».

Этот идеал не может быть построен на какой-то теории и соответствовать какому-то политическому направлению. По Лескову, чтобы поправить дела в России, нужно читать не «французов с немцами», а пытаться понять потребности русского народа. Носители этого общественного идеала – деятельные и социально ответственные люди вне зависимости от их сословного происхождения, которые считают, что «надо служить обществу», то есть разумно управлять имениями, поддерживать крестьян, строить школы и больницы. Переход к чаемому общественному устройству может произойти только благодаря «правильному прогрессу», то есть постепенно, по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных и ответственных людей. «Правильный прогресс» происходит не благодаря смене политического строя, а благодаря индивидуальной деятельности и ответственности.

Своим романом «Некуда» Лесков хотел показать коренные различия между «настоящими» нигилистами и «ошалелой толпой пустых ничтожных людишек», называющих себя нигилистами. По мнению Лескова, критикуя «больное» в русском обществе и утверждая «здоровое», роман должен был служить общественному прогрессу. Однако публика увидела в «Некуда» только пасквиль и карикатуру на прогрессистов. Лесков, которого после выхода романа радикальные критики назвали «клеветником», на деле выступал в поддержку прогрессиста Чернышевского, искренне полагая, что развивает главною идею романа «Что делать?», которая состоит в том, чтобы показать настоящих нигилистов людьми труда. В диссертации предпринята попытка разобраться, чем общественный идеал, высказанный в романе «Некуда», отличается от

общественного идеала, сформулированного в романе «Что делать?», ведь Лесков назвал Чернышевского «нигилистом-постепеновцем», «постепеновцем» он считал и себя. Лесков был убежден, что вместо «пошлого отрицания всего»: любых авторитетов, религии, семьи и всего общественного уклада, необходимы постепенные мирные преобразования жизни крестьян, включающие просвещение, внедрение новых орудий и методов сельскохозяйственного труда и т.д. Разница «постепеновства» Чернышевского и Лескова состоит в том, что первый призывал жить честно по Жорж Санд, «заводить мастерские» по Луи Блану, коммуны – по Фурье, и трудиться «до пота», причем, «не из одного желания личного прибытка», а для «возможно большего числа людей». Второй же утверждал, что поправить дела в России и «найти дорогу», можно только пытаясь понять потребности русского народа. Кроме того, Лесков показал, как деформируются благородные идеи Чернышевского, попадая в головы людей, неспособных воспринять их правильно в силу своего нравственного и интеллектуального уровня. В романе «На ножах», написанном через семь лет, Лесков, отказавшись продолжать идеи Чернышевского, уже довольно едко высмеивал стратегии поведения и идеалы «новых людей». Он показал, что радикальные идеи оказываются очень удобным прикрытием для грязных дел. По Лескову, нигилисты со временем из молодых идеалистов становятся мошенниками, как будто попытка применить идеи Чернышевского на практике постепенно открывает худшее в человеке. Нигилизм в романе «На ножах», который уже с полной уверенностью можно называть антинигилистическим, показан шарлатанством и игрой, прикрывающей преступления порочных людей.

Если в период проведения Великих реформ (1861–1866 гг.) был сформулирован разночинный общественный идеал, литераторы почувствовали возможность своим творчеством напрямую влиять на развитие страны, то после выстрела Каракозова, в период окончания Великих реформ (1866–1881 гг.), наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис,

только обострил идейную борьбу. В это период начали появляться романы, содержащие, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов.

Общественные идеалы периода окончания Великих реформ (1866–1881) наиболее ярко были описаны художественными средствами в романе И.С. Тургенева «Дым», Ф.М. Достоевского «Бесы», а также в романах Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение». После неудачи Великих реформ наступило время общей растерянности, когда утверждение новых общественных идеалов стало проблематичным, однако не разрешившийся общественный кризис, только обострил идейную борьбу. И в ситуации таких романов, как «Дым» Тургенева или «Бесы» Достоевского мы видим, в большей степени, критику общественных идеалов оппонентов. В этом основная специфика выражения общественных идеалов в русской художественной литературе этого периода.

В романе Тургенева «Дым» можно найти черты двух общественных идеалов. Их можно условно назвать идеалом «самобытничества» и «западничества». При этом, важно не забывать, что черты первого представлены в почти карикатурном виде. Прежде всего, с точки зрения Тургенева, самобытники строят свое представление о будущем на искусственных «кабинетных» теориях, «абстрагированных» от реальной жизни народа. Самобытники-славянофилы смотрят на русский народ сквозь призму немецкой идеалистической философии, самобытники-социалисты – западноевропейских теорий социализма, самобытники из числа либералов, такие как Кавелин, верят в абстрактную теорию родового быта. Все эти концепции, по мнению Тургенева, не имеют ничего общего с действительностью. Носителями общественного идеала «самобытничества» Тургенев считал представителей дворянской и разночинной интеллигенции, которые принимают на веру два тезиса: о великой будущности русского народа, гарантированной крестьянской общиной, и тезис о «гниении» мещанского Запада. Переход к чаемому общественному устройству «самобытников» может произойти в том случае, когда представители российской власти сделают национальный поворот во внутренней политике страны и окончательно откажутся от следования по европейскому пути развития. Какими могут быть контуры совершенного

общественного устройства, по мнению «самобытников», Тургенев не говорит. Но понятно, что путь в обход цивилизации по дороге «русской исключительности», с его точки зрения, ведет в никуда.

Но идеалу самобытников в романе противопоставлен идеал «западничества». Важно помнить, что персонажа, высказывающего эти идеи, Тургенев называет «ограниченным западником». В основании западнического взгляда на будущее страны, по Тургеневу, лежит «реалистическое» представление о русском крестьянстве, которое ничем не отличается от мелкой буржуазии западноевропейских стран. То есть цели русского крестьянства не связаны с абстрактной соборностью славянофилов или «коллективной собственностью» социалистов. Крестьяне хотят материального благополучия, гарантированного наличием частной собственности на землю. Носителями общественного идеала западничества тут предстают те редкие для России последовательные либералы-западники, которые убеждены, что России не миновать капитализма, и «отсталая» община только препятствует экономическому росту, как дворянства, так и крестьянства. Переход к предполагаемому общественному устройству может произойти благодаря либеральным реформам и по мере увеличения в российском обществе числа деятельных, просвещенных людей, которые «служат цивилизации», труд которых имеет «европейский характер». Герой романа либерал-Потугин даже предложил своеобразную программу реформирования российского общества, в соответствии с которой, надо отказаться от всех национальных претензий на самостоятельность в культуре и в сфере политического творчества и заняться «переносом» европейских институтов на русскую почву, но переносом «обязательно точным», без национальной адаптации, которая, по его мнению, всегда мешала приживаться «европейским идеям» в России. Однако нельзя сказать, что в романе можно обнаружить абрис совершенного общественного устройства западничества, «позитивная программа» Потугина выглядит плохо реализуемой. Если мы согласимся с предположением, что через своего героя Потугина Тургенев сформулировал своеобразное кредо западничества переходного периода (периода неопределенности), то звучать оно может

следующим образом: сейчас мы не знаем, как «переустроить Россию», но убеждены в безусловной ценности европейской цивилизации, и, если каждый человек будет на своем месте служить делу европейской «образованности», по крайней мере, не будет хуже.

В романе «Дым» Тургенев нарисовал черты двух совершенно уникальных общественных идеалов. Впервые в художественном произведении Тургеневу удалось показать схожесть мировоззренческих позиций славянофилов и народников, которых он объединил под общим названием «самобытники». Кроме того, Тургенев впервые подробно и последовательно представил общественный идеал западничества. И возможно, из-за того, что тезисы западника-Потугина были в романе полемически заострены, роман Тургенева произвел большое воздействие на современников, именно тогда, когда Тургенев хотел оказывать влияние на общественное мнение в стране, которая, по его мнению, отказавшись от либеральных реформ, пошла по неверному пути.

Роман «Дым» оказался не самым типичным романом Тургенева, в нем он впервые прибегнул к жанру сатиры, высмеивая своих идейных оппонентов. Вероятно, в период окончания Великих реформ ему впервые захотелось сделать в художественной литературе собственное политическое высказывание. Роман Достоевского «Бесы» изначально имел ту же цель. Достоевский в своем романе хотел «высечь» идейных оппонентов, нигилистов и либералов, но в дальнейшем его задумка стала сложней, и в результате получился роман-предостережение, который показал, до каких преступлений и разрушений могут довести радикалы от разных идеологий. Более того, Достоевский показал не только черты всех основных общественных идеалов, существовавших в то время, но изобразил их в развитии и взаимодействии. Так, например, общественный идеал радикализма, с его точки зрения, является логическим развитием идеала либерализма.

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала либералов? Прежде всего, главной проблемой русского либерализма, по Достоевскому, является то, что, поддаваясь влиянию европейской прогрессивной мысли, либералы начинают презирать Россию и все русское как отсталое и становятся

равнодушны к Богу. Носителями общественного идеала либерализма Достоевский считал, прежде всего, «русских баричей», которые за полторы сотни лет европеизации оказались оторванными «от родных и самобытных начал русской жизни». «Оторвавшись» от народа, они потеряли и Бога. Либералы в романе «Бесы» не говорят о том, как должен произойти переход к наиболее совершенному общественного устройства и какими могут быть контуры этого общества, потому что не верят в русский народ, не способный принять плоды европейской цивилизации. Безобидные с виду либералы, описанные Достоевским, презирают «отсталую» Россию и «русского Бога», и именно эти две черты, развиваясь со временем, порождают нигилистов, людей, которым в России ничего не жалко, которые готовы на «полное разрушение».

Какими Достоевский показывает черты общественного идеала этих радикалов? Интересней всего, что «социалисты», описанные в романе «Бесы», на идейном уровне не имеют ничего общего с тем, что составляет основу социалистической теории. Их нисколько не интересует материальное равенство и социальная справедливость. Напротив, втайне они мечтают построить общество, целью которого будет не накормить голодных и согреть обездоленных, а подчинить их. Носителями такого общественного идеала, по Достоевскому, являются люди, лишенные нравственного чувства, которые под маской социалистов скрывает «демоническую» волю к власти. Однако стоит сделать оговорку, что касается это лидеров описанной «революционной ячейки», рядовые члены которой могут испытывать иллюзии в отношении целей организации. В подробностях Достоевский описывает переход к «идеальному» общественному устройству радикалов, который предполагает три этапа: либерального расшатывания основ российского общества, террористического разрушения и «устроительный» этап «нового правого закона». Контуры наиболее совершенного общественного устройства с точки зрения радикалов показаны тоже довольно отчетливо. Утопия «социалиста» Верховенского и теоретика «революционной ячейки» Шигалева напоминает мир возрожденного рабовладения, в котором небольшая каста господ пользуется всеми плодами труда обезличенной массы людей. При этом раз в тридцать лет новые

хозяева искусственно устраивают для рабов войну с единственной целью – чтобы они «не заскучали» и не имели возможности развития.

В романе «Бесы» представлен еще один общественный идеал, который можно условно назвать консервативным, но точнее было бы называть его идеалом религиозного национализма. В основаниях его лежит историософская идея о народе-богоносце. Цель «движения народного», говорит выразитель этого идеала Шатов, состоит в искании «своего бога», национального бога, и вера в него как в «единого истинного», а признак «уничтожения народностей», когда «боги начинают становиться общими». И единым народом-богоносцем является русский народ, который не может «примириться со второстепенною ролью в человечестве» и должен получить первую. Идеи религиозного национализма являются частью христианского сознания, поэтому носителями такого идеала могут быть только верующие в Бога христиане. Однако, по Достоевскому, здесь мы имеем дело с превратно понятым христианством, когда Бог становится принадлежностью национальности, то есть идея нации становится выше Бога. Если целью носителей идеала религиозного национализма является достижение «первостепенной роли в человечестве», то вероятно, на этом пути Россию может ждать большая война с Европой, которая не пожелает эту роль добровольно отдать. И вестись эта война будет под знаменем защиты традиционных ценностей русского народа. Как может выглядеть воплощенный идеал религиозного национализма, в романе не показано. Но Шатов изображен Достоевским таким же одержимым «бесом», как и лидеры «революционной ячейки».

Принято считать, что роман Достоевского «Бесы» – антинигилистический, написанный с целью критиковать западников (нигилистов и либералов) и утвердить консервативный общественный идеал. Представляется, что нужно смотреть на роман шире, чтобы увидеть в нем рассуждения о возможности воплощения на практике самых разных, «невероятных» политических идей. С начала XX в. роман характеризовали чаще всего как «пророчество» о русской революции, тогда как Достоевский в монологах своих персонажей довел до предельного состояний не только идеи политического нигилизма, либерализма, но и национализма,

чтобы показать, к каким разрушительным последствиям могут привести любые «фантастические» идеи. Вероятно, это связано с тем, что Достоевский видел, что к началу 1870 гг. в России уже появились люди разных «партий», готовые к насилию и разрушению, и если назревшие социальные вопросы не получат разрешения мирными средствами, в страна стране случится катастрофа.

Достоевский не знал, что нужно предпринять, чтобы избежать катастрофы, как «переустроить Россию», чтобы довольны остались все слои общества. Однако он назвал ту безусловную ценность, на которую может опираться каждый человек в своей жизни. Для Достоевского этой ценностью стал Христос, с заповедями которого нужно сверять свои действия. Если человек живет по заповедям Христа, значит он идет верной дорогой, вне зависимости от того, какие вокруг происходят социально-политические изменения.

Тургенев и Достоевский в романах периода окончания Великих реформ, в большей степени, критиковали своих идейных оппонентов. Совершенно другую ситуацию мы видим у Толстого. В середине 1870 гг. он написал роман «Анна Каренина», в котором выразил совершенно определенный дворянский общественный идеал «охранительства», а в 1899 г., после большого промежутка времени, Толстой опубликовал свой последний роман «Воскресение», в котором можно найти черты общественного идеала анархизма. В отличие от Достоевского, моделировавшего чужие общественные идеалы, Толстой через своих героев пытался высказаться напрямую. Эволюцию взглядов Толстого можно назвать уникальной. Если герои ранних произведений Толстого, в которых исследователи видят альтер эго писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства.

Общественный идеал, выраженный в толстовских романах, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов. Можно сказать, что в романе «Анна Каренина» и «Воскресение» обнаруживаются черты двух совершенно разных общественных идеалов: «охранительного» и «анархистского». Как выглядит общественный идеал

«охранительства»? Прежде всего, в идейном отношении этот идеал можно назвать консервативным, опирающимся на традицию и опыт предыдущих поколений. Носитель этого идеала Левин понимает, что надо жить так, как «привыкли жить отцы и деды» и держать «родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду». Носителями общественного идеала «охранительства» являются дворяне-помещики, причем не те, которые исключительно пытаются получить с земли прибыль, таких Левин почти презрительно называет «землевладельцами». Носителями этого идеала являются представители старых дворянских родов, помещики, которые ощущают «ответственность к земле», то есть осознают свою сословную историческую миссию – поддержания стабильности в обществе. И это становится особенно важно в такие исторические моменты, когда правительство не справляется со своими обязанностями. Именно в такой ситуации, по мнению Левина, находится российское общество после отмены крепостного права и начала развития капиталистических отношений, которые чреваты социальной катастрофой, разрушением самого главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами. Если в кризисные для страны моменты, ответственность за стабильность общества ложиться на плечи помещиков, то переход к чаемому общественному устройству может произойти только тогда, когда большинство помещиков осознают свою сословную миссию, перестанут передоверять занятие хозяйством управляющим, а сами станут «в своем углу» последовательно противостоять стихийным капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве. Какими могут быть контуры наиболее совершенного общественного устройства, мы можем только догадываться. Но очевидно, что Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало «разрушительных» капиталистических отношений, по сути, ищет защиты в укреплении патриархального быта и призывает к возвращению к старому патриархальному дворянскому идеалу.

Кажется, что в романе «Воскресение», задуманном и написанном в последнее десятилетие XIX века, прежний идеал «охранительства» подвергается

жестокой критике и отвергается вовсе. На смену идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Если одной из основных социально-политических идей «Анны Карениной» была идея укрепления российского дворянства, с которым Толстой связывал надежды на обновление России, то романом «Воскресение» и другими поздними произведениями Толстой опровергает любые оправдания привилегированного статуса дворянства. Получается, что носителями нового «анархистского» идеала становятся уже не дворяне, а, прежде всего, крестьяне, которые должны получить, наконец, землю в свое распоряжение. Кажется поразительным, что контуры наиболее совершенного общественного устройства для идеала «охранительства» и «анархии», во многом, совпадают. Левин не признавал нарождающейся капиталистических и буржуазных отношений, будучи уверенным что производительным в России является только крестьянский труд. Нехлюдов идет дальше. Сравнивая деревню и города с развивающейся промышленностью, он делает вывод, что промышленное развитие очень опасно, потому что занимается созданием оружия и предметов роскоши. Города же, в глазах Нехлюдова, оказываются местами, которые только выкачивают из деревни ресурсы и для того, чтобы праздные землевладельцы строили красивые здания, ездили в каретах и покупали предметы искусства, оплаченные тяжелым трудом крестьян. По мнению Нехлюдова, все, что нужно для жизни человека есть в деревне. Поэтому идеал «анархии» – это «крестьянское анархистское христианское царство».

Конечно, в одной работе невозможно рассмотреть все многообразные аспекты многогранной темы общественного идеала в произведениях русской художественной литературы. Эта тема имеет значительные перспективы дальнейшей разработки. В частности, представляются важными и необходимыми следующие направления для осуществления данной работы.

Во-первых, проведение историко-политологического анализа общественного идеала в произведениях русской художественной литературы, которые не получили широкой известности, как романы Тургенева, Чернышевского или

Достоевского. Действительно, такие авторы, как Н.Ф. Бажин, Д.В. Григорович, В.П. Клюшников, В.В. Крестовский, А.И. Левитов, Ф.М. Решетников, В.А. Слепцов, Г.И. Успенский, Н.В. Успенский и др. сейчас не считаются писателями «первой величины», но в условиях идейной полемики 1860–1870 гг. их «второстепенные» романы имели подчас не меньшее значение, чем те, которые мы сейчас называем «шедеврами».

Во-вторых, изучение общественного идеала в русской драматургии второй половины XIX века. Проведение историко-политологического анализа пьес А.Н. Островского, А.В. Сухово-Кобылин, М.Е. Салтыкова-Щедрина периода Великих реформ может внести значительный вклад в изучение темы воздействия литературы на общество. А если расширять хронологические рамки исследования, объектом анализа могут стать пьесы Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, написанные в конце XIX – начале XX вв.

В-третьих, имеется существенный потенциал для изучения «политической» поэзии второй половины XIX в. В своих стихотворных произведениях К.С. и И.С. Аксаковы, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, А.К. Толстой и др. отзывались на социально-политические вопросы времени. Можно утверждать, что реконструкция общественного идеала в русской поэзии имеет серьезные перспективы для дальнейшей разработки.

Литература

1. *А, Б. <Б.Н. Алмазов>*. Взгляд на русскую литературу в 1858 г. // Утро. Литературный сборник. М., 1859. С. 31-96.
2. *А. И.-Ц. <Иванцов-Платонов А.М., свящ.>* О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. Статья первая // Русская беседа, 1859. Кн. I (XIII). Критика. С. 1-46.
3. *Аксаков И.С.* 1847 г<од>. Февраля 11-го. Вторник. Калуга // *Аксаков И.С.* Письма к родным 1844-1849. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1988. С. 353.
4. *Аксаков И.С.* Возврат к народной жизни путем самосознания // Сочинения И.С. Аксакова. Т. 2: Славянофильство и западничество: 1860-1886: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Издание 2-е. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. С. 3-8.
5. *Аксаков К.С.* Обозрение современной литературы // Русская беседа, 1857. Кн. I (V). Обозрение. С. 1-39.
6. *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем, со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. М.: Директ-Медиа, 2014. 244 с.
7. *Аксаков С.Т.* С.Т. Аксаков – Тургеневу. 20 декабря 1857 (2 января 1858). Москва // Переписка И.С. Тургенева. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 346-347.
8. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М.: «Художественная литература», 1991. 254 с.
9. *Амелина Е.М.* Общественный идеал // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное / Под общей редакцией М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 212-213.
10. *Амелина Е.М.* Общественный идеал в России и его основные черты // Соловьевские исследования, 2012. Вып. 4 (36). С. 22-37.
11. *Амелина Е.М.* Общественный идеал в русской философии XIX - XX веков и современность. М.: ГУУ, 2012. 172 с.
12. *Амелина Е.М.* Общественный идеал в русской философии XIX - XXI вв.: учебное пособие: для подготовки бакалавров по всем направлениям. М.: ГУУ, 2014. 174 с.
13. *Амелина Е.М.* Общественный идеал в философии всеединства: (от В.С. Соловьева к С.Л. Франку). М.: Издательство Е. Разумова, 2000. 252 с.
14. *Андерсон К.М.* Просвещение и утопии XVIII – начала XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2006. № 4. С. 45-50.
15. *Андерсон К.М.* Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. М.: Издательство Московского университета, 2019. 386 с.
16. *Андерсон К.М., и др.* «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина»: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 341-357.

17. *Андерсон К.М., и др.* Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91-127.
18. *Андерсон К.М., и др.* Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 110-136.
19. *Андреевич (Соловьев Е.А.)* Опыт философии русской литературы. СПб.: Знаніе, 1909. 376 с.
20. *Анненков П.В*. «Гроза» Островского и критическая буря. Ответ критику «Грозы» в журнале «Наше время» // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 122-141.
21. *Анненков П.В.* «Семейная хроника и воспоминания» С. Аксакова // Современник, 1856. Т. LVI. № 3. Отд. III. С. 1-24.
22. *Анненков П.В*. Воспоминания и критические очерки: собрание статей и заметок. Т. II. 1849-1868. СПб., 1879.
23. *Анненков П.В.* Русская современная история и роман И.С. Тургенева «Дым» // Вестник Европы, 1867. № 6. С. 100-120.
24. *Анненков П.В.* Современная беллетристика // Санкт-Петербургские ведомости, 1863. № 5. С. 37-47.
25. *Анненский Л.А.* Лесковское ожерелье. СПб.: Библиополис, 2012. 560 с.
26. *Антонов В.Ф.* Н.Г. Чернышевский: Общественный идеал анархиста. Изд. 3-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. 208 с.
27. *Антонова Г.Н.* Герцен и русская критика 50-60-х годов XIX века: Проблемы художественно-философской прозы. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. 198 с.
28. *Антонова Г.Н., Белявская И.М., Винникова И.А.* и др. Комментарии / Лишние люди и желчевики // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 572-579.
29. *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени // Современник, 1862. № 3. Современное обозрение. С. 65-122.
30. *Антонович М.А.* Лжереалисты (По поводу «Русского слова») // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 287-294.
31. Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг.: Издательство Пушкинского дома при Академии наук, 1917. 413 с.
32. *Арк. А-н. <Анекштейн А.И.>* Шарль Фурье. Его личность, учение и социальная система. Второе переработанное и дополненное издание. Харьков: «Пролетарий», 1925. 406 с.
33. *Багдасарян В.Э.* История России в представлениях Ф.М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки, 2021. С. 9–26.
34. *Багдасарян В.Э*. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 6. С. 15–29.

35. *Багдасарян В.Э.* Крымская война как конфликт цивилизаций: фокус Крыма в цивилизационно-ценностном измерении российской истории // Вестник государственного и муниципального управления, 2021. Том 10. № 3. С. 12–19 *Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., Балдин П.П*. Ф.М. Достоевский как идеолог и социальный пророк в проекции истории XX-XXI вв. (к 200-летию со дня рождения писателя) // Вопросы истории, 2022. № 2-1. С. 4-17.
36. *Бажин Н.Ф.* Степан Рулев // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 489-535.
37. *Бакунин М.А.* Народное дело. Романов, Пугачев, или Пестель? Лондон: Trubner & Co., Paternoster Row, E.C., 1862. 48 с.
38. *Батюто А.И.* Антинигилистический роман 60-70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 279-314.
39. *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (статья первая) // Русская литература, 1987. № 3. С. 84-101.
40. *Батюто А.И.* Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенев «Дым» (статья вторая) // Русская литература, 1987. № 4. С. 52-76.
41. *Батюто А.И.* К истории создания романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации) // Русская литература, 1985. № 4. С. 156-165.
42. *Батюто А.И.* Тургенев-романист. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1972. 392 с.
43. *Бахтин М.М.* Предисловие // *Толстой Л.Н.* Полное собрание художественных произведений в 15 томах. Т. 13. М.-Л., 1930. С. I-VIII.
44. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Художественная литература», 1972. 464 с.
45. *Безменщиков А.Е., Щербатова И.Ф.* Политика, общество и культура в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 232-251.
46. *Белинский В.Г.* <Письмо к Н.В. Гоголю> // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. X. М.: Издательство академии наук СССР, 1956. С. 212-221.
47. *Белинский В.Г.* 290. И.С. Тургеневу. Спб. 19 февраля (3 марта) 1847 // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. XII. Письма 1841-1848. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956а. С. 333-337.
48. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956б. С. 279-360.
49. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1842 году // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. VI. М.: Издательство академии наук СССР, 1955. С. 512-547.
50. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. IX. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 378-406.

51. *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844-2004 гг. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2011. 755 с.
52. *Белоусов А.Ф.* «Внук дьячка» // Рижский филологический сборник. Вып. 1-й: Русская литература в историко-культурном контексте. Рига: ЛУ, 1994. С. 30-41.
53. *Бельчиков Н.Ф.* Достоевский и Тургенев // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды] / Под ред. И.С. Зильберштейна. Л.: ACADEMIA, 1928. С. III-VIII.
54. *Бердяев Н.А.* <О романе «Что делать?> // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 616-617.
55. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л.И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 513-518.
56. *Бердяев Н.Н.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В двух томах. Т. 2. М.: Издательство «Искусство», 1994. С. 7-151.
57. *Берлин И.* Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов // *Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 127-183.
58. *Берлин И.* Рождение русской интеллигенции // *Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 9-33.
59. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении (по поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московским университете) // Отечественные записки, 1861. № 11 (Т. CXXXXIX). Русская литература. С. 1-11.
60. *Бибиков П.А.* По поводу одной современной повести // Время, 1862. Т. VII. № 1. Отд. II. С. 31-57.
61. *Битюгова, И.А., Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н., Кийко Е.И., Лотман Л.М., Назарова Л.Н., Ступель А.М*. Примечания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 554-685.
62. *Благовещенский Н.А.* Николай Герасимович Помяловский: (биографический очерк) // *Помяловский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство С.В. Звонарева, 1868. С. I-XLVII.
63. *Благосветлов Г.Е.* Старые романисты и новые Чичиковы // Дело, 1868. № 1. С. 1-17.
64. *Блохин В.В.* Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Издательство «Весь мир», 2019. 256 с.
65. *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., Художественная литература, 1965. 568 с.
66. *Бобровских Е.В.* Значение «народности» в концепции славянофилов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2015. Т. 8. № 4. С. 101-106.
67. *Богданович Т.А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л.: «ACADEMIA», 1929. С. 67-264.

68. *Бойцова О.Ю.* Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2018. Т. 14. № 3. С. 4-18.
69. *Бойцова О.Ю.* Общественный идеал vs политика? К вопросу об оценке политики в проектах наилучшего социального устройства // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия, 2017. № 5. С. 77-87.
70. *Бойцова О.Ю.* Политика и политическое в общественном идеале: от утопии к антиутопии // Философия политики и права. 2016. № 7. С. 21-36.
71. *Боткин В.П.* Заметки о журналах за июль месяц 1855 года // *Боткин В.П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М.: Советская Россия, 1984. С. 172-178.
72. *Бродский Н.Л., Сидоров Н.П.* Комментарий к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» М.: Кооперативное издательство «Мир», 1933. 228 с.
73. *Брумфилд У.* Василий Слепцов. Жизнь и творчество // *Брумфилд У.* Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: «Три квадрата», 2009. 272 с.
74. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., доп. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 383 с.
75. *Булгаков С.Н.* Мое безбожие // С.Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Том 1. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2003. С. 77-84.
76. *Булгаков С.Н.* Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, 1991. С. 25-60.
77. *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л.И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 489-508.
78. *Булгарин Ф.В.* Социализм, коммунисм и пантеисм в России, в последнее 25-летие // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 490-499.
79. *Буренко В.И.* «Философский пароход» и развитие отечественной политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2021. № 5. С. 59-71.
80. *Буренко В.И.* Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook. Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал, 2020. № 4. С. 6-27.
81. *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал, 2018. № 3. С. 66-80.
82. *Бухштаб Б.Я.* Записка Н.Г. Чернышевского о романе «Что делать?» // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М., 1953. Вып. 2. С. 158-169.
83. *Бялый Г.А.* «Дым» в ряду романов Тургенева // Вестник ленинградского государственного университета, 1947. № 9. С. 88-102.
84. *В. З. <Зайцев В.А.>* Перлы и адаманты русской журналистики // Русское слово, 1864. No 6. Отд. II. С. 43-52.

85. *Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Независимая Газета, 1999. 272 с.
86. *Вайсман М.И.* Проблемы освящения романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863-2010) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3(15). Пермь, 2011. С. 130-138.
87. *Валентинов Н. <Вольский Н.В.>* Из книги «Встречи с В.И. Лениным» // В.И. Ленин о литературе и искусстве. Издание пятое. М.: «Художественная литература», 1976. С. 647-650.
88. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анджей Валицкий; пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 794 с.
89. *Вальбе Б.С.* Помяловский. М.: Журн.-газ. объединение, 1936. 262 с.
90. *Васильева С.А.* Что такое «обломовщина»? // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей / сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 229-235.
91. *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.
92. *Векслер И.И.* И.С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. 2-е издание. Л.-М.: Издательство Академии наук СССР, 1935. 96 с.
93. *Венгеров С.А.* Героический характер русской литературы // *Венгеров С.А.* Собрание сочинений. Т. 1. Издание второе. Пг., Издательство «Светоч», 1919. С. 5-176.
94. *Венгеров С.А.* Молодая редакция «Москвитянина» // Вестник Европы, 1886. № 2. С. 581-612.
95. *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы // Собрание сочинений С.А. Венгерова. Т. 1. «Героический характер русской литературы». Пг., Издательство «Светоч», 1919. 176 с.
96. *Венгеров С.А.* Сергей Аксаков // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. I. Выпуски 1-21. А. СПб., Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона), Фонтанка № 84, 1889. С. 149-200.
97. *Вертинский Ч. (Вас. Е. Чешихин)* Освобождение крестьян и русские писатели. Пг.: Типография «Задруга», 1917. 111 с.
98. *Видеркер Ш.* Особый путь и «самобытность» (глава из учебного пособия «Восточная Европа») // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 141-150.
99. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.
100. *Видуэцкая И.П.* Н.С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М.: Издательство Московского университета, 2005. С. 373-414.
101. *Винникова Г.Э.* Тургенев и Россия. М.: «Советская Россия», 1971. 336 с.
102. *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 272 с.

103. Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. / Редкол.: В.А. Викторович и др. Коломна: Колом. гос. пед. ин-т, 2007. 440 с.
104. *Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г.* Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х годов XIX века. М.: «Мысль», 1976. 295 с.
105. *Волошина С.М.* Утопия и жизнь: Биография Николая Огарева. СПб.: Владимир Даль, 2016. 509 с.
106. *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. 437 с.
107. *Гайда Ф.А.* «Русская идея» Ф.М. Достоевского как идея новой Европы // Философические письма. Русско-европейский диалог, 2022. Том 5. № 1. С. 28-49.
108. *Гайда Ф.А.* «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX–I четверти XX вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики, 2022. Том 6. № 1. С. 17-40.
109. *Гайда Ф.А.* Представления о миссии «интеллигенции» в российской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви, 2020. № 95. С. 53-69.
110. *Гайда Ф.А.* Понятие «личность» в эпоху Достоевского: самосознание или самопожертвование? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2(6). С. 45-71.
111. *Гайда Ф. А.* «Русская интеллигенция»: рождение понятия // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, № 2. С. 229–248.
112. *Гак В.Г.* Словарь В. И. Даля в свете типологии словарей // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 3-12.
113. *Галахов А.Д.* Мнение о драме г. Островского «Гроза» // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 174-178.
114. *Генералова Н.П., Хитрово Л.К.* К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // Тургенев И.С. Новые исследования и материалы. М., СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 329-346.
115. *Герцен А.И.* 152. Н.П. Огареву. 8 августа (27 июля) 1867 г. Ницца // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 167-168.
116. *Герцен А.И.* 1853-1863 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 92-112.
117. *Герцен А.И.* 248. А.А. Краевскому, 23 декабря 1845 г. Москва // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 22. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 248-249.
118. *Герцен А.И.* 91. И.С. Тургеневу. 19 (7) мая 1867 г. Женева // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 102-103.
119. *Герцен А.И.* Very dangerous!!! // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 116-122.
120. *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852-1868 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 7-397.

121. *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852-1868. Часть IV // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 9-265.
122. *Герцен А.И.* Дневник 1842-1845 // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 199-417.
123. *Герцен А.И.* Долг превыше всего // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 249-313.
124. *Герцен А.И.* Капризы и раздумье. По поводу одной драмы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 49-73.
125. *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 16. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 129-199.
126. *Герцен А.И.* Кто виноват? // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 5-211.
127. *Герцен А.И.* Лишние люди и желчевики // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 317-328.
128. *Герцен А.И.* Н.А. Захарьиной, 27 апреля 1836. Вятка // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 75-78.
129. *Герцен А.И.* Н.П. Огареву, 3 августа (22 июля) 1847 г. Париж // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 34-35.
130. *Герцен А.И.* Новая фаза в русской литературе (перевод) // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 18. М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. С. 171-221.
131. *Герцен А.И.* Новые вариации на старые темы // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 8-103.
132. *Герцен А.И.* О романе из народной жизни в России (письмо к переводчице «Рыбаков») // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 170-180.
133. *Герцен А.И.* Через три года (18 февраля 1858) // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 195-197.
134. *Гершензон М.О.* Любовь Н.П. Огарева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 250-415.
135. *Гершензон М.О.* Мысль и мечта И.С. Тургенева // *Гершензон М.О.* Избранное. Т.3. Образы прошлого. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 541-631.
136. *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // *Гершензон М.О.* Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. Москва-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 381-563.
137. *Гиляров-Платонов Н.П.* Откуда нигилизм? // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 2. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. 158-193.
138. *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа, 1856. Ч. I. Кн. 1. Критика. С. 1-69.
139. *Гинзбург Л.Я.* Автобиографическое в творчестве Герцена // Лит. наследство. Т. 99. Кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 7-54.
140. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 240 с.

141. *Гончаров И.А.* Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 64-113.
142. *Гончаров И.А.* Обломов // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.: «Наука», 1998. 494 с.
143. *Гончаров И.А.* Письмо Анненкову П.В., 20 мая 1859 г. Петербург // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 322-324.
144. *Гончаров И.А.* Письмо Льховскому И.И., июль 1853 г. Острова Бонин-Сима, Порт Ллойда // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 255-260.
145. *Горев Б.И.* Н.Г. Чернышевский. Мыслитель и революционер. М.: Издательство политкаторжан, 1934. 128 с.
146. *Горький М.* 591. Д.Н. Овсянико-Куликовскому. Конец февраля [начало марта] 1912, Капри // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 228-229.
147. *Горький М.* Беседы о ремесле // *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 291-360.
148. *Горький М.* История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике. Сборник статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 248-257.
149. *Горький М.* Н.С. Лесков // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 228-237.
150. *Горький М.* Разрушение личности // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 24. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 26-80.
151. *Грановский Т.Н.* Письмо Н.Г. Фролову, Москва, февраль 1846 года // Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. С. 421-422.
152. *Григорович Д.В.* Антон Горемыка // Русские повести XIX века (40-50-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 58-149.
153. *Григорович Д.В.* Деревня // Русские повести XIX века (40-50-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 3-58.
154. *Григорьев А.А.* 167. М.П. Погодину. Около апреля 1857. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: «Наука», 1999. С. 126-131.
155. *Григорьев А.А.* 242. М.П. Погодину. Между 17 и 28 сентября 1860. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: «Наука», 1999. С. 233-235.

156. *Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: «Современник», 1986. С. 70-229.
157. *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность. Новые Grubeleien по поводу старого вопроса // *Григорьев А.А.* Искусство и нравственность / Вступит. статья и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: «Современник», 1986. С. 262-277.
158. *Григорьев А.А.* Н.В. Гоголю, 17 ноября 1848 г. Москва // Аполлон Григорьев. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: «Наука», 1999. С. 31-33.
159. *Григорьев А.А.* Обозрение журналов за март 1847 г. // Московский городской листок, 1847. № 68 от 31 марта 1847.
160. *Григорьев А.А.* Обозрение журнальных явлений за январь и февраль 1847 г. // Московский городской листок, 1847. № 51 от 4 марта 1847 г. С. 203-204.
161. *Григорьев А.А.* Парадоксы органической критики (Письма к Ф.М. Достоевскому) // *Григорьев А.А.* Апология почвенничества / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 149-184.
162. *Гродецкая А.И.* О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные: Сборник научных статей / сост. С.В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 148-154.
163. *Громов В.А*. Судьба «Записок охотника» // Тургенев И.С. Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991. С. 532-580.
164. *Грузинская Н.Н.* Новая бытопись А.Ф. Писемского в романе «В водовороте» // Уч. зап. Томск, ун-та. 1969. № 77. С. 125-134.
165. *Грузинская Н.Н.* Об изучении мировоззрения и метода А.Ф. Писемкого в советском литературоведении // Уч. зап. Томск, ун-та. 1964. № 48. С. 106-115.
166. *Гуральник У.А.* Наследие Н.Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение. Итоги, задачи, перспективы изучения. М.: Наука, 1980. 263 с.
167. *Гуральник У.А.* Ф.М. Достоевский в литературно-эстетической борьбе 1860-х годов // Творчество Ф.М. Достоевского. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 293-330.
168. *Гурвич-Лищинер С.Д.* Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М.: Наследие, 1993. 175 с.
169. *Густафсон Р.* Обитель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003. 480 с.
170. *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия: вопросы истории и теории // *Гуторов В.А.* Политика 2.0: Между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 86.
171. *Гуторов В.А.* Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных Fascist Studies // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2019. Т. 20. № 4. С. 307-312.
172. *Гуторов В.А.* О некоторых актуальных аспектах интерпретации либеральной традиции: Россия и Запад // Русская политология, 2018. № 1 (6). С. 111-118.
173. *Гуторов В.А., Ширинянц А.А.* О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем, 2021. № 74. С. 398-406.
174. *Давидович В.Е.* Теория идеала. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983. 184 с.

175. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М., 1862. Ч. 2. 1211 с.
176. *Данилевский Н.Я.* Происхождение нашего нигилизма // Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. С. 288-336.
177. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
178. *Данилевский Н.Я.* Учение Фурье // Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сборник материалов.: [В 3-х т.] / Ред. П.Е. Щеголева. Т. 2. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 118-149.
179. *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828-1858). М.: «ЦГИ Принт», 2015. 384 с.
180. *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1859-1889). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 687 с.
181. *Демченко А.А.* От редактора // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. № 13. Издательство Саратовского педагогического университета, 1999. С. 3-7.
182. *Демченко А.А.* Памяти М.И. Перпер // Новое литературное обозрение, 2002. № 53. С. 258-261.
183. *Дивильковский А.А.* Толстой и Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 644-692.
184. *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов - автор и цензор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постоянная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. С. 158-184.
185. *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850-1880-х годов / Отв. ред. Б.Ф. Егоров; ИРЛИ РАН, Центр по изучению традиционалист. направлений в рус. лит. Нового времени. СПб.: Родник, 2018. 910 с.
186. *Дмитриев Ф.А.* Русская литература (Семейная хроника и Воспоминания С.Т. Аксакова) // Русский вестник, 1856. Т. 2. С. 461-481.
187. *Добролюбов Н.А.* Деревенская жизнь помещика в старые годы // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. Статьи и рецензии август 1857 - май 1858. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 290-327.
188. *Добролюбов Н.А.* Когда же придет настоящий день? // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Статьи и рецензии 1860. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 96-141.
189. *Добролюбов Н.А.* Литературные мелочи прошлого года // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. Статьи и рецензии январь - июнь 1859. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 48-113.
190. *Добролюбов Н.А.* Разные сочинения С. Аксакова // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. Статьи и рецензии январь-июнь 1859. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 167-178.
191. *Добролюбов Н.А.* Темное царство // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 70. 7-140.

192. *Добролюбов Н.А.* Черты для характеристики русского простонародья // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 223. 221-289.
193. *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. М-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 307-343.
194. Домострой / пер. с древнерусского В.В. Колесова. Москва: АСТ, 2015. 288 с.
195. Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. 368 с.
196. *Достоевский Ф.М.* «Дневник писателя» на 1880 год // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: Издательство «Наука», 1984. С. 129-175.
197. *Достоевский Ф.М.* 386. Н.Н. Страхову. 24 марта (5 апреля) 1870. Дрезден // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 111-115.
198. *Достоевский Ф.М.* 387. А.Н. Майкову. 25 марта (6 апреля) 1870. Дрезден // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 115-119.
199. *Достоевский Ф.М.* 444. Н.А. Любимову. Конец марта - начало апреля 1872. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 231-232.
200. *Достоевский Ф.М.* 469. А.А. Романову (наследнику). 10 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 260-261.
201. *Достоевский Ф.М.* 471. М.П. Погодину. 26 февраля 1873. Петербург // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1986. С. 261-264.
202. *Достоевский Ф.М.* 817. К.П. Победоносцеву. 24 августа (5 сентября) 1879. Эмс // Достоевский *Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXX, кн. 1. Л.: Издательство «Наука», 1988. С. 120-122.
203. *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. X. Л.: Издательство «Наука», 1974. С. 7-507.
204. *Достоевский Ф.М.* Г-н -бов и вопрос об искусстве // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Л.: Издательство «Наука», 1978. С. 70-104.
205. *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XX. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 5-23.
206. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXI. Л.: Издательство «Наука», 1980. С. 5-137.
207. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1880 г. // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. С. 416-471.
208. *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова. Два тома. СПб., 1859 // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей /

Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 106-125.
209. *Дружинин А.В.* Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения // *Дружинин А.В.* Литературная критика. М.: Сов. Россия, 1983. С. 122-176.
210. *Дрыжакова Е.Н.* Проблема «русского деятеля» в творчестве Герцена 40-х годов // Русская литература, 1962. № 4. С. 39-51.
211. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с.
212. *Дудышкин С.С.* «Тысяча душ». Роман в 4-х частях А.Ф. Писемского. СПб., 1858 // Отечественные записки, 1859. № 1. Отд. II. С. 1-21.
213. *Дудышкин С.С.* Русская литература // Отечественные записки, 1861. № 8 (Т. CXXXVII). Русская литература. С. 139-200.
214. *Дудышкин С.С.* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Отечественные записки, 1856. Т. CV. № 4. Отд. II. С. 69-90.
215. *Евгеньев-Максимов В.Д.* Д.И. Писарев и охранители // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1919. № 1-4, январь-апрель. С. 131-163.
216. *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. 624 с.
217. *Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г.Ф.* Последние годы «Современника» 1863-1866. Л.: Художественная литература, 1939. 344 с.
218. *Егоров Б.Ф.* А.М. Иванцов-Платонов - ученый, публицист, литературный критик // Поиск смысла: Сб. ст. Нижний Новгород: Нижегор. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1994. С. 160-170.
219. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: «Искусство», 1991. 336 с.
220. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство, 1982. 269 с.
221. *Егоров Б.Ф.* Григорьев. М.: Мол. Гвардия, 2000. 219 с.
222. *Егоров Б.Ф.* Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. V (XIX век). 848 с.
223. *Егоров Б.Ф.* Н.П. Гиляров-Платонов как эстетик и литературный критик // Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 36-47.
224. *Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. Т. V. (XIX век). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13-393.
225. *Егоров Б.Ф.* С.С. Дудышкин-критик // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1962. Вып. 119. С. 95-221.
226. *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 41-74.
227. *Елисеев Г.З.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.А. Антонович. Воспоминания. Г.З. Елисеев. Воспоминания. М.-Л.: Academia, 1933. С. 267-584.
228. *Еремина Л.М.* Структура общественного идеала // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Вып. 5. Челябинск, 1973 С. 76-87.

229. *Ермашов Д.В., Ширинянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5-22.
230. *Есаулов И.А.* Революционно-демократическая мифология и понимание русской литературы // *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
231. *Животова П.А.* Народническое движение в романе И.С. Тургенева «Новь» // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 216-219.
232. *Жигунова Г.В.* Общественный идеал России в философских воззрениях славянофилов: автореф. дисс… канд. филос. наук. Мурманск, 2005.
233. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
234. *Житова В.Н.* Из «Воспоминаний о семье И.С. Тургенева» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: «Худож. лит.», 1983. С. 30-75.
235. *Жуков В.Н.* Общественный идеал России в социальной философии славянофильства: автореф. дисс… докт. филос. наук. М., 2000.
236. *Заборова Р.Б.* К судьбе записки Тургенева об издании журнала «Хозяйственный указатель» // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1982. С. 212-216.
237. *Захарова О.В.* Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Вып. 10. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С.143-162.
238. *Захарьина Н.А.* Переписка с А. Герценом 1832-1838 гг. // *Герцен А.И.* Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1905. Т. 7. 650 с.
239. *Зельдович М.Г.* Чернышевский и проблемы критики. Харьков: Издательство Харьк. ун-та, 1968. 224 с.
240. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проспект, 2011. 880 с.
241. *Зильберштейн И.С.* Встреча Достоевского с Тургеневым в Бадене в 1867 г. // Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Переписка. [История одной вражды] / Под ред. И.С. Зильберштейна. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 143-189.
242. *Знакомый г. Стебницкого <Суворин А.С.>* Пропущенные главы романа «Некуда» // Санкт-Петербургские ведомости, 1864. № 200. 11 сентября.
243. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Том третий и последний. Письма 1851-1860 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, Б. Чернышевский пер., д. Пустошкина, против Английской церкви, 1892. 514 с.
244. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой / Сост., подгот. текста, примеч. Т.Ф. Прокопова. Т. II. М.: Рус. книга, 2004. С. 448.

245. *Иванов-Разумник Р.В.* История русской интеллигенции. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. 3-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28., 1918. 414 с.
246. *Иванов-Разумник Р.В.* Литература и общественность. СПб.: Книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова, 2011. 194 с.
247. *Иванов-Разумник Р.В.* М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть первая: 1826-1886. М.: Издательство «Федерация», 1930. 383 с.
248. *Иванцов-Платонов А.М.* Письмо к Достоевскому от 20 декабря 1880 г. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 226-227.
249. *Иезуитов А.Н.* Книга, дающая заряд на всю жизнь (В.И. Ленин и роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?») // Русская литература, 1986. № 1. С. 147-158.
250. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 318 с.
251. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 6-133.
252. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // *Ильин И.А.* Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. С. 40-69.
253. *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую сельскую общину // *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. Том второй. Публицистика. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. Столб. 162-194.
254. *Кантор В.К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
255. *Кантор В.К.* «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 422 с.
256. *Кантор В.К.* Русская классика, или Бытие России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 768 с.
257. *Кара-Мурза А.А.* И.С. Тургенев как политический мыслитель (к 200-летию со дня рождения) // Полилог. 2018. Т. 2. № 3 (электронный журнал).
258. *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал, 2012. № 2 (9). С. 27-44.
259. *Кара-Мурза А.А.* Между философской критикой и идеологической апологетикой (об уровнях бытования человеческих идей) // Вопросы философии, 2023. № 2. С. 10-14.
260. *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. М.: Советский писатель, 1989. 656 с.
261. *Катков М.Н.* «Русский народ» и Петербургская интеллигенция» (ответ Кавелину) // Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 305-310.
262. *Катков М.Н.* Виды на ententecordiale с «Современником» // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 418-455.
263. *Катков М.Н.* Возобновившаяся агитация против учебной реформы // Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 500-515.

264. *Катков М.Н.* К какой партии мы принадлежим // *Катков М.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 221-232.
265. *Катков М.Н.* Несколько слов о Современной летописи // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 308-313.
266. *Катков М.Н.* Нигилизм по брошюре проф. Цитовича «Коран нигилизма. Что делали в романе “Что делать?”» // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 689-694.
267. *Катков М.Н.* По поводу «полемических красот» в «Современнике» // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 396-418.
268. *Катков М.Н.* Пушкин // *Катков М.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. С. 246-304.
269. *Катков Н.М.* О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // *Катков М.Н.* Избранные труды / М.Н. Катков; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С.С. Секиринский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 259-280.
270. *Керн А.П.* Рассказ о событиях в Петербурге // Минувшие годы, 1908. № 10. С. 49-69.
271. *Кириллова Е.*А. Очерки радикализма в России XIX в. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1991. 202 с.
272. *Кирпотин В.Я.* Радикальный разночинец Д.И. Писарев. Л.: «Прибой», 1929. 252 с.
273. *Китаев В.А.* «Отечественные записки в идейной борьбе начала 60-х годов XIX в. // «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М.: Издательство «Наука», 1978. С. 158-180.
274. *Клеман М.К.* Программы «Записок охотника» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук, 1941. № 76. Вып. 11. С. 88-126.
275. *Клюшников В.П.* Марево. М.: ФИВ, 2012. 480 с.
276. *Ковалев В.А.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1980. 134 с.
277. *Ковалевский М.М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 134-148.
278. *Кожинов В.В.* Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 526 с.
279. *Козьмин Б.П.* Был ли Н.Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену? // Литературное наследство. Том 25/26: [Чернышевский. Добролюбов. Писарев]. М.: Жур.-газ. объединение, 1936. 576-585.

280. *Кондратьева Т.А.* Проблема социального идеала в русском классическом анархизме (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин): автореф. дисс… канд. филос. наук. Чита, 2006. 19 с.
281. *Кормилов С.Е.* Социальное положение персонажей в романе Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С. 126-143.
282. *Котельников В.А.* Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24-51.
283. *Кошелев В.А.* Сто лет семьи Аксаковых. СПб.: ООО «Полиграф», 2019. 512 с.
284. *Красносельская Ю.И.* Идея аренды в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. // Slavica Revalensia. 2016. Т. 3. С. 70-94.
285. *Красносельская Ю.И.* Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. - Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 15-28.
286. *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. СПб.: Ленинградское издательство, 2011. 1088 с.
287. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
288. *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. 374 с.
289. *Кузнецов Ф.*Ф. Нигилисты? Д. И. Писарев и журнал «Русское слово». М.: Художественная литература, 1983. 590 с.
290. *Кунильский Д.А.* Ап. Григорьев и «Русская беседа»: по поводу «хищных» и «смиренных» типов // Христианское чтение, 2016. № 3. С. 235-256.
291. *Кунильский Д.А.* Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 152 с.
292. *Кучерская М.А.* Лесков: Прозеванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
293. *Лавров П.Л.* Государственный элемент в будущем обществе. Лондон: Наборня журнала «Вперед!», 1876. 200 с.
294. *Лавров П.Л.* Исторические письма // Лавров П.Л. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 41-297.
295. *Лапшина Г.С.* История русской журналистики. Вторая половина XIX века. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 256 с.
296. *Ласькава А.Е.* Отзыв С.С. Дудышкина о «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» С.Т. Аксакова в контексте его литературно-критической деятельности в 1850-е годы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 102-106.
297. *Ласькова А.Е.* Автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века: Дисс… канд. филол. наук. М., 2015.
298. *Лебедев Ю.В.* Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990 (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; Вып. 706). 608 с.
299. *Левин Ш.М.* Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX в. М.: Соцэкгиз, 1958. 512 с.
300. *Левитов А.И.* Степная дорога ночью // *Левитов А.И.* Сочинения. М.: «Худож. лит.», 1977. С. 51-68.
301. *Левитов А.И.* Целовальничиха // *Левитов А.И.* Сочинения. М.: «Худож. лит.», 1977. С. 25-51.

302. *Лемке М.К.* Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов, СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 1904. 540 с.
303. *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // *Ленин В.И.* ПСС. Издание пятое. Т. 20. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 171-180.
304. *Ленин В.И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма // *Ленин В.И.* ПСС. Издание пятое. Т. 5. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 21-72.
305. *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин и Толстой. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928. С. 49-55.
306. *Ленин В.И.* Планы брошюры «О продовольственном налоге» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 379-387.
307. *Леонтьев К.Н.* Как надо понимать сближение с народом. М.: Типография Е.И. Погодиной, 1881. 29 с.
308. *Лесков Н.С.* На ножах // *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. С. 7-795.
309. *Лесков Н.С.* Некуда // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 7-692.
310. *Лесков Н.С.* Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 48-56.
311. *Лесков Н.С.* О шепотниках и печатниках // Литературное наследство. Том 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 51-60.
312. *Лобанов М.П.* Аксаков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2005. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 923). 354 [14] с.
313. *Лотман Л.М.* Социальный идеал, этика и эстетика Чернышевского // Идеи социализма в русской классической литературе. М.: Издательство «Наука», 1969. С. 184-229.
314. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 1998. 382 с.
315. *Луначарский А.В*. Н.Г. Чернышевский как писатель // *Луначарский А.В.* Статьи о Чернышевском. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1985. С. 54-86.
316. *М. Н. <Михайловский Н.К.>* Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 315-343.
317. *Магун А.В.* Век Просвещения и политическая мысль Ж.-Ж. Руссо // *Магун А.В.* Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 337-369.
318. *Майков В.Н.* Нечто о русской литературе в 1846 году // *Майков В.Н.* Литературная критика. Л.: «Художественная литература», 1985. С. 177-200.
319. *Майков В.Н.* Петербургские вершины, описанные Я. Бутаковым. Книга вторая. Санкт-Петербург. 1846. В типографии Н. Греча. В 8-ю д. л. 189 стр. // *Майков В.Н.* Литературная критика. Л.: «Художественная литература», 1985. С. 247-263.
320. *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 568 с.

321. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление / Сост., общ. ред. и предисловие В.А. Чаликовой. М., 1991. С. 113-169.
322. *Манн Ю.В.* Лишний человек // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 4. Лакшин – Мураново. М., «Советская Энциклопедия», 1967.
323. *Манн Ю.В.* Философия и поэтика «Натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М.: Издательство «Наука», 1969. С. 241-306.
324. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Лори Манчестер; пер. с англ. А.Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
325. *Мартынов В.А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырева: монография / В.А. Мартынов. М.: ФОРУМ: ИНРА-М, 2013. 280 с.
326. *Масарик Т.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. 1. М.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 448 с.
327. *Масарик Т.* Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Т. 2. М.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2004. 719 с.
328. *Маслин М.А*. А.И. Герцен и русская философия // Философия и общество, 2012. № 2. С. 159-178.
329. *Маслин М.А.* Анджей Валицкий. Иной взгляд на Россию. Письма из «Русского архива». (Публикации и комментарии М.А. Маслина) // Философский журнал, 2021. Том 14. № 2. С. 167-196.
330. *Маслин М.А.* Возвращение литературного изгнанника. Первая книга о философии Н.Н. Страхова. Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2010. Том 11. № 4. С. 254-258.
331. *Маслин М.А*. К вопросу об «охранительном консерватизме» М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму, 2018. № 3. С. 12-24.
332. *Маслин М.А.* Концепции разноликости и единства русской философии // Соловьевске исследования, 2018. № 1. С. 165-167.
333. *Маслин М.А.* Концепция русского консервативного романтизма Анджея Валицкого // Тетради по консерватизму, 2020. № 2. С. 450-455.
334. *Маслин М.А.* Личность и реформы Петра Великого в наследии Виссариона Белинского // Русская философия, 2021. № 1. С. 78-93.
335. *Маслин М.А.* Образ Петра Великого в русской секулярной и религиозной мысли // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ, 2022. № 2 (792). С. 19-29.
336. *Маслин М.А*. Предубеждения и штампы в истории русской философии // Материалы VII-X чтений, посвященных братьям Киреевским «Оптина пустынь и русская культура». Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского. С. 11-16.
337. *Межуев Б.Ф.* Вл. Соловьев, Н.П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 33-61.
338. *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л.И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 461-489.

339. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. С. 272 с.
340. *Михайлов Л.М.* Литературное известие // Санкт-Петербургские ведомости, 1847. № 68 от 29 марта 1847. С. 512.
341. *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // *Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. М.: «Искусство», 1995. С. 84-115.
342. *Морозов А.И.* Социалистический общественный идеал Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 175-181.
343. *Муратов А.Б.* И.С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. 144 с.
344. *Муратов А.Б.* Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова: Сборник статей / сост. Ф.Ф. Кузнецов, С.С. Лесневский. М.: Советский писатель, 1989. С. 316-340.
345. *Муратов А.В.* «Гейдельбергские арабески» в «Дыме» // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования. М.: «Наука», 1967. С. 71-105.
346. Народ – герой русской литературы. Сборник статей. Казань: «Татполиграф», 1966. 156 с.
347. *Недзвецкий В.А.* В мире человека и природы («Записки охотника») // *Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю.* И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 4-13.
348. *Некрасов Н.А.* Кому на Руси жить хорошо? // *Некрасов Н.А.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982.
349. *Некрасов Н.А.* Музей современной иностранной литературы. Вып. 1-ый и 2-ой. СПб. 1847 // Современник, 1847. № 4. Апрель. С. 127-128.
350. *Ненина И.М.* Социальный идеал и утопия в культурно-исторических ситуациях общественного развития: автореф. дисс… канд. филос. наук. Красноярск, 2004.
351. *Нерадов Г.Б.* Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. 48 с.
352. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861-1863. М.: Издательство «Наука», 1972. 321 с.
353. *Нечкина М.В.* К историографии Н.Г. Чернышевского // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 5-24.
354. *Нечкина М.В.* Н.Г. Чернышевский в годы революционно ситуации // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 54-92.
355. *Нечкина М.В.* Н.Г. Чернышевский и А.И. Герцен в годы революционной ситуации (1859-1861) (Первый ответ Б.П. Козьмину) // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х

– начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 243-263.
356. *Нечкина М.В.* О взаимоотношениях Петербургского и Лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859-1861) (Второй ответ Б.П. Козьмину) // *Нечкина М.В.* Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 1850-х – начала 1860-х годов XIX века. Сборник статей. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 266-276.
357. Никита Петрович Гиляров-Платонов. Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. 941 с.
358. *Никифоров Я.А.* Модернизация в социологическом дискурсе Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 224 с.
359. *Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв. М.: Голос, 2015. 536 с.
360. *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Т. II. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 543 с.
361. *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 710 с.
362. *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Том I. Смыслы и ценности российской жизни в философских и литературных произведениях XVIII – середины XIX столетий. М.: Прогресс Традиция, 2008. 415 с.
363. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Издательство «Пресса», 1991. 640 с.
364. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Из «Истории русской интеллигенции» // *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 4-306.
365. *Огарев Н.П.* Письмо А.И. Герцену, 8-9 июля 1847 г. // *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 412-413.
366. *Оксман Ю.Г.* Комментарии к роману «Дым» // *Тургенев И.С.* Сочинения: в 12 т. Т. 9. М.-Л.: Гослитиздат, 1930. С. 419-437.
367. *Островская Н.А.* Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 57-95.
368. *Островский А.Н.* Бедность не порок // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: «Искусство», 1973. С. 328-379.
369. *Островский А.Н.* Гроза // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М.: «Искусство», 1974. С. 209-267.
370. *Островский А.Н.* Не в свои сани не садись // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: «Искусство», 1973. С. 280-328.

371. *Островский А.Н.* Не так живи, как хочется // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: «Искусство», 1973. С. 379-416.
372. *Отрадин М.В.* «Обломов» в зеркале времени // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сборник статей / сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 3-20.
373. *П. Н. <Ткачев П.Н.>* Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. 1873. № 4. Апрель. С. 359-381.
374. *Павлов В.Л.* Философско-социологический анализ общественного идеала: Автореф. дис… канд. филос. наук. Киев, 1980.
375. *Пайпс Р*. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
376. *Панаев И.И.* «Гроза», драма Островского // Драма А.Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 37-42.
377. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Л.: Academia., 1928. 568 с.
378. *Панаева (Головачева) А.Я.* Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1983. С. 104-152.
379. *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Институт философии РАН, 2005. 188 с.
380. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 207 с.
381. *Перевалова Е.В.* Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания (1856-1862): литературная позиция. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010. 346 с.
382. *Перевезенцев С.В.* «По устроению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму, 2018. № 1. С. 243-254.
383. *Перевезенцев С.В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI-XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2008. № 4. С. 11-22.
384. *Перевезенцев С.В.* Россия. Великая судьба. М.: Белый город, 2007. 704 с.
385. *Перевезенцев С.В.* Традиционализм: русский взгляд // Родная Ладога. Культурно-просветительский и литературно-художественный журнал, 2017. № 3. С. 19-33.
386. *Перевезенцев С.В. Ширинянц А.А.* Формула имперского триединства // Тетради по консерватизму, 2017. № 3. С. 47-60.
387. *Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А.* Страницы русского «хранительства»: Литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2016. № 4 (http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/781).
388. *Переверзев В.Ф.* Достоевский и революция // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л.И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 525-532.

389. *Писарев Д.И.* Базаров // *Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений в шести томах. Том. 2. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, Садовая, № 9, 1894. Стл. 373-422.
390. *Писарев Д.И.* Мотивы русской драмы // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 366-399.
391. *Писарев Д.И.* Мыслящий пролетариат // *Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 348-399.
392. *Писарев Д.И.* Прогулка по садам российской словесности // *Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3-х т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1981. С. 261-327.
393. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // *Писарев Д.И.* Сочинения в четырех томах. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 336-417.
394. *Писарев Д.И.* Реалисты // *Писарев Д.И.* Литературная критика: в 3-х т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1981. С. 6-166.
395. *Писарев Д.И.* Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864-1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 185-218.
396. *Писемский А.Ф.* Взбаламученное море. М.: RUGRAM, 2011. 324 с.
397. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В.А. Францев. Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. 1296 с.
398. *Плеханов Г.В.* Н.Г. Чернышевский [1909] // *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. Т. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 181-417.
399. *Погорельцев В.Ф.* Проблема «лишних людей» в русской литературе XIX века. Т. 1. Москва: Издательство «Прометей», МПГУ, 1997. 188 с.
400. *Подорога В.А.* Nature Morte. Строй произведения и литература Н. Гоголя. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.
401. *Покровская Е.* Достоевский и петрашевцы // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пг., 1922. С. 255-272.
402. *Покровский М.Н.* Н.Г. Чернышевский как историк // *Покровский М.Н.* Избранные произведения: В 4 кн. Кн. 4. М.: Издательство «Мысль», 1867. С. 395-426.
403. *Покровский М.Н.* Очерки революционного движения XIX-XX вв. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1924. 232 с.
404. *Покровский С.А.* Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 382 с.
405. *Половцов А.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // Царь-Колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 год. М.: И.Д. Сытин, 1886. С. 70-80.
406. *Полянский Валерьян <Лебедев П.И.>* Три великих русских демократа. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1938. 280 с.
407. *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Вступ. статья и примеч. Н.И. Якушкина. М.: Современник, 1987. С. 21-111.
408. *Помяловский Н.Г.* Молотов // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Вступ. статья и примеч. Н.И. Якушкина. М.: Современник, 1987. С. 111-259.

409. *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Вступ. статья и примеч. Н.И. Якушкина. М.: Современник, 1987. С. 259-434.
410. Постатейная роспись журнала «Русская беседа» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2011. С. 455-532.
411. *Прокудин Б.А.* «Бесы»: консерватизм Достоевского и мышление «на краях» // Тетради по консерватизму, 2021. № 1. С. 294-308.
412. *Прокудин Б.А*. «Бесы» Ф.М. Достоевского и предчувствие цивилизационного кризиса // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 365-370.
413. *Прокудин Б.А.* И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука, 2017. № Специальный выпуск. С. 213-233.
414. *Прокудин Б.А.* «Манифест славянофильской критики»: полемика Н.П. Гилярова-Платонова и А.А. Григорьева вокруг «Семейной хроники» С.Т. Аксакова // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2021. № 4. https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/152
415. *Прокудин Б.А.* Л.Н. Толстой: принцип «остранения» в политике // Ценности и смыслы, 2013. № 1(23). С. 139-147.
416. *Прокудин Б.А*. Лев Толстой и социально-политические идеи Ж.-Ж. Руссо // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития. Белорусская политология, многообразие в единстве: материалы VIII Междунар. науч.-пркт. конф. (Гродно, 17-18 мая 2018 г.). В 2 т. Т. 2. Гродно: Издательство ГрГу, 2018. С. 94-98.
417. *Прокудин Б.А.* Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский о романе И.А. Гончарова «Обломов»: историко-политологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2019. № 2. https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/184/0
418. *Прокудин Б.А.* «Негативная» социализация как политическая проблема в романе А.И. Герцена «Кто виноват?» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. № 41. С. 178-193.
419. *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы накануне великих реформ: политика сквозь призму русской литературы / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. 208 с.
420. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в «Записках охотника» И.С. Тургенева: историко-политологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2018. Т. 14. № 2. С. 40-59.
421. *Прокудин Б.А*. Общественный идеал в произведениях русских писателей XIX века // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, 6-7 декабря 2019 г. М.: МПГУ, 2019. С. 325-326.

422. *Прокудин Б.А*. Общественный идеал в романе И.А. Гончарова «Обломов» // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 210-214.
423. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Диалог со временем, 2020. № 71. С. 192-203.
424. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2022. № 2. С. 107-128.
425. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2022. № 3. С. 74-95.
426. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2022. № 2. С. 54-62.
427. *Прокудин Б.А.* Повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» как художественное осмысление формирования разночинного сословного сознания: политико-текстологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2020. № 4. С. 91-111.
428. *Прокудин Б.А.* Политическая мысль в художественной литературе (постановка проблемы) // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений». Т.1. М.: РОССПЭН, 2011. С. 29-34.
429. *Прокудин Б.А.* Политический характер русской литературы // SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. С. 40-46.
430. *Прокудин Б.А.* Политологический анализ художественных произведений / Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 124-125.
431. *Прокудин Б.А*. Роль литературных персонажей в споре поколений на страницах русской социально-политической публицистики XIX в. // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца.М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 288-296.
432. *Прокудин Б.А*. Роман А.И. Герцена «Кто виноват?»: политико-текстологический анализ // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 74-78.
433. *Прокудин Б.А.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и формирование разночинного сословного сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2022. № 67. С. 173-190.

434. *Прокудин Б.А.* Социально-политический аспект принципа «остранения» Л.Н. Толстого / Современные проблемы исследования социально-политической мысли: материалы круглого стола аспирантов и молодых ученых // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 4. С. 40–41.
435. *Прокудин Б.А*. Социально-политический идеал И.С. Тургенева 1840-50-х гг. (на материале сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму») // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». М.: Голос, 2018. С. 113-132.
436. *Прокудин Б.А*. Специфика выражения общественного идеала в русской художественной литературе XIX в.: понятие полифонии // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета. 2018. С. 145-149.
437. *Прокудин Б.А.* Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. № 44. С. 224-238.
438. *Прокудин Б.А., Прокудин А.Б.* «Троичное» сознание в русском мировидении // Тетради по консерватизму, 2021. № 1. С. 98-123.
439. *Прокудин Б.А., Прокудина Д.А.* «Семейная хроника» С.Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2019. № 52. С. 213-230.
440. *Прокудин Б.А., Прокудина Е.К.* Драма русского западничества: общественный идеал в романе И.С. Тургенева «Дым» // Электронный научно-образовательный журнал История, 2022. Т. 3. № 5.
441. *Прокудин Б.А. Прокудина Е.К.* Спор Н.Я. Данилевского и Н.П. Гиляров-Платонова о происхождении русского нигилизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2022. № 2 (71). С. 81-85.
442. *Прокудина Е.К.* «Монархический принцип» в социально-политической концепции К.Д. Кавелина // SCHOLA-2007: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мощелкова и А.А. Ширинянца. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. С. 54-58.
443. *Прокудина Е.К.* К.Д. Кавелин в полемике о русской сельской общине // SCHOLA-2017. Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство: Московского университета, 2017. С. 73-77.
444. *Прокудина Е.К.* К.Д. Кавелин о русской сельской общине в пореформенный период // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 215-220.
445. *Прокудина Е.К.* Образ России в истории социально-политической мысли: постановка проблемы // SCHOLA-2011: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В.

Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012. С. 147-151.
446. *Прокудина Е.К.* Позднее народничество Глеба Ивановича Успенского // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 76-82.
447. *Прокудина Е.К., Ширинянц А.А.* Н.К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции // Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. / редкол.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.]; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 156-168.
448. Процесс Н.Г. Чернышевского: архивные документы / Ред. и примеч. Н.А. Алексеева. Саратов: Саратов. обл. гос. изд-во, 1939. 359 с.
449. *Пруцков Н.И.* Мыслитель и художник. Роман А.И. Герцена «Кто виноват?». М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1962. 72 с.
450. *Пустовойт П.Г.* Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х годов XIX века. М.: Издательство МГУ, 1960. 326 с.
451. *Путинцев В.А.* Комментарии к роману «Кто виноват?» // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 320-328.
452. *Пучнина О.Е.* Предмет политической текстологии в современном научном дискурсе // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 296-299.
453. *Пыпин А.Н.* По поводу «Толкового словаря» Даля // Вестник Европы. 1873. № 12. С. 883-903.
454. *Пыпин А.Н.* Сочинения Помяловского // Современник, 1864. № XI-XII. С. 67-82.
455. *Р.В.* Русский врач // Современник. 1861. № 10. С. 575-599.
456. *Рейсер С.А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: «Наука», 1975. С. 782-833.
457. *Розанов М.Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение концы XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Том I. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1910. 559 с.
458. *Рудая И.М., Благоволина Ю.П.* Предисловие к публикации писем Н.А. Герцен (Захарьиной) к Т.А. Астраковой // Лит. наследство. М.: Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 577-590.
459. *Русанов Н.С.* П.Л. Лавров. (Очерк его жизни и деятельности) // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения, 1907. № 2 (14). С. 243-287.
460. Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 835 с.

461. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 2000. С. 51-150.
462. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 19-592.
463. *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. М.: Издательство «Художественная литература», 1968. 775 с.
464. *Рыбина Л.Б.* Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка: автореф. дисс… канд. филос. наук. Курск, 2016.
465. *Савкина И.Л.* «Пишу себя…» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001. 360 с.
466. *Садовник В.* Очерки по истории русской литературы. М.: Печатня С.И. Яковлева, 1914. 430 с.
467. *Салим А*. Тургенев – художник, мыслитель. М.: Современник, 1983. 224 с.
468. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Итоги // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М.: Издательство «Художественная литература», 1969. С. 421-489.
469. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Губернские очерки // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. М.: Издательство «Художественная литература», 1965. С. 7-471.
470. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 69-84.
471. *Салтыков-Щедрин М.Е.* История одного города // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 8. М.: Издательство «Художественная литература», 1969. С. 265-437.
472. *Самарин Ю.Ф.* С.Т. Аксаков и его литературные произведения // *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. Изд. Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. Леонтьевский переулок, 1877. № 5. С. 261-265.
473. *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
474. *Сараскина Л.И.* Достоевский / Людмила Сараскина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. 825 [7] с.
475. *Сафронов Ф.В.* Механика общественных идеалов: Социально-критический этюд. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 120 с.
476. *Сдвижков Д.* Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 392 с.
477. *Сердюченко В.Л.* Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопросы литературы, 2001. № 3. С. 66-84.
478. *Скокова Л.И.* И.С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника». М.: Гелиос АРВ, 2005. 208 с.
479. *Скориков Н.Ф.* Н.Г. Чернышевский в Астрахани // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 210-228.

480. *Скоробогатько А.В.* Проблема общественного идеала в русской социальной философии: автореф. дисс… докт. филос. наук. СПб., 2004.
481. *Слепцов В.А.* Питомка // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 349-365.
482. *Слепцов В.А.* Трудное время // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 211-349.
483. *Смирнов В.Н.* Политический терроризм Российской империи. Харьков: Литера Нова, 2012. 300 с.
484. *Смолицкий В.Г.* Из равелина. О судьбе романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Изд. 2-е, доп. М.: «Книга», 1977. 96 с.
485. *Соловьев Н.И.* Дым отечества // Всемирный труд, 1867. № 5. С. 176-196.
486. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. 512 с.
487. *Сорокина Ю.С.* Примечания / Роман кисейной девушки // *Писарев Д.И.* Сочинения: в 4 т. Том 3. Статьи 1864-1865. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 528-532.
488. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, большевизм, 1860-1930. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 606 с.
489. *Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
490. *Стеклов Ю.М.* Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). М.: Издательство «Политкаторжан», 1928. 52 с.
491. *Степанов А.Н.* «Отечественные записки» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. Т. II. С. 193-203.
492. *Степун Ф.А.* «Бесы» и большевистская революция // Ф.М. Достоевский. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л.И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996. С. 683-695.
493. *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 62-119.
494. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145-503.
495. *Страхов Н.Н.* Письма о нигилизме // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 364-397.
496. *Страхов Н.Н.* Счастливые люди (Статья первая. Один из наших типов) // Н.Г. Чернышевский: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 555-576.
497. *Сугатова Е.П.* Проблема общественного идеала в философии В.С. Соловьева: автореф. дисс… канд. филос. наук. Барнаул, 2001.
498. *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1980. 527 с.
499. *Тамарченко Г.Е.* «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова // Вопросы литературы, 1972. № 9. С. 93-110.

500. *Тамарченко Г.Е.* Романы Н.Г. Чернышевского. Саратов: Саратовское книжное изд-во, 1954. 284 с.
501. *Тамарченко Г.Е.* Чернышевский-романист. Л.: Издательство «Художественная литература», 1976. 464 с.
502. *Татаринцев В.Г.* Общественный идеал и социальная действительность: Автореф. дис… канд. филос. наук. Л., 1978.
503. *Тесля А.А.* Сердечный дилетантизм // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 150-161.
504. *Тесля А.А.* Советский Герцен // *Тесля А.А.* Первый русский национализм… и другие. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 142-150.
505. *Ткачев П.Н.* «Набат» (Программа журнала) // Ткачев П.Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 453-467.
506. *Ткачев П.Н.* Народ и революция // Ткачев П.Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.С. 527-535.
507. *Толстой Л.Н.* <Записка о дворянском вопросе> // *Л.Н. Толстой*. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 407-411.
508. *Толстой Л.Н.* <Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян> // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 5. Произведения 1856-1859 гг. М.: Художественная литература, 1935. С. 240-258.
509. *Толстой Л.Н.* 132. Бернару Бувье. 1905 г. Марта 7/20. Ясная Поляна // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 582.
510. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 19. Анна Каренина. Части 5-8. М.: Художественная литература, 1935.
511. *Толстой Л.Н.* Воскресение // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936.
512. *Толстой Л.Н.* Отрочество // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 2. Отрочество. Юность. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 3-79.
513. *Толстой Л.Н.* Так что же нам делать? // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 25. Произведения 1880-х годов. М.: Художественная литература, 1937. С. 182-412.
514. *Толстой Л.Н.* Юность // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 2. Отрочество. Юность. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. С. 79-241.
515. *Туманов С.В.* Генезис и функционирование общественного идеала в массовом сознании и массовом поведении. Дисс… докт. филос. наук. М., 2000. 349 с.
516. *Туманов С.В.* Общественный идеал: диалектика развития. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 200 с.
517. *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1986. Т. 12. С. 531-547.
518. *Тургенев И.С.* <Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель»>. Рим 9/21 января 1858 г. // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 12. Сочинения. М.: Наука, 1986. С. 351-359.

519. *Тургенев И.С.* <Набросок автобиографии> // *Тургенев И.С.* ПСС и П в 30 тт. Соч. Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1978б. С. 401.
520. *Тургенев И.С.* 1261. И.П. Борисову. 11 (23) декабря 1861. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. Письма. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 390-391.
521. *Тургенев И.С.* 1319. К.К. Случевскому. 14 (26) апреля 1862. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 57-60.
522. *Тургенев И.С.* 1360. П.В. Анненкову. 12 (24) июля 1862. Спасское // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 90-91.
523. *Тургенев И.С.* 1386. В.Ф. Лигутину. 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 110-112.
524. *Тургенев И.С.* 1387. А.И. Герцену. 26 сентября (8 октября) 1862. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 112-114.
525. *Тургенев И.С.* 1401. А.И. Герцену. 26 октября (8 ноября) 1862. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 125-127.
526. *Тургенев И.С.* 1493. Морицу Гартману. 28 июля (9 августа) 1863. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 353-354.
527. *Тургенев И.С.* 1499. Валентине Делессер. 20 сентября 1863. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 5. Письма. М.: Издательство «Наука», 1988. С. 356.
528. *Тургенев И.С.* 2008. А.И. Герцену 10 (22) мая 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 201-202.
529. *Тургенев И.С.* 2015. А.И. Герцену. 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 207-208.
530. *Тургенев И.С.* 2016. Д.И. Писареву. 23 мая (4 июня) 1867. Баден-Баден // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Письма. М.: Издательство «Наука», 1990. С. 208-210.
531. *Тургенев И.С.* 4149. М.Е. Салтыкову. 3 (15) января 1876. Париж // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 15. Книга первая. Письма. М.: Издательство «Наука», 2012. С. 10-12.
532. *Тургенев И.С.* 417. А.В. Дружинину и Д.В. Григоровичу. 10(22) июля 1855. Спасское // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3. Письма. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 41-43.
533. *Тургенев И.С.* Гамлет Щигровского уезда // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991в. С. 182-200.
534. *Тургенев И.С.* Дым // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 247-408.

535. *Тургенев И.С.* Касьян с Красивой Мечи // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991б. С. 76-89.
536. *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 7-167.
537. *Тургенев И.С.* Муму // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 4. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 246-273.
538. *Тургенев И.С.* Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1978в. Т. 1. С. 419-430.
539. *Тургенев И.С.* Новь // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 9. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 133-390.
540. *Тургенев И.С.* Отцы и дети // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Т. 7. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 5-191.
541. *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 11. Сочинения. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 86-98.
542. *Тургенев И.С.* ФАУСТ, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Воронченко. 1844. Санкт-Петербург // *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1. Сочинения. М.: Наука, 1978а. С. 197-236.
543. *Тургенев И.С.* Хорь и Калиныч // *Тургенев И.С.* Записки охотника. М.: «Наука» (Серия «Литературные памятники»), 1991а. С. 5-14.
544. *Тюкачев Н.А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860-1880-х годов: становление и эволюция: автореф. дисс… докт. ист. наук. М., 2013.
545. *Успенский Г.И.* Власть земли // *Успенский Г.И.* Власть земли. М.: Советская Россия, 1988. С. 213-219.
546. *Успенский Г.И.* Нравы Растеряевой улицы // *Успенский Г.И.* Власть земли. М.: Советская Россия, 1988. С. 23-186.
547. *Успенский Н.В.* Егорка-пастух // Русские повести XIX века (60-х годов): в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 163-211.
548. *Фаресов А.И.* Против течений: Н.С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 409 с.
549. *Фахрутдинова А.З.* Теория малых дел в творчестве И.С. Тургенева // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 286-299.
550. *Федотов Г.П.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М.: Российские Пропилеи, 1999. С. 378-396.
551. *Флоренский П.А., свящ*. Около Хомякова // Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Издательство «Мысль», 1996. С. 278-337.
552. *Фойер К.* Генезис романа «Война и мир». СПб., 2002. 336 с.

553. *Франк С.Л.* Достоевский и кризис гуманизма // *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 360-367.
554. *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век. М.: Российские Пропилеи, 1999. С. 445-466.
555. *Францев В.А.* (изд.). Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. 1296 с.
556. *Фурье Ш.* Новый промышленный и общественный мир… // *Фурье Ш.* Избранные сочинения / Под общ. ред. А. Дровцова. Т. 2. М., 1939. 468 с.
557. *Хализев В.Е.* Спор об отечественной классике в начале XX века // Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
558. *Хомяков А.С.* Сергей Тимофеевич Аксаков // *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: В VIII т. Т. III. М.: Университетская типография, на Страстном бульваре, 1900. С. 369-376.
559. *Хоружий С.С.* О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. 477 с.
560. *Царьков П.Е.* Концепция общественного идеала в работах П.И. Новгородцева и его последователей: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс… канд. соц. наук. Москва, 2015.
561. *Царьков П.Е.* Русский либерализм сквозь призму неокантианства. Идеалы и воплощение. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 88 с.
562. *Цион И.Ф.* Нигилисты и нигилизм // Русский вестник, 1886. № 6. С. 750-826.
563. *Цитович П.П.* Что делали в романе «Что делать?». Одесса: Тип. Ульриха, 1879. 50 с.
564. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 485-501.
565. *Черкашин Д.С.* Диалектика коммунистического общественного идеала и действительность. Некоторые вопросы методологии и теории: Автореф. дис… докт. филос. наук. Киев, 1977.
566. *Чернышевский Н.Г.* <Варианты к «Повести в повести»> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 12. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 677-686.
567. *Чернышевский Н.Г.* <Отечественные записки 1854-1855> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 16 [дополнительный]. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 6-227.
568. *Чернышевский Н.Г.* <Политика. Из «Современника». № 1 - январь 1859 года> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 5-52.
569. *Чернышевский Н.Г.* <Приложения>. 1. К повести «История одной девушки» // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 864-885.
570. *Чернышевский Н.Г.* <Статьи, приложенные к переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера> // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 803-977.

571. *Чернышевский Н.Г.* «Губернские очерки» Щедрина // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. С. 263-302.
572. *Чернышевский Н.Г.* 426. О.С. Чернышевской. 5 октября 1862 г. // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 455-457.
573. *Чернышевский Н.Г.* Барским крестьянам от их доброжелателей поклон // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 517-524.
574. *Чернышевский Н.Г.* Безденежье // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1862-1889 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 181-192.
575. *Чернышевский Н.Г.* Воспоминания о Некрасове // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 714-722.
576. *Чернышевский Н.Г.* Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 723-741.
577. *Чернышевский Н.Г.* Дневник второй половины 1848 г. и первой половины 1849 // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 38-214.
578. *Чернышевский Н.Г.* Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 410-453.
579. *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 630-729.
580. *Чернышевский Н.Г.* Из автобиографии // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 566-691.
581. *Чернышевский Н.Г.* Не начало ли перемены? // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7. С. 855-889.
582. *Чернышевский Н.Г.* О причинах падения Рима // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 643-668.
583. *Чернышевский Н.Г.* Письма без адреса // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 90-116.
584. *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 156-174.
585. *Чернышевский Н.Г.* Стихотворения Н. Огарева // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. Т. 3. С. 561-568.

586. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях (Первоначальная редакция) // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1939. С. 337-639.
587. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Издательство «Наука», 1975. 872 с. (Серия «Литературные памятники»).
588. *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности. (Авторецензия) // *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949. С. 93-118.
589. *Чернышов И.С.* Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте авторской стратегии издания романа // Новый филологический вестник, 2018. № 3 (46). С. 124-137.
590. *Чернышов И.С.* Стратегии издания романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в современной России // Филологический класс, 2017. № 3 (49). С. 101-108.
591. *Чиркова Н.А.* Общественный идеал в русской философской публицистике пореформенного периода (60-80 роды XIX века): Дисс… канд. филос. наук. СПб., 2002. 164 с.
592. *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. С. 187-207.
593. *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.
594. *Шаваринская С.Р.* Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 154-157.
595. *Шаталов С.Е.* Роман Тургенева «Отцы и дети» в литературно-общественном движении // Литературные произведения в движении эпох. М.: Издательство «Наука», 1979. С. 75-132.
596. *Шаховской Н.В.* Никита Петрович Гиляров Платонов // *Гиляров-Платонов Н.П.* Сборник сочинений. В 2 т. Т. 1. Издание К.П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1899. С. I-LX.
597. *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа, 1858. Ч. I-II. Кн. 10. Критика. С. 63-92.
598. *Шевырев С.П.* Очерки современной русской словесности // Москвитянин, 1848. Ч. 1. № 1. Критика. С. 30-54.
599. *Шеля А.И.* О чем поет «дама в трауре»: к проблеме финала «Что делать?» // «Текстология и историко-литературный процесс». IV Международная конференция молодых исследователей [19-20 марта 2015 г.]: сборник статей. М.: Издательство «Буки Веди», 2016. С. 81-94.
600. *Шестаков В.П.* Русская литературная утопия: образ будущего // *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры: Учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. С. 33-66.
601. *Шилов А.А.* Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. Т. 4(17). М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 91-94.
602. *Ширинянц А.* Нигилизм. Nihilizm. Nihilism. // Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji: Leksykon rosyjsrj-polsko-angielski / Pod redakcją Janusza Dobieszewskiego. Tom 9. Łódź: Ibidem, 2015. S. 224-235.

603. *Ширинянц А.А.* Из истории самоопределения гражданского общества в россии: разночинная интеллигенция 1860-1870 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 97-104.
604. *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2012. № 1. С. 43-44.
605. *Ширинянц А.А*. «Примирение начала свободы с началом власти и закона»: «хранительный либерализм» К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина // Moldoscopie. Publicaţie periodică ştiinţifico-practică Tipul B. Anul 24 (2020), nr. 4 (91). S. 96-103.
606. *Ширинянц А.А.* «Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев // Русская политология - Russian political science, 2018. №1 (6). С. 22-33.
607. *Ширинянц А.А.* «Теоретик официальной народности»: М.П. Погодин и триединая формула С.С. Уварова // Тетради по консерватизму, 2018. № 1. С. 219-232.
608. *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX - начала XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 360 с.
609. *Ширинянц А.А.* Герцен в контексте российского революционизма // Александр Герцен и исторические судьбы России. Материалы научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (Институт философии РАН, 20-21 июня 2012 г.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 219-223.
610. *Ширинянц А.А.* М.Н. Катков в эпоху крестьянской реформы 1861 года // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М.: Некоммерческий фонд - Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. С. 319-325.
611. *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 568 с.
612. *Ширинянц А.А.* О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции. Москва, 28-29 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 536-546.
613. *Ширинянц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русскій Міръ, 2008. 416 с.
614. *Ширинянц А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2012. № 1. С. 38-49.
615. *Ширинянц А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // ПОЛИТЭКС, 2011. Том 7. № 1. С. 5-16.
616. *Ширинянц А.А.* Славянофилы в эпоху отмены крепостного права (биобиблиографический очерк) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 19-20.
617. *Ширинянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69-87.

618. *Ширинянц А.А., Ермашов Д.В.* «Хринительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму, 2016. № 4. С. 11-28.
619. *Ширинянц А.А., Кононенко О.С.* Дворянские «эксперты» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: А.П. Заблоцкий-Десятовский, М.П. Позен, А.М. Унковский и А.А. Головачев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2018. Том 14, № 2. С. 273-287.
620. *Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5-115.
621. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет. М.: «Советский писатель», 1990. С. 58-72.
622. *Щербаков В.И.* Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 416 с.
623. *Эджертон В*. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов: О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 614-637.
624. *Эльсберг Я.Е.* Герцен: Жизнь и творчество. М.: Издательство художественной литературы, 1963. 732 с.
625. *Энгельгардт Н.А.* Очерк по истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб.: Библиополис, 2016. С. 448 с.
626. *Эпштейн М.Н.* Словарь В. Даля как объективный и проективный / М. Н. Эпштейн // Первое сентября. Русский язык. 2014. № 12. С. 16-18.
627. *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
628. *Ямпольский И.Г.* Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. М.-Л.: Издательство «Советский писатель», 1967. 268 с.
629. *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. 1885. № 4. С. 796-819.
630. *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 1977. 210 с.
631. *Brunson M.* Russian Realisms: Literature and Painting, 1840-1890/ DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016. 264 p.
632. *Carr E.* The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. Middlesex, 1949. 448 p.
633. *Cronin G.* Disenchanted Wanderer: The Apocalyptic Vision of Konstantin Leontiev. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2021. 276 p.
634. *Drozd A.* Chernyshevskii's What Is to Be Done: A Reevaluation. Evanston, III.: Northwestern University Press, 2001. 332 p.
635. *Ely C.* This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2009. 290 p.
636. *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. 512 p.
637. *Frede V.* Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. 300 p.
638. *Fusso S.* Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2017. 309 p.

639. *Gerstein L.* Nikolai Strakhov. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 247 p.
640. *Grigoryan B.* Noble Subjects: The Russian Novel and the Gentry, 1762-1861. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2018. 192 p.
641. *Kelly A.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. 608 p.
642. *Kelly A.* Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance. New Haven: Yale University Press, 1998. 416 p.
643. *Kleespies I.* A Nation Astray: Nomadism and National Identity in Russian Literature. IL: Northern Illinois University Press, 2012. 265 p.
644. *Lorenz S.* Realist Convictions and Revolutionary Impatience in the Criticism of N.A. Dobrolyubov // The Slavic and East European Journal, 2013. Vol. 57. № 1. P. 67-88.
645. *Manue F., Manuel, F.* Utopian Thought in the Western World. Cambridge, Massachusetts, 1979. 696 p.
646. *Marullo T.* Fyodor Dostoevsky – The Gathering Storm (1846-1847): A Life in Letters, Memoirs, and Criticism. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2020. 270 p.
647. *McLean H.* Nikolai Leskov: The Man and His Art. L.: Harvard University Press, 1997. 796 p.
648. *Offord D., Rjéoutski V., Argent G.* The French Language in Russia: A Social, Cultural, Political, and Literary History. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
649. *Prokudin, B.A., & Myrikova, A.V.* (2023). Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and political analysis. RUDN *Journal of Political Science*, 25(1), 38-48.
650. *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia – the 18th Century Nobility. New York: Harcourt, Brace & World, 1966. 260 p.
651. *Raeff M.* Russian Intellectual History. New York: Humanities Press, 1978. 414 p.
652. *Randall F.* N.G. Chernyshevskii. New York: Twayne, 1967. 178 p.
653. *Woehrlin W.* Chernyshevskii: The Man and the Journalist. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 396 p.